

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 505. Август

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 505. August

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гнюсова И.Ф. Л.Н. Толстой и английская литература: предыстория творческого диалога	5
Анисимова Е.Е. Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений»	18
Белюсова Е.Г. Двойничество в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин»	27
Жданов С.С. Образы малороссийского пространства в «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина	34
Зюзкова Н.А. Региональные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как среда функционирования диалектной лексики лексико-тематической группы «Человек»	48
Перевалова Е.В. Еженедельник «Современная летопись» в идеологическом «департаменте» Каткова	56
Смолянинов А.В. Метатекстуальное своеобразие «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева: идеологизированность и жанрово-стилевой синкретизм	69
Шпилевая Г.А., Бахметьева И.А., Безрукова В.В. О «глубинной композиционной структуре» очерка В.А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления» (1845)	80

ФИЛОСОФИЯ

Иванов А.Г. Атрибутивные характеристики мифологизации советского прошлого (на примере кластера «спорт»)	91
Сыров В.Н. «Культура отмены» и этика: об этической ответственности историка	99
Цельковский А.А. «Союз нерушимый»: формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность	106

ИСТОРИЯ

Гилевич Н.Д., Кулинский А.А. Историческая наука Урала и Великая Отечественная война: деятельность эвакуированных академических и образовательных учреждений центральной части СССР в 1941–1943 гг.	114
Гордеев П.Н. «Прохвост Луначарский!»: анонимные письма граждан первому наркому просвещения РСФСР	125
Дутчак Е.Е., Волошина С.В. Вещи в устных рассказах и социальных практиках сельской Сибири	131
Калинина Д.А., Криушина В.А. Развитие государственной политики в отношении нерусских неправославных народов в имперский период и её реализация в Вятской епархии	142
Ломов П.К., Головченко Н.Н. Зооморфная глиняная пластика лесостепной зоны Западной Сибири начала I тыс. н.э. в свете среднеазиатских параллелей	153
Макеева С.Б. История основания и функционирования зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цзилинь (с 1991 г. по настоящее время)	161
Некрылов С.А., Степнов А.О., Геворкян А.А. Физико-математическое сообщество и развитие классических университетов в советское время: региональный опыт	172
Шерстова Л.И. Начальный этап формирования томских татар: этнические субстраты XVII в.	185

ПЕДАГОГИКА

Abakumova N.N., Tsiguleva O.V., Lei G. Educational practices in higher education: Traditional versus open	191
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Gnyusova I.F. Leo Tolstoy and English literature: The background of creative dialogue	5
Anisimova E.E. The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's literary optics. The short story "Yermak" as a part of the <i>Second Russian Book for Reading</i> : Redactions, poetics of "linkages"	18
Belousova E.G. The doppelganger aspect in the novel <i>Chagin</i> by Eugene Vodolazkin	27
Zhdanov S.S. Images of the Little Russian space in <i>Letters from Little Russia</i> by Aleksey Levshin	34
Zyuzkova N.A. Regional communities of the social network VKontakte as a medium of the functioning of dialect words of the lexico-thematic group "Person"	48
Perevalova E.V. The weekly <i>Sovremennaya Letopis'</i> in the ideological "Katkov's department"	56
Smolianinov A.V. Metatextual originality of Nikolai Yadrintsev's <i>Literary Collection</i> : Ideologization and genre-style syncretism	69
Shpilevaya G.A., Bakhmetieva I.A., Bezrukova V.V. The "deep compositional structure" of Vladimir Sollogub's essay "The Tarantas. Travel Impressions" (1845)	80

PHILOSOPHY

Ivanov A.G. Attributive characteristics of the mythologization of the Soviet past (using the example of the cluster "Sport")	91
Syrov V.N. "Cancel culture" and ethics: On the ethical responsibility of a historian	99
Tselykovsky A.A. "Indestructible Union": Forms of return of Soviet socio-political practices to Russian reality	106

HISTORY

Gilevich N.D., Kulinsky A.A. Historical science of the Ural and the Great Patriotic War: Activities of evacuated academic and educational institutions of the central part of the USSR in 1941–1943	114
Gordeev P.N. "The scoundrel Lunacharsky!": Anonymous letters from citizens to the first People's Commissar of Education of the RSFSR	125
Dutchak E.E., Voloshina S.V. Things in oral narratives and social practices of rural Siberia	131
Kalinina D.A., Kriushina V.A. Development of state policy towards non-Russian non-Orthodox peoples during the imperial period and its implementation in Vyatka eparchy	142
Lomov P.K., Golovchenko N.N. Zoomorphic clay plastic of the forest-steppe zone of Western Siberia of the early first millennium AD and Central Asian parallels	153
Makeeva S.B. History of the establishment and operation of economic development zones in the Chinese northeastern province Jilin (1991 to present)	161
Nekrylov S.A., Stepnov A.O., Gevokyan A.A. Community of physicists and mathematicians in the context of the development of classical universities during the Soviet period: A regional case study	172
Sherstova L.I. The initial stage of Tomsk Tatars formation: Ethnic substrates of the 17th century	185

PEDAGOGICS

Abakumova N.N., Tsiguleva O.V., Lei G. Educational practices in higher education: Traditional versus open	191
--	-----

Камалеева А.Р., Гильманшина С.И., Фахрутдинова А.В., Гильманшин И.Р. Активизация познавательной активности обучающихся с использованием Интернет-ресурсов в контексте когнитивной дидактики	196
Kirillovykh A.A., Kuklina S.S., Grecu Yu.V. Text as the material basis of polymodal exercises in a non-linguistic university	203
Powell A.A. Effective task input strategies as an alternative to form-based task instruction	209
Стародубцева И.В., Макаридин Д.Н., Завьялова Т.П. Повышение квалификации педагогов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства	217

ПРАВО

Имекова М.П. Определение сущности строительства с учетом деятельностного подхода: взгляд юриста	226
Оганесян Т.Д. Европейский подход к эволютивному толкованию: практика Европейского Суда по правам человека	236
Смушкин А.Б. Криминалистическое исследование страницы в социальных сетях	246
Черкасов К.В., Домрачев Д.Г., Переседов А.М. Административная превенция в условиях моратория на контрольные (надзорные) мероприятия: состояние и перспективы	254

Kamaleeva A.R., Fakhrutdinova A.V., Gilmanshina S.I., Gilmanshin I.R. Activation of students' cognitive activity using Internet resources in the context of cognitive didactics	196
Kirillovykh A.A., Kuklina S.S., Grecu Yu.V. Text as the material basis of polymodal exercises in a non-linguistic university	203
Powell A.A. Effective task input strategies as an alternative to form-based task instruction	209
Starodubtseva I.V., Makaridin D.N., Zavyalova T.P. Professional development of physical education and sports teachers in the context of professional skills competition	217

LAW

Imekova M.P. Determining the essence of construction taking into account the activity approach: A lawyer's view	226
Oganessian T.D. The European approach to evolutive interpretation: The practice of the European Court of Human Rights	236
Smushkin A.B. Forensic investigation of a social media page	246
Cherkasov K.V., Domrachev D.G., Peresedov A.M. Administrative prevention in the context of a moratorium on control (supervisory) measures: Status and prospects	254

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1+821.111
doi: 10.17223/15617793/505/1

Л.Н. Толстой и английская литература: предыстория творческого диалога

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, irbor2004@mail.ru

Аннотация. Выявлены причины пристального интереса Л.Н. Толстого к английской литературе. Рассматриваются культурологические предпосылки, связанные с «англофильством» образованной части российского общества, а также общественно-политические причины: обсуждение в прессе британского опыта государственного устройства в период реформ. Уделено внимание кругу «Современника» и его влиянию на взгляды Толстого. Анализируется роль эстетики сентиментализма в формировании представлений писателя об английской культуре.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, английская литература, Л. Стерн, Д. Юм, Ч. Диккенс, У. Теккерея, «Современник», А.В. Дружинин, педагогика

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Л.Н. Толстой и английская литература: предыстория творческого диалога // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 5–17. doi: 10.17223/15617793/505/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/1

Leo Tolstoy and English literature: The background of creative dialogue

Irina F. Gnyusova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru

Abstract. The article aims to identify the reasons for Leo Tolstoy's keen interest in English literature, which manifested itself throughout his life. The writer's diaries, letters and personal library as well as the opinion journalism of the 1850s–1860s were the material for the research. The cultural background is considered: it is determined that Tolstoy's desire to learn English was caused by his desire to meet the cultural norms of the educated part of society. By analysing Tolstoy's fascination with Laurence Sterne's *A Sentimental Journey* it is revealed that the aesthetics of sentimentalism with its attention to human personality, sympathetic interest in the "movements of the soul" became the "foundation" for Tolstoy's perception of English culture. In this connection, the philosophical basis of *A Sentimental Journey* – the works of the philosopher David Hume – is also considered. The question of the reasons for Tolstoy's admiration of Hume's *The History of England* is examined in detail: in it the philosopher continues the study of human nature. The article also considers the literary and social preconditions of Tolstoy's interest in England: he enters the circle of the *Sovremennik* in the period of literary "marking time" of the 1850s, when the leading journals actively printed translated literature. It is shown how English literature, in particular Thackeray's novels, becomes Tolstoy's argument in the aesthetic dispute between the supporters of "pure art" and Gogol's direction. Much attention is paid to the socio-political reasons for Tolstoy's attention to England: the preparation of reforms and the possibility of their open discussion in the press lead to a search for historical and social analogues. England becomes a "high model" in the transformation of Russia. Tolstoy's pedagogical activity is also considered in the context of social revitalisation. In 1862, Tolstoy began to publish a pedagogical journal, *Yasnaya Polyana*, in which he also touched upon issues of a socio-political nature. The tone of Tolstoy's statements in his articles is similar to the pathos of the journalism of the time, which pointed to civil liberties in England as the basis for political stability. The article also discusses Tolstoy's trip to London and his two unrealised attempts to emigrate to Europe. Describing his indignation at police and judicial arbitrariness and his desire to "go to England, because only there individual liberty is secured", Tolstoy accurately reproduces the antithesis between Russian and British statehood, which was characteristic of the journalism of the time. The final conclusion is that Tolstoy was close to the ethical and philosophical basis of English literature, its humanistic pathos and principled "moralising". Attention to English literature could be a consequence of the gravitation of the educated part of Russian society to "Anglomania". And the "catalyst" was the circumstances of social and literary order: the stagnation in the literary life of Russia in the middle of the century and the surge of interest in English social institutions in connection with the preparation of reforms.

Keywords: Leo Tolstoy, English literature, Stern, Hume, Dickens, Thackeray, *Sovremennik*, A.V. Druzhinin, pedagogy

For citation: Gnyusova, I.F. (2024) Leo Tolstoy and English literature: The background of creative dialogue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/1

Интерес Л.Н. Толстого к английской литературе хорошо известен: бросив университет, он самостоятельно выучил английский язык, читал в подлиннике британских авторов, оставив десятки отзывов о Стерне, Диккенсе, Теккере, Джордж Элиот, Тrollope и других английских писателях. Известно также высказывание жены Толстого Софьи Андреевны: «Когда чтение переходит у Левочки в область английских романов – тогда близко к писанию» [1. Ч. 1. С. 118]. Цель статьи – выявить причины столь пристального интереса Толстого к английской литературе.

Среди предпосылок возникновения этого интереса можно, на наш взгляд, выделить причины культурологического, литературно-критического и общественно-политического порядка, а также личные пристрастия, связанные с принципиальным интересом писателя к культуре XVIII в. На первые из предпосылок указывают записи дневникового характера, которые будущий писатель делает с конца января по июнь 1847 г. Этот «Журнал ежедневных занятий» включает среди прочего изучение английского языка – намерения эти настойчиво повторяются изо дня в день с указанием вечерних часов («6–7», «с 6 до 8» [2. Т. 46. С. 248]). План этот, как и большинство других намеченных занятий, исполнялся Толстым плохо: его часто сопровождают итоговые отметки «не исполнил» [2. Т. 46. С. 247], «немного» [2. Т. 46. С. 249]. Тем не менее в 1851 г. писатель возвращается к изучению английского и уже в 1852 г. начинает читать в оригинале Стерна и Юма.

Это включение английского языка в программу «совершенствования самого себя» [2. Т. 46. С. 29], о котором много пишет в дневнике молодой Толстой, не являлось на тот момент чем-то исключительным, а скорее отражало желание будущего писателя соответствовать культурным нормам образованной части общества. М.П. Алексеев в своем обширном труде «Английский язык в России и русский язык в Англии» указывает, что к началу 1840-х гг. «столичное дворянство, значительное большинство писателей знали его [английский] как язык разговорный» [3. С. 110], а «в 40-е и особенно в 60-е гг. ...знакомство с английским языком в России принимает уже массовый характер, не составляя привилегии или отличия сравнительно узких дворянских кругов; в процесс общего увлечения вовлекаются теперь широкие круги разночинной интеллигенции» [3. С. 120].

История проникновения английской культуры в Россию, принимавшего периодический характер «англомании», подробно описана в научной литературе. Известно, что «моду на все английское в русское общество привнесли французы» [4. С. 95] в 60-е гг. XVIII в.: Франция была первой страной, где возникает такое явление, как англомания. Распространению англофильства в России способствовала и Екатерина II, которая «многократно признавалась в своей склонности к английской культуре» [3. С. 87], а также ее попытки решить проблемы массового разорения дворянских семей путем изучения британского опыта. Тем не менее М.П. Алексеев полагает, что период подлинной англомании в России открывается 1801 г., когда Александр I восстановил отношения с Великобританией,

разорванные Павлом I: «...с этого времени в Англию предпринимаются уже настоящие паломничества и оттуда вывозят книги, идеи, моды, племенной скот, земледельческие орудия, своеобразные формы спорта» [3. С. 97]. Это обилие английского в жизни человека той эпохи отражено в творчестве А.С. Пушкина. А в стремлении Онегина и молодого Берестова изображать героев байронического типа проявляется и роль английской литературы в формировании устойчивого интереса к Великобритании. Без всеобщего увлечения творчеством Дж. Байрона и В. Скотта этот интерес, по мнению М.П. Алексеева, едва ли мог бы «оставить значительные следы» [3. С. 100]: в итоге уже к началу 1830-х «уменье читать английских писателей в подлинниках – Байрона и Шекспира в первую очередь – считалось у нас не только признаком вкуса, но и своего рода мерилом литературной образованности» [3. С. 105].

В фокусе интересов молодого Толстого тоже находится литература и философия Англии. В 1851–1852 гг. он читает три произведения английских авторов, которые сыграют важнейшую роль и в его становлении как писателя, и в формировании глубокого интереса к английской культуре. Главное из них – «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна. Именно этот роман во многом предопределил само обращение Толстого к художественному творчеству, а также его отношение к Англии, фундаментом которого станет глубоко родственная Толстому эстетика сентиментализма с ее верой в самоценность человека, интересом к человеческой личности, пафосом нравственного совершенствования – при всем понимании человеческого несовершенства, неидеальности.

Судя по дневнику, Толстой начинает интересоваться Стерном не позднее 1851 г.: в записях Толстого в этот период проскальзывают французские цитаты из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» и мемуаров английского писателя. Однако очевидно, что наибольший интерес вызывает у Толстого «Сентиментальное путешествие», перевод которого он намечает еще в июне 1851 г. Нет сомнений, что именно этот роман, чтение которого сопровождается пометкой «Восхитительно» [2. Т. 46. С. 110], дал Толстому основание назвать Стерна «любимым писателем» и отметить его «огромный талант» [2. Т. 46. С. 82].

В отечественной науке вопрос о значении Стерна для Толстого традиционно обсуждался лишь с одной стороны – его внимания к художественным принципам английского писателя. Толстой и сам отчасти определил этот ракурс, когда в 1909 г. перечитывал «Сентиментальное путешествие»: «Читал *Sentimental Journey*. Напоминает юность и худож[ественные] требования» [2. Т. 57. С. 194]. Б.М. Эйхенбаум указывает, что молодому Толстому «нравится именно эта сосредоточенность на деталях, эта интенсивность наблюдения, делающая описание самоценным», а также «сентиментально-меланхолический тон, усвоенный Толстым из чтения Стерна и Тёпфера» [5. С. 106]. К.Н. Атарова также полагает, что «в ранних произведениях (“История вчерашнего дня”, “Четыре эпохи

развития») влияние Стерна заметно прежде всего в чисто внешних приемах организации материала», но «позднее Толстой перерос свое юношеское увлечение» [6. С. 81]. Новый шаг в решении вопроса о роли Стерна делает Е.Ю. Васильева: в своем диссертационном исследовании она анализирует перевод части «Сентиментального путешествия» как подготовку Толстого к созданию повести «Детство», в процессе чего писатель «глубоко осваивал уроки сентиментализма, получившие в перспективе его творчества значение важнейших нравственно-философских и эстетических принципов» [7. С. 183].

Глубокая симпатия к Стерну действительно очень сильно повлияла на мировоззрение и творческие взгляды Толстого: она становится для него той «оптикой», через которую писатель воспринимает английскую культуру. Неслучайно Б.М. Эйхенбаум отмечает, что «и Диккенс усваивается Толстым только с той стороны, которая исторически связывает его со Стерном, т.е., главным образом, разработка деталей, общий миниатюризм описаний» [5. С. 104]. Именно сентиментальная эстетика Стерна и его последователей вызывает (или, возможно, подкрепляет) внутренний протест Толстого против сатиры, который позднее выльется в противостояние со сторонниками «натуральной школы».

Эстетика сентиментализма с ее интересом к человеческой душе и шире – к человеческой личности окажется одной из доминант в восприятии Толстым и английской реалистической литературы, и национальной картины мира. «Общая задушевность, “семейность” стиля» [5. С. 104] Стерна и сентименталистов в целом, отмеченная Б.М. Эйхенбаумом, станет для Толстого подтверждением ценности дома и семьи для англичан, многократно отмеченной российскими писателями и публицистами¹. Но еще большее значение для отношения Толстого к Англии имеет нравственно-философская основа «Сентиментального путешествия». Об этом аспекте романа подробно пишет К.Н. Атарова: «Стерн, показав диалектику души, отвергает односторонность рассмотрения характера человека, свойственную как просветителям, так и сентименталистам, не отдает предпочтения ни “человеку разума”, ни “человеку чувства”» [6. С. 68]. Писатель «любит человека таким, каков он есть, со всеми его слабостями и недостатками» [6. С. 68], и эта максимальная толерантность оказывается откровением для Толстого, который при переводе Стерна выписывает в дневник, а затем использует как эпиграф к одной из черновых глав «Отрочества» цитату из «Сентиментального путешествия»².

Основой такого подхода – желания автора и его героя «пробудить в людях... чувства симпатии и доброжелательности» [6. С. 52] – была, как указывает К.Н. Атарова, английская философия Просвещения, в частности труды Д. Юма и А. Смита. «Самое замечательное из всех качеств человеческой природы как само по себе, так и по своим следствиям – это присущая нам склонность симпатизировать другим людям и воспринимать посредством сообщения их наклонности и чувства, как бы они ни отличались от наших» [9. С. 367], – пишет шотландский философ и историк Дэвид Юм в

своем знаменитом «Трактате о человеческой природе» (1739–1740). Именно этому Толстой, вслед за Стерном, фактически и посвятит свое «Детство» – анализу мельчайших оттенков того, как герой – «человек умный, чувствительный и заблудившийся» [2. Т. 46. С. 151] – воспринимает себя и окружающих людей. Вероятно, к тому моменту Толстой уже был знаком с философскими сочинениями Юма: в его библиотеке есть издание «Эссе и трактатов по нескольким предметам» Юма на английском языке 1793 г. с многочисленными пометами рукой неуставленного лица [10].

Однако в апреле 1852 г., занявшись переводом из Стерна, Толстой читает другое сочинение Юма – его «Историю Англии» (1754–1761), французское издание которой в 21-м томе также сохранилось в яснополянской библиотеке [11]. Весьма вероятно, что стимулом для этого стало как раз «Сентиментальное путешествие»: в одной из глав герой рассказывает о курьезе на приеме у английского посла, когда француз спросил «историка Ю.», не он ли «поэт Ю.», – характерно, что Толстой в своем переводе расшифровывает инициалы³.

На случайность обращения к многотомному труду Юма указывает то, что интереса к собственно историческому сочинению у Толстого в тот момент не было: «...почитал Гума – скучно, а читать нечего» [2. Т. 46. С. 108]. Однако уже через пять дней Толстой записывает в дневнике: «Читал Histoire d'Angleterre, и не без удовольствия. Я начинаю любить Историю и понимать ее пользу» [2. Т. 46. С. 110]. Труд Юма так захватывает писателя, что через два дня он уже дочитывает первый том, а через два месяца отмечает: «История Карла I как по форме, так и по содержанию много выше Тьера Ист[ории] Луд[овика] XVI» [2. Т. 46. С. 124]. Часть, посвященная царствованию Карла I, находится в 7-м и 8-м томах французского издания, и в каждом из них присутствуют загнутые уголки отдельных страниц – характерные для Толстого-читателя «закладки»⁴.

«История Англии» могла заинтересовать начинающего писателя по многим причинам, но главной из них было то, что Юм здесь продолжает свое исследование человеческой природы, уделяя большое внимание состоянию нравов в описываемые эпохи и этической оценке поступков исторических лиц. В статье «Об изучении истории» он прямо постулирует просветительское значение этой науки: «...она ласкает воображение, совершенствует ум и укрепляет добродетель» [13. С. 708]. Последний аспект Юм считает особенно важным, потому что именно историк имеет не только возможность, но и необходимость выносить нравственный приговор своим героям. «Почти все без исключения историки, – пишет он, – всегда были истинными друзьями добродетели и всегда представляли ее в истинном свете, как бы они ни ошибались в своих суждениях относительно тех или иных отдельных лиц» [13. С. 710]. То, что Толстой считывает эту этико-философскую основу «Истории Англии», доказывает его комментарий от 11 июня 1852 г.: сделав отметку о продолжении чтения Юма, он записывает: «Лучшее выражение философии есть История» [2. Т. 46. С. 123].

Еще одной принципиальной задачей Юма было сделать свою историю популярной, доступной не только для ученых, но и для широкого круга читателей. Это, по словам В.В. Высоковой, и определило значимость его труда: в нем Юм «дал ясную, непротиворечивую, доступную для массового читателя версию национальной истории, и сделал это с блеском» [14. С. 70]. Оставаясь в рамках строгой научности, историк, тем не менее, активно использует элементы беллетристики – например, он «сознательно стремился “вызвать слезу” у читателя рассказом о казни Карла I» (это та самая часть, которая так впечатлила Толстого), и, по заключению В.В. Высоковой, преуспел в этом: «...есть письма от его поклонников, свидетельствующие о том, как его история вызвала их страсти и чувства» [14. С. 71].

Восхищение трудом Юма впервые обращает Толстого к мысли о написании собственного исторического сочинения, которое через много лет приведет его к «Войне и миру». В сентябре 1852 г., дочитывая «Историю Англии», Толстой развернуто формулирует свою идею: «Составить истинную правдивую Историю Европы нынеш[него] века. Вот цель на всю жизнь. – Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь ист[орию] Египта и Рима. – Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное – совершенство. Перед тем как я задумал писать, мне пришло в голову еще условие красоты, о кот[ором] и не думал – резкость, ясность характеров» [2. Т. 46. С. 141–142]. Безусловно, Толстой думает о художественной истории, об истории-романе с психологической прорисовкой характеров, но основные принципы создания исторического сочинения в этом черновом плане перекликаются с концепцией Юма: использовать материал Нового времени (Юм начал повествование с XVII в. и лишь позднее дополнил его историей Англии со времен Юлия Цезаря), дать объективный взгляд на события, а главное – сделать материал поучительным для читателя.

Помимо этого, Толстой мог получить через его труды Юма и более полную картину английской жизни: в своем труде историк постоянно фокусирует внимание на национальном характере англичан. Так, он много пишет о гражданских и личных свободах: по его мнению, в Англии можно обнаружить «редчайший пример свободы, когда-либо существовавшей в мире» [14. С. 83].

Еще одним источником знаний об английской культуре стал для Толстого, разумеется, Ч. Диккенс. Знакомство с ним происходит в 1851 г., когда Толстой читает «Дэвида Копперфильда» в одной из журнальных публикаций (перевод печатался в «Современнике» и «Москвитяине»). В 1852 г. он, вероятно, перечитывает роман, записывая в дневнике 2 сентября: «Какая прелесть Дэвид Копперфильд» [2. Т. 46. С. 140]. Впоследствии Толстой неоднократно заявлял, что именно «Дэвид Копперфильд» является его любимым романом Диккенса и даже «любимым английским сочинением» [15. Кн. 3. С. 242].

Вопрос о влиянии Диккенса на Толстого в 1850-е гг. достаточно изучен, поэтому расставим акценты, опираясь на выводы исследователей. В первую

очередь они отмечают, конечно, специфику художественной задачи, которая стояла в тот момент перед молодым писателем и решение которой мог подсказать ему роман Диккенса. По мнению Е.Л. Мураткиной, трилогия Толстого, как и «Жизнь Дэвида Копперфильда», – «это художественные биографии в форме романа с преобладанием психологических моментов жизнеописания», повествование в которых определяет «область воспоминания» [16. С. 37]. Исследователь указывает, что роман Диккенса встраивался для Толстого в тот же ряд «исповедальной прозы», к которому принадлежали Руссо, Стерн и Тепфер, которую продолжает писатель в своих ранних повестях. И.В. Гредина полагает, что Толстого «привлекают такие стороны творчества Диккенса как автобиографизм, юмор, психологизм, тенденция к драматизации, свободная и раскованная композиция» [17. С. 20].

Однако гораздо важнее проблем литературного метода была для Толстого этическая сторона романов английского писателя. И.М. Катарский отмечал, что причиной внимания к «Дэвиду Копперфильду» стало «созвучие демократических, гуманистических идеалов обоих писателей» [18. С. 299–300]. В.В. Аствацатурова пишет о том, что «жизненный мир диккенсовских романов в глазах Толстого открывает человеку путь к единству со всем человечеством через сопричастность к страданию» [19. С. 5]. У английского писателя он находит отражение своих собственных нравственно-философских воззрений – «художественное воплощение принципов евангельской морали, пафос христианского учения о добре и зле» [19. С. 6].

Читая романы Стерна и Диккенса, а также исторический труд Юма, Толстой не мог не отметить их общую эстетическую и этико-философскую основу: исследование человеческой природы через гуманистический, глубоко сочувственный интерес к «движениям души», чувствам отдельного человека, а также принципиальный нравственный и даже нравоучительный пафос английской словесности. Насколько это отвечало собственным убеждениям Толстого, позволяет судить запись в его дневнике, сделанная в декабре 1853 г.: «Читая Философское предисловие Карамзина к журналу Утренний Свет, который он издавал [в] 1777 г., и в котором он говорит, что цель журнала состоит в любомудрии, в развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы – нравственной... А право не худо бы, как в баснях, при каждом литературном сочинении писать нравоучение – цель его» [2. Т. 46. С. 213–214].

Таким образом, в начале 1850-х гг. у Толстого формируется собственное представление об английской культуре и, безусловно, интерес к Англии, который сохранится на протяжении всей жизни писателя. Этим объясняется и его пристальное внимание к представителям британской нации: с ними Толстой столкнется через несколько лет после начала своего увлечения английской словесностью.

Первый такой случай представится Толстому во время Крымской войны: в 1854 г. он приезжает сначала

в Одессу, а затем в осажденный Севастополь и начинает с любопытством изучать не только русских солдат («велика моральная сила Русского народа» [2. Т. 47. С. 27]), но и пленных французов и англичан. Толстой проводит два часа в «палате раненных союзников» [2. Т. 47. С. 33], после чего с восхищением записывает в дневнике: «Каждый солдат горд своим положением и ценит себя; ибо чувствует себя действительной пружиной в войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия о политике и искусствах, дают ему сознание своего достоинства» [2. Т. 47. С. 31]. Хвалебная характеристика относится как будто к представителям обоих европейских народов, однако через неделю в письме к брату Сергею Толстой уточняет: «Ну, как тебе рассказать все, что я там видел и где я был и что делал ... и какие герои наши моряки и наши солдаты и какие герои наши враги, особенно Англичане... Это молодец к молодцу, именно морально и физически, народ brave» [2. Т. 59. С. 281–282].

Иное впечатление производят на писателя англичане во время пребывания во Франции и Швейцарии в 1857 г.: почти все они вызывают у Толстого острое раздражение. В черновом письме к В.П. Боткину он так описывает свою жизнь в швейцарском пансионе: «Удивительная вещь Table d'hôtes англичан. <...> Эти 40, 50 человек в продолжение часа и 8 блюд сидят и едят, очевидно стараясь есть как можно приличнее, и все мертвы, буквально мертвы» [2. Т. 60. С. 201]. В итоге Толстой как будто перечеркивает свой прежний вывод о «достоинстве» и моральном превосходстве британцев, записывая в дневнике: «Англичане морально голые люди и ходят так без стыда» [2. Т. 47. С. 126], «Англичане все читали Шексп[ира], Байрона, Дикенса, все поют, играют, в церковь ходят, семьяне, но все это удобства жизни, а не потребность внутреннего мира – он спит» [2. Т. 47. С. 205]. Но характерно, что эта критика не снижает интереса писателя: его дневник периода путешествия по Швейцарии пестрит упоминаниями об англичанах, которых он постоянно наблюдает и оценивает.

Постоянная раздражительность Толстого в этот период была вызвана, как указывает Б.М. Эйхенбаум, «поворотом в самом отношении Толстого к западной культуре» [5. С. 306], особенно обострившимся после посещения публичной казни в Париже. Неудивительно, что, интересуясь англичанами, писатель фокусирует свою неприязнь к европейской цивилизации именно на них. Англичане неожиданно оказываются воплощением бездушия: апогеем становится случай с бедным уличным певцом, которую Толстой сначала описывает в неотправленном письме к В.П. Боткину, а затем перерабатывает в рассказ «Люцерн». Различия между двумя текстами минимальны: ленивый и самоуверенный англичанин и его семейство с выражением «равнодушия ко всякой чужой жизни» [2. Т. 5. С. 11] противопоставляются маленькому тирольцу, которому богатая толпа не подала ни одной монеты, и всеобщее презрение к нему вызывает у рассказчика почти животную ярость: «Я думаю, что если бы кельнеры и швейцар не были так уклончивы, я бы с наслаждением по-

дразнился с ними или палкой по голове прибил бы беззащитную английскую барышню. Если бы в эту минуту я был в Севастополе, я бы с наслаждением бросился колоть и рубить в английскую траншею» [2. Т. 5. С. 19].

Однако отношение Толстого к путешествующим англичанам могло быть вызвано не только угнетенным настроением писателя, но и предубеждением, сформировавшимся на основе литературных впечатлений. Наиболее вероятный их источник – проза Теккерея, которой Толстой зачитывается в течение двух предшествующих лет: дневники 1855 и 1856 гг. испещрены заметками о последовательном знакомстве практически со всеми произведениями английского писателя⁵. А в 1851 г. в журнале «Отечественные записки» был опубликован перевод рассказа Теккерея «Киклбери за границей». Он вышел под названием «Английские туристы» и, как указывает в своей статье Э.М. Жилякова [21. С. 21], вероятнее всего, был известен Толстому, который следил в это время за публикацией романа Дикенса «Дэвид Копперфильд».

Впрочем, есть и более бесспорные доказательства знакомства Толстого с «Английскими туристами»: это издание «The Kickleburys Abroad» 1851 г., сохранившееся в библиотеке писателя, и то самое письмо Боткину с описанием табльдота: «Два длинны[х], прекрасно накрыты[х] стола, человек 40 мужчин и женщин, все чистоты необыкновенной, есть изящно одетые, есть красивые даже и милы[е] и женские и мужские лица. Впрочем больше Кикльбюры наполняют швейцарский Table d'hôtes» [2. Т. 60. С. 201]. Именно в таком варианте – «Кикльбюры» – была дана фамилия семейства англичан, описанных Теккереем, в переводе А. Буткова. Толстой, таким образом, вполне осознанно смотрел на путешествующих англичан глазами Теккерея, который в «Английских туристах» иронически подмечает национальные предрассудки своих соотечественников: «Наши глупости и нахальная оригинальность сделали нас, может статься, столько же заметными в Европе, как высокий тон, которого мы считаем себя обладателями. Очень может быть, что европейское общество смеется над нами и ненавидит нас, когда мы бродим с надменным чванством по Европе...» [22. С. 127].

Некоторые наблюдения двух писателей весьма схожи: Теккерей, например, подтрунивает над манерой англичан путешествовать с комфортом, таская за собой огромное количество вещей – и непременно популярные путеводители Мюррея: «Владельцами бесчисленных ящиков, сундуков, шкапулов, дорожных мешков, картонов и футляров... оказались три дамы и худощавый джентльмен... В его ведении была целая связка “Морреевых Дорожников”...» [22. С. 108]. Толстой точно так же подмечает эту деталь в дневнике: «Англичане в одеялах с Murrey и картами» [2. Т. 47. С. 143]. Парадоксальным образом и финал рассказа, в котором высокомерная леди Киклбери теряет все свои деньги на рулетке в Рулетенбурге⁶, Толстой также воплощает в жизнь: после Швейцарии он едет в Баден-Баден, где проигрывает огромную сумму и спешно возвращается домой, заняв денег у Тургенева.

История с «Английскими туристами» демонстрирует, сколь тщательно следил молодой Толстой за публикациями в ведущих российских изданиях. Регулярные упоминания об этом появляются в его дневнике с марта 1852 г.: «читал О[течественные] З[аписки] за Февраль» [2. Т. 46. С. 100]; «читал Современник, в котором все очень дурно» [2. Т. 46. С. 105]; «читал глупые повести Б[иблиотеки] для Ч[тения]» [2. Т. 46. С. 109]. Б.М. Эйхенбаум указывает, что это было тяжелое время для отечественной периодики из-за острого дефицита авторов. В связи с этим журналы начинают активно публиковать переводную литературу, которая становится «на время заместительницей недостающей, заново формирующейся национальной беллетристики» [5. С. 184].

В свете неугасающего интереса российской публики к Англии естественно, что особенно часто переводят и печатают именно произведения современных английских писателей. Однако это не единственная причина: рубеж 1840–1850-х гг. – время расцвета реалистического романа в Великобритании. Только что опубликованы романы Диккенса «Домби и сын» (1848) и «Дэвид Копперфильд» (1850), прогремели «Ярмарка тщеславия» (1848) Теккерея и «Джейн Эйр» (1847) Шарлотты Бронте, начала свой творческий путь Элизабет Гаскелл – и это далеко не все имена. Трудно найти аналог этой литературной ситуации в другой стране – неслучайно Толстой уже в 1870-е гг. заметит в одном из писем: «Замечательная вещь, что у англичан и у французов не переводится поэзия, а у всех остальных европейцев, особенно у немцев – ничего» [2. Т. 62. С. 18]. Под поэзией писатель подразумевает художественную литературу в целом.

При этом для российской периодики привлекательно было не только количество, но и особое качество произведений английских авторов. Н.В. Сарана указывает, что «английское “зрение”, способ видеть и изображать путь человека в разных системах координат и временных осей – точно и неподвижно, пристально вглядываясь в его натуру, скрупулезно анализируя жизненные обстоятельства, и в динамике, изучая его окружение, эволюцию, извлекая и усваивая уроки из самого письма и процесса чтения, – весь этот прагматичный английский опыт ориентации в истории, в культурном и социополитическом пространстве оказался востребованным русской культурой 1840–1850-х гг. как никогда» [24. С. 21].

Особенную актуальность этот опыт приобрел для «натуральной школы», представители которой после смерти В.Г. Белинского в 1848 г. ощущали необходимость найти новые точки опоры для развития «физиологического» направления в русской литературе. Именно поэтому, как пишет Е.С. Старшова, частью редакционной политики журнала «Современник» становится не только постоянная публикация разнообразной английской прозы, но и отбор наиболее важных, «своих» авторов, выполняющих «приоритетную эстетическую роль» [25. С. 18] для журнала. Такими «своими» авторами становятся для «Современника» Диккенс и Теккереи.

Одновременно на страницах журнала идут активные дискуссии о том, как нужно писать. Н.В. Сарана отмечает, что две эти области интересов были в «Современнике» взаимосвязаны и тем самым выгодно отличали его от конкурентов [24. С. 22–24]. Неудивительно, что Толстой в итоге выбирает именно этот журнал для публикации своих первых произведений. Б.М. Эйхенбаум показывает, что в данный период вопросы «слога», «тона» и повествовательной конструкции имеют для начинающего писателя первостепенное значение, и «Современник», «по-видимому, нравился Толстому больше всего своим критическим отделом» [5. С. 200]. Постоянным автором статей в этом отделе был А.В. Дружинин: по его инициативе ежегодные итоговые обзоры литературы были заменены на ежемесячные очерки. С 1852 г. Дружинин начинает публиковать и обзоры современной зарубежной литературы, а параллельно с этим, с 1849 по 1861 гг., создает серию очерков об иностранных писателях под названием «Галерея замечательных романов» – большая часть из них посвящена английской литературе, в частности романам С. Ричардсона, О. Голдсмита, А. Радклиф, Ш. Бронте, У. Теккерея.

Толстой лично познакомится с Дружининым в конце 1855 г., когда приедет в Петербург и вольется в круг «Современника». Но в течение нескольких лет до этого, находясь на военной службе и одновременно делая первые шаги на литературном поприще, Толстой точно так же, как и критики «Современника», будет размышлять о природе словесного искусства и о «приемах» создания художественного текста, нередко соотнося их с английской литературой. Так, 10 августа 1851 г., пытаясь передать в дневнике красоту летней ночи, он начинает думать о самой природе воображения: «Я замечаю, что у меня дурная привычка к отступлению; и именно, что эта привычка ... часто мешает мне писать... Несмотря на огромный талант рассказывать... моего любимого писателя Стерна, отступления тяжелы даже и у него» [2. Т. 46. С. 82].

В октябре 1853 г. Толстой впервые упоминает английскую литературу как пример для подражания, как своеобразный «учебник» для начинающего автора: «Читая рассказ какой-то Английской барыни, меня поразила непринужденность ее приемов, которой у меня нет, и для приобретения которой мне надо трудиться и замечать» [2. Т. 46. С. 189]. При этом Толстой, видимо, ошибается: А.С. Петровский указывает, что речь может идти только о романе американской писательницы Г. Бичер-Стоу «Дядя Том», опубликованном в сентябрьском номере «Современника» [2. Т. 46. С. 441]. Однако это только подтверждает общую тенденцию: в 1860-е гг. Толстой продолжит сравнивать свои писательские способности с мастерством английских авторов. Таким образом, он, например, в период работы над «Войной и миром» восхищается романом Э. Троллопа: «Писал. Но я отчаиваюсь в себе. Тролоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое» [2. Т. 48. С. 64].

В середине 1850-х гг. одним из художественных ориентиров для Толстого станет Теккереи, чьи произведения были очень популярны в России. В январе

1854 г. Толстой фиксирует в дневнике своеобразное правило: «Вот факт, кот[орый] надо вспоминать почаще. Текерей 30 лет собирался написать свой 1-й роман, а Алекс[андр] Дюма пишет по 2 в неделю» [2. Т. 46. С. 232]. А в 1856 г. Теккерей становится его собственным аргументом в споре между сторонниками «гоголевского» направления в литературе и «чистого искусства»: в это время писатель как раз сближается с «бесценным триумвиратом» – Дружининым, Боткиным и Анненковым. В мае 1856 г. Толстой указывает в записной книжке: «Первое условие популярности автора, т.е. средство заставить себя любить. Есть любовь, с которой он обращается со всеми своими лицами. От этого дикензовские лица общие друзья всего мира ...а Текерей и Гоголь верны, злы, художественны, но не любезны» [2. Т. 47. С. 178]. 2 июня Толстой пишет Некрасову: «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть *возмущенным, желчным*, злым очень мило. А я нахожу, что очень скверно ...потому что человек желчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий – напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи» [2. Т. 60. С. 75]. В том же письме он просит Некрасова прислать ему недостающие части «Ньюкомов» Теккерей и «Крошку Доррит» Диккенса.

Мысль о том, что любовь должна быть основой авторского взгляда на мир, несомненно, является отголоском сентиментальной эстетики Стерна и Диккенса. Но в данный момент оно было обусловлено еще и влиянием А.В. Дружинина, который в период 1855–1856 гг. становится, по словам Б.М. Эйхенбаума, «руководителем» [5. С. 256] Толстого. Еще в 1849 г. в очерке о Ричардсоне Дружинин писал: «Если б можно было обратиться ко всем современным деятелям европейской словесности, мы сказали бы им: “не избегайте идеальности в создаваемых вами лицах, только творите с любовью к действительной жизни...”» [26. Т. 5. С. 44]. Еще более активно высказывается он в 1856 г.: «Каратель человеческих заблуждений, не видящий в человечестве ничего, кроме одних заблуждений – исключителен и бесполезен, ибо он любит сатиру для сатиры, зло для зла...» [26. Т. 7. С. 275].

Критикуя Теккерей для доказательства тех же убеждений, Толстой, между тем, многое перенимает у английского писателя. На это обращал внимание еще Б.М. Эйхенбаум⁷ – в особенности он отмечает роман «Ньюкомы», который Толстой читает в июне 1856 г. Роман этот становится поводом для дискуссии между Дружининым, в этот момент перешедшим из «Современника» в «Библиотеку для чтения», и Н.Г. Чернышевским, который пишет свою рецензию в начале 1857 г., откровенно полемизируя с апологетом «чистого искусства». Если Дружинин провозглашает, что «Ньюкомы» – «книга, исполненная теплоты и мудрости... широкий шаг от отрицания к созданию» [26. Т. 5. С. 242], то Чернышевский называет ее «беседой о пустяках» [27. С. 37]: «...в романе нет единства, потому что нет мысли, которая связывала бы людей и события; в романе нет жизни, потому что нет мысли, которая оживляла бы их» [27. С. 42].

Б.М. Проскурнин справедливо задается вопросом: как Чернышевский, разработавший концепцию «диалектики души» в раннем творчестве Толстого, не захотел замечать «поворота Теккерей к поэтике тонкого психологического рисунка» [28. С. 107]? Каждый из критиков акцентировал в «Ньюкомах» важное для собственной концепции литературы, не стремясь к объективной оценке.

Толстой, как известно, уже к концу 1856 г. устанет от петербургских литературно-критических баталий и охладет в том числе и к Дружинину. Однако эта своеобразная «школа» не пройдет для него даром: внимательное изучение ведущих журналов того времени и вхождение в круг литераторов дает Толстому понимание не только противоборствующих эстетических тенденций, но и современного литературного процесса, в том числе и лучших образцов английской словесности.

В 1857 г. писатель едет за границу и, казалось, разочаровывается и в Европе, и в англичанах. Однако симптоматично, что еще в Люцерне он начинает читать «Жизнь Шарлотты Бронте», созданную Э. Гаскелл, и 21 июля пишет В.П. Боткину: «Прочтите биографию Curer Bell, ужасно интересно по интимному представлению литературных воззрений различных лучших кружков современных английских писателей и их отношений» [2. Т. 60. С. 218]. Книгу Гаскелл Толстой с перерывами читает все лето, а в октябре 1857 г. в письме к Боткину и Тургеневу он яростно отстаивает свое нежелание становиться профессиональным литератором, привычно используя в качестве аргумента английскую литературу: «Нельзя из литературы сделать костыль, хлыстик, пожалуй, как говорил В. Скот. Каково бы было мое положение, когда бы, как теперь, подшили этот костыль»⁸ [2. Т. 60. С. 234]. Английский контекст продолжает сопровождать Толстого в его попытках самоопределения в литературе, а также в желании отойти от нее, которое усиливается в конце 1850-х гг.

При этом в начале 1858 г. Толстой, как свидетельствуют его дневниковые записи, вдруг начинает активно интересоваться государственным и экономическим устройством Англии. 25 февраля 1858 г. он фиксирует: «почитал журналы; о лорде Грее» [2. Т. 48. С. 8], имея в виду статью В.Ф. Корша «Парламентские выборы и парламентские реформы в Англии» в журнале «Атеней». Запись от 20 марта: «Читал Чичер[ина] ст[атью] о промышлен[ности] Англии. Страшно интересно» [2. Т. 48. С. 10]. 24 марта Толстой упоминает чтение английского литературного журнала «Athenæum», где его привлек «спор о литературном фонде Дикенса» [2. Т. 48. С. 11] и статья о борьбе британцев с восстанием в индийском городе Лакнау.

Смягчаются и его оценки английской культуры: так, читая роман Дж. Элиот в 1859 г., Толстой замечает: «Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают христианское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как евангелический протестантизм» [2. Т. 60. С. 300]. А в 1860-м Толстой составляет проект Общества народного образования, о чем рассказывает в письме к Е.П. Ковалевскому. Доказывая необходимость передать дело образования «в руки

общества», Толстой дважды упоминает Англию: «...ежели бы в Англии приходился 1 дикий на сто, и тогда, наверно, общественное зло происходило бы только от этого процента диких» [2. Т. 60. С. 329]; «не стану приводить пример Англии, самой образованной страны...» [2. Т. 60. С. 330].

Столь явное внимание Толстого к Англии на рубеже 1850–1860-х гг. – тоже примета времени, и связано оно с причинами общественно-политического характера. В феврале 1855 г. Александр II становится императором и незамедлительно берет курс на реформы. В ноябре 1857 г. он выпускает рескрипты о начале подготовки крестьянской реформы, которые публикуются в печати с начала 1858 г. Важнейшим пунктом был призыв к инициативе со стороны дворянства: в 46 губерниях открыты комитеты для обсуждения проекта реформы.

Эти события вызывают небывалый общественный резонанс и бурно обсуждаются в российской печати. Назревающие реформы государственного и общественного устройства России, а главное, возможность их открытого обсуждения приводят к поиску исторических и социальных аналогов. Таким «высоким образцом» в деле преобразования России вновь становится Англия с ее развитыми общественными институтами. «Островное государство теперь не только вызывало увлечение английскими вкусами и манерами, но и привлекало внимание в качестве политического эталона», – указывает З.С. Канонистова [29. С. 46].

Т.В. Удалова в своем диссертационном исследовании показывает, что эта тенденция коснулась абсолютно всех ведущих изданий того времени: английская тематика присутствовала в большинстве выпусков «Русского вестника», «Отечественных записок», «Современника». По подсчетам исследователя, только в либеральном журнале М.Н. Каткова «Русский вестник» за период с 1856 по 1862 г. «было опубликовано около 80 статей, касавшихся вопросов общественно-политической жизни Англии, развития ее промышленности и сельского хозяйства, науки и искусства» [30. С. 22]. При этом Т.В. Удалова отмечает, что на страницах издания создавался идеализированный образ страны: «темы или акценты в статьях, нарушавшие восприятие Англии как образца, обходились молчалием» [30. С. 23].

Толстой, конечно, продолжал следить за публикациями в ведущих российских изданиях, особенно за теми, с которыми был непосредственно связан: в 1859 г. он как раз переходит из «Современника» в «Русский вестник». Однако на бурление общественной мысли Толстой как будто не откликается, с головой уходя в педагогику. Б.М. Эйхенбаум указывает, что в этом заключалась принципиальная позиция писателя: «...в противоположность представителям русской интеллигенции, ...Толстой стремился в это время не к выработке той или иной системы воззрений или убеждений... а к практическому поведению, к поступкам. В то время как другие занимались именно вопросом о народном образовании, связывая его решение с общей системой исторических или социальных теорий, Толстой решил просто сделаться народным учителем» [5. С. 378].

В научной литературе, впрочем, высказываются предположения, что интерес к педагогике возникает у Толстого как раз под влиянием «общественного оживления, особенно ярко проявившегося в начале царствования Александра II именно в области народного образования»⁹. Неслучайно и то, что писатель называет Англию самой образованной страной, – это мнение разделялось ведущими публицистами его времени. Однако у Толстого были и свои, глубоко личные причины для того, чтобы вплотную заняться проблемами обучения крестьянских детей. Разочаровавшись в петербургских литературных кругах, он возвращается к тому, с чего начал собственный творческий путь, – к пристальному взгляду в «движения» человеческой души, и прежде всего души ребенка. Именно этому было посвящено его «Детство», и этому Толстой начинает уделять первостепенное внимание в собственной «свободной» школе, где дети сами выбирают, чему и как учиться¹⁰. В статье «О народном образовании», опубликованной в 1862 г. в журнале «Ясная Поляна», писатель подчеркивает вред государственных школ, трогательно описывая реакцию ребенка на естественные и неестественные для него условия: «Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице, или в школе, – то вы видите жизнерадостное, любознательное существо, с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее поучения, как радости... то вы видите измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха и скуки... существо, которого душа, как улитка, спряталась в свой домик» [2. Т. 8. С. 14].

Приведенная цитата показывает, что, обратившись к педагогической деятельности, Толстой на новом этапе актуализирует идеи Юма и Стерна: он выражает в своих программных статьях ту же философию «симпатии», то же отношение к каждому неграмотному ученику как к личности: «Для учителя, вжившегося в свободу школы, каждый ученик представляется особым характером, заявляющим особые потребности...» [2. Т. 8. С. 58]. Призывая не бояться передавать детям свой жизненный опыт, Толстой указывает и на естественность человеческого несовершенства, и одновременно на сентименталистскую первичность чувства перед разумом: «Вы имели досуг искать, думать, страдать – дайте же ему то, что вы выстрадали... Не бойтесь: человеку ничто человеческое не вредно. Вы сомневаетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманет вас» [2. Т. 8. С. 48–49].

Из сентиментализма Толстой переносит в свою педагогическую практику и идею нравственного совершенствования при общении одного человека с другим. Причем процесс это обоюдный, о чем свидетельствует название статьи «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?». Эта публикация пронизана просветительским пафосом: «Воспитывая, образовывая... мы должны иметь... одну цель: достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты и добра» [2. Т. 8. С. 321].

При этом Толстой недолго остается исключительно практиком, действующим в рамках яснополянской школы: об этом свидетельствует уже его проект Общества народного образования. В 1861 г. Толстой подает

прошение об открытии журнала «Ясная Поляна», который просуществует чуть больше года. В первых номерах писатель рассказывал об опыте организации школы и излагал свои педагогические взгляды. Но очень скоро журнал превращается в орудие полемики с оппонентами, в ходе которой Толстой начинает затрагивать и вопросы общественно-политического характера. Общая тональность таких высказываний весьма схожа с пафосом публицистики того времени, где указывалось на гражданские свободы в Англии как на основу политической стабильности. Толстой точно так же провозглашает, что Российское государство должно дать обществу возможность самому «открывать свободные частные народные школы» [2. Т. 8. С. 168] и регулировать их деятельность, а затем обозначает далекие цели такой реформы: «Только таким путем правительство обойдет тот вечный камень преткновения насилия в народном образовании, который производил и производит религиозные и нравственные расколы, который ведет к деспотизму и революции. Только таким путем дело народного образования найдет себе не врага, а помощника в народе и без скачков, усилий и пожертвований, безостановочно поведет общество к вечной цели совершенствования» [2. Т. 8. С. 168].

Сам Толстой, впрочем, отрицает, что России необходимо учиться у Европы, и неоднократно подчеркивает это в своих педагогических статьях – опасаясь, например, что «обязательность и насилие» в народном образовании со стороны государства породит «равнодушные... раскол, озлобление, которые... поставят нас в то ложное отношение к образованию, в котором находится Европа» [2. Т. 8. С. 177]. Парадоксальность позиции писателя отмечает в своей статье Н.Ю. Борисова: она указывает, что, «отвергая необходимость трансфера европейского знания, Толстой игнорирует тот факт, что само это отрицание – не оригинальная идея, а... составная часть европейского социального романтизма» [32. Р. 53]. Неудивительно, что еще одним важным шагом на том практическом пути, который выбирает для себя Толстой, становится поездка в Европу. «Траектория его путешествия, которое пролегло через Германию, Францию, Швейцарию, Бельгию и Англию, показывает, что в Европе он надеялся найти ответ на вопрос, чему и как следует учить крестьянских детей» [32. Р. 50], – замечает Н.Ю. Борисова.

Несмотря на неприятие западного образа жизни, обнаруженное за три года до этого, вторая поездка Толстого в Европу еще более продолжительна: с июля 1860 до апреля 1861 г. Впрочем, отъезд был скорее вынужденным: тяжелобольной брат Толстого был в это время «на водах». Только через несколько месяцев после смерти Николая писатель принимается за реализацию своей главной задачи за рубежом – изучение европейского школьного образования. С этой целью он в середине февраля 1861 г. приезжает в Лондон.

Основными занятиями Толстого в британской столице были изучение школ и педагогической литературы. В архиве писателя хранятся уставы, программы учебных заведений и даже сочинения английских школьников, написанные по заданию Толстого.

В статье «Об общественной деятельности на попечи народного образования», созданной в августе-сентябре 1862 г., писатель рассказывает также о посещении Кенсингтонского музея, где он изучал учебную литературу для детей. Это описание само по себе весьма примечательно:

Все европейские учебники я нашел здесь в одной библиотеке. Очень часто видишь там ученика, приходящего сделать выписку из книги, которой нет у него дома или в их школьной библиотеке; часто встретишь работника или фабриканта, приходящего посмотреть машину; часто – чопорных дам, осматривающих картинную галерею. Мимоходом зайдешь и в залу, где, начиная от пшеницы, ржи, кожи до чайного дерева, вы найдете как химические разложения этих тел, в скляночках с надписями, так и все, что из них делается: и плетение из соломы, и все виды муки, хлебов, выделки кожи, и русские солдатские сапоги, и кавказский ремень. Особенно, как мне кажется, богат музей по части педагогической библиотеки и научных пособий: карты, инструменты, картины наглядного обучения и модели. Тут все есть, что произвела наука по этой части, все вместе, всё классифицировано и на все вам готов руководитель, который обязан объяснить то, чего вы не понимаете, и объяснит отлично. Много профессоров, по случаю удобства пособий и помещения, любят читать здесь лекции и платят за то деньги обществу, и приходящие платят. Ни одно общество с целью образования не принесло с собой той пользы, которую принесло это; а оно все основано на коммерческом расчете и на знании дела, а не на любви к народу и на добросердечии каких-нибудь господ. И общество это не шумит про себя, и я встречал весьма и весьма многих господ, изучающих английские учебные средства, и англоманов, не знающих даже о существовании кенсингтонского музея [2. Т. 8. С. 252].

Восторг Толстого неподделен: он любовно, с обилием деталей описывает систему популяризации науки в лондонском музее. Для понимания этой ситуации важен контекст, в котором появляется восторженный отзыв: главная тема статьи – анализ деятельности учрежденного в 1861 г. Санкт-Петербургского комитета грамотности, которая подвергается Толстым резкой критике. С едкой иронией он упоминает, что «таких обществ у нас, слава Богу, еще не было, но мы все знаем, что такие общества существуют в Англии, в особенности в Лондоне, и как ни стыдно признаться в этом, только на этом основании ни у кого рука не поднимается на общество, учрежденное у нас на образец английского» [2. Т. 8. С. 252]. После этого очевидного намека на бездумное копирование всего английского Толстой выступает как эксперт и с иронией указывает: «...общества эти там возникают, как орудия политических и религиозных партий, а не так как Комитет грамотности, чтобы просто наивно осчастливить всю Россию» [2. Т. 8. С. 252].

Заметно, что, хотя Толстой и высмеивает стремление во всем опираться на Великобританию как образец, он сам использует ту же сопоставительную риторику, указывая, что лучшим примером могут стать «общества, основанные на коммерческих расчетах» [2. Т. 8. С. 252],

как Кенсингтонский музей. Общий пафос его описания вновь напоминает современные Толстому обзоры в «толстых» журналах, особенно полемическая тональность последних строк пассажа о музее: «ни одно общество с целью образования не принесло сотой доли той пользы, которую принесло это»; основано «на знании дела, а не на любви к народу и на добросердечии каких-нибудь господ»; «и общество это не шумит про себя». Показательно упоминание «многих господ» и «англома-нов»: эти упрёки Толстой прямо адресует рьяным поборникам английского в российском обществе.

Сам Толстой никакого пиетета к английской системе образования не испытывает: это подтверждает описание беседы с лондонскими школьниками, приведенное в той же статье. Вывод писателя однозначен: «В лондонских... предметных уроках установилась какая-то общая казенная мера, имеющая... мало основания и требующая... только покорного заучивания от учеников» [2. Т. 8. С. 273]. Показательны и заметки Толстого об учебной литературе, просмотренной им в Лондоне. Многие книги по гуманитарным наукам сопровождаются неодобрительными и даже резкими отзывами: «тупоумная религиозность» («Моральные уроки»), «образец бессмыслия» («Основы красноречия») [2. Т. 8. С. 395], «дрянь дамская» («Книги для чтения») [2. Т. 8. С. 396]. Литература, посвященная точным и естественным наукам, нравится Толстому больше: «прекрасная книжонка» («Детская арифметика») [2. Т. 8. С. 396], «отличная практическая книга» («Измерение»), «отличная книга, отвечающая на всякие вопросы детей» («Минеральные, животные и растительные материи») [2. Т. 8. С. 397]. Часть книг писатель вывез в Россию, но из них в Яснополянской библиотеке сохранилось только три издания.

Помимо педагогики, Толстой не мог не интересоваться и литературной жизнью Англии. Он побывал на публичной лекции Диккенса, однако к самому писателю подойти не решился, поскольку, как признавался позднее Д.П. Маковицкому, «тогда разговорный английский язык мало понимал, знал его только теоретически, читая» [15. Кн. 1. С. 168]. Также, будучи в Англии, Толстой посетил парламент – совершенно очевидно, что интерес к этому знаменитому учреждению возник у писателя под влиянием российской прессы. Однако процесс парламентских прений ожидаемо разочаровывает Толстого. Позже он использует этот эпизод для создания антитезы мнимых и подлинных ценностей, рассказывая о своей жизни в башкирских степях: «К чему занесла меня туда (в Самару) судьба – не знаю; но знаю, что я слушал речи в англ[ийском] парламенте (ведь это считается очень важным), и мне скучно и ничтожно было, но что там – мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с напряженным уважением, страхом проглядеть, вслушиваясь, вглядываясь и чувствуя, что все это очень важно» [2. Т. 62. С. 199].

Однако если английская политическая жизнь оставила Толстого равнодушным, то российская, напротив, обрела для него в Лондоне небывалую актуальность. Это было связано, конечно, со знакомством с А.И. Герценом. О тематике их разговоров можно судить по письмам Толстого. «Вы говорите, я не знаю России, – пишет он Герцену. – Нет, знаю свою субъективную

Россию, глядя на нее с своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рыльева может быть в 25 году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого» [2. Т. 60. С. 374].

Через месяц после этого Толстой вернется в Россию и до конца жизни больше не будет выезжать за границу. Однако намерения такие у него были – и не просто уехать, но больше не возвращаться на родину. Дважды – в 1862 и 1872 гг. – Толстой заявлял, что намерен «экспатрироваться», будучи оскорблен полицейским произволом, покушением российских властей на свободу личности писателя, и закономерно, что спасение от этого он намеревался искать в Англии.

Первая ситуация имела место в июле 1862 г., когда в имении Толстого был произведен обыск: в доносе на писателя было указано, что в доме готовятся печатать некий политический манифест, а также проживают без необходимых документов студенты-учителя. Ярость Толстого была связана с грубым вторжением в его частную жизнь: «Грязный полковник... перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, кот[орый] будет мне тогда ближе всех; перечитал две переписки, за тайну кот[орых] я бы отдал все на свете» [2. Т. 60. С. 428]. Кроме того, он убежден, что за ним не может быть никакой вины, о чем с возмущением говорит в письме к Александру П.: «Все мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию... могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем» [2. Т. 60. С. 441].

Выражая желание «экспатрироваться», если не получит «гласного удовлетворения» за нанесенное оскорбление, Толстой не уточняет, куда поедет, однако, очевидно, Англия была одним из первых вариантов. На это указывают, как ни парадоксально, его слова: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе» [2. Т. 60. С. 436]. Желание дистанцироваться от лондонского революционера связано, вероятно, с раздражением от того, что его издания могли стать одной из причин обыска: «Я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, кот[орое] обыскивает у меня литографские и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, кот[орые] я презираю, кот[орые] я не имею терпения дочитать от скуки» [2. Т. 60. С. 429]. Однако альтернативных вариантов, куда отправиться, Толстой не высказывает – и это позволяет предположить, что фраза «к Герцену не поеду» указывает как раз на размышление об Англии как о наиболее возможном пути.

Это предположение подкрепляет аналогичная ситуация столкновения Толстого с судебным произволом, произошедшая десять лет спустя. Тогда, в 1872 г., бык убил пастуха в Яснополянском имении, из-за чего писатель неожиданно оказался под следствием и должен

был несколько недель провести в имении, под запретом выезжать до окончания судебного процесса. Реакция Толстого была не менее бурной: «С седой бородой, 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, кот[орому] лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге» [2. Т. 61. С. 314]. Теперь писатель имеет четкий план действий и точно знает, куда хочет эмигрировать – в Англию. Своему давнему другу и родственнику А.А. Толстой он пишет: «Я решил переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено. Жена смотрит на это с удовольствием – она любит английское, для детей это будет полезно, средств у меня достанет (я наберу, продав все, тысяч 200); сам я, как ни противна мне европейская жизнь, надеюсь, что там я перестану злиться и буду в состоянии те немногие года жизни, кот[орые] остаются, провести спокойно, работая над тем, что мне еще нужно написать» [2. Т. 61. С. 314–315].

План Толстого не будет реализован, однако любопытно, что, описывая свое негодование, писатель наиболее точно воспроизводит характерную для публицистики в эпоху реформ антитезу между российской и британской государственностью. В том же письме он замечает: «Говорят, что законы дают *securité*. У нас напротив. Я устроил свою жизнь с наибольшей *securité*. Я довольствуюсь малым, ничего не ищущу, не желаю, кроме спокойствия; я любим, уважаем народом; воры и те меня обходят; я имею полную *securité*, но только не от законов» [2. Т. 61. С. 314–315]. А в следующем письме к А.А. Толстой он указывает, почему ищет спасения именно в Англии: «Лучшее, что может сделать человек, уважающий себя, это уехать от того безобразного моря самоуверенной пошлости, развратной праздности и лжи... И уехать в Англию, потому что только там свобода личности обеспечена – обеспечена для всякой уродливости и для независимой и тихой жизни» [2. Т. 61. С. 319].

Свобода личности, уважение к частной жизни человека, строгая законность – те достоинства британского общественно-политического устройства, которые многократно подчеркивались в российской прессе. Об этом писал, например, российский политолог и философ Б.Н. Чичерин, с которым Толстой сближается в 1858 г. В одной из статей в «Русском вестнике» от 1856 г. он указывает на «чувство законности» как на

одну из важнейших черт английского народа, поясняя: «Единственное надежное основание чувству законности есть любовь к закону, а любовь эта вселяется в гражданах, когда они в законе видят не притеснение, а защиту. В Англии личность и собственность каждого подданного ограждены от произвола. Дом англичанина... неприкосновенное его святилище... полицейский слуга не смеет в него войти без законного приговора суда»¹¹ [33. С. 674].

Как видим, образ английской действительности во многом сложился у Толстого под влиянием ведущих журналов того времени – влиянием, вероятно, неосознанным, поскольку писатель отстаивал неприятие европейской жизни, не стремился бывать за границей и откровенно иронизировал над «англофильством» своих современников. Сам Толстой никогда не указывал какие-либо общественно-политические причины своего внимания к английской культуре. Характерна его реплика в беседе с английским журналистом Р. Лонгом, записанной им по результатам беседы с писателем в марте 1899 г.: «Мне многое нравится в Англии, но то, что я знаю о ее народе, почерпнуто мной, главным образом, из английской литературы» [34. С. 112–113].

Литература – романы Стерна, Диккенса и примыкающие к ним сочинения Юма, которыми Толстой зачитывался в начале 1850-х гг., – стала «фундаментом» для формирования у Толстого устойчивого интереса к английской культуре. Писателя привлекло углубление английских авторов в «движения» человеческой души, их пристальное внимание к нравственным вопросам, чувственное отношение к заблуждениям и ошибкам героев в процессе формирования их характеров, сама философия «симпатии», сострадания. Впоследствии через «оптику» сентиментальной эстетики с ее гуманистическим пафосом Толстой будет воспринимать и современную ему английскую литературу. Близка писателю оказалась и этико-философская основа английской словесности, ее принципиальная «нравоучительность».

Однако само внимание писателя к английской литературе могло быть следствием культурных предпосылок – тяготения образованной части российского общества к «англомании», имеющее к тому моменту почти столетнюю историю. А «катализатором» стало стечение обстоятельств общественно-литературного порядка: застой и неопределенность в литературной жизни России на рубеже 1840–1850-х гг., восполняемые в журналах переводами английских романов, а затем всплеск интереса к английским общественным институтам в связи с подготовкой реформ. Все это предопределило особую роль в творчестве Толстого английской литературы, к которой он будет последовательно обращаться на протяжении всей своей жизни.

Примечания

¹ Наиболее известно утверждение Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» (1791): «Картина добрых нравов и семейственного счастья всего более восхищает меня в деревнях английских... Всякое воскресенье хожу в какую-нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповедь и смотреть на спокойные лица отцов и супругов, которые все усердно молятся Всевышнему... Здесь супруги живут для себя, а не для света... Англичанин говорит: "Я хочу быть счастливым дома и только изредка иметь свидетелей своему счастью"... Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, приобретает качества доброй супруги и матери» [8. С. 454–455].

² «Если Природа так сплела свою паутину добра, что некоторые нити любви и некоторые нити вождения вплетены в один и тот же кусок, следует ли разрушать весь кусок, выдергивая эти нити?» [2. Т. 46. С. 110].

³ «Один бойкий французской маркиз, за обедом у английского посланника, спросил у Mister Hume он ли – поэт Hume? – "Нет", отвечал скромно Hume. – Tant pis, возразил Маркиз. "Это Hume – историк" сказал кто-то. "Tant mieux", сказал Маркиз. Так [как] Mister Hume человек с очень добрым сердцем, то он поблагодарил как за то, так и за другое» [2. Т. 1. С. 270].

⁴ Всего загнутые уголки страниц обнаруживаются в 11 томах «Истории Англии», см.: [12. С. 526–528]

⁵ См. подробнее об этом: [20. С. 5–6]

⁶ Именно в переводе «Английских рассказов» Теккерея впервые появляется это название: А. Бутаков адаптировал таким образом оригинальный Rougetnoirbourg Теккерея («город красное-и-черное»). О роли рассказа в создании «Игрока» Ф.М. Достоевского писала Е.Ю. Гениева: [23. С. 18].

⁷ См.: [5. С. 268, 273–275]; также см.: [20].

⁸ Об этом высказывании В. Скотта Толстой узнал из статьи Дружинина 1856 г., посвященной его собственным военным рассказам: «Мы невольно вспомнили слова сэра Вальтера: “Нельзя опираться на одну литературу, как на костыль. Кроме литературы, необходимо иметь в жизни какую-нибудь практическую деятельность”» [26. Т. 7. С. 251].

⁹ См., например, статью Н.М. Мендельсон и В.Ф. Саводник [2. Т. 8. С. 489]

¹⁰ Ю.И. Красносельская указывает, что критика довольно быстро разглядела эту связь: «...хотя в педагогических статьях Толстой поначалу четко отделял образование от воспитания... и вообще говорил о народном, т.е. демократическом образовании, критика фактически увидит в них актуализацию той же социальной модели, которую Толстой воссоздавал десятилетием ранее» [31. С. 396].

¹¹ Сравним этот идеал с тем, что происходило в доме Толстого во время обыска в 1862 г.: «Дамоклов меч произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым. Частный Пристав и Жандарм не преминули дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались под окнами сестры, как в завоеванном крае. Студентам не позволяли перейти из одного дома в другой, чтоб пить чай и обедать. Ходили в подвалы, в ватер-клозет, в фотографию, в кладовые, в школы, в физический кабинет, требовали все ключи, хотели ломать, и не показали никакой бумаги, на основании которой это делалось» [2. Т. 60. С. 438].

Список источников

1. Дневники Софьи Андреевны Толстой : в 2 ч. М., 1928–1929.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
3. Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. Л. : Наука, 1944. Вып. 9. С. 77–137.
4. Ковалева Т.В. Билингвизм в русской культуре XVIII – середины XIX вв. : дис. ... канд. филос. наук : СПб., 2007. 189 с.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой : Исследования. Статьи. СПб., 2009. 952 с.
6. Атарова К.Н. Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». М., 1988. 95 с.
7. Васильева Е.Ю. Традиции сентиментализма в раннем творчестве Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 195 с.
8. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1983. 512 с.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга вторая. Об аффектах // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1996. 733 с.
10. Hume D. Essays and treatises on several subjects : 4 vols. Basil, 1793.
11. Hume D. Histoire d'Angleterre : 21 t. Paris, 1819–1827.
12. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание : в 3 т. Т. III: Книги на иностранных языках. Ч. 1. Тула, 1999. 700 с.
13. Юм Д. Об изучении истории // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1996. 799 с.
14. Высокова В.В. Историко-графический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. М., 2013. Вып. 45. С. 70–87.
15. Маковицкий. У Толстого : в 3 кн. М., 1979. (Литературное наследство. Т. 90).
16. Мураткина Е.Л. Лев Толстой и Чарльз Диккенс: духовные интенции художественных открытий : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 411 с.
17. Гредина И.В. Восприятие Диккенса в России. 1860–1880 гг. (на материале русской и англоязычной критики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 28 с.
18. Катарский И.М. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966. 428 с.
19. Аствацатурова В.В. Чарльз Диккенс в творческом сознании Л.Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с.
20. Гнюсова И.Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
21. Жиякова Э.М. Л.Н. Толстой и У. Теккерей («Севастопольские рассказы» и «Английские туристы») // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2001. № 1 (26). С. 20–26.
22. Английские туристы. Очерки Вильяма Теккерея // Отечественные записки. 1851. № 6. С. 106–144.
23. Гениева Е.Ю. Странная судьба Уильяма Теккерея // Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. М., 1989. 487 с.
24. Сарана Н.В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840–1860-х годов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 218 с.
25. Старшова Е.С. Русская англистика в журнале «Современник» 1840-х – 1850-х годов как проблема межкультурных взаимодействий : дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2003. 231 с.
26. Дружинин А.В. Собрание сочинений : в 8 т. СПб., 1865.
27. Чернышевский Н.Г. Ньюкомы, история одной весьма достопочтенной фамилии. Роман В.М. Теккерея // Современник. 1857. Т. 61, № 2. С. 31–42.
28. Проскурнин Б.М. Читая «Ньюкомов» Теккерея по-разному: литературно-критическая «дуэль» Чернышевского и Дружинина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 101–111.
29. Канонистова З.С. Межкультурный диалог в историческом контексте: Восприятие образа Англии и англичан в русском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 227 с.
30. Удалова Т.В. Русская публицистика конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. об общественно-политическом и экономическом развитии Англии : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 243 с.
31. Красносельская Ю.И. «Общество это составляю я один»: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития // Институты литературы в Российской империи. М., 2023. С. 349–396.
32. Borisova N. Decolonizing people's education: Leo Tolstoy on education, power and suppression // Tolstoy Studies Journal. 2023. Vol. 35. P. 46–57.
33. Чичерин Б.Н. О политической будущности Англии. Сочинение графа Монталамбера // Русский вестник. 1856. № 10. С. 645–680.
34. Два английских собеседника. Воспоминания Уильяма Томаса Стэда и Роберта Эдварда Крозье Лонга // Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. М., 1965. Кн. 2. С. 98–120.

References

1. Tolstaya. S.A. (1928–1929) *Dnevnik Sofi Andreevny Tolstoy* [The Diaries of Sofya Andreyevna Tolstaya]. Moscow: Izdaniye M. i S. Sabashnikovykh.
2. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: TERRA.
3. Alekseev, M.P. (1944) *Angliyskiy yazyk v Rossii i russkiy yazyk v Anglii* [English in Russia and Russian in England]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*. 9. pp. 77–137.

4. Kovaleva, T.V. (2007) *Bilingvizm v russkoy kul'ture XVIII – serediny XIX vv.* [Bilingualism in Russian culture of the 18th – mid-19th centuries]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
5. Eikhbaum, B.M. (2009) *Leo Tolstoy: Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
6. Atarova, K.N. (1988) *Lorens Stern i ego "Sentimental'noe puteshestvie po Frantsii i Italii"* [Laurence Sterne and His Sentimental Journey through France and Italy]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Vasil'eva, E.Yu. (2006) *Traditsii sentimentalizma v rannem tvorchestve LeningradN. Tolstogo* [Traditions of sentimentalism in the early works of Leo Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Karamzin, N.M. (1983) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Hume, D. (1996) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A treatise on human nature]. In: Hume, D. *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
10. Hume, D. (1793) *Essays and treatises on several subjects*. Basil: J.J. Tourneisen.
11. Hume, D. (1819–1827) *Histoire d'Angleterre*. Paris: Hippolyte Boisgard.
12. Kotlev, N.V. (ed.) (1999) *Biblioteka L'va Nikolaevicha Tolstogo v Yasnoy Polyane. Bibliograficheskoe opisanie* [The Library of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana. Bibliographic description]. Vol. 3. Part 1. Tula: Yasnaya Polyana.
13. Hume, D. (1996) *Ob izuchenii istorii* [On the Study of History]. In: Hume, D. *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
14. Vysokova, V.V. (2013) *Istoriograficheskiy i sotsial'nyy kontekst formirovaniya kontseptsii istorii Devida Yuma* [Historiographical and social context of the formation of David Hume's concept of history]. *Dialog so vremenem*. 45. pp. 70–87.
15. Makovitskiy, D.U. (1979) *U Tolstogo* [At Tolstoy's]. Moscow: [s.n.].
16. Muratkina, E.L. (2007) *Leo Tolstoy i Charl'z Dikens: dukhovnye intensii khudozhestvennykh otkrytiy* [Leo Tolstoy and Charles Dickens: spiritual intentions of artistic discoveries]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
17. Gredina, I.V. (2000) *Vospriyatie Dikensa v Rossii. 1860–1880 gg. (na materiale russkoy i angloyazychnoy kritiki)* [Perception of Dickens in Russia. 1860–1880 (based on Russian and English-language criticism)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Kartarskiy, I.M. (1966) *Dikens v Rossii. Seredina XIX veka* [Dickens in Russia. The middle of the 19th century]. Moscow: Nauka.
19. Astvatsaturova, V.V. (1990) *Charl'z Dikens v tvorchestvom soznanii L.N. Tolstogo* [Charles Dickens in the creative consciousness of Leo Tolstoy]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
20. Gnyusova, I.F. (2008) *L.N. Tolstoy i U.M. Tekkerei: problema zhanrovyykh poiskov* [Leo Tolstoy and William Makepeace Thackeray: the problem of genre searches]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Zhilyakova, E.M. (2001) L. N. Tolstoy i U. Tekkerei ("Sevastopol'skie rasskazy" i "Angliyskie turisty") [Leo Tolstoy and William Makepeace Thackeray (Sevastopol Stories and The Kickleburys on the Rhine)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*. 1 (26). pp. 20–26.
22. Thackeray, W. (1851) *Angliyskie turisty*. Ocherki Vill'yama Tekkereya [English tourists. Essays by William Thackeray]. *Otechestvennye zapiski*. 6. pp. 106–144.
23. Genieva, E.Yu. (1989) *Strannaya sud'ba Uil'yama Tekkereya* [The strange fate of William Thackeray]. In: Genieva, E.Yu. (ed.) *Uil'iam Meykpis Tekkerei. Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie razyskaniya* [William Makepeace Thackeray. Creativity. Memories. Bibliographic Research]. Moscow: Knizhnaya palata.
24. Sarana, N.V. (2018) *Traditsiya angliyskogo romana vospitaniya v russkoy proze 1840–1860-kh godov* [Tradition of the English Biblical novel in Russian prose of the 1840s–1860s]. Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Starshova, E.S. (2003) *Russkaya anglistika v zhurnale "Sovremennik" 1840–1850-kh godov kak problema mezhkul'turnykh vzaimodeystviy* [Russian English Studies in the Sovremennik magazine of the 1840s–1850s as a problem of intercultural interactions]. Philology Cand. Diss. Pskov.
26. Druzhinin, A.V. (1865) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
27. Chernyshevskiy, N.G. (1857) *N'yukomy, istoriya odnoy ves'ma dostopochtennoy familii*. Roman V.M. Tekkereya [The Newcomes, the history of a very honorable family. A novel by William Makepeace Thackeray]. *Sovremennik*. 2 (61). pp. 31–42.
28. Proskurnin, B.M. (2021) *Chitaya "N'yukomov" Tekkereya po-raznomu: literaturno-kriticheskaya "duel" Chernyshevskogo i Druzhinina* [Reading Thackeray's Newcomes in different ways: The literary-critical "duel" of Chernyshevsky and Druzhinin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3 (13). pp. 101–111.
29. Kanonistova, Z.S. (2006) *Mezhkul'turnyy dialog v istoricheskom kontekste: Vospriyatie obraza Anglii i anglichan v russkom obshchestve vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Intercultural dialogue in a historical context: perception of the image of England and the English in Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Saratov.
30. Udalova, T.V. (2009) *Russkaya publitsistika kontsa 50-kh – nachala 60-kh gg. XIX v. ob obshchestvenno-politicheskom i ekonomicheskom razvitiy Anglii* [Russian journalism of the late 1850s – early 1860s on the socio-political and economic development of England]. History Cand. Diss. Saratov.
31. Krasnosel'skaya, Yu.I. (2023) *"Obshchestvo eto sostavlyayu ya odin": genezis i retseptsiya pedagogicheskogo proekta L.N. Tolstogo v svete diskussiy nachala 1860-kh godov o zakonakh obshchestvennogo razvitiya* ["I alone make up this society": the genesis and reception of Leo Tolstoy's pedagogical project in the light of the discussions of the early 1860s on the laws of social development]. In: Vdovin, A.V. & Zubkov, K.Yu. (eds) *Instituty literatury v Rossiyskoy imperii* [Institutes of Literature in the Russian Empire]. Moscow: Higher School of Economics. pp. 349–396.
32. Borisova, N. (2023) *Decolonizing people's education: Leo Tolstoy on education, power and suppression*. *Tolstoy Studies Journal*. 35. pp. 46–57.
33. Chicherin, B.N. (1856) *O politicheskoy budushchnosti Anglii*. Sochinenie grafa Montalambra [On the political future of England. The work of Count Montalembert]. *Russkiy vestnik*. 10. pp. 645–680.
34. Gilenson, B.A. (ed.) (1965) *Dva angliyskikh sobesednika. Vospominaniya Uil'yama Tomasa Steda i Roberta Edvarda Kroz'era Longa* [Two English interlocutors. Memories of William Thomas Stead and Robert Edward Crozier Long]. In: Anisimov, I.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 75. Part. 2. Moscow: Nauka. pp. 98–120.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 82-32
doi: 10.17223/15617793/505/2

Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений»

Евгения Евгеньевна Анисимова^{1, 2}

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
^{1, 2} eva1393@mail.ru

Аннотация. Сопоставлены две редакции рассказа Л.Н. Толстого «Ермак» 1860-х и 1870-х гг., рассмотрены его творческая история и взаимосвязи с другими произведениями «Второй русской книги для чтения» (1875). В центре внимания находится сформулированная нарратологами проблема эквивалентности (поэтики «сцеплений»), позволившая писателю включить «Ермаков сюжет» в широкий контекст отечественной и мировой истории, общественных и природных закономерностей, соотнести покорителя Сибири с известными персонажами фольклора и художественной литературы.

Ключевые слова: Ермак, Строгановы, Л.Н. Толстой, А.С. Суворин, исторический рассказ, эквивалентность, поэтика «сцеплений»

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Анисимова Е.Е. Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 18–26. doi: 10.17223/15617793/505/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/2

The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's literary optics. The short story "Yermak" as a part of the *Second Russian Book for Reading*: Redactions, poetics of "linkages"

Evgeniya E. Anisimova^{1, 2}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation
^{1, 2} eva1393@mail.ru

Abstract. The work examines the cycle-creating poetics of Tolstoy, the author of the *Second Russian Book for Reading*, in which the story "Yermak" (1862; 1872) occupies an essential place and, as demonstrated in the article, may be regarded as one of the key poles in the artistic structure of this collection of prose works. In the course of the analysis, the poetics of "linkages" intrinsic to Tolstoy is reconstructed and evaluated as a key factor in the design of the cycle as an entity. The reconstruction of the implicit interrelations of the story "Yermak" with other works incorporated into the *Second Russian Book for Reading* sheds light on Tolstoy's moral and historiosophical concept, which he developed in the 1870s. The source base comprises two editions of "Yermak" and other stories of the *Second Russian Book for Reading*, Tolstoy's pedagogical articles, diaries and letters, 17th-century Siberian chronicles, Nikolai Karamzin's and Aleksey Suvorin's works on the conqueror of Siberia, etc. The theoretical problem of equivalence ("labyrinth of linkages", as Tolstoy has put it) is in the focus of this research that aspires to reveal Tolstoy's view of the Cossack leader in the broad context of national and world history, social and natural patterns, writer's intention to correlate him with famous characters of folklore and fiction. The methodological basis of this article is works of A.S. Yanushkevich, L.E. Lyapina, M.N. Darwin and V.I. Tyupa on cyclization, W. Schmid on narrative equivalence, V.B. Shklovsky, S.G. Bocharov and Yu.V. Lebedev on Tolstoy's techniques of "defamiliarization" and "linkages", as well as M.B. Plyukhanova's observations on the folk motif of death in water. The article compares two versions of the story "Yermak", identifies their historical sources, analyzes the changes in the image of Yermak from the 1860s to the 1870s and the development of Tolstoy's concept of the conquest of Siberia. The article shows that Tolstoy perceives the historical process as a series of correspondences, which in his artistic practice he comprehends and expresses by connecting texts dedicated to these events, using "linkages" as main device. The dominating images and motifs that form the meaning for the story of the conqueror of Siberia were gradually included in the book and developed from one work to another (the plot of the peoples' migrations, anthropomorphic and animalistic plots about mercy, the image of the "hero of

water", etc.). Thus, in order to understand Tolstoy's view of Yermak the necessary explanatory context was created, and within this context the hero's semantic and functions were clarified. It is concluded that multiple "linkages" of this selected story with other stories within the *Second Russian Book for Reading* allowed the reader to see in the image of the conqueror of Siberia and in the epic-heroic finale of his life a complete correspondence to the popular ideal.

Keywords: Yermak, Stroganov merchant family, L.N. Tolstoy, A.S. Suvorin, narratological equivalences, poetics of "linkages", historical narrative

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Anisimova, E.E. (2024) The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's literary optics. The short story "Yermak" as a part of the *Second Russian Book for Reading*: Redactions, poetics of "linkages". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/2

После сочинений Н.М. Карамзина и К.Ф. Рылеева следующим знаковым произведением о Ермаке, его бесспорной вершиной является рассказ Л.Н. Толстого «Ермак» (1862; 1872). Ввиду общепризнанного статуса писателя кардинально укрупнился сам прецедент очередного обращения русского литератора к сюжету покорения Сибири. Интерес Толстого к Ермаку фиксируется в его дневниках, письмах и черновиках начиная с 1850-х гг. Первая редакция рассказа вышла в 1862 г. в приложении к журналу «Ясная Поляна», вторая была опубликована спустя десятилетие сначала в составе «Азбуки» 1872 г., а затем во «Второй русской книге для чтения» 1875 г.

Несмотря на то что рассказы о Ермаке 1860-х и 1870-х гг. посвящены одному и тому же деятелю отечественной истории и ориентированы на схожую читательскую аудиторию, концепция образа народного героя и покорения Сибири, система привлеченных источников и художественных приемов в них существенно различаются. Во-первых, во второй версии рассказа писатель полностью отказался от изложения биографии атамана до прихода в Сибирь и усилил значение семьи Строгановых в организации похода, ориентируясь на недавний научный труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» [1]. Во-вторых, в издании 1875 г. большую роль для понимания образа Ермака приобрела композиция сборника – Толстой расположил произведения по принципу «сцеплений», неявных смысловых переключек между рассказами. Если в «Азбуке» (1872) рассказы еще были распределены по отделам строго в соответствии с жанром и конкретной педагогической задачей [2. Т. 22. С. 357–358], то во «Второй русской книге для чтения» (1875) – уже на основе внутреннего сюжета всего сборника и схождения между текстами.

Подготовка книг для чтения велась Толстым параллельно с работой над романом об эпохе Петра I, оставшимся неоконченным, и «Анной Карениной». В связи с последним автор изложил свои мысли о поэтике «сцеплений» в знаменитом и неоднократно цитировавшемся письме Н.Н. Страхову от 23 апреля 1876 г.: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем,

почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения» [2. Т. 62. С. 268–269].

Эту особенность творческого мышления Толстого, отразившуюся на поэтике его произведений, исследователи называли «внутренней связью» [3. С. 9] или «искусство<м> соединения тематически разнородных, сюжетно не связанных, но внутренне перекликающихся друг с другом эпизодов» [4. С. 130]. В современной нарратологии прием получил наименование эквивалентности [5. С. 229 и сл.]. Эквивалентность подразумевает сложное соотношение элементов, связь которых обеспечена не причинностью, логикой и целенаправленностью развития самого нарратива, а «основывается на совпадении этих элементов на более общем понятийном уровне, поскольку оппозиции... нейтрализуются относительно более абстрактного, более глубокого родового признака» [5. С. 230–231]. Эквивалентность является слагаемым общей тенденции – литературной циклизации¹. Если на основе эквивалентности может быть организован один текст, то цикл представляет собой подчиненное тому же правилу соединение нескольких самостоятельных произведений. На первый план в обоих случаях выходит «потенциальная возможность двойного прочтения» [7. С. 12] частей, с одной стороны, как самостоятельных произведений/эпизодов, а с другой – как частей единого целого. По мысли С.Г. Бочарова, «основа сцепления» у Толстого заключается в коренной жизненной ситуации, «которая может раскрыться так же глубоко в событии бытовом и семейном, как и в событии, которое называется историческим» [3. С. 9]. Несмотря на то что поэтика «сцеплений» у Толстого как научная проблема была сформулирована исследователями и сознавалась самим писателем, его «Русские книги для чтения» не становились предметом анализа в перспективе циклообразования и поэтики эквивалентности.

Настоящая статья посвящена исследованию творческой истории рассказа Толстого «Ермак» и его «внутренним связям» с другими произведениями «Второй русской книги для чтения».

* * *

Повышенное общественное внимание к завоевателю Сибири в 1862 г. не в последнюю очередь было связано с отмечавшимся тысячелетием российской государственности, в честь которого был установлен памятник «Тысячелетие России» в Новгороде. Фигура Ермака Тимофеевича располагалась на ярусе монумента «Военные люди и герои» вместе с Александром Невским, Дмитрием Донским, Иваном Сусаниным, Кузьмой Мининым и др.

Сохранилась рукопись первой редакции «Ермака», написанная разными почерками и содержащая несколько небольших правок писателя [2. Т. 8. С. 633]. Первый вариант рассказа носил отчасти компилятивный характер и составлялся с участием учителей толстовской школы под руководством самого Толстого. По всей вероятности, одним из источников стала созданная А.С. Сувориным «занимательная биография» «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири». Об ориентации на текст Суворина свидетельствуют многочисленные совпадения и особенности написания некоторых имен (например, Строгоновы). Книга вышла в свет в 1864 г., однако, судя по дневниковым записям издателя, написана она в 1862 г. – одновременно с биографией Никона, подготовленной по заказу Толстого для приложения к тому же журналу. Историю и хронологию написания своих занимательных биографий Суво-

рин осветил в дневнике от 23 марта 1896 г.: «На Плющихе я написал по заказу Л.Н. Толстого биографию Никона, патриарха, для яснополянских крестьян. Толстой сам принес мне за биографию деньги – 50 руб. <...> По заказу А.П. Строгановой, председательницы “общества распространения полезных книг”, я написал “Ермака” и “Боярина Матвеева”, которые были напечатаны, и “Смутное время”, которое цензура не пропустила. Рукопись не долго у меня оставалась. Часть ее переписана Анютой. Эта работа сделана была в начале 1862 года, когда я остался без денег и места» [9. С. 86].

Подготовленное Сувориным жизнеописание Никона было опубликовано в приложении к августовскому номеру «Ясной Поляны» (1862), «Ермак» Толстого – в сентябрьском. Писатели обратились к неканонической версии биографии Ермака, согласно которой настоящее имя атамана – Василий Тимофеевич Аленин. Источником этих сведений для Суворина и Толстого послужила «История государства Российского» Н.М. Карамзина, в примечаниях к которой историограф изложил легенду из «Новой Сибирской Летописи» о происхождении и молодости казака². Сам историк охарактеризовал эту родословную Ермака как сказку, однако в художественных произведениях 1860-х гг. статус этой версии возвышен. У Суворина она представлена в качестве вероятной («Говорят – верно ли, нет ли, не известно»), у Толстого – уже в качестве основной.

«История государства Российского» (Т. IX, примеч. 664) Н.М. Карамзина	«Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири» (1862; опублик. 1864) А.С. Суворина	«Ермак» (1862) Л.Н. Толстого
В рукописной Новой Сибирской Летописи сказано: «В некоторой Сибирской Истории упомянуто о роде Атамана Ермака, якобы по его собственному объявлению (здесь и далее подчеркнуто мной. – Е.А.). Дед Ермаков был города Суздаля посадский человек, а жил в великой скудости, искал себе пропитания и переехал в город Володимир. Его звали Афанасий Григорьев сын, прозванием Аленин. Тут в Володимире вскормил он двух сынов, Родиона и Тимофея; сам кормился извозом, нанимался иногда возить разбойников в Муромских лесах и вместе с ними попался в тюрьму; через некоторое время бежал, взяв жену и детей, в Уезде Юрьевца Повольского, где и умер; а дети его от скудости переехали жить на реку Чусовую в вотчины Строгоновых, и слыли Повольскими. У них родились сыновья: у Родиона Дмитрей да Лука, у Тимофея Гаврила, Фрол да Василий. Василий был весьма силен и речист, ходил в работе на стругах по Каме и Волге; наконец, кинув работу, прибрал к себе артель и пошел с нею на разбой Атаманом. Еще работая на судах, Василий от товарищей своих был назван <i>Ермаком</i> , служа им кашеваром: ибо они сим именем называли дорожный артельный таган; а по Вольскому наречию <i>Ермак</i> значит еще жерновой ручной камень». – <u>Это сказка, думаю</u> [14. С. 247].	<u>Говорят – верно ли, нет ли, не известно, – что будто</u> дед Ермака был посадский человек, и бедно <u>жил в городе Суздале</u> . Звали его Афанасием Григорьевичем <u>Алениным</u> . <u>Переехал этот Афанасий во Владимир и стал извозничать</u> . Случилось ему свести знакомство с муромскими разбойниками – и стал он возить их. Дело было прибыльное, да не долго возил он их: вместе с ними в тюрьму попал. А у него росли два сына, Родион и Тимофей. Посидел Афанасий в тюрьме и бежал отсюда. Захватил своих детей и жену и переехал жить в уезде Юрьевца Повольского. Тут он умер. Дети остались совсем без хлеба. Прослышали они, что на Чусовой реке, в вотчинах Строгонова, можно хлеб зарабатывать, переехали сюда и назвались Повольскими. У Родиона родились – Дмитрий да Лука, у Тимофея – Гаврила, Фрол и Василий. Василий был особенно боек, силен и речист. Нанялся он на барки, и ходил по Волге и Каме. Работа эта наскучила ему... Называться стал он не Васильем, а <u>Ермаком</u> . <u>Так его товарищи прозвали</u> , когда он еще на барках ходил. Как артельный таган называли <i>ермаком</i> , так и Василья Ермаком прозвали, потому что был он кашеваром. Так он во всю жизнь Ермаком и назывался [13. С. 58–59].	При царе Иване Васильевиче Грозном, в городе Суздале, жил мещанин Афанасий Григорьев, а прозвище ему было <u>Аленин</u> . И не при-чем ему было жить. <u>Переехал он во Владимир и стал извозничать</u> . Возил он разбойников в муромских лесах и угодил вместе с ними в тюрьму. Через некоторое время он бежал и скоро умер. После него остались два сына: Родион и Тимофей. У Родиона было два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея три: Гавриил, Фрол и Василий. От бедности переехали они жить на Чусовую реку и за деньги нанялись к купцам Строгоновым; а Василий пошел на заработки: возил он товары на стругах (большие лодки) по Каме и Волге. Василий был из себя красивый, росту среднего, в плечах широк, очень силен и речист. <u>Товарищи его любили и прозвали Ермаком</u> . А потому его прозвали Ермаком, что был он кашеваром, в котле кашу варил. Котел назывался Ермаком, по котлу его и прозвали [12. С. 53–54].

Новое издание 1872 г. было задумано как масштабный педагогический проект, который не ограничивался обучением грамоте крестьянских детей. В письме от 12 янв. 1872 г. Толстой так сформулировал свой замысел: «Гордые мечты мои об этой “Азбуке” вот какие: по этой “Азбуке” только будут учиться два поколения русских *всех* (курсив Л.Н. Толстого. – Е.А.) детей от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту “Азбуку”, мне можно будет спокойно умереть» [2. Т. 61. С. 269]. В новой книге писатель отказался от использования опубликованных в «Ясной Поляне» материалов и старого репертуара – биографий Колумба, Лютера, Никона и др. Исключением стал только завоеватель Сибири, к жизнеописанию которого он повторно обратился в начале 1870-х гг. При этом Толстой не стал перепечатывать рассказ 1862 г., а написал о Ермаке новое произведение.

Во всех «русских книгах для чтения» исторической тематике посвящено небольшое число сочинений. При этом «Ермак» является единственным примером последовательного, «достоверного» повествования об историческом событии – остальные рассказы представлены в форме кратких занимательных историй и случаев. Опыт преподавания в Яснополянской школе привел Толстого к мысли о нецелесообразности полного курса истории для детей, а также позволил сделать выводы о своеобразии интереса к прошлому у юного читателя: «Я знаю для этого (для появления интереса к истории. – Е.А.) два элемента: художественное чувство поэзии и патриотизм. Для того чтобы развить и то и другое, еще нет учебников; а пока их нет, нам надо искать, а не тратить даром время и силы и уродовать молодое поколение, заставляя его учить историю и географию только потому, что нас учили истории и географии. *До университета я не только не вижу никакой необходимости, я вижу большой вред в преподавании истории и географии* (курсив Л.Н. Толстого. – Е.А.)» [2. Т. 8. С. 109].

«Исторический интерес, – пишет Л.Н. Толстой, – большею частью является после интереса художественного» [2. Т. 8. С. 96]. Наиболее удачные опыты преподавания предмета, по его собственному признанию, были связаны с установлением связи прошлого с настоящим и группировкой событий вокруг одного лица: «Самый большой успех имел, как и надо было ожидать, рассказ о войне с Наполеоном» [2. Т. 8. С. 101]. Понравившаяся детям импровизация о недавних событиях, по оценке самого писателя, была, скорее, рассказыванием сказки, нежели преподаванием истории [2. Т. 8. С. 103]. В ходе создания нового рассказа о покорителе Сибири Толстой стремился совместить занимательное повествование об одном лице с правдивыми историческими деталями. В этом смысле показательно, что автор полностью отказался от имеющей гипотетический характер предыстории о происхождении и юности героя. Редакция «Ермака» 1872 г. представляла собой не столько биографию атамана, как это было в первой версии произведения, а своего рода историю для народа, в которой автор «Войны и мира» подчеркнул тесную взаимосвязь казака и его

дружины с другими участниками исторического процесса – царем, купцами, инородцами и др. Единство национальной жизни, продемонстрированное писателем в рассказе о покорении Сибири, предполагало не только изменение подхода к историческому повествованию в конкретном произведении, но и включение его в более широкий контекст сюжетов всего сборника. Как показал Ю.В. Лебедев, 1840–1860-е гг. в русской литературе стали важным этапом становления эпических циклов и подготовили появление последующих литературных шедевров. «Будучи предметом пристального писательского интереса, – отмечает исследователь, – крестьянская жизнь в эпических циклах изображалась не обособленно, а во всем многообразии ее связей с другими сословиями и общественными группами, с жизнью всей нации» [15. С. 4]. Историческим «сцеплениям» в историософской программе Толстого соответствовала поэтика смысловых и мотивно-образных «сцеплений» внутри книги, в которую был помещен «Ермак».

Во «Вторую русскую книгу для чтения» писатель включил 65 рассказов, которые расположены по принципу от простых и коротких к более сложным и объемным, что было обусловлено как художественной, так и педагогической логикой издания. Закономерно, что в сильной позиции оказывались заключительные произведения, в которых Толстой соединял все смысловые нити книги, прежде всего финальные – были «Архиерей и разбойник», история «Ермак» и стихи-сказка «Сухман». Неслучайным представляется соседство «Ермака», с одной стороны, с рассказом о раскаявшемся преступнике и, с другой – с адаптированной былинной о русском богатыре. Именно такой путь проходит толстовский Ермак – от разбойника к эпическому народному герою.

Основные образы и мотивы, смыслообразующие для рассказа о покорителе Сибири, включаются в книгу постепенно и развиваются от одного произведения к другому. К числу наиболее значимых мотивно-образных «сцеплений» отнесем следующие:

- сюжет перемещения народов, войны, колонизации («Индеец и англичанин», «Камбиз и Псаменит», «Ермак», «Сухман»);
- сюжет милосердия, прощения врага/преступника, дарения («Индеец и англичанин», «Жилетка», «Лев и собачка», «Камбиз и Псаменит», «Архиерей и разбойник», «Ермак»);
- образ царя, правителя, образ льва как «царя зверей» («Петр I и мужик», «Лев и собачка», «Камбиз и Псаменит», «Ермак», «Сухман»);
- образ лошади, образ рабочей лошади как аллегория простого мужика (крестьянина, казака) («Петр I и мужик», «Две лошади», «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом», «Ермак»);
- образ разбойника, вора, образ волка как аллегория разбойника («Жилетка», «Волк и журавль», «Три вора», «Архиерей и разбойник», «Ермак» и др.);
- образ реки, героя воды, река как олицетворение характера человека, его жизненного выбора («Шат и Дон», «Судом», «Волга и Вазуза», «Ермак», «Сухман»).

Как видно из представленного перечня, в основе книги лежит мысль о печальной неизбежности противоречий, войн между людьми, в том числе иллюстрируемая аллегорическими анималистическими сюжетами, но при этом выбор поведения в этих обстоятельствах остается за человеком – наказывать или миловать, обманывать или поступать честно и т.д. Система образов построена в цикле на основе эквивалентности: сюжетам об исторических событиях, социальных и семейных перипетиях соответствуют аналогичные сюжеты о животных, растениях, реках и т.д. По Толстому, история, общество и природа развиваются по одним законам, и ассоциативные «сцепления» между рассказами закрепляют такое представление о мире. Рассмотрим взаимосвязи «Ермака» с другими произведениями сборника.

* * *

В своих педагогических статьях Толстой часто подчеркивал тесную связь истории и географии. Так, первый урок истории в яснополянской школе начинался с намерения писателя «объяснить, чем Россия отличается от других земель, ее границы, характеристику государственного устройства, сказать, кто царствует теперь, как и когда император вззошел на престол» [2. Т. 8. С. 96–97]. Показателен в этом отношении выбор исторических деятелей во «Второй русской книге для чтения». Из отечественной истории Толстой отобрал только два имени – Петра I, прорубившего окно в Европу основателя империи и ее новой столицы, а также Ермака – предводителя казачьей дружины, расширившего восточные границы государства и занявшего столицу владений Кучума Сибирь (Искер).

Движение масс с запада на восток и с востока на запад рассматривалось Толстым в качестве одной из главных закономерностей мировой истории [2. Т. 12. С. 240], а потому находилось в его произведениях, в том числе написанных для детей, за пределами пристрастных оценок. Однако особенности поведения завоевателей по отношению к покоренным народам интересуют писателя именно с нравственной позиции. Историю завоевания Сибири Ермаком автор предваряет двумя разными примерами такого взаимодействия. Материалом для первого из них выступила колонизация Америки. В рассказе «Индеец и англичанин» местный житель прощает европейца за убийство сына и отпускает его к своим. Согласно первоначальному замыслу, следы которого сохранились в черновой редакции толстовского рассказа, офицер должен был переосмыслить свою жизнь и перестать воевать с индейцами [2. Т. 21. С. 634]. Однако в ходе работы над книгой писатель отказался от счастливой концовки – в финальной редакции произведения милосердие индейца остается без ответа. Источником второго примера взаимодействия завоевателей и завоеванных стала «История» Геродота. В рассказе «Камбиз и Псаменид» персидский царь простил и помиловал своего врага – поверженного правителя Египта, увидев, что тот пожалел своего знакомого сильнее, чем собственных детей: «Мое собственное горе так велико, что о нем и плакать нельзя; а товарища мне жалко стало за

то, что он в старости из богатства попал в нищету» [2. Т. 21. С. 185]. Камбиз хотел помиловать и сына Псаменида, но не успел: к тому времени последнего уже казнили. Как можно видеть, одна и та же коллизия разрешается в рассказах по-разному: англичанин не откликается на милосердие потерявшего сына индейца, персидский царь, напротив, прощает своего врага, тоже лишившегося своего ребенка, но сумевшего в роковой момент искренне пожалеть постороннего человека. Таким образом, уже до начала повествования о Ермаке у читателя складываются представления о должном и недолжном поведении завоевателя.

Мысль о милосердии сильного раскрывается писателем не только на историческом материале, но и на других примерах – в рассказах о животных и былях о разбойниках/преступниках. Так, в хрестоматийном рассказе «Лев и собачка» царь зверей подобно персидскому правителю неожиданно отвечает дружбой на искреннее и доверчивое поведение своей потенциальной жертвы. В «Волке и журавле» разворачивается сюжет аналогичный «Индейцу и англичанину», – хищник не платит добром отзывчивой птице, вытащившей из его горла кость, как европеец не отвечает на великодушный жест местного жителя.

В историях о преступниках, где мысль о милосердии раскрывается в социальном ключе, Толстой использовал известные литературные сюжеты. Рассказ «Жилетка», один из первых в книге, представляет собой упрощенную версию пушкинской «Капитанской дочки». Если Гринева спас подаренный им Пугачеву заячий тулупчик, то героя толстовского произведения – отданная на свадьбу бедному приятелю жилетка. Купец хочет найти вора, укравшего у него большую сумму денег, и отправить его в Сибирь. Но узнав, что грабителем оказался человек, выручивший его в юные годы, прощает его. На ассоциативном уровне этот сюжет повторяется в «Ермаке», где атамана, в прошлом тоже преступника, купцы Строгоновы собираются отправить в Сибирь, а прежняя вина героя искупается его добрыми делами.

Другой сюжет о прощении преступника – «быль» «Архиерей и разбойник». Непосредственно предшествуя «Ермаку» в последовательности рассказов, «Архиерей и разбойник» является переработанной версией фрагмента из романа В. Гюго «Отверженные». В издании 1872 г. сохранилась помета, отсылающая нас к этому источнику [2. Т. 22. С. 200]. Ее впоследствии Толстой изъясил вместе с остальными такими указаниями. Фабула рассказа такова. Архиерей оставляет разбойника у себя ночевать (у Гюго – это епископ и каторжник Жан Вальжан). Последний в ответ решает не убивать священника, а ограничивается лишь кражей подсвечника. Когда полицейские ловят вора и приводят его к ограбленному, архиерей выносит второй подсвечник со словами: «Зачем же ты, дружок, только один подсвечник взял? Ведь я тебе оба подарил» [2. Т. 21. С. 189]. Только после этого преступник по-настоящему раскаивается. Иначе говоря, один акт милосердия приводит к целой цепочке добрых дел. Как и герои рассказов о преступниках, Строгоновы у Толстого не побоялись пригласить Ермака Тимофеевича,

«злее» которого не было на всей Волге. В результате купцы получили защиту от татар, русское государство – Сибирь, а Ермак – царскую милость.

Рассказ о причинах беспрецедентного успеха Ермака также подготавливается рядом предшествующих рассказов. Переломным эпизодом в толстовском повествовании о Сибири становится битва с войском Кучума и Маметкула накануне взятия Искера, известная в военной истории как бой на Чувашевом мысу и запечатленная впоследствии на картине В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895). Из Строгановской летописи, обнародованной Карамзиным, читателю XIX в. были известны страхи казаков накануне решающей битвы. У Толстого решающий выбор, который должна сделать дружина, иллюстрируется притчей атамана о лошади: «Разве не видите сами? Назад идти – перебьют; мимо плыть – перебьют; здесь стоять – перебьют. Куда же нам попятиться? Раз потрудишься, после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Как под горку – везет, и по ровному везет, а как придется в гору – заноровится, назад воротит, думает – легче будет. Так взял батюшка кол, возил-возил ее колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг ее батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой бы муки не видала. Так-то и нам, ребята. Одно только осталось – прямо на татар ломить» [2. Т. 21. С. 194].

Образ рабочей лошади в детских рассказах Толстого эквивалентен образу простого мужика – крестьянина или казака, который тянет свой «воз», как бы трудно ему ни приходилось. Притча, вложенная в уста Ермаку, связана сразу с несколькими произведениями о лошадях. Так, в басне «Две лошади» ситуация выбора реализуется буквально. Одна лошадь работает, стараясь изо всех сил, и остается жива. Вторая, напротив, ленится, хочет обмануть хозяина, делается потому бесполезной в хозяйстве, и с нее снимают шкуру. В рассказе «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом» сюжет приобретает социальное звучание. Герой неожиданно для себя обнаруживает соответствие между Воронком, старой лошадию, которая его везет с большим трудом, и 90-летним стариком Пименом Тимофеичем (Ермак в рассказе также назван по-народному – Тимофеич [2. Т. 21. С. 191]): «Лошадь измучена, насили дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Все равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то чрез силу погоняли бы его хлыстом» [2. Т. 21. С. 178]. Позднее, как известно, этот прием будет развит Толстым в повести «Холстомер» (1886). В «Ермаке» «лошадиный» лейтмотив обретает уже исторические смыслы. Казаки, оказавшиеся в невыгодной диспозиции перед превосходящими силами противника, уподобляются лошади, из последних сил везущей телегу в гору (на картине Сурикова войско Кучума и сам он изображены на крутом берегу реки, а Ермакова дружина атакует с пологого). Атаман понимает, что путь у него и его товарищей только один, и объясняет это казакам языком притчи.

В. Шкловский в своей работе «Искусство как прием» указал на постоянное использование подобной

поэтической техники Л.Н. Толстым, назвав ее остранием: «Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим. Поэтому мы не можем ничего сказать о ней. – Вывод вещи из автоматизма восприятия совершается в искусстве разными способами; в этой статье я хочу указать один из тех способов, которыми пользовался почти постоянно Л. Толстой... Прием остраниения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз произошедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах» [16. С. 13–14].

В русской книге для чтения писатель соединяет прием остраниения с разрабатываемой им в этот период циклообразовательной техникой «сцеплений». Важные для писателя мысли даются не просто под новым углом зрения, но и повторяются с использованием разных языков описания, увязываясь друг с другом не столько логически, сколько ассоциативно. Как мы видели выше, мотив милосердия одновременно представлен в сюжетах о животных, рассказах о разных условиях и на историческом материале. Так, истории о пожалевшем собачку льве, простившем вора богатому купцу и помиловавшем врага персидском царе соотносятся внутри книги с рассказами о неблагодарных волке, разбойнике и английском колонизаторе. Образ рабочей лошади одновременно показан как часть сельского быта, как аллегория всего крестьянского сословия, и как историческая сила – казачество, которое должно проложить дорогу в Сибирь. Поэтому циклообразовательная поэтика книги Толстого предполагает уяснение образа Ермака в фокусе нескольких проекций, лучами протянутых к нему из других рассказов писателя.

* * *

Рассказ о покорителе Сибири и сборник в целом завершаются важным для «Ермакова сюжета» образом реки. Во «Вторую русскую книгу для чтения» Толстой включает три рассказа о реках-людях («Шат и Дон», «Судом», «Волга и Вазуза») и два о людях-реках («Ермак», «Сухман»). В первом случае реальные реки уподобляются людям со своим характером, во втором герои отечественной истории и русского эпоса становятся реками, «растворяются» в них (Иртыш, Сухман-река).

М.Б. Плеханова в статье «Гибель Петра I в реке Смородине» указала на «героический характер дерзновения» в фольклорных сюжетах, включающих мотив гибели в воде, а также на роль обстоятельств смерти Ермака для последующего развития этих сюжетов: «Непосредственная связанность песен о тонущих богатырях с разинским циклом легко объяснима. Песни о Добрыне и Садке сохраняют связи с исходными былинами, поэтому у гибнущих богатырей сохраняется черта героизма; героизм характерен также для Ермака-Разина-Пугачева. Садко, Добрыня, вожди-атаманы как

персонажи дерзновенные равно отличаются от несчастного молодца из «Повести о Горе» героическим характером своего дерзновения. Традиция гибели в воде героев разинского типа имеет свои самостоятельные истоки. В основе ее лежит сказание о гибели Ермака» [17. С. 28].

В интенсивно развивающейся в XIX в. литературе для народа «Ермаков сюжет» зачастую движется мотивом утопления, а связь героя с водой всемерно подчеркивается³. Толстой в «Ермаке» отошел от распространенной версии гибели атамана, согласно которой он утонул под тяжестью подаренных царем доспехов. В рассказе герой получает ножовое ранение в руку, после чего словно растворяется в реке: «Вскочил Ермак, стал биться. Ранили его ножом в руку. Бросился он бежать к реке. Татары за ним. Он в реку. Только его и видели. И тела его не нашли, и никто не узнал, как он умер» [2. Т. 21. С. 195–196]. Получение подобных ран накануне гибели приобретает особое значение в соотнесении со следующим рассказом – адаптированной былинной «Сухман». Богатырь Сухман, победивший «сорок тысяч злых татаровей», был ранен стрелами, выпущенными спрятавшимися от него «татарченками», «спорол» их ножом и «позатыкивал» свои раны «листьем». В финале быliny он выдернул листья и превратился в «Сухман-реку»: «Потеки река от моей крови... / Будь Непре-реке ты родна сестра» [2. Т. 21. С. 200]. Таким

образом, финал жизни Ермака имплицитно проецируется на былинную и задает легендарному сюжету конкретно-историческое измерение.

Это художественное «сцепление» подготовлено целой серией рассказов о людях-реках, которые, в свою очередь, соотносятся с другими историями о жизненном выборе (например, «Две лошади», «Два брата» и др.). В рассказе «Шат и Дон» «Шат Иваныч не послушался отца и не пошел по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иваныч слушал отца и шел туда, куда отец приказывал. Зато он прошел всю Россию и стал славен» [2. Т. 21. С. 153]. В рассказе «Волга и Вазуза» Вазуза обманула Волгу, выйдя в дорогу раньше времени, но спор выиграть все равно не смогла, оставшись маленькой и узкой речушкой. А «Волга проходит через всю Россию на три тысячи сто шестьдесят верст и впадает в Хвалынское (Каспийское) море» [2. Т. 21. С. 171]. Показательно, что в своих произведениях Толстой указывает реки, связанные с именем Ермака и упоминаемые в рассказе о нем: «Вот Строгоновы, как получили от царя письмо, послали приказчиков еще собирать народ к себе. И больше велели подговаривать казаков с *Волги* и с *Дону*. А в то время по *Волге*, по *Дону* казаков много ходило. <...> Приехали приказчики на Волгу и стали спрашивать: какие тут казаки слынут?» [2. Т. 21. С. 190–191].

Противники Ермака и Сухмана, подобно Шату и Вазузе, избирают неверный путь и терпят поражение:

«Ермак»

Одно только место осталось – прямо на татар ломить
(слова Ермака перед решающей битвой. – Е.А.).

Кучум с зятем Маметкулом боялись на Ермака прямо идти,
а только кругом ходили, придумывали как бы его погубить.

На другой год пришло царское войско,
и татары замирились [2. Т. 21. С. 194–196].

«Сухман»

Всех побил татар Одишмантьевич,
Убежало ли три татарченка, –
Под кусточками, под ракиновыми
У Непры-реки схоронились.
Подъезжал Сухман к мать Непре-реке,
Из-под кустиков в Одишмантьича
Три татарченка стрелки пустили
Во его бока, в тело белое.

...Я пустил коня на татаровей
И побил их всех до единого [2. Т. 21. С. 197–198].

Ермак и богатырь Сухман, герои, связанные с образом реки, олицетворяют в книге Толстого естественное движение жизни, подобное течению рек, а сделанный ими верный жизненный и исторический выбор обеспечивает им народную память и славу⁴.

Подведем итоги. Если в редакции рассказа 1862 г. Толстой акцентировал разбойничье прошлое своего персонажа, в том числе иллюстрируя историю популярными народными песнями о Ермаке, то во «Второй русской книге для чтения» биография атамана была начата с переломного момента – его призвания в Си-

бирь Строгоновыми, и подсвечена сюжетом о раскаявшемся преступнике, с одной стороны, и подвигом русского богатыря – с другой.

Поэтика нового рассказа и его множественные «сцепления» с другими произведениями сборника позволяют читателю увидеть в образе покорителя Сибири полное соответствие народному идеалу и эпико-героический финал его жизни. В свою очередь, все аспекты проанализированной здесь писательской техники способствуют пониманию «русской книги для чтения» как цикла.

Примечания

¹ См. об этом: [6–8].

² Данные о том, что дедом Ермака был суздальский мещанин А.Г. Аленин, содержатся в «Есиповской летописи по Бузуновскому списку» («Бузуновском летописце») [10. С. 191–212] и «Летописи Сибирской о роде атамана Ермака Тимофеева» («Черепановской летописи») [11. Л. 5–5 об.]. В 1860-е гг. эти сведения могли быть известны писателям в пересказе Н.М. Карамзина, а также по упоминаниям в работах Г.И. Спасского и П.А. Словцова.

³ «Прости Сибирь! Прости родная Русь! / Храни вас Бог! Меня ж прими на лоно / Свое Иртыш. Тебе я отдаюсь / С молитвою: прими меня о Боже» [18. С. 60], «Он (Ермак. – Е.А.) сурово сдвинул брови и затянул свою любимую, унылую песню: “Ты прими меня Волга матушка, / Утопи в синих волнах тоску мою”», «Раки клешнями вопьются в твоё тело могучее... Водоросли прорастут твои кудри черные... А очи соколиные... Эти очи, что прямо в душу глядят... водою залиются...» [19. С. 62, 481], «мы идем скоро на Волгу к одному такому атаману, который, если только он захочет, так найдет горошину, упавшую на самое дно Волги!» [20. С. 67], «Шаман прочитал заклинание, потом дрожаще

рукой бросил царский венец (от которого отказался Ермак. – Е.А.) в Иртыш и скрылся за утесами», «Вдруг он видит, что по Иртышу плывет труп человека, в одежде, какую носят военачальники, и в броне, на которой ярко блестел золотой двуглавый орел» [21. С. 132, 323], «Высоко вздымались волны Иртыша. Словно тяжелым молотом били они по больной груди Ермака. Словно заступаясь за своих прежних владельцев – татар – они завлекли их победителя на средину реки и там кружили его и хлестали, разжигая боль его раны и стихийными силами втягивая его в свою холодную глубину» [22. С. 29] и т.д.

⁴ См. развитие и концептуализацию метафоры в романе «Воскресение»: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая» [2. Т. 32. С. 194]. Ср. также образ Леты, реки забвения, архетипической функции которой Толстой словно бросает вызов.

Список источников

1. Анисимова Е.Е. История для народа в «Ермаке» Л.Н. Толстого: Строгановский сюжет // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 2. С. 200–217.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
3. Бочаров С.Г. «Война и мир» Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978. 103 с.
4. Лебедев Ю.В. В середине века. Историко-литературные очерки. М.: Современник, 1988. 384 с.
5. Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2008. 304 с.
6. Янушкевич А.С. Русский прозаический цикл 1820–1830-х годов как «форма времени» // Исторические пути и формы художественной циклизации в поэзии и прозе: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1992. С. 18–35.
7. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.
8. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.
9. Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина. Москва; Петроград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 407 с.
10. Летописи сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. 270 с.
11. Сибирская летопись Ивана Леонтьевича Черепанова [Рукопись]. [Б. м.], третья четверть XVIII в. 510 л.
12. Толстой Л.Н. Ермак // Ясная Поляна. Книжки для детей. 1862. № 9. С. 53–76.
13. Суворин А.С. Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири // Русские замечательные люди. Рассказы А. Суворина. 3-е изд. СПб.: Типо и хромолит. А. Траншеля, 1874. С. 53–89.
14. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. IX. СПб.: В типогр. Н. Греча, 1821. 472, 298 с.
15. Лебедев Ю.В. Становление эпоса в русской литературе 1840–1860 годов (проблемы циклизации): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 38 с.
16. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.
17. Плюханова М.Б. Гибель Петра I в реке Смородине // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 604. Труды по русской и славянской филологии. Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1982. С. 17–31.
18. Калашников П.И. Ермак: опера в четырех действиях. Музыка М. Сантиса. СПб.: Тип. Скарятин, 1873. 60 с.
19. Николаева Е. От плахи – к почести. Исторический роман из эпохи завоевания Сибири: в 3 ч. СПб.: Калашников. тип. А. Трунова, 1891. 677 с.
20. Казачий атаман Ермак Тимофеевич, или покорение Сибирского царства. Исторический роман в 3-х частях. М.: Изд-во А.Д. Сазонова, 1899. 359 с.
21. Дмитриев Д.С. Ермак и Сибирь. Историческая повесть из времен Иоанна Грозного. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1901. 347 с.
22. Л.Г. Ермак Тимофеевич / составлено и издано редакцией «Деревенской газеты». СПб.: Типогр. «Деревенской газеты», 1907. 31 с.

References

1. Anisimova, E.E. (2024) *Istoriya dlya naroda v "Ermake"* L.N. Tolstogo: Stroganovskiy syuzhet [History for the people in Leo Tolstoy's Yermak: Stroganov plot]. *Studia Litterarum*. 2 (9). pp. 200–217.
2. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Bocharov, S.G. (1978) *"Voyna i mir"* L.N. Tolstogo [War and Peace by Leo Tolstoy]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Lebedev, Yu.V. (1988) *V seredine veka. Istoriko-literaturnye ocherki* [In the Middle of the Century. Historical and literary essays]. Moscow: Sovremennik.
5. Schmid, W. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: YaSK.
6. Yanushkevich, A.S. (1992) Russkiy prozaicheskiy tsikl 1820–1830-kh godov kak "forma vremeni" [Russian prose cycle of the 1820–1830s as a "form of time"]. In: Darvin, M.N. (ed.) *Istoricheskie puti i formy khudozhestvennoy tsiklizatsii v poezii i proze* [Historical Paths and Forms of Artistic Cyclization in Poetry and Prose: Interuniversity]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 18–35.
7. Lyapina, L.E. (1999) *Tsiklizatsiya v russkoy literature XIX veka* [Cyclization in Russian Literature of the 19th Century]. Saint Petersburg: Institute of Chemistry, Saint Petersburg State University.
8. Darvin, M.N. & Tyupa, V.I. (2001) *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's Works: An attempt to study the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk: Nauka.
9. Suvorin, A.S. (1923) *Dnevnik A.S. Suvorina* [Diary of A.S. Suvorin]. Moscow; Petrograd: Izd-vo L.D. Frenkel'.
10. Dergacheva-Skop, E.I. (ed.) (1991) *Letopisi sibirskie* [Siberian Chronicles]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Cherepanov, I.L. (n.d.) *Sibirskaya letopis' Ivana Leont'evicha Cherepanova* [Siberian Chronicle of Ivan Leontyevich Cherepanov]. Manuscript. [S.l.]: [s.n.].
12. Tolstoy, L.N. (1862) *Ermak* [Yermak]. *Yasnaya Polyana. Knizhki dlya detey*. 9. pp. 53–76.
13. Suvorin, A.S. (1874) *Ermak Timofeevich. Pokoritel' Sibiri* [Yermak Timofeevich. Conqueror of Siberia]. In: Suvorin, A.S. *Russkie zamechatel'nye lyudi. Rasskazy A. Suvorina* [Remarkable Russian People. Stories by A. Suvorin]. 3rd ed. Saint Petersburg: Tipo i khromolit. A. Transhelya. pp. 53–89.
14. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha.
15. Lebedev, Yu.V. (1979) *Stanovlenie epasa v russkoy literature 1840–1860 godov (problemy tsiklizatsii)* [Formation of the Epic in Russian literature of the 1840–1860s (problems of cyclization)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
16. Shklovskiy, V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Izd-vo "Federatsiya".
17. Plyukhanova, M.B. (1982) *Gibel' Petra I v reke Smorodine* [The Death of Peter I in the Smorodina River]. In: Reyfman, P. (ed.) *Uchenye zapiski Tartusko gosudarstvennogo universiteta. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Edinstvo i izmenchivost' istoriko-literaturnogo protessa* [Scientific Notes of Tartu State University. Works on Russian and Slavic Philology. Unity and Variability of the Historical and Literary Process]. Vol. 604. Tartu: Tartu State University. pp. 17–31.
18. Kalashnikov, P.I. (1873) *Ermak: opera v chetyrehkh deystviyakh. Muzyka M. Santisa* [Yermak: Opera in four acts. Music by M. Santis]. Saint Petersburg: Tip. Skaryatina.

19. Nikolaeva, E. (1891) *Ot plakhi – k pochesti. Istorich. roman iz epokhi zayoevaniya Sibiri* [From the Chopping Block to Honor. Historical Novel from the Era of the Conquest of Siberia]. Saint Petersburg: Kalashnikov. Tip. A. Trunova.
20. Shmitanovsky, V. Ya. (1899) *Kazachiy ataman Ermak Timofeevich, ili pokorenie Sibirskogo tsarstva. Istoricheskiy roman v 3-kh chastyakh* [Cossack Ataman Yermak Timofeevich, or the Conquest of the Siberian Kingdom. Historical novel in 3 parts]. Moscow: Izdatel'stvo A.D. Sazonova.
21. Dmitriev, D.S. (1901) *Ermak i Sibir'. Istoricheskaya povest' iz vremen Ioanna Groznogo* [Yermak and Siberia. Historical story from the time of Ivan the Terrible]. Moscow: T-vo I.D. Sytina.
22. L.G. (1907) Ermak Timofeevich [Yermak Timofeevich]. *Derevenskaya gazeta*. Saint Petersburg: Tipogr. Derevenskoy gazety.

Информация об авторе:

Анисимова Е.Е. – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). E-mail: eva1393@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Anisimova, Dr. Sci. (Philology), professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: eva1393@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 82-3
doi: 10.17223/15617793/505/3

Двойничество в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин»

Елена Германовна Белоусова¹

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belouelena@gmail.com

Аннотация. Феномен двойничества рассматривается на материале романа Е.Г. Водолазкина «Чагин». Воплощение феномена прослеживается в композиции, хронотопе и образной системе произведения. Выявляются основные типы двойников, способы создания и соотношения, связь с авторской картиной мира и концепцией времени. Делается вывод о переосмыслении автором универсальных литературных моделей с целью выражения собственных представлений о природе человеческой личности, соотношении вымысла и реальности в жизни и творчестве.

Ключевые слова: творчество Водолазкина, «Чагин», двойничество, двойники, память, творчество

Для цитирования: Белоусова Е.Г. Двойничество в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 27–33. doi: 10.17223/15617793/505/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/3

The doppelganger aspect in the novel *Chagin* by Eugene Vodolazkin

Elena G. Belousova¹

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, belouelena@gmail.com

Abstract. Based on the novel *Chagin* (2022) by Eugene Vodolazkin, the article studies the doppelganger problem. It dwells on the doppelganger phenomenon as a cultural archetype – a universal pattern that shows conceptions of a human being and his place in the world which are relevant for a specific time period. The work aims to define peculiar features of doppelganger imagery in the novel by Vodolazkin, a key author of the modern Russian literature. The study applies the methods of structural, comparative and archetype analysis. The research reveals that the doppelganger aspect determines the ideas and literary originality of the novel, being present on different levels of its structure. The four-part contexture structures the novel as a system of mirrors reflecting the main character's personality from different perspectives and aesthetically creating his literary image. On the chronotope level the doppelganger feature actualizes the author's world model, the specifics of which is explicit compared to Nabokov's one. Literary space in Vodolazkin's and Nabokov's fiction represents the contrast and unity of real and imaginary worlds, they elaborate and deepen each other. Yet there is a difference – the conception of continuous and universal time ascended to the Medieval worldview: according to Vodolazkin human life involves the past, present and future, the latter being perceived as fiction due to its closed nature. In such a way, overcoming the limited natural life, a human being realizes his striving for eternal life. The system of characters in the novel represents a complex system of doppelgangers: real and intertextual ones, twins and carnival pairs, and antagonists in most cases. Correlating with the author's model of literary time and space, they make the problems more profound, outlining the philosophical, ethical and axiological perspectives of the novel. The relation of doppelgangers with the main character and among themselves is actualized considering their time correlation (past, present and future) and space correlation (imaginary, real). This point reveals a number of conceptual and axiological oppositions which are essential for the author's conceptualization of time, memory, creativity and betrayal in the novel: reality/imagination, memory/oblivion, madness/norm, kindness/evil... *Chagin* is always in the middle of the mentioned poles, as a result numerous pairs of doppelgangers and antagonists evolve into triads. It allows the writer to defuse the irrepressible conflict and plan a way out of it. The research concludes that Vodolazkin is consciously guided by universal models proven by the centuries-long literary tradition but interprets them on his own. The very relation of different reflections of a human "ego" encourages a person's self-identification. Connecting characters and events of different time layers, the author declares the genuine "ego" and the genuine biography of his character.

Keywords: oeuvre of Vodolazkin, *Chagin*, doppelganger aspect, doppelgangers, memories, creativity

For citation: Belousova, E.G. (2024) The doppelganger aspect in the novel *Chagin* by Eugene Vodolazkin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 27–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/3

Восходящий к бинарным моделям мифологического сознания, в частности к близнечным мифам, феномен двойничества легко опознается и активно используется в культуре последующих столетий, что объясняет неослабевающий интерес к нему исследователей. Прежде всего назовем фундаментальные труды Е.М. Мелетинского [1], О.М. Фрейденберг [2], М.М. Бахтина [3], С.З. Агранович и И.В. Саморуковой [4], благодаря которым проблема двойничества получила свое теоретическое обоснование и обнаружила связь с различными сферами человеческого бытия. Об этом убедительно пишет современная исследовательница Т.В. Грудкина: «имея различные варианты своего воплощения (философский, мифологический, эстетический, психологический и социальный), феномен двойничества обнаруживает себя не только в категориях разединения, двойственности и дуализма. Высшей целью бытия для индивидуума оказывается преодоление двойничества, обретение единой целостности: в философском плане – это единство человека с миром, в психологическом – с самим собой, в социальном – с другими людьми» [5. С. 6].

В литературе с двойничеством чаще всего соотносят произведения, созданные в русле романтической и постромантической традиций. Если говорить о персональных авторских стратегиях, то наиболее полно феномен двойничества изучен сегодня в творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова. Это подтверждает и ряд диссертаций, посвященных проблеме двойничества в текстах названных авторов¹.

Более сложной и неоднозначной ситуация с двойничеством оказывается в современной русской литературе. Одни исследователи считают установку на двойничество для нее не актуальной. Об этом, ссылаясь на Г. Слейтга, рассуждает, например, О.А. Джумайло: «...литература до постмодернизма использовала образ двойника, чтобы утвердить гуманистическую концепцию стабильного “я” и целостной культуры», а в постмодернизме двойник «призван подтвердить расщепление “я” и расщепление текста» [9. С. 247].

Другие исследователи, наоборот, отмечают активный диалог современных писателей с предшествующей литературой и повышенный интерес к двойничеству в том числе. Среди них – Е.В. Паниткова, которая рассматривает творчество В. Маканина в свете проблемы «традиции-новаторства», в частности сопоставляет мотивы двойничества у Маканина и Достоевского [10]. Ю.А. Повх тоже обращается к современному литературному материалу, анализируя двойничество в прозе Д. Вересова, Н. Галкиной, А. Столярова как элемент петербургского мифа [11].

Наглядным примером установки на активное взаимодействие с культурными универсалиями, в том числе феноменом двойничества, может служить и проза Е.Г. Водолазкина, которого по праву считают одной из знаковых фигур современной русской литературы. Его романы сегодня активно изучаются, и, конечно, феномен двойничества не остался незамеченным исследователями. В романах «Лавр», «Соловьев и Ларионов», «Авиатор» его отмечают Н.В. Ковтун [12],

Я.В. Солдаткина [13], Т.Л. Чернышева [14], Р.В. Шубин [15], справедливо связывая систему двойников с авторской концепцией времени и особенностями сюжетной организации текстов.

Анализируя роман «Авиатор», Н.В. Ковтун приходит к следующему выводу: «каждый сюжет по принципу зеркального отражения находит себя в другом сюжете, образы героев, события делятся, все персонажи имеют двойников как собственное отражение во времени» [12. С. 79]. Аналогичную позицию занимает и Р. Шубин, рассматривающий романы Водолазкина «в системе координат самости и дружности» и в сопоставлении с текстами В. Набокова. «Герои Водолазкина оказываются окутанными аурой одиночества, окружены именитыми двойниками (Соловьев, Платонов) и антиподами (Ларионов и Жлоба) и обречены на утверждение себя через собственную инакость <....>, несхожесть с другими...» [15. С. 150].

Повторяющихся или дополняющих друг друга двойников Т.Л. Чернышева называет «альтернативными героями» [14. С. 142] и рассматривает их в модели альтернативной истории, воплощенной автором в романе «Авиатор».

Большая часть таких замечаний носит эпизодический и констатирующий характер. Тем не менее они принципиально важны для постановки проблемы двойничества в прозе Е.Г. Водолазкина, которая, безусловно, требует отдельного изучения, тем более, на материале последнего романа писателя, еще не получившего научного осмысления. Отсюда *цель работы* (здесь и далее, в том числе в цитатах, курсивом выделено нами. – Е.Б.) – раскрыть особенности воплощения феномена двойничества в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» (2022).

В современном литературоведении можно выделить два основных подхода к изучению двойничества. В узком смысле под двойничеством понимают «литературный феномен, основанный на бинарности как исходной эстетической позиции и характеризующийся набором характеристик, которые определяют внутреннюю сущность и внешнюю форму художественного произведения, и потому тесно связаны с фабулой, системой персонажей и стилем автора» [5. С. 6]. Двойничество в широком смысле – один из архетипов культуры, «образная модель, которая, обладая определенной устойчивостью своей структуры, сформировавшейся на каком-то этапе культурного развития и отражающей особенности этого этапа, вместе с тем является мобильной единицей воплощения актуальных представлений» [4. С. 9–10], прежде всего представлений об отношении и месте человека в окружающем его мире.

Именно второй, культурологический подход представляется нам наиболее продуктивным для текстов Е.Г. Водолазкина, учитывая специфику их интертекстуальности. Как справедливо пишет В.В. Абашев, фрагмент текста у Водолазкина «отсылает одновременно ко многим источникам, цитируя не какой-то конкретный текст, а скорее *топос культуры*, сложившийся как результат эманации многих произведений в совокупное представление о стиле, эпохе, образе исторического лица и т.п.» [16. С. 321].

В романе «Чагин» двойничество реализуется на различных уровнях художественной структуры и прежде всего в композиции. Роман состоит из четырех частей, которые образуют сложную систему зеркал², отражающих фигуру главного героя – мнемониста Исидора Чагина. Обладая феноменальной памятью, он легко запоминает любую информацию, помнит все, но ничего не может забыть.

Первое зеркало – это дневник Исидора Чагина в пересказе молодого коллеги, архивиста Павла Мещерского, второе – биография Чагина, выдуманная сотрудником секретной службы Николаем Ивановичем, третье – воспоминания о Чагине его друга, актера Эдуарда Грига, четвертое – отражение Чагина в переписке Мещерского и его возлюбленной Ники, соседки Чагина. По-своему излагая историю жизни главного героя – историю предательства и искупления, рассказчики способствуют эстетическому завершению и углублению его образа. А вместе с тем – раскрытию ключевых для творчества Водолазкина тем *времени, памяти и творчества*, которые в «Чагине» осмысливаются автором в контексте проблемы мифотворчества, соотношения вымысла и реальности.

При этом особенности хронотопа в романе тоже определяются двойничеством, которое в данном случае выступает как способ миромоделирования. Модель мира Е.Г. Водолазкина по сути своей близка биспациальной модели В.В. Набокова, описанной Ю.И. Левиным [18, 19]. Она представляет собой контраст-единство реального и воображаемого миров, которые не столько опровергают, сколько дополняют и углубляют друг друга³, уточняя представление о природе человеческой личности и ее месте в мире⁴.

И все же хронотоп Водолазкина имеет существенное отличие от набоковского. Причина – в авторской концепции времени, которое характеризуется «одномоментностью, универсальностью, нерасчленимостью», а также «диффузией земного и вечностного» [21. С. 11–12]. По логике Водолазкина-писателя, восходящей к средневековому мировоззрению, составляющему сферу научных интересов Водолазкина-филолога, жизнь человека одновременно включает в себя настоящее, прошлое и будущее, которое в силу своей закрытости воспринимается как вымысел⁵. Так, преодолевая ограниченность земного существования, человек реализует свое стремление к вечности.

Наиболее зримо авторское видение и понимание мира отражается в образной системе романа, которая представляет собой сложную систему двойников. Выстраивая ее, Водолазкин последовательно идет по пути удвоения образа Чагина, активно используя самые различные типы двойников (двойников-антагонистов, карнавальные пары, двойников близнечного типа⁶), вымышленных персонажей, в том числе и других авторов (интертекстуальные двойники), а также реальные исторические лица.

Основной ряд героев-двойников выстраивается по временной оси романа: *Генрих Шлиман (прошлое)* – *Исидор Чагин (настоящее)* – *Павел Мещерский (будущее)*. Не отличаясь внешним, физическим сходством, герои близки духовно, что позволяет причислить их к

двойникам близнечного типа, важнейшей характеристикой которого является «функциональная идентичность персонажей при обязательной принадлежности их к одному миру» [4. С. 44].

Первостепенное значение в этой триаде имеет пара Чагин – Шлиман, сходство между которыми Водолазкин подчеркивает различными способами. Это и простое сюжетное совпадение (в юности Чагин посещает Шлимановский кружок, расположившийся в бывшем доме Шлимана; служа в архиве, он занимается письмами Шлимана к барону фон Краузе), и общие моменты биографии (трагическая история любви), и явное сходство личности: «...в чудаковатом немце Чагин нашел родственную душу» [22. С. 62].

Помимо феноменальной памяти, героев сближают поиски мечты или смысла жизни (для Шлимана – Троя, для Чагина – любовь Веры), но самое главное – особое отношение к фантазии и вымыслу. «Фантазия – это жизнь в ее идеальном проявлении» [22. С. 313], – заявляет Генрих Шлиман в письме барону фон Краузе. По-своему развивая мысль предшественника, Чагин предлагает судить о человеке не по его биографии (герой на собственном опыте знает, что биография порой очень мало зависит от человека), а по его мечтам [22. С. 304]. Ведь «фантазия – это увеличительное стекло, – повторил он после раздумья. – Чтобы лучше разглядеть предмет» [22. С. 305].

В результате оппозиция «вымысел – реальность» в романе снимается, а составляющие ее полюса максимально сближаются. При этом формы их сопряжения оказываются различными, что существенно усложняет отношение между двойниками. В частности, двойники близнечного типа вдруг обнаруживают «конфликт ценностных полюсов» [4. С. 12] и трансформируются в пару *двойников-антагонистов*. Так, в изображении Водолазкина Генрих Шлиман – «апофеоз вымысла», «барон Мюнхгаузен в чистом виде» [17]. Он полностью *подменяет реальность вымыслом, живет в мире фантазий*, но именно фантазии позволили Шлиману, вопреки мнению ученых мужей, открыть Трою.

Антиподом Генриха Шлимана выступает Павел Мещерский, олицетворяющий в романе *полюс реальности*. Именно он дает самое прямое и объективное отражение Чагина, фактически пересказывая дневник героя. Он менее всех склонен к мифотворчеству, но при этом, безусловно, близок Чагину. Сходство героев также подтверждает ряд очевидных совпадений в романе: как и Чагин, Павел служит в архиве, живет в бывшей квартире Чагина, случайное знакомство Мещерского с Никой перерастает в настоящее глубокое чувство, подобное чувству Чагина к Вере⁷.

Как видим, *пространственная характеристика героев, их принадлежность к миру реальному или вымышленному* для Водолазкина не менее важна, чем временная соотнесенность. И ключевая фигура в этом плане, конечно, Чагин. Он занимает *промежуточное положение между полюсами вымысла и реальности*, и эта позиция имеет принципиальное значение для Водолазкина-писателя. В одном из интервью он заявляет: «На самом деле ключевые вещи все существуют в парах».

Памяти противостоит забвение, даже не противостоит, а соответствует. Слово существует только потому, что существует молчание, или, наоборот, молчание есть, потому что есть слово. Все ключевые понятия существуют как *промежуточное звено между двумя полюсами*. И нет ничего хуже, чем существование на одном из полюсов» [17]. Как следствие: «дар, доведенный до крайности, превращается в антидар» [17].

В отличие от Шлимана Чагин не подменяет реальность вымыслом, а *преобразует ее* с помощью вымысла, создавая тем самым *высшую реальность*. Подтверждением тому – автобиографическая поэма «Одиссей», в которой герой, исправляя ошибки молодости, воссоздает свою *подлинную биографию*: в ней есть Вера, есть Шлимановский кружок, но нет совершенного им предательства.

Название поэмы не случайно: образ Одиссея становится интертекстуальным двойником и Чагина, и Шлимана. Помимо Гомера к нему отсылают строки И. Бродского из стихотворения «Одиссей Телемаку», взятые Водолазкин в качестве эпиграфа к роману. Кроме того, в самом тексте романа автор проводит прямые аналогии между героями: кафедра античной истории напоминает Шлиману Троя, «сам себе он виделся Одиссеем. Профессор (монокль в глазу) имел явное сходство с Полифемом...» [22. С. 302]. Чагин тоже сравнивает себя с Одиссеем, а двух Николаев, склонивших его к предательству, – с сиренами: «Николай лишь выступили в роли сирен, а Одиссей, как на грех, оказался не привязан к мачте» [22. С. 252].

Далее художественная конструкция «Чагина» еще больше усложняется благодаря вводу дополнительных двойников и антиподов. Коррелируя с авторской моделью художественного времени и пространства, основным рядом двойников и друг с другом, они существенно углубляют проблематику романа, выявляя его философскую, этическую и аксиологическую проекции.

Двойниками-антагонистами Генриха Шлимана в прошлом оказывается Генрих фон Краузе и Даниэль Дефо. В первом случае основанием для сближения является Троя, поиску которой оба посвятили всю жизнь. Противопоставляются же Шлиман и фон Краузе в аксиологической плоскости романа. «Патологический лгун» Шлиман живет в мире фантазии, а опирающийся на рациональное знание и объективные факты фон Краузе принадлежит исключительно миру реальному, однако первый Троя нашел, а второй не смог.

Фигура Дефо в этом смысле еще более важна, учитывая устойчивый характер интертекстуальных связей текстов Водолазкина с романом Дефо⁷. И в «Чагине», и в своих интервью писатель неустанно подчеркивает противоположность человеческих и моральных качеств Шлимана и Дефо: первый – бескорыстный романтик, второй – беспринципный «доносчик и интриган»⁸, стоявший у истоков политического сыска. В этом плане Шлиман и Дефо выступают олицетворением этических полюсов (добро – зло).

Вместе с тем героев явно сближает пристрастие к вымыслу и мистификации: «В жизни обоих реальность часто оказывается вымыслом» [22. С. 108]. Неслучайно

в постоянном предательстве Дефо Чагин видит не корысть, а «своего рода вдохновение», «мутную, завораживающую поэзию измены» [22. С. 109]. Правда, реализуется эта страсть по-разному. Для Шлимана, как уже отмечалось, вымысел становится способом постижения реальной жизни, для Дефо – ее оправданием: «В Шлимановском кружке Дефо все-таки оправдали, и главным основанием стал (конечно же) “Робинзон Крузо”. Он все оправдывает» [22. С. 109].

В *настоящем времени* тема предательства раскрывается с помощью таких персонажей, как Николай Петрович и Николай Иванович, Альберт и Вельский.

Как и Дефо, Николай связан с секретной службой. Соблазняя Чагина возможностью остаться в Ленинграде после окончания института, они внедряют героя в кружок молодых ленинградских интеллигентов и склоняют к предательству. Чагин с фотографической точностью воспроизводит своим кураторам содержание разговоров, что приводит к аресту руководителя кружка Вельского, которого обвиняют в распространении запрещенной литературы. На основании «функциональной идентичности» [4] названных персонажей вполне можно рассматривать как двойников Дефо. Но в свете ценностной и пространственной оппозиции «вымысел–реальность» герои диаметрально противоположны. Николай Петрович – трезвый реалист («человек приземленный» [22. С. 251]), Николай Иванович – не просто фантазер, а фактически сумасшедший. Он выдумывает невероятную историю о лондонской миссии секретного агента Чагина по возвращению в Россию Синайского кодекса.

И все же Николаев трудно назвать антагонистами, скорее *карнавальной парой*, участники которой не противостоят, а дополняют друг друга, точнее «комический дублер (“шут”) замещает серьезного героя» [4. С. 30]. Неслучайно герои практически всегда ходят вместе – «два Николая».

Помимо мотива сумасшествия снижению образа Николая Ивановича способствует мотив графоманства, или псевдотворчества. Открыв в себе вдохновенного читателя, Николай Иванович со временем дерзнул «бросить вызов пишущему»: «ведь, если вдуматься, тот, кто умеет читать, умеет и писать» [22. С. 171]. «В порядке здоровой конкуренции» герой создает стихотворение в прозе, в котором объединяет и поэму Твардовского «Ленин и печник», и балладу Гете «Лесной царь», и даже критику, рассматривающую художественные особенности собственного текста, – «в целом довольно благожелательную» [22. С. 171, 174].

В этом плане Николай Иванович является *сниженным двойником* не только Николая Петровича (безумие – норма), вынужденного писать объяснительную в компетентные органы из-за «фантазий» своего коллеги, но и Генриха Шлимана. Это подтверждает реакция редактора стенгазеты на опус Николая Ивановича: «...написанное – чистая выдумка. *Хуже Шлимана, честное слово*» [22. С. 175].

Различие между Шлиманом и Николаем Ивановичем принципиально для понимания эстетической позиции самого Водолазкина, суть которой, на наш взгляд, проясняют рассуждения автора о фиктивном

и фикциональном: «В литературоведении есть два термина: фиктивное – это намеренная ложь, а есть такое понятие, как фикциональное, то есть вымышленное. И во многом книга (роман «Чажин». – Е.Б.) именно о том, что вымысел – это иногда благодать, он смягчает довольно жесткую действительность, если бы не было этой амортизации, было бы тяжело жить». Таким образом, «Шлиман – это доведение фикционального в человеке до предела» [23, 24], а Николай Иванович – предел фиктивного.

Тем не менее образ Николая Ивановича чрезвычайно важен для понимания образа Чагина и реализованной в нем концепции личности автора. Ведь именно Николай Иванович объясняет роль и место вымысла в жизни человека: «Случается, человек придумывает себе события, но даже те из них, что рождены фантазией, находятся в общем реестре, потому что фантазия – это тоже реальность. Реальность человеческого духа, а значит – и полноправная часть опыта» [22. С. 236]. По этой причине история секретной миссии Чагина (операция Биг-Бэн), несмотря на ее бредовый характер, вполне вписывается в историю жизни героя. Другое дело, что, как и Шлиман, Николай Иванович олицетворяет один из крайних полюсов жизни и творчества, в его случае – вдохновенную ложь и совершенный отрыв от реальности. А ни одна из крайностей, как мы помним, не приемлема для автора и его героя. Чажин – единственный, кто смог найти свой путь и преобразовать свою жизнь. Результат его жизнотворчества – обретение высших, подлинных ценностей: искупление грехов и воссоединение с Верой пусть и незадолго до ее смерти.

С темой предательства в настоящем связаны также Чажин, Вельский и Альберт. На первый взгляд, Чажин и Вельский – антагонисты, отношения между которыми определяются логикой оппозиции «палач – жертва», ведь именно Исидор стал причиной ареста руководителя Шлимановского кружка. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что у героев немало общего. Например, с обоими в тексте связан мотив фотографирования, т.е. удвоения реальности. Вельский фотографирует секретные материалы, у Чагина в буквальном смысле «фотографическая» память. Однако, в отличие от Вельского, Чажин с течением времени меняется. Вместе с даром забвения он обретает и дар творчества, тем самым от копирования чужого переходит к *сотворению собственной жизни*: «Рифмы жизни ощущают многие, но рифма – не удвоение. Рифма – это переход к новому с памятью о старом. Говоря о подобии вещей, она утверждает их единственность» [22. С. 274].

Показательна в этом плане история несостоявшейся женитьбы Чагина на одной из сестер-близнецов Барковских. Ассистентки иллюзиониста Тина и Дина были «воспроизведением друг друга» [22. С. 274] не только по условиям контракта, который запрещал девушкам появляться вместе. Одинаковыми, лишенными индивидуальности были внешний облик, голос, походка и даже внутренний мир девушек. По этой причине подмена девушек в момент, когда Чажин собирается сделать предложение руки и сердца, для Дины – всего лишь шутка, а для героя – катастрофа.

Возвращаясь к аресту Вельского, заметим, что на самом деле от Исидора в этой истории зависело немного: главным информатором спецслужб был Альберт. «Если для Исидора эта история оказалась трагической ошибкой, то этот тип стучал на Шлимановский кружок вдохновенно. Исидор мучился этим всю жизнь, а Альберт вполне себе процветал. И еще. Альберт был соперником Чагина – и женился на Вере» [22. С. 343]. Не простив предательства, Вера разрывает все отношения с Исидором.

Таким образом, и Вельский, и Чажин оказываются в роли жертвы, а значит, в романе возникает еще одна триада: *Альберт – Дефо – Чажин*. В отличие от Альберта, которому у Водолазкина нет оправдания, поскольку нет ни раскаяния, ни наказания, Дефо получает и наказание (за одну из своих сомнительных мистификаций он в течение трех дней стоял прикованный к позорному столбу), и оправдание – роман. А образ Чагина, как и в предыдущих случаях, снимает остроту этического конфликта и намечает из него выход. Оправдать свое предательство Исидор не может (неслучайно представляет себя на месте Дефо у позорного столба), но всей последующей жизнью искупает грехи молодости, за что и получает дар забвения: «вымысел – это род забвения, вымысел замещает действительность» [24].

Итак, рассмотрев особенности воплощения феномена двойничества в романе Е.Г. Водолазкина «Чажин», мы пришли к следующим выводам:

Двойничество определяет художественное своеобразие романа, проявляясь в различных гранях его поэтики – композиции, повествовательной структуре, хронотопе, но прежде всего в образной системе.

Выстраивая сложную систему двойников-антиподов, Водолазкин сознательно ориентируется на универсальные модели, апробированные многовековой литературной традицией, но осмысляет их по-своему. Если для основного потока постмодернистской литературы множественность отражений человеческого «я» свидетельствует о невозможности самоопределения личности в современном мире [9. С. 247], то для Водолазкина только «сопряжение своей жизни с другими жизнями и их самостями» открывает человеку возможность самоидентификации [25. С. 351]. В этом плане Н.В. Ковтун справедливо замечает, что «двойники» Водолазкина – это лики единого образа [12. С. 80].

Процесс сопряжения осуществляется и в рамках изображаемого исторического времени, и за его пределами. Устанавливая связь между лицами и событиями различных временных пластов, автор утверждает подлинное «я» и подлинную биографию своего героя.

При этом Водолазкин решительно уходит от упрощенного, разнополюсного видения и понимания мира и человека. «Перемешивая» многочисленные пары двойников-антагонистов, он создает принципиальные для понимания авторской концепции личности триады, снимая остроту неразрешимого противоречия, предлагая выход из жесткого противостояния ценностных и смысловых полюсов.

Примечания

- ¹ См., например, диссертации А.В. Козловой [6], А.А. Михалевой [7], А.Ю. Мещанского [8] и др.
- ² В интервью Н. Ломыкиной Водолазкин сам сравнивает художественную конструкцию своего романа со стереоскопической оптикой, причем «3D-эффект возникает не за счет введения новых фактов, а прежде всего за счет интерпретации известных» [17].
- ³ «Тема реальности/нереальности повисает в виде типично набоковских качелей, совершающих в сознании читателя свои колебания от одной «реальности» к другой» [19. С. 364].
- ⁴ В одном из интервью Водолазкин утверждает: «...жизнь устроена сложнее, чем принято думать, и как раз ее сложность, многомерность, метафизическая глубина и открывают те возможности, о которых мы чаще всего и не подозреваем» [20].
- ⁵ «...события, которые меняют нашу жизнь, – они всегда начинаются с фантазии! Да, это можно назвать фантазией, но можно – предвидением. Важно уметь видеть то, что пока еще за горизонтом» [22. С. 365].
- ⁶ Здесь и далее в статье используется типология двойников С.З. Агранович и И.В. Саморуковой [4].
- ⁷ «Буду ждать тебя как угодно долго. Как Чагин ждал Веру. И у меня – такая же уверенность, что мы соединимся. Обнимаю тебя, радость моя. Павел» [22. С. 349].
- ⁸ «Робинзона Крузо» Дефо исследователи справедливо называют в числе основных претекстов таких романов Водолазкина, как «Авиатор», «Брисбен».
- ⁹ «Принадлежа к религиозному движению диссентеров, Дефо анонимно призывал к расправе с ними (за это он был приговорен к позорному столбу). Несколько раз переходил от тори к вигам и обратно, становясь тайным агентом обеих партий» [22. С. 109].

Список источников

- Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1994. 136 с.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Самар. ун-т, 2001. 132 с.
- Грудкина Т.В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2004. 19 с.
- Козлова А.В. Феномен двойничества и форма его выражения в русской прозе 1820–1830-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 240 с.
- Михалева А.А. Герой-двойник и структура произведения: Э.Т. Гофман и Ф.М. Достоевский: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 248 с.
- Мещанский А.Ю. Художественная концепция творческой личности в произведениях В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002. 26 с.
- Джумайло О.А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 1. С. 243–256.
- Паниткова Е.В. Традиции русской классики в творчестве В.С. Маканина 1980–1990 годов: Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 21 с.
- Повх Ю.А. Петербургский миф в русской прозе 1990–2000-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 19 с.
- Ковтун Н.В. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // Literatura. Вильнюс, 2018. Т. 60, № 2. С. 76–91. URL: <https://scholar.sfu-kras.ru/publication/36418970/fulltext> (дата обращения: 28.04.2024).
- Солдаткина Я.В. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 309–318.
- Чернышева Т.Л. Понятие альтернативы в современной русской прозе (на примере романов Евгения Водолазкина «Авиатор», «Лавр», Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 4. С. 139–143.
- Шубин Р.В. Романы Евгения Водолазкина в системе координат самости и дружности // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 145–158.
- Абашев В.В. «Проект грядущего восстановления мира...»: роман Евгения Водолазкина в контексте художественной сотериологии русской литературы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 319–332.
- «Личность – это память»: Евгений Водолазкин о своем новом романе и мифологии человека. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-celoveka> (дата обращения: 28.04.2024).
- Левин Ю.И. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 323–391.
- Левин Ю.И. Заметки о «Машеньке» В.В. Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Русского Христианского гум. ин-та, 1997. С. 359–369.
- Чагин: о чем новый роман Евгения Водолазкина. URL: <https://foma.ru/chagin-o-chem-novyy-roman-evgenija-vodolazkina.html> (дата обращения: 28.04.2024).
- Гудин Д.С. Поэтика романной прозы Е.Г. Водолазкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2023. 26 с.
- Водолазкин Е.Г. Чагин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. 378 с.
- Скорондеева А. Евгений Водолазкин рассказал о прототипе героя своего нового романа «Чагин» и о двойниках в книге. URL: <https://rg.ru/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-rasskazal-o-prototipe-geroia-svoego-novogo-romana-chagin-i-o-dvojniah-v-knige.html> (дата обращения: 28.04.2024).
- Евгений Водолазкин: мы – свидетели грозной эпохи. URL: <https://tass.ru/interviews/15988077> (дата обращения: 28.04.2024).
- Тюпа В.И. Интрига идентичности в романе Водолазкина «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 345–354.

References

- Meletinskiy, E.M. (1994) *O literaturnykh arkhetipakh* [On Literary Archetypes]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow: Labirint.
- Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennanssa* [Rabelais and His World]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Agranovich, S.Z. & Samorukova, I.V. (2001) *Dvoynichestvo* [Duality]. Samara: Samara State University.
- Grudkina, T.V. (2004) *Fenomen dvoynichestva v russkoy literature XIX veka (V.F. Odoevskiy, A.P. Chekhov)* [The phenomenon of duality in Russian literature of the 19th century (V.F. Odoevsky, A.P. Chekhov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Shuya.

6. Kozlova, A.V. (1999) *Fenomen dvoynichestva i forma ego vyrazheniya v russkoy proze 1820–1830-kh gg.* [The phenomenon of duality and the form of its expression in Russian prose of the 1820–1830s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Mikhaleva, A.A. (2006) *Geroy-dvoynik i struktura proizvedeniya: E.T. Gofman i F.M. Dostoevskiy* [The hero-double and the structure of the work: E.T. Hoffmann and Fyodor Dostoevsky]. Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Meshchanskiy, A.Yu. (2002) *Khudozhestvennaya kontseptsiya tvorcheskoy lichnosti v proizvedeniyakh V. Nabokova* [Artistic concept of the creative personality in the works of V. Nabokov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
9. Dzhumaylo, O.A. (2017) *Novye knigi o dvoynichestve* [New books about duality]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 1. pp. 243–256.
10. Panitkova, E.V. (2004) *Traditsii russkoy klassiki v tvorchestve V.C. Makanina 1980–1990 godov: F.M. Dostoevskiy, M.A. Bulgakov* [Traditions of Russian classics in the works of V.S. Makanin in the 1980s–1990s: Fyodor Dostoevsky and Mikhail Bulgakov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
11. Povkh, Yu.A. (2011) *Peterburgskiy mif v russkoy proze 1990–2000-kh godov* [The Petersburg myth in Russian prose of the 1990s–2000s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Astrakhan.
12. Kovtun, N.V. (2018) *Ukhroniya kak strukturoobrazuyushchiy priem v romane Evgeniya Vodolazkina "Aviator"* [Uchronia as a structure forming technique in Eugene Vodolazkin's Novel Aviator]. *Literatura. Vil'nyus*. 2 (60). pp. 76–91. [Online] Available from: <https://scholar.sfu-kras.ru/publication/36418970/fulltext>. (Accessed: 28.04.2024).
13. Soldatkina, Ya.V. (2019) *Dialog s russkoy literaturoy XX veka v romanakh Evgeniya Vodolazkina "Lavr" i "Aviator"* [Dialogue with Russian literature of the 20th century in Eugene Vodolazkin's novels Lavr and Aviator]. In: Skotnicka, A. & Sviezhy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Iconic Names of Contemporary Russian Literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. pp. 309–318.
14. Chernysheva, T.L. (2018) *Ponyatie al'ternativy v sovremennoy russkoy proze (na primere romanov Evgeniya Vodolazkina "Aviator", "Lavr", Guzeli Yakhinoy "Zuleykha otkryvaet glaza")* [The concept of alternative in modern Russian prose (based on the novels by Eugene Vodolazkin Aviator, Lavr, and Guzel Yakhina Zuleykha Opens Her Eyes)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 4 (24). pp. 139–143.
15. Shubin, R.V. (2019) *Romany Evgeniya Vodolazkina v sisteme koordinat samosti i drugosti* [Novels by Eugene Vodolazkin in the coordinate system of selfhood and otherness]. In: Skotnicka, A. & Sviezhy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Iconic Names of Contemporary Russian Literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. pp. 145–158.
16. Abashev, V.V. (2019) *Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira...: roman Evgeniya Vodolazkina v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury* ["The project of the coming restoration of the world...": the novel by Eugene Vodolazkin in the context of the artistic soteriology of Russian literature]. In: Skotnicka, A. & Sviezhy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Iconic Names of Contemporary Russian Literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. pp. 319–332.
17. FORBES. (2022) *"Lichnost' – eto pamyat'": Evgeniy Vodolazkin o svoem novom romane i mifologii cheloveka* ["Personality is memory": Eugene Vodolazkin on his new novel and the mythology of man]. *FORBES*. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-cheloveka>. (Accessed: 28.04.2024)
18. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected Works: Poetics. Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 323–391.
19. Levin, Yu.I. (1997) *Zametki o "Mashen'ke" V.V. Nabokova* [Notes on Mashenka by V.V. Nabokov]. In: Averin, B. (ed.) *V.V. Nabokov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslyteley i issledovateley* [V.V. Nabokov: Pro et contra. The personality and work of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers]. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. pp. 359–369.
20. FOMA. (2022) *Chagin: o chem novyy roman Evgeniya Vodolazkina* [What Eugene Vodolazkin's new novel is about]. *FOMA*. [Online] Available from: <https://foma.ru/chagin-o-chem-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina.html>. (Accessed 28.04.2024).
21. Gudin, D.S. (2023) *Poetika romannoy prozy E.G. Vodolazkina* [Poetics of E.G. Vodolazkin's novel prose: author's abstract]. Philology Cand. Diss. Tambov.
22. Vodolazkin, E.G. (2022) *Chagin* [Chagin]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy.
23. Skorondeeva, A. (2022) *Evgeniy Vodolazkin rasskazal o prototipe geroya svoego novogo romana "Chagin" i o dvoynikakh v knige*. *RG.ru*. 27 October. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-rasskazal-o-prototipe-geroia-svoego-novogo-romana-chagin-i-o-dvoynikah-v-knige.html>. (Accessed: 28.04.2024).
24. TASS. (2022) *Evgeniy Vodolazkin: my – svideteli groznoy epokhi* [Eugene Vodolazkin: we are witnesses of a terrible era]. *TASS*. [Online] Available from: <https://tass.ru/interviews/15988077>. (Accessed: 28.04.2024)
25. Tyupa, V.I. (2019) *Intriga identichnosti v romane Vodolazkina "Aviator"* [The Intrigue of Identity in Vodolazkin's Novel Aviator]. In: Skotnicka, A. & Sviezhy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Iconic Names of Contemporary Russian Literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. pp. 345–354.

Информация об авторе:

Белоусова Е.Г. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: belouelena@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Belousova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: belouelena@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 14.05.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/505/4

Образы малороссийского пространства в «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина

Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия
^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена репрезентация образов малороссийского пространства в «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина. Отмечена гетерогенность этой образности в рамках сентименталистского и нейтрально-фактографического нарративов. Установлено наличие циклической, связанной с пространством идиллии и линейной темпоральности. Последняя позволяет описать образы Малороссии в рамках членения на прошлое, настоящее и будущее относительно нарратора, а также выделить древнерусский и два малороссийских хронотопа в тексте.

Ключевые слова: имагология, травелог, Украина, Малороссия, Киев, сентиментализм, пространство, лиминальность, А.И. Левшин, русская литература

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII–XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>)

Для цитирования: Жданов С.С. Образы малороссийского пространства в «Письмах из Малороссии» А.И. Левшина // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 34–47. doi: 10.17223/15617793/505/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/4

Images of the Little Russian space in *Letters from Little Russia* by Aleksey Levshin

Sergey S. Zhdanov¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

Abstract. The article deals with the representation of images of the Little Russian space in Aleksey Levshin's *Letters from Little Russia*, characterized by significant heterogeneity. This representation is based on a combination of sentimental and rational-enlightenment narratives, and includes several chronotopes: an idyllic-pastoral chronotope marked by cyclic time, attractiveness, coziness, cleanliness, miniaturization, abundance and blessedness and actualized primarily in rustic loci; the Old Russian chronotope, common in the historical sense for all Russians; and the specific historical and cultural Little Russian chronotope formed later, the existence of which is described both in the form of a "Cossack" state and in the form of an element of other states: the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire. Levshin's representation of Little Russia is also heterogeneous in contemporaneity. There is the opposition "Poltava province – Chernigov province", described in their geographical, economic, climatic and anthropic differences, where the southern, hilly-steppe Poltava variant represents a "model" Little Russianness, against which the northern, forest and sandy Chernigov variant is constituted. Kiev is a historical and sacred center with a maximum number of historical and sacred sights. In the demi-natural aspect, the image of Kiev is close to the southern version of Little Russian spatiality, and in the routine layer of description it is similar to representations of other urban loci, ambivalently marked, on the one hand, by attractiveness, coziness, cleanliness, and, on the other hand, by provinciality, sparseness, dirt. The historical layer of the description represents the central core of Little Russian imagery. There are positive core motifs of antiquity, ancestors, glory, "primacy", but also the ambivalent motifs of horror and bloodshed. In the images of the imaginative geographical space, the presence of various relics is noted, both cultural (in the field of law, administrative management, faith and customs, including remnants of paganism) and natural – the representation of wild nature loci, belonging to the world creation time. The historical layer is represented by many localized artifacts, but, at the same time, the material side of the historical memory space in Little Russia is shown by Levshin to be weakened in comparison with the spiritual, historical and legendary one. Little Russia is depicted as the location of ruins, the memory of the meaning of which is gradually erased in the descendants' minds. The significations of these artifact signs are multivariate and uncertain. Along with the historical and routine layers, an economic layer of the Little Russian space description is observed, characterized by factography, rationality, opposed to the sentimentalist narrative. It is represented most widely in the chronotopes of the modern Little Russia and the future one.

Keywords: imagology, travelogue, Ukraine, Little Russia, Kiev, sentimentalism, space, liminality, Aleksey Levshin, Russian literature

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

For citation: Zhdanov, S.S. (2024) Images of the Little Russian space in *Letters from Little Russia* by Aleksey Levshin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 34–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/4

К настоящему времени в отечественной гуманитаристике опубликовано значительное количество исследований, связанных с образами украинцев и Украины в русской культуре и, соответственно, напрямую или опосредованно связанных с имагологической проблематикой. Среди них можно назвать, например, работы Е.Е. Левкиевской [1], Д.В. Шаталова [2], О.С. Крюковой [3]. При этом в связи с заявленной проблематикой закономерный интерес представляют различные русские травелоги, в которых описывались путешествия по тому пространству, которое с определенной долей условности можно обозначить как украинское. К этому корпусу текстов относятся и «Письма из Малороссии» А. Левшина, опубликованные в 1816 г. и написанные в целом в рамках сентименталистского дискурса. Данное произведение в качестве материала научного анализа, в частности, эпизодически упоминается в работах С.О. Курьянова [4] и Т.А. Васильевой [5]. В ряду множества других текстов, связанных с украинской образностью, отдельные фрагменты «Писем из Малороссии» разбираются в монографии А.В. Марчукова об образе Украины в русском сознании [6], диссертации И. Булкиной о пространстве Киева в русской литературе [7], а также статьях С.С. Белякова [8, 9] и А.А. Сторожевой [10]. Более подробно текст Левшина был проанализирован в диссертации Т.А. Васильевой об образе Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX в. [11], тесно связанной с диссертацией совместной статье той же исследовательницы с В.С. Киселевым [12]. Но и в данных работах в силу их специфики авторами не ставилась задача подробного описания пространственной репрезентации Малороссии в левшинских «Письмах...». То же можно сказать и об исследовании О.В. Кублицкой, где указанный текст служит материалом, на основании которого анализируется структура пространства в прозе массового сентиментализма [13], т.е. акцент сделан на сентименталистской структуре травелога.

Цель же нашей работы, по сути, совпадает с высказанной Г. Башлярм идеей о составлении «кадастра утраченных ландшафтов» [14. С. 31], т.е. заключается в достаточно подробном аналитическом описании репрезентации малороссийского пространства в левшинском тексте, направленном на выявление его имагинально-географической структуры и фиксацию свойств отдельных локусов в ее составе, что в перспективе призвано вписать левшинский пространственный вариант в общую имагологическую характеристику пространства Украины в русской литературе XVIII–XIX вв. В дальнейшем мы будем говорить о малороссийском пространстве травелога, которое сам автор

определяет как Малороссию, а также во избежание терминологических разночтений, что именно следует понимать под Украиной (и включать в ее имагинально-географические границы).

Специфика репрезентации Малороссии в тексте Левшина обусловлена лиминальным характером данного пространства, т.е. балансированием между Своим и Чужим. В целом следует согласиться с утверждением В.С. Киселева и Т.А. Васильевой, что для авторов русских сентименталистских травелогов рубежа XVIII–XIX вв. «...Россия и Украина представлялись чрезвычайно близкими – вплоть до полного отождествления, уничтожавшего границу между «своим» и «чужим»...» [12. С. 26]. В то же время уточним, что речь здесь шла о существовании «великоросскости» и «малоросскости» как вариантов «русскости», т.е. общерусского культурного пространства, при том что для самого Левшина великоросский вариант является «своим», эталонным, с которым сравнивается малороссийский как «чужой». Это фиксируется, например, в мотивах языка («Он происходит от древнего Славянского, но смешан с Немецкими, Латинскими и Польскими перековерканными словами; от чего делается почти не понятным Великороссиянину... составляет самое отдаленнейшее наречие языка Российского»¹ [15. С. 77]); неприятия великоросского как «москальского» («ненависть» «к Великороссиянам» [15. С. 72–73]), а также обычаев, маркированных частично нейтрально («нравы их (русских и малороссиян. – *Авт.*) несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы», «очень ощутительное различие между сими двумя отраслями одного народа как в нравах, так и в обыкновениях» [15. С. 57–58]; «обряды религии, Малороссиянами у чужеземных народов заняты», включая «обливательное крещение, свадебные и другие, неизвестные в Великой России, обыкновения»² [15. С. 62]), частично негативно («суеверия и предрассудки» [15. С. 73]; «странные, смешные и иногда достойные сожаления обряды», «которые Малороссияне получили или от предков наших, идолам поклонявшихся, или от чужеземных народов», «праздники Коляды, Купала и других», представления «о колдунах, оборотнях, ведьмах, домовых» и т.п. [15. С. 74]). Как видим, чужость Малороссии здесь выстраивается в основном трояко – как проявление, во-первых, чужеземного влияния, во-вторых, реликтов язычества, чуждых истинному христианину, в-третьих, непроясненности.

Мотив чужеземного влияния связан с лиминальным положением Малороссии. Так, Левшин акцентирует мотив смешения в генезисе малороссиян, когда «кровь древних Славян» была смешана с черкесским,

татарским, польским и другими элементами [15. С. 57, 59]. Вообще, влияние польскости подчеркивается автором неоднократно в сфере управления: иногда оно маркировано негативно (Малороссия «под игом Польши» [15. С. 59]), иногда безоценочно – как констатация наличия польского влияния («соседство с Поляками» [15. С. 58]; «Малороссияне управляются собственными, от Поляков принятыми законами, или... Магдебургскими правами, которые Король Казимир Ягеллович ввел в Малороссии...» [15. С. 60–61]). Также отмечен литовский элемент: «Загляни в статут Литовский, найдешь там все законоположения и права Малороссийские, кроме немногих, данных сеймами Польскими и потом Государями Российскими» [15. С. 62]. Особенно силен литовский элемент, по Левшину, в Черниговской губернии: «...большая часть жителей здешних смешана с Литовцами, а потому их и называют прочие Малороссияне Литвинами» [15. С. 147–148].

Инонациональные образы как маркеры лиминальности Малороссии присутствуют в описании множества локусов. В церкви Мгарского монастыря недалеко от Лубен упомянут портрет «одного наследного Принца Гамбургского и Ландграфа Гессенского», сделавшего «значительное пожертвование для построения сей церкви» [15. С. 26]; а в Переяславском соборе – «пещаница, за 250 лет пред сим присланная одним Молдавским Господарем» [15. С. 44]. В наибольшей степени маркеры лиминальности присущи репрезентации Киева как медиационного пространства. В особенности это касается древнерусского Киева, «который еще в 9 столетии был средоточием торговли Варяжского и Черного моря; в который приезжали для торгова не только соседственные народы, но Римляне, Сирияне, Греки и другие привозившие товары из Индии, Персии и Египта» [15. С. 95]. Про Киево-Печерскую лавру³ сказано, что «она прежде была под властью Патриархов Константинопольских» [15. С. 105]. Также сообщено, что в типографии при лавре были «Греческие, Латинские, Немецкие и Глаголические буквы» [15. С. 112]. В Киевской академии упомянуты «грамоты Королей Польских, Гетманов Малороссийских и Императоров Русских» [15. С. 131]. В сакральном смысле Киев, «где тысячи народа, из Северных и Южных стран России притекающие, славословят Творца Вселенной, где блестят золотые верхи храмов Божиих» [15. С. 100], сохраняет свое медиационное значение и для современной нарратору России.

Лиминальность реализуется не только через мотив смешения, но и через мотив противостояния. Отсюда маркирование Малороссии как места столкновения русского и инокультурных пространств, что фиксируется в целом ряде локусов: Хорол, Лубны и Городня (русского и половецкого); Переяслав и Киев (русского, печенежского и татаро-монгольского, зафиксированного в образе Батыя, а в случае второго локуса еще османского и крымского через упоминание «нашествий Турок и Татар» [15. С. 127]), Полтава (русского и шведского). Чернигов изображен как место столкновения русского и польского пространств: «В смутные времена отечества нашего он был под властью Поляков, потом со всею Малороссиею поддался Царю

Алексею Михайловичу» [15. С. 138–139]. Также Левшин вспоминает иные столкновения русских с иными этносами/государствами, которые напрямую связаны тем или иным образом с Малороссией/локусами Древней Руси. Так, в Чернигове актуализирован сюжет победы над предводителем черкесов Редедей, одержанной князем Черниговским и Тмутараканским⁴ Мстиславом Храбрым [15. С. 140]. В Белоцерковке нарратор восхваляет «козаков, которые храбро защищались и поражали Поляков под предводительством Хмельницкого, одержали 14 побед над Волохами под начальством Свиргковского и отличались потом неустрасимостью своею при взятии Азова!» [15. С. 15], т.е. события XVI–XVII вв. В рамках «переяславского» фрагмента автор вновь упоминает «громкие дела Свиргковских, Наливайков и Хмельницких» [15. С. 16]. Связью с образом Хмельницкого маркирована и переяславская церковь Успения, где «Гетман Хмельницкий с воинством своим присягал на верноподданство Царю Алексею Михайловичу» [15. С. 44]. Также в целом Малороссия маркируется лиминальностью: «Малороссия <...> была границею нашею от неприязненной Польши...» [15. С. 157–158].

В связи с этим утверждение о «трех тематических пластах повествования: древняя история – средоточия имперской славы – предметы религиозного паломничества» [12. С. 25] требует корректировки. В тексте Левшина в пространстве исторической памяти присутствует иной – чисто малороссийский, «козацкий» – элемент, не связанный непосредственно ни с имперской, ни с древнерусской историей. Если образ Хмельницкого может быть в некоторой степени увязан с «имперской» историей, с еще большей натяжкой в этом ключе можно рассматривать события Азовского сидения, то этого нельзя сказать про походы Свиргковского и Наливайко. Более того, в тексте Левшина Малороссия определена в одном из темпоральных «слоев» как «воинственное и независимое от России Государство», существовавшее в течение «нескольких веков» [15. С. 58]. Это «государство» маркируется как «козацкое», причем в рамках его существования ставится знак равенства между малороссиянами и «козаками»: «Малороссияне именовалась прежде козаками...», разделившись в современности на разные сословия под влиянием государственной унификации [15. С. 60]. Соответственно, «козацкое государство» представлено как кочевое, не имеющее определенного центра, что следует из словосочетания «кочевая жизнь Малороссийских козаков» [15. С. 58], а также из предпочтительной, по мнению Левшина, версии толкования слова «козак» как «бездомовного» [15. С. 60]. При этом нарратор приписывает данному образованию те характеристики, которые сейчас бы отнесли к военной демократии: «...долго не имела других законов, кроме законов человеку врожденных, других занятий, кроме войны, других постановлений, кроме свобод, равенства, простой и дружественной жизни козаков, сделавшихся страшными для всех соседственных держав» [15. С. 59].

Своеобразием «козацкого государства» объяснено и наличие особых учреждений («генеральный, повето-

вый, и подкаморий суд») и должностей («Подкамо-рого, Хорунжого, Каморника, Возного»), «совсем неизвестных в Губерниях, по учреждению образованных» [15. С. 61]. Соглашаясь с определением «Писем из Малороссии» как «просветительского варианта сентиментального путешествия» [12. С. 22], мы можем предположить, что в рамках просветительской триады «дикость – варварство – цивилизация» «козацкое государство» соотносится со стадией варварства. Это же дает нам ключ к пониманию левшинской исторической логики, где утверждение «независимой» в течение некоторого времени Малороссии сочетается с тем, что В.С. Киселев и Т.А. Васильева называют присущей автору «презумпцией единства Украины и России» [12. С. 25]. Имплицитно Малороссия «козацкая» воспринимается как некий реликт эпохи феодальной раздробленности, что может быть истолковано из соположения через запятую таких феноменов, как «разделение России на множество Княжений, кочевая жизнь Малороссийских козаков» [15. С. 58], т.е. «козацкое государство» аналогично независимому в течение определенного момента княжеству, которое, несмотря на свою независимость, однако, входит в русское культурное пространство и, по логике левшинского нарратива, возвращается в него политически.

Надо подчеркнуть, что амбивалентность «козацкой» Малороссии хотя и затушевана, тем не менее проявляется в мотиве страха, внушаемого козаками своим соседям, а также в образе Мазепы, выступающего «темной» стороной козачества. Впрочем, «козацкость» Мазепы подвергается «вытеснению» из семантики малороссийского пространства: для козаков «нет... ничего ужаснее, как имя Мазепы. Они забывают себя от ярости при сем ругательстве» [15. С. 65–66]. Как видим, мотив страха/ужаса присутствует и в этом фрагменте, равно как и в описании локуса Белоцерковки, в пространстве которой актуализирован «агиографический» сюжет страдания «невинномученников»-антагонистов⁵ демонически «свиногого» Мазепы: «Я теперь в том месте, на котором лилась невинная кровь ревностных сынов отечества. Мы там, где несчастные Искра и Кочубей пали от удара свиногого Мазепы...» [15. С. 14]. Вообще образ Мазепы лейтмотивен для пространства Малороссии. В церкви Мгарского монастыря под Лубнами упомянут портрет «одного Митрополита Киевского», который «был духовник Мазепы» [15. С. 25]. В Переяславском соборе хранится «великолепное Евангелие, подаренное Мазепой» [15. С. 44]. Наконец, в Киево-Печерской лавре актуализирована оппозиция «жертвы – тиран» в образе, значимого для автора локуса «камня, под которым сокрыты Искра и Кочубей, – жертва любви к отечеству, верности к Государю и лютости Мазепы», «несчастные», погибшие «невинно» [15. С. 108–109]. Также в рамках пространства Черниговской губернии упомянуты старообрядцы, с «храбростью и мужеством» защищавшие «пределы свои от Шведов, привлеченных Мазепой в Малороссию» [15. С. 158].

Амбивалентен и религиозный образ Малороссии. С одной стороны, Левшин описывает различные священные места и реликвии в Малороссии, не раз обращается к образам странствующих по ней богомольцев

и акцентирует, что «Малороссияне благоговейно к Религии и непреклонны в священных истинах оной. Раскольники между ними мало известны» [15. С. 65]. С другой – в малороссийском пространстве отмечены целый ряд своеобразностей местного народного христианства, а также реликты язычества, в частности вышеупомянутая вера в ведьм, оборотней, колдунов и домовых, обряды Коляды, Купалы и т.п., которые для автора носят табуированный характер: «не требуй от меня описаний», «не любопытствуй», «не заставляй меня рассказывать», «не спрашивай» [15. С. 74]. Кроме того, топоним древнего Киева актуализирует сюжет кровавого жертвоприношения – убийства «тайного христианина» и его отца киевскими «идолопоклонниками» в ознаменование победы Владимира I над Ятвягами [15. С. 127]. И хотя история утверждает торжество христианства над язычеством (не месте жертвоприношения князь строит церковь Богородицы, на холме, месте капища, – церковь Святого Василия, «первый храм истинного Бога» [15. С. 128]), языческое начало остается в пространстве исторической памяти. Левшин не только упоминает имя «божества» «предков наших» через маркирование его последователей («разъяренные почитатели Перуна» [15. С. 127]), но и дает его описание («Деревянный истукан с серебряною головою, с золотыми ушами, железными ногами, с молниеносным шаром в руке» [15. С. 128]).

В связи с этим отметим, что Малороссия в левшинском тексте маркирована как пространство кровопролития. Разумеется, в основном речь идет о mortalно-бательном пространстве: «поток, дымящийся крови, в которых плавали тысячи умирающих воинов» (Полтава) [15. С. 11–12]; «вот Трубеж, многократно обгаренный кровью беспокойных и опасных для России Печенегов!» (Переяслав) [15. С. 42]; «там пал несчастный Борис под ударами кровожадного Путши и сообщников его; там же лилась и кровь раненого Святополка...» (Переяслав) [15. С. 47]; «цена крови предков» [15. С. 59]. Но миф крови довлеет над историческим, порождая, например, образ «места, на котором лилась невинная кровь ревностных сынов отечества», «несчастных Искры и Кочубея» (Белоцерковка) [15. С. 14]. Наконец, мотив кровопролития как языческого жертвоприношения трижды актуализирован в киевском сюжете: «...предки наши до принятия Христианской религии приносили кровавые жертвы идолам своим» [15. С. 126]; «разъяренные почитатели Перуна» обгарили «руки свои в крови обоих Христиан» [15. С. 127]; «вот божество, <...> пред коим дымилась кровь человеческая...» [15. С. 128].

В описании «ужасного обряда» [15. С. 127] также актуализирована оппозиция «бесстрашие – ужас» в образе малороссиян. С одной стороны, мы имеем лейтмотив храбрости, протянутый в линейном времени от Древней Руси до петровских времен: Софийский собор в Киеве назван «церковью, служащей памятником храбрости предков наших» [15. С. 96]; в связи с Черниговом упомянут Мстислав Храбрый; Переяслав связан с образом прославившегося «храбростью» Иоанна Усмошвеца [15. С. 52]; в Киево-Печерской лавре отмечена могила князя Константина Острожского,

«храбро» поражавшего «врагов» [15. С. 106]; Полтава служит напоминанием о «храбрых предках», сражавшихся со шведами [15. С. 3]. Вспомним также «храбро» защищавшихся и отличавшихся «неустрасимостью» козаков [15. С. 15], самих «сделавшихся страшными для всех соседственных держав» [15. С. 59]. С другой – сверхъестественное внушает «ужас» «необразованным простолюдинам» [15. С. 75].

Попутно отметим топоним дикого леса, связанный с мотивом ужаса. Вообще, как подчеркивает Ж. Ле Гофф, «хронотоп леса» в европейской культурной традиции выступает «царством добровольного мученичества» [16. С. 22], амбивалентным пространством, анти-антропным и ужасным в силу своей опасности, неосвоенности, но и привлекательным благодаря его отстраненности и остранинности по отношению к профанному миру. В традиции русского сентименталистского травелога, которая была заложена Н.М. Карамзиным и которой следовал Левшин, необлагороженная природа дикого леса также могла связываться с мотивами древности, ужаса и язычества: «Тут возвышался некогда... дуб священный для древних обитателей сей земли. Под мрачной его тению обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его в диких своих гимнах. Вечно мерцание сего естественного храма и шум листьев наполняли сердца ужасом, в которо жрецы язычества облекали Богопочитание» [17. С. 24].

В левшинском тексте топоним дикого леса, хотя и не связан с мотивом язычества напрямую, отсылает читателя к древности. Так, контраст со светлым, сияющим золотом Киевом как святым городом составляют его окрестности со стороны Бровар «между ужасными соснами, может быть, современными миру», где ничего не видно, «кроме густого, мрачного бора», обозначенного «мрачной завесой», придающей «более величия и красоты древней столице Русской»⁶ [15. С. 88–89]. Здесь выражение «современные миру» следует понимать как указание на древность, эпоху создания мира. Соответственно, Малороссия есть у Левшина пространство не только культурных, но и природно-физических реликтов⁷. Пространство леса как аналог ближневосточной пустыни отшельника мы также встречаем в левшинском тексте. Так, автор упоминает, что до Мгарского монастыря под Лубнами «на высоком и крутом холме, окруженном со всех сторон столетними дубами и грабинами», жили отшельники «при вечном шуме ужасного леса» [15. С. 24]. Аналогично (с повторением темпорального маркера «современный миру») описано и создание пещер отшельниками на месте Печерской лавры: «...там зеленел прежде ужасный лес, там рыкали дикие звери! В сем жилище ужаса, в тени деревьев, современных миру, Илларион выкопал пещеру...» [15. С. 100–101].

Еще одним элементом, связанным с лесным пространством и религиозностью, является мотив старообрядчества, который отрицался Левшиным в характеристике малороссиян, но тем не менее присутствует в репрезентации малороссийского пространства. Это локусы города Новозыбково, слобод Митьковской и Климовой, маркированные как убежище раскольников, бежавших в «непроходимые леса» [15. С. 155] Черниговщины от гонений властей.

Эту выраженность «реликтов» в малороссийском пространстве Левшин пытается рационализировать в рамках дискурса Просвещения, генерализируя ее как след варварства, через состояние которого должны пройти все народы: «Суеверия и предрассудки, которым подвержены Малороссияне, не могут быть названы пороками потому, что они общи всем векам и всем племенам; потому что все люди, особливо непросвещенные, заражены ими» [15. С. 73–74]. Автор акцентирует также «остаток Древнего духа» [15. С. 72] в характерологии малороссиян, т.е. частично «реликто-востью» обосновывается чуждость Малороссии по отношению к Великодержаве.

Вообще, древность является лейтмотивом левшинского описания, что соответствует пространству исторической памяти, связанному с «летописно-фольклорными историческими памятниками» [12. С. 21]. Еще в предисловии образ Малороссии выступает как воплощение исторического, значимого для россиянина начала: «древняя История Российская давно возбуждала во мне желание видеть Малороссию, знаменитую многими великими происшествиями. Россиянину... непрослительно не быть в Киеве, не взглянуть на Полтаву, – и спешил осмотреть памятники славы предков наших» [15. С. I]. Слова «древний» и «древность/и» в характеристике малороссийского пространства, помимо вступления, упоминаются в тексте свыше 30 раз: «земля, которая была поприщем громких подвигов древних предков наших» [15. С. 1]; «древняя граница Русская» (Хорол), река Хорол «в древности отделяла Россиян от Половцев» [15. С. 15]; «древности построения» Лубен [15. С. 22]; «древние Малороссияне» [15. С. 26]; «каменное строение в древнем готическом вкусе» (усадьба Румянцева-Задунайского в Ташане) [15. С. 35]; «столица древнего Княжества»; «памятники глубокой древности» (Переяслав) [15. С. 42]; «древняя крепость» (там же) [15. С. 43]; «Собор Переяславский<...> довольно древний» [15. С. 44]; «от древних славян» (о происхождении малороссиян) [15. С. 57]; «от древнего Славянского» (о происхождении малороссийского языка) [15. С. 77]; «древние Козаки Малороссийские» [15. С. 66]; «древние Малороссияне» [15. С. 69]; «древний дух» [15. С. 72]; «памятники древности» (Киев); «древняя столица Русская» (Киев) [15. С. 89]; «древние права» Киева, «Древний Киев», «там все памятники древности» [15. С. 94]; «древность сей церкви» (Софийский собор Киева) [15. С. 98]; «древние изображения», их «древность» (там же) [15. С. 99]; «древнее Русское пение» (Успенский собор Киева) [15. С. 102]; «древность» Киево-Печерской лавры [15. С. 105]; «место древней» церкви Андрея Первозванного, ее «вековая древность» (Киев) [15. С. 125]; «другие памятниками древности» (Киев) [15. С. 127]; «древняя столица любезного отчества моего», «драгоценные для Россиянина памятники древности» (Киев) [15. С. 132]; «Древность» Чернигова [15. С. 136]; «восьмивековая древность» соборной церкви (Чернигов) [15. С. 140]; «памятники древности» Новгород-Северского [15. С. 185]; «древний Спасский монастырь» (там же) [15. С. 187].

Как видим, в наибольшей степени древностью отмечен топоним Киева. Также весьма часто упоминается маркер «предки», что маркирует пространство Малороссии в качестве земли (как правило, общих/относящихся к Своему) предков: «памятники славы предков наших» [15. С. 1]; «поприще громких подвигов древних предков наших» [15. С. 132]; «сокрытые здесь храбрые предки наши» (Полтава) [15. С. 3]; памятник «величия предков» (там же) [15. С. 5]; могила с «прахом мужественных предков» (там же) [15. С. 89]; «Малороссияне любят предков своих...» [15. С. 15]; «Русские и Малороссияне происходят от одних предков...» [15. С. 57]; «Малороссияне... помнят славу предков...» [15. С. 65]; «земля», «на которой прославились предки...» [15. С. 66]; «обряды», «которые Малороссияне получили... от предков наших» [15. С. 74]; «город», «в котором предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце...»; «воинственные предки наши» (Киев) [15. С. 85]; «церковь, служащая памятником храбрости предков наших» (там же) [15. С. 96]; «то место, где <...> блеснул первый луч Божества и в первый раз озарил предков наших» (там же) [15. С. 124–125]; «предки наши... приносили кровавые жертвы...» [15. С. 126]; «божество, которому поклонялись предки наши» [15. С. 128]; «предки наши имели важные торговые сношения» [15. С. 204].

Заметим, что мотивы древности и предков тесно связаны с мотивом памяти, выраженном через глаголы «помнить/вспомнить» и существительные «памятник», встречаются в левшинском тексте свыше 20 раз, а также «память» и «слава» («возобновляю в памяти моей знаменитые дела победоносных Славян...» [15. С. 1]; «чтут память» [15. С. 15]; «чту память» [15. С. 107]; «Сладкие минуты, в нем (Киеве. – *Авт.*) проведенные, не улетят из памяти моей» [15. С. 134]. При этом память подразумевается как индивидуальная (нарратора), так и коллективная (культурная память). Это маркирует топоним Малороссии в качестве пространства памяти. С мотивом памяти также по смыслу связан мотив славы, который весьма частотен в левшинском тексте: «памятники славы» [15. С. 1]; «страна, в которой Россия <...> прославилась мужеством» [15. С. 1]; место, где сохранились «отголоски славы» «победоносных славян» [15. С. 1–2]; «памятник славной победы» [15. С. 3]; «памятник великих дел, долженствующий... возвещать славу России и мужество» [15. С. 4]; «стремление к славе» [15. С. 5]; «изображения славы» [15. С. 6]; «Малороссияне любят предков своих, любят славу их» [15. С. 15]; «славная победа над Половцами» [15. С. 1]; «Владимир I <...> назвал оный Переяславом (Перея славная) в честь Переи, прославившейся храбростью жителя» [15. С. 52]; «Малороссияне именовалась прежде козаками и гордились сим названием – славным в летописях мира» [15. С. 60]; «Малороссияне <...> помнят славу предков» [15. С. 65]; «земля», «на которой прославились предки» [15. С. 66]; «Оскольд и могила его славны в летописях наших» [15. С. 129]; «памятники прежней славы» Чернигова [15. С. 136]; «Две знаменитые победы, одержанные над Половцами Изяславом Киевским и потом Святославом Черниговским, сделали имя города сего (Городни.⁸ – *Авт.*) славным» [15. С. 142–143].

Еще одним важным темпоральным маркером в данном комплексе черт является слово «первый»⁹, что соответствует мифопоэтическому пра-времени, когда культурными героями-первопредками совершаются перводеяния, влияющие на потомков. Данные деяния касаются и военного («холм, на котором поражены в первый раз Шведы» (Побиванцы) [15. С. 10]; «витязь, который с отрядом мужественных Россиян первый потряс царство гордого Мусульманина» (о Румянцеве-Задунайском) [15. С. 106]), и сакрального пространств: «город», в котором предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце» (Киев) [15. С. 85]; «подземное жилище первых пустынных» (там же) [15. С. 110]; «место, где <...> блеснул первый луч Божества и в первый раз озарил предков наших» (там же) [15. С. 124–125]; «холм», «где воссиял потом первый храм истинного Бога» [15. С. 128]. Большое внимание Левшин уделяет и моменту основания того или иного малороссийского топонима, например, сообщая, что «первое построение» Полтавы «приписывают козаку Масло в 1602 году» [15. С. 3], или приводя разные версии «первоначального основания Переяслава» [15. С. 53]. Также, говоря о предках малороссиян, нарратор вместо слова «древние» использует эпитет «первобытные» (жители) [15. С. 59]. Неслучайна, конечно, и метафора Малороссии как «колыбели отечества нашего» [15. С. 1]. Это, с одной стороны, маркирует древнерусское государство как перворусское пространство, а с другой – вводит коннотацию, связанную с мотивом младенчества, т.е. неразумности, в дискурсе классического просвещения или естественности/чистоты в руссоистко-сентименталистском нарративе¹⁰.

Тесная связь локальных и темпоральных координат позволяет говорить о наличии в травелоге Левшина нескольких не просто топонимов, но хронотопов, имеющих свои сюжеты, героев, принципы устройства и т.п. Соответственно, можно выделить древнерусский хронотоп (ДРХ). В принципе, в виду того что его начало уходит в неопределенную языческую древность, можно было бы выделить и долетописный, т.е. в рамках нарратива, доисторический хронотоп на территории Малороссии, на что намекает автор, вводя хронолокальный маркер мест, современных сотворению мира, но эта древность слишком неопределенна и фактически подана в виде «реликтов», о которых говорилось ранее. Затем следует собственно малороссийский хронотоп, связанный Левшиным с формированием своеобразия Малороссии. Достаточно сложно выделить его темпоральные границы, поскольку автор весьма скупой использует исторические маркеры для их вычленения. Условно можно сказать, что это хронотоп «козацкой Малороссии» (МРХ1), относящейся к эпохе «козацкого государства» и «польского ига» (аналога золотордынского ига для Малороссии). Заметим также, что и в данном случае истории Малороссии и Великой России оказываются переплетены Левшиным через отсылки к временам Смуты и царствования Алексея Михайловича Романова.

Наконец, выделен еще один малороссийский хронотоп (МРХ2), который можно назвать Малороссией имперской.

Причем МРХ2 рассматривается в развитии, подразделяясь на прошлое от Петра I до Екатерины II (МРХ2'), настоящее, приходящееся на царствование Александра I (МРХ2''), и, наконец, проективное будущее (МРХ2'''). Таким образом, в рамках данных хронотопов мы имеем дело с линейным временем, которое в то же время предполагает развитие по спирали: от былого древнерусского единства через отделение Малороссии к новому русскому единству, а также, что будет показано чуть позже, от былого процветания киевских земель через упадок вследствие воздействия внешних факторов (как правило, вмешательства инонациональных акторов) к новому процветанию в будущем.

Но, помимо вышеперечисленных пространств с линейным временем, в левшинском тексте можно выделить и циклический малороссийский хронотоп (МРХ0), связанный с демиприродным, рустикальным пространством, представляющим собой вариант аркадского мифа, «полуденную Россию» [15. С. 188], имеющую ярко выраженные идиллические черты в рамках сентименталистского нарратива. Таким идиллическим локусом изображена, например, Полтава в ее второй (неисторической) ипостаси. В репрезентации локуса присутствуют типичные мотивы визуальной привлекательности, простора, изобильности, характерные для идиллии: «Местоположение Полтавы прекрасно; окрестности ее прелестны. Она построена на горе. Пред нею зеленеет обширный луг, по которому извиляются ручьи и Рагозна катится в Ворсклу. К ней примыкает... равнина, на которой в зелени прекрасных рощиц белеют кое-где деревенские домики. Ее окружают сады, в которых на ветвях, согнутых от плодов, краснеют теперь зреющие вишни, сливы и яблоки» [15. С. 6–7]. В состав типичного идиллического малороссийского ландшафта входит некая возвышенность, река с притоками, текущая по долине, а также вписанные в нее рустикальные локусы деревень в окружении изобильных полей. Так, описание окрестностей Лубен в целом сходны с полтавским пейзажем: «Видел высокую и крутую гору <...>; видел долину, расстилающуюся у подошвы ее; видел Сулу, которая струится по ней, извивается, делится на множество рукавов и мелькает в траве; видел желтеющие вдали поля, покрытые колосьями созревшего хлеба и волнующие легким ветром; видел рассеянные в равнине хижины сельские...» [15. С. 16–17]. В аналогичном ключе выстроено и описание местности по дороге в Киев: «Первые лучи... падали на вершины Заднепровских гор <...> и преломлялись в волнах быстрого Днепра. <...> Первый блеск светила дневного озлащал поля, покрытые желтыми колосьями созревшего хлеба...» [15. С. 84]. Само описание пути от Переяслава до Борисполя, положительно маркированного («прекрасная гладкая дорога»), представляется как панорама, где «высокие деревья» по краям дороги являются рамкой деревенского пейзажа, вызывающего сенсуалистское наслаждение созерцателя, характерное для нарратива сентиментализма: «Благотворная тень их, не скрывая отдаленных сельских видов, прельщающих взоры путешественника, придает

еще более красоты зеленым лугам и желтеющим полям, представляя их разнообразными в промежутках. Из-за них... смотрели мы на поселянок, которые жали хлеб, и на поселян, которые накладывали тучные колосья на возы запряженные волами» [15. С. 79]. Даже в панораме Киева Левшин добавляет к урбанистическим локусам рустикальные: «Я любовался прекрасными картинами природы; смотрел на обширную, усеянную густым лесом и изредка испещренную крестьянскими домиками равнину, на Днепр... и на прекрасной Подол, или нижний Киев, который кажется плывущим в волнах Днепровских» [15. С. 92–93].

Сходными идиллическими характеристиками привлекательности и изобильности маркировано и пространство Малороссии в целом (в его варианте Полтавской губернии): «Деревни их, расположенные большею частью на горах, у подошвы которых текут реки, или на прекрасных долинах» [15. С. 75]; «прекраснейшие места, плодородные земли» [15. С. 17]; «изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли» [15. С. 69], «плодородные земли» [15. С. 70]; «хлебобродные поля Полтавские» [15. С. 145], «плодородие безлесных полей и тучных пажитей» [15. С. 192]; «тучные пажити, покрытые высокою, густою травою» [15. С. 197]. К этой положительной характеристике следует добавить и ольфакторный мотив «благорастворенного воздуха» [15. С. 17, 70].

Визуальной привлекательностью и чистотой отмечен и локус малороссийского деревенского дома: «дома... представляют издали прекрасной вид. Они живут хорошо, чисто и опрятно. Избы их или хаты суть прекрасные комнатки, просто, но хорошо убранные...» [15. С. 75–76]. То же указано и для Полтавы: «дома маленькие, но чистые, светлые и укромные» [15. С. 5–6]. Мотив чистоты усилен мотивом беления, в результате чего возникает типичный образ белого малороссийского дома: «в зелени прекрасных рощиц белеют кое-где деревенские домики» [15. С. 7]; «дома, выбеленные как снаружи, так и внутри» [15. С. 75]; «в дали забелились окрестные деревни» [15. С. 85]; «Бедные хижины, рассеянные в кустарнике, белеют» [15. С. 89]. Малороссия как рустикальная идиллия также маркирована мотивом избранности, благословенности пространства: «Благословенные места!..» [15. С. 7]; «Природа щедрою рукою рассыпала здесь все дары свои» [15. С. 17]; «счастливый климат Малороссии» [15. С. 19, 69]; «Творцом, дарованные сокровища» [15. С. 70]. Также в репрезентации Малороссии (и прежде всего Полтавской губернии) актуализирован маркер ее южности через образы даров природы: «земля, способная к произрождению не только... хлеба, но и плодов свойственных теплейшим странам Европы» [15. С. 17]; «...имеет все свойства умеренной и теплой полосы России...» [15. С. 192]; «В южных странах Малороссии на свободном воздухе зреют Испанские вишни, спеет шелковица и грецкие орехи, растут каштаны и виноград, которых плоды также иногда созревают... сады наполнены яблоками, сливами, грушами...» [15. С. 196–197].

Пожалуй, единственной негативной характеристикой пространства Малороссии в полтавском ее варианте является характерная незавершенность антропоного вмешательства в демиприродные локусы: «прекраснейшая, но мало обработанная страна» [15. С. 70]. В этом плане рустикальная Малороссия представляет собой контраст с рустикальной Германией, которая также идилична, но эта идилия зиждется на беспрепятственной ургии, которая делает землю удобной для человека даже в относительно северном варианте Пруссии. В малороссийское пространство, более естественное, соответственно, вкладывается гораздо меньше труда. Последний не требуется в таком количестве, как в Германии, именно в силу «южной»¹¹ изобильности природы. Отсюда взаимосвязанные мотивы бедности и лени малоросов: «...многие из них беспечны и не умеют пользоваться сокровищами своими; многие из них бедны и не стараются о приобретении богатства. Любимое и главнейшее их занятие есть скотоводство; оно однакож не может заменить произведений земли...» [15. С. 17]; «бедность Малороссийского народа на каждом шаге ощутительна; <...> она происходит от беспечности и увеличивается мнимым источником богатства здешних поселян, т.е. свободою винокурения, которая, отвлекая их от работы, доставляет всегда средства удобно и за дешевую цену иметь вино» [15. С. 70–71].

При этом идилия, ахронная в силу своей вписанности в природный цикл в череде возрождений, подавляет порой пространство исторической памяти, что находит отражение в универсальном мотиве превращения поля битвы в поле земледелия: «Поздние потомки истинных сынов России придут искать остатков сей могилы <...>; но... найдут здесь поле, возделанное руками поселянина, под плугом которого захрустят кости и зазвенит оружие истлевших воинов» [15. С. 8]; «Где раздавались ужасные стоны, прерываемые восклицаниями победителей, там слышны теперь только веселые песни. Вместо сияющих мечей, – сверкают одни плуги. Поля, обогранные кровью, – покрыты хлебом, травою, многочисленными стадами и крестьянскими домиками, в которых поселяне наслаждаются спокойствием и мирной жизнью» [15. С. 8]. Сходное противопоставление вечной природы и временности человеческого существования встречаем в описании имения Румянцова-Задунайского: «под сими же деревьями <...> предсказывал он и ускорял падение одних и славу других народов. Деревья так же зеленеют... река, текущая под горою, катится так же. Ничто не изменилось; ...но его не стало!» [15. С. 39–40].

Вообще, для репрезентации Малороссии в левшинском тексте характерна достаточно ослабленная материальная представленность пространства исторической памяти на фоне масштабной актуализации духовной (летописно-фольклорной) составляющей. Современная автору Малороссия представляет собой русский аналог античности еще и в том смысле, что это земля руин, чей вид не соответствует историко-культурной значимости локусов. В Белоцерковке нарратор замечает, что «напрасно искал» «места казни» Кочубея и Искры [15. С. 14].

В Лубнах «нет ничего достопамятного; ничто... не соответствует древности» [15. С. 23]. В переяславском фрагменте мотив запустения актуализирован в локусах крепости с княжеским дворцом и церкви Успения: «Древняя и очень хорошая крепость, которою был обнесен Переяслав, и теперь еще видна. Я был в ней и с досадою видел, что памятник сей, самим временем, кажется, из почтения пощажженный, разрывают теперь для выварки селитры. В ней стоял дворец Княжеской; тщетно искал я следов оно! Они уже давно изгладились. Церковь Успения... также близка к падению» [15. С. 43–44]. Наблюдая «в 7 верстах» от Переяслава «три кургана, именуемые три брата», Левшин сетует, что о них ничего не известно, кроме «пустого предания о какой-то здешней царице» и ее «братьях-богатырях» [15. С. 81–82]. В киевской церкви Святого Архистратига Михаила нарратор «искал памятника над прахом Святополка, здесь погребенного; но не нашел даже и того места, в котором истлел он» [15. С. 117].

В аналогичном ключе упомянута и киевская церковь Богородицы, «от которой теперь остался один придел. Междоусобные войны неспокойных Князей, нашествия Батыя, Турок и Татар истребили прочее, вместе со многими другими памятниками древности. Ольга, Владимир, супруга его Анна были здесь погребены. Над ними нет ни надгробных камней, ни надписей; все исчезло, время все истребило» [15. С. 127–128]. В Городне путешественником из исторического не найдено «ничего, выключая земляного вала»; моральное пространство также весьма неопределенно: «Бесчисленное множество могил, окружающих сей город, скрывают, думаю я, убитых в сражениях против Половцев» [15. С. 143]. Аналогичный пассаж встречаем и во фрагменте, посвященном Новгороду-Северску: «Не буду описывать тебе валов и укреплений... коих остатки теперь видны на горах... В Малороссии их бесчисленное множество, но мы ничего достоверного об них не знаем. Время и невежество сокрыли от нас известия» [15. С. 189]. Даже относительно новый исторический локус – усадьба Румянцова-Задунайского в Ташани маркирована запустением: «Двор зарос дикою травою... Везде царствовало мертвое молчание; везде видимы были следы времени; все возвещало скорое падение последних остатков сего величественного здания» [15. С. 36–37].

Как видим, в этих фрагментах Левшин оценивает историческое пространство с точки зрения не сентименталистского, а просветительского нарратива, где небрежение историей выступает признаком отсталости жителей Малороссии: «Ежели бы все предания... сохранялись между жителями здешними, <...>; то урочища, могилы и бугры, которых здесь бесчисленное множество, могли бы открыть нам изобильные источники для исторических разысканий... показав истину...» [15. С. 43].

В заключении статьи охарактеризуем пространство Малороссии в левшинском тексте относительно выделенных нами хронотопов. Предварительно, однако, заметим о ее примечательном пространственном членении в травелоге.

По сути, левшинская Малороссия состоит из трех частей: Полтавской губернии, Киева и Черниговской губернии. При этом значительная часть того, что подается автором как «малороссийскость», по крайней мере в рамках МРХ0, т.е. идиллической демиприродной Малороссии, относится к полтавскому «южному» варианту. Когда же Левшин принимается описывать Черниговщину, то оказывается, что и ландшафт здесь другой. На смену степным холмам и долинам приходят пески и лес, тем самым отрицается мотив идиллического изобилия малороссийского пространства, что, в свою очередь, ведет к отрицанию мотива «южного» *dolce far niente*, закрепленного за малоросами: «природа лишила Черниговских жителей изобилия в хлебе, но чрез то самое произвела большее трудолюбие и оным отличила их от Полтавских Малороссиан» [15. С. 145]. Вместо этого в тексте актуализирован мотив преобразующей пространство ургии: поселянин Черниговщины «удобряет участок земли своей и сеет на нем пеньку. Он гонит смолу, добывает поташ, рубит лес и продает оный <...> Малороссиане Черниговские проводят время свое в трудах...» [15. С. 145]. Из ландшафтного различия выводятся и иные оппозиции: за полтавским локальным вариантом закреплены мотивы веселья и чистоты, что контрастирует с «черниговским» вариантом¹²: «Они мрачны потому, что природа в глазах их большею частью мрачна. <...> В образе жизни здесь не наблюдают такой чистоты и опрятности, как в южной Малороссии» [15. С. 146–147]. Что касается Киева, то он образует центр повествования, как формально (на него приходится середина путешествия нарратора из Полтавщины в Черниговщину), так и семиотически. С точки зрения демиприродного пространства Киев относится к «южному» варианту, но при этом данный локус на удивление не имеет тех черт, которые самим левшиным обозначены как региональные, малороссийские, т.е. центр Малороссии в основном никак не проявляет свою малороссийскость¹³.

Итак, имея в виду общие и специфические черты земель Малороссии, охарактеризуем ДРХ, МРХ1 и МРХ2 по пространственным признакам, куда входят слои исторический и сакральный, тесно связанный с первым, поскольку ДРХ выступает хронотопом не просто истории, но истории сакральной как «страна, в которой Россия <...> озарилась лучами Христианства» [15. С. 1], место действия Андрея Первозванного («место, где Апостол Христов водрузил знамение Христианства» [15. С. 124]) и святого равноапостольного князя Владимира. Отдельно выделим также бытовой и хозяйственный слои. Последние, в отличие от сферы идиллического, уже имеют отношения не к сентиментализму, а к рационально-объективной, фактографической манере изображения пространства, которая приходит на смену сентименталистскому нарративу в русской словесности.

Как ясно из вышеизложенного, ДРХ широко представлен в тексте Левшина в большей части описываемых им локусов. Это упоминаемый ранее Хорол, маркированный как пограничный локус, стоящий «при реке того же имени, которая в древности отделяла Россиян от Половцев» и отмечала «древнюю границу Русскую» [15. С. 15].

Сюда же относятся Лубны с урочищем Воинихой, где «Россияне одержали славную победу над Половцами» [15. С. 22]. К сакрально-историческим локусам Лубен относится Мгарский монастырь, построенный на месте отшельнического скита. Переяслав связан с историческими сюжетами битв с половцами, включая историю его основания (в том числе историю Усмошвеца и Владимира I), а также братоубийства Бориса и Глеба Святополком и места убийце: «Там пал несчастный Борис под ударами кровожадного Путши и сообщников его; там же лилась и кровь раненого Святополка; там же разбил и рассеял Ярослав войнство его. Злодеяние отмщено на месте преступления!» [15. С. 47]; «место», «убийствами ознаменованное» [15. С. 48]. Историко-сакральный локус – «великолепная каменная церковь» в память Святого Бориса, сооруженная Владимиром Мономахом [15. С. 49]. Соборная церковь Чернигова же связана фигурой ее основателя Мстислава Храброго [15. С. 140]. Историческая Городня, как говорилось ранее, маркирована сюжетом битв с половцами. История Новгород-Северского маркирована через фигуру Ярослава I, положившего «начало» городу [15. С. 185]. О Глухове же сказано, что локус «очень древен» и «знаменит удельным Княжением» [15. С. 190]. Разумеется, наиболее значим для ДРХ Киев. При этом нельзя не согласиться с О.В. Кублицкой, что «в характеристике Киева преобладают сакральные места» [13. С. 116]. В киевском пространстве ДРХ Левшиным выделены Крещатик («место, где за несколько веков пред сим луч Божества озарил сыновей Владимировых» [15. С. 93]), Софийский собор («на том месте», где Ярослав «разбил и рассеял Печенегов» [15. С. 96]), «церковь Святой Ирины» [15. С. 99]), пустынь и возникшая на ее месте Печерская лавра с Успенским собором, церковь Святого Архистратига Михаила, построенная «Святополком II Изяславичем» [15. С. 114], церковь Андрея Первозванного, Десятинная церковь, основанная Владимиром и связанная с летописным сюжетом Анастасия, «известного открытием тайны, на стреле пущенной в стан Владимиров» [15. С. 126], а также сюжетом убийства тайного христианина жрецами Перуна (этот же сюжет привязан автором и к месту строительства церкви Богородицы), церковь Святого Василия на месте Перунова капища, церковь Святого Николая. Вообще, подчеркивая насыщенность древнекиевского пространства сакральными локусами, Левшин упоминает, что в нем «один пожар истребил до 600 церквей» [15. С. 95].

В сакрально-мортальном локусах проявляется мотив «любви к отеческим гробам». Выше мы говорили о могилах воинов, описанных Левшиным в Полтаве, в пространстве же Киева нарратор пытается найти место погребения Дира, а также «могилу Оскольдову» [15. С. 129], сетует на отсутствие «памятника над прахом Святополка» [15. С. 117] в церкви Святого Архистратига Михаила и «надгробных камней» на месте погребения «Ольги, Владимира, супруги его Анны» [15. С. 127] в церкви Богородицы. Соборная церковь в Чернигове маркирована как место захоронения Мстислава Храброго. Особо значима в этом смысле Киево-Печерская лавра, скрывающая «прах многих великих людей» [15. С. 106]. Этот сакрально-мортальный локус выступает медиационным для хронотопов травелога, собирая в

себе знаки различных времен: от захоронений в пещерах под лаврой («...гроб преподобного Антония, обложенный серебряными вызлащенными досками и скрывающий мощи его. <...> нетленные тела Княжны Ольшанской, Нестора Летописателя, Иоанна Многострадального, 12 строителей Успенского собора, Князя Черниговского Николы Святоши, Ильи Муромца, Марка Гробокопателя, Меркурия, Ефрема Епископа Переяславского, несколько мироточивых глав и много других <...> 73 мощей» (в Антониевой); «мощи Князя Феодора Острожского, Евфросинии Игуменьи Полоцкой, Тита Воина, Меркурия Постника, Ахилла и еще несколько <...> до 45» (в Феодосиевой) [15. С. 111–112]) до могил «имперского» периода: «гроб Задунайского» [15. С. 107], «места, где похоронен Князь Долгорукий, Киевский Генерал-Губернатор Леонтьев, Архимандрит Печерский Зосима Валькевич» [15. С. 108]. Особо отмечен «камень», «под которым сокрыты Искра и Кочубей» [15. С. 108].

Кроме того, с пространством исторической памяти в рамках ДРХ в левшинском тексте тесно связано онирическое пространство, возникающее в тексте благодаря авторской интенции к «оживлению истории», «освежению ее воздействия на читателя» [12. С. 30] и превращающее изложение исторического материала в «визионерское повествование» [12. С. 31]. Так, приближение к Киеву, еще до его непосредственного созерцания, вызывает у автора грезу о нем: «...перенесясь воображением в прежнюю столицу отечества нашего, мысленно осматривал достопримечательности ее; любовался местоположением; с почтением взирал на памятники древности; воспоминал воинственных предков наших, которые на борзых конях, с булатными мечами, в блестящих панцирях и шлемах являлись сюда на защиту отечества; внимал, казалось, словам громогласного Баяна, который носился соловьем по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками» [15. С. 86–87].

Вскользь в связи с киевским пространством упомянута и хозяйственная сфера ДРХ, касающаяся торгового влияния древнего города: «Киевом, которой еще в 9 столетии был средоточием торговли Варяжского и Черного моря; в который приезжали для торгова не только соседственные народы, но Римляне, Сирияне, Греки и другие привозившие товары из Индии, Персии и Египта» [15. С. 95]; «...торговля ее нынешняя не имеет тени той, которую производила она в царствование Владимира или Ярослава и о которой Византийские историки оставили нам многие известия» [15. С. 204].

МРХ1 в Переяславе представлен сакрально-исторической сферой: «Церковь Успения, в коей Гетман Хмельницкий с воинством своим присягал на верно-подданство Царю Алексею Михайловичу»; «Собор Переяславский, в котором хранятся мощи Святого Макария Архимандрита Овручского, измученного Турками в Каневе» [15. С. 44]; «небольшая деревянная, валом обнесенная часовня, которую построил Межигорского монастыря Иеромонах Феодосий, а в ней из дикого камня высеченный крест, которой водрузил Переяславский Протопоп Григорий Бутович в 1664 году» [15. С. 49].

Спасский монастырь Новгород-Северска упомянут как место, «в котором образовались и усовершились буйные замыслы мятежного Гришки Отрепьева» [15. С. 187]. Особо упоминаются локусы, связанные со сферой культуры: заведенная князем Острожским киевская литография, в которой «первая книга» была «напечатана в 1613 году» [15. С. 112], и киевская же Академия, учрежденная «в 1631 году Митрополитом Петром Могилою» [15. С. 130]. Более того, Академия отмечена особо как место, где «цвели науки и тогда, когда мрак невежества покрывал, почти всю Россию...» [15. С. 130].

Историческая сфера МРХ2' представлена прежде всего прославленной деяниями Петра Полтавой, включая обелиск над шведами, сооруженный по велению Александра и описанный амбивалентно: памятник «прекрасный и отделан очень хорошо», но ему недостает величественности [15. С. 4]. Отметим, что с Полтавой связан и фрагмент онирического переноса нарратора на место битвы, триггером которому служит образ Луны: «Также, думал я, взирая на нее... восходила она, может быть, после Полтавской брани, когда здесь отдыхал на лаврах мужественный, предприимчивый, великий ПЕТР, который, летая среди пуль и ядер между рядами воинов, метал на сии равнины победоносные молнии свои. <...> Такие же бледные лучи ударялись здесь в облака серого дыма, скользили по ружьям и поглощались потоками дымящейся крови, в которых плавали тысячи умирающих воинов» [15. С. 11–12].

Как выше отмечалось, Белоцерковка и киевская лавра маркированы связью с образами Кочубея и Искры, Ташань и Печерская лавра – с образом Румянцева-Задунайского. Новгород-Северский маркирован как «главный город Наместничества» [15. С. 185], а Глухов – как место Коллегии, управлявшей Малороссией [15. С. 190]. Кроме того, левшинская Малороссия представляется пространством благодеяний российских императоров, которые выступают как восстановители сакральных локусов (Петр – Печерской лавры («...явился Великий ПЕТР – и лавра Печерская возродилась» [15. С. 102], Елисавет Петровна – церкви Андрея Первозванного) и дарители¹⁴ с перечислением их даров киевским церквям. На Крещатике отмечен памятник Александру от горожан, благодарных «за во-зобновление древних прав» Киева [15. С. 94], тогда как окружающая лавру Печерская крепость маркирована образом Петра, заложившего ее «собственною рукою» [15. С. 113]. Также с образами императоров связаны несколько локусов Новгород-Северского: «остатки того дома, в котором Великий Петр наблюдал движения Шведов и созидал основание для утверждения величия державы Русской»; «разваливающиеся торжественные врата, в которые въезжала путешествовавшая в недра владений своих ЕКАТЕРИНА» [15. С. 186–187]. Она же выступает возобновительницей «основанного в XII веке» «первоклассного монастыря Преображения», ставшего «украшением города» [15. С. 189].

«Бытовая» сфера МРХ2" двойственна, по большей части представлена небольшими городскими и деревенскими локусами. Это пространство в становлении, которое богато потенциями развития, но настоящее которого относительно скромно. Так, с одной стороны,

Левшин подчеркивает в образе Полтавы, что Александр «повелел ей быть губернским городом, приказал украсить ее огромными зданиями» [15. С. 3], но далее замечает, что «Полтава не велика, малолюдна <...> Огромных строений, выключая казенные, здесь почти нет; все дома маленькие» [15. С. 5], т.е. масштабность локуса, связанная с его значительностью в историко-культурном смысле, не реализована. В целом здесь преобладают положительные характеристики: хорошее расположение [15. С. 5], «прекрасная круглая площадь», «отличные строения», «прекрасный обелиск» [15. С. 3], которому, однако, напомним, не достает «величия». В тексте также акцентировано различие между МРХ2' и МХР2" («разительная противоположность между прошедшим и настоящим» [15. С. 12]) в локусе окрестных полей, которые из места битвы стали местом сельских трудов, что подчеркивает его общий идиллический характер. Масштабность в большей мере характеризует Переяслав, «город изрядный и довольно многолюдный» [15. С. 45], маркируемый как просвещенное место через наличие гимназии. Релятивистски положительна, хотя и лаконична, репрезентация Глухова: «Строение его, в сравнении с другими Малороссийскими уездными городами, хорошо» [15. С. 190]. Описание же Чернигова амбивалентно. С одной стороны, это позитивные характеристики: достойное «примечания» ремесленное училище, «прекрасное и преполное учреждение» [15. С. 141], «изрядное строение», хорошее местоположение [15. С. 139]. С другой – в репрезентации присутствуют «пустота и малолюдство», бедность [15. С. 139]. Аналогично описание и Новгород-Северска: «довольно обширная и хорошая гимназия» [15. С. 190], «прекрасное местоположение» противопоставлены «бедным домикам и кое-где рассыпанным развалинам» [15. С. 185].

В наибольшей же степени амбивалентность малороссийского пространства проявляется в киевском топосе. Здесь нарратором демонстрируется разная «оптика» описания. Панорманный вид Киева издали вызывает восхищение созерцателя: «величественное зрелище» «высокой и крутой горы, на которой посреди многих златоглавых церквей и едва видимого в отдалении города, возвышался ужаснейшей величины колосс, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта в облаках. Густой туман носился у подошвы ее» [15. С. 85]. Выше мы приводили описание идиллического киевского пейзажа, наблюдаемого снизу вверх из Дворцового сада, – панорама, поразившая нарратора «разнообразием, величием и красотой предметов» [15. С. 93]. Печерская крепость с «огромным и величественным арсеналом» [15. С. 113] обозначена «лучшей частью города» [15. С. 94]. При взгляде вблизи «бытовой» Киев, однако, характеризует некая провинциальность, делающая его описание похожим на репрезентацию Полтавы: «В нем мало огромных строений; но много хороших, хотя небольших домов, которые, будучи расположены на прекрасных местах, останавливают и прельщают глаза» [15. С. 96]. Таким образом, Киев имеет иное, отличное от парадно-величественной стороны, лицо, где отмечен локус «кривой,

довольно грязной улицы» [15. С. 91], где пожары в Подоле скорее способствовали улучшению городского облика: «большая часть строения возобновлена и едва ли не лучше прежнего», где наличие памятников древности старого Киева контрастирует с тем, что «строение» его «нехорошо» [15. С. 94]. Более того, автор противопоставляет образы Киева в рамках ДРХ и МРХ2": «красота его нисколько не соответствует прежнему величю, что нынешний Киев нельзя сравнить с древним» [15. С. 94–95], однако это не относит топоним «к дурным городам» [15. С. 96]. Наиболее негативно охарактеризованы Лубны: «Город... не велик, довольно грязен и строением очень дурен» [15. С. 18]; «...ничто не делает его занимательным в глазах путешественников, выключая огромной аптеки <...> и заведенных при ней обширных ботанических садов» [15. С. 23].

Наконец, в МРХ2" присутствует хозяйственная сфера, которая резко контрастирует по стилю описания с сентименталистским нарративом МРХ0: вместо пространных буколических репрезентаций последнего здесь сообщаются скупые, рациональные факты. Так, Решетилловка маркирована «черными овцами» и «торгом мерлушками» [15. С. 13], а Ташань, помимо исторического локуса усадьбы Румянцова-Задунайского, известной лишь избранным ценителям старины, – «испанскими и силезскими овцами» [15. С. 41]. Глухов отмечен множеством «стеклянных, мыловаренных, пивоваренных и винокурных заводов», а также «шостенским порохом и фарфоровою глиною»: «Она покрывает землю в иных местах на 2 и 2,5 и фута; а в некоторых еще более. Она чиста, бела и хотя смешана с охрою, но чрезвычайно хороша в работе» [15. С. 190–191]. Последняя же глава левшинского текста и вовсе напоминает географо-экономический очерк с описанием почв Малороссии «на пространстве 8 800 000 десятин» [15. С. 192] («Полтавская Губерния большею частью черноземная, а Черниговская песчаная и смешана с глиною» [15. С. 194]), производимой сельхозпродукции и условий торговли, а также упоминанием селитроварения и винокурного производства.

Именно с хозяйственной, а не пасторально-идиллической точки зрения автором изображен МРХ2", или будущая Малороссия, суть которой лежит, с одной стороны, в сугубо рациональной плоскости расширения торгово-промышленного потенциала данного пространства за счет преобразования природы (уничтожение «песчаных мелей около Киева и Кременчуга» [15. С. 202], расчищение днепровских порогов), а с другой – к историческому апокатастасису, возрождению пути из варяг в греки и шире – к превращению Малороссии в активное медиационное пространство между Севером и Югом, Западом и Востоком: «...содается посредницею всей торговли нашей с южным и Европейскими государствами и Азией» [15. С. 206]. Другой, менее осуществимый, по мнению автора, проект будущего малороссийского пространства как особого культурного региона лежит в области создания письменного языка: «...ежели гении здешней стороны обратят на него внимание свое и образуют оный, ограничив положительными правилами грамматики; тогда

Малороссияне в славе ученых произведений своих, может быть, будут состязаться с просвещеннейшими народами Европы» [15. С. 78].

Таким образом, репрезентация пространства Малороссии в левшинском тексте весьма гетерогенна. Она построена на сочетании сентименталистского и рационально-просветительского нарративов, содержит в себе несколько хронотопов, включая идиллически-пасторальный хронотоп, отмеченный циклическим временем, привлекательностью, уютностью, чистотой, миниатюрностью, изобильностью и благословенностью и актуализированный прежде всего в рустикальных локусах. Локусы малороссийских городов (и ряда деревень) помещены в линейное время, и, соответственно, в рамках их описания можно выделить древнерусский хронотоп, общий в историческом смысле для всех русских, и образовавшийся позже специфический, историко-культурный, малороссийский хронотоп, существование которого описано в формах как «козацкого» государства, так и элемента иных государственных общностей: Речи Посполитой («польского ига») и Российской империи. Последний по времени вариант мыслится автором как возвращение к русской общности, исправление эпохи политической раздробленности русских земель.

Неоднородна левшинская репрезентация Малороссии и в современном автору темпоральном срезе. Здесь в тексте реализована оппозиция «Полтавская губерния – Черниговская губерния», губернии описаны в их географических, экономических, климатических и антропотипных различиях, где южный, холмисто-степной полтавский вариант с его ослабленной ургией, скотоводством и *dolce far niente* представляет собой «эталонную» малороссийскость, на фоне которой от противного конституируется северный, лесопесчаный черниговский вариант. Киев здесь представляет собой центр по отношению к малороссийской провинции и прежде всего центр историко-сакральный с максимальным количеством исторических и священных достопримечательностей.

При этом в демиприродном аспекте образ Киева близок южному варианту малороссийского простран-

ственности, а в «бытовом» слое описания сходен с репрезентациями иных городских локусов, амбивалентно отмеченных, с одной стороны, положительными характеристиками привлекательности, уюта, чистоты, а с другой – мотивами провинциальности, малолюдности, грязи.

Исторический слой описания представляет центральное ядро малороссийской образности. Отсюда актуализация положительных лейтмотивов древности, предков, славы, «первичности», но также и амбивалентных мотивов ужаса и кровопролития, связанных с землями Малороссии, при репрезентации которой фольклорно-легендарный элемент сливается с онирическим. Также отметим наличие в образах имагинально-географического пространства различных реликтов, как культурных (в области права, административного управления, веры и обычаев, в том числе остатков язычества), так и природных – наличие локусов дикой природы, причем относящейся чуть ли не к временам сотворения мира. Исторический слой представлен множеством локализованных артефактов, но при этом материальная сторона малороссийского пространства исторической памяти показана Левшиным ослабленной по сравнению с духовной, историко-легендарной. Малороссия в этом плане изображена местом руин различной сохранности, память о значении которых постепенно стирается в сознании потомков. Значения данных знаков-артефактов многовариантны и неопределенны.

Наряду с историческим и бытовым нами выделен также хозяйственный слой описания малороссийского пространства, характеризующийся фактографичностью, рациональностью, противопоставленных сентименталистскому нарративу. Этот хозяйственный слой представлен наиболее широко в хронотопе современной автору Малороссии, но также и в ее прошлом, связанном с историческим значением Киева на пересечении торговых путей. Почти исключительно с хозяйственным слоем связана и левшинская Малороссия будущего, образ которой основан на возрождении экономической роли данного лиминально-медиационного пространства.

Примечания

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация текста «Писем из Малороссии» приближены к современному.

² Несколько пространнее автор иллюстрирует эти религиозные странности в сакрально-мортальной сфере: «...душа человеческая, по мнению жителей здешних, должна, разлучась с телом, странствовать и омываться, доколе очистится» [15. С. 74]; в описание локуса Решетиловки введен остраняющий образ белых платков, «привязанных к крестам» на могилах, «чтобы мертвый по восстании своем мог оным утереться. Обыкновение странное и довольно смешное, однакож соблюдаемое во многих селах Малороссийских» [15. С. 13].

³ Особый статус лавры, как и всей Малороссии в составе Российской империи, актуализирует мотив реликтов независимости: лавра «теперь подчинена Святейшему Синоду, однакож с особыми преимуществами. Двенадцать почетнейших монахов составляют в ней совет, который разбирает дела. Архимандриту ее позволено осенять обеими руками, носит митру с крестом, и мантию с изображением на скрижалях Святых Антония и Феодосия как первых основателей Лавры» [15. С. 105].

⁴ Топос Тмутаракани также актуализирован в рамках описания Лубен в связи с образом проживавшего там П.В. Пустошкина, открывшего, как пишет Левшин, «на острове Тамань» «камень, которой разрешил всеобщий спор о местоположении Тмутараканского Княжения» [15. С. 19].

⁵ Также противопоставлен образу Мазепы образ Даниила Апостола, «бывшего Малороссийского Гетмана», в описании портрета которого (в церкви под Лубнами) подчеркнут ум в отличие от характеристики лютости/свирепости, закрепленной за Мазепой: «Черты лица выражают умного человека...» [15. С. 25].

⁶ Как указывает И. Булкина, в левшинском травелоге представлен «канонический зачин киевского путешествия-паломничества – это утренний пейзаж с видом на Лаврскую колокольню: сначала все скрыто облаками, и затем при первых лучах солнца вдруг появляются золотые маковки церквей...» [7. С. 48].

⁷ Неслучайно автор упоминает «мамонтвы ископаемые кости», «близ Лубен из земли вырытые» [15. С. 20]; а «в 10 верстах от Переяслава», «в ущельях высоких гор, на правой стороне Днепра» фиксирует некую «достопамятность», «остаток варварства» – «пещеру, неизвестно кем и когда выкопанную» и наполненную горами «костей человеческих» [15. С. 55].

⁸ Видимо, Левшин смешивает историю Городни и Сновска: «Тогда назывался он Стовском» [15. С. 143].

⁹ В левшинском тексте слово «первый» может использоваться в значении не только «первый во времени», но и «первый по значению»: Киево-Печерская лавра «считается первой между Российскими монастырями» [15. С. 105]; Чернигов «считался первым из удельных Княжений» [15. С. 138].

¹⁰ Действительно, в левшинской характеристике малороссиян частично проявляется маркер их естественности/детскости, например, в отношении вышеупомянутого мотива страха перед чужим/непонятным: малороссийских младенцев запугивают «москалями», а взрослые дрожат перед волшебным/инфернальным.

¹¹ В этом смысле «южная» малороссийская антропность в травелоге Левшина напоминает неаполитанскую антропность в текстах русской словесности, где человеческая «ленность» и «беспечность» составляют контраст с прекрасным ландшафтом [18. С. 334].

¹² Напомним, что сами «южане» не считают «северян» в полном смысле своими, обозначая их как литвинов.

¹³ Более того, при попадании в киевское пространство путешественник встречает не малороссов, а торговцев еврейского и немецкого происхождения. Вообще, левшинская Малороссия маркирована еврейскостью. Автор замечает, что евреи здесь «нашли себе выгодное убежище» [15. С. 151] и она у них «на откупе» [15. С. 152].

¹⁴ Наряду с императорами, только граф Шереметев удостоен отдельного упоминания как даритель Киево-Печерской лавры, преподнесший вылитые «из чистого серебра» Царские двери Успенского собора [15. С. 103].

Список источников

1. Левкиевская Е.Е. Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы // Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии : сб. ст. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 154–176 с.
2. Шаталов Д.В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. С. 224–240.
3. Крюкова О.С. Романтический образ Украины в русской литературе XIX века. М. : Наука, 2017. 125 с.
4. Курьянов С.О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе // Крымский гуманитарный вестник : сб. науч. ст. Симферополь : ИП Минакир И.Л., 2018. С. 40–47.
5. Васильева Т.А. Эволюция «украинского текста» в творчестве В.Т. Нарезного // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы IV Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. С. 160–165.
6. Марчуков А.В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М. : Регнум, 2011. 294 с.
7. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное : дис. ... д-ра филос. по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.
8. Беляков С.С. Русский взгляд на украинца // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 80–91.
9. Беляков С.С. «Цветы» и «корни» украинской нации // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 73–86.
10. Сторожева А.А. Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XI всерос. конф. М. : МПГУ, 2021. С. 155–161.
11. Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.
12. Киселев В.С., Васильева Т.А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 20–42.
13. Кублицкая О.В. Структура пространства в прозе массового сентиментализма (на материале «Писем из Малороссии» А.И. Левшина) // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы XXVIII Междунар. науч. конф. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 112–117.
14. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М. : Рос. политическая энцикл., 2004. 376 с.
15. Левшин А. Письма из Малороссии. Харьков : Университетская тип., 1816. 206 с.
16. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М. : Прогресс, 2001. 440 с.
17. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. 717 с.
18. Лебедева О., Янушкевич А. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 436 с.

References

1. Levkieskaya, E.E. (2008) *Ukraina i ukrainsy: obrazy, predstavleniya, stereotipy* [Ukraine and Ukrainians: images, ideas, stereotypes]. In: Borisenok, E.Yu. (ed.) *Russkie i ukrainsy vo vzaimnom obshchenii i vospriyatii* [Russians and Ukrainians in Mutual Communication and Perception]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 154–176.
2. Shatalov, D.V. (2014) "Putevaya literatura" nachala XIX v. i formirovanie istoriograficheskogo obraza ukrainskogo kazachestva ["Travel literature" of the early 19th century and the formation of the historiographic image of the Ukrainian cossacks]. In: Korzun, V.P. (ed.) *Mir istorika* [The World of a Historian]. Vol. 9. Omsk: Omsk State University. pp. 224–240.
3. Kryukova, O.S. (2017) *Romanticheskii obraz Ukrainy v russkoy literature XIX veka* [The Romantic Image of Ukraine in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
4. Kur'yanov, S.O. (2018) O russko-ukrainskikh literaturnykh svyazyakh i ob ukrainskom tekste v russkoy literature [On Russian-Ukrainian literary connections and the Ukrainian text in Russian literature]. In: Rudyakov, A.N. (ed.) *Krymskiy gumanitarnyy vestnik* [Crimean Humanitarian Bulletin]. Simferopol: IP Minakir I.L. pp. 40–47.
5. Vasil'eva, T.A. (2014) [Evolution of the "Ukrainian text" in the works of V.T. Nareznyy]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of the Local Text]. Proceedings of the 4th International Conference. Gorno-Altaysk. 9–12 September 2014. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 160–165. (In Russian).
6. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolay Gogol' i ego vremya* [The Image of Ukraine in the Russian Consciousness. Nikolai Gogol and his time]. Moscow: Regnum.
7. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy trety XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kyiv in Russian literature of the first third of the 19th century: historical and literary space]. PhD Thesis. Tartu.
8. Belyakov, S.S. (2015) Russkiy vzglyad na ukrainsa [Russian View of the Ukrainian]. *Voprosy natsionalizma*. 2 (22). pp. 80–91.
9. Belyakov, S.S. (2015) "Tsvety" i "korni" ukrainskoy natsii ["Flowers" and "roots" of the Ukrainian nation]. *Voprosy natsionalizma*. 3 (23). pp. 73–86.
10. Storozheva, A.A. (2021) [The image of the steppe in sentimental travelogues of the early 19th century]. *Literatura Drevney Rusi i Novogo vremeni* [Literature of Ancient Rus' and the New Time]. Proceedings of the 11th All-Russian Conference. Moscow. 3–4 December 2020. Moscow: Moscow Pedagogical State University. pp. 155–161. (In Russian).
11. Vasil'eva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the origins of Ukrainophilia: the image of Ukraine in Russian literature of the late 18th – first quarter of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2015) Wanderings with a peaceful soul under the native sky": The image of Ukraine in Russian travelogues of the early 19th century (V.V. Izmaylov, P.I. Shalikhov, A.I. Levshin). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (4). pp. 20–42. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/4/2

13. Kublitskaya, O.V. (2023) [The Structure of Space in the Prose of Mass Sentimentalism (Based on A.I. Levshin's "Letters from Little Russia")]. *Pushkinskie chteniya – 2023. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings – 2023. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. Proceedings of the 28th International Conference. Saint Petersburg, 6–7 June 2023. Saint Petersburg: Leningrad State University. pp. 112–117. (In Russian).
14. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: Poetics of space]. Translated from French. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
15. Levshin, A. (1816) *Pis'ma iz Malorossii* [Letters from Little Russia]. Kharkov: Universitetskaya tipografiya.
16. Le Goff, J. (2001) *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The Medieval Imagination]. Translated from French. Moscow: Progress.
17. Karamzin, N.M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka.
18. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno: Università di Salerno.

Информация об авторе:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 22.02.2024;
approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 81'28
doi: 10.17223/15617793/505/5

Региональные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как среда функционирования диалектной лексики лексико-тематической группы «Человек»

Наталья Антоновна Зюзькова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, zyuzkovanatalya@gmail.com

Аннотация. Обработан и проанализирован массив интернет-комментариев, содержащих диалектные лексические единицы лексико-тематической группы «Человек» и представленных в двадцати трех крупных региональных сообществах четырех сибирских городов: Иркутск, Новосибирск, Омск, Томск. Описаны частотность употребления диалектных слов, причины их актуализации в интернет-коммуникации, сделаны наблюдения об общих тенденциях общения в сети Интернет.

Ключевые слова: диалектная лексика, русские народные говоры, сибирские говоры, интернет-коммуникация, интернет-комментарий, региональные сообщества, социальная сеть, ВКонтакте

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Для цитирования: Зюзькова Н.А. Региональные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как среда функционирования диалектной лексики лексико-тематической группы «Человек» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 48–55. doi: 10.17223/15617793/505/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/5

Regional communities of the social network VKontakte as a medium of the functioning of dialect words of the lexico-thematic group "Person"

Natalya A. Zyuzkova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smoart2@gmail.com

Abstract. The Internet fixes the changes occurring in the modern Russian language, reflecting the tendencies of its development. Since modern speech practice currently includes words belonging to different systems, including dialect words, the study of their functioning in the Internet is one of the topical problems of modern linguistics. It remains relevant to consider the functioning of dialect words in Internet communities, comments in which reflect the current state of oral-written communication. The aim of the article is to describe the representation of dialect vocabulary in Internet communication on the example of regional communities of Siberian cities (based on the data of the social network VKontakte). The novelty is conditioned by the appeal to the problem of studying the functioning of dialect vocabulary in the Internet space as an under-researched aspect of modern linguistics. The main sources of the material were: *Vershininsky Dictionary*, from which 193 lexemes labeled "dialect proper" and belonging to the lexico-thematic group "Person" were selected; 465 text Internet comments containing dialect lexical words and retrieved from the social network VKontakte by searching for them in 23 communities of Irkutsk, Novosibirsk, Omsk, and Tomsk. The subject of analysis is the actualization of dialect units of the lexico-thematic group "Person" in Internet comments to posts in public regional communities of Siberian cities. Based on the data of the large regional communities, relevant information can be obtained about the frequency of word usage of dialect units, the area of their distribution, and their actual lexical meaning. Out of 193 dialect lexical units, 32 units are found in the oral and written speech of users of the regional communities. The largest number of Internet comments (213 out of 465) containing dialect words was recorded in the public communities of Novosibirsk. This can be explained by the fact that Novosibirsk is the largest city in terms of population after Moscow and St. Petersburg, and has a large user audience in VKontakte. The factors affecting the functioning of dialect words in Internet communication also included the commenting activity of followers, the topics of communities and posts published in them, the transparent internal form of some dialect words. It was noted that the high frequency of use of certain dialect words may indicate the loss of their dialect status and their transition into other varieties of the national language (which requires a separate verification based on the data of modern dictionaries of colloquial speech and public communities of other regions). Single examples were identified of meta-linguistic reflection (expressed at the level of graphic design of the utterance) of participants of the regional communities, which serve as an indicator that some users realize the special – primarily stylistic – status of the used word.

Keywords: dialect vocabulary, Russian folk subdialects, Siberian subdialects, Internet communication, Internet commentary, regional communities, social networking, VKontakte

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Zyuzkova, N.A. (2024) Regional communities of the social network VKontakte as a medium of the functioning of dialect words of the lexico-thematic group "Person". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 48–55. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/5

Постановка проблемы

Интернет, являясь одной из разновидностей новых медиа, фиксирует изменения, происходящие в современном русском языке, отражая тенденции его развития. По справедливому замечанию Н.И. Клушиной, «новая интернет-эпоха, которая сменила традиционную книжную эпоху, позволила языку медиа занять лидирующее положение среди других вариантов русского литературного языка. Язык медиа становится модельным языком общества, в котором отражается современная речевая практика. Он наиболее полно репрезентирует городской узор и ориентирован, в силу новых технологических условий, на модернизацию, в том числе и литературной нормы» [1. С. 29].

Под интернет-коммуникацией понимается «полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам «персональность/институциональность» [2. С. 13].

Цель работы заключается в описании представленности диалектной лексики в интернет-коммуникации на примере региональных сообществ городов Сибири (с опорой на данные социальной сети «ВКонтакте»).

Поскольку в настоящее время в современную речевую практику включены единицы разной системной принадлежности, в том числе диалектные, изучение их функционирования в Интернете является одной из актуальных проблем современной лингвистики, о чем свидетельствуют работы последних лет, посвященные данной проблематике. **Актуальность исследования** также заключается в необходимости изучения современного состояния русских говоров, их взаимодействия с другими коммуникативными сферами, рассмотрения их функционирования в новых коммуникативных условиях, а именно – в интернет-коммуникации, являющейся частью жизни современного общества.

Авторы рассматривают употребление диалектных лексем в интернет-пространстве в различных аспектах. Путем обращения к интернет-блогам исследователями производится уточнение ареала распространения, семантики и стилистического статуса регионально маркированных единиц [3]; на материалах русскоязычного сегмента Интернета определяются тематика и типы дискурсов, в которых употребляются диалектные слова [4, 5]; рассматриваются отдельные публичные сообщества и посты диалектоносителей как лингвистический источник для изучения тех или иных говоров [6, 7]; с помощью привлечения больших данных и технологий машинного обучения исследователи определяют выраженность интернет-диалектов субъектов Российской Федерации [8],

разрабатывают методику классификации диалектной принадлежности письменного высказывания [9].

Что касается изучения диалектов других языков, классификация диалектизмов в зависимости от их употребления и формы написания в китайскоязычной интернет-коммуникации осуществлена А.Н. Сбоевым [10]; Д.Ю. Ващенко предложено построение функциональной типологии непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в словацком Интернете [11].

Исследования демонстрируют, что функционал социальных сетей (в частности, социальной сети «ВКонтакте») как разновидности новых медиа позволяет проследить употребление конкретных лексем в интернет-коммуникации, определить их семантику, частотность, территориальную окрашенность, дискурсивную принадлежность, выполняемые ими функции [12. С. 36].

Устно-письменный характер общения в социальных сетях способствует проникновению в них групп лексики, имеющих преимущественно устную форму бытования (в частности, лексики диалектной). Одним из жанров интернет-коммуникации, в котором функционируют диалектные лексемы, является жанр интернет-комментария, основная цель которого, по мнению Т.И. Стекловой, – «выразить отношение, чаще всего негативное, к комментируемому событию или его герою» [13. С. 84]. Приведем примеры нескольких интернет-комментариев, зафиксированных в социальной сети «ВКонтакте»:

1) *вы реально больная или притворяетесь? Меня чуть не покалечили и я же ещё должна извиняться? Идите полечитесь сами для начала, потом продолжим дискуссию, прям испереживалась она вся, болезная;*

2) *вы с кем связались? Нормальные мужики делом заняты. В контакте не пижут, не сплетничают. А эти только и могут над беззащитными животными свою «силу» показывать.*

Да с женщинами зубатиться. Мужикам то побойться так ответить. Только на это и способны.

Не опускайтесь на их уровень.

Интернет-комментарий рассматривается как самостоятельный сетевой жанр, активно анализирующийся лингвистами. На материале интернет-комментариев изучаются концепты [14, 15], способы и средства презентации субъектности в интернет-дискурсе [16], коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения пользователей социальных сетей [17, 18], особенности специфики понимания общих культурных и юридических ценностей [19], способы выражения языковой личности автора комментария [20], функционирование экспрессивной лексики [21], языковые особенности интернет-коммуникации в целом [22] и другие темы.

Вместе с тем актуальным остается рассмотрение функционирования диалектных слов в крупных интернет-сообществах, комментарии в которых отражают

современное состояние устно-письменной коммуникации и фиксируют разнообразные процессы, протекающие в русском языке и речи, и в конечном счете формируют социокультурные ландшафты.

Как отмечают исследователи в монографии «Пространства и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири», существует базовое противоречие современного мира, сформированное двумя тенденциями развития. «С одной стороны, экономическая и политическая глобализация делает необратимой культурную и языковую интеграцию, с другой – все чаще она сопровождается оценкой изменений в речевых и социальных практиках как разрушающих национальные, этнические и религиозные традиции и устои» [23. С. 6]. Проникновение диалектных слов в интернет-коммуникацию в полной мере отражает эту тенденцию.

Новизна обусловлена обращением к проблематике изучения функционирования диалектной лексики в интернет-пространстве как к малоизученному аспекту современного языкознания.

Характер работы и решаемые в ее рамках задачи обусловили привлечение **материала** из различных **источников**: диалектного словаря и региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте» (в частности, опубликованных в них интернет-комментариев). Так, основным источником послужил «Вершининский словарь» (далее ВС) в 7 томах [24], из которого были выбраны 193 лексемы с пометой «собственно диалектное». Это слова различной частеречной принадлежности (существительные, прилагательные и глаголы), относящиеся к лексико-тематической группе «Человек». Среди них такие слова, как *бедноваться – жаловаться на кого-л., загузистый – толстый, толстозадый, зарёвываться – Экспр. Долго и сильно плакать, нелюбимка – необщительная, негостеприимная женщина, похабливый – Осуд. Склонный к сквернословью* и др.

Кроме того, материалом для анализа послужили 465 текстовых интернет-комментариев, содержащих диалектные лексические единицы и извлеченных из социальной сети «ВКонтакте» путем их поиска в 23 региональных сообществах. Комментарии были выбраны из сообществ следующих городов: Иркутск, Новосибирск, Омск, Томск. Это такие сообщества, как «Инцидент Новосибирск», «Томские.ру», «Аварийный Омск», «Иркутск город грехов» и др. Обращение к социальной сети «ВКонтакте» как к источнику материала для изучения функционирования диалектной лексики связано с высокой популярностью ресурса: количество его пользователей составляет более 100 млн человек в месяц по данным на 2024 г. [25].

Предметом анализа является актуализация диалектных единиц лексико-тематической группы «Человек» в интернет-комментариях к постам в публичных региональных сообществах городов Сибири.

Методология. В ходе исследования были использованы следующие методы и приемы: метод научного описания, реализованный посредством приемов частичной выборки материала, его классификации, си-

стематизации и интерпретации; методы дефиниционного и контекстологического анализа; метод машинной обработки данных, использовавшийся на этапе сбора материала (интернет-комментариев).

На первом этапе работы в социальной сети «ВКонтакте» было выбрано 23 публичных региональных сообщества этих же четырех сибирских городов. Основными критериями для отбора сообществ являются следующие: высокое число подписчиков (от 20 тыс. подписчиков), комментаторская активность, разнообразие представленных в постах тем.

На втором этапе осуществлялась выгрузка интернет-комментариев из выбранных публичных сообществ, реализованная посредством обработки больших данных; выгрузка была выполнена при помощи сотрудников научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Томского государственного университета и составила более 2 млн комментариев (за период с 30.08.2022 по 30.08.2023 г.).

На третьем этапе, путем применения метода машинной обработки данных, осуществлялся поиск комментариев, содержащих диалектную лексику, среди найденных на предшествующем этапе контекстов. В результате поиска было найдено 465 интернет-комментариев с диалектными лексемами различной частеречной принадлежности, представляющими лексикотематическую группу «Человек», внутри которой выделяются следующие подгруппы: слова, характеризующие человека по социальному статусу (*брошенка – женщина, оставленная мужем; женишок – Ласк. к жениху*), характеру (*мелочник – Презр. Скупой человек; шалаболка – Перен. Пренебр. О легкомысленной женщине, девочке*), называющие особенности его поведения (*страмовка – Осуд. Бессовестная женщина; заполошный – взбалмошный, чрезмерно суетящийся, делающий всё на ходу, излишне торопливо*), переживаемые им состояния (*похмелюга – Экспр. Сильное похмелье*), совершаемые им действия (*буробить – Неодобр. Говорить пустое, вздор; докопаться – найти ответ, понять что-л. в результате настойчивых поисков*) и др.

На заключительном этапе с помощью приема количественных подсчетов определялась частотность употребления той или иной лексемы, а также локальная представленность диалектных слов в региональных сообществах разных городов Сибири.

Полученные результаты отражают факт наличия или отсутствия употреблений конкретных диалектных лексем в интернет-комментариях региональных сообществ четырех городов Сибири и содержат количественные показатели этих словоупотреблений. Так, при помощи данных о том, в каком из региональных сообществ оставлен комментарий, было определено, в каких городах используется та или иная лексема. Были получены следующие результаты.

На диаграмме видно, что больший процент диалектных слов лексико-тематической группы «Человек» фиксируется в региональных сообществах г. Новосибирска (всего 213 комментариев, содержащих диалектные лексемы), затем Омска (135 комментариев), Томска (75 комментариев) и, наконец, Иркутска

(42 комментария). Кроме того, анализировалась частотность употребления той или иной лексики в целом.

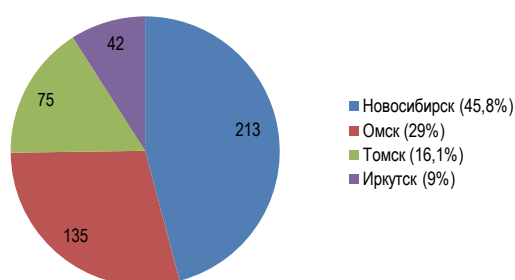

Рис. 1. Соотношение комментариев, содержащих диалектные лексемы (по данным региональных сообществ Иркутска, Новосибирска, Омска, Томска)

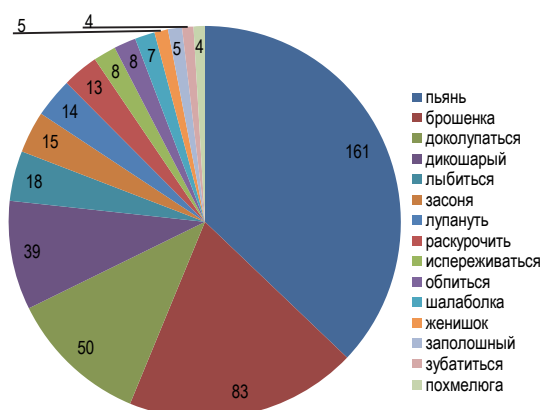

Рис. 2. Количество словоупотреблений диалектных единиц лексико-тематической группы «Человек» в региональных сообществах Иркутска, Новосибирска, Омска, Томска

Из 193 лексем в 23 сообществах были найдены 32 диалектные единицы, относящиеся к лексико-тематической группе «Человек», что составляет 16,5% процента от общего количества выбранных слов.

Среди 15 наиболее часто встречающихся лексем оказались лексемы *пьянь* (Собир. Осуд. Пьяные люди), *брошенка* (женщина, оставленная мужем), *доколотаться* (найти ответ, понять что-л. в результате настойчивых поисков), *дикошарый* (1. Беспокойный, шумливый, ненормальный. 2. = Дикий 3. (недоразвитый, глупый), *лыбиться* (улыбаться), *засоня* (сонливый, вялый, ленивый человек), *лупануть* (Экспр. Сильно ударить), *раскурочить* (Экспр. Неодобр. Разломать), *испереживать* (сильно переживать), *обпиться* (выпить слишком много), *шалаболка* (Перен. Пренебр. О легкомысленной женщине, девочке), *женишок* (Ласк. к жениху), *заполошный* (взбалмошный, чрезмерно суетящийся, делающий всё на ходу, излишне торопливо), *зубатиться* (Экспр. Дерзко спорить, возражать), *похмельюга* (Экспр. Сильное похмелье).

Необходимо заметить, что некоторые из слов, имеющих высокую частотность в интернет-комментариях, в настоящее время могли утратить свой диалектный статус, перейдя, в частности, в разряд просторечных единиц. К таким словам отнесем, например, лексемы *брошенка*, *дикошарый*, *доколотаться*, *разведённый*, *шалаболка*, *шабутной* и др. На подобный переход могут

указывать данные современных словарей разговорной речи [26, 27], а также присутствие этих единиц в публичных сообществах других регионов. Добавим, что подобный анализ требует отдельного исследования.

Среди некоторых факторов, способных оказывать влияние на частотность словоупотреблений в публичных сообществах конкретных городов, отметим следующие:

1. Количество подписчиков в сообществах и их комментаторская активность: за определенный временной период в разных сообществах может быть оставлено разное число комментариев, содержащих диалектные слова. Прослеживается также зависимость числа комментариев от численности населения выбранных городов: так, в наиболее крупных городах (Новосибирск, Омск) пользователи оставляют больше комментариев.

2. Тематика сообществ и постов, публикуемых в них: например, в сообществах, тематика которых связана с межличностными отношениями, могут чаще встречаться такие лексемы, как *брошенка*, *женишок*, *пьянь*, *шалаболка* и т.д.

3. Прозрачная внутренняя форма слова, обеспечивающая его соотнесенность с лексическим мотиватором и известным комментатору (и читателю комментария) общерусским словом (*брошенка* – *бросить*, *гулеван* – *гулять* и др.).

В небольшой доле высказываний можно обнаружить демонстрацию авторской метаязыковой рефлексии, показатель того, что диалектное слово воспринимается комментатором как несвойственное его привычной речи. Эта рефлексия может выражаться путем использования графических символов, заключением слова в кавычки как знака его чужеродности, непривычности (или же в определенных случаях как примера сознательной стилизации текста) (здесь и далее комментарии приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации. – Н.З.): *я рада Вас видеть в чате ! Людей не переубедить , им плохое подавай , да «погутарить» , грязи подкинуть . Важно , что мы знаем , что и как в нашей школе ! Школа лучшая ! Я рада , что мой сын учится именно в этой школе !* 👍

Некоторые контексты, напротив, свидетельствуют о высокой степени освоенности тех или иных лексем: репрезентантом этого могут являться сложные сочетания существительных, написанные через дефис и имеющие в своей структуре диалектную единицу (к примеру, определяемое слово со следующим за ним однословным приложением):

*1) в этой акции нет категории многодетные, как и в пособиях от 3 / 7 и 8 / 17 . Участвуют только те кто проходит по критериям отбора . На пособия тоже сейчас не возможно просто так подать просто бухая . Первый год да было такое . Вся **пьянь**-срань получала и ужиралась на детские пособия и коронавирусные . Сейчас родители должны работать . Мы раньше жили в общежитии , так наши соседи и без детей и работы уже с утра были загашенными каждый день . К ним такие же приходили с бутылкой . За коммуналку долг по 400-600 тыс , в холодильнике мышь повесилась , но зато с бутылкой;*

2) а я знаю кто ты. Озлобленная «стерва»-брошенка с кучей комплексов и мнимой уверенностью. Одним словом, пустышка.

Насчёт «...стыдно...», кто бы говорил... у самой фейковая страница с чужой фотографией. Фальшивка во всем. 😊

Существуют и слова, которые зафиксированы как собственно диалектные в ВС, но не встретились ни в одном из региональных сообществ (161 слово из 193, что составляет 83,4% от всех рассматриваемых единиц): *абызить* (Устар. Неодобр. Сердиться), *беззаконница* (Неодобр. Незаконнорожденный ребёнок), *выжамкать* (Экспр. Силой заставить сказать что-л.), *добрящий* (Экспр. Очень добрый), *закарачиться* (разг. Залезть куда-л.), *капаный* (очень похожий, вылитый), *лениватый* (немного ленивый), *маловытный* (употребляющий мало пищи), *нечистюлька* (Неодобр. О нечистоплотной женщине) и др.

Помимо выводов о частотности и причинах употребления диалектных лексем в интернет-комментариях региональных сообществ, их семантике, были сделаны и другие наблюдения, касающиеся не только диалектных слов (далее диалектная лексика в примерах выделяется с помощью полужирного начертания). В целом рассматриваемые комментарии характеризуются:

1. Обилием орфографических и пунктуационных ошибок, нарушением норм современного русского литературного языка. Нарушения на уровне орфографии и пунктуации выступают как одно из проявлений устной составляющей интернет-коммуникации:

1) да какая разница с кем вы разговаривали , вот такие вот **запалошные** смуту и сеят в народ;

2) ой а кто это тут мне решил написать???? Я до вас бедненькой первая **докалупалась** 🙄;

3) много чести , стараться писать . Без ошибок – для тебя скушной непроходимой тупице ! Тебя **сучонка**, до моего ума ещё расти да расти , поэтому в тебя и . . . Не входит вразумительные вещи , и самый главный аргумент у дебилоидов , чтобы им грамотно писали , . . . я не на уроке Русского языка , ничего , смысл догонишь , , Раскудахталась **ГРАМОТЕЙКА**.

2. Наличием сниженной и даже нецензурной лексики, являющейся показателем падения уровня речевой культуры интернет-пользователей:

1. Раздался голос п*.до.раса Станичников **обпился** кваса . Рыгнул и громко пёрнул в лужу . Закройся , тварь . Ведь обнаружу .

2. **Пьянь** подзаборная . Именно там тебе и место – под забором в одиночестве . Как же вы за*бали, уроды , сомовыми слезосопливыми историями , в которых присутствует алкоголь . Хотите нормально жить , любить , воспитывать детей , иметь хороший секс , быть любимым и уважаемым женщиной ? **НЕ ПЕЙТЕ** ! Вообще .

3. Высокой долей опечаток (или же описок, если учитывать письменный компонент интернет-коммуникации), которые также служат одновременно маркером и устного, и письменного характера общения в сети Интернет. Устный характер интернет-коммуникации заключается в тенденции к экономии речевых усилий,

стремлению пользователей отправлять сообщения в сети как можно быстрее, зачастую не перечитывая написанное, используя специальные системы интеллектуального набора текстов (в частности, Т9). Следствием этого становится появление подобных ошибок:

1. Боже , до чего же людям заняться нечем . Уже не знают до чего **доколупатся** (доколупаться. – Н.З.), бездари 😊🙄. Может у нас солнце не так светит на город ? Скажите чтобы поярче сделали , может у нас ветер не так дует ? Скажите чтобы большие деревьев посадили , ей богу , иди работай и занимайся своим делом , а не на флаги смотри и то как кто то работает . Флаг висит и под дождем , и на ветру на такой высоте , с ним может случиться что угодно . 🙄

2. виду (вижу. – Н.З.) – уже и до меня **доколупалась** !))

Кроме того, часть комментариев содержала лексические единицы, значение которых не совпадает с приводимым в ВС. Ср. значения слова «разведённый»:

1) ВС – *незаконнорожденный ребенок*. Незаконных детей называли «сураз», «**разведёнными**» называли [24. Т. 6. С. 29];

2) «ВКонтакте» (4 комментария) – *мужчина, находящийся в разводе*. **РСА** (**разведённый** с алиментами) – неликвид . Семью сохранить не смог , сам виноват . Им попользовались и выбросили в итоге . Кому он теперь нужен ? Что этот потасканный алиментчик может предложить женщине , кроме своего х * йца не первой свежести и долгов по алиментам ? Если только унитаз починить и для кунилингуса . В чем проблема ? Их , как грязи . Что этот ил * хан б / ушный вам , девочки , может дать ? **Разведённый** с прицепом надо обходить за километр . Что за мужик , который семьёю не смог сохранить ? Он просто ищет спонсору для выплаты алиментов на его вы\$ерка . Зачем вам этот меркантильный шкуреныш . Давно читала эти слова 😊

К этим же примерам отнесем интернет-комментарии (36 примеров), в контексте которых лексема *брошенка* имеет значение, отличное от приводимого в ВС:

1) ВС – *женщина, оставленная мужем*: Брошенка когда называли так раньше, брошенки – так её муж бросил [24. Т. 1. С. 126];

2) «ВКонтакте» – *Животное, брошенное человеком*: ты только в коментах герой , чмоня . Я реально животных спасала не раз , и в клиники не подсовывала . У меня сейчас живут две **брошенки** кошка и собака . А ты не забудь щасливое фото выложить с собачкой , пустозвон;

3) «ВКонтакте» – *Дети, оставленные родителями (в том числе на время)*: А мне ваших детей , посадите их в этой духоте и вони и сидят там целый день как **брошенки**, а мамочка , по магазинам гуляет , это ваши дети не счастливы.

Очевидно, что в приведенных контекстах совпадающие по форме слова находятся в отношении омономии. Некоторые комментарии содержат примеры словоупотреблений, которые могут указывать на расширение лексического значения того или иного слова.

В ВС слово *мантулить* имеет значение *работать тяжело, много, долго, без желания: Хоть бы мне сказать можно, что до начала года я [рождения], а я как была в конце, так весь год мантулила почти* [24. Т. 3. С. 273]. В социальной сети «ВКонтакте» фиксируется следующий комментарий, оставленный к посту с новостью о предложении выдачи сертификатов на покупку машины многодетным семьям: *Щас начнут как на станке детей мантулить*)) Вероятно, слово *мантулить*, имевшее в диалектной коммуникации значение тяжелого физического продолжительного труда, в интернет-коммуникации приобрело дополнительный смысл, не связанный с работой.

Вместе с тем фиксируются и те контексты, в которых это слово используется в значении, зафиксированном в словаре: *Сергей, А может тендеры отменить? А то « умный» подрядчик выигрывает за счёт того, что меньше денег запросил за объект... Самому подрядчику фиолетово, он в свой кармашек все равно изрядную сумму положит, а рабочим копейки заплатит! А за копейки кто согласится мантулить? Правильно, всякая алкашня, которой лишь бы быстрее и получить копеечку на поход в рюмочную!!!* ☹

Выводы

Результаты показали, что на основе данных крупных региональных сообществ может быть получена релевантная информация о частотности словоупотребления диалектных слов (и в целом любых слов), ареале их распространения и актуальном лексическом значении.

Определено, что из 193 диалектных лексических единиц, выбранных из ВС и представляющих лексико-

тематическую группу «Человек», 32 единицы встречаются в устно-письменной речи пользователей региональных сообществ г. Иркутска, Новосибирска, Омска и Томска. Наибольшее число интернет-комментариев (213 из 465), содержащих диалектные единицы, зафиксировано в публичных сообществах г. Новосибирска. Это может быть объяснено тем, что Новосибирск является наиболее крупным городом по численности населения после Москвы и Санкт-Петербурга, соответственно, имеет большую пользовательскую аудиторию в социальной сети «ВКонтакте».

К факторам, оказывающим влияние на функционирование диалектных слов в интернет-коммуникации, также были отнесены экстралингвистические и собственно лингвистические факторы: комментаторская активность подписчиков, тематика сообществ и публикуемых в них постов, прозрачная внутренняя форма некоторых диалектных слов, обеспечивающая ясность их значения.

Отмечено, что высокая частотность употребления тех или иных диалектных слов может указывать на утрату ими диалектного статуса, переход в другие разновидности национального языка. Это положение требует отдельной проверки, которая может быть осуществлена с опорой на данные современных словарей разговорной речи и публичных сообществ других регионов.

Выявлены единичные примеры метаязыковой рефлексии (выраженной на уровне графического оформления высказывания) участников региональных сообществ, служащие показателем того, что некоторые пользователи осознают особый статус употребляемого слова, в первую очередь статус стилистический.

Список источников

1. Клушина Н.И. Национальный стиль и медийный вариант языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 26–31.
2. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4 (14). С. 13–17.
3. Беликов В.И., Ахметова М.В. Статистическая оценка функциональных свойств лексики по материалам интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 27–31 мая 2009 года). Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 25–31.
4. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Современный интернет-словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 125–133.
5. Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.
6. Зорина Л.Ю. Диалектное слово в Интернете // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб. : Нестор-История, 2014. С. 326–341.
7. Коконова А.Б. Диалектная лексика в соцсетях (на материале постов Н.А. Попова в социальной сети «ВКонтакте») // Живая старина. 2023. № 2 (118). С. 16–20.
8. Миронова Д.М., Распопин Д.И., Окунева Е.А. Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 2. С. 339–350.
9. Минакова И.В., Распопин Д.И., Окунева Е.А. Исследование диалектов в письменной речи социальных сетей // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 3. С. 211–221.
10. Сбоев А.Н. Диалектизмы в китайязычной интернет-коммуникации // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 113–118.
11. Ващенко Д.Ю. Интернет как новая перспективная форма существования диалектов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 197–205.
12. Зюлькова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/485/4
13. Стексва Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 81–88.
14. Фаронская С.А. Концепт «Медицина» в интернет-дискурсе: на материале комментариев социальной сети «ВКонтакте» // Филология и культура. 2022. № 4 (70). С. 111–114.
15. Фаронская С.А. Вербализация концепта «пенсия» пожилыми пользователями социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Марийского государственного университета. 2023. № 4 (52). С. 562–568.
16. Попова Д.А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 217 с.

17. Чарыкова И.А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения участников российского сегмента социальных сетей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2023. 29 с.
18. Кондратьева О.Н. Коммуникативные стратегии сторонников вакцинации (на материале интернет-комментариев) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 146–152.
19. Ибатуллина Н.С. Ценностный аспект в английском юридическом дискурсе (на материале комментариев интернет-коммуникации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2022. 20 с.
20. Вульфвич Б.Г., Катермина В.В. Репрезентация языковой личности комментатора в Интернет-дискурсе: лингвопрагматический аспект // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 83–89.
21. Гуц Е.Н., Миллер В.А. Функционирование экспрессивной лексики в интернет-комментариях // Коммуникативные исследования. 2023. № 4. С. 706–721.
22. Крылова М.Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 128–137.
23. Пространства и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, В.С. Воробьева [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. 280 с.
24. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
25. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения 05.04.2024).
26. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. 762 с.
27. Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2014–2021. Т. 1–4.

References

1. Klushina, N.I. (2018) Natsional'nyy stil' i mediynny variant yazyka [National style and the media version of the language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (193). pp. 26–31.
2. Kolokol'tseva, T.N. (2011) Internet-kommunikatsiya kak zerkalo osnovnykh tendentsiy razvitiya i funktsionirovaniya russkogo yazyka [Internet communication as a mirror of the main trends in the development and functioning of the Russian language]. *Grani poznaniya*. 4 (14). pp. 13–17.
3. Belikov, V.I. & Akhmetova, M.V. (2009) [Statistical assessment of the functional properties of vocabulary based on Internet materials]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intellectual technologies]. Dialog International Conference Proceedings. Bekasovo. 27–31 May 2009. Vol. 8 (15). Moscow: RSUH. pp. 25–31. (In Russian).
4. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2016) Sovremennyy internet-slovar' dialektnoy leksiki [Modern Internet dictionary of dialect vocabulary]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 125–133.
5. Golev, N.D. (2019) A modern dialect vocabulary discourse dictionary (Based on Runet materials): An innovative lexicographic project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 113–137. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/7
6. Zorina, L.Yu. (2014) Dialektnoe slovo v Internete [Dialect word on the Internet]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 326–341.
7. Kokonova, A.B. (2023) Dialektnaya leksika v sotssetyakh (na materiale postov N.A. Popova v sotsial'noy seti "VKontakte") [Dialect vocabulary in social networks (based on N.A. Popov's posts on the VKontakte social network)]. *Zhivaya starina*. 2 (118). pp. 16–20.
8. Mironova, D.M., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2022) Opredelenie vyrazhennosti internet-dialektov sub"ektov Rossiyskoy Federatsii [Determining the representation of Internet dialects of the constituent entities of the Russian Federation]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2. pp. 339–350.
9. Minakova, I.V., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2021) Issledovanie dialektov v pis'mennoy rechi sotsial'nykh setey [Study of dialects in the written speech of social networks]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 3. pp. 211–221.
10. Shboev, A.N. (2018) Dialektizmy v kitaeyazychnoy internet-kommunikatsii [Dialectisms in Chinese-language Internet communication]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4 (40). pp. 113–118.
11. Vashchenko, D.Yu. (2015) Internet kak novaya perspektivnaya forma sushchestvovaniya dialektov [The Internet as a new promising form of existence of dialects]. In: *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic dialectology]. Vol. 17. Moscow. pp. 197–205.
12. Zyuz'kova, N.A. (2022) Functions of dialect vocabulary in internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/4
13. Steksova, T.I. (2014) Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost' [Commentary as a speech genre and its variability]. *Zhanry rechi*. 1 (9). pp. 81–88.
14. Faronskaya, S.A. (2022) Kontsept "Meditsina" v internet-diskurse: na materiale kommentariyev sotsial'noy seti "VKontakte" [The Concept "Medicine" in Internet Discourse: Based on Comments on the Social Network VKontakte]. *Filologiya i kul'tura*. 4 (70). pp. 111–114.
15. Faronskaya, S.A. (2023) Verbalizatsiya kontsepta "pensiya" pozhilymi pol'zovatelyami sotsial'noy seti "VKontakte" [Verbalization of the Concept "Pension" by Elderly Users of the Social Network VKontakte]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (52). pp. 562–568.
16. Popova, D.A. (2017) *Sposoby reprezentatsii sub"ektnosti tsifrovoy lichnosti v zhanre internet-kommentariya* [Methods of Representing the Subjectivity of a Digital Personality in the Genre of Internet Commentary]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
17. Charykova, I.A. (2023) *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya uchastnikov rossiyskogo segmenta sotsial'nykh setey* [Communicative strategies and tactics of speech behavior of participants in the Russian segment of social networks]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
18. Kondrat'eva, O.N. (2022) Kommunikativnye strategii storonnikov vaktsinatsii (na materiale internet-kommentariyev) [Communicative strategies of vaccination supporters (based on online comments)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2 (49). pp. 146–152.
19. Ibatullina, N.S. (2022) *Tsennostnyy aspekt v angliyskom yuridicheskom diskurse (na materiale kommentariyev internet-kommunikatsii)* [Axilological aspect in English legal discourse (based on comments in online communication)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
20. Vul'fovich, B.G. & Katemina, V.V. (2023) Reprezentatsiya yazykovoy lichnosti kommentatora v Internet-diskurse: lingvopragmaticheskiy aspekt [Representation of the language personality of the commentator in the Internet discourse: linguopragmatic aspect]. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*. 16. pp. 83–89.
21. Guts, E.N. & Miller, V.A. (2023) Funktsionirovanie ekspressivnoy leksiki v internet-kommentariyakh [Functioning of expressive vocabulary in online comments]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 4. pp. 706–721.
22. Krylova, M.N. (2019) Yazyk sovremennogo internet-obshcheniya (na materiale intellektual'nogo kontenta sotsial'noy seti "VKontakte") [The language of modern online communication (based on the intellectual content of the social network VKontakte)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 128–137.
23. Ayzikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstva i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Spaces and texts: a model for studying the socio-cultural landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
25. *Vkontakte*. [Online] Available from: <https://vk.com/about> (Accessed: 05.04.2024).
26. Khimik, V.V. (2004) *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Comprehensive Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech]. Saint Petersburg: Norint.

27. Krysin, L.P. (ed.) (2014–2021) *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vols 1–4. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Информация об авторе:

Зюзькова Н.А. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Zyuzkova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zyuzkovana-talya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/15617793/505/6

Еженедельник «Современная летопись» в идеологическом «департаменте» Каткова

Елена Владимировна Перевалова¹

¹ Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru

Аннотация. Анализируется еженедельник «Современная летопись», издаваемый в 1861–1871 гг. влиятельным консервативным журналистом М.Н. Катковым сначала как приложение к журналу «Русский вестник», а затем как «воскресные прибавления» к газете «Московские ведомости». Рассмотрена его общественно-политическая и эстетическая позиция, охарактеризовано место в ряду других изданий Каткова. Выявлено, что еженедельник сохранял тесное идейно-тематическое единство с «Русским вестником» и «Московскими ведомостями». При этом «Современная летопись» выполняла вспомогательные функции по отношению к газете, в ней отсутствовали руководящие статьи и еженедельные аналитические обзоры, не было четкой структуры номеров.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Современная летопись», «Московские ведомости», «Русский вестник», еженедельник, приложение

Для цитирования: Перевалова Е.В. Еженедельник «Современная летопись» в идеологическом «департаменте» Каткова // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 56–68. doi: 10.17223/15617793/505/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/6

The weekly *Sovremennaya Letopis'* in the ideological "Katkov's department"

Elena V. Perevalova¹

¹ Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru

Abstract. The article examines the weekly *Sovremennaya Letopis'*, published in 1861–1871 by the influential conservative journalist Mikhail Katkov, first as an appendix to the magazine *Russkiy Vestnik*, and then as Sunday supplements to the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. The problem of the research is that, unlike *Russkiy Vestnik* and *Moskovskie Vedomosti*, which have repeatedly become the subject of scientific research, *Sovremennaya Letopis'* still remains almost unexplored. This article attempts a comprehensive analysis of the weekly, examines its socio-political and aesthetic position, and characterizes Katkov's place among other publications. The scientific novelty of the research consists in the introduction into scientific discourse of new, little-studied material, in particular, publications of *Sovremennaya Letopis'* in the period from 1861 to 1871 and previously unpublished letters by M.N. Katkov, B.M. Markevich, F.I. Buslaev. The analysis of the weekly's publications allowed concluding that it maintained close ideological and thematic unity with *Russkiy Vestnik* and *Moskovskie Vedomosti*, and represented together with them a single information complex, broadcasting the system of the publisher's conservative views. Priority was given to the same topics as in *Moskovskie Vedomosti* and *Russkiy Vestnik*: much attention was paid to the national question; peasants; zemstvo; judicial, educational and other reforms; criticism of nihilistic and socialist teachings. Traditionally, many publications were on international issues and events in European politics. The commonality of the conservative positions of the weekly, the newspaper and the magazine was largely ensured by the team of regular authors, many of whom collaborated simultaneously in all three Katkov's editions. In the publications of G. de Molinari, V.P. Bezobrazov, V.K. Rzhnevsky, F.I. Buslaev, P.K. Shchebalsky, and others, the idea of the need for gradual and moderate transformations within the framework of preserving the sole power of the monarch and strict legality in order to ensure class peace and civil stability was defended. In the speeches of M.N. Longinov, G.A. Laroche, N.A. Ramazanov, and others, the concept of socially oriented art by N.G. Chernyshevsky was severely criticized, and the traditional understanding of art as a free phenomenon was defended, the main task of which is to form the aesthetic culture of the audience. However, *Sovremennaya Letopis'* was never able to acquire its own "face" among other Katkov's editions and performed only auxiliary functions in relation to them. There were no guiding articles and weekly analytical reviews, and there was no clear issue structure. The editorial staff often used the weekly only as an "additional volume", publishing materials in it that had no place in the daily newspaper. The publication was noticeably inferior in popularity to *Moskovskie Vedomosti*, which was the reason for its termination in 1872.

Keywords: Mikhail Katkov, *Sovremennaya Letopis'*, *Moskovskie Vedomosti*, *Russkiy Vestnik*, weekly, appendix

For citation: Perevalova, E.V. (2024) The weekly *Sovremennaya Letopis'* in the ideological "Katkov's department". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 56–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/6

Постановка проблемы

Влиятельного и авторитетного журналиста 1850–1880-х гг. Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) сегодня назвали бы владельцем крупного медиахолдинга: вместе с профессором Московского университета П.М. Леонтьевым он с 1856 г. издавал литературный и общественно-политический журнал «Русский вестник»; с 1863 г., получив в долгосрочную аренду типографию Московского университета, стал издателем ежедневных «Московских ведомостей», которые, по образному выражению современников, «образовали своего рода департамент, в котором обсуждались и подготавливались к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике – департамент не официальный, с голосом независимым и не властным, но к звукам которого нельзя было оставаться глухим и которого сила удваивалась настойчивым повторением раз поставленных положений и беспощадной полемикой с противниками, кто бы они ни были и где бы ни стояли, в рядах ли публицистики, на верхних ли ступенях государственной иерархии» [1. С. 14].

Еще одним совместным «проектом» Каткова и Леонтьева был ежедневник «Современная летопись», выходивший на протяжении одиннадцати лет, с 1861 по 1871 г.: в первые два года – как приложение к «Русскому вестнику», с 1863 г. – в качестве «воскресных прибавлений» к «Московским ведомостям». Как справедливо утверждает О.С. Кругликова, Катков «был одним из первых издателей России, использовавших для издательских предприятий структуру своеобразного холдинга, включавшего сложную систему взаимодействия между типографским предприятием и несколькими изданиями, принадлежащими к разным типам (ежемесячный журнал, ежедневник и ежедневная газета), но отражающими единую систему взглядов и осуществляющими комплексное влияние на читательскую аудиторию» [2. С. 4].

Убежденный государственный, энергичный сторонник умеренных и постепенных преобразований в рамках самодержавной монархии, которую он считал единственно возможной в России формой государственного устройства, Катков использовал свои издания как трибуну, с которой он яростно и страстно транслировал свои мировоззренческие установки [3].

Проблема исследования состоит в том, что если «Русский вестник» и «Московские ведомости» неоднократно становились предметом научного исследования [4–9], то «Современная летопись» до сих пор остается почти не изученной. В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа ежедневника, его общественно-политической и эстетической позиции, охарактеризовано его место в ряду других изданий Каткова. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, малоизученного материала, в частности публикаций «Современной летописи» в период с 1861 по 1871 г. и хранящихся в архивах РГБ писем М.Н. Каткова, Б.М. Маркевича, Ф.И. Буслаева.

«Современная летопись» – приложение к журналу «Русский вестник» (1861–1862)

В середине 1850-х гг., когда Катков еще только приступал к выпуску «Русского вестника», он намеревался дополнить его изданием более частой периодичности, справедливо предполагая, что «толстый» журнал вряд ли сможет полностью удовлетворить потребности читателей в оперативной информации. Однако план выпуска ежедневного «Листка текущих известий», задуманного как приложение к «Русскому вестнику», в те годы так и остался нереализованным по причине цензурных затруднений. Но журналист не отказался от своего намерения: политический отдел «Русского вестника» он назвал «Современной летописью», в надежде со временем превратить его в самостоятельное издание. Как указывалось в «Объявлении» об издании, этот отдел имел целью «знакомить публику со всеми явлениями политической, общественной, ученой, литературной, художественной и промышленной жизни и пояснять главнейшие вопросы, порождаемые обстоятельствами и духом времени» [10]. Содержание «Современной летописи» соответствовало заявленным редакцией «Русского вестника» широким задачам: здесь размещалось «связное, возможно, полное обозрение политических событий», «летопись замечательных явлений во всех сферах современной деятельности и жизни», «библиографические отчеты, обозрения журналистики, выписки, корреспонденции, очерки и всякого рода новости и мелочи» [11]. Особую популярность приобрели политические обозрения – новое, небывалое явление в отечественной печати, впервые получившей возможность открыто обсуждать как внутриполитические, так и международные события. Автором большей части обозрений был сам Катков, благодаря которому этот жанр быстро утвердился в русской печати.

Однако у политического отдела «Русского вестника» был один существенный недостаток – он явно уступал в оперативности ежедневным газетам. Поэтому Катков настойчиво продолжал добиваться права издавать его дважды в неделю как приложение к журналу, доказывая, что это позволит редакции быстрее откликаться на текущие события и тем самым «удовлетворять условию свежести, составляющей главный интерес этой части издания» [12]. Несмотря на либерализацию правительственного курса, Главное управление цензуры не торопилось подписывать подобного рода прошения и лишь с 1861 г. разрешило еженедельный выпуск «Современной летописи», при этом категорически отказав в более частой периодичности на том основании, что это придаст ей «вид особенного политического журнала» [13]. Как сообщал Каткову в частном письме член Главного управления И.Д. Делянов, «разрешение “Летописи” еще и раз в неделю есть, некоторым образом, превышение власти со стороны Главного управления цензуры», и потому он настоятельно советовал Каткову отказаться от дальнейших хлопот, которые, по его мнению, вряд ли будут успешными, так как «пришлось бы испрашивать на это разрешение чрез Комитет Министров, а тут-то бездна препятствий» [14].

«Советовал бы Вам согласиться, остальное придет непременно, только выждать некоторое время, – вторил Деянову А.В. Никитенко, также состоявший членом Главного управления цензуры. – Странны все эти затруднения, но что же вы будете делать. Бывают такие моменты, в которые Бог знает от чего и как самые простые вещи встречают препятствия непреодолимые: пройдет минута и Вы сами удивитесь, из чего так много хлопотали? Подождите же и Вы» [15. Л. 141].

Структура «Современной летописи», начавшей выходить с 1861 г. по четвергам на 32 полосах как еженедельное приложение к «Русскому вестнику», включала официальные известия, сообщения из отечественных и иностранных газет, информацию, поступающую из информационных агентств и от собственных корреспондентов, затем следовали статьи российских и зарубежных авторов, письма в редакцию, разного рода обозрения, заметки и т.д. Одноименная рубрика «Современная летопись», обозначенная в оглавлении как «Редакционный раздел», располагалась после официальных известий и представляла собой политические обозрения, автором которых, как правило, был сам Катков. Именно эти обозрения стали прообразами знаменитых «громовых» передовых статей журналиста в «Московских ведомостях», за страстность, темпераментность и полемическую заостренность которых его сравнивали с Демосфеном, Цицероном, называли «трибуном Страстного бульвара» и «московским громовержцем».

Редакция, как видим, не теряла надежды со временем сделать из еженедельника самостоятельное издание: если в первый год его стоимость включалась в годовую подписку на «Русский вестник» и составляла в сумме 15 рублей серебром без пересылки, то начиная с 1862 г. подписаться на него стало возможным отдельно от журнала за 6 рублей 50 копеек в год. Специально для «Современной летописи» были разработаны новые усовершенствованные шрифты, отличавшиеся от прежних большей четкостью исполнения, что, как отмечали сами издатели, важно «для будущего развития нашей газетной литературы» [16]. Для удобства читателей в конце каждого полугодия печаталось оглавление всех номеров «Летописи», но отсутствие указаний на страницы делало пользование им весьма затруднительным.

Если в 1861 г. среди материалов еженедельника преобладала международная тематика: письма собственных корреспондентов из Парижа, Флоренции, Лондона и других европейских городов, сообщения о заседаниях парламента в Турине, заметки о политической жизни Англии, корреспонденции о путешествии императора Наполеона III и т.п., то постепенно внимание редакции начало смещаться на внутрироссийскую проблематику, стало публиковаться больше писем читателей из провинции. Основное содержание «Современной летописи» стали составлять материалы, в которых речь шла об идущих в стране реформах: о размежевании земли, введении суда присяжных, преимуществах общественного самоуправления, проблемах русских университетов и т.д. Катков из номера в номер проводил мысль, что возглавить реформы должны

представители дворянского сословия, владельцы крупной недвижимости и земельных угодий, а «органами самоуправления могут быть лишь те люди, чьи личные интересы неразрывно связаны с интересами данной местности, чьи интересы в совокупности составляют все собственно-местные интересы» [17].

Но, несмотря на усовершенствования, «Современная летопись» по-прежнему оставалась убыточной и не выдерживала конкуренции с ежедневными газетами, число которых в начале 1860-х гг. начало быстро расти. Возможно, это стало одной из причин, почему, получив в 1863 г. в долгосрочную аренду ежедневные «Московские ведомости», Катков вновь преобразовал еженедельник, сократив его объем до 16 полос и начав выпускать его как «воскресные прибавления» к газете.

«Современная летопись» – воскресное приложение к газете «Московские ведомости» (1863–1871)

Обновленная «Современная летопись» сохраняла тесное идейно-тематическое единство как с «Московскими ведомостями», так и с «Русским вестником», двигаясь «в фарватере» эти изданий. Общность позиций во многом обеспечивалась коллективом постоянных авторов, большинство которых одновременно являлись сотрудниками объединенной редакции газеты и журнала. Так, статьи на экономическую тематику для «Современной летописи» писал бельгийский экономист Г. де-Молинари, обзоры новых книг и библиографические заметки составляли П.К. Щебальский и М.Н. Лонгинов, музыкальную критику вели композитор Г.А. Ларош, музыкант, переводчик и драматург К.А. Тарновский, музыковед М.Е. Кублицкий, композитор и пианист П.А. Щуровский, художественную хронику – скульптор и историк искусства Н.А. Рамазанов и историк искусства К.К. Гёрц, о новинках московского театрального сезона писал Н.М. Пановский, на регулярной основе сотрудничали профессор Московского университета Ф.И. Буслаев, экономисты В.П. Безобразов и В.К. Ржевский, профессора Московской духовной академии Н.И. Субботин и Д.Ф. Касицын, краевед С.М. Любецкий, живописец и педагог А.Н. Мокрицкий, юрист Н.В. Щербань, инженер-технолог Г.П. Федченко, слависты А.С. Троянский и Н.А. Попов, публицисты Д.И. Завалишин, А.А. де-Бальмен и многие другие.

Приоритет в «Современной летописи» отдавался тем же темам, что в «Московских ведомостях»: много внимания уделялось национальному вопросу, крестьянской, земской, судебной, образовательной и другим реформам, проблемам железнодорожного строительства, критике нигилистических и социалистических учений и т.д. Традиционно большой объем публикаций был посвящен международной проблематике, событиям европейской политики. Издание, поддерживая консервативную позицию газеты, проводило мысль о необходимости постепенных и умеренных преобразований в рамках сохранения единоличной власти монарха и при условии соблюдения строгой законности с целью обеспечения сословного мира и гражданской стабильности.

Значительное место в еженедельнике занимали публикации, предметом которых был один из самых острых вопросов 1860-х гг. – состояние дел в пореформенной деревне. «Современная летопись» энергично выступала за введение экономически более выгодной системы земледелия, ратовала за скорейшую ликвидацию крепостнических пережитков и старых приказных порядков, за замену прежней сельской администрации на новую, призывала к внедрению современных форм хозяйствования и вольнонаемного труда и т.п. При этом публицисты «Современной летописи» не питали иллюзий относительно общинного пользования землей, полагая, что община не только не спасет крестьян от нищеты, но и, «напротив, способствует личному обнищанию, ибо делает бесплодной не только затрату капитала, но даже затрату труда более деятельного работника» [20]. Признавая опорой сильной государственной власти дворянство и образующийся класс мелких и средних земельных собственников, авторы издания с тревогой писали о разорении помещичьих хозяйств и крестьянских усадеб, о сложностях формирования новых межсословных отношений на селе, о неспособности мировых властей быстро произвести в деревне первостепенные изменения, о бюрократических проволочках и административных затруднениях. «Приблизительно половина господских запашек заброшена; другая плетется кое-как с помощью вольнонаемного труда», – отмечал В.П. Безобразов в цикле писем «Из деревни», где приводил многочисленные факты, когда небогатым помещикам «приходится зарабатывать свой хлеб, без преувеличения, в поте лица своего, и трудиться не меньше простых работников» [18]. В цикле статей «Мирское управление у крестьян» сенатор А.И. Казначеев, проанализировав большое количество фактов и статистических данных, с горечью констатировал, что «опека убила мирскую жизнь в ее зародыше, закрепила сельское сословие в новом роде зависимости и погрузила его в апатию», лишив русского крестьянина «всякого понятия о законности», а попытки установить в деревне новые отношения «заглушаются обязательными формами и контролем, придуманными, по-видимому, для обеспечения крестьян, но на деле допускающими непомерное вмешательство административной опеки» [19].

Неудивительно, что «Современная летопись» приветствовала земскую реформу, рассматривая ее как один из основных инструментов улучшения состояния дел на местах и путь к развитию местного самоуправления. В регулярных рубриках «Земские собрания», «Земское дело», «Земская хроника» поднимались вопросы совершенствования местного самоуправления, подготовки на регулярной основе земских кадров, открытия земских школ, больниц и т.п., печатались многочисленные отчеты о деятельности губернских и уездных земских собраний, корреспонденции «с мест». Авторы, среди которых было немало активных земских деятелей: председатель Тамбовской земской управы П.Б. Бланк, председатель Алатырской земской управы И. Крылов, член Михайловской уездной управы Рязанской губернии А. Кузьмин и другие –

подчеркивали прогрессивную роль дворянства в проведении земской реформы, указывали на необходимость обязательного контроля земской деятельности со стороны высших сословий, но при этом успех реформы связывали прежде всего с развитием гражданской инициативы. «Необходимо начинать с низу, а не с верху, и что широким и прочным фундаментом всего нашего общественного здания должно быть наше земское население, в полном его составе. Ежели нам нужна земская жизнь, нужны живые земские интересы, <...> представителями таких интересов должны являться деятели, из местного общества вышедшие» [21], – подчеркивалось в одной из публикаций, автор которой настойчиво проводил мысль, что члены земских комитетов должны обладать, с одной стороны, практическими навыками и свободой в принятии решений, с другой – пониманием важности возложенной на них миссии и, конечно же, пользоваться доверием населения.

В еженедельнике придавалось большое значение законодательному регулированию отношений в сфере труда и капитала как основе стабильности государства и сохранения устойчивого межсословного мира. Издание всегда оперативно откликалось на обсуждение в печати таких вопросов, как отмена цехового устройства, проект промышленного устава, пересмотр фабричного и ремесленного уставов, создание промышленных обществ, промышленных товариществ и артелей, определение прав и обязанностей нанимателей и рабочих, введение расчетных тетрадей и т.п. Признавая, что в России еще не созданы условия для свободной конкуренции и имеют место случаи нарушения прав как нанимателей, так и рабочих, авторы «Современной летописи» настойчиво доказывали, что отсутствие законодательно определенного договорного начала невыгодно как для работников, так и для нанимателей. Одной из самых ярких публикаций на эту тему стал напечатанный в 1870 г. комментарий А.А. Фета к статье В.П. Безобразова «Наши охранители и наши прогрессисты», предметом которой стал резонансный судебный процесс между пятьюдесятью крестьянами и рядчиками. Обманутые крестьяне, с которыми так и не были заключены договоры, не смогли доказать в суде свою правоту, и для возвращения их к работе даже потребовалась вооруженная сила. Опытный сельский хозяин-практик, один из первых российских фермеров, немало трудов положивший на внедрение в своем имении новых методов хозяйствования, Фет, рассматривая этот вопиющий случай, убедительно доказывал, что отсутствие четких законов ведет к длительным, зачастую бессмысленным, имущественным спорам и, как следствие, к нарастанию враждебности в отношениях сословий и дезорганизации всего производства¹. Характеризуя сложность перехода к новым формам организации труда, Фет подчеркивал, что отношения между хозяевами и наемными работниками должны строиться на новых экономических началах, а в борьбе «старых порядков с новыми, законности с произволом» необходима твердая законодательная база, регулирующая отношения в сфере труда и капитала, в частности, словесные договоры необходимо в короткие сроки заменять рабочими книжками [22].

Важным условием технической модернизации страны публицисты «Современной летописи» называли улучшение быта рабочих, распространение грамотности и технических знаний среди низших сословий, осознание ими своих гражданских прав и обязанностей. Эта мысль ярко заявлена в опубликованной в 1868 г. публичной лекции профессора физики Московского университета Н.А. Любимова. «Будет время, когда во всех и в каждого проникнет убеждение, что в России все есть, а нужны только три вещи: наука, наука и наука; во всех концах нашей великой земли раздадутся всенародно и вседоступно умные речи ученых людей, и русских и иностранных; учредятся библиотеки, физические кабинеты, химические лаборатории, для всех открытые, – заявлял авторитетный ученый. <...> тогда научившийся мужичок будет заправлять деревенскими локомотивами; все земские силы расширятся» [23].

Авторы еженедельника были убеждены, что «никакое начальственное старание не даст полных результатов без содействия общественного» [24], что в первую очередь сами хозяева должны быть заинтересованы в улучшении быта наемных работников и повышении их образовательного и нравственного уровня, и потому большую роль в этом вопросе отводили гражданской и общественной инициативе, «чтобы честные и гуманные отношения хозяина к рабочим превратились в естественную потребность общественную, чтобы она, заменяя собой отдельные личности, образовала целое бытовое отличие русской жизни, нерушимое и постоянное» [25]. «Полезно ли крестьян учить грамоте?» – задавался вопросом известный педагог А.Н. Робер и с жаром отвечал: «Нужно!» Он убежденно доказывал, что продолжительность обучения в сельских школах должна составлять не менее пяти лет, при этом, «во-первых, нужно содержать учеников, давать им помещение, стол и одежду; во-вторых, в школе учить какому-нибудь ремеслу, польза которого была бы очевидна для крестьян» [26].

О внимании к вопросу народного образования говорит большое количество публикаций об организации народных школ. Так, в одной из них рассказывалось о сочетании гуманитарного образования с рациональным преподаванием сельского хозяйства в народных школах в Дании [27], в другой – об организации сельских школ в Вологодской губернии [28], в третьей ставился вопрос о подготовке учителей для народных школ [29], в четвертой анализировалась система просвещения в Англии которая позиционировалась как образцовая, так как там «народному воспитанию предоставлен наиболее естественный ход, но где в то же время правительство для него много сделало» [30].

«Польский вопрос» на страницах «Современной летописи»

Начало антиросийского восстания 1863 г. в Царстве Польском почти совпало с переходом «Московских ведомостей» под редакцию Каткова. Журналист публиковал в газете большое количество материалов

из Польши и западных губерний, информируя читателей о действительном состоянии дел на охваченных мятежом территориях и энергично поддерживая действия российской администрации – в противовес широкой антиросийской кампании, развернувшейся в европейской прессе. В своих передовых статьях Катков предлагал читателям четкий, весьма определенный взгляд на происходящее, рассматривая Польшу как неотделимую часть Росийской империи и не допуская мысли о возможности вмешательства в русско-польский конфликт европейских держав.

«Современная летопись» энергично подключилась к развернувшейся в «Московских ведомостях» информационной кампании [31]. В ней появилась постоянная рубрика «Польские дела», стали печататься обзоры зарубежной прессы, письма очевидцев из западных губерний, материалы собственных корреспондентов и т.п. Вслед за «Московскими ведомостями» «Современная летопись» знакомила читателей с российской интерпретацией событий в Западных губерниях, позиционируя русско-польский конфликт как результат совместных дипломатических усилий Англии, Франции и Австрии, желающих использовать Польшу для давления на Россию. Издание решительно встало на защиту целостности империи, яростно доказывая, что Польша должна оставаться неотъемлемой частью Росийской империи, так как не обладает самостоятельностью как политическое образование и «по всем свойствам этнографическим, историческим и политическим составляет часть русской земли, часть не только русского государства, но и русского отечества» [32]. Вследствие этого решить русско-польский кризис предлагалось путем «полного органического присоединения Царства Польского к России на широких основаниях, которые бы обеспечивали благосостояние их как одного политического целого. Это единственный способ умиротворить Польшу, Европу и Россию» [33].

«Современная летопись» поддерживала выступления «Московских ведомостей», доказывающие, что инициатива восстания исходит от польской аристократии, которая таким образом стремится достичь сугубо националистических целей, а основу повстанческих отрядов составляет польская шляхта, «пропитанная диким политическим и религиозным фанатизмом и решительно ни к чему не способная, кроме войны» [34], в то время как крестьянство края не только не заинтересовано в результатах мятежа, но и явно сочувствует России. «Паны и не заботятся о поражении, о людской крови, напрасно проливаемой. Их забота – оберечь себя и дотянуть восстание до весны. И конечно, вся тяжесть мятежа будет лежать, по-прежнему, на крестьянстве», – писал собственный корреспондент газеты в Польше Н. Виноградов [35].

В надежде привлечь население Польши и Западного края авторы еженедельника призывали его «признать за собой обязанности не только к русскому государству, но и к русскому отечеству; отдаться не только политически, но и нравственно русской стране, признать не только государственные, но и народные русские интересы своими интересами; одним словом, быть не только русскими подданными, но и русскими

людьми» [36]. В публикациях цитировались документы подпольного польского правительства, озвучивались цифры расходов на оружие для повстанцев, на печать антирусских газет, на оплату жандармов-вешателей и «кинжальщиков» и т.п., приводились многочисленные свидетельства очевидцев о притеснениях православного населения, о насильственном обращении жителей Западного края в католичество, о вытеснении русского, армянского и других языков, о насильственной вербовке в повстанческие отряды, об участии тех, кто пытался бежать из них, о тяжелой судьбе членов семей повстанцев, о роли польского духовенства в возбуждении антирусских настроений и т.п. «Участь убитых товарищей моих приводила меня в ужас, а воспоминание о жене и детях еще мучительнее терзали меня, т.к. я предвидел, что и меня ожидает верная смерть. Я решил бежать из банды. В Варшаве я узнал, что жена моя с горя сошла с ума, детей приютила добрая хозяйка дома» – таких рассказов, подобных скорбной повести бывшего повстанца Фортуната У, обманом завербованного в отряд [37], в «Современной летописи» было напечатано немало.

Авторы еженедельника отмечали, что в период административной автономии Польши польская администрация «действовала с целью затруднить и компрометировать русское правительство» [38], и теперь энергично поддерживала действия М.Н. Муравьева, назначенного в самый разгар антирусского восстания в Царстве Польском виленским, гродненским и минским генерал-губернатором. Принимаемые Муравьевым меры, направленные на урегулирование ситуации в крае и обеспечение безопасности его населения, воспринимались с энтузиазмом: «В Вильне чувствуешь себя дома, и притом у такого хозяина, который все держит в порядке, – отмечалось в одном из путевых очерков. – В то время как из Петербурга как будто с каждым годом все более уходит русских людей, в Вильне все старается казаться русским. Теперь все смотри так весело и бодро, как будто все рады-радехоньки, что избавлены от тягостной роли плакальщиц и кинжальщиков» [39].

С 1866 г. на территории Царства Польского и Западного края начала активно внедряться политика обрусения, с энтузиазмом воспринятая изданиями Каткова, которые основную задачу русификации края видели «не в том, чтобы искоренить там католицизм и также не в том, чтобы выгнать оттуда либо в конец разорить тамошних помещиков польского происхождения, а в том, чтобы разобщить католицизм с полонизмом и разрешить теперешнюю замкнутость польского землевладения» [40]. Одним из основных инструментов внедрения «русского начала» стала продажа польских имений русским землевладельцам. Как правило, к продаже предлагались дворянские поместья, владельцы которых принимали участие в восстании, а теперь или бежали за границу, или были высланы в Россию.

Информационная кампания за усиление русского землевладения в крае, активно начатая в «Московских ведомостях», получила горячую поддержку в «Современной летописи». Идущие на западных окраинах Российской империи процессы здесь рассматривались с

позиций восстановления исторической справедливости по отношению к русской народности, так как «до 1860-х гг... вся внутренняя жизнь края, весь его политический строй были ничем иным, как несправедливостью исторической в ущерб русским интересам и нарушением прав русского правительства и русской народности, обратившимся в порядок вещей» [41]. Издание поставило задачу «знакомить с условиями сельского хозяйства наиболее выгодно возделывать и при каких условиях; куда главные сбыты этих произведений и по каким приблизительно ценам; какова стоимость вольнонаемного труда; какой домашний скот выгоднее и т.п.» [42], и регулярно публиковало статьи, корреспонденции и путевые очерки, авторы которых подробно рассказывали о механизмах и условиях покупки земли, о сложностях, с которыми приходится сталкиваться потенциальным покупателям, о реакции местного населения на появление русских землевладельцев, давали практические советы тем, кто имел намерение приобрести имение в Царстве Польском, и т.п.

При этом еженедельник давал весьма объективную оценку процессу обрусения, не скрывая, что «покупка представляет для покупателя бездну хлопот, затруднений и немалую долю риска <...> множество явных и тайных противодействий» [43]. Корреспонденты «Современной летописи» с горечью отмечали, что среди покупателей большую часть составляют те, для кого «имение становится исключительно источником дохода, но никак не поприщем деятельности», вследствие чего распоряжение помещьем полностью передается управляющему (как правило, поляку по национальности), «и затем русского остается только имя помещика и ничего более» [44]. Цифры, озвученные изданием в 1870 г., наглядно свидетельствовали, что русификация Западного края явно не достигла тех результатов, на которые надеялось правительство: к весне 1870 г. в Подольской губернии, где было продано больше всего имений, из 1645 землевладельцев русских было 238, при этом две трети из них «не заглядывают даже в свои имения и девять десятых поручают эти имения полякам» [45].

Публикации «Современной летописи» по «польскому вопросу» свидетельствуют о ее тесном идейно-тематическом единстве с «Московскими ведомостями». Транслируемые на ее страницах идеи единства нации, гражданского долга, защиты суверенитета и целостности страны в совокупности с объективностью освещения событий обеспечивали доверие мерам правительства в Польше, способствовали формированию в России консолидированного общественного мнения.

Эстетическая программа «Современной летописи»

Эстетическая программа «Современной летописи» полностью соответствовала взглядам на искусство, декларируемым «Русским вестником» и «Московскими ведомостями». Авторы еженедельника – Ф.И. Буслаев, Г.А. Ларош, П.К. Щербальский, Б.М. Маркевич, М.Н. Лонгинов и др., не признавали концепцию социально ориентированного искусства, заявленного в трудах

Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, и отстаивали традиционное понимание искусства как явление исключительно самодостаточное, свободное, нацеленное на формирование в сознании читателей представлений о «вечных», непреходящих ценностях. Их выступления были полемически направлены против «Современника», «Русского слова», «Дела» и «Отечественных записок», против пропагандируемого в этих изданиях утилитарного подхода к творчеству и заявлений об исчерпанности дворянского искусства. «У нас все заразилось тенденцией: роман ли, повесть, театральная ли пьеса, картинка ли, все создается по новейшему рецепту, первоначально прописанному петербургскими журналами», – с горечью констатировал художественный критик «Современной летописи» Н.А. Рамазанов [46].

В противовес настойчивому обличению «отсталости», «антинародности» и безыдейности классической культуры, несовременности и не востребованности транслируемых ею нравственных ценностей авторы «Современной летописи» указывали на необходимость сохранения историко-культурного классического наследия, вдумчивого и уважительного отношения к традициям прошлого, в которых видели своего рода духовное основание России. Резкую отповедь в «Современной летописи» получила опубликованная в 1865 г. в журнале «Русское слово» статья Д.И. Писарева «Пушкин и Белинский», в которой один из вождей демократического лагеря обвинил поэта в пристрастном отношении к изображаемой им действительности и в идеализации крепостного права. «Последний из писак не подвергался такому глумлению, какому предан тут один из величайших поэтов новейшей Европы, – с возмущением писал М.Н. Лонгинов. – Пушкин, эта величайшая слава русского слова, объявлен пошляком и бездарным писакой именно в журнале, именующим себя “Русское слово!” От всей души желаем, чтобы подобные органы печати могли также “договориться” до последнего своего слова и по нравственным, и по социальным, и по политическим вопросам» [47].

Предметом критики «Современной летописи», как правило, становились повести и рассказы писателей «школы Чернышевского», в которых пропагандировались революционно-демократические идеалы и их носители – нигилисты и «новые люди», представители «новой морали». Характерным примером может служить рецензия на опубликованную в 1863 г. в «Современнике» повесть Л.И. Мечникова «Смелый шаг», подписанную псевдонимом «Леон Бранди». Примечательно, что первое литературное произведение Мечникова «Записки гарибальдийца» было напечатано в 1861 г. в «Русском вестнике», редакцию которого, несомненно, привлек блестящий литературный слог молодого автора и его темпераментный рассказ об участии в национально-освободительном движении Дж. Гарибальди в Италии. Однако новая повесть Мечникова, в основе сюжета которой лежала история его отношений с женой сибирского золотопромышленника О.Р. Скарятиной, получила крайне негативную оценку в «Современной летописи». Автор опубликованной в еженедельнике рецензии «Роман на берегах

Невы»² увидел в содержании повести, главная героиня которой, сблизившись с кружком радикально настроенных молодых людей, увлеклась одним из них и ушла от мужа, человека во всех отношениях порядочного и честного, «наивное» и «откровенное» подражание роману «Что делать?», а самого автора назвал «певцом новой упрощенной нравственности». Рецензент иронически характеризовал героев повести как людей «с самым скудным запасом тощих и притом чужих идей крайнего свойства», которых автор сумел «разукрасить приличным образом намеками, сетованиями и окружить густым куревом либерализма». Именно в этой недосказанности рецензент видел главную причину успеха нового произведения Мечникова, которому удалось «уверить неопытного читателя, что самое-то лучшее осталось вне круга, очерченного роковым: дозволено цензурою, что самая-то суть под спудом хранится в портфелях и головах прогрессивных литераторов» [48].

Столь же негативную оценку в «Современной летописи» получил роман И.А. Куцевского «Николай Негорев, или благополучный Россиянин», опубликованный в 1871 г. в некрасовских «Отечественных записках». В романе, действие которого разворачивается на фоне широкой панорамы жизни российской глубинки в 1850–1860-е гг., показана история формирования «нового человека» – представителя разночинной интеллигенции – и его участие в общественной борьбе и зарождающемся движении революционеров-шестидесятников. В отличие от либерально настроенной читательской аудитории и критики, которая приветствовала роман молодого автора, рецензент «Современной летописи», подписавшийся инициалами П.К-ч³, не увидел в произведении ни воспитательного эффекта, ни художественных достоинств. Озаглавив рецензию весьма саркастически «Цветы самовоспитания», П.К-ч³ приводит обширные выписки, акцентируя внимание читателей на тех эпизодах из жизни главного героя романа, которые свидетельствуют о его инфантильности, отсутствии четких представлений о жизни, безнравственности, привычке жить за чужой счет. «Если цель самовоспитания всех этих господ в том, чтобы сделать из себя животных, то надо сознаться, что они вполне в том успели!» – подводил итог рецензент [49].

Эстетические предпочтения редакции, неприятие ею социально ориентированного искусства и прагматического подхода к литературному творчеству находили отражение на составе беллетристики еженедельника. Здесь печатались романы английских писателей, которые, с точки зрения заядлого англомана Каткова, являлись сочетанием «нравственного изящества, хорошего вкуса и занимательного рассказа» [11]. Так, в 1869–1871 гг. в «Современной летописи» перепечатывались остросюжетные романы «Докторская микстура» и «Крушение в Пристани» из издаваемого Ч. Диккенсом, а затем его наследниками популярного в Англии журнала «All the year round» («Круглый год»); в конце 1871 г. был напечатан роман молодой английской писательницы Ш.Л.Х. Демпстер «Гостица Сен-Жан. Из быта южной Франции».

Музыкальная критика «Современной летописи» представлена в многочисленных публикациях композитора, преподавателя Московской и Петербургской консерваторий Г.А. Лароша. Поклонник классического искусства и консерваторского просвещения, он видел свою задачу музыкального хроникера в том, чтобы формировать музыкальную культуру аудитории, «знакомить ее с классической музыкой и служить ей путеводителем в этой обширной, разнородной и для многих неведомой области» [50], и последовательно проводил в своих выступлениях мысль о необходимости сохранения классического музыкального наследия, основательного изучения истории музыки и развития национальной музыкальной школы. «Мы русские, – писал публицист, – как нам не любить своего? Если музыка есть язык чувства, как нам не увлекаться тою, в которой отражается чувство нам родное или, вернее, наше собственное?» [51] Основателем русской музыкальной школы Ларош называл М.И. Глинку, в музыке которого видел воплощение русского национального характера, «дух бодрости и отваги, дух радости и торжества» [52. С. 384]. Значение Глинки в отечественной музыке критик сопоставлял со значением А.С. Пушкина в русской литературе и восторженно писал в «Современной летописи» о постановке на московской сцене оперы «Руслан и Людмила», особо подчеркивая, что подобное произведение «не пройдет бесплодно для нашего общего развития, что бодрость духа, необходимая всякому народу, призванному совершить что-либо великое на историческом поприще, окрепнет среди всеобщего, восторженного наслаждения этой возвышенною и величавой поэмой нашего родного, русского художника» [53]. Эти идеи публикаций Лароша нашли продолжение и поддержку в выступлениях других авторов «Современной летописи», в частности П.И. Чайковского, которой в 1871 г. сменил его на посту музыкального критика издания.

Консервативные эстетические установки «Современной летописи» проявились и в оценке отечественной живописи. Разделяя в целом стремление художников к отражению современной действительности, художественные критики издания – Н.А. Рамазанов и К.К. Гёрц – считали недопустимым излишнее внимание живописцев к изображению преимущественно негативных сторон жизни, к обличению социальных язв. Так, к примеру, если полотна В.Г. Перова «Проводы покойника» и «Сцены на почтовой станции» были восприняты критиками «Современной летописи» как «произведения вполне оригинальны и исполнены жизни и выразительности», в которых нет «ни утрировки, ни карикатуры» [54], то после появления весной 1866 г. на постоянной выставке Общества любителей художеств остро социально-обличительного полотна Перова «Чаепитие в Мытищах близ Москвы» Рамазанов обвинил живописца в стремлении «обнаруживать перед обществом скандальные, возмущающие душу сцены». «У г. Перова что ни картинка, то тенденция и протест, – возмущенно писал критик. – Вот эта картина уже с ярко выраженными тенденцией, изобличением и протестом. Здесь уродливый, безобразный рисунок,

карикатура, утрировка нестерпимы и имеют что-то отталкивающее», – негодовал критик, предлагая Перову покинуть «ложный путь тенденций, прятных сюжетов, вымороченных эффектов» и «трудиться во имя чистого искусства, не лстя и не поглажая грубым вкусом?» [55].

Таким образом, понимая главную задачу искусства и литературы как воспитание эстетической культуры и формирование возвышенных идеалов аудитории, авторы «Современной летописи» отвергали прагматичный, узкосоциальный взгляд на творчество и не признавали его связь с общественными и политическими установками.

«В тени» «Московских ведомостей»: причины упадка «Современной летописи»

Несмотря на представительный состав авторов «Современной летописи», актуальную тематику, остроту затрагиваемых вопросов, качественную беллетристику, редакция была вынуждена с 1872 г. окончательно отказаться от ее издания. Невольно возникает вопрос: почему Каткову, опытному редактору и журналисту, так и не удалось обеспечить еженедельнику устойчивый успех, сопоставимый с успехом «Московских ведомостей» и «Русского вестника»?

Можно предположить, что, получив в свое распоряжение ежедневную газету, он быстро утратил интерес к еженедельнику, все средства которого, как указывалось в объявлении об издании в 1863 г., «перейдут, значительно умноженные и усиленные, к редакции “Московских ведомостей”», в результате чего это издание приобретет размах и значимость: «Что “Современная летопись” представляла в малых размерах, то представят публике в размерах гораздо больших “Московские ведомости”, пользуясь выгодами ежедневного издания» [56]. Показательно, что в этом весьма объемном объявлении, где редакция достаточно подробно сообщала читателям об условиях аренды «Московских ведомостей» и произведенных в них изменениях, лишь вскользь упоминается «Современная летопись», которая «в виде прибавлений будет выходить каждое воскресенье» и в ней будут размещаться статьи, которые удобнее помещать в еженедельном выпуске, нежели в ежедневном листке. Любопытно, но и в «Объявлении об издании “Русского вестника” в 1863 г.» редакция также обещала читателям, что отсутствие приложения не скажется на журнале, «современный интерес ежемесячных книжек» которого не только «нисколько не пострадает от этой перемены, а, напротив, выиграет, потому что в их состав войдет многое, что по характеру своему относится теперь к “Современной летописи”» [57]. Как видим, у Каткова, увлеченного идеей издания большеформатных еженедельных «Московских ведомостей», не имелось в тот момент четких представлений о том, как в связи с этим должны поменяться структура и содержание еженедельника и как его контент будет соотноситься с контентом других его изданий. Существенные изменения в информационной политике Российской

империи, значительное расширение диапазона допущенной к печати информации открывали перед ним, как редактором ежедневной газеты, новые перспективы, которыми он блестяще сумел воспользоваться, в короткие сроки превратив «Московские ведомости» в один из самых авторитетных печатных органов не только России, но и Европы.

На фоне «Московских ведомостей» «Современная летопись» стала рассматриваться редакцией лишь как «дополнительный объем», где можно разместить публикации, которым не нашлось места в ежедневной газете, в которой, несмотря на большой формат, постоянно ощущался дефицит площади. «Для материи, говоря термином наборщиков, в “Московских ведомостях”, за официальными сведениями, известиями и объявлениями, остается в распоряжении редакции только две полосы или страницы», – сетовал Катков [58. Л. 8–9], вынужденный отдавать первую полосу ежедневной газеты под официальные сведения, четвертую, пятую и шестую полосы – под частные и казенные объявления и рекламу, в результате чего для остальных материалов оставалось не более двух полос.

Редакция стала использовать «Современную летопись» для помещения в ней правительственных распоряжений и документов, которым в силу большого объема или излишней «тяжеловесности» не находилось места на страницах «Московских ведомостей». Здесь печатались объемные (от пяти полос и более) и содержавшие большое количество таблиц, цифровых и статистических данных годовые государственные росписи доходов и расходов, уставы и положения обществ и компаний, разного рода протоколы и отчеты: уставы гражданского и уголовного судопроизводства, «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслах», «Распределение доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода», «Временное положение о казначействах министерства финансов в губерниях Царства Польского», протоколы заседаний Петербургского собрания сельских хозяев, многостраничные отчеты с проходившей в Москве в 1865 г. XIII мануфактурной выставки и другие подобные документы. Печатались в «Современной летописи» и статьи, специфическое содержание которых могло привлечь внимание лишь небольшой части аудитории. К примеру, в одном из номеров за 1870 г. была опубликована пространная статья профессора Д.Ф. Касицына, в которой рассматривалась проблема чинопоследования православно-кафолической западной литургии, заинтересоваться которой могли лишь теоретики-богословы, и потому редакция сочла «рассмотрение чина литургии неудобным на страницах “Московских ведомостей”» [59].

Редакция часто помещала в «Современной летописи» поступающие от собственных корреспондентов материалы, значительный объем которых не позволял напечатать их в «Московских ведомостях», а сокращение было нежелательным. В этих случаях (конечно, если публикации не теряли в оперативности) Катков настойчиво предлагал авторам поместить их в еженедельнике, 16-полосный объем которого позволял это сделать. «Статья – прекрасная, совершенно по душе

мне и приходится очень кстати, – писал Катков корреспонденту «Московских ведомостей» в Петербурге, писателю Б.М. Маркевичу, материалы которого, как правило, отличались значительным объемом. – Но Вы хотите, чтобы она была помещена в ежедневном листке газеты, а не в еженедельном. А между тем, знаете ли, сколько из нее вышло? Целая страница, т.е. без малого шесть столбцов! Несколько раз пытались мы втиснуть ее, но решительно было невозможно» [58. Л. 8–9].

С другой стороны, многие корреспонденты «Московских ведомостей» и сами настаивали на том, чтобы редакция ни в коем случае не разделяла присылаемые ими материалы на несколько номеров. Так, постоянный автор всех катковских изданий профессор Ф.И. Буслаев, отсылая Каткову очередную зарубежную корреспонденцию, весьма большую по объему, выражал опасение, что ее «дробление» на несколько номеров существенно снизит «цельность впечатления», и буквально требовал опубликовать ее «единым текстом» [60].

При этом многие авторы решительно отказывались публиковаться на страницах еженедельника. Так, Б.М. Маркевич неоднократно сопровождал свои послания примечаниями «напечатать статью скорее и в газете (подчеркнуто автором письма. – Е.П.), а не в “Современной летописи”», откровенно признаваясь, что еженедельник «многие из тех, кому об этом ведать подлечит, не читают» [61. Л. 29]. Причем эти пожелания зачастую исходили не столько от самого Маркевича, сколько от министра народного просвещения Д.А. Толстого (Маркевич, высокопоставленный чиновник Министерства народного просвещения, являлся одним из ближайших сотрудников Толстого и нередко транслировал мнения министра в своих публикациях).

В другом адресованном Каткову письме Маркевич передавал редактору настоятельное пожелание некоего автора, подготовившего для «Московских ведомостей» статью о необходимости строительства Уральской железной дороги, – чтобы «она не попала в “Современную летопись”, которую, говорит он, из десяти читателей пробегает лишь один» [62. Л. 32]. Эти письма весьма убедительно свидетельствуют об отсутствии интереса к «Современной летописи» со стороны авторов, по мнению которых еженедельник, в отличие от «Московских ведомостей», не пользовался авторитетом ни среди читателей, ни во властных структурах, и потому публикация в нем вряд ли привлекла бы внимание к поднятым в них вопросам.

Одной из основных причин, объясняющей низкий интерес читателей к «Современной летописи», на наш взгляд, является отсутствие в ней руководящих статей и еженедельных обзоров, которые, несомненно, придавали бы ей известную долю самостоятельности. В 1861–1862 гг., когда «Современная летопись» являлась приложением к «Русскому вестнику», такую роль играли политические обозрения Каткова. В своем новом качестве – воскресного приложения к «Московским ведомостям» – еженедельник мог бы продолжить публиковать аналитические обзоры за прошедшую неделю, которые, несомненно,

могли бы стать его «изюминкой», отличая это издание, с одной стороны, от ежедневных «Московских ведомостей», первоочередной задачей которых был оперативный отклик на текущие события, с другой – от «толстого» ежемесячного «Русского вестника». Однако внимание Каткова было полностью поглощено «Московскими ведомостями», для которых он ежедневно писал одну, а то и две передовые статьи, и таким образом на подготовку аналитики для «Современной летописи» у журналиста просто не было ни времени, ни возможностей. С другой стороны, жесткий, авторитарный стиль Каткова-редактора, свойственное ему нетерпение «своемыслия» и каких-либо отступлений от заявленных в его собственных статьях взглядов, порядок в редакции, где «было много чернильниц и перьев, но был только один источник вдохновения, – это Катков сам, и было одно только перо, – это его перо» [63. С. 262] – все это делало невозможным участие в «Современной летописи» других сотрудников в качестве авторов политических обозрений.

Еще одним существенным недостатком «Современной летописи» было отсутствие постоянной структуры номеров, четкой и постоянной закреплённости рубрик за определенными полосами еженедельника. Если в «Современной летописи» – приложении к «Русскому вестнику» – была четкая структура, то теперь на ее первых полосах могли печататься как разного рода документы, протоколы, отчеты, так и статьи на экономическую, культурную тематику, даже воспоминания. Постоянные рубрики «Судебная хроника», «Театральная хроника» и другие могли быть размещены как в начале, так и в конце номера. При объеме в шестнадцать полос все это не могло не затруднять поиск интересующих читателей материалов. Правда, в 1866 г. на первой полосе появился раздел «Содержание».

Слишком объемные публикации, более уместные в журнале, нежели в газете, отсутствие хроники и новостных материалов также могли «отпугивать» читателей. Только в 1871 г., т.е. в последний год издания «Летописи», на ее первых полосах стали перепечатываться «Телеграммы» и «Последние новости» из вечернего и утреннего выпусков «Московских ведомостей», что придавало еженедельнику большую динамику и оперативность.

Заключение

На протяжении всех лет издания «Современная летопись» сохраняла тесную идейно-тематическую связь с «Московскими ведомостями» и «Русским вестником», поддерживая своими публикациями выраженные на их страницах идеи и мнения. Большинство авторов еженедельника одновременно являлись сотрудниками газеты и журнала, что позволяло изданиям сохранять единство общественно-политической и эстетической позиции и выступать «единым фронтом» в

полемике с либерально-демократической и радикальной печатью. Можно сказать, что «Современная летопись» в совокупности с «Московскими ведомостями» и «Русским вестником» составили единый информационный комплекс, транслирующий четкую систему консервативных взглядов.

Еженедельный формат позволял «Современной летописи» энергично и своевременно откликаться на идущие в стране реформы: крестьянскую, земскую, судебную, образовательную и другие, активно включиться в обсуждение национального вопроса и событий в Польше, много внимания уделять состоянию дел в пореформенной деревне, проблемам земской деятельности и местного самоуправления, публиковать большое количество материалов «с мест» и т.п.

Несомненный интерес для современных исследователей представляют многие публикации «Современной летописи» 1860-х – начала 1870-х гг.: очерки по Восточной Сибири П.А. Кропоткина, в основе которых лежали материалы, собранные будущим идеологом анархо-коммунизма в период службы в Амурском казачьем войске, где он неоднократно участвовал в экспедициях по Забайкалью и Манчжурии; путевые очерки известного московского публициста, писателя и издателя С.П. Колошина «Зигзаги и арабески русского туриста» – результат его длительной поездки по Западной Европе и посещения крупнейших европейских театров и музеев; цикл очерков В.П. Безобразова «С дороги» – блестящий экономический анализ пореформенного состояния горнорудной промышленности на Урале, подготовленный в связи с готовящимся в 1860-е гг. проектом реформы горнозаводского законодательства; выступления П.И. Чайковского в роли музыкального критика; краеведческие очерки С.М. Любецкого и др.

Вместе с тем нельзя не признать, что в «департаменте» Каткова «Современная летопись» играла лишь вспомогательную роль. Если в 1861–1862 гг., будучи приложением «Русского вестника», она еще претендовала на самостоятельность, то, став с 1863 г. «прибавлениями» «Московских ведомостей», быстро ее утратила. Задачи издания были сведены к своевременной публикации материалов, которые по разным причинам (часто – вследствие слишком большого объема) не вошли в ежедневную газету. К сожалению, не удалось найти каких-либо сведений о динамике тиражей «Современной летописи», но, как можно предположить, они неуклонно снижались. Еженедельник явно уступал в популярности «Московским ведомостям», его издание становилось все более убыточным и наконец было прекращено с 1872 г. Не сумев приобрести свое оригинальное и самодостаточное «лицо», «Современная летопись» так и осталась лишь «воскресными прибавлениями» к «Московским ведомостям».

Примечания

¹ Следует отметить, что А.А. Фет не впервые обращался к проблеме использования в России вольнонаемного труда: в 1860-е гг. в «Русском вестнике» были опубликованы циклы его статей «Заметки о вольнонаемном труде» и «Из деревни», а в 1876 г. в журнале появилась статья писателя «По вопросу о найме рабочих».

² С большой долей вероятности можно предположить, что автором был постоянный сотрудник изданий Каткова, популярный романист и публицист Б.М. Маркевич, известный резким и остроумным слогом. Косвенным свидетельством авторства Маркевича может служить почти

буквальное совпадение заголовка рецензии в «Современной летописи» с заголовками фельетонных обзоров «С берегов Невы» и «Прогулки по Невскому проспекту», которые Маркевич под псевдонимом «Иногородний обыватель» вел в «Московских ведомостях», где в крайне резких и хлестких выражениях описывал политическую и литературную жизнь столицы.

³ Возможно, автором рецензии был Петр Карлович Щебальский, постоянный сотрудник М.Н. Каткова, автор многочисленных библиографических заметок и обзоров новых книг.

Список источников

1. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1. С. 1–46.
2. Кругликова О.С. Опыт конструктивного сотрудничества журналистики и власти в пореформенной России: публицистика и общественная деятельность М.Н. Каткова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 24 с.
3. Первалова Е.В. «Журналистика здравого смысла»: М.Н. Катков и его издания // ПРИНТМЕДИА: традиции, инновации, перспективы : сб. науч. тр. Вып. 2. М. : Моск. Политех, 2019. С. 142–163.
4. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. Катков и его издания. М., 1978. 281 с.
5. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л. : Наука, 1989. 208 с.
6. Китаев В.И. От фронды к охранительству. М. : Мысль, 1972. 288 с.
7. Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб. : Книжный дом, 2010. 224 с.
8. Первалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русские вестник» в первые годы издания (1856–1862 гг.). М. : Изд-во МГУП, 2010. 347 с.
9. Первалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М. : Изд-во Моск. Политеха, 2020. 407 с.
10. Объявление об издании «Русского вестника» на 1857 г. // Московские ведомости. 1856. № 138. 17 ноября.
11. Объявление об издании «Русского вестника» на 1856 г. // Московские ведомости. 1855. № 137. 15 ноября.
12. Катков М.Н. Пояснительная записка к прошению, поданному в Главное управление цензуры об изменении сроков выпуска журнала «Русского вестника» // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 120. К. 53. Ед. хр. 9.
13. Делянов И.Д. Письмо М.Н. Каткову. 6 октября 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 2. Ед. хр. 40.
14. Делянов И.Д. Письмо М.Н. Каткову. 13 ноября 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 156–157.
15. Никитенко А.В. Письмо М.Н. Каткову. 14 ноября 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
16. Современная летопись. 1861. № 1.
17. Современная летопись // Современная летопись. 1862. № 45.
18. Безобразов В.П. Из деревни. Письмо III // Современная летопись. 1863. № 28.
19. Казначеев А. Мирское управление у крестьян // Современная летопись. 1863. № 13.
20. Бланк П.Б. Примеры инстинктивного стремления крестьян к экономической свободе // Современная летопись. 1865. № 13.
21. С. Мысли о крестьянском и земском деле // Современная летопись. 1864. № 6.
22. Фет А. По поводу статьи Безобразова «Наши охранители и наши прогрессисты» // Современная летопись. 1870. № 2. 11 янв.
23. К.В.О. Публичные лекции профессора Любимова // Современная летопись. 1868. № 7. 3 марта.
24. Завалишин Д. Осмотр мастерских в Москве // Современная летопись. 1865. № 41.
25. Некрасов И., Андреев В. По поводу отчета о фабричной школе гг. Морозовых // Современная летопись. 1871. № 29. 9 авг.
26. Робер А.Н. Два слова о народном образовании // Современная летопись. 1868. № 2. 21 янв.
27. Франц Буш. Датские народные школы // Современная летопись. 1870. № 13. 5 апр.
28. Попов К. Сельские школы в Вологодской губернии // Современная летопись. 1868. № 28. 18 авг.
29. Я.Г. Сельская школа (из Рязанской губернии) // Современная летопись. 1868. № 28. 18 авг.
30. Б.п. Народное воспитание в Англии // Современная летопись. 1863. № 8.
31. Первалова Е.В. Информационное противостояние газеты «Московские ведомости» и европейской прессы в дни польского восстания 1863 года // Тетради по консерватизму. М. : ИСЭПИ, 2023. № 3. С. 221–234.
32. Юзефович М. Ответ на сделанный вопрос // Современная летопись. 1865. № 6.
33. Б.п. Русско-польская дилемма // Современная летопись. 1863. № 12.
34. Скуратов Д. Истинное значение польской национальности // Современная летопись. 1863. № 17.
35. Виноградов Н. Из дневника // Современная летопись. 1864. № 2.
36. Юзефович М. Ответ на сделанный вопрос // Современная летопись. 1865. № 6.
37. О. История одного повстанца // Современная летопись. 1864. № 7.
38. Z. О положении крестьян в царстве Польском // Современная летопись. 1864. № 3.
39. В.А. От Петербурга до Дрездена // Современная летопись. 1865. № 2.
40. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 1866. № 60.
41. К.В.М. На Юго-Западе России // Современная летопись. 1869. № 25. 6 июля.
42. Яковлев С. Из Москвы в Вильно на несколько дней // Современная летопись. 1866. № 10. 10 апр.
43. Z. Из Подольской губернии // Современная летопись. 1867. № 5. 29 янв.
44. К.В.М. На Юго-Западе России // Современная летопись. 1870. № 7. 15 февр.
45. К.В.М. На Юго-Западе России // Современная летопись. 1870. № 10. 15 марта.
46. Рамазанов Н.А. Постоянная выставка общества любителей художеств // Современная летопись. 1866. № 6. 6 марта.
47. Лонгинов М.Н. Что значит договориться? // Современная летопись. 1865. № 32.
48. Б.п. Роман на берегах Невы // Современная летопись. 1864. № 2.
49. П. К-чь. Цветы самовоспитания (Николай Негорев или благополучный Россиянин, роман Ив. Кушевского, Отечественные записки) // Современная летопись. 1871. № 17. 18 мая.
50. Ларош Г.А. Музыкальная хроника // Современная летопись. 1869. № 4. 26 янв.
51. Ларош Г.А. Музыкальная хроника // Современная летопись. 1870. № 40. 30 ноября.
52. Ларош Г.А. Глинка и его значение в истории музыки // Русский вестник. 1868. Кн. 10. С. 377–426.
53. Ларош Г.А. Бенефис г-жи Оноре // Современная летопись. 1868. № 4. 4 февр.
54. Рамазанов Н.А. Постоянная выставка общества любителей художеств // Современная летопись. 1866. № 17. 29 мая.
55. Рамазанов Н.А. Постоянная выставка общества любителей художеств // Современная летопись. 1866. № 6. 6 марта.
56. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 году // Московские ведомости. 1862. № 232.
57. Об издании «Русского вестника» в 1863 г. // Современная летопись. 1862. № 44.
58. Катков М.Н. Письмо Б.М. Маркевичу. 1871. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. хр. 38 а.
59. Касицын Д.Ф. Опыт чинопоследования православного-кафолической западной литургии // Современная летопись. 1871. № 9. 8 марта.
60. Буслав Ф.И. Письмо М.Н. Каткову. Зальцбург. 26 августа – 4 сентября 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Ед. хр. 50.
61. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 14 декабря 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.

62. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 11 января 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
63. Мещерский В.П. Воспоминания. М. : Захаров, 2001. 687 с.

References

1. Lyubimov, N.A. (1888) Mikhail Nikiforovich Katkov. Po lichnym vospominaniyam [Mikhail Nikiforovich Katkov. Based on Personal Memories]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 1–46.
2. Kruglikova, O.S. (2008) *Opyt konstruktivnogo sotrudnichestva zhurnalistiki i vlasti v poreformennoy Rossii: publitsistika i obshchestvennaya deyatel'nost' M.N. Katkova* [Experience of constructive cooperation between journalism and government in post-reform Russia: journalism and social activities of M.N. Katkov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
3. Perevalova, E.V. (2019) "Zhurnalistika zdravogo smysla": M.N. Katkov i ego izdaniya ["Common sense journalism": M.N. Katkov and his publications]. In: Perevalova, E.V. (ed.) *PRINTMEDIA: traditsii, innovatsii, perspektivy* [PRINTMEDIA: Traditions, Innovations, Prospects]. Vol. 2. Moscow: Moscow Polytechnic University. pp. 142–163.
4. Tvardovskaya, V.A. (1978) *Ideologiya poreformennogo samodержaviya. Katkov i ego izdaniya* [Ideology of Post-Reform Autocracy. Katkov and his publications]. Moscow: Nauka.
5. Chernukha, V.G. (1989) *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati, 60–70-e gody XIX veka* [Government Policy Towards the Press, 1860–1870s]. Leningrad: Nauka.
6. Kitaev, V.I. (1972) *Ot frondy k okhranitel'stvu* [From the Fronde to Conservatism]. Moscow: Mysl'.
7. Kotov, A.E. (2010) *Russkaya konservativnaya zhurnalistika 1870–1890-kh godov: opyt vedeniya obshchestvennoy diskussii* [Russian Conservative Journalism of the 1870–1890s: An experience of conducting public discussion]. Saint Petersburg: Knizhnyy dom.
8. Perevalova, E.V. (2010) *Zhurnal M.N. Katkova "Russkie vestnik" v pervye gody izdaniya (1856–1862 gg.)* [M.N. Katkov's Russkie Vestnik Magazine in the First Years of Publication (1856–1862)]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
9. Perevalova, E.V. (2020) *"Russkaya Times": gazeta "Moskovskie vedomosti" pod redaktsiei M.N. Katkova (1863–1887)* [The Russian Times: the Moskovskie Vedomosti newspaper edited by M.N. Katkov (1863–1887)]. Moscow: Moscow Polytechnic University.
10. Moskovskie vedomosti. (1856) Ob'yavlenie ob izdanii "Russkogo vestnika" na 1857 g. [Announcement of the publication of the Russkiy Vestnik magazine for 1857]. *Moskovskie vedomosti*. 17 November. 138.
11. Moskovskie vedomosti. (1855) Ob'yavlenie ob izdanii "Russkogo vestnika" na 1856 g. [Announcement of the publication of the Russkiy Vestnik magazine for 1856]. *Moskovskie vedomosti*. 15 November. 137.
12. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 53. Item 9. Katkov, M.N. *Poyasnitel'naya zapiska k prosheniyu, podannomu v Glavnoe upravlenie tsenzury ob izmenenii srokov vypuska zhurnala "Russkogo vestnika"* [Explanatory note to the petition submitted to the Main Directorate of Censorship to change the release dates of the Russkiy Vestnik magazine].
13. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 2. Item 40. Delyanov, I.D. *Pis'mo M.N. Katkovu. 6 oktyabrya 1860 g.* [Letter to M.N. Katkov. October 6, 1860].
14. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 19. Pages 156–157. Delyanov, I.D. *Pis'mo M.N. Katkovu. 13 noyabrya 1860 g.* [Letter to M.N. Katkov. November 13, 1860].
15. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 23. Nikitenko, A.V. *Pis'mo M.N. Katkovu. 14 noyabrya 1860 g.* [Letter to M.N. Katkov. November 14, 1860].
16. *Sovremennaya letopis'*. (1861). 1.
17. *Sovremennaya letopis'*. (1862) *Sovremennaya letopis'* [Contemporary Chronicle]. *Sovremennaya letopis'*. 45.
18. Bezobrazov, V.P. (1863) Iz derevni. Pis'mo III [From the Village. Letter 3]. *Sovremennaya letopis'*. 28.
19. Kaznacheev, A. (1863) Mirskoe upravlenie u krest'yan [Communal governance among the peasants]. *Sovremennaya letopis'*. 13.
20. Blank, P.B. (1865) Primery instinktivnogo stremleniya krest'yan k ekonomicheskoy svobode [Examples of the instinctive striving of peasants for economic freedom]. *Sovremennaya letopis'*. 13.
21. S. (1864) Mysli o krest'yanskom i zemskom dele [Thoughts on peasant and zemstvo affairs]. *Sovremennaya letopis'*. 6.
22. Fet, A. (1870) Po povodu stat'i Bezobrazova "Nashi okhraniteli i nashi progressisty" [Regarding Bezobrazov's article "Our Guardians and Our Progressives"]. *Sovremennaya letopis'*. 11 January. 2.
23. K.V.O. (1868) Publichnye lektsii professora Lyubimova [Public lectures of Professor Lyubimov]. *Sovremennaya letopis'*. 3 March. 7.
24. Zavalishin, D. (1865) Osmotr masterskikh v Moskve [Inspection of workshops in Moscow]. *Sovremennaya letopis'*. 41.
25. Nekrasov, I. & Andreev, V. (1871) Po povodu otcheta o fabrichnoy shkole gg. Morozovykh [Regarding the report on the factory school of the Morozovs]. *Sovremennaya letopis'*. 9 August. 29.
26. Rober, A.N. (1868) Dva slova o narodnom obrazovanii [Two words on public education]. *Sovremennaya letopis'*. 21 January. 2.
27. Frants Bush. (1870) Datskie narodnye shkoly [Danish public schools]. *Sovremennaya letopis'*. 5 April. 13.
28. Popov, K. (1868) Sel'skie shkoly v Vologodskoy gubernii [Rural schools in the Vologda Province]. *Sovremennaya letopis'*. 18 August. 28.
29. Ya.G. (1868) Sel'skaya shkola (iz Ryazanskoy gubernii) [Rural school (from the Ryazan Province)]. *Sovremennaya letopis'*. 18 August. 28.
30. B.p. (1863) Narodnoe vospitanie v Anglii [Public education in England]. *Sovremennaya letopis'*. 8.
31. Perevalova, E.V. (2023) Informatsionnoe protivostoyanie gazety "Moskovskie vedomosti" i evropeyskoy pressy v dni pol'skogo vosstaniya 1863 goda [Information confrontation between the Moskovskie Vedomosti newspaper and the European press during the Polish uprising of 1863]. In: Mikhailov, R.V. (ed.) *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism]. Vol. 3. Moscow: ISEPI. pp. 221–234.
32. Yuzefovich, M. (1865) Otvet na sdelannyi vopros [Answer to the question asked]. *Sovremennaya letopis'*. 6.
33. B.p. (1863) Russko-pol'skaya dilemma [Russian-Polish dilemma]. *Sovremennaya letopis'*. 12.
34. Skuratov, D. (1863) Istinnoe znachenie pol'skoy natsional'nosti [The true meaning of Polish nationality]. *Sovremennaya letopis'*. 17.
35. Vinogradov, N. (1864) Iz dnevnika [From the diary]. *Sovremennaya letopis'*. 2.
36. Yuzefovich, M. (1865) Otvet na sdelannyi vopros [Answer to the question asked]. *Sovremennaya letopis'*. 6.
37. O. (1864) Istoriya odnogo povstantsa [The story of one rebel]. *Sovremennaya letopis'*. 7.
38. Z. (1864) O polozhenii krest'yan v tsarstve Pol'skom [On the situation of peasants in the Kingdom of Poland]. *Sovremennaya letopis'*. 3.
39. V.A. (1865) Ot Peterburga do Drezdna [From Petersburg to Dresden]. *Sovremennaya letopis'*. 2.
40. Katkov, M.N. (1866) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 19 March. 60.
41. K.V.M. (1869) Na Yugo-Zapade Rossii [In the Southwest of Russia]. *Sovremennaya letopis'*. 6 July. 25.
42. Yakovlev, S. (1866) Iz Moskvy v Vil'no na neskol'ko dney [From Moscow to Vilno for a few days]. *Sovremennaya letopis'*. 10 April. 10.
43. Z. (1867) Iz Podol'skoy gubernii [From Podolsk Province]. *Sovremennaya letopis'*. 29 January. 5.
44. K.V.M. (1870) Na Yugo-Zapade Rossii [In the Southwest of Russia]. *Sovremennaya letopis'*. 15 February. 7.
45. K.V.M. (1870) Na Yugo-Zapade Rossii [In the Southwest of Russia]. *Sovremennaya letopis'*. 15 March. 10.
46. Ramazanov, N.A. (1866) Postoyannaya vystavka obshchestva lyubiteley khudozhestv [Permanent exhibition of the Society of Art Lovers]. *Sovremennaya letopis'*. 6 March. 6.
47. Longinov, M.N. (1856) Chto znachit dogovoritsya? [What does it mean to come to an agreement?]. *Sovremennaya letopis'*. 32.
48. B.p. (1864) Roman "Na beregakh Nevy" [On the Banks of the Neva, a novel]. *Sovremennaya letopis'*. 2.

49. P. K-ch'. (1871) Tsvety samovospitaniya (Nikolay Negorev ili blagopoluchnyy Rossiyanin, roman Iv. Kushchevskogo, Otechestvennye zapiski) [Flowers of self-education (Nikolai Negorev or the prosperous Russian, novel by Iv. Kushchevsky, Otechestvennye zapiski)]. *Sovremennaya letopis'*. 18 May. 17.
50. Laroche, G.A. (1869) Muzykal'naya khronika [Musical Chronicle]. *Sovremennaya letopis'*. 26 January. 4.
51. Laroche, G.A. (1870) Muzykal'naya khronika [Musical Chronicle]. *Sovremennaya letopis'*. 30 November. 40.
52. Laroche, G.A. (1868) Glinka i ego znachenie v istorii muzyki [Glinka and his significance in the history of music]. *Russkiy vestnik*. 10. pp. 377–426.
53. Laroche, G.A. (1868) Benefis g-zhi Onore [Madame Honore's benefit performance]. *Sovremennaya letopis'*. 4 February. 4.
54. Ramazanov, N.A. (1866) Postoyannaya vystavka obshchestva lyubiteley khudozhestv [Permanent exhibition of the Society of Art Lovers]. *Sovremennaya letopis'*. 29 May. 17.
55. Ramazanov, N.A. (1866) Postoyannaya vystavka obshchestva lyubiteley khudozhestv [Permanent exhibition of the Society of Art Lovers]. *Sovremennaya letopis'*. 6 March. 6.
56. Moskovskie vedomosti. (1862) Ob izdanii "Moskovskikh vedomostey" v 1863 godu [On the publication of the Moskovskie Vedomosti in 1863]. *Moskovskie vedomosti*. 25 October. 232.
57. *Sovremennaya letopis'*. (1862) Ob izdanii "Russkogo vestnika" v 1863 g. [On the publication of Russky Vestnik in 1863]. *Sovremennaya letopis'*. 44.
58. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 49. Item 38 a. Katkov, M.N. *Pis'mo B.M. Markevichu. 1871* [Letter to B.M. Markevich. 1871].
59. Kasitsyn, D.F. (1871) Opyt' chinoposledovaniya pravoslavno-kafolicheskoy zapadnoy liturgii [Experience of the rite of the Orthodox-Catholic Western liturgy]. *Sovremennaya letopis'*. 8 March. 9.
60. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 1. Item 50. Buslaev, F.I. *Pis'mo M.N. Katkovu. Zal'tsburg. 26 avgusta – 4 sentyabrya 1880 g.* [Letter to M.N. Katkov. Salzburg. August 26 – September 4, 1880].
61. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 32. Markevich, B.M. *Pis'mo M.N. Katkovu. 14 dekabrya 1870 g.* [Letter to M.N. Katkov. December 14, 1870].
62. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Folder 32. Markevich, B.M. *Pis'mo M.N. Katkovu. 11 yanvaryaya 1871 g.* [Letter to M.N. Katkov. January 11, 1871].
63. Meshcherskiy, V.P. (2001) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zakharov.

Информация об авторе:

Перевалова Е.В. – д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Perevalova, Dr. Sci. (Philology), docent, head of the Department of Journalism and Mass Communications named after M. F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2024;
одобрена после рецензирования 07.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 07.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 82-822
doi: 10.17223/15617793/505/7

Метатекстуальное своеобразие «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева: идеологизированность и жанрово-стилевой синкретизм

Артём Витальевич Смольянинов¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, smoart2@gmail.com

Аннотация. Представлен метатекстовый анализ первого областнического коллективного сборника, составленного, отредактированного и изданного Н. М. Ядринцевым. Раскрыта история формирования его концепции как попытки создания сибирского литературно-критического журнала, необходимость которого обуславливалась развитием региональной литературной жизни. Выявлены факторы, определившие его жанрово-стилевой синкретизм. Доказывается, что целостность метатекста издания обеспечивается идеологизированностью, влиянием личности Н. М. Ядринцева на его читательскую рецепцию.

Ключевые слова: коллективный литературный сборник, областнический сборник, универсальный сборник, метатекст, сибирская литература, сибирское областничество, жанровый синкретизм, Н. М. Ядринцев

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0042.

Для цитирования: Смольянинов А.В. Метатекстуальное своеобразие «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева: идеологизированность и жанрово-стилевой синкретизм // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 69–79. doi: 10.17223/15617793/505/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/7

Metatextual originality of Nikolai Yadrintsev's *Literary Collection*: Ideologization and genre-style syncretism

Artem V. Smolianinov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smoart2@gmail.com

Abstract. The article presents a metatextual analysis of the concept and structure of the first regional multi-author collection, compiled and published in 1885 by Nikolai Yadrintsev, one of the main ideologists and founders of Siberian regionalism, which should be considered as an important fact in the history of Siberian literature. The study is based on the theory of metatext proposed by V.S. Kiselev, V.V. Bazhenova, Yu.V. Kazarin and I.O. Gogoleva, according to which metatext is understood and studied as a set of texts correlated with each other, constructed in the process of their individual reception into a single communicative and conceptual whole. The relevance of the study is due to two factors: 1) the interest of modern literary criticism in the history, sociology, poetics of regional literature — in particular, the heritage of regionalists; 2) insufficient knowledge of multi-author Siberian literary collections as examples of an artistic and (or) ideological whole, serving as representatives of sociocultural trends of a certain period in the history of the region. The novelty of the article is ensured by the use of a metatextual approach to analyze the structure and content of the little-studied *Literary Collection* (1885) by Yadrintsev. The aim of the study is to identify the metatextual originality of the *Literary Collection* by Yadrintsev. In the course of reconstructing the editorial and compilation plan and analyzing the implicit metatextual structure of the collection, I obtained the following results. Typologically, the publication remains difficult to classify, being a multi-author collection in its form, a supplement to a newspaper in status and form of distribution, a scientific-literary/mixed/ universal work in content, a journal in its compiler's definition, gravitating towards a journal in concept and, paradoxically, an authorial publication as a publishing project and metatextual unity. The ideologization of the collection is expressed to the highest degree by the presence of Yadrintsev's personality in the structure of the metatext in various guises, due to which it becomes a plan for the expression of the concentrated discourse of Siberian regionalism. This fully correlates with the specifics of the organization of the metatextual narrative, in which a specific image of Siberia is formed with the culture, morals, way of life of its population and a narrative about the history and sociocultural problems of the region, the need for enlightenment, intellectual education, etc. Genre-style syncretism as a property, firstly, acts as a typical indicator of the regional literary process of the second half of the 19th century; secondly, it correlates with the typological features of the *Literary Collection*, its intermediate status between a newspaper and a magazine publication; thirdly, it reflects the intentions of literary subjects, presented in the Siberian regionalism optics and aimed at a multi-level coverage of phenomena and objects of the Siberian space, due to which a holistic image of the territory and its population is formed.

Keywords: multi-author literary collection, regionalist collection, universal collection, metatext, Siberian literature, Siberian regionalism, genre syncretism, Nikolai Yadrintsev

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2020-0042.

For citation: Smolianinov, A.V. (2024) Metatextual originality of Nikolai Yadrintsev's *Literary Collection*: Ideologization and genre-style syncretism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 69–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/7

Введение

Изучение истории словесной культуры Сибири как протяженной по хронологии совокупности разнотипных и разножанровых локальных текстов с имманентными закономерностями появления, эволюции формы и содержания и тому подобного невозможно без внимания к художественному, литературно-критическому и публицистическому наследию областников, в частности его главных представителей в лице Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Их значительный вклад в развитие сибирского литературного процесса, разработку вопросов региональной идентичности и самосознания, освещение местных проблем остается актуальным предметом интереса многих гуманитарных наук. Такое внимание вполне обоснованно, поскольку именно во второй половине XIX в. остро обозначился, по существу, историко-политический, но притом экзистенциально значимый вопрос о статусе и особенностях Сибири как провинциальной, или периферийной, части России.

Оппозиция центр – периферия во взаимоотношениях двух территориальных полюсов одного государства логичным образом возникает и в культурном измерении, но изначальный «недиалогический аксиологический подход» [1] постепенно, с накоплением опыта, материала и по мере формирования местной интеллигенции оборачивается продуктивным культурным диалогом, взаимообогащением. На протяжении всего XIX в. в литературе Сибири наблюдаются отдельные попытки региональной самоидентификации, поиска собственного аутентичного звучания, пусть и реализующиеся под ощутимым влиянием столичной культуры, но все же не сводящиеся к ее тотальному доминированию, а со стороны провинциальной – к слепому подражанию (в немалой степени благодаря деятельности областников).

В художественной и публицистической словесности результат такого культурного трансфера выразился главным образом в появлении синтетического «сибирского текста», отразившегося в опыте и столичных, и провинциальных авторов. Под ним с поэтической точки зрения подразумевается комплекс тем, мотивов, образов, характерных для сибирского тоposa и получивших, как известно, диаметрально противоположные репрезентации в зависимости от авторской установки на изображение Сибири либо «извне», либо «изнутри» [2, 3]. По мысли А.С. Янушкевича, наиболее точно, на наш взгляд, отражающей общее понимание данного феномена, которое сложилось в современном литературоведении, «сибирский текст – понятие историческое и историко-культурное, ибо в процессе его

описания и постижения сибирская и шире – русская, мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию. Сибирский текст в этом процессе обретал энергию самоидентификации и самосознания» [4. С. 334].

На сегодняшний день сформировалась весьма обширная теоретическая база работ, посвященных истории и поэтике сибирского текста и сибирской литературы (определяемой преимущественно в специальном значении – как творчество сибиряков на сибирские темы). Из них достаточно упомянуть методологически, содержательно и концептуально значимые труды советского периода – М.К. Азадовского, В.П. Трушкина, Ю.С. Постнова, Б.А. Чмыхало [5–8]. Среди работ начала XXI в. видное место занимают исследования Г.С. Спиридоновой, В.И. Тюпы, А.С. Янушкевича, А.П. Казаркина, О.К. Лесничей, К.В. Анисимова [9–14]. Из хронологически близких несомненный интерес представляют статьи И.А. Айзиковой и И.Ф. Гнусовой, в которых применяются продуктивные концепции культурного ландшафта и трансграничья [15–18]. Литературная деятельность Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина стала объектом специального рассмотрения в трудах Н.В. Серебренникова, К.В. Анисимова и А.И. Разуваловой, И.А. Айзиковой, А.В. и Ю.В. Головиновых, Р.А. Григоренко, Е.В. Масяйкиной, А.Ю. Горбенко [19–26].

Обращаясь непосредственно к коллективному «Литературному сборнику» (1885), вышедшему в составительстве и редакции Н.М. Ядринцева, необходимо прежде всего сослаться на исследования Е.А. Макаровой, посвященные сибирским литературным сборникам (как авторским, так и коллективным) и изложенные в системной фундаментальной монографии «Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания» [27]. В ней автор проводит масштабный книговедческий обзор, анализ и типизацию изданий, привлекая ранее неизвестные материалы сибирских библиотек и отмечая перспективы их изучения как индикаторов культурного состояния региона сквозь призму метатекстового подхода. Результаты исследования приводят к важному выводу о том, «что именно в коллективных литературных сборниках наиболее адекватно отразилась историко-литературная и культурная ситуация развития Сибири» [27. С. 11].

Понятие метатекста, как известно, имеет множество вариантов теоретического обоснования и терминологического определения соответственно. В границах своей работы мы придерживаемся трактовки, предложенной В.С. Киселевым, В.В. Баженовой, Ю.В. Казариным и И.О. Гоголевой [28–30], согласно которой

метатекст понимается и изучается как совокупность соотношенных друг с другом текстов, конструируемая в процессе их индивидуальной рецепции в единое коммуникативно-концептуальное целое, которое образуется и закрепляется за счет таких признаков, как, например, идейная и эстетическая сонаправленность составных элементов, метатематичность, метаобразность, лейтмотивность и т.п. В этой же концепции используется понятие «литературный ансамбль», применяемое для типов таких изданий, как коллективные литературные сборники и журналы. В качестве ключевых тезисов метатекстового подхода в изучении ансамблей можно привести слова В.В. Баженовой, коррелирующие с выводом Е.А. Макаровой: «Отношение к тексту как генератору множественных смыслов более всего сказывается в произведениях, объединенных в некое единство, репрезентирующее эстетику той или иной эпохи и дающее представление о модели взаимодействия дискурсов в литературном процессе. Острее это проявляется в единствах коллективных, таких как альманахи, антологии, коллективные сборники, хрестоматии, серии/библиотек... Составные тексты (метатексты) становятся не просто способами подачи произведений в качестве коллективной подборки, но являются осознанно художественным целым, ибо реализуют тягу литературы к осмыслению, обобщению, универсализации мира, знаний о нем» [29. С. 3].

Актуальность нашего исследования обусловлена двумя факторами: 1) интересом современного литературоведения к истории, социологии, поэтике региональной литературы, в частности, к наследию областников; 2) недостаточной изученностью коллективных сибирских литературных сборников как образцов художественного и(или) идейного целого, служащих репрезентантами социокультурных веяний определенного периода в истории региона. Новизна статьи обеспечивается использованием метатекстового подхода для анализа структуры и содержания малоизученного «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева – первого коллективного сибирского издания данного вида, составленного и изданного непосредственно одним из главных идеологов областничества, что следует рассматривать как важный факт в истории сибирской литературы.

Цель исследования, в соответствии с формулировкой темы, – выявление метатекстуального своеобразия «Литературного сборника» Н.М. Ядринцева.

Поскольку указанный сборник имеет видо-типологическую специфику, заключающуюся в том, что он носит статус приложения к сибирской газете «Восточное обозрение»¹ и содержит не только литературно-художественные, но и научные, публицистические тексты (полное название – «Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке»), необходимо отметить тот факт, что в качестве метатекстовых образований вполне допустимо рассматривать издания со смешанным («универсальным», по определению Е.А. Макаровой) содержанием. Как отмечает В.С. Киселев, «специфическая особенность ансамблевых образований – включение в

свой состав как художественных, так и нехудожественных (публицистических, научных, информационных, документальных и т.п.) жанров» [28. С. 7]. Ученый также характеризует ансамбль как «пространство жанровой синкретичности, полное своеобразных пограничных зон, т.е. текстов... не имеющих однозначного жанрового статуса» [28. С. 65]. При этом важной задачей избранной методологии остается определение целостности метатекста, которая обуславливается комплексом устойчивых, повторяющихся, сквозных признаков и элементов, формирующих подвижную в герменевтическом отношении структуру, метатекстовое измерение сборника.

Разумеется, литературный ансамбль как текстуальное единство не может сводиться только к имманентным художественным свойствам: важную роль в его формировании также играют вне- и окололитературные факторы, относящиеся к историческим, социальным, культурным, психологическим процессам в жизни страны, общества, отдельных авторов. С другой стороны, не будет ошибочным полагать, что категория художественности имеет разную степень значимости и, соответственно, проявленности в метатексте в зависимости от типа конкретного издания и особенностей его содержания. В этом смысле анализ «Литературного сборника» с точки зрения его метатекстуального своеобразия и признаков целостности корректнее, на наш взгляд, проводить не с акцентом на его поэтику и эстетику, которые проблематично сопоставлять с нефикциональными текстами, а с упором на редакторско-составительский замысел, концепцию самого издания, которая, с учетом личности Н.М. Ядринцева, будет, бесспорно, идеологически обусловленной.

Идеологическая концепция сборника

Моделирование концепции коллективного сборника – принципиальный, существенный элемент метатекстового анализа, поскольку она изначально (в разной мере вербальной обозначенности и оформленности) присутствует в любом издании данного типа, выступая одним из ключевых организующих и связующих компонентов метатекста. Хорошим примером реализации подобной задачи может служить статья А.Ю. Горбенко и В.В. Чекушина «Журнал „Сибирские записки“ как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.)» [31], которая близка к нашему исследованию в плане тематики, методологии и материала. В ней представлены убедительные доказательства того, что издание, основанное «младшим» областником Вл.М. Крутовским, пронизано идеологическим подтекстом, определяющим его метатекстуальную специфику. Подход и выводы авторов позволяют нам решать не только очевидную проблему универсальности/смешанности содержания, но и менее заметную, имплицитную проблему целостности «Литературного сборника», которая, как было сказано выше, связана с редакторско-составительской концепцией и идеологическими воззрениями его создателя.

Можно с полной уверенностью утверждать, что замысел «Литературного сборника» возник у Н.М. Ядринцева не случайно. Факт появления этого издания мы связываем с попыткой реализации *литературно-критического журнала* – организованного органа печати областников, транслирующего их взгляды, воспитывающего «правильных» сибирских авторов и читателей и консолидирующего творческие силы неравнодушной к проблемам Сибири интеллигенции. Данную идею Ядринцев вынашивал долгие годы, но так и не сумел воплотить в полной мере. Аргументы в пользу представленного тезиса могут быть найдены в его эпистолярном и публицистическом наследии, в котором неоднократно встречается мысль о необходимости издания сибирского журнала.

Самое раннее подтверждение (или, как минимум, одно из самых ранних) можно обнаружить еще в письме Н.С. Щукину² от 6 сентября 1860 г., в котором Ядринцев пишет:

Мы с Потаниным как встретимся, то постоянно строим воздушные замки о Сибири. Я уже предположил снять в Томске типографию и издавать *сибирский журнал*. И надеюсь это осуществить... (здесь и далее курсив мой. – А.С.) [32. С. 228].

В январском письме 1862 г. Щукину уже Г.Н. Потанин говорит о коллективной идее кружка сибирского землячества (таким образом, и Ядринцева тоже), связанной с учреждением сибирского журнала под тенденциозным названием «Сибиряк» [27. С. 49]. Однако он крайне резко критикует план Щукина³, согласно которому первое сибирское журнальное издание должно было стать сугубо литературно-художественным:

Объявление свое Вы написали слабо. Вместо того, чтоб намекнуть соотечественникам, что *журнал* будет *местнополитическим*, Вы заговорили о *какой-то сибирской беллетристике*, которая будто расцвела бы, если бы не препятствия, и к которой Вы спешите на выручку со своим журналом. Если действительно цель Ваша – положить основание сибирской беллетристике, то отказываюсь от сотрудничества. Я не подозревал, что Вы гоняетесь за такой *жалкой целью*.

Теперь *время прокламаций*, а Вы мечтаете о *каких-то романах, повестях, о живописании и воспроизведении*. <...> Нет, первый блин комом! Не хочу быть Вашим сотрудником, да и никто здесь из Ваших друзей не расположен к журналу Вашего объявления. *Все жалуется!* [33. С. 57–58].

В рассматриваемом письме проявляется раннее презрительное отношение областников к мысли о значимости художественной литературы как инструмента общественно-политических преобразований, а также формирования регионального самосознания. Впрочем, как покажет история, впоследствии их мнение изменится, чему поспособствуют их собственные творческие опыты. Данный факт дополнительно приближает нас к пониманию универсального характера будущего «Литературного сборника», который, очевидно, изначально не воспринимался Н.М. Ядринцевым в исключительно художественном аспекте. Журнал «Сибиряк»

как его прообраз должен был стать рупором для общественно-политических заявлений областников. В дальнейшем, очевидно, эту функцию взяла на себя газета «Восточное обозрение». Правда, она находилась под пристальным вниманием государственной цензуры, поэтому не могла стать полноценной площадкой для громких высказываний. Тем не менее в 1885 г. Ядринцев, имеющий уже зрелую жизненную позицию, богатый литературский опыт, написавший изрядное количество научных, публицистических, художественных работ, обладал принципиально иным авторским сознанием и мироощущением, нежели в начале 1860-х гг. Разнонаправленный, масштабный характер его деятельности и личностные писательские амбиции просто не могли оставаться в рамках «прокламаций».

В статье 1865 г. «Сибирь перед судом русской литературы», критиковавшей романтическую и мифопоэтическую традицию изображения региона (по сути, позицию «внешнего» наблюдателя), Ядринцев пишет:

Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса?

Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет. Издание *сибирского журнала* теперь бы могло иметь огромное значение и влияние на развитие страны. *Создание местной литературы* будет зачатком *осмысленной жизни* и началом *умственного развития масс*. *Местная журналистика* будет исследовать нашу страну, разрабатывать ее *вопросы*, представлять ее *интересы*... [32. С. 27]

В этих словах не что иное, как художественная и публицистическая установка на правдивое, достоверное изображение жизни сибирской провинции, глубокое погружение в ее реальные, насущные проблемы. Неудивительно, что при таком подходе наиболее адекватными оказываются жанры научного стиля с их строгой привязкой к фактологической точности, что в качестве принципа прослеживается в публицистических и художественных текстах сибирской литературы и становится одним из факторов их синкретичности (это же наблюдается и в «Литературном сборнике»).

В 1882 г. Ядринцев организует газету «Восточное обозрение», посвященную Сибири и Азиатскому Востоку⁴, а в 1884 г. у него возник замысел издания «Литературного сборника» в виде бесплатного приложения к этой газете. Формат его распространения, как замечает Е.А. Макарова, представлял собой «уже апробированный в русско-европейской издательской практике метод гратификации, т.е. придания своему органу печати статуса бесплатных приложений, что, несомненно, способствовало экономическому успеху газеты, а также содействовало просветительским целям самого издателя» [27. С. 59]. Установка на «просвещение» как столичных, так и региональных читателей в области истинного положения дел в Сибири – еще одна характерная черта областнической доктрины, которая пересекается с вышеуказанным принципом достоверности (в художественной литературе это можно рассматривать как своеобразную поэтику «сибирской правды»).

От лица редакции газеты Н.М. Ядринцев в № 40 (4 октября, 1884) сообщает о намерении выпустить сборник, где вновь говорит о необходимости и значимости издания журнального типа, просветительских, воспитательных и образовательных задачах журналистики, а также приурочивает выход издания к новому этапу развития «областной литературы»:

К изданию вышеупомянутого сборника мы вызваны, во-первых, накоплением статей такого объема, который превосходит газетный размер; во-вторых, нарождающейся потребностью областной журнальной литературы, состоящей из ценных и обработанных литературных произведений, представляющих бытовую и историческую картину края. Вступая в фазис литературной жизни сибирской печати, приходится выделить материал более ценный, серьезный и, так сказать, составляющий литературный и научный вклад, от временного, летучего материала. Нам кажется, что для воспитания общества и начинающей литературы на окраине весьма важно создать известный литературный критерий, поднять печать до известной высоты и изданиями вполне литературными содействовать литературному образованию и развитию общества.

Изданием такого сборника литературных и научных произведений, относительно Сибири и Востока, мы полагаем сделать дальнейший шаг в нашей областной литературе, надеясь, что наши читатели оценят его общественное значение [34].

Маркируя «Литературный сборник» как особо значимый в контексте сибирской литературы, а также обозначая образцовый, пролонгированный, просветительский характер включенных в него материалов, Н.М. Ядринцев фактически соотносит его с антологией и хрестоматией – отдельными разновидностями коллективного сборника. Избранные тексты должны демонстрировать, по замыслу составителя, актуальное состояние и достижения сибирской литературы в разных жанрах, выступать ее эталонными образцами, развивающими вкусы и интересы местных читателей и писателей. Вместе с тем здесь прослеживается характерная черта областнического взгляда на всю предшествующую им сибирскую литературу как неразвитую, практически парадоксально отсутствующую (см. также «Сибирь перед судом русской литературы»), что А.Ю. Горбенко определяет как «анахронистический историко-культурный нарратив» [26. С. 101], осуществляемый с целью легитимации собственных утверждений в глазах российской общественности и накопления, по П. Бурдье, символического капитала, необходимого для закрепления литературного авторитета и влияния. Кроме того, придание сборнику претенциозного статуса служило прагматическим интересам Ядринцева как издателя и главного редактора региональной газеты, конкурирующей за право голоса и внимание читательской аудитории с прочими органами печати.

В течение следующих 9 месяцев после данного извещения на титульных страницах нескольких номеров газеты располагается информация о подготовке сборника, а с середины февраля 1885 г. появляются уточня-

ющие сведения о содержании и структуре издания, которые отличаются от конечного варианта в момент его непосредственного выхода⁵, что свидетельствует о процессе тщательного отбора текстов, придумывании для них наиболее подходящих заглавий и подзаголовков. Такой подход соответствует словам Ядринцева о том, что тексты, планируемые ко включению в состав сборника, являются показательными, значимыми и, по всей видимости, удовлетворяющими критерию так называемой серьезной литературы на фоне всего прочего накопленного редакцией материала. Соответственно, их итоговый состав, названия и расположение в издании не могли оказаться случайными и являлись результатом осознанной, целенаправленной, продолжительной по времени деятельности. Так, в письме Д.А. Поникаровскому от 5 ноября 1884 г. Ядринцев даже сетует на трудности в работе и усталость:

Занят подбором материала для сборника. <...> Масса перечитанных статей, сочинений, археологических, работ утомили меня жестоко. <...> Ты жалуешься, что суха газета. Но нельзя же наполнять газету одним здоровым и легким материалом. Ведь это значит отучить публику от всего серьезного [32. С. 255].

В письме Арсению Введенскому от 20 июня 1885 г. Ядринцев также отмечает свою утомленность от подготовки сборника, усугубленную болезнью:

Много, много потрачено было времени на составление этого сборника. Весной я работал при его издании большой... При спешности работы, так как печатать торопился, может, вкрались опечатки <...> После издания этого сборника... силы меня оставили, я заболел и вот целое лето не выезжаю никуда из квартиры и полулежу ведя газету один [32. С. 273].

В конце июня 1885 г., наконец, сообщается о выходе «Литературного сборника» с окончательным списком вошедших в него текстов и уточняющим подзаголовком «собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке». В номер газеты также помещается приуроченная к этому событию критическая заметка от редакции, которая называется «Задачи областной печати и потребность в журналистике». В ней, вполне в духе уже известных областнических тезисов, говорится: 1) о потребности сибирского общества в литературе разного рода; 2) разнице между литературными функциями газеты и журнала; 3) недифференцированности, зачаточном состоянии региональной литературы и печати, из-за чего возникает смешение всех видов литературы (что зафиксировано в подзаголовке сборника); 4) отсутствии серьезного материала, посвященного проблемам и вопросам провинциальной жизни; 5) отсутствии единого авторитетного/значимого органа печати, в который бы поступал такой материал; 6) возможностях развития регионального литературного процесса в результате выхода специального журнала и т.д.

Очевидно, что изданный сборник воспринимается Ядринцевым как важный шаг в направлении «серьезной литературы» и становится прообразом журнала,

который со всей необходимостью должен появиться в будущем.

Об этом, в частности, говорится в письме Г.А. Мачтету от 10 декабря 1885 г., в котором также обозначен замысел «Сибирского сборника» (1886–1905) – гораздо более успешного и продуманного периодического издания, выросшего из «Литературного сборника»: «...ввиду издания *особых приложений* к “Восточному обозрению”, я полагаю издать *несколько книжечек в год* и постепенно довести это дело до *журнального...*» [32. С. 280]. В известном письме «Друзьям из Иркутска» от 30 августа 1886 г. также читаем: «Мы расходимся с Вами в том, что я ежеминутно думаю о *расширении сибирских изданий*, об улучшении их. Я бы создал *солидную редакцию*. Несколько лет издания – и *журнал* оставил бы след в нашей жизни» [32. С. 288]. О журнале Н.М. Ядринцев пишет и во вступительной статье к «Сибирскому сборнику»: «Не претендуя нашими приложениями осуществить вполне *журнал* со всеми его отделами, мы, однако, будем делать *попытку в этом направлении...*» [35. Л. V].

В аспекте идеологического наполнения «Литературного сборника» мы обнаруживаем, что тезисы, изложенные Ядринцевым в заметке «Задачи областной печати и потребность в журналистике», закрепляются им же в предисловии к изданию. При этом отмечается необходимость формирования института критики, закономерно перекликающаяся с представлениями областников о том, какими специфическими чертами должна обладать сибирская литература, какие темы и проблемы она должна разрабатывать, каким задачам служить⁶ и т.д., что в функциональном отношении ожидаемо берет на себя составитель сборника (он называет его именно «журнальным», самостоятельно вводя новое типологическое свойство):

Появление областной журналистики ставит *непременным условием определенные требования* и, прежде всего, *строгую критику местных произведений*. Только при *известном достоинстве трудов* областные силы будут признаны, и областная литература займет видное место. *Руководствуясь этим*, мы избрали только такой материал, который *наиболее подходил* к литературным требованиям, имел научную ценность, представлял добросовестное отношение к предмету и мог рассчитывать на более продолжительное существование [36. Л. VIII].

Таким образом, характер «Литературного сборника» как издания «неустойчивого», переходного типа нереализованного журнала и даже не до конца структурно оформленного сборника – приложения к газете (что станет очевидно далее) не мог не отразиться на его метатекстуальном своеобразии, в котором выразился жанрово-стилевой синкретизм составных текстов – одновременно довольно типичный для сибирской литературы XIX в., как отмечал сам составитель.

Особенности содержания и структуры

Для дальнейшего анализа обратимся к структуре сборника, которая демонстрирует его жанрово-темати-

ческое наполнение, соотносительность включенных текстов и позволяет, с учетом типологической специфики издания, обнаружить признаки их связности, определяющей целостность метатекста⁷.

Итак, содержание «Литературного сборника» выглядит следующим образом (по порядку): 1) предисловие от редакции (Н.М. Ядринцева); 2) «В тайге (очерки приисковой жизни в Сибири)» А.К. Завиткова; 3) «Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии» С.Я. Капустина; 4) «Первобытный буддизм» некоего В.Л.; 5) «Начало оседлости» (исследование по истории культуры угро-алтайских племен) Н.М. Ядринцева; 6) «На чужой стороне» (несколько глав из жизни ссыльных) Н.М. Ядринцева (под известным творческим псевдонимом «Семилуженский»); 7) «Наталья Дмитриевна Фонвизина (из бумаг протоиерея Знаменского)» М.С. Знаменского; 8) «Сороковые года в Иркутске (из воспоминаний)» В.И. Вагина; 9) «Олекминская Калифорния (из путешествий на Олекминские прииски)» неуставленного Н. Г-ва; 10) «Хозяйственный быт сибирского крестьянина» С.Я. Капустина; 11) «Театральные представления и религиозные празднества в Китае (из путешествий в Монголию и Китай)» А.В. Потаниной; 12) «Мирозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен (этнографические материалы)» В.И. Вербицкого; 13) «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева (под псевдонимом «-ъ»); 14) «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» Н.М. Ядринцева (под псевдонимом «Сибиряк»); 15) «Сношения Новгорода Велюцкого с Югорской землей (историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири)» А.В. Оксенова; 16) «Сведения о неизданных сибирских летописях» А.В. Оксенова; 17) «Древние памятники и письмена в Сибири» Н.М. Ядринцева; 18) раздел «Библиография», содержащий описание Н.М. Ядринцевым некоторых книг по истории и культуре Сибири; 19) полуоформленный раздел «Приложения», содержащий иллюстрацию Н.М. Ядринцева к своей статье «Начало оседлости».

Как видим, представленной структуре отнюдь не свойственна упорядоченность. В выпуске «Восточного обозрения» № 8 (21 февраля, 1885), в котором опубликован первоначальный вариант содержания сборника, все тексты были распределены по трем рубрикам: «Беллетристические рассказы», «Статьи и исследования», «Критика и библиография». По неизвестной причине единственной эксплицитно выраженной осталась в итоге только «Библиография». Поэтому, чтобы сформировать более ясное понимание конечной структуры, необходимо выделить основную тему каждого текста и попытаться, в ситуации синкретичности, определить его жанр (или наиболее явные свойства, позволяющие отнести его к конкретному жанру). Если исключить предисловие как самостоятельную, «зонтную» часть сборника (поскольку она концептуально охватывает весь материал) и провести соответствующую перенумерацию текстов, то, даже без смены их порядка, получится несколько условный, но все же более наглядный и продуктивный в герменевтическом отношении набор жанрово-тематических блоков:

Блок 1. Бытописательские материалы:

1. Жизнь приисковых рабочих (худ. очерк).
2. Жизнь сибирского крестьянства (этнограф. очерк).
3. Жизнь буддистов (науч. статья).
4. Жизнь коренных народов Сибири (этнограф. очерк).
5. Жизнь ссыльных (худ. очерк).

Блок 2. Автобиографические материалы:

6. Письма Н.Д. Фонвизиной (эпистолярный).
7. Воспоминания В.И. Вагина (мемуары).
8. Воспоминания из путешествия к приискам (путевой очерк).

Блок 3. Этнографические материалы:

9. Хозяйственно-экономический уклад сибирского крестьянства (этнограф. очерк).
10. Карнавалы и театральные традиции китайцев (этнограф. очерк).
11. Мифология коренных народов Сибири (этнограф. очерк).

Блок 4. Литературно-критические материалы:

12. История и состояние сибирской печати (науч. статья).
13. Состояние сибирской художественной литературы (публистич. статья).

Блок 5. Исторические материалы:

14. Древние взаимоотношения евразийского Запада и Востока (науч. статья).
15. Неизданные сибирские летописи (науч. статья).
16. Древние сибирские памятники и письмена (науч. статья).

Блок 6. Дополнительные материалы (приложения):

17. Библиографические описания.
18. Иллюстративный материал.

Представленная необозначенная типографическими средствами имплицитная рубрикация отражает логику расположения материала и свидетельствует о неочевидной, на первый взгляд, соотносительности, связности, сопоставленности отдельных текстов. Из этого следует имманентная смысловая динамика с точки зрения рецепции метатекста, и заодно характеризуется своеобразие непосредственно изучаемого сборника, в текстуальном измерении которого обозначаются контуры тематических полей, находящиеся, в свою очередь, в границах сибирской метатемы. Единовременное наличие схожести и оппозиционности между жанрами и стилями в пространстве метатекста отражает саму суть литературного диалога, протекающего в различных дискурсах (историческом, этнографическом, культурном и др.). Усматривается в этом и стремление составителя зафиксировать как можно более широкую, разноплановую, детальную панораму сибирской жизни в синхроническом и диахроническом аспекте (но, разумеется, в областнической оптике). Последняя обнажает конкретные узлы интереса самого Ядринцева, мысленную устремленность в прошлое, настоящее и будущее Сибири в поисках ответов на фундаментальные вопросы о том, какой она была, какая она есть и какой она может / должна стать, в каком направлении ей стоит двигаться, что обусловлено глубоко патристическими взглядами составителя. Здесь же обнаруживается и косвенная рефлексия над собственной

деятельностью, поскольку областничество в философском отношении немыслимо без категорий развития и образования, постоянного интеллектуального, социального, культурного движения, которое облагораживает человека и, следовательно, ведет к трансформации среды его проживания. «Развитие» в метатексте сборника становится лейтмотивом, характеризующим идейный фундамент областнического течения. При этом сам топос предстает главным образом как внешняя обусловленность культуры, поведения и мышления человека. В центре же внимания всегда оказывается именно антропологическое измерение Сибири, существующее на стыке европейской и азиатской культур.

Отдельного обобщающего комментария заслуживают тексты, открывающие и закрывающие первый блок, посвященные темам золотодобычи (приискам) и ссылки, которые всегда занимали главенствующее положение в мировоззрении Н.М. Ядринцева, что наиболее ярко проявилось в его монографии «Сибирь как колония» (с говорящим за себя подзаголовком «Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее»). Статус Сибири как колониального, эксплуатируемого пространства, негативно влияющий на ее развитие и образ в общенациональном сознании, способы его преодоления, – вот те вопросы, которые постоянно находились в фокусе областнической мысли и распространялись на все сферы их деятельности. Во включении очерков жизни рабочих приисков и ссыльных в состав сборника нам, в частности, видится стремление составителя развеять мифопоэтическую дихотомию Сибири как таинственной страны то ли изгнания и смерти, то ли богатства и свободы и дать ей объективную характеристику через зарисовки реальных (или близких к реальным) судеб людей, в которых – в переносе на «пришлое» население (в противовес коренному, «инородческому») – фигурируют мотивы как наказания через ссылку, так и обогащения через добычу природных ресурсов. Все прочие материалы сборника могут быть охарактеризованы именно в аспекте преодоления «загадочности» Сибири через реалистический, научно-описательный подход⁸. Сибирь, по мысли областников, должна познаваться рационально, предметно и системно, поскольку отсутствие предрассудков становится залогом «правильного развития» регионального самосознания. Это, в частности, предельно ясно выражается в докладе «Культурное и промышленное состояние Сибири» (1884), хронологически близком к изданию «Литературного сборника»:

...О крае этом составлялись неопределенные представления, носились мифы. Край этот, по капризу судьбы, то возбуждал воображение, то вселял разочарование и становился краем «забытым». Такие превратности не могли не отразиться на его жизни... Нам предстоит, в настоящее время, установление более правильных воззрений на его жизнь, уразумение действительности и выработку более сознательного отношения к его истории [37. С. 3].

Неслучайным также представляется и то, что наиболее гармонично вписывающимся в универсальный сборник жанром, несущим в себе признаки как художественности, так и научности, оказывается очерк –

самый стилистически гибкий жанр, позволяющий в полной мере реализоваться авторской интенции к фиксации и передаче широкого спектра фактов, явлений и объектов действительности в достаточно свободной, но при том фактологически точной манере. Обусловлено это и особенностями течения регионального литературного процесса, проходящего в контексте развития общественной и научной мысли, а также культурного трансфера, интереса к жизни отдельных регионов и областей, что требовало обращения к «быстрым», удобным и оперативным в плане создания литературным формам. Как отмечает О.К. Лесничева, «в Сибири рубежа веков художественно-публицистический очерк стал одним из ведущих жанров, занимая лидерство во всех изданиях. <...> Секрет популярности жанра в том, что в очерк включались элементы самых разных “малых” форм литературы: рассказа (портрет, диалог), фельетона, пейзажной зарисовки, жанровой сценки, статистического исследования, публицистической статьи, корреспонденции и т.д. Этот жанр Сибири тяготел к “физиологизму” и аккумулировал исключительно богатый этнографический элемент» [13. С. 9].

Заключение

Возвращаясь непосредственно к содержанию сборника, стоит сказать, что из 19 текстов 8 принадлежат Н.М. Ядринцеву (включая предисловие и иллюстративный материал), что является статистически значимым показателем в рамках коллективного издания. Легко заметить, что тексты прочих авторов прошли через редакционную правку, и многие были снабжены такими элементами аппарата издания, как примечания, комментарии, предисловия и послесловия, неизбежно влияющие на опыт рецепции того или иного текста. В частности, собрание очерков А.К. Завиткова «В тайге» (которые на самом деле выстраиваются в целостный рассказ) и вовсе оказалось дополнено сценами, написанными Ядринцевым, о чем он мельком признавался в письме Д.А. Поникаровскому от 5 ноября 1884 г. Собрание писем Н.Д. Фонвизиной и статья «Миросозерцание и народное творчество сибирских инородческих племен», авторами которых указаны представители сибирского духовенства, С.Я. Знаменский (заодно его сын, М.С. Знаменский) и В.И. Вербицкий соответственно, представляют собой скорее материалы, обработанные Ядринцевым в научном аспекте, чем самостоятельные, независимые в плане исходной авторизации тексты.

Таким образом, степень присутствия и влияния личности Ядринцева на содержание сборника оказывается всеобъемлющей и всепроникающей. В ситуации социокультурного диалога с читателем он, в пространстве метатекста, занимает несколько функциональных ролей, или повествовательных инстанций, представ одновременно в образах издателя газеты и сборника, составителя, редактора, литературного критика, автора художественных очерков (заодно и рассказчика), автора научных статей, библиографа и, наконец, даже иллюстратора, что и проявляется как идеологизированное свойство исследуемого «Литературного сборника». Все коллективное содержание

сборника, оставаясь относительно самостоятельным в своих индивидуальных текстовых границах, оказывается референтным в парадигматическом и синтагматическом отношении благодаря фигуре Н.М. Ядринцева.

Итак, анализ метатекстуального своеобразия «Литературного сборника», проведенный на концептуальном и структурном уровнях, позволяет сделать следующие выводы.

1. Типологически издание остается трудноклассифицируемым, будучи коллективным сборником по своей форме, приложением к газете по статусу и способу распространения, научно-литературным/смешанным/универсальным по содержанию⁹, журнальным по составительскому определению, тяготеющим к журналу по концепции, и, наконец, парадоксально авторским как издательский проект и метатекстовое единство.

2. Идеологизированность сборника выражается в высшей степени присутствия личности Н.М. Ядринцева в структуре метатекста в различных ипостасях, за счет чего тот становится планом выражения сконцентрированного областнического дискурса. Это в полной мере соотносится со спецификой организации метатекстового повествования, в котором формируется конкретный образ Сибири с культурой, нравами, бытом ее населения и нарратив об истории, социокультурных проблемах края, необходимости просвещения, интеллектуального воспитания и т.д.

3. Жанрово-стилевой синкретизм как свойство, во-первых, выступает типичным индикатором регионального литературного процесса второй половины XIX в.; во-вторых, коррелирует с типологическими особенностями «Литературного сборника», его промежуточным статусом между газетным и журнальным изданием; в-третьих, отражает интенции литературных субъектов, представленные в областнической оптике и направленные на разноуровневое освещение феноменов и объектов сибирского пространства, за счет чего формируется целостный исторический и действительный образ территории и ее населения.

Дополнительно стоит сказать, что, несмотря на нестандартную типологическую специфику, «Литературный сборник» именно как вид издания, без учета метатекстуального своеобразия, не стал уникальным явлением в истории книжного дела Сибири. В заметке к его выходу упоминались некоторые предшествующие столичные и региональные сборники (в частности сборник газеты «Сибирь» (1876)¹⁰), появление которых Ядринцев опять же связывал с журнальными интенциями издателей, естественной нарождающейся потребностью в возникновении «суммирующего, систематизирующего и поучающего» [34] органа печати по мере развития местных литературных сил, растущих интеллектуальных запросов общества и интереса к истории и культуре региона¹¹. Однако данный факт не должен противоречить упомянутой в начале статьи значимости рассматриваемого издания для регионального литературного процесса, поскольку в любом случае за ним сохраняется статус первого коллективного областнического сборника в целом и оригинального издательского проекта Н.М. Ядринцева в частности, ставшего основой для «Сибирского сборника».

Перспективы изучения «Литературного сборника» могут быть связаны с детальным анализом содержания составных текстов – как по отдельности, так и в составе выделенных нами жанрово-тематических бло-

ков, – а также проходить в сравнительном ключе относительно авторской концептосферы Н.М. Ядринцева, его идеологических, философских, политических, научных убеждений.

Примечания

- ¹ Областная еженедельная газета, основанная Н.М. Ядринцевым в 1882 г. Один из важнейших исторических органов сибирской периодики. В качестве приложения к ней издавался «Сибирский сборник» (1886–1905), созданный по модели «Литературного сборника» (1885). После смерти Н.М. Ядринцева в 1894 г. главным редактором стал ссыльный революционер-народоволец И.И. Попов. Под его руководством газета просуществовала до 1906 г.
- ² Речь идет о Николае Семеновиче Щукине (1838–1870) – иркутском литераторе и основателе сибирского землячества (студенческого кружка) в Петербурге, оказавшем заметное влияние на формирование идей областников. Не следует путать его с родным дядей, Н.С. Щукиным (1792–1883), известным сибирским писателем-краеведом, с которым они являются полными тезками.
- ³ Впоследствии Н.С. Щукин вместо журнала издает в 1862 г. коллективный литературно-художественный сборник «Сибирские рассказы» – первую публикацию подобного типа в Сибири, сохранившую некоторые черты альманаха первой половины XIX в. В этом смысле его издательский опыт и опыт Н.М. Ядринцева имели под собой одну и ту же основу, однако сами деятели радикально расходились в вопросе о назначении и содержании предполагаемого журнала. Вероятно, именно из-за этих разногласий Щукин остался без финансовой и литературной поддержки товарищей и не сумел в одиночку реализовать исходный замысел.
- ⁴ В названии газеты и ее тематической направленности лишний раз прослеживается идея о трансграничной специфике сибирского культурного ландшафта [15–18]. Как отмечает Е.В. Масяйкина, Г.Н. Потанин, который был одним из авторов газеты, «полагал, что развитие мировой культуры заключается в соединении азиатских и европейских культурных концептов, посредническую же роль в этом процессе должна сыграть просвещенная Сибирь и ее население» [25. С. 4].
- ⁵ Рамки настоящей статьи не позволяют продемонстрировать полную картину этих изменений, однако в качестве репрезентативного примера можно привести два художественных текста: «В тайге» (А.К. Завиткова) и «На чужой стороне» (Н.М. Ядринцева). В выпуске № 8 (21 февраля, 1885), в котором впервые появились сведения о содержании и структуре сборника, они располагались в начале открывающей рубрики «Беллетристические рассказы» в следующих формулировках: «В тайге (очерки золотопромышленной жизни). *Завиткова*» и «На чужой стороне (несколько глав из жизни ссыльных). *Н. Ядринцева*» (курсив и пунктуация Н.М. Ядринцева. – А.С.). В итоговом варианте – в самом сборнике и в нескольких выпусках газеты, начиная от № 26 (27 июня, 1885), – рубрикация исчезла, а формулировки стали такими: «В тайге (Очерки присноско-вой жизни в Сибири). *Завиткова*» и «На чужой стороне (Несколько глав из жизни ссыльных). *Семилужинского*». То есть изменился уточняющий подзаголовок текста А.К. Завиткова (добавилось индивидуальное жанровое определение), а собственный текст Н.М. Ядринцев подписал, вместо настоящих инициала и фамилии, творческим псевдонимом. Последнее особенно показательно в аспекте присутствия личности литератора в пространстве метатекста «Литературного сборника» в разных функциональных ролях или повествовательных инстанциях.
- ⁶ При этом Н.М. Ядринцев обозначает и читательский адрес сборника, в котором разграничивает «русскую публику» и «земляков». Для первых Сибирь должна явиться именно такой, какая она есть на самом деле, без каких-либо заблуждений и предрассудков. Для вторых предложенные тексты должны стать образовательными и воспитательными, способствующими развитию патриотизма как проявления любви, внимания и интереса к сибирской родине (т.е. формирующими важные аспекты регионального самосознания).
- ⁷ В рамках данной статьи мы опустим детальное рассмотрение каждого текста, поскольку решение подобной задачи не требуется для достижения поставленной цели. Это обусловлено и выбранной методологией, предполагающей раскрытие метатекстуального своеобразия именно в обобщающем ключе.
- ⁸ Впрочем, мы помним, что эта научность как категориальный принцип все еще остается идеологизированной, что наиболее заметно как минимум в доктринальной позиции по отношению к сибирской литературе.
- ⁹ Под литературой Ядринцев обычно подразумевает беллетристические и публицистические тексты, разводя их с научными, в чем проявляются особенности его авторского сознания, в котором научная, литературно-художественная и литературно-публицистическая деятельность оказывается строго разделенной, что доказывается, в частности, тем, как он использует псевдонимы.
- ¹⁰ Иркутская газета с длинной и насыщенной историей (1873–1916), с которой сотрудничали Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. В первом сибирском коллективном сборнике универсального содержания, изданном в 1876 г. так же, как и «Литературный сборник», в качестве приложения были опубликованы их тексты. Представляется вполне вероятным, что опыт иркутских издателей был перенят Ядринцевым для подготовки собственного издания, поскольку уже имелась готовая модель, правда, не несущая в себе значимого идеологического контекста (по крайней мере, вербально выраженного).
- ¹¹ Возможно, что и сама идея подобного журнала в контексте сибирской литературы могла активно продвигаться не только Н.М. Ядринцевым. Так, еще в «Сибирской газете» № 38 (18 сентября, 1883) была опубликована более обстоятельная статья, содержащая статистические данные, посвященная той же самой теме, из которой в заметку «Восточного обозрения» 1885 г. переключались дословные фрагменты. Проблема заключается в том, что данная статья не имеет авторства и, по всей видимости, опубликована от лица редакции. Вполне допустимо, что она могла принадлежать Ядринцеву или быть написана им в соавторстве с кем-то, однако каких-либо фактов, подтверждающих это, отыскать не удалось.

Список источников

1. Рыбальченко Т.Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 28.03.24).
2. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2010. 237 с.
3. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М. : Флинта ; Наука, 2015. 383 с.
4. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 334–345.
5. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. 203 с.
6. Трушкин В.П. Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири: биобиблиографический справочник. Иркутск, 1971. 336 с.
7. Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1970. 403 с.
8. Чмыхало Б.А. Проблемы реализма и историко-литературный процесс в Сибири XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1979. 214 л.
9. Спиридонова Г.С. Проблемы типологии сюжетов в литературе Сибири XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2000. 22 с.
10. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
11. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227–235.

12. Казаркин А.П. Сибирская классика и литературное краеведение // Сибирский филологический журнал. 2005. № 1–2. С. 38–49.
13. Лесничева О.К. Эволюция и поэтика «малых» жанров в литературе Сибири конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2004. 24 с.
14. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 48 с.
15. Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182. doi: 10.17223/19986645/80/8
16. Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160. doi: 10.17223/19986645/85/7
17. Гнюсова И.Ф. Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 167–189. doi: 10.17223/19986645/79/9
18. Гнюсова И.Ф. Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 157–183. doi: 10.17223/19986645/86/9
19. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
20. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 75–101. doi: 10.17223/19986645/27/7
21. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97. doi: 10.17223/19986645/49/6
22. Головинов А.В., Головинова Ю.В. «Тюремный вопрос» в публицистике Н.М. Ядринцева второй половины XIX в. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2022. № 2. С. 12–16.
23. Григоренко Р.А. «Вояж» из России в Сибирь: образы ссыльных на страницах прозы Н.М. Ядринцева и опыт формирования областнического литературного канона // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 14–20. doi: 10.17223/15617793/471/2
24. Григоренко Р.А. «Сибирский патриот» в «Мертвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 21–28. doi: 10.17223/15617793/481/3
25. Масяйкина Е.В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 19 с.
26. Горбенко А.Ю. «Особый путь» литературы Сибири? (опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111. doi: 10.17223/18137083/83/8
27. Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 236 с.
28. Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск : ТГУ, 2004.
29. Баженова В.В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.
30. Казарин Ю.В., Гоголева И.О. Литературно-художественный журнал как метатекст (опыт текстологического определения) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1 (135). С. 12–17.
31. Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. № 4. С. 75–84.
32. Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 408 с.
33. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 280 с.
34. Восточное обозрение: газета литературная и политическая. Санкт-Петербург ; Иркутск, 1882–1906 // Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000349167> (дата обращения: 15.04.2024).
35. Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание. Кн. 1. СПб., 1886. 216 с.
36. Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб. : Издание редакции «Восточного обозрения», 1885. 494 с.
37. Ядринцев Н.М. Культурное и промышленное состояние Сибири: доклад И.М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб. : Типография А.С. Суворина, 1884. 40 с.

References

1. Rybal'chenko, T.L. (2004) Mifologemy obraza Sibiri v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka [Mythologems of the Image of Siberia in Russian Prose of the Second Half of the 20th Century]. In: Ponomareva, N.V. (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View From Outside and Inside. Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 291–303. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (Accessed: 28.03.2024).
2. Anisimov, K.V. (ed.) (2010) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
3. Kovtun, N.V. (ed.) (2015) *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, topoi, zhanrovye formy XIX–XXI vekov* [Siberian Identity in the Mirror of the Literary Text. Tropes, Topoi, and Genre Forms of the 19th–21st Centuries]. Moscow: Flinta; Nauka.
4. Yanushkevich, A.S. (2007) Dikhotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian text]. In: *Evrasiyskiy mezhkul'turnyy dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian intercultural dialogue: "own" and "alien" in the national identity of culture]. Tomsk: Tomsk State University. 334–345.
5. Azadovskiy, M.K. (1947) *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri* [Essays on literature and culture in Siberia]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo.
6. Trushkin, V.P. (1971) *Literaturnaya Sibir'. Pisateli Vostochnoy Sibiri: biobibliograficheskiy spravochnik* [Literary Siberia. Writers of Eastern Siberia: biobibliographic reference book]. Irkutsk.
7. Postnov, Yu.S. (1970) *Russkaya literatura Sibiri pervoy poloviny XIX v.* [Russian literature of Siberia in the first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
8. Chmykhalo, B.A. (1979) *Problemy realizma i istoriko-literaturnyy protsess v Sibiri XIX – nachala XX vv.* [Problems of realism and the historical and literary process in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Spiridonova, G.S. (2000) *Problemy tipologii syuzhetov v literature Sibiri XIX veka* [Problems of plot typology in Siberian literature of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
10. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: on the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 27–35.
11. Yanushkevich, A.S. (2004) Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri [Siberian text: A View from Outside and Inside]. In: Ponomareva, N.V. (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View From Outside and Inside. Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 227–235.
12. Kazarkin, A.P. (2005) Sibirskaya klassika i literaturnoe kraevedenie [Siberian classics and literary local history]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1–2. pp. 38–49.

13. Lesnicheva, O.K. (2004) *Evolutsiya i poetika "malykh" zhanrov v literature Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [Evolution and poetics of "small" genres in Siberian literature of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
14. Anisimov, K.V. (2006) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature of the 19th – Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
15. Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8
16. Ayzikova, I.A. (2023) Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 133–160. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/7
17. Gnyusova, I.F. (2022) Siberia's cultural landscape in the understanding of Siberian writers and publicists of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 167–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/9
18. Gnyusova, I.F. (2023) Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 157–183. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/9
19. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoj literatury* [Experience of Formation of Siberian Regionalism Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Anisimov, K.V. & Razuvalova, A.I. (2014) Two centuries two versions of the siberian text: Regionalists vs. "village-prose writers". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 75–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/27/7
21. Ayzikova, I.A. (2017) The image of a siberian writer in literary criticism and journalism of G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev (the 1870s–1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/49/6
22. Golovinov, A.V. & Golovinova, Yu.V. (2022) "Tyuremnyy vopros" v publitsistike N.M. Yadrintseva vtoroy poloviny XIX v. ["The Prison Question" in N.M. Yadrintsev's Journalism in the Second Half of the 19th Century]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*. 2. pp. 12–16.
23. Grigorenko, R.A. (2021) A "Voyage" From Russia to Siberia: Images of the Exiled in Nikolai Yadrintsev's Prose and the Experience of Forming the Regional Literary Canon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 14–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/2
24. Grigorenko, R.A. (2022) A "Siberian patriot" in the House of the Dead by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/3
25. Masyaykina, E.V. (2020) *Literaturnoe nasledie sibirskogo oblastnichestva: na materiale arkhivov G.N. Potanina i G.D. Grebenshchikova* [Literary Heritage of Siberian Regionalism: Based on the Archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
26. Gorbenko, A.Yu. (2023) "Special Path" of Siberian Literature? (Experience in the Reconstruction of Historiosophical and Literary Critical Sources of Siberian Regionalism). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 98–111. (In Russian). doi: 10.17223/18137083/83/8
27. Makarova, E.A. (2020) *Literaturno-khudozhestvennye sborniki Sibiri kontsa XVIII – pervoy trety XX v. v aspekte formirovaniya regional'nogo knigoizdaniya* [Literary Collections of Siberia of the End of the 18th – First Third of the 20th Century in the Aspect of the Formation of Regional Book Publishing]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Kiselev, V.S. (2004) *Stat'i po teorii i istorii metateksta (na materiale russkoy prozy kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka)* [Articles on the theory and history of metatext (based on Russian prose of the late 18th – first third of the 19th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe: al'manakh, antologiya* [Russian literary collection of the mid-20th – early 21st centuries as a whole: almanac, anthology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
30. Kazarin, Yu.V. & Gogoleva, I.O. (2015) *Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal kak metatekst (opyt tekstovedcheskogo opredeleniya)* [Literary and art magazine as a metatext (an experience of textual critical definition)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 1 (135). pp. 12–17.
31. Gorbenko, A.Yu. & Chekushin, V.V. (2022) Zhurnal "Sibirskie zapiski" kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1916–1917 gg.) [The journal "Sibirskie zapiski" as a metatext: a system of ideological implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 4. pp. 75–84.
32. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
33. Potanin, G.N. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.
34. *Vostochnoe obozrenie*. (1882–1906) [Online] Available from: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000349167> (Accessed: 15.04.2024).
35. Yadrintsev, N.M. (ed.) (1886) *Sibirskiy sbornik. Nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie* [Siberian collection. Scientific and literary periodical]. Book I. Saint Petersburg.
36. Yadrintsev, N.M. (ed.) (1885) *Literaturnyy sbornik: sobranie nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i Aziatskom Vostoke* [Literary collection: collection of scientific and literary articles about Siberia and the Asian East]. Saint Petersburg: Izdanie redaktsii "Vostochnogo obozreniya".
37. Yadrintsev, N.M. (1884) *Kul'turnoe i promyshlennoe sostoyaniye Sibiri: doklad I.M. Yadrintseva (po sluchayu torzhestva 300-letiya Sibiri)* [Cultural and industrial state of Siberia: report by I.M. Yadrintsev (on the occasion of the celebration of the 300th anniversary of Siberia)]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.

Информация об авторе:

Смолянинов А.В. – аспирант, ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Smolianinov, postgraduate student, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024;
одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1-4(Соллогуб В.А.)
doi: 10.17223/15617793/505/8

О «глубинной композиционной структуре» очерка В.А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления» (1845)

Галина Александровна Шпилевая¹, Ирина Александровна Бахметьева², Вера Викторовна Безрукова³

^{1, 2, 3} Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

¹ 19alex04@mail.ru

² irbakh@mail.ru

³ verabz.ru@gmail.com

Аннотация. Рассматривается соллогубовское произведение с точки зрения нарратологии, уточняются особенности жанровой природы. Соотношение позиций экзегетического нарратора и нарраторов диегетических (главных и второстепенных персонажей) позволяет более глубоко изучить некоторые аспекты эстетической рефлексии «концептированного автора». Исследование авторской позиции, его манеры изображения «внешнего» мира (реализующейся в создании «глубинной композиционной структуры») дает возможность изучить стратегию Соллогуба-писателя. Показано, что художественная логика произведения направлена на утверждение новых задач литературы, для этого творцом используются интертекст, ирония.

Ключевые слова: «биографический автор», очерк, фабула, В.А. Соллогуб, Б.А. Успенский, нарратив, «точка зрения», субъектная сфера, «натуральная школа», беллетристика

Для цитирования: Шпилевая Г.А., Бахметьева И.А., Безрукова В.В. О «глубинной композиционной структуре» очерка В.А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления» (1845) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 80–90. doi: 10.17223/15617793/505/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/8

The "deep compositional structure" of Vladimir Sollogub's essay "The Tarantas. Travel Impressions" (1845)

Galina A. Shpilevaya¹, Irina A. Bakhmetieva², Vera V. Bezrukova³

^{1, 2, 3} Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

¹ 19alex04@mail.ru

² irbakh@mail.ru

³ verabz.ru@gmail.com

Abstract. Since the appearance of the full text of Sollogub's "The Tarantas" (1845), critics and readers have been faced with a problem: how to explain the attractiveness of this work despite the plot-compositional system that is not distinguished by logic (the picture is disrupted by random "inserted short stories"), obvious failures in the subjective sphere (outstanding writers, Vissarion Belinsky and Nikolay Nekrasov, paid attention to it as well), which, of course, makes it difficult to penetrate into the essence of the author's position. In this article, we attempted to consider Sollogub's "The Tarantas" from the point of view of the traditional "theory of the author" and to analyze this work, which surprisingly "eludes" analysis, from a structuralist position. The traditional "author theory", which fully explains the examples of the relationship between the positions of the conceptual author and the biographical author, as well as the relationship between the characters (presumably narrators) and the author-creator, to some extent provides answers to the questions posed by Belinsky and Nekrasov in their reviews. However, the method proposed by Boris Uspensky, according to our research experience, makes it possible for us to see the phenomena revealed from the point of view of the "deep compositional structure", for example, the author's hidden ideological position, inviting the "conceptualized reader" to speak about commercialized literature (from "literary masters", producing something like Paul de Kock's "The Milkmaid of Montfermeil") and the real one, "masterful, but obsolete". Thus, it is no coincidence that Alexander Pushkin and Nikolai Gogol are mentioned in this regard. The instability and uncertainty of the author's "ideological" (evaluative) point of view, interfering with the "phraseological" one (the characters' self-defining), the "spatial-temporal" one (for example, Ivan Vasilyevich's "flying" walk over Russia in a utopian topos reflected by the exegetical narrator), and the "psychological" one (the correlation between a subjective opinion and fact, for example, Vasily Ivanovich's, Ivan Vasilyevich's and the author's views on the tarantas, the embodiment of practical life and fantastic ideas), is due to the fact that in some fragments of "The Tarantas" the elements of the subjective spheres enter into inharmonious relationships, which makes the overall plot and compositional system eclectic and creates genre ambiguity. Undoubtedly, Sollogub was a gifted writer, who did not become a classic. However, he remained at the level of a fiction writer on the "scale of

values". Not being able to create a truly new significant form that would influence the development of the entire literary process, the author did his utmost, namely: endeavored to describe the morals and life of the inhabitants of Moscow, Vladimir, Nizhny Novgorod, Kazan, and to hold a conversation about the future of Russia, its culture, economy and other aspects of public life (which, of course, was and is extremely interesting to the reader)..

Keywords: "biographical author", essay, plot, Vladimir Sollogub, Boris Uspensky, narrative, "point of view", subjective sphere, "natural school", fiction

For citation: Shpilevaya, G.A., Bakhmetieva, I.A. & Bezrukova, V.V. (2024) The "deep compositional structure" of Vladimir Sollogub's essay "The Tarantas. Travel Impressions" (1845). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 80–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/8

Об «авторе биографическом»

Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), плодовитый писатель, создатель популярных в свое время «светских повестей», воспринимался современниками и как «новый Гоголь» (что указывало на признание одаренности, поддерживало репутацию автора актуальных реалистических произведений), и как эпигон, дилетант, не совершенствующий, а растрачивающий свой талант. Отмечались такие качества Соллогуба, как неумение и нежелание избрать определенный род занятий, что объяснялось отсутствием характера, воли. И.И. Панаев в свое время заметил, что данному писателю было свойственно «недовольство самим собою, искреннее сознание в своих недостатках и слабостях перед людьми, которых он уважал» [1. С. 308].

Автор «Аптекариши», «Большого света», «Тарантаса» соглашался со справедливой критикой в свой адрес, признавал, что работал небрежно, увлекался «темой дня» и даже ленился. Характер («индивидуальные особенности внутреннего мира автора биографического» [3. С. 9]) Соллогуба, субъекта «биографии реальной» [3. С. 14], объясняли его необычайную социальную активность: служба в Министерстве иностранных дел, в Министерстве внутренних дел, бесчисленные поездки «по служебной надобности», деятельность статиста, тюремоведа¹. Соллогуб общался с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, посещал литературные салоны Карамзиных, В.Ф. Одоевского; при этом писатель был близок к царскому двору, выполнял как «сочинитель» поручения членов императорской фамилии.

Однако ни «аристократическая манерность», ни «барская небрежность» автора, столь сильно раздражавшие некоторых современников (Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова и др.), не смогли помешать «неслыханному» триумфу «Тарантаса» («Эта повесть имела большой успех» [4. С. 92]), семь глав которого первоначально были опубликованы в 1840-м в «Отечественных записках». «Ошеломившее» читающую Россию произведение, созданное под впечатлением от путешествия по России самого писателя и художника-любителя Г.Г. Гагарина, вызвало одобрение В.А. Жуковского, побудило Н.В. Гоголя отметить следующее (в письме от 3 января (н. ст.) 1846 г.): «Я прочел ваш “Тарантас” еще с большим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи» [5. С. 230].

Первые читатели и критики о субъектной сфере «Тарантаса»

Знакомство с рассматриваемым произведением позволило проницательному В.Г. Белинскому сделать

ряд замечаний, актуальных с позиции современных «теории автора» и нарратологии². Критик предостерег от «ошибочного взгляда» (неразделение персонажа и автора-создателя, а также смешивания «концептированного» (носителя концепции, взгляда на мир, по учению Б.О. Кормана) и «биографического» авторов, если воспользоваться современными терминами), заметил, что создатель «Тарантаса» «столько же может отвечать за мнения героя своего юмористического рассказа, сколько, например, Гоголь может отвечать за чувства, понятия и поступки действующих лиц в его “Ревизоре” или “Мертвых душах”» [7. С. 812]. Отметим, что чуть ниже этого замечания рецензент допустил именно данную ошибку и «увидел» в повествователе двух главков (XXV и XXVI) самого Соллогуба.

В.Г. Белинский полагал, что в указанных главках автор «говорит с читателем от своего лица» [7. С. 812]. Действительно, в указанных фрагментах («Нечто о Василии Ивановиче» и «Нечто об Иване Васильевиче») экзегетический нарратор³, а не один из персонажей излагает факты биографий главных героев, представляет процесс формирования их характеров, детерминированных средой: родитель-самодур, мать-галломанка, «французское» воспитание и пр.

Хотя повествование о Василии Ивановиче и Иване Васильевиче в указанных главках «существует как бы само по себе» [3. С. 33] и «субъект речи не выявлен» [3. С. 33], создавшаяся коммуникативная ситуация, как показалось В.Г. Белинскому, обозначает сочинителя «сего замечательного странствия» [2. С. 95], т.е. самого В.А. Соллогуба. Писатель, обращаясь к воспринимающей текст стороне, отчасти спровоцировал такое суждение и создал метатекстовую картину: «Сочинителю остается только сделать одно в угоду читателю: представить ему с должным почтением две мелкие, но, по возможности, подробные биографии двух главных лиц его рассказа. Начинается с Василия Ивановича» [2. С. 95].

Как видно, создан словесный «узор», который позволил вести литературную игру и неслучайно заинтересовал В.Г. Белинского: с одной стороны, экзегетический нарратор обозначает свою близость к создателю художественного текста и поэтому претендует быть всезнающим⁴; с другой стороны, данный носитель слова «не имеет полноценного существования ни в каком мире – ни в вымышленном, которому принадлежат герои, ни в реальном, которому принадлежит автор» [8. С. 203]. Такая неопределенная позиция характерна для очеркиста, она и позволяет всезнающему нарратору обозначить границы того или иного фрагмента («давно пора, кажется, познакомить поближе читателя с героями тарантаса» [2. С. 94]; «Вот все, что можно

было, в угоду читателя, почерпнуть из биографии Василия Ивановича» [2. С. 104]) и при необходимости соединить, собрать «свои сюжеты из эмпирических кусков» [9. С. 199], которых в «Тарантасе» предостаточно.

Носитель речи то приближается к читателю (доверительная, личная беседа), то отдаляется от него (нейтральная подача информации), данная нарративная картина предоставляет писателю, ищущему новые литературные формы, большую свободу, но при этом создает и некоторую эклектичность в повествовательной структуре, что обуславливает, в свою очередь, неопределенность, нестабильность жанровой формы.

Не менее важно вспомнить и о рецензии на соллогубовский «Тарантас», созданной в 1845 г. Н.А. Некрасовым, который также заинтересовался тем аспектом, который сейчас принято называть субъектной сферой произведения.

Пытаясь понять идеологическую позицию В.А. Соллогуба, Н.А. Некрасов полемизирует с автором, спорит с его заявлениями, пребывающими в диегезисе (логические умозаключения), хотя миметические⁵ (образные) фрагменты его вполне устраивают и даже вызывают восхищение: «Вообще в “Тарантасе” должно различать две стороны: сторону, списанную с натуры, и другую, противоположную ей. В первой все живо, верно, остроумно, бездна превосходных замечаний, во второй многое поверхностно, даже вовсе неверно, потому что нельзя же угадывать безошибочно» [10. С. 204]; «Там, где дело касается чисто таланта – нечего говорить, кроме похвал, похвал и похвал, но где дело касается взгляда, тут можно во многом спорить с автором и даже во многом не согласиться» [10. С. 205].

Особенно отрицательно высказался Н.А. Некрасов о главке «Нечто о русской словесности» (X), в которой основным субъектом речи является не нейтральный повествователь («экзегетический», или аукториальный), близкий к концептированному автору, а рассказчик («диегетический» нарратор) – недавно вернувшийся из-за границы молодой человек, Иван Васильевич, проповедующий славянофильские воззрения при огромной любви к Европе и тоске «по парижской опере» (А.С. Немзер); такую позицию, как типичную, узнаваемую, А.И. Герцен называл «двуликий Янус». Н.А. Некрасова также возмутили заявления главного персонажа, которые, по его мнению, «давно уже сделались общими местами» [10. С. 200], например: «В наше продажное время поэзия разлагается на акции и восторг берется на откуп» [2. С. 68]; «Оттого, что в самом деле литературы тут нет, а одно только название. Оттого, что наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются от ее прикосновения, опасаясь быть замешанными в ее странную деятельность; оттого, что она теперь в особенности, не что иное, как жалкий нарос на народной почве...» [2. С. 69].

Казалось бы, мнением юмористически обрисованного юного героя, часто попадающего в нелепые ситуации, Н.А. Некрасов мог бы и пренебречь, но он повторяет то же, что сделал и В.Г. Белинский, соединив (или подменив одного другим) нескольких субъектов речи и поэтому не разделив разные взгляды. Надо признать,

что В.А. Соллогуб дал обоим рецензентам для этого весомый повод, не акцентировав особенности стиля героев, не показав границы «чужого слова», не определив в конечном итоге свою собственную позицию.

О традиционно понимаемой композиции и жанровой природе соллогубовского «Тарантаса»

Первые читатели были восхищены качеством издания произведения, он стал и до сих пор является чудесным образцом отечественного книжного искусства; особый интерес, одобрение вызвали иллюстрации и восхитительные виньетки Г.Г. Гагарина (прибавились рисунки художника А.А. Агина, работа гравиров). Однако и в отношении некоторых рисунков возникли критические замечания Н.А. Некрасова, связанные, на его взгляд, с неудачной «экфразой», тоже касающейся отечественной словесности. Имеется в виду гагаринский рисунок, на котором изображен пляшущий литератор, а также «русские мужики и ребятишки», взрывающиеся на него «с диким любопытством и даже некоторым ужасом» [10. С. 201]. Дело в том, что художник-любитель, князь Г.Г. Гагарин, и путешествовавший с ним В.А. Соллогуб, действительно, не всегда добивались абсолютного единства словесного содержания и «художественных заставок», это и породило справедливый некрасовский упрек: «...картинка совершенно убила текст». Видимо, Г.Г. Гагарин создавал свои «картинки» не только под воздействием «путевых впечатлений» самого В.А. Соллогуба, но и относительно собственных реакций на увиденное в Москве, Нижнем Новгороде или в Казани. Писателю же приходилось ориентироваться на созданные во время путешествия зарисовки, и это, как выяснилось, порой нарушало художественную логику произведения – его «внутренний сюжет» [12. С. 264].

Отсутствие композиционной гармонии (если композицию понимать в старой традиции: расположение фрагментов, глав, частей), на наш взгляд, объясняется и излишней свободой авторских ассоциаций, которые, конечно же, отчасти управляют развитием сюжетно-композиционной системы⁶ любого очерка. Достаточно вспомнить объемный очерк Г.И. Успенского «Выпрямила» (1885), где центрообразующим элементом является Венера Милосская, и экфрастический план (включающий даже стихотворение А.А. Фета, где описывается статуя) время от времени утрачивает свое доминирующее значение, а авторские ассоциации уносятся очень далеко: во времена Великой Французской революции, в современную писателю русскую деревню, в область проблем народного просвещения и т.д. Однако в произведении Г.И. Успенского образ знаменитой античной статуи, духовно «выпрямившей» героя, все же в целом соединяет все нити очерка от начала до конца. В соллогубовском «Тарантасе» мы наблюдаем другую картину, и сюжетно-композиционная система строится по иному принципу: писатель отчасти ориентируется на поэтику «натуральной школы», поэтому материал большинства главок имеет быто- и нравоописательный «классифицирующий характер» [6. С. 19] («Станция»,

«Гостиница», «Губернский город», «Цыгане», «Русский барин», «Помещик», «Купцы» и т.п.). Перечисленные главки связаны заданным маршрутом путешествия, носитель речи в них – преимущественно экзегетический нарратор, его иногда «прерывают» персонажи-рассказчики, и тогда субъектная сфера реализуется в сказе, появляются характерные театрализованные диалоги, порой мешающие читателю понять логику повествования, осмыслить позицию писателя.

Статичные описательные фрагменты непредсказуемо и неожиданно сменяются иными, где вводится указанное выше «временное измерение», возникает внутритекстовая ситуация, маркирующая «событийность» (предполагающая не *тривиальность* (нечто не существенное), а «релевантность», значительность изменений [6. С. 12]). «Гетерогенным», «хронотопичным», «интеллигибельным» [13. С. 24, 26] (четким, постигаемым разумом), т.е. представленным событийностью, является повествование в таких главках, как «Простая и глупая история», «Перстень». Обозначенные внешние изменения в судьбе героя или же «ментальные сдвиги» (В. Шмид), в любом случае подчеркнутая «причинность» (Б.В. Томашевский) в отношениях между фрагментами обеспечивают возникновение динамичного изложения. Это можно наблюдать при знакомстве с историей друга юности Ивана Васильевича – Феди (диегетический нарратор, относящийся к повествуемому пространству), с приключениями героя-рассказчика главки «Перстень» – ловкого лавочника, обаятельного плута-любownika, который вполне может претендовать на роль «ненадежного нарратора» (обманщика, предоставляющего «недостоверное повествование» («unreliable narration», в терминологии Уэйна К. Бута)), «правдивого» [14. Р. 159] по отношению к главному герою (возможно, и к читателю), но лгущего другим персонажам.

Однако, с точки зрения традиционно понимаемой композиции, причины смены и связи повествования с описанием часто неясны, дестабилизирующую роль (потеря сложившегося на какое-то время ритма) играет резкая смена фрагментов, при которой изображение нравов, быта, исторические справки или перечисление редких книг, хранящихся в библиотеке Казанского университета, теснятся беллетризованным повествованием об интересных, с точки зрения автора, ситуациях: встрече с цыганами, «краже» перстня, сопровождаемой амурным орнаментом.

Надо отметить непоследовательность и искусственность переходов при попытках сменить *сингулятивное* повествование *итеративным* (и наоборот). Желая придать динамичности своему произведению, сделать его занимательным, писатель первую же фразу начинает со слова «однажды» («временной элипс» [16. С. 135]): «Василий Иванович гулял однажды на Тверском бульваре» [2. С. 25]. Читатель, разумеется, настроен на рассказ о неповторяющейся, эксклюзивной истории, то есть на *сингулятивное*⁷ повествование о частной жизни человека, а не на рассмотрение какого-либо типа характера, что свойственно очерку. Однако далее следует описание внешности Василия Ивановича, типичного почтенного казанского помещика:

фрак, «пantalоны горохового цвета», «галстук с огромной пряжкой на затылке». Здесь же представлены типичные «удовольствия», которые Москва может предложить провинциалу: Английский клуб, Немецкий клуб, коммерческий клуб, карты, лото, бильярд и пр. Как видно, писатель ориентируется «не на любовные, морально-этические мотивировки и стимулы, а материальные, вне героев находящиеся условия», что было свойственно «практике натуральной школы» [9. С. 192]. Слово «однажды» вступило в противоречивые отношения с контекстом, и «нарративная повторяемость», то есть «отношение по частоте <...> между повествованием и диегезисом» [16. С. 141] не является сингулятивным, так как все подчинено обширным итеративным⁸ описаниям того, что происходило бесчисленное количество раз.

Сходная нарративная картина возникает и с появлением другого главного персонажа – Ивана Васильевича. Сначала сообщается, что он «в то же самое время» прогуливался по Тверскому бульвару, но далее следует итеративное описание наряда типичного русского путешественника, недавно вернувшегося на родину: английский макинтош «без талии», pantalоны, сшитые «у Шевреля». Затем автор приступает к созданию еще большего обобщения и сообщает о нескольких явлениях, «рассматриваемых только с точки зрения их сходства» [16. С. 144], а именно: рассказывает, как изменились нравы отечественных путешественников нынешних по отношению к прежним. Очевидно, что описание типов, взглядов доминирует в рассматриваемом произведении, и персонажи «Тарантаса» – не столько «живые» герои, сколько «носители определенной концепции» [9. С. 194]. По этой причине зачинные «однажды» и «в то же самое время» – сингулятивные единицы, здесь подчиняющиеся итеративным обширным фрагментам – создают ощущение нарративного диссонанса у воспринимающей текст стороны, у читателя.

Поскольку всегда существует тесная взаимосвязь нарративных и жанрологических данностей, то их неустойчивость в «Тарантасе» заставила Н.А. Некрасова (в целом давшего положительный отзыв об этом произведении) затрудниться с определением его жанра: «Это не роман, не повесть, даже не путевые впечатления, но тут есть всего понемножку – и романа, и повести, и путевых впечатлений, и даже того, что называется журнальной статьей...» [10. С. 199]. На наш взгляд, «Тарантас» не является ни очерком (описание явлений в их типичных чертах⁹) в классическом понимании этого жанра, ни циклом очерков, объединенных единой темой. Это *ряд очерков*, путевые заметки, сопровождаемые иллюстрациями или сопровождающие их.

Для того, чтобы снизить уровень дисгармонии в субъектной сфере, а также в какой-то степени смягчить композиционную пестроту и фрагментарность, автору пришлось создать макрофабулу, объединить все фрагменты неким подобием причинно-следственных связей. Если под фабулой понимать «цепь действий и перемен, представленную в произведении, но мыслимую как нечто внешнее, что могло бы совершаться в действительности за пределами произведения» [17. С. 17],

то в «Тарантасе» цепь действий – это путешествие из Москвы в Мордасы, в самом деле объединяющее огромное количество фактов, событий, которые могли бы произойти в реальной жизни. Чтобы как-то связать абсолютно самостоятельные истории, обозначить некое начало и финал, автору приходится прибегнуть к пролептическому утверждению Василия Ивановича о том, что чудо-тарантас никогда не перевернется и не потребует починки.

Такая заданность, отсылающая к «плоскостной» сюжетно-композиционной схеме жанра повести или сказки, не без иронии в «Тарантасе» переосмысливается: тарантас сломался и в конечном итоге перевернулся. Дабы не дать читателю забыть об этой задаче, поставленной перед выбранным средством передвижения, и чтобы сам писатель помнил о необходимости поддерживать макрофабулу, в произведении рефреном звучит на протяжении 124 страниц «ода» следующего содержания: «А каков тарантасик-то? – Ась?.. Сущая колыбель! Не опрокинетесь никогда, и чинить нигде не надо, не то что ваши рессорные экипажи: что ни шаг, то починка» [2. С. 32]. В произведении присутствует еще один рефрен, который также поддерживает с трудом создаваемое единство – это толстая путевая тетрадь, увесистый дневник, куда Иван Васильевич собирался записывать свои дорожные впечатления. Этот образ также сопровождается иронией, этой «интеллектуальной оговоркой» (Т. Манн), так как тетрадь осталась пустой (сохранилась, по словам Н.А. Некрасова, «в неприкосновенной белизне»), чему автор придаст глубокий смысл, создаст некую интригу: трудиться над еще одним модным описанием впечатлений от скучного путешествия – изначально пустая затея!

Итак, субъектная сфера соллогубовского творения не отличается гармоничным единством, жанровая природа остается неопределенной, главные герои почти «ходульные», сюжетно-композиционная система отнюдь не «системна», авторская идеологическая и эстетическая позиции неясны. Однако в литературоведении не угасает интерес к этому произведению, также справедливо утверждение, что «Тарантас» возвращается и к читателю XX–XXI вв.; он наделал много шума в 1840-е гг., востребован в последующих столетиях¹⁰, о чем свидетельствует история «републикаций» [18. С. 816]. Этому есть объяснение, и эстетическое своеобразие «Тарантаса», на наш взгляд, наиболее полно проявляется при рассмотрении «глубинной композиционной структуры».

«Глубинная композиционная структура» соллогубовского «Тарантаса» и авторская «точка зрения»

Попытаемся рассматривать «Тарантас» с позиции, которая «противопоставлена внешним композиционным приемам» [19. С. 19], и вслед за Б.А. Успенским, изучая особенности авторской точки зрения, сделаем оговорку: «мы имеем в виду не систему авторского мировосприятия вообще (вне зависимости от данного произведения), но ту точку

зрения, которую он принимает при организации повествования в некотором конкретном произведении» [19. С. 22–23]. Точка зрения может проявляться в *идеологическом* плане, «то есть в плане оценок, поскольку идеология есть система, направляющая концептуальное видение мира во всем произведении или в его части» [20. С. 101]; точка зрения выявляется и «в плане фразеологии» (описание «разных героев различным языком» [19. С. 30]; «словесная фиксация пространственно-временных отношений описываемого события к описывающему субъекту (автору)» [19. С. 80]) также может обозначать моменты авторской позиции. План *психологии* обусловлен либо возможностью автора опираться на «субъективную точку зрения», либо его стремлением «описывать события по возможности объективно» [19. С. 108], т.е. обращаться к фактам. Разумеется, указанные «планы» могут проявляться одиночно, а могут объединяться, и путь к пониманию авторской позиции в таких случаях усложнится.

Начнем с поисков подходов к постижению авторской точки зрения с *фразеологической* позиции, например, с речевой характеристики персонажей, описывающих центральный образ – тарантас. Отметим, что учитывается язык различных героев и самого повествователя, это позволяет понять авторское мнение через «чужое слово» и на «прямой позиции», а именно: для чего данный образ нужен писателю, как он это объясняет?

Владелец типичного для того времени транспортного средства, Василий Иванович, очень гордится своей собственностью, говорит о ней с любовью, с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса («тарантасик»); Иван Васильевич, изрядно промотавшийся за границей и не имеющий денег для самостоятельной поездки в отцовское имение, явно стыдится погрузиться в эту допотопную «колыбель»: «...глядел довольно грустно на своего спутника, нимало не убеждаясь в возможности предстоящих наслаждений» и называл тарантас «ужасным» [2. С. 32]. Экзегетический нарратор относится к данному «удивительному изобретению ума человеческого» то с нескрываемой иронией (которая часто не что иное, как «запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [8. С. 216]), то рассматривает его как важный способ обозначения своей идеологической (серьезной) позиции.

Читатель неслучайно потратил время на обширную оду этой «путевой колеснице», потому что для концептированного автора тарантас – целый мир, но в то же время оптический прибор, приближающий элементы бытовой и литературной сфер. Данный образ укажет путь к постижению авторской эстетической рефлексии, «самообоснования», «самоопределения» [21. С. 5] творческой личности, покажет итог «переживания своего творческого поведения как процесса собственной эволюции» [22. С. 8], станет для него своеобразным «зеркалом» [23. С. 99], даст возможность автору создать значительный палимпсест. Передвигающаяся по дорогам России «колесница» позволила путешественникам изучить нравы и быт современников, а взлетевший в главе «Сон» (XX) тарантас, как неоднократно

отмечалось в литературоведении, транспарентен «птицетройке» и напоминает о гоголевской мечте преобразования «мертвых душ» в нечто живое, а также раскрывает суть размышлений автора о будущем России. Очевидно, что в рассмотренных выше случаях взаимоотношение *фразеологической* и *идеологической* точек зрения демонстрирует гармонию, дает возможность писателю показать многое. Например, мнения персонажей и эстетического нарратора относительно российских истории и менталитета («Казань... Татары... Восток <...> Иоанн Грозный... <...> Ну, и деревни уже другие пошли по дорогам, с мечетями, с избами без окон, с женщинами, которые прячутся от нашего тарантаса...» [2. С. 127]); по поводу устройства жизни (например, передвижения по просторам родины: «...они, хоть медленно, но все-таки подвигались. Ночь прошла кое-как в сопровождении толчков и прерываемого засыпания» [2. С. 76]); о сути народного характера (впечатление, производимое «колесницей»: «Прошел им навстречу один только мужик с лаптями на спине да снял им шапку из учтивости» [2. С. 71]); о позиции высокомерного дворянина-западника: «А! Эта штука называется тарантасом? Та-ран-тас. Так ли?» [2. С. 73].

Центральный образ предоставляет возможность указать на непросвещенность, например, Василия Ивановича; согласно мнению Ивана Васильевича, он «дубина, дубина...<...> сам не что иное, как тарантас, уродливое создание, начиненное дрянными предрассудками» [2. С. 81]). Тарантас (безрессорное, не имеющее скамеек средство для передвижения) имел репутацию показателя технической отсталости России в целом, случайно Н.Н. Муравьеву, предпринявшему в 1855 г. реорганизацию («чистку») в аппарате чиновников, среди которых был Соллогуб, приписывают следующее напутствие писателю: «Если вы автор “Тарантаса”, то можете садиться в него и уезжать». При этом писатель выбрал именно этот образ еще и для того, чтобы нарисовать перспективы развития государства: «Города, через которые мчался тарантас, казались тоже Ивану Васильевичу знакомыми, хотя он во многом их не узнавал. Улицы не стояли печальными пустынями, а кипели движением и народом. – Не было нигде заборов вместо домов, домов с плачевной наружностью, разбитыми стеклами и оборванной челядью у ворот <...> Напротив того, дома, дружно теснясь один к одному, весело сияли чистотой <...> Огромные гостиницы манили путешественников в свои чистые покои» [2. С. 139–140].

Мы упоминали последнюю главку «Сон», вызвавшую критику Н.А. Некрасова («груда нелепостей, нагроможденных одна на другую с изобретательностью изумительною»), ожидавшего в последнем фрагменте ряда очерков яркого продолжения описания современной российской жизни. Напомним, что прием завершения произведения онейрическим образом был к концу 1830-х – первой половине 1840-х гг. уже довольно «избитым» [24. С. 93], однако столь пестрый ряд очерков, видимо, сложно было закончить как-либо иначе, и В.А. Соллогуб выполнил это не только в виде сна, но и в жанре утопии, где «картина будущего» создана «не на основе изучения объективных закономерностей общественного развития, а по

принципу долженствования: так должно быть по замыслу автора» [25. С. 3].

Поскольку мы рассматриваем «глубинную композиционную структуру», то попытаемся понять, кто же и как оценивает мир будущего в «плане пространственно-временной характеристики» [19. С. 105]: повествователь или летящий на птице-тарантасе (теперь он назван *гипогрифом*, что является реминисценцией и по отношению к «Неистовому Роланду (1532) Ариосто, и к «Предкам Калимероса» (1836) А.Ф. Вельтмана, где показано переносящее главного героя в прошлое фантастическое животное-птица) Иван Васильевич, или же второстепенные персонажи – бывший западник князь, либо друг юности Ивана Васильевича Федя? С одной стороны, позиция повествователя совпадает с позицией Ивана Васильевича с точки зрения пространства и времени, так как первый «сопровождает» второго в его полете на тарантасе-гипогрифе, и видят они одно и то же; с другой стороны, нереальность этой ситуации очевидна в рамках быто- и нравоописательного произведения. Для прояснения авторской позиции здесь, на наш взгляд, подключается «план психологии», так как *пространственно-временная* точка зрения явно уходит в область фантастики и опираться на факты не приходится. Укрепляя впечатления Ивана Васильевича словом и действием встретившихся «во сне» старых знакомых – князя (вдруг ставшего славянофилом и патриотом) и пансионного товарища (Феди, чья семейная жизнь, наконец, пришла к полной идиллии), автор решил усилить их идеологические позиции за счет традиционных жанровых данностей утопии, которые и переведут соллогубовский текст в область объективных характеристик.

Писатель, оперируя «известными ему фактами» [19. С. 108], в данном случае явно или скрыто цитируя фрагменты произведений, напоминает о популярной в начале XIX в. утопии А.Д. Улыбышева «Сон» (1817), но если там присутствует социально-политический текст (отсутствие самодержавного режима, армии, религии), то автора «Тарантаса» эти общественные институты не интересуют, и он доверяет князю рассказать о путях достижения общего благоденствия: «Мы искали равновесия. Равновесием держится весь мир, и это равновесие нашли мы в одной только любви. В любви христианской таится и гражданское спокойствие, и семейное счастье» [2. С. 142] (с подобным мнением можно ознакомиться в мемуарах декабристов, например Ф.Н. Глинки, полагавшего, что «не злоба», а только «сплочение», «любовь» могут привести к исцелению общества). Столь же абстрактно князь говорит о мирной природе способов построения гармонии: «Но в любви мы нашли и волю, и силу, и победу над вражескими началами, нашли единодушное влияние всех сословий» [2. С. 142]. Как видно, такой «бескровный» результат устраивает и повествователя, и главного героя, и второстепенного – князя. В целом серьезный пафос данной утопии нарушается только комически изображенным пробуждением Ивана Васильевича: «...вдруг почувствовал сильный толчок и, шлепнувшись об что-

то всей своей тяжестью, вдруг проснулся от сильного удара» [2. С. 146].

Видимо, автор решил таким образом вернуть с небес на землю славянофила Г.Г. Гагарина, и такое завершение «Тарантаса» можно рассматривать как дружеский шарж. В литературоведении утвердилось мнение и о том, что приведенный фрагмент не что иное, как пародийное осмысление гоголевской птицы-тройки.

На наш взгляд, Соллогуб во «Сне» отразил свое отношение к булгаринской утопии «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» (1825), где описывается общество «без взяток», так как летящего Ивана Васильевича преследуют мерзкие существа, желающие наказать его за критику чиновников (которые «по привычке к воровству украли у нас народность»), за порицание пьянства и мздоимства: «Подавайте его сюда. Мы его подлеча! <...> И грязи не любишь, и взятки бранишь, и сумерки не жалуешь. А мы тут сами взятки, дети тьмы и света, сами сумерки» [2. С. 136]. «Уродливые рожи» («ослы с бородами, метлы в переплетах, азбуки на костылях, избы на куриных ножках, собаки с крыльями...») отсылают не только к пушкинским или гоголевским гротесковым страшилищам, но и к Скотинии из упомянутой булгаринской утопии. Повествователь наблюдает за полетом Ивана Васильевича, передает его впечатления от увиденного (страх перед покусившимися на его жизнь представителями ирреального бестиария – «поросята, лягушки, крысы», «пьяные пиявки», «напудренные обезьяны») и трижды употребляет слово «фантастический», что объясняется описанным Ю.В. Манном феноменом «параллелизма фантастического и реального» [24. С. 62], который, в свою очередь, определяется как «общий закон эволюции фантастических форм на исходе романтизма» [24. С. 70].

Российская жизнь в соллогубовской утопии поражает благополучием (в отличие от реальной действительности с ее неустроенными станциями и несговорчивыми зрителями) и патриархальным тоном («...над золотыми куполами звучные колокола гудели благословением над братской семьей православных» [2. С. 140]), что может напомнить славянофильские мечтания И.В. Киреевского в его утопии «Остров» (начало 1838 г.). Идеальному образу главы семьи соответствует (теперь уже согласно взглядам А.С. Хомякова) появившийся «во сне» друг юности Ивана Васильевича, Федя (в реальности его отношения с женой явно не задалась), супруга которого «улыбнулась вошедшему гостю, а двое розовых и резвых детей, смущенные видом незнакомца, прижали к ее коленям свои кудрявые головки» [2. С. 146]. В соллогубовском «Сне» нет электрических новшеств, подробно описанных в утопическом романе В.Ф. Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (начало публикации – 1835 г.), но есть намеки на технический прогресс: «Вы найдете много любопытного <...>, не говоря уже об огромных предприятиях относительно промышленности и торговли» [2. С. 144]. Соллогуб, конечно же, не мог не добавить к своему утопическому тексту культурную составляющую, например, князь-патриот хвалит кар-

тины художников Арзамасской школы¹¹ (не итальянской!), книги русских классиков, «любопытную коллекцию наших прекрасных журналов» (ответ на критику в главке «Нечто о русской словесности», исходящую от Ивана Васильевича). Однако и здесь не обошлось без иронии (относительно идеологической несочетаемости изданий), давно замеченной исследователями: «Нет избы, где бы вы не нашли листка “Северной пчелы” или книги “Отечественных записок”» [2. С. 144].

Отправляя своего молодого героя в путешествие (не только во сне, но и из Москвы в сторону Казани), наделяя его страстным желанием изучать Россию и записывать путевые впечатления, автор, как видно, помнит о многочисленных вариантах путешествий. Это и «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833) О. Сенковского, и книга «Россия в 1839 году» (вышла в Париже в 1843 г.) А. де Кюстина, отметившего «манию путешествовать», которая «с пугающей быстротой распространяется в России среди подпоручиков с воображением и ипохондрических дам» [26. С. 347].

Тексты кюстиновских и соллогубовских путевых заметок имеют определенное сходство, например, А. де Кюстин («утонченный француз с чувственной чувствительностью, пронизательным умом и блестящим слогом» [27. С. 275]) путешествует, как и Василий Иванович, на собственной коляске и со своей постелью (у французского путешественника имеется даже настоящая кровать); дрожки Кюстина – это «некое крылатое насекомое» [26. С. 129], а соллогубовский тарантас – «большой таракан». Добавим, что, подобно перевернувшемуся тарантасу Василия Ивановича, в сочинении А. де Кюстина также «кучер <...> опрокинул карету» [26. С. 63], что не дает забыть о литературности, книжности соллогубовского произведения, его обширном интертексте, составителем которого далеко не всегда является Иван Васильевич. Чаще отмеченную функцию берет на себя экзегетический нарратор, близкий к концептированному и биографическому авторам, что указывает на стремление писателя использовать объективные данности плана *психологии* (здесь это известные факты литературы) для укрепления плана *пространственно-временных* характеристик (сопровождение экзегетическим нарратором героя в его странном утопическом сне-полете) «глубинной композиционной структуры».

В идеологическом плане движущийся тарантас, представивший бытовые и нравоописательные картины, а также литературные образцы, позволил дать им многостороннюю оценку, исходящую от разных нарраторов. Здравомыслящий Василий Иванович одобряет все добротное, а в процессе разговоров о культуре или абстрактных общественных проблемах засыпает. Иван Васильевич, как интеллектуал-говоруна, критикует российскую действительность, которую не знает, но хочет изучать, и крайне недоволен составом продаваемой «коммерсализованной» литературы в книжной лавке (упоминаются «Монфермельская молочница» Поль-де-Кока, «Пещера разбойников», «Кровавое привидение» и «прочие ужасы новей-

шей русской словесности»). Что касается повествователя, то он допускает независимые друг от друга мнения, используя героев в качестве «предметов оптики» (Б.А. Успенский), сам же порой устраняется, предлагая читателю («концептированному читателю», который «видит за текстом автора – вступает в диалог с автором произведения как личностью» [28. С. 119]) самому определять точку зрения создателя «Тарантаса». Летящий тарантас в утопическом топосе представил идеальное государство, обширный интертекст и народное искусство, но перевернувшаяся «колесница», проснувшийся герой показали ироническое авторское отношение к созданному им же образу.

Мы попытались рассмотреть случаи достаточно органичного взаимоотношения точек зрения на различных уровнях «глубинной композиционной структуры» (фразеологическом, пространственно-временном, психологическом и идеологическом), что проясняет смыслы и, соответственно, объясняет популярность «Тарантаса» в течение многих десятилетий, интерес читателей и исследователей к этому произведению, созданному автором не классиком, а беллетристом (литератором «второго плана»). Однако нельзя не учитывать те справедливые претензии, которые высказывали критики (например, Н.А. Некрасов, безусловно, указал на «болевы» точки соллогубовского текста); мы также не можем обойти вниманием и некоторые другие слабые места, которые явно присутствуют в двадцати главках. Это и несколько странное появление утопии в контексте реалистического ряда очерков, и несовпадение некоторых иллюстраций с текстом (в том числе – упомянутый Н.А. Некрасовым «пляшущий литератор»), и необоснованная критика Ивана Васильевича в адрес отечественной литературы («у нее нет ни цели, ни смысла...»). О неудачном экфрастическом примере (*слово* не соответствует *рисунку*) мы уже рассуждали, теперь рассмотрим подробнее упрек в адрес российской словесности, к которому критики (например, В.Г. Белинский и некий «Неизвестный читатель», оставивший свое мнение в «Литературной газете» № 16 в 1845 г.) возвращались неоднократно. Н.А. Некрасов (именно он, по мнению Б.В. Мельгунова, был автором анонимной рецензии) на страницах «Современника» (№ 3, 1851 г.) в статье о комедии Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» вновь вернулся к явно волновавшей его теме: «“Тарантас” <...> произведение... необыкновенно замечательное. В нем талантливый автор высказался весь со всеми своими неоспоримыми и блестящими достоинствами и также неоспоримыми недостатками» [29. С. 137]. К недостаткам относится то, что субъективно выраженная позиция («точка зрения в плане психологии», если обратиться к терминологии Б.А. Успенского) о важном аспекте общественной жизни (литературе) отдала не только не главному, а тому, кто «второстепенному герою нашего времени», а тому, кто «никаким героем быть не может» (мнение Н.А. Некрасова), так как Иван Васильевич – «это просто господин с огромными претензиями на высокое и прекрасное, с умом, но с умом легким, шатким и парадоксальным, с жал-

ким полуобразованием...» [29. С. 137]. Критик справедливо полагал, что если персонажу отведено так много места, то он должен отражать точку зрения автора. Б.А. Успенский, рассуждая о плане *психологии*, отметил: «Естественно, что восприимчивыми авторской точки зрения часто становятся главные герои, тогда как лица малозначительные или эпизодические, составляющие фон (так сказать, статисты), не получают права на описание внутреннего состояния, изображаются извне» [19. С. 121]. Так бывает не всегда, и Б.А. Успенский делает исключение для таких персонажей, как толстовский Каратаев и старец Зосима Ф.М. Достоевского. Но Иван Васильевич – один из двух главных героев ряда очерков, и проблема в данном «спорном» случае относится к серьезной области *идеологии* («как тот или иной герой (носитель точки зрения) оценивает окружающую его действительность» [19. С. 21]. Как же оценивает автор «Тарантаса» мнение Ивана Васильевича, каково его собственное отношение к отечественным писателям и словесности в целом?

На наш взгляд, Соллогуб здесь выражает позицию своего героя в рамках взглядов славянофилов (ориентируясь на путешествующего с ним Г.Г. Гагарина), и, как полагают авторы комментариев, рассуждения о словесности «близки идеям таких славянофилов, как И.В. Киреевский (см. его статью «Девятнадцатый век» – *Европеец*, 1832, № 1) и С.П. Шевырев (см. его статью «Словесность и торговля» – *Моск. наблюдатель*, 1835, № 1) [10]. Объективности (с точки зрения «плана психологии») этой позиции придаст рассказ князя, бывшего западника, но в главе «Сон» радикально поменявшего свои взгляды: «Напротив. Иностранной словесности вы найдете у меня только то малое число гениальных писателей, творения которых сделались принадлежностью человечества. Но вы найдете у меня полное собрание русских классиков» [2. С. 144]. Иван Васильевич слушает его если не с сочувствием, то с вниманием и удивлением («Вот те на!..»).

Таким образом, автору «Тарантаса» можно вменить в вину не отсутствие веры в русскую литературу, а оторванность *субъективной* позиции от более *объективной* (их разделяют десять главков), а также излишне точное цитирование высказываний известных славянофилов (например, упомянутого И.В. Киреевского (как видно, тоже Ивана Васильевича!)). Критики XIX в. в данном случае поставили знак равенства между героем и концептированным (а также биографическим) автором, так как жили в эпоху весьма отдаленную от открытий в области нарратологии. Законы традиционно понимаемой композиции в этом вопросе не могут внести ясность, потому что ее аспекты не задействованы, с позиции «глубинной композиционной структуры» данный фрагмент также не совсем прояснен, однако изменение «внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [6. С. 13] налицо, к тому же герои представили свои взгляды, обозначившие «наличие изменения некоей исходной ситуации», явно «внешней» [6. С. 13], касающейся общественной жизни, хотя и пребывающей в утопическом топосе («Сон»).

Есть и другие примеры, прямо противоположные: с позиции традиционной композиции связь главков вполне допустима (соблюдены словесные переходы от одной к другой), но «глубинная композиционная структура» сопротивляется этим связям на нарративном уровне, так как отсутствуют ментальные и внешние событийные сдвиги. Это можно наблюдать в несколько растянутой и не вписывающейся в макрофабулу «Простой и глупой истории» (главка VII); в литературоведении сложилось мнение – это не что иное, как материал нереализованного соллогубовского романа. Еще более автономно выглядит «Печорский монастырь» (XII), фрагмент, последовавший за «Русским баринном» (XI). Автор даже попытался как-то связать (по законам поэтики пластичного и поэтому всеядного «романа дороги») два фрагмента: путники, беседуя об эгоистичном русском барине, живущем за границей и разоряющем своих саратовских крестьян, подъехали к Нижнему Новгороду, и «развилась перед ними чудесная панорама» [2. С. 76]. Однако с точки зрения структуралистски понимаемой нарратологии главка «Печорский монастырь» не содержит событий (использован дескриптивный подход, характеризующийся описанием), она значительно отдалена от предыдущей: персонажи, Иван Васильевич и Василий Иванович, исчезли за ненадобностью, стиль резко изменился (перед нами историческая справка о знаменитом монастыре, который «стоит <...> с XIV столетия, с царствования великого князя Иоанна Даниловича Калиты»), без мотивации сменился и носитель речи, теперь повествует экзегетический нарратор («нейтральный»), типичный очеркист, помнящий о путевых впечатлениях, но не нуждающийся в тех фигурах диегезиса, которым они должны принадлежать.

Позволим себе предположить, что цельности читательского восприятия «Тарантаса» (при всей привлекательности материала (описание русской природы, национальных типов, быта), при ценности авторских размышлений о политике, истории) мешает отсутствие сбалансированности композиционных приемов. Они далеко не всегда представлены в традиционных формах (связки, переходы от главки к главке); чаще и гораздо более продуктивно смыслы проявляются на глубинном уровне: соотношение точек зрения экзегетического нарратора, диегетических нарраторов и присоединяющейся к ним воспринимающей стороны – читателя (в случаях прямого обращения к нему, при цитировании известных широкой аудитории произведений,

при использовании иронии). Однако для достижения эстетической гармонии в «Тарантасе» явно использованы не все возможности интерферирования композиционных приемов как в тривиальном, так и в структуралистском понимании.

Заключение

Итак, очевидно, что «Тарантас» привлекал и привлекает яркими описаниями быта и нравов, глубину ему придают обширный интертекст (цитаты из «Евгения Онегина», упоминание о «Ревизоре», привлечение произведений зарубежной литературы), введение популярного онейрического мотива, создание фрагмента, выполненного в жанре утопии, но нестабильность в субъектной сфере не позволяет рассматриваемому ряду очерков замкнуться в гармоничный гегелевский круг, что усложняет задачу концептированного читателя, стремящегося проникнуть в замысел писателя. Воспринимающей текст стороне предоставлена достаточно логично выстроенная макрофабула: путешествие (и впечатления от него) из Москвы в имение Мордасы, но на более глубоком уровне кроется нечто иное. Автор, как видно, очень хотел побеседовать о *литературе*, об ее прошлом и настоящем, а также желал сам создать некую новую форму, что ему, беллетристу (не классику, писателю «второго ряда», *второстепенному*, если воспользоваться некрасовским термином, введенным им в статье «Русские второстепенные поэты» (1850)), явно было не по силам.

Однако В. А. Соллогуб сделал то, что смог, и достаточно сырая, негармоничная структура «Тарантаса» вовлекла читателя в размышления о судьбе отечественной словесности, а очерковые поэтологические законы (особая (дискретная) природа психологизма, развитие сюжета за счет направления авторской мысли, но не логики развития конфликта или динамики характеров персонажей) создавали напряженную неопределенность, также способствующую активизации внимания российской читательской аудитории, свято верившей в общественную значимость литературы.

То, что в «Тарантасе» относительно традиционно понимаемой композиции порой выглядит эклектично, с позиции «глубинной композиционной структуры» часто вполне доказательно, и это во многом объясняет популярность произведения: читатель и исследователь чувствуют глубинные пласты структуры рассмотренного ряда очерков.

Примечания

¹ В. А. Соллогуб в 1860-е гг. заведовал Московским смиренно-рабочим домом, осматривал остроги с целью улучшения порядков в тюрьмах. Писатель публиковал статьи и брошюры, посвященные пенитенциарным вопросам («Титовские казармы. Описание тюрьмы», «Об организации в России тюремного труда» и др.).

² К нарративным (в структуралистском плане), по словам В. Шмида, относятся произведения, «которые излагают историю», где «изображается событие» [6. С. 10]. К ненарративным (описательным) В. Шмид относит, например, отличающийся «повторяемостью» и «предсказуемостью» очерк В. Д. Григоровича «Петербургские шарманщики» (входит в некрасовский сборник «Физиология Петербурга», 1845), к которому хронологически и жанрологически отчасти близок «Тарантас». Однако присутствуют в «Тарантасе» и *повествовательные* фрагменты (если прибегнуть к логике В. Шмида): «вставные новеллы» и последняя главка «Сон». В большинстве главков доминирует статичное «описание», но не «повествование», где «в текст вводится временное измерение, и раннее состояние сравнивается с более поздним» [6. С. 14].

³ «Неперсонифицированный», не входящий во внутренний «мир текста» [8. С. 203] носитель речи.

⁴ Этот характерный для Соллогуба-писателя прием отметили исследователи, полагающие, что «позиция “всезнания” проявляется и в том, что автору нередко бывает достаточно всего несколько штрихов или деталей, чтобы раскрыть характер героя, показать истинные “пружины” его поведения» [11. С. 110].

⁵ В данном случае миметичность понимается не в традиционном аристотелевском смысле (подражание), а как образное описание. Под диегезисом подразумеваются рассуждения, близкие к публицистическим.

⁶ Здесь данная литературоведческая категория рассматривается в русле учения Л.М. Цилевича: «сюжетно-композиционное единство <...> специфически выражает его целостный смысл» [15. С. 12].

⁷ Ж. Женетт предлагает формулу: ПП/ПН – «Излагать один раз то, что произошло один раз»; «единичность нарративного высказывания соответствует единичности излагаемого события» [16. С. 142].

⁸ Итеративное высказывание представляет множественные явления, и в этом случае «референтное содержание речи лишено событийности, но взамен наделено стабильностью и закономерностью естественных (природных) или нормированных (культурных) состояний и процессов» [13. С. 9]; согласно женеттовской формуле ПП/ПН, это означает «излагать один-единственный раз (или скорее: за один-единственный раз) то, что произошло n раз» [16. С. 356].

⁹ В структуре «Тарантаса», безусловно, присутствуют черты очерка (прерывистый психологизм, ведущая роль авторской мысли, а не логики развития конфликта), и В.Г. Белинский даже усомнился в том, что главные персонажи (Василий Иванович, Иван Васильевич) – художественные образы, стремящиеся представить реальных людей; они, по мысли критика, в высшей степени типичны, один – «олицетворенный непосредственный здравый смысл» [7. С. 821], другой – «самозванный гений», «некто вроде маленького дон-Кихота» [7. С. 821, 816].

¹⁰ См. об этом подробнее в следующих работах: Немзер А.С. Проза Владимира Соллогуба // Соллогуб В.А. Повести и рассказы. М.: Правда, 1988. С. 9–11; Немзер А.С. Владимир Соллогуб и его главная книга // В.А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В.А. Соллогуба (Факсимильное издание). СПб., 1845. Москва: Книга, 1982. С. 1–21.

¹¹ Художники Арзамасской школы (В. Раев, И. Горбунов, Н. Алексеев, В. Перов и др.), существовавшей в 1840–1861 гг., были в большинстве своем выходцами из крестьян, создавали, кроме картин, и иконостасы для церквей.

Список источников

1. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.
2. Соллогуб В.А. Тарантас // Русские повести XIX века 40–50-х годов. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952. Т. 2. С. 25–146.
3. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. Для студентов-заочников III–IV курсов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
4. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 8. 392 с.
6. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
7. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во худож. литературы, 1949. Т. 2. 930 с.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
9. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. 241 с.
10. Некрасов Н.А. «Тарантас. Путевые впечатления» В. Соллогуба // Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Критика. Публицистика. Письма. Т. 11–15. Т. 11, кн. 1. Л.: Наука, 1989. С. 195–205.
11. Ермоленко С.И., Валек Н.А. В.А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 253 с.
12. Вацура В.Э. Беллетристика Владимира Соллогуба // Вацура В.Э. Материалы к биографии. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 251–270.
13. Тюпа В.Н. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиперей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 59 с.
14. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. University of Chicago Press, 1961. 455 p.
15. Цилевич Л.М. О проблеме сюжетно-композиционного единства // Сюжетосложение в русской литературе: сб. статей. Даугавпилс: Даугавпилсский пед. ин-т, 1980. С. 3–12.
16. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
17. Зарецкий В.А., Цилевич Л.М. Об основных направлениях сюжетологии // Сюжетосложение в русской литературе: сб. статей. Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1980. С. 13–24.
18. Петухов В.Д., Черниговский Д.Н. История републикации произведений В.А. Соллогуба в XX–XXI вв. // Общество, наука, инновации. Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции: в 4 т. Т. 3. Вятский государственный ун-т, 2019. С. 816–821.
19. Успенский Б.А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. М.: Языки славянской культуры, 2005. 360 с.
20. Рикер П. Время и рассказ. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. М.: СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.
21. Тюпа В.И., Бак Д.П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1988. С. 4–15.
22. Скобелев Д.А. Эстетическая рефлексия Юрия Анненкова (на материале художественных и публицистических произведений). Воронеж: Эхо, 2015. 180 с.
23. Мамардашвили М.К. Литературная критика как идеал чтения // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 98–102.
24. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.
25. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство СПб., 2007. 416 с.
26. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1. 528 с.
27. Гачев Г.Д. Национальный априоризм в представлениях путешественника о чужеземье: француз де Кюстин и болгарин Радичков едут в Россию // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. Российская академия наук. Институт славяноведения, 2007. С. 274–290.
28. Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Лого-Траст, 1994. 264 с.
29. Некрасов Н.А. «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься». Сочинение графа В. Соллогуба // Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Критика. Публицистика. Письма. Т. 11–15. Т. 12, кн. 2. СПб.: Наука, 1995. С. 134–141.

References

1. Panaev, I.I. (1988) *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow: Pravda.
2. Sollogub, V.A. (1952) *Tarantas*. In: Meilakh, B.S. (ed.) *Russkie povesti XIX veka 40–50-kh godov* [Russian Stories of the 19th Century: 1840–1850s]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 25–146.
3. Korman, B.O. (1972) *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the Text of a Work of Art]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1986) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda.
5. Gogol', N.V. (1984) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Pravda.
6. Schmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Belinskiy, V.G. (1949) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: OGIz. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

8. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of time and aspect in Russian; Semantics of narrative]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
9. Kuleshov, V.I. (1982) *Natural'naya shkola v russkoy literature XIX veka* [Natural School in Russian Literature of the 19th Century]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
10. Nekrasov, N.A. (1989) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Book 1. Leningrad: Nauka. pp. 195–205.
11. Ermolenko, S.I. & Valek, N.A. (2013) *V.A. Sollogub "Cherez kray": zabytaya stranitsa russkoy romanistiki* [V.A. Sollogub, "Over the Edge": a forgotten page of the Russian novel]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
12. Vatsuro, V.E. (2005) Belletristika Vladimira Solloguba [Fiction by Vladimir Sollogub]. In: Selezneva, T.F. (ed.) *Vatsuro V.E. Materialy k biografii* [Vatsuro V.E. Materials for a biography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 251–270.
13. Tyupa, V.N. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa ("Arkhieriy" A.P. Chekhova)* [Narratology as an Analysis of Narrative Discourse (A.P. Chekhov's "The Bishop")]. Tver: Tver State University.
14. Booth, W.C. (1961) *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: University of Chicago Press.
15. Tsilevich, L.M. (1980) O probleme syuzhetno-kompozitsionnogo edinstva [On the problem of plot-compositional unity]. In: Tsilevich, L.M. (ed.) *Syuzhetoslozhenie v russkoy literature* [Plot Composition in Russian Literature]. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute. pp. 3–12.
16. Genette, G. (1992) *Figury* [Figures]. Translated from French. Vols 1–2. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
17. Zaretskiy, V.A. & Tsilevich, L.M. (1980) Ob osnovnykh napravleniyakh syuzhetologii [On the main directions of Plot Studies]. In: Tsilevich, L.M. (ed.) *Syuzhetoslozhenie v russkoy literature* [Plot Composition in Russian Literature]. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute. pp. 13–24.
18. Petukhov, V.D. & Chernigovskiy, D.N. (2019) [History of republication of works by V.A. Sollogub in the 20th–21st centuries]. *Obshchestvo, nauka, innovatsii* [Society, Science, Innovation]. Proceedings of the 18th All-Russian Conference. Vyatka. 2–28 April 2018. Vol. 3. Vyatka: Vyatka State University. pp. 816–821. (In Russian).
19. Uspenskiy, B.A. (2005) *Semiotika iskusstva: Poetika kompozitsii. Semiotika ikony. Stat'i ob iskusstve* [Semiotics of Art: Poetics of composition. Semiotics of the icon. Articles on art]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Ricoeur, P. (2000) *Vremya i rasskaz* [Time and story]. Translated from French. Vol. 2. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
21. Tyupa, V.I. & Bak, D.P. (1988) Evolyutsiya khudozhestvennoy refleksii kak problema istoricheskoy poetiki [Evolution of artistic reflection as a problem of historical poetics]. In: Tyupa, V.I. (ed.) *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki* [Literary Work and Literary Process in the Aspect of Historical Poetics]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 4–15.
22. Skobelev, D.A. (2015) *Esteticheskaya refleksiya Yuriya Annenkov (na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniy)* [Aesthetic Reflection of Yuri Annenkov (Based on the material fiction and journalistic works)]. Voronezh: Ekho.
23. Mamardashvili, M.K. (1984) Literaturnaya kritika kak ideal chteniya [Literary criticism as an ideal of reading]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 98–102.
24. Mann, Yu.V. (1988) *Poetika Gogolya* [Gogol's Poetics]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
25. Egorov, B.F. (2007) *Rossiyskie utopii: Istoricheskiy putevoditel'* [Russian Utopias: Historical guide]. Saint Petersburg: Iskusstvo SPb.
26. de Custine, A. (1996) *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
27. Gachev, G.D. (2007) Natsional'nyy apriorizm v predstavleniyakh puteshestvennika o chuzhezem'e: frantsuz de Kyustin i bolgarin Radichkov edut v Rossiiu [National apriorism in the traveler's ideas about foreign lands: the Frenchman de Custine and the Bulgarian Radichkov are traveling to Russia]. In: Sofronova, A.L. (ed.) *Kategorii i kontsepty slavyanskoy kul'tury. Trudy otdela istorii kul'tury* [Categories and Concepts of Slavic Culture. Proceedings of the Department of Cultural History]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 274–290.
28. Rymar', N.T. & Skobelev, V.P. (1994) *Teoriya avtora i problema khudozhestvennoy deyatel'nosti* [Theory of the Author and the Problem of Artistic Activity]. Voronezh: Logo-Trast.
29. Nekrasov, N.A. (1995) "Sotrudniki, ili Chuzhim dobrom ne nazhivesh'sya". Sochinenie grafa V. Solloguba [Employees, or You Can't Make Money on Someone Else's Goods. A work by count V. Sollogub]. In: Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 12. Book. 2. Saint Petersburg: Nauka. pp. 134–141.

Информация об авторах:

Шпилевая Г.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: 19alex04@mail.ru

Бахметьева И.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: irbakh@mail.ru

Безрукова В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: verabz.ru@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.A. Shpilevaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: 19alex04@mail.ru

I.A. Bakhmetieva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: irbakh@mail.ru

V.V. Bezrukova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: verabz.ru@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 19.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 19.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 101.2:930.1
doi: 10.17223/15617793/505/9

Атрибутивные характеристики мифологизации советского прошлого (на примере кластера «спорт»)

Андрей Геннадиевич Иванов^{1, 2}

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

² Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия
^{1, 2} agivanov2@yandex.ru

Аннотация. Через изучение проявлений мифологического в жизни современного общества, представленных мифоконтентными феноменами, показана мифологизация советского прошлого на примере кластера «спорт». Анализ материалов современных изданий на предмет присутствия в них упоминаний слов «СССР», «советский» показал, что в исторической памяти доминируют наиболее значимые события о советском спорте, которые постоянно ретранслируются и составляют своеобразный «спортивный мифоландшафт».

Ключевые слова: историческая память, советское прошлое, кластер «спорт», мифологизация, мифоконтентный феномен, «спортивный мифоландшафт»

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00610, <https://rscf.ru/project/24-28-00610/>

Для цитирования: Иванов А.Г. Атрибутивные характеристики мифологизации советского прошлого (на примере кластера «спорт») // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 91–98. doi: 10.17223/15617793/505/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/9

Attributive characteristics of the mythologization of the Soviet past (using the example of the cluster "Sport")

Andrey G. Ivanov^{1, 2}

¹ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

² Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russian Federation
^{1, 2} agivanov2@yandex.ru

Abstract. In the article, against the background of a surge of interest in research on the memory of the Soviet past, the author draws attention to the myth as an important part of historical memory, as an essential characteristic of memory along with narrative and symbol. Myths are generated by the processes of myth-making and mythologization, and, as a result of the action of the latter, aspects of being are endowed with mythological imagery and mythosymbolics. Currently, a special period undergoing permanent mythologization is the Soviet time. Through the study of the manifestations of the mythological in the life of modern society, represented by mythocontent phenomena, an attempt is made to show how the Soviet past is mythologized using the example of the cluster "Sport". Materials from domestic and foreign mass media of the post-Soviet period (*Argumenty i Fakty*, *Kommersant*, *The Guardian*, and others) were taken as a space in which the memory of Soviet times is being updated. The appeal to the sport cluster was due to the fact that it occupied the first places in the peculiar popularity ratings of clusters, which were highlighted by a mathematical model accumulating information about mentions of the words "USSR", "Soviet" in the press since 1992. I proceeded from the hypotheses that the most popular clusters are more easily mythologized, and that mythocontent phenomena attract mythologizing processes. A consistent examination of the components of the ontological part of the system of social mythology – the ratio of part and whole, causality, time, space – and relevant examples of mythocontent phenomena allowed discovering mythological components in many phenomena and objects associated with the memory of Soviet sports: Soviet Olympic champions, sports artifacts conquered by representatives of the Soviet Union, boycotts of competitions, ceremonies, trips of Soviet athletes to capitalist countries, Olympic Moscow-1980, etc. The example of the sport cluster in the context of the memory of the Soviet past in the media environment confirmed the assumption that mythocontent phenomena are attributive characteristics of mythological manifestations in modern society and initiate the processes of mythologization. Another conclusion was that historical memory is dominated by

approximately the same most memorable and relayed events about the Soviet sports past, which constitute a kind of "sports mythscape" specific to each state, affecting national identity, which will remain with the relevant sections of history textbooks, will be repeated when Soviet practices and rituals return to modern Russian society.

Keywords: historical memory, Soviet past, "sport" cluster, mythologization, mythocontent phenomena, "sports mythscape"

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00610, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00610/>

For citation: Ivanov, A.G. (2024) Attributive characteristics of the mythologization of the Soviet past (using the example of the cluster "Sport"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 91–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/9

Исследования советского прошлого имеют длительную историю и внушительную библиографию. Остановимся на относительно недавних работах. Дело в том, что за последние три года было несколько юбилеев, связанных с существованием Советского Союза. Это, прежде всего, 100-летие со дня образования СССР 30 декабря 1922 г., а также 30-летие с момента распада СССР в декабре 1991 г. Эти празднования сопровождались чередой документальных передач, тематических сборников статей, выпусков журналов, газетных интервью. В наши дни интерес к советскому прошлому довольно высок. Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма (Ф. Артог называл презентизмом такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [1]). Презентизм пользуется историей исключительно инструментально – главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма обнаруживается также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [2, 3]. Еще в 2014 г. Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого широкого настоящего (broad presence), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иного», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [4]. Усиление интереса к советскому прошлому в настоящее время только подтверждает мысль немецкого исследователя.

Отдельным направлением в исследовании времени выступают аспекты, связанные с его ускорением. В связи с этим показательно, что с недавних пор наблюдается буквально бум интереса к периоду существования СССР (особенно позднего СССР): появляется большое число работ, в которых антропологами, историками культуры, философами, политологами, социологами рассматриваются те или иные аспекты жизни людей в позднесоветский период, а также соответствующие коммеморативные практики. Выходят тематические монографии, сборники и выпуски журналов (например, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2022. № 6; *Историческая экспертиза*. 2022. № 4; *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2022. № 6 (146)), демонстрирующие различное отношение к периоду СССР. Отдельно следует упомянуть феномен ностальгии по

советскому, который также находится в фокусе внимания исследователей. Причем ностальгия (постсоветская) на повестке дня современного российского общества обнаруживается реставрирующая (в терминологии С. Бойм [5]), включающая желание вернуть уверенность в завтрашнем дне, утвердить ценности справедливости, уважения к труду, восстановить военную, политическую мощь страны с сопутствующими геополитическими измерениями.

Интерес к советскому, к прошлому как модусу времени в определенном смысле подтверждает идеи об «ускоренном пребывании в настоящем», когда советское прошлое мифологизируется, идеализируется, коммерциализируется и, в конечном счете, претендует на то, чтобы быть фундаментом для потенциальной консолидации российского общества. Представляет интерес и обращение к отдельным социальным сферам, кластерам. Так, исследования памяти о советском спорте отражены в работах «Советский спорт в контекстах холодной войны» [6], «Олимпийский переполох: забытая советская модернизация» [7].

Образы прошлого выступают в качестве одного из основополагающих компонентов исторической памяти, кроме того, «наследование исторического опыта происходит также посредством таких компонентов исторической памяти, как знания, традиции, нравственные нормы, обычаи, обряды и ритуалы, а также ценности и символы» [8. С. 115].

Важное значение для изучения исторической памяти имеет миф. Тема мифа в последнее время приобрела известную популярность не только в исследованиях антропологов и специалистов по политической проблематике, но и в memory studies. Вопрос о взаимоотношениях между памятью и мифом остается дискуссионным.

Так, можно выделить практически противоположные мнения о соотношении мифа и исторической памяти: 1) миф – часть культурной памяти, историческая же память должна быть свободной от мифов (О.В. Герасимов) [9]; 2) миф – часть исторической памяти (Ф.В.Й. Шеллинг) [10]; 3) миф – другое название исторической памяти (В.А. Шнирельман) [11].

Радикальную точку зрения на взаимоотношения мифа и памяти фактически демонстрирует Э. Ригни, авторитетная исследовательница в области memory studies, когда призывает к тому, что мы должны переосмыслить мифы и память как противоположности, а не рассматривать их как неразрывную пару. Рассуждая

далее о том, чем отличается память от мифа, она отмечает следующее: «Чувство преемственности с прошлым в сочетании с чувством общего происхождения являются основой этнической идентичности и важнейшим генератором коллективной лояльности и веры в то, что представители одного сообщества обладают сходными чертами. <...> Мифы глубоко укоренены в нарративах идентичности, которые могут быть пущены в ход каждый раз, когда этого требует ситуация. Поскольку они ассоциируются с “вечной истиной” и их истинность не подвергается сомнению, они обладают огромной энергетикой, позволяющей мобилизовать чувство неизменной идентичности» [12. С. 17–18]. И далее: «...память в самом деле работает медленно. Прямолинейности она предпочитает обходные пути. Но воспоминание не означает механического воспроизведения одной и той же истории. Будучи одной из коммуникативных практик, воспоминание по определению подразумевает возможность передачи от одного индивидуального либо коллективного субъекта к другому. А это значит, что оно является источником для пересмотра состава тех, кого мы относим к “мы” и кого мы относим к “они”» [12. С. 34].

Общие воспоминания способствуют обретению единой идентичности, и в этом смысле важными представляются не только разделяемые сообществом мифы, но и учет поколенческого восприятия прошлого, в котором значимая роль принадлежит коммуникативной памяти.

Мы будем исходить из того, что миф является частью исторической памяти [13]. Более того, мы полагаем, что мифы наряду с нарративами и символами являются существенными характеристиками памяти. Такого рода характеристики практически навсегда закрепляются в восприятии всех поколений. Разница – в форматах (в «реокупации»). Для культурной памяти (видимо, как и для мифа) важна не временная дистанция (как она важна для коммуникативной памяти), а встроенность событий и акторов в сюжет: выпадение из сюжетной цепи отношений, связей, вещей влечет за собой и выпадение из памяти, забвение.

Отдельный вопрос – все более расширяющийся терминологический аппарат, отражающий разные измерения памяти. Широкое использование новых понятий – «постпамять», «протезная память», «культурная память», «транскulturная память» – В.Н. Сыров и Е.В. Агафонова понимают не иначе как симптом актуализации темы восприятия и отношения к прошлому в массовом сознании в целом [14]. Отдельно – в контексте предстоящего разговора о советском прошлом – стоит обратить внимание на так называемую предметную память. Предметная память занимает особое место в структуре памяти о советском прошлом: в большинстве музеев посетителям залов, посвященных советской эпохе, представлен на обозрение целый ряд аутентичных материальных объектов, что позволяет, так сказать, ощутить атмосферу того времени, прикоснувшись к предметам советского быта, и такой посыл адресован в том числе и непосредственным очевидцам событий.

Хотя мифы, мифологические образы генерируются как процессами мифотворчества, так и мифологизации, все же с последними процессами мы сталкиваемся неизбежно, наделяя мифологической образностью и мифосимволические аспекты бытия, отнесенные к какому-то ни было модусу времени.

Советское прошлое, оставаясь особым периодом для нашей страны и актуализируясь в последнее время, перманентно подвергается мифологизации, и в то же время неизменно присутствует как в коллективной памяти, так и в индивидуальной памяти людей, заставших в сознательном возрасте советское время. Рассматривая особенности таких процессов, сопутствующих циркуляции социального мифа в обществе, как мифотворчество и мифологизация, важно учитывать концепт «мифоландшафт» (mythscape), предложенный Д. Беллом. Автор демонстрирует влияние прошлого на формирование мифов нации с сопутствующей мифологизацией содержащихся в коллективной памяти событий, определяя мифоландшафт как сферу, «в которой происходит борьба за контроль над коллективной памятью» [15].

Мы будем придерживаться системного подхода к мифу, опираясь как к работы структуралистов (например, К. Леви-Стросса), так и в основном на собственные разработки. Ранее мы предпринимали попытку системного исследования социальной мифологии, выделяя несколько частей, в том числе онтологическую и гносеологическую [16]. Именно эти части оказываются задействованными в первую очередь, когда мы говорим о мифологизации аспектов бытия, в частности советского времени (см. таблицу).

Исходя из того что мифы являются частью памяти и предположения о том, что ключевую роль в трансляции памяти и, стало быть, мифов играют современные средства массовой коммуникации, обратимся к выводам, к которым мы пришли при математической обработке корпуса текстов ряда отечественных СМИ за 1992–2022 гг. («Аргументы и факты», «Коммерсантъ»), содержащих лексемы «СССР», «советск-». Выяснилось, что работает математическая модель, обрабатывающая данные, полученные с помощью методики VerTopic: она позволяет разбивать соответствующую информацию на отдельные кластеры, которые можно классифицировать по отраслям, сферам общественной жизни, тематическим блокам. При этом верхнюю строчку своеобразного рейтинга кластеров с большим отрывом занимает «спорт», далее идут кластеры «кинематограф», «музыка», «космос» и т.п. Интересно, что знакомство и с зарубежными СМИ (BBC, The Guardian, Daily Mail, The Star, The Globe and Mail, Le Monde, Le Figaro, Spiegel) свидетельствует о популярности темы спорта в контексте упоминаний о Советском Союзе и в целом памяти о советском прошлом.

Удивительно, что за относительно короткое по историческим меркам время (в частности, лишь в 1950-е гг. СССР включился в орбиту мирового спорта, став полноправным участником международных соревнований) советский спорт приобрел такую популярность. Мифологичность темы спорта, как мы увидим далее, состоит в достаточно легком обнаружении в простран-

ствах памяти, политики, медиа, повседневности соответствующих разновидностей мифоконтентных феноменов (определенное проявление мифологического в жизни общества).

Попробуем разобраться в причинах популярности кластера «спорт», обратившись к представленности в нем мифоконтентных феноменов (таблица). При этом будем исходить из двух гипотез, что легче мифологизируются (преимущественно выступают объектом мифологизации в случае, если речь идет о советском прошлом):

- а) наиболее популярные кластеры;
- б) мифоконтентные феномены, которые как аттракторы притягивают мифологизационные процессы.

**Мифоконтентные феномены кластера «спорт»
в онтологической части системы социальной мифологии**

Компонент социальной мифологии	Примеры мифоконтентных феноменов	Представленность мифоконтентных феноменов в кластере «спорт»
Соотношение части и целого (<i>структурный аспект</i>)	Герой, тотем, сакральный лидер, жрец, медиатор	Советские олимпийские чемпионы; спортивные артефакты (медали, кубки и т.п.), завоеванные представителями Советского Союза
Причинно-следственная связь (<i>динамический аспект</i>)	Жертва, дар	Бойкоты соревнований; традиции плей-офф, предполагающие обмен домашними и гостевыми встречами
Время (<i>динамический аспект</i>)	Социальные ритуалы (рождение, инициация, брак, похороны)	Церемонии (открытие, закрытие соревнований, жеребьевка, встреча победителей); призывы к перемирию во время Олимпиад
Пространство (<i>динамический аспект</i>)	Центр/периферия; космос/хаос	Олимпийская Москва 1980; поездки советских спортсменов на соревнования в капиталистические страны

Одно из объяснений популярности кластера «спорт» кроется в том, что в наличествующих в прессе, медиа в целом тенденциях к определенной мифологизации советского прошлого именно сфера спорта представлена в основных онтологических измерениях. Вероятно, секрет успеха кластера связан с тем, что все компоненты социальной мифологии оказались задействованы в случае памяти о советском спорте. Конечно, другие кластеры также могут содержать в себе отдельные яркие проявления мифоконтентных феноменов, но сфера спорта, на наш взгляд, наиболее показательна для памяти о советском прошлом, что и подтверждают математические данные (в частности, за период с 1992 г., т.е. постсоветское время). Еще одно объяснение лидерства спортивного кластера в контексте памяти о советском времени и, соответственно, высокого потенциала его мифологизации находим у М.Ю. Прозуменщикова, который пишет о спортивной политике в СССР в годы «оттепели»: «В условиях ожесточенного противостояния двух общественно-политических систем именно с помощью спортивных побед над своими идеологическими соперниками СССР пытался продемонстрировать перед всем миром превосходство

собственного политического строя. Тем более что, несмотря на провозглашаемые в Москве лозунги о том, чтобы в ближайшее время “догнать и перегнать Америку”, Советский Союз был неспособен всесторонне конкурировать с Западом в области экономики или уровня жизни населения, и потому успехи в освоении космоса и победы на спортивных аренах были тем, чем могла гордиться советская держава» [6. С. 136–137].

Далее проиллюстрируем мифологичность советской спортивной тематики при помощи последовательного рассмотрения представленности мифоконтентных феноменов в соответствующих компонентах социальной мифологии, отнесенных к онтологической части и представленных в таблице.

Соотношение части и целого. Мы отнесли фигуру героя к структурным компонентам системы социальной мифологии вследствие ее незлиминируемости из общественной жизни [17]. Стоит отметить, что фигура героя присутствует в каждом кластере и имеет первостепенное значение. В случае с кластером «спорт», конечно, отечественные чемпионы и выдающиеся спортсмены в полной мере выполняют тот функционал, который ожидается от героического персонажа: они становятся депутатами, членами Общественной палаты, являются лидерами мнения, представляют нашу страну за рубежом. Соотношение «часть – целое» здесь довольно показательное: «...советские спортсмены должны были, прежде всего, достойно защищать честь своей страны на международных соревнованиях, побеждать иностранных соперников и устанавливать “мировые рекорды во славу нашей Родины”» [6. С. 69]. Кроме того, учитывая, какое внимание отводилось и в настоящее время уделяется советским материальным объектам (объектализм, материальность позднего социализма), которые определяют значимость предметной памяти о советском прошлом, следует также констатировать актуализацию линии «часть – целое», представляющей структурный аспект социальной мифологии. Только вместо личностей в качестве своеобразных героев выступают вещи, олицетворяющие соответствующие знаковые события советского времени.

Динамический аспект онтологической части системы социальной мифологии более разнообразен, но также тесно связан с измерениями коллективной и индивидуальной памяти. Особенно – рассматривая каузальные отношения – велико значение практик обмена с сопутствующими этому феноменами жертвы, дара.

Причинно-следственная связь. Анализ работ М. Хирш (см, например, [18]) позволяет предположить, что такой мифоконтентный феномен, как *жертва*, претендует на статус атрибутивной характеристики постпамяти. Кроме того, фигура жертвы сопровождает многие рассказы о семейной памяти. Известно, на какие жертвы идут спортсмены в стремлении достичь выдающихся результатов, а для советских людей такая жертвенность приобретала особый смысл, так как «...для тысяч советских мальчишек и девочек, живших в глубокой провинции, вдали от промышленных и культурных центров, именно спорт мог стать тем

своеобразным “мостиком” для попадания в новую, гораздо более обеспеченную жизнь» [6. С. 135].

В роли своеобразных жертв советским спортсменам приходилось выступать и в дни решающих матчей. Так, в статье британского издания *The Guardian*, посвященной предстоящей в 2008 г. встрече футбольных клубов из России и Шотландии, находим интересные воспоминания об обстоятельствах финального поединка Кубка обладателей кубков УЕФА 1972/1973, состоявшегося во франкистской Испании, когда московское «Динамо», став первым клубом из Советского Союза, которому удалось выйти в финал еврокубка, уступило шотландскому «Глазго Рейнджерс»: «“Я не думаю, что мы были слабее знаменитого шотландского клуба”, – сказал вратарь “Динамо” Владимир Пильгуй. “Но, не имея опыта проведения подобных матчей, мы чрезмерно волновались и в результате замерли перед выходом на поле. На нас произвела впечатление обычная атмосфера в Барселоне перед игрой, а в Москве перед нашим отъездом были накачки [идеологические речи партийных боссов, направленные на мотивацию игроков]. Например, с нами разговаривал вице-президент Спорткомитета СССР, который верил, что лозунгами и призывами он поднимет моральный дух команды на новый уровень. Нам это было не нужно. Мы знали, как много поставлено на карту – честь советского футбола. В поражении нам некого винить, кроме самих себя. На протяжении 90 минут нам не удалось показать тот футбол, на который мы были способны”» [19].

В целом, причинно-следственная связь с советским прошлым довольно часто прослеживается в СМИ. В частности, в поисках ответов на вопросы об отсутствии побед у российских хоккеистов журналисты вспоминали о преимуществах жесткой советской системы подготовки спортсменов и давали высказаться новым «старым» тренерам, привлеченным к руководству сборными в таких видах спорта, которые в советское время отличались славными победными традициями. Показательны здесь примеры из спортивной гимнастики и хоккея с шайбой: «Андрей Родионенко, год назад пришедший к руководству главной командой страны, поставил перед собой и своими единомышленниками на ближайшую перспективу одну главную цель – возродить разрушенную систему воспитания гимнастических талантов. <...> “О том, что создаваемая нами новая система, которую, не скрою, мы строим на принципах прежней, советской, начала работать, – утверждает Андрей Родионенко, – можно будет говорить только тогда, когда в основном составе в результате кропотливой селекционной работы и внутрироссийской конкуренции появятся молодые, яркие и талантливые гимнасты, которые сейчас еще только подрастают» [20]; «И хотя советскую систему подготовки хоккеистов построить невозможно, Тихонов должен был построить в команде свой миниатюрный СССР. <...> Вот и занимается сборная России в последние годы карикатурным копированием элементов чужих или несуществующих систем – за отсутствием своей» [21].

Символично, что в XXI в. впервые победить на чемпионате мира по хоккею сборной России удалось

только в 2008 г., спустя долгих 15 лет после последнего чемпионства (при том что соревнования проходят ежегодно). И очень символично, что победные традиции хоккеисты тогда вспомнили, одевшись в форму сборной СССР середины XX в.: «На матч с итальянцами наша команда вышла в форме сборной СССР 1956 года (в этот год советская команда впервые выиграла олимпийское “золото”). Идея с формой принадлежала Международной федерации хоккея, которая в этом году отмечает 100-летие, и каждая команда могла выбрать любой исторический дизайн» [22]. Как видно из примеров, важным представляется перенять опыт советской школы, искать причины побед в системе подготовки советских спортсменов

Интересно отметить и недавнее событие, не имеющее прямого отношения к советскому спорту, но ярко иллюстрирующее значимость мифоконтентного феномена *дара* в связи с спортивными мероприятиями: на торжественной церемонии открытия соревнований «Игры будущего», которая состоялась 21.02.2024 г. в Казани, Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал эти состязания даром России мировой спортивной семье [23].

В целом, практики обмена буквально пронизывают спортивные соревнования, особенно в командных видах спорта: например, хоккейная Суперсерия 1972 г., часто упоминаемая в контексте памяти о советском прошлом как в отечественных, так и в зарубежных медиа, представляла собой цикл встреч – сначала в Канаде, а вскоре в СССР. Также можно упомянуть традицию проводить матчи плей-офф, соответственно, дома и в гостях (за исключением финалов, проводимых на нейтральных территориях).

Время. Перейдем к *социальным ритуалам*, которые – в виде церемоний – в кластере «спорт» представлены наиболее ярко. Дело в том, что все значимые соревнования, как известно, начинаются и завершаются красочными церемониями, ритуалами, в которых в том числе демонстрируются соответствующие символы, повествуется о мифах, легендах принимающей стороны. Так, начиная с Олимпиады 1956 г. в СССР был разработан целый комплекс мероприятий, связанных с чествованием победителей, включавший торжественную встречу спортивной делегации на вокзале или в аэропорту, проведение массового митинга, организацию правительственного приема и т.п.: «Наиболее отличившихся спортсменов и тренеров награждали государственными орденами и медалями, о них рассказывали в газетах (причем не только в “Советском спорте”), велись репортажи по радио и только входившему в жизнь советских людей телевидению» [6. С. 137].

Призывы к перемирию во время Олимпиад также, наряду с почти сакральными чествованиями героев, подтверждают особый характер времени проведения спортивных мероприятий. Правда, с другой стороны, соревнования часто становились и заложниками конъюнктуры, как политической, так и геополитической (бойкоты летних Олимпийских игр 1980 и 1984 гг. здесь наиболее показательны).

Так, в статье «Вы из России или нет?» ИД «Коммерсантъ» на волне всплеска интереса к московской

Олимпиаде 1980 г. в связи с завершением уже зимней Олимпиады 2002 г. в американском Солт-Лейк-Сити отмечается актуальность олимпийских стартов, так как затрагиваются глубинные пласты сознания, связанные с идентичностью, и такого рода соревнования вызывают «...невиданный всплеск самоидентификации. Немного подзабытая теория о делении мира на “мы” и “они” в одночасье вернула себе былую популярность, а слова “наших бьют!” досрочно до уровня национальной идеи» [24]. Но далее следуют цитаты из мейнстримовой советской спортивной газеты «Советский спорт» о череде олимпийских бойкотов: «Очередной нелепый антиолимпийский фарс задумали американские власти. Государственный департамент объявил, что за три дня до открытия летних Олимпийских игр в Москве в г. Филадельфия начнутся “международные” легкоатлетические соревнования. Они даже преподносятся как “крупнейшее международное спортивное событие”, хотя участие в нем примет лишь горстка спортсменов из девяти стран, включая Барбадос. Задуманы эти суррогатные состязания с явной целью попытаться успокоить возмущение тех американских спортсменов, которых Белый дом лишил возможности принять участие в Олимпийских играх в Москве. (“Советский спорт”, 17 июля 1980 года)» [24]; «ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Игры XXIII Олимпиады, отмеченные беспрецедентным национализмом, коммерциализацией и вмешательством политических руководителей США, завершились в этом калифорнийском городе. Фейерверк и номера из набора голливудских шоу венчали в воскресенье вечером церемонию закрытия Игр... Широко развернутая администрацией США антисоветская, антисоциалистическая кампания, отсутствие реальной безопасности сделали невозможным участие спортсменов СССР и большинства социалистических стран в Олимпиаде. Обстановка в Лос-Анджелесе целиком подтвердила правильность решения НОК СССР. Администрация США широко использовала Олимпиаду для нагнетания в стране шовинизма. Игры превратились в крупное рекламно-пропагандистское мероприятие в рамках предвыборной кампании Рейгана. (“Советский спорт”, 14 августа 1984 года)» [24]. С позиций сегодняшнего дня текст такого рода статей выглядит как идеальный образец для упражнений в дискурс-анализе и довольно четко показывает работу со словом в позднесоветское время.

Пространство. Наконец, *пространственное изменение* в контексте мифологизации памяти о советском спорте, прежде всего, сопряжено с перекрестным нахождением представителей стран: советских – за рубежом (особенно, на Западе) и зарубежных атлетов и делегаций – в СССР. Дело в том, что выезд за пределы страны с самого начала участия Советского государства в зарубежных состязаниях был своеобразным вызовом, а после окончания Второй мировой войны, когда СССР стал более активно участвовать в международных соревнованиях, нахождение советских спортсменов на территории, прежде всего, западных стран стало настоящей «головной болью» для функционеров, которые опасались контраста западного образа жизни с советским бытом, что приводило к избыточному контролю и дополнительным ограничениям для советских делегаций

во время их пребывания на территории капиталистических стран. Интересно, что при первом своем участии в олимпийских соревнованиях – в летней Олимпиаде 1952 г. в Хельсинки – советские руководители, воспользовавшись географической близостью мест проведения соревнований, фактически «...создали собственную “олимпийскую деревню” вблизи границы с Финляндией, где постоянно жили и тренировались советские спортсмены, выезжавшие в Хельсинки только для участия в конкретных состязаниях» [6. С. 76]. Более того, когда СССР в следующий раз принимал участие в летних Олимпийских играх – в ноябре–декабре 1956 г. в далекой Австралии, советским спортивным чиновникам вновь удалось минимизировать контакты с иностранцами: «...решили использовать большой круизный теплоход “Грузия”, который должен был не только доставить в Мельбурн спортивное оборудование и часть советских участников Олимпиады, но и стать для большинства из них местом постоянного проживания» [6. С. 79]. Примером обратной стороны участия в международных стартах является, конечно, организация XXII летних Олимпийских игр 1980 г. в Москве, когда советские власти прибегли к методам пропаганды, «демонстрировавшей прелести социальной среды и образа жизни жителей Москвы как “образцового коммунистического города”» [7. С. 391]. И, напротив, советские спортсмены, участвовавшие в соревнованиях, проходивших в западных странах, конечно, вносили немаловажный вклад в формирование пространства, которому антрополог А. Юрчак дал название «воображаемый Запад» [25. С. 311–403] и который, в свою очередь, неизменно присутствовал в советской повседневности.

Таким образом, мифоконтентные феномены являются атрибутивными характеристиками мифологических проявлений в современном обществе, инициируя процессы мифологизации. На примере самого популярного сегодня – спортивного – кластера в контексте памяти о советском прошлом были выделены соответствующие этой сфере мифоконтентные феномены (см. таблицу, крайний правый столбец) и показаны их воплощения в ключевых онтологических измерениях – соотношение части и целого, причинно-следственная связь, время и пространство.

Еще один вывод связан с общим итогом анализа содержания текстов статей в отечественных и зарубежных СМИ, в которых встречаются упоминания о советских спортивных событиях. Просматривая прессу, постоянно встречаешь упоминания об одних и тех же почти легендарных событиях: хоккейная Суперсерия 1972 г., турне по Великобритании московского футбольного клуба «Динамо» 1945 г. и т.п.; интервью с почти одними и теми же персонажами, выступающими в роли «героев от спорта», интерпретирующих известные события, то кажется, что контур явлений, событий, процессов из советского прошлого сужается, конкретизируется вокруг определенных феноменов. В таких случаях для иллюстрации можно даже использовать образ конуса «воронки», который стягивает в себя траектории эволюции представлений о прошлом, и вспомнить концепт «мифоландшафт» Д. Белла. При этом у

каждого кластера есть свои «мифоландшафты», зависящие от страны. Например, «Чудо на льду» (хоккейный матч между сборными СССР и США на зимних Олимпийских играх 1980 г.), безусловно, составляет одну из самых мифологизированных историй и является неотъемлемой частью американского «спортивного мифоландшафта», тогда как в нашей стране к таким историям следует отнести легендарную победу в матче между мужскими сборными СССР и США в финале баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр 1972 г., «медалежки» для Советского Союза итоги московской летней Олимпиады 1980 г., плеяду советских чемпионов мира по шахматам и т.п. Факты

действительно больших побед, напрямую связанные с мифоконтентным феноменом героя, имеют ключевое значение для формирования памяти о спортивных достижениях, фактически делая ее мифологичной. События такого масштаба не только являются материалом для, например, экранизаций, но и влияют на формирование соответствующей идентичности.

Получается, что именно такие – наиболее запомнившиеся и ретранслируемые события в советском спортивном прошлом – остаются в памяти, останутся в соответствующих разделах учебников по истории, будут повторяться при возвращении советских практик и ритуалов в современное российское общество.

Список источников

- Hartog F. *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. N.Y. : Columbia University Press, 2015. 288 p.
- Олейников А. Время истории // *Логос*. 2021. Т. 31, № 4. С. 5–30.
- Олейников А. Будущее в настоящем // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 2 (142). С. 57–68.
- Gumbrecht H.U. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. N.Y. : Columbia University Press, 2014. 144 p.
- Бойм С. Будущее ностальгии // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 118–138.
- Советский спорт в контекстах холодной войны / науч. ред., рук. авт. кол. А.И. Куприянов. М. : Весь Мир, 2023. 488 с.
- Орлов И.Б., Попов А.Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 455 с.
- Бровчук Н.М. Структурные компоненты исторической памяти: теоретические аспекты // *Социологический альманах*. 2020. № 11. С. 112–122.
- Герасимов О.В. Память о прошлом в контексте культуры (темпоральный аспект) // *Социальная онтология культуры* / под общ. ред. Е.В. Листвиной, О.В. Шиндиной. Саратов : Саратов. источник, 2018. С. 53–62.
- Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 159–374.
- Шнирельман В.А. Миф о далеких предках и этническая принадлежность // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. Т. 9, вып. 6 (70). doi: 10.18254/S0002252-6-1. URL: <https://history.jes.su/s207987840002252-6-1/> (дата обращения: 17.04.2024).
- Ригни Э. Воспоминание как преобразование: пересмотр памяти нации / пер. с англ. // *Историческая экспертиза*. 2020. № 4. С. 17–41.
- Иванов А.Г. Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1, № 1-2. С. 25–30. doi: 10.15826/tetm.2020.1-2.002
- Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Новые тенденции в исследованиях памяти: симптом чего? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 80–95. doi: 10.17223/1998863X/67/8
- Bell D.S.A. *Mythscape: Memory, Mythology and National Identity* // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, is. 1. P. 63–81.
- Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетейя, 2019. 182 с.
- Иванов А.Г. Мифология героя в структуре социального мифа // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 441. С. 80–88. doi: 10.17223/15617793/441/11
- Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста : пер. с англ. М. : Нов. изд-во, 2021. 428 с.
- “The behaviour of the Scottish fans was shocking and ugly” // *The Guardian*. 2008. May, 13. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2008/may/13/thebehaviourofthescottish> (дата обращения: 16.04.2024).
- Советская система не заработала // *Коммерсантъ*. 2005. 22 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/628407> (дата обращения: 16.04.2024).
- Русские попали в десятку // *Коммерсантъ*. 2004. 10 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/473182> (дата обращения: 16.04.2024).
- Сборная России потренировалась на итальянцах // *Коммерсантъ*. 2008. 4 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/888532> (дата обращения: 16.04.2024).
- Путин назвал «Игры будущего» даром России мировой спортивной семье // *Российская газета*. 2024. 21 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/21/putin-nazval-igry-budushchego-darom-rossii-mirovoj-sportivnoj-seme.html> (дата обращения: 13.04.2024).
- «Вы из России или нет?» // *Коммерсантъ*. 2002. 5 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/312945> (дата обращения: 16.04.2024).
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. М. : Нов. лит. обозрение, 2020. 664 с.

References

- Hartog, F. (2015) *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.
- Oleynikov, A. (2021) *Vremya istorii* [Time of history]. *Logos*. 4 (31). pp. 5–30.
- Oleynikov, A. (2022) *Budushchee v nastoyashchem* [The Future in the Present]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2 (142). pp. 57–68.
- Gumbrecht, H.U. (2014) *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press.
- Boym, S. (2013) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 3 (89). pp. 118–138.
- Kupriyanov, A.I. (ed.) (2023) *Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny* [Soviet Sport in the Contexts of the Cold War]. Moscow: Ves' Mir.
- Orlov, I.B. & Popov, A.D. (2020) *Olimpiyskiy perepolokh: zabytaya sovetskaya modernizatsiya* [Olympic Turmoil: Forgotten Soviet modernization]. Moscow: Higher School of Economics.
- Brovchuk, N.M. (2020) *Strukturnye komponenty istoricheskoy pamyati: teoreticheskie aspekty* [Structural components of historical memory: theoretical aspects]. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 11. pp. 112–122.
- Gerasimov, O.V. (2018) *Pamyat' o proshlom v kontekste kul'tury (temporal'nyy aspekt)* [Memory of the past in the context of culture (temporal aspect)]. In: Listvina, E.V. & Shindina, O.V. (eds) *Sotsial'naya ontologiya kul'tury* [Social Ontology of Culture]. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 53–62.
- Schelling F.W.J. (1989) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 159–374.
- Shnirel'man, D.A. (2018) *Mif o dalekikh predkakh i etnicheskaya prindlezhnost'* [The Myth of Distant Ancestors and Ethnicity]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 6 (70). [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840002252-6-1/>. (Accessed: 17.04.2024). DOI: 10.18254/S0002252-6-1
- Rigney, E. (2020) *Vospominanie kak preobrazovanie: peresmotr pamyatey natsii* [Remembrance as remaking: memories of the nation revisited]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4. pp. 17–41.

13. Ivanov, A.G. (2020) Mifologizirovannoe proshloe kak chast' istoricheskoy pamyati [Mythologized Past as Part of Historical Memory]. *Tempus et Memoria*. 1–2 (1). pp. 25–30. DOI: 10.15826/tetm.2020.1-2.002
14. Syrov, V.N., & Agafonova, E.V. (2022) New trends in memory studies: a symptom of what? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 80–95. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/67/8
15. Bell, D.S.A. (2003) Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*. 1 (54). pp. 63–81.
16. Ivanov, A.G. (2019) *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
17. Ivanov, A.G. (2019) The hero mythologem in the structure of a social myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 80–88. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/11
18. Hirsch, M. (2021) *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Postmemory Generation: Writing and visual culture after the holocaust]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
19. The Guardian. (2008) "The behaviour of the Scottish fans was shocking and ugly". *The Guardian*. 13 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2008/may/13/thebehaviourofthescottish>. (Accessed: 16.04.2024).
20. Kommersant". (2005) Sovetskaya sistema ne zarabotala [The Soviet system did not work]. *Kommersant*". 22 November. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/628407>. (Accessed: 16.04.2024).
21. Kommersant". (2004) Russkie popali v desyatku [The Russians hit the mark]. *Kommersant*". 10 May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/473182>. (Accessed: 16.04.2024).
22. Kommersant". (2008) Sbornaya Rossii potrenirovalas' na ital'yantsakh [The Russian team trained on the Italians]. *Kommersant*". 4 May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/888532>. (Accessed: 16.04.2024).
23. Rossiyskaya gazeta. (2024) Putin nazval "Igry budushchego" darom Rossii mirovoy sportivnoy sem'e [Putin called the Games of the Future a gift from Russia to the global sports family]. *Rossiyskaya gazeta*. 21 February. [Online] Available from: <https://rg.ru/2024/02/21/putin-nazval-igry-budushchego-darom-rossii-mirovoj-sportivnoj-seme.html>. (Accessed: 13.04.2024).
24. Kommersant". (2002) "Vy iz Rossii ili net?" [Are you from Russia or not?]. *Kommersant*". 5 March. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/312945>. (Accessed: 16.04.2024).
25. Yurchak, A. (2020) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever, Until It Ended. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе:

Иванов А.Г. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Ivanov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Philosophy Department, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); professor, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024;
одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 304.4; 930.1
doi: 10.17223/15617793/505/10

«Культура отмены» и этика: об этической ответственности историка

Василий Николаевич Сыров¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, narrat59@gmail.com

Аннотация. Обсуждается вопрос о месте и роли профессионального сообщества историков в выработке общественного отношения к идеям и практикам культуры отмены, связанным с историческими сюжетами. Утверждается, что выработка взвешенного отношения предполагает желательное наличие консенсуса профессионального сообщества по этому поводу. Выдвигается тезис, что выработка такого консенсуса актуализирует тему моральной вовлеченности историка. Предполагается, что в основу этики историков и выработки консенсуса профессионального сообщества должна быть положена кантовская идея уважения к достоинству личности.

Ключевые слова: культура отмены, историческая этика, прикладная этика, историческое познание, моральный принцип, идея достоинства личности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Сыров В.Н. «Культура отмены» и этика: об этической ответственности историка // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 99–105. doi: 10.17223/15617793/505/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/10

"Cancel culture" and ethics: On the ethical responsibility of a historian

Vasiliy N. Syrov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, narrat59@gmail.com

Abstract. The article discusses the place and role of the professional community of historians in developing public attitudes towards the ideas and practices of cancel culture related to historical subjects. Based on the analysis of the article by Belyaeva and Lynchenko, a set of claims that can be made to the discourse used by cancel culture activists is explicated. The role of moral assessments in such discourse is especially noted. I believe that their presence pushes us to expand the context of discussion of the topic, namely, to actualize the long-standing problem of the essence, functions and the very legitimacy of moral evaluations in relation to the past. I will not talk about public memory, but about the professional community of historians or about the place and role of ethics in historical writing and knowledge. I think that we should be talking about developing a consolidated, if possible, expert assessment, which we could rely on in developing balanced position on this matter. We can note an increase in the degree of reflexivity of the discussion of the topic associated with the analysis of the question itself: what does it mean to be morally involved? In my opinion, a productive discussion of the topic is impossible without discussing the issue of the nature of historical truth as a key normative requirement of professional ethics. In agreement with the position of a number of modern authors, in particular Lorenz, I believe that his solution requires overcoming the long-standing positivist belief in the possibility and legitimacy of drawing a clear boundary both between facts and theories, and between knowledge and values. It seems that overcoming it lies on the path of distinguishing between sources and facts, on the one hand, and awareness of the theoretical load of any fact, on the other. Therefore, I think any historical fact will not be a prerequisite for research, but its result, and will require the explication of argumentative procedures. Moreover, I can put forward the thesis that a language that operates in terms like "facts", "theories" or "interpretations", "descriptive judgments" and "normative judgments", and draws a rigid line of demarcation between them is, at a minimum, little productive in understanding historical production. I believe that we should agree with the position that any historical statement that claims to be factual is implicitly axiologically loaded. Moreover, my thesis is the assertion that the more value judgments it contains, the greater the degree of heuristic it acquires. Therefore, the historian's moral involvement is seen as a necessary condition for increasing the degree of originality of historical production. In the end, I assume that the answer to the question of the content of such moral involvement should be associated with Ankersmit's thesis: one should prefer those values that provide a more original, more complete, and more promising picture of the past in terms of new hypotheses. It is argued that the basis for the totality of such values and the basis for developing a possible consensus of the professional community should be based on the Kantian idea of respect for personal dignity.

Keywords: cancel culture, historical ethics, applied ethics, historical writing, moral principle, idea of personal dignity

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

For citation: Syrov, V.N. (2024) "Cancel culture" and ethics: On the ethical responsibility of a historian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 99–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/10

Как справедливо отмечено в работе Елены Беляевой и Андрея Линченко, «принято считать, что культуры отмены являются выражением “новой этики”, стремящейся к деконструкции остатков культуры колониализма в западных обществах и выдвигающей на первый план борьбу за общественные права и возможности небелого населения стран Северной Америки, Европы и государств Британского содружества» [1. С. 306]. Конечно, к этой тематике культуры отмены не сводятся, а скорее представляют собой определенные (связанные с развитием социальных сетей) формы борьбы со разными родами фобиями и -измами. Но тем не менее в современной ситуации вышеупомянутый аспект можно считать ключевым. Помимо прочего, он примечателен (если такого рода характеристика вообще уместна к этому достаточно драматично протекающему процессу) тем, что прямо или косвенно затрагивает тему истории, знаменуя, в частности, пересмотр сложившегося и устоявшегося отношения к тем или иным историческим фигурам и явлениям. Оценка этого отношения, как и самой культуры отмены в целом, в общественной среде и исследовательской литературе распределяется в весьма широком диапазоне от радикального неприятия до столь же радикального восторга и пока еще далека от формирования некоего канона. Но нам кажется, что некоторые выводы, а именно по поводу восприятия исторических сюжетов, сделать уже возможно.

В анализе и оценке этих выводов будем опираться на рассуждения уже упомянутых нами авторов, поскольку полагаем, что они носят достаточно систематизированный и взвешенный характер. Можно, наверное, согласиться с ними в том, что «на пути создания своих конструкций прошлого общественные движения, входящие в современную культуру отмены, в большей мере опираются на ценностное отношение к прошлому» [1. С. 302]. Причем речь идет именно об этической оценке. Соответственно, авторами собрана и сформулирована совокупность претензий, которые можно предъявить к этическому дискурсу, используемому активистами культуры отмены. Следует отметить, прежде всего, упрек в презентизме или внеисторическом подходе, когда события прошлого помещаются «в современный идейный и политический контекст», более того, зачастую вырываясь из некоторой общей картины прошлого [1. С. 308]. В итоге вместо восстановления исторической справедливости мы можем оказаться в ситуации, когда одна мифологизированная картина прошлого будет сменяться другой такой же, где часть (по Барту) в очередной раз выдается за целое.

Вполне резонно полагать, что моральная оценка является единственным или более правомерным способом отношения к ушедшему прошлому. Но сторон-

ников культуры отмены можно упрекнуть в своеобразном перформативном противоречии, поскольку они стремятся отрицать то, благами чего они пользуются. Как отмечают наши авторы, «исторический процесс модернизации в этическом плане оказывается как минимум двойственным: как процесс он был злом, а как результат – благом» [1. С. 309]. Тезис, конечно, не означает обвинения в лицемерии или ханжестве, поскольку участники могут быть вполне искренними в своих стремлениях. Авторы справедливо характеризуют моральные оценки активистов и участников культуры отмены как своеобразную реабилитацию морального абсолютизма только с простым переворачиванием плюсов и минусов, предполагающим гипертрофированное отношение к моральности угнетенных, отсутствие собственной позитивной программы или сведение ее лишь к образу врага и переполненность действий только «шумом и яростью». Поэтому, забегая вперед, желательно было бы ожидать более гибкой и более насыщенной системы моральных оценок, чем та, которой участники движения оперируют.

Лейтмотивом анализируемой статьи является утверждение, что «эти (этические) концепты употребляются не столько в этическом, сколько в политическом дискурсе, этика является не целью, а средством достижения общественного влияния» [1. С. 307], что «участники “отменяющих” акций не интересуются по большому счету ни моралью, ни историей» [1. С. 309], используя историю и этику в, так сказать, «инструментальном» смысле как обоснование и реализацию властных отношений. Опять-таки, такой упрек может быть вполне справедливым, если используется не столько для объяснения интенций всех участников (они могут быть вполне искренними), сколько для интерпретации имплицитных (скорее всего) установок лидеров мнений, групп активистов и т.д.

Нет нужды подвергать критической рефлексии выводы авторов анализируемой статьи. Представляется, что, помимо прочего, они скорее подталкивают к осмыслению и расширению контекста, окружающего всевозможные культуры отмены. В наших дальнейших рассуждениях речь пойдет о сущности и функциях моральных оценок по отношению к прошлому. При этом мы будем говорить не об общественной памяти, а о профессиональном сообществе историков или о месте и роли этики в историческом познании и знании. Тема, как известно, актуализирована с 90-х гг. XX в., если не ранее. Полагаем, что культура отмены должна была вдохнуть в нее новую жизнь. Полагаем также, что популярность исторических сюжетов в культуре отмены не означает и не подразумевает прямого участия историков в публичных дебатах по этому поводу. Скорее, следует ожидать и надеяться на выработку более-менее консолидированного мнения данного сообщества.

Причем речь идет даже не столько об оценке отношения к истории у самих участников движения, сколько о старой доброй этической оценке истории как таковой. Опять-таки, даже ее наличие не означает возрождения просвещенческой веры в роль авторитета профессионального сообщества. Достаточно определения и констатации возможности для любого желающего найти точку опоры в отношении к сложившемуся положению дел в тех или иных аргументированных положениях экспертов, но которые для этого, естественно, уже должны быть.

Исследователь из Лейденского университета Герман Пол в своей представляющей интерес статье «Что такое ученая личность? Десять тезисов о добродетелях, навыках и желаниях» ставит вопрос, несколько необычный для темы исторического познания, но примечательный в свете сохраняющейся популярности теории добродетели, а именно вопрос о личности исследователя. Добавим к этому, что обращение к конструктивизму (в эпистемологии) и коммуникативным практикам также актуализирует этот аспект. При постановке вопроса о добродетелях, которыми должна обладать личность историка, Пол начинает с утверждения, что стиль исторической деятельности не стоит сводить только к стилю исследовательского письма, а следует связывать со стилем преподавания, контроля, сетевой и в целом публичной активности, самопрезентации и пр. [2. Р. 352]. Поэтому он настаивает на необходимости сдвига внимания исследовательского сообщества с вопроса, что и как историк пишет, на то, как и что историк делает, призывая тем самым к необходимости разработки характеристик личности в терминах добродетелей и навыков для создания словаря, описывающего поведение и деятельность историка, а не только его дискурс [2. Р. 352]. Автор справедливо полагает, что речь должна идти не столько об описании индивидуальных черт или социальной роли, сколько о типе личности (установки, черты характера, способности) в целом, неотделимой от своей профессии, но и не сводимой к ней [2. Р. 355]. По этому поводу еще раз отметим, что в свете конструктивистских установок роль личности исследователя неизбежно будет выходить на первый план, а в свете теории добродетели – предполагать возможность и даже необходимость исследователя быть моральным авторитетом не только в стенах университета и не только по поводу профессиональных достоинств. Это к вопросу о роли личности историка в обсуждении темы истории в культуре отмены.

Как подчеркивалось выше, проблема моральных оценок прошлого или этики в истории имеет давнюю традицию, снова актуализированную с 80–90-х гг. XX в. Для экспликации аргументов за и против можно обратиться к статье американского исследователя Ричарда Ванна «Историки и моральные оценки». Автор, собственно, и начинает свою статью с тезиса «Сначала я постараюсь обсудить аргументы за и против моральных оценок, пытаясь охватить весь спектр профессиональных обязанностей историков» [3. Р. 4]. Мы не будем озвучивать весь этот набор. Он неоднократно и достаточно полно воспроизводился и воспроизводится в текстах по аналогичному поводу. Обратим

внимание лишь на растущую степень рефлексивности обсуждения, а именно на стремление к прояснению сути «моральных суждений» или «моральных оценок». Иначе говоря, речь начинает идти не только о том, следует ли судить прошлое, но и о том, как понимать сам смысл высказываний о таком суде. По мнению Ванна, возможно, что рефлексия поможет историкам преодолеть сложившиеся запреты или ограничения в обсуждении этого вопроса. В частности, по поводу прояснения смысла самого вопроса он правомерно указывает, что «всякая мораль относится к ценностям, по меньшей мере, для кого-то, но не все ценности носят моральный характер» [3. Р. 4]. Британский автор Джонатан Горман в своих достаточно развернутых рассуждениях по этому же поводу замечает, что есть много этических вопросов, в обсуждение которых историки могут быть вовлечены, но «мы стремимся узнать, несут ли историки этическую ответственность как историки: мы стремимся опознать те этические проблемы, которые встают, потому что историки, по существу, вовлечены в них» [4. Р. 103]. Поскольку, продолжает он, совсем не очевидно, что все, что считается моральной проблемой, затрагивает историков как историков, поскольку также не очевидно, что подобного рода вопросы имеют нечто общее [4. Р. 104]. Поэтому Горман предполагает, что вопрос должен быть переформулирован следующим образом: каковы этические обязанности или ответственность историков как историков, что и кому они обязаны [4. Р. 104]? Британский исследователь Беверли Саутгейт, радикализируя эти тезисы, полагает, что вопрос теперь должен заключаться не в том, следует ли историкам принять неизбежность своей этической вовлеченности, а в том, в каком виде такое участие должно состоять [5. Р. 56].

Итак, как видим, тезис о возможной (или необходимой?) связи историков и этики допускает разные интерпретации: от требования отделять моральные оценки и правомерность их использования от моральных суждений и моральной вовлеченности и ее правомерности в целом до прояснения требования моральной ответственности историка и уточнения вопроса, в чем она должна состоять. Можно полностью согласиться с Ванном, что уже экспликация этой темы позволит понять и/или принять суть и саму оправданность таких призывов. Наш тезис будет заключаться в следующем утверждении: продуктивность обсуждения предполагает выбор соответствующей точки отсчета, с которой оно должно начаться. Полагаем, что в определении такой точки отсчета следует оттолкнуться от размышлений немецкого исследователя Криса Лоренца, которые мы переформулируем из дескриптивных в нормативные суждения (поскольку они, как нам кажется, соответствуют духу его рассуждений): «Неразрешимую проблему обоснования определенного знания следует превратить в разрешимую проблему аргументации притязаний на погрешимое знание» [6. Р. 350]. Мы также полагаем, что начать обсуждение следует с критического анализа существующей исследовательской продукции, чтобы по итогам критики можно было судить, насколько и какого рода этическое в ней присутствует вне зависимости от намерений самих авторов.

Ну и, в-третьих, мы считаем, что резонно оттолкнуться от обсуждения и определения перспектив ключевого требования, мимо которого не проходит ни один из авторов, пишущих на данную тему, будь то сами историки или эпистемологи, что единственная или определяющая моральная обязанность историка заключается в стремлении к истине.

Начнем с того, что это, бесспорно, благородное требование подталкивает к вопросу, а что, собственно, под этой истиной понимается. Судя по всему, как это неоднократно отмечали критики, эксплицитная или имплицитная трактовка такой истины опиралась на два допущения, имеющих позитивистское происхождение, но не до конца преодоленных и по сей день даже в эпистемологии. Это убеждение в возможности и правомерности проведения отчетливой границы как между фактами и теориями, так и между знаниями и ценностями. При этом пресловутые факты зачастую отождествлялись с источниками (хотя еще Коллингвуд посвятил немало страниц критике этого тезиса, воплощенного в именуемой им истории «ножниц и клея»), трактовались как отдельные автономные атомы (в духе эмпиризма) и рассматривались как начальная стадия исследовательской деятельности. Иначе говоря, предполагалось, что историк сначала накапливает так называемые факты, а потом связывает их в целостные повествования (нарративы), аналогичные по функциям теориям в естественных науках. Стоит заметить, что даже такие классики современного исторического познания, как Хайден Уайт и Франк Анкерсмит, совершившие прорыв в этой области, не до конца освободились от этих позитивистских предрассудков. Что касается второго допущения, то, как отмечал Лоренц, призывы к ««свободной от ценностей»» исторической науке, в конечном счете, основаны на предположении, что фактические суждения имеют свои основания в реальности в отличие от оценочных суждений, и связанном с этим предположении, что язык в науке выполняет исключительно репрезентативную функцию». Следовательно, считалось, что факты и ценности разделены непреодолимой пропастью, при том что дискуссии о фактах разрешимы рациональными средствами, в то время как споры о ценностях по своей сути иррациональны [6. Р. 361].

Позволим себе пропустить детальное описание всех стадий этой полной драматизма истории науки и перейти к ее финалу. Обратимся к выводам того же Лоренца: ««Фундаментальное различие» между суждениями о фактах и оценочными суждениями больше не может восприниматься как нечто само собой разумеющееся и использоваться в качестве аргумента для сужения сферы исторической дискуссии. «Ценностно-ориентированный» и «по существу спорный характер» социально-исторических концепций – могут быть разъяснены таким образом, что они позволяют избежать Сциллы «свободного от ценностей» объективизма и Харибды «идеологического» релятивизма» [6. Р. 364]. Лоренц вполне резонно полагает, что продуктивное направление решения этих проблем требует радикальной смены философских оснований. Вслед за Хилари Патнемом он называет предлагаемый им подход

«внутренним реализмом», который, по его мнению, позволяет интерпретировать соответствие и референцию как понятия, которые выводят свое значение из конкретных концептуальных рамок и, следовательно, соотносятся с ними» [6. Р. 351]. Тем самым, несколько упрощенно говоря, следует полагать, что язык или дискурс оказывается той имманентной и неустранимой средой, в которой разворачивается наше освоение мира, а неустранимой именно потому, что единственным судьей в определении того, насколько мы в этом освоении преуспели, оказывается не мир (он сам произведен от дискурса), а мы сами (и то временно).

Оставляя в стороне расхождение между конструктивизмом и внутренним реализмом, мы можем выдвинуть тезис, что язык, оперирующий терминами типа «факты», «теории» или «интерпретации», «дескриптивные суждения» и «нормативные суждения» и проводящий жесткую демаркационную линию между ними, как минимум, мало продуктивен в осмыслении исторической продукции. В итоге можно сделать вывод, что если источники сами по себе считать лишь материалом для создания так называемых фактов, а процедуру их создания трактовать как обусловленную конкретными концептуальными рамками, то резонно рассматривать пресловутые факты как результат исследовательской работы, а не как ее начало. Рискнем также утверждать в противовес Анкерсмиту, настаивавшему на различении исторического исследования и нарративного написания истории (как реализации исторического синтеза) [7. С. 23–24], что все виды (описание или объяснение) и результаты (предмет в форме события или процесса) деятельности историка следует считать структурно тождественными. Если разница между ними и существует, то лишь в масштабности объектов научного интереса или в степени теоретико-методологической наивности по поводу природы собственной деятельности. То же самое касается различий между установлением так называемого факта и созданием нарратива, поскольку в свете идей Артура Данто о роли и сущностных чертах так называемого истинного описания как минимальной характеристики работы историка [8. С. 32] можно трактовать объяснение и нарративный контекст как имманентные черты такого истинного описания.

Здесь выскажем еще один тезис, который является ключевым и, как нам кажется, решающим радикальным шагом в реализации предложенного пути. Это решение вопроса о характере исторической работы. Представляется, что трактовка ее в традиционно повествовательном стиле (к чему нередко сводят тему исторического нарратива) уничтожает все достижения, достигнутые исторической эпистемологией (или философией истории). Поэтому создание исторического факта (или нарратива) следует рассматривать как конечный результат действий по выдвижению соответствующей гипотезы и демонстрации последовательности верифицирующих аргументов, а не как сопутствующий или промежуточный продукт в создании исторического повествования, а само это, так сказать, гипотетико-аргументативное устройство – как стержень

или принцип построения исторического нарратива, а не всего лишь его составную часть.

Что касается аспекта соотношения знаний и ценностей, то, как заключает Лоренц, «предположительно, описательные утверждения, например, “фон Штауфенберг был настоящим немецким офицером” или “борьба на Восточном фронте была трагедией”, также могут быть истолкованы как нормативные утверждения [6. Р. 363–364]. Ванны напоминает по этому поводу соображения Исая Берлина, что категория «важное» может быть более «устойчивая» чем более очевидные моральные оценки, но вряд ли более «объективная» [3. Р. 12]. Даже в квантитативной истории, где мы могли бы пытаться обнаружить свободную от ценностей историю, мы не смогли бы найти ее [3. Р. 12]. Правда, полагаем, что вывод из подобного рода рассуждений может быть прямо противоположным призыву к более скрупулезной чистке языка историков.

Приведем сначала соответствующий пример. Так, высказывание «в 1242 г. произошло сражение на Чудском озере» (не будем касаться тезиса, что его можно представить в виде свернутого нарратива), на первый взгляд, может быть подано как образец описательного суждения. Но, во-первых, мы можем полагать, что даже оно уже содержит имплицитные оценки. Ведь возможно было для этого описания использовать слова типа «стычка», «столкновение» или, напротив, «битва», «побоище», что уже говорит о разной степени значимости объекта в глазах историков, как и сам факт его упоминания в историческом тексте. Во-вторых, наш радикальный тезис заключается в утверждении, что чем более это высказывание насыщено так называемыми ценностными суждениями или содержит аксиологические элементы типа «в 1242 г. произошло сражение на Чудском озере, сыгравшее переломную роль во взаимоотношениях Тевтонского ордена и Руси» (не будет касаться вопроса о достоверности высказывания), тем более эвристический характер (причем именно в эпистемологическом смысле) оно носит. Ну и, в-третьих, суждения такого рода должны быть результатом доказательства, что превращает их в исследовательский продукт, а не следствие тех или иных субъективных оценок, хотя и возлагает на историка ответственность за сделанные высказывания.

Поэтому мы можем сделать более общий вывод. Чем более насыщены подобного рода элементами (Уайт называл это использованием фигуративного, а не технического, языка) продукты работы историка, тем более они приобретают эвристический характер, как это ни парадоксально звучит. Поэтому попытка чистки исторического языка, а именно элиминация так называемых аксиологических суждений, убивает в первую очередь эпистемологическую, а не практическую идеологическую или мировоззренческую значимость исторического продукта. Ну и повторим еще раз: полученный результат должен быть следствием эксплицитного доказательства, а не имплицитного разбрасывания по тексту оценок или применения «орнаментального» воображения» по Коллингвуду. Проще говоря, суждения типа «переломное значение», «поворот в войне», «несправедливый характер» и подобные следует считать необходимыми элементами собственно

исторического исследования, но когда они подаются в виде доказываемых продуктов.

Если это так, то представления о сущности и содержании так называемой профессиональной этики в духе Роберта Мертона применительно к социально-гуманитарному познанию нуждаются как минимум в корректровке. И дело здесь не только в том, что, в рамках идей Джона Зимана, академическая наука сменилась «постакадемической», обесмыслившей традиционные барьеры между наукой и этикой [9. Р. 1813–1814]. Тезис об этической нейтральности социально-гуманитарного знания и самой возможности достижения такой нейтральности нуждается в переосмыслении.

В ответ на возражение, как можно доказывать или опровергать моральные и к тому же кажущиеся субъективными оценки, можно выдвинуть следующие соображения. Прежде всего, язык морали не сводится к оценкам типа «плохой» или «хороший». Он гораздо более богат как по функциям (не редуцируется только к оценкам и только индивидов), так и по содержанию. Например, теорию справедливости Ролза вполне можно трактовать как конкретизацию этической характеристики тех или иных действий как справедливых или несправедливых. Так Андрес Буллер и Андрей Линченко вслед за американскими и немецкими исследователями намечают перспективы развития так называемой исторической этики. Они трактуют ее как вид прикладной этики, «задачей которого являются анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов как научно-исторического познания, так и всех внеаучных форм обращения к прошлому в исторической культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования [10. С. 429–430]. Если признать убедительными тезисы сторонников введения прикладных этик, что в специализированных сферах деятельности применение общих моральных принципов не может быть простым механическим действием, то подход вышеупомянутых авторов видится вполне правомерным. Далее, тезис о субъективности морали (сколько людей, столько и мнений) также следует признать достоянием, в лучшем случае, обыденного сознания. Рациональная аргументация, хотя и не тождественная аргументам в сфере науки, давно уже является имманентной чертой современных моральных теорий. Достаточно обратиться к рассуждениям Джона Ролза или Юргена Хабермаса. Да и наличие той или иной степени консенсуса в современном общественном сознании по поводу доминирующих моральных кодексов не стоит сбрасывать со счетов.

Принципиальный момент, как нам кажется, должен быть связан с местом и формами присутствия этического в историческом дискурсе и историческом тексте. Как отмечают А. Буллер и А. Линченко, «историческая этика в определенном смысле находится не “за” материалом исторической науки, резюмируя ее некоторые выводы, а оказывается важным участником дискуссий о публичном процессе трансляции знаний о прошлом и их актуальной переоценки» [10. С. 430–431]. Иначе говоря, повествование с резюмирующим моральным выводом (нечто вроде басни) или подводящее читателя к правильной моральной

оценке следует считать достаточно архаичным способом присутствия морали в историческом нарративе.

Для определения перспектив решения вопроса, как и в каком виде этика может/должна присутствовать в историческом дискурсе, стоит обратиться к рассуждениям Ф. Анкерсмита. Его ключевой методологический тезис звучит следующим образом: возможно, что именно моральные и политические ценности обеспечивают нам путь открытия исторической истины. В более радикальном плане он означает, что их принятие не просто облегчает и ускоряет наше движение к истине, а обеспечивает саму возможность ее открытия, причем такую, что без них открытие истины не состоялось бы [11. Р. 4]. Для прояснения мысли воспользуемся примером самого Анкерсмита о роли марксистской концепции истории. Очевидно, что в свое время она обеспечила не просто новое видение социально-экономических и политических процессов современного (буржуазного, в терминологии марксизма) общества, но предоставила иной взгляд на мировую историю, открывший в ней такие черты прошлого и в частности такой (продуктивный для своего времени) язык описания (борьба классов в терминологии марксизма), которые не позволил бы сделать подход с иной системой ценностей.

Дело, конечно, не в поступательном движении к истине в духе позитивистской телеологии и не только в осознании, что в рамках одного ценностно-ориентированного взгляда эмпирический материал становится основанием для создания исторических фактов, а в рамках другого – остается несущественным и игнорируется. Мы полагаем, что помимо прочего Анкерсмит хотел указать на ценность использования ценностей: что их присутствие оказывается не вторжением субъективности в так называемую объективную картину прошлого, а наоборот, необходимым условием расширения наших представлений о нем, в частности условием вовлечения нового эмпирического материала в орбиту исследовательского интереса. Можно сказать, что подход Анкерсмита предполагает, что именно моральные ценности должны открывать возможность задавать прошлому новые оригинальные вопросы или поставлять новый эмпирический материал для поиска оригинальных ответов на старые.

Отсюда его финальный и, на наш взгляд, правомерный вывод: следует предпочесть (насколько это возможно в выборе такого рода) те политические и моральные ценности, что инспирированы более сильной и более успешной репрезентацией прошлого [10. С. 22]. Или, иначе говоря, следует предпочесть те ценности, что обеспечивают более оригинальную, более богатую в своей полноте и разносторонности и более перспективную в плане новых гипотез картину прошлого (на данный момент времени, естественно).

Если это так, то какой тип моральных ценностей или, точнее говоря, какой моральный принцип мог бы лечь в основу такого комплекса моральных ценностей? На этом этапе имеет смысл обратиться к идее Иммануила Канта, выдвинутой им в работе «Основоположение к метафизике нравов». Немецкий мыслитель настаивал, что следует исходить «из идеи достоинства разумного существа, повинующегося только тому закону,

какой оно в то же время само себе дает» [12. С. 187]. Развивая мысли Канта, мы могли бы утверждать, что вот эту идею достоинства следует рассматривать как принцип, который является не одним из многих моральных положений, а лежит и должен лежать в основе всех моральных требований (актуальных и потенциальных). Также идею достоинства можно трактовать как определяющий критерий отличия моральных требований от неморальных, а с другой стороны, как конкретизацию идеи моральности (что проявляется, к примеру, в интерпретации морального смысла нарушения обещаний, который можно рассматривать как проявление унижения человеческого достоинства). Если говорить об определяющем конститутивном мотиве морального поведения, то, как отметил Кант, «ни страх, ни склонность, но исключительно уважение к закону является тем мотивом, который может придать действию моральную ценность» [12. С. 203].

В итоге решающий тезис, который мы бы рискнули выдвинуть, заключается в утверждении, что именно идею достоинства следует считать тем моральным принципом, который на сегодняшний день обеспечивает максимум мыслимого разнообразия как в практическом, так и в эпистемологическом смысле. Так или иначе именно он противостоит любым формам этноцентризма как воплощения одностороннего подхода к прошлому в современном мире или утверждения себя за счет других, будь ими прошлые или настоящие поколения, сообщества, выделяемые по гендерному, этническому или социальному критериям, и т.д. Тогда резонно было бы также утверждать, что именно идея достоинства могла бы стать основанием разработки исторической этики, если она связана с формированием определенного отношения к прошлому как среди членов профессионального сообщества, так и общества в целом и выработке консенсуса по этому поводу. Точнее, можно было бы говорить о двух аспектах воплощения этого отношения, которые находят свое выражение как в профессиональной этике, вводящей нормативные требования по поводу того, что и как надлежит исследовать, так и в этике памяти как совокупности нормативных требований по отношению к тому, что и как мы должны помнить.

Что касается профессиональных требований, то, помимо прочего, они предполагают, образно говоря, чувствительность историка к многообразию голосов, звучащих из прошлого. В более конструктивистском духе такая чувствительность означает, что историк должен стремиться максимально эксплицировать эти голоса, даже если они сами хранили молчание. Если говорить о более конкретном уровне исторического исследования, то он знаменовал бы повышение внимательности к многообразию источников и развитие способности включать их в создаваемую соответствующую историческую картину. Рискнем предположить, что такой подход вполне удовлетворительно можно было бы проинтерпретировать как модификацию идеи уважения к достоинству, обращенной к прошлому.

В ответ на тезис, «разве современная “культура отмены” не делает то же самое», можно было бы сказать следующее, не сводя ответ к банальному суждению,

что у каждой эпохи свои моральные представления. Алан Мегилл, обсуждая требование предоставить голос тем, кто не имел возможности сказать, или чей голос не был слышен, заметил по этому поводу: «Историк – судья, а не адвокат» [13. Р. 66]. Поэтому статус жертвы не может быть приписан, а должен быть установлен посредством соответствующих исследовательских процедур [13. Р. 65]. В полном согласии с утверждением Мегилла о необходимости таких доказательств мы бы добавили только, что функция историка, скорее, заключается в том, чтобы быть следователем, который должен предоставить суду надлежа-

щий материал со всей ответственностью за его содержание. Историк, конечно, имеет право выносить собственные моральные оценки по поводу как объекта изучения, так и сложившейся современной ситуации, но уже не как исследователь, а как осведомленный и обеспокоенный гражданин. Мы не можем, конечно, однозначно утверждать, какой будет позиция сообщества или авторитетных его представителей, но полагаем, что она будет стоить того, чтобы к ней прислушаться. При всей ограниченности потенциала голоса разума, ценности его еще никто не отрицал. Имеющий уши да услышит.

Список источников

1. Беляева Е.Г., Линченко А.А. Этизация истории и фигуры умолчания в современной культуре отмены // Молчание и умолчание в истории / сост. и общ. ред. О.В. Воробьевой. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2023. С. 300–322.
2. Paul H. What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires // *History and Theory*. 2014. № 53. P. 348–371.
3. Vann R.T. Historians and Moral Evaluations // *History and Theory*. 2004. Vol. 43, № 4. P. 3–30.
4. Gorman J. Historians and Their Duties // *History and Theory*. 2004. Vol. 43, № 4. P. 103–117.
5. Southgate B. "A pair of white gloves": Historians and ethics // *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2006. Vol. 10, № 1. P. 49–61.
6. Lorenz Ch. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for "Internal Realism" // *History and Theory*. 1994. Vol. 33, № 3. P. 342–376.
7. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003.
8. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002.
9. Ziman J.M. Why must scientists become more ethically sensitive than they used to be? // *Science*. 1998. Vol. 282, № 5395. P. 1813–1814.
10. Буллер А., Линченко А.А. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 3. С. 423–435.
11. Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn, R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 3–26.
12. Кант И. Основы метафизики нравственности // Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. С. 55–119.
13. Megill A. Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's *An Ethics of Remembering* // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 45–75.

References

1. Belyaeva, E.G. & Linchenko, A.A. (2023) Etizatsiya istorii i figury umolchaniya v sovremennoy kul'ture otmeny [Ethicization of history and the figure of silence in the modern culture of cancellation]. In: Vorob'eva, O.V. (ed.) *Molchanie i umolchanie v istorii* [Silence and Silencing in History]. Moscow: Institute of General History RAS. pp. 300–322.
2. Paul, H. (2014) What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires. *History and Theory*. 53. pp. 348–371.
3. Vann, R.T. (2004) Historians and Moral Evaluations. *History and Theory*. 4 (43). pp. 3–30.
4. Gorman, J. (2004) Historians and Their Duties. *History and Theory*. 4 (43). pp. 103–117.
5. Southgate, B. (2006) "A pair of white gloves": Historians and ethics. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 1 (10). pp. 49–61.
6. Lorenz, Ch. (1994) Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for "Internal Realism". *History and Theory*. 3 (33). pp. 342–376.
7. Ankersmit, F. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. Semantic Analysis of the Language of Historians]. Moscow: Ideya-Press.
8. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Moscow: Ideya-Press.
9. Ziman, J.M. (1998) Why must scientists become more ethically sensitive than they used to be? *Science*. 5395 (282). pp. 1813–1814.
10. Buller, A. & Linchenko, A.A. (2023) *Zachem nuzhna istoricheskaya etika?* [Why do we need historical ethics?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 3 (39). pp. 423–435.
11. Ankersmit, F.R. (2004) In Praise of Subjectivity. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. pp. 3–26.
12. Kant, I. (1995) *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 55–119.
13. Megill, A. (2004) Some aspects of ethics of history-writing: reflections on Edith Wyschogrod's *An Ethics of Remembering*. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. pp. 45–75.

Информация об авторе:

Сыров В.Н. – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.N. Syrov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024;
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 20.05.2024;
approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 140.8
doi: 10.17223/15617793/505/11

«Союз нерушимый»: формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность

Алексей Андреевич Целяковский¹

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, alts1085@mail.ru

Аннотация. Анализируются этапы и формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность. Одной из подобных форм является социальный феномен ностальгии. Актуализируясь в российских реалиях в рефлексирующем и реставрирующем вариантах, феномен ностальгии формирует мифологизированные образы советской истории. Данные образы становятся основой для различных современных мифов о советском прошлом. С одной стороны, имеет место включение советского наследия в российскую мифотворческую и идеологическую практику, с другой – возрождение советского мифа.

Ключевые слова: мифотворчество, мифологизация, миф, ностальгия, постпамять, СССР

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00610, <https://rscf.ru/project/24-28-00610/>

Для цитирования: Целяковский А.А. «Союз нерушимый»: формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 106–113. doi: 10.17223/15617793/505/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/11

"Indestructible Union": Forms of return of Soviet socio-political practices to Russian reality

Aleksey A. Tselykovsky¹

¹ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, alts1085@mail.ru

Abstract. The study analyzes the stages and forms of the return of Soviet socio-political practices to the Russian reality. The relevance of the research topic is conditioned by the increased role of the Soviet historical heritage in contemporary socio-political practice. The images associated with the Soviet period of Russian history are quite actively exploited by political and media discourse. The main research interest was the social phenomenon of nostalgia, as well as the phenomenon of modern mythology. Accordingly, the theoretical basis of the study was an array of works by domestic and foreign authors on the development of the problems of nostalgia, post-memory, archaic and modern mythology. The study identified several stages of actualization and return of Soviet socio-political practices in the Russian reality. In the 1990s, nostalgic sentiments about the Soviet past began to form in parallel with the official policy of de-Sovietization. Present at the everyday level and realized in a reflexive version, they began to be actively exploited by the media environment. Starting from the 2000s, a gradual return of Soviet socio-political practices has been taking place in the form of a restorative type of nostalgia. This trend is clearly visible in the new state symbols and ceremonial, the system of titles and awards. Russia's growing confrontation with Western countries has created a situation similar to that of the Cold War and the Iron Curtain. Russia, like the Soviet Union, is once again becoming a state that opposes the "collective West". All this leads to a systematic return to the Soviet legacy in the form of political mythology, the central element of which is the victory in the Great Patriotic War and the transformation of the Soviet state into a superpower. This myth legitimizes the political ambitions of contemporary Russia, justifies its position and special historical mission. On the one hand, the return of the Soviet heritage and socio-political practices has constructive effects. The heroic myth of the Soviet past has a powerful consolidating and mobilizing potential. It is quite capable of playing the role of a national ideology. Moreover, the formation of a new Russian identity is impossible without the Soviet past. On the other hand, attempts to restore the Soviet past can have destructive effects. In the new realities, elements of the Soviet socio-political practice can slow down the country's development since in fact the image of the future is replaced by a mythologized and idealized image of the past.

Keywords: myth-making, mythologization, myth, nostalgia, post-memory, USSR

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00610, <https://rscf.ru/project/24-28-00610/>

For citation: Tselykovsky, A.A. (2024) "Indestructible Union": Forms of return of Soviet socio-political practices to Russian reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 106–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/11

Введение

С момента распада СССР прошло уже более трех десятилетий. За это время в общественном сознании неоднократно менялось отношение как самой советской эпохе, так и к попыткам возрождения элементов советской системы в российских реалиях. Непосредственно после распада СССР для нового руководства политика десоветизации социально-политического пространства стала основным идеологическим трендом. Несмотря на то что юридически Российская Федерация была объявлена правопреемницей Советского Союза, тем не менее новая политическая элита стремилась установить преемственную символическую связь с дореволюционной Россией. Принятие имперских символов в качестве государственной символики, возвращение дореволюционных топонимов – все это приводило к тому, что советский период российской истории целенаправленно вытеснялся из символического пространства. Официальная политическая риторика 1990-х гг. акцентировала внимания преимущественно на негативных аспектах советской политической системы. Досоветское прошлое, напротив, получало положительное трактовки и даже идеализировалось. При этом для российской общест-венности отношение к советской эпохе было не столь однозначным. Политическая и экономическая нестабильность, а также кардинальная смена всей системы ценностей обусловили рост ностальгических настроений по утраченному советскому времени. Ностальгия по СССР ярко прослеживается, в частности, на примере политической жизни 1990-х гг., в которой одну из главных ролей играли российские коммунисты.

С началом 2000-х гг. отношение к советскому прошлому со стороны официального политического руководства начинает претерпевать постепенную трансформацию. По мере укрепления централизованной власти, выстраивания властной вертикали и формирования новой политической элиты мифотворческая практика начала активно использовать наследие советской эпохи. Установление символической преемственности с советским прошлым позволило использовать в современной политической практике его мифотворческий потенциал. Одним из первых решений, демонстрирующих данные тенденции, стало принятие в 2000 г. нового гимна России взамен «Патриотической песни» М.И. Глинки, исполнявшейся без слов.

В дальнейшем вышеописанные тенденции усилились, что позволяет говорить уже о системном характере возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность. В ситуации отсутствия государственной идеологии и целостной политической мифологии власть стала активно использовать идею величия Советского Союза для обоснования амбиций современной России и формирования образа великой страны. Особенно показательным в этом отношении стал период Великой Отечественной войны. Победа во Второй мировой и Великой Отечественной войне стала одним из самых значимых символов в постсоветской России, демонстрирующим героизм народа и мощь государства.

Методологические основания исследования

Ответ на вопрос, касающийся актуализации советских социально-политических практик, может дать обращение к исследованиям социального феномена ностальгии. Следует отметить, что на постсоветском пространстве интерес к исследованиям ностальгии достаточно высок [1–3]. Уровень исследовательского интереса к данной проблеме свидетельствует о том, что в методологическом отношении концепт ностальгии может служить в качестве эффективного способа объяснения российской социально-политической практики. Непосредственно сам феномен ностальгии, вслед за отечественными исследователями, можно определить «как эмоционально-психологический и социально обусловленный феномен, одна из форм исторической памяти, проявляющаяся в эмоциональной, психологической, культурной актуализации прошлого личного и социального опыта в его соотношении с наличествующим настоящим, как частный случай идеализации прошлого, необходимый для его экзистенциального освоения» [4. С. 18]. Как видно из приведенного определения, ностальгия является формой исторической памяти, основанной не только на личном, но и на коллективном историческом опыте.

Обращение к феномену ностальгии, таким образом, позволяет прояснить не только причины возвращения элементов советского прошлого в российскую действительность, но и выявить различные формы данного возвращения.

Одним из важных исследовательских инструментов для понимания актуализации советского прошлого является концепт постпамяти. Данный концепт был предложен М. Хирш и использовался ею для анализа механизмов передачи исторической травмы, связанной с Холокостом, а также способов ее преодоления. Хотя Хирш использует концепт постпамяти для описания травматического исторического опыта, он вполне применим для характеристики восприятия советской эпохи значительной частью российского общества. Актуализация и активная трансляция образов советского прошлого в общественном сознании свидетельствует о наличии непроработанной исторической травмы, связанной с распадом СССР.

В центре исследования М. Хирш находится так называемое второе поколение, т.е. поколение людей, не принимавших непосредственное участие в событиях, но ставших носителями травматического исторического опыта. Так же как и в случае с ностальгией, носитель коллективной памяти может и не быть участником исторического события, однако является транслятором тех или иных образов прошлого. По мысли М. Хирш, «связь постпамяти с прошлым в действительности опосредована не воспоминаниями, но работой воображения, проекцией и творчеством» [5. С. 22]. М. Хирш подчеркивала, что для работы постпамяти очень важны так называемые агенты, или медиаторы. Их функции могут выполнять как конкретные личности (писатели, художники и т.д.), так и государственные структуры, а также социальные институты. Все они в совокупности становятся «суррогатными свидетелями», формирующими образ прошлого.

Таким образом, концепт постпамяти позволяет выявить и проанализировать конкретных акторов или агентов-медиаторов, формирующих и транслирующих те или иные образы советского прошлого.

Однако основной концептуальной рамкой исследования станет феномен современной мифологии, рассматриваемый с точки зрения социальной антропологии и социальной философии. Современная мифология представляет собой необходимую составляющую общественного сознания, выполняющую функции концептуализации и трансляции социокультурного опыта. По своей сути современная мифология является результатом интерпретации того или иного социального феномена, явления или события в соответствии с мифологическими символами-архетипами.

При этом следует различать два способа формирования современных мифов: мифотворчество и мифологизацию. Мифотворчество как процесс конструирование социальных и политических мифов представляет собой целенаправленную деятельность, заключающуюся в интерпретации социально-политических субъектов, процессов и событий в соответствии с определенными мифологическими символами-архетипами. Мифологизация – это неосознанная интерпретация объектов, явлений и событий в соответствии с мифологическими символами-архетипами, реализующаяся на уровне повседневности. В этой связи следует согласиться с А.Г. Ивановым, связывающим термины «мифотворчество» и «мифологизация» с выделением в структуре общественного сознания двух уровней: теоретического и обыденного. По его мнению, «процессы мифотворчества затрагивают преимущественно теоретический уровень, процессы мифологизации – обыденный уровень» [6. С. 59]. В этом смысле процесс мифотворчества соответствует реставрирующему типу ностальгии, мифологизация – рефлексивному.

Концепт современной мифологии в этом отношении является одним из наиболее эффективных инструментов, который можно использовать для анализа возвращения советских социально-политических практик.

Формы советских социально-политических практик в российской действительности

Пожалуй, самой очевидной формой возвращения советских социально-политических практик является социальный феномен ностальгии. Типология феномена ностальгии довольно обширна. Она может включать в себя психологический, культурный или социальный аспекты. Так, отечественными исследователями Р.Н. Абрамовым и А.А. Чистяковой при анализе социального измерения ностальгии выделяются следующими уровни: персональный, коллективный и социальный [7. С. 53]. Персональный уровень представляет личную эмоциональную окраску образов прошлого. Коллективный уровень объединяет личный опыт индивида с опытом родственных ему социальных групп. А на социальном уровне ностальгия объединяет уже крупные социальные группы или даже общество в целом. По мнению ряда исследователей, феномен ностальгии актуализируется в виде двух разновидностей: рефлексивной

и реставрирующей. Рефлексивная ностальгия представляет собой активное обращение общественного сознания к образам прошлого, а также продуцирование их в сфере массовой культуры, медиапрактике и т.д. Реставрирующую ностальгию можно определить как целенаправленное возвращение конкретных практик в социально-политическую сферу. По мысли русско-американской исследовательницы С. Бойм (автора данной классификации ностальгии), «реставрирующая ностальгия проявляется себя в тотальной реконструкции монументов прошлого, в то время как рефлексивная ностальгия тяготеет к руинам, патине времени, мечтам об иных местах и других эпохах» [8. С. 120]. Следовательно, ностальгия может являться частью идеологической практики и официального политического дискурса (реставрирующий тип), например, при использовании символики ушедшей эпохи или каких-либо идей и мифов. В то же время ностальгия присутствует в общественном сознании на повседневном уровне (рефлексивный тип).

Необходимо подчеркнуть, что ностальгия оперирует не строгими историческими фактами, а мифологизированными и идеализированными образами, выполняющими терапевтическую функцию в настоящем. Как уже было сказано, в современных российских реалиях рефлексивный тип ностальгии характерен для медиапрактики. Различные медиапроекты, посвященные СССР, стали появляться уже в 1990-е гг. Впрочем, в данный исторический период ностальгические настроения были тесно переплетены с «живой» коммуникативной (если следовать терминологии Я. Асмана) памятью. В дальнейшем становилось все больше медиапроектов самой разной направленности: от чисто развлекательных до вполне серьезных. Например, проект Л. Парфенова «Намедни. Наша эра», возникший первоначально как цикл документальных телевизионных передач, продолжившийся в виде цикла печатных изданий, а затем перешедший в формат интернет-шоу «НМДНИ». Образы СССР в проектах Л. Парфенова формируются с точки зрения «простого» советского человека. При этом подчеркивается огромное влияние советской эпохи на современность. При этом проекту Л. Парфенова присущ легкий, местами ироничный стиль повествования. В качестве примера можно также привести цикл документальных передач «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». Каждая серия цикла посвящена событиям одного года и имеет главного героя – политика или общественного деятеля. Акцент делается на ключевых исторических событиях и персонажах. Проекту Н. Сванидзе в отличие от проекта Л. Парфенова свойствен серьезный и критический стиль. Необходимо подчеркнуть, что С. Бойм писала, что рефлексивная ностальгия может иметь не только позитивную окраску. Она может проявляться в иронической, критической и даже осуждающей манере.

На телевидении появилась масса других телепередач, эксплуатирующих ностальгические настроения по советской эпохе («Старая квартира», «Какие наши годы», «Лучшие годы нашей жизни» и др.). Помимо телевизионных фильмов и передач, довольно большое

количество проектов существует в сети Интернет. К примеру, сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: «Мы из СССР – Вспомним лучшее», «СССР Ностальжи – как это было...», «Однажды в СССР» и др. Можно упомянуть и творческие интернет-проекты. Например, художественный проект «СССР – 2061», изображающий альтернативную историю, в которой Советский Союз не распался, а продолжает существовать в виде технически развитой космической державы. К знаковым личностям и событиям советской истории зачастую обращается российский кинематограф. Таким образом, примеры присутствия рефлексированной ностальгии в медиaprостранстве довольно многочисленны. Вся эта совокупность различных медиапроектов и персон становятся медиаторами, создающими и транслирующими образы прошлого и запускающими работу постпамяти. Актуализируя мифологизированные пласты памяти и комбинируя их с современными медиаобразами Советского Союза, они институционализируют постпамять в эстетической сфере.

Актуализация ностальгии в реставрирующем варианте (в политической сфере) происходит в 2000-х гг. Первым примером данного процесса стало принятие нового государственного гимна. Была сохранена мелодия советского гимна, сочиненная А.В. Александровым, текст был написан С.В. Михалковым – одним из авторов слов гимна Советского Союза. В своем заявлении, посвященном принятию новой государственной символики, президент высказал мысль, что смысл государственных символов заключается в том, чтобы объединить различные периоды российской истории в единую непрерывную линию. В.В. Путин говорил о существовании двух точек зрения по поводу государственных символов. Он замечает по этому поводу: «Одна точка зрения сводится к тому, что мы не можем использовать сегодня в качестве государственных символов символику дореволюционной России, царской России. Другие полагают, что мы не можем использовать символы советского периода существования нашего государства» [9]. Основная мысль заявления президента заключалась в недопустимости исключения каких-либо исторических периодов из исторического сознания. В итоге президент заключил: «Тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. Куда мы с вами тогда поместим достижения русской культуры? Куда мы денем Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского? Куда мы денем достижения русской науки, Менделеева, Лобачевского и многих, многих других? Многое из того, чем мы гордимся, – куда мы все это денем? ...Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина? А как же блестящие победы русского оружия – со времен Румянцева, Суворова, Кутузова? А как же победа весной 1945 года?» [9]. Таким образом, для политики нового российского руководства было характерно стремление выстроить целостную картину истории, в которой советский период занимает одно из самых главных мест.

В дальнейшем некоторые советские практики были возвращены в систему государственных званий и наград. В 2013 г. было учреждено звание Героя Труда Российской Федерации (аналог звание Героя Социалистического Труда, просуществовавшего с 1938 по 1991 г.), присуждаемое за особые трудовые заслуги перед государством и народом. Инициатором возвращения звания «Герой Труда» выступило межрегиональное общественное движение «В защиту человека труда!» в 2012 г. Примечательно, что присуждение звания Героя Труда Российской Федерации приурочены ко Дню весны и труда – празднику, доставшемуся современной России от советской эпохи. В 2021 г. был учрежден почетный знак «За успехи в труде». В Советском Союзе с 1986 по 1991 г. существовала награда с аналогичным названием, которая вручалась учащимся общеобразовательных школ и ПТУ за достижение высоких результатов в общественно-полезном труде. Российская награда в отличие от советской вручается коллективам различных предприятий или учреждений за высокие достижения в различных областях.

Еще одним советским званием, вернувшимся в российскую общественно-политическую жизнь, стало звание «Мать-героиня». В Советском Союзе звание «Мать-героиня» было установлено в 1944 г. в качестве высшей государственной награды для женщин, родивших и воспитавших 10 и более детей. Наряду с орденом «Мать-героиня» в СССР существовали орден «Материнская слава» (за рождение и воспитание 7–9 детей) и медаль Материнства (за рождение и воспитание 5–6 детей). Политика повышения рождаемости и преодоления сложной демографической ситуации, проводимая с начала 2000-х гг., обусловила учреждение в 2008 г. ордена и медали «Родительская слава», вручаемого обоим родителям. Однако в 2022 г. было учреждено звание «Мать-героиня», присуждаемого, как и в советскую эпоху, женщинам, родившим и воспитавшим 10 и более детей. Подобная система званий и наград создает, как и в СССР, символическую картину всесторонней заботы о человеке, прославления человека труда, поощрения материнства.

В 2022 г. (в столетие всесоюзной пионерской организации) была создана всероссийская детская и подростковая организация, получившая название «Движение первых». В основные задачи движения входит патристическое воспитание подрастающего поколения. Несмотря на то что в России и раньше создавались молодежные движения («Наши», «Идущие вместе», «Юнармия» и т.д.), дата создания организации «Движения первых», цели и само название делают ее символической «наследницей» всесоюзной пионерской организации.

Приведенные примеры возвращения конкретных советских символов и практик показывают реализацию реставрирующего типа ностальгии, устанавливающего уже не только символическую, но и вполне практическую преемственность советского прошлого.

Установление данной преемственности позволило использовать в современной политической практике

его мифотворческий потенциал. То есть реализация советских практик в форме реставрирующей ностальгии стала катализатором для мифотворческих процессов. Центральным нарративом постсоветской политической мифологии стала победа в Великой Отечественной войне. Понеся огромные потери, Советский Союз внес решающий вклад в победу над фашизмом. Советское государство смогло не только отстоять свою свободу, но и превратиться в сверхдержаву. Как отмечают российские исследователи, «в современных условиях он фактически обрел статус главного праздника, предоставив власти неограниченные возможности в интерпретации своей символики» [10. С. 25]. Празднование Дня победы становится без преувеличения одним из главных ежегодных политических событий. Как замечает по этому поводу Н.Е. Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [11. С. 163]. Миф, сложившийся вокруг Великой Отечественной войны, становится инструментом легитимации внешнеполитических целей России, обоснования ее особого положения на мировой политической арене.

Установление символической преемственности между дореволюционной историей, советским периодом и современной Россией привело к переоценке некоторых исторических личностей. Небезынтересно отметить, что постепенной переоценке подверглась фигура И.В. Сталина. Данный процесс можно проследить на примере высказывания первых лиц государства о советском вожде. В 2016 г. в интервью О. Стоуну В.В. Путин назвал И.В. Сталина «сложной фигурой», сказав, что не следует забывать о сталинских репрессиях, но при этом призвав воздержаться от его излишней демонизации. Более того, по мысли В.В. Путина демонизация И.В. Сталина является одной из форм нападок на Россию [12].

При этом к основателю Советского государства В.И. Ленину отношение первого лица государства оставалось негативным. В одном из своих выступлений В.В. Путин назвал В.И. Ленина человеком, заложившим «мину под российскую государственность, которая складывалась тысячу лет» [13]. Возникает закономерный вопрос: почему образ И.В. Сталина в современной политической практике остается востребованным и более устойчивым, чем образ основателя Советского государства В.И. Ленина? В.И. Ленин – это, прежде всего, революционер, человек, организовавший и осуществивший революцию, уничтожившую Российскую империю. В числе последствий революции можно назвать потерю Россией значительной части своих территорий, Гражданскую войну, голод. Разрушив прежнее государство, он фактически не успел создать новое. И.В. Сталин же, напротив, выступает в роли государственника, который не только восстановил разрушенную страну, но и, проведя индустриализацию, увеличил ее экономический потенциал. С именем И.В. Сталина связана победа в Великой Отечественной войне, присоединение утраченных территорий и превращение Советского Союза в сверхдержаву. При этом на второй план отходят беспрецедентные по

своим масштабам политические репрессии и внешнеполитические ошибки И.В. Сталина.

Эскалации противостояния России со странами Запада создает ситуацию новой холодной войны. А международные санкции в отношении России превращаются в новый «железный занавес», отделяющий страну от западного мира. Все это создает исключительно благоприятную обстановку для возрождения и распространения советского мифа.

Примечательно, что советский миф становится неким образом не только настоящего, но и будущего России. К примеру, в конце 2022 г. «Фондом прогрессивной политики» был представлен доклад «Образы будущего для России: сценарии, развилки и оценки», в рамках которого были сформулированы наиболее вероятные сценарии развития страны в будущем. Первым в числе возможных вариантов будущего социально-политического устройства авторами был представлен проект под названием «СССР 2.0». По мысли авторов, «СССР 2.0» – это самодостаточная политическая система с регулируемой государством экономикой, государственной идеологией и цензурой [14]. То есть в качестве модели будущего социально-политического устройства предлагается вернуть наиболее характерные для советского строя практики. Главным элементом данной модели становится замкнутая на себе политическая государственная система, максимально отгороженная от внешнего мира «железным занавесом». Установление подобной политической системы повлечет полное госрегулирование в экономике и тотальное импортозамещение. Существование и функционирование политической системы будет обеспечивать государственная идеология. Фактически речь идет о целенаправленном внедрении советских социально-политических практик, адаптированных под современные внешне- и внутривнутриполитические реалии. Вероятность складывания такой социально-политической модели является вопросом дискуссионным, однако само ее появление представляется довольно симптоматичным.

Эффекты от возвращения советских социально-политических практик

Какие эффекты несет возвращение советского наследия, какие функции могут выполнять советские практики в современных условиях? Для ответа стоит обратиться к специфике и функциям современной мифологии. Современная мифология, транслируя те или иные идеи и ценности, формирует определенные стереотипы социального поведения. Например, рационализированные и переосмысленные космогонические архетипы ложатся в основу мессианских политических мифов, формирующих представления об особом историческом пути нации и государства. Архетип героя превращается в базу для героических мифов, легитимирующих власть политического лидера, элиты или государства в целом.

Мифологию вполне можно назвать одним из главных элементов, фундирующих общественное сознание

и коллективную память. О мифе как основе коллективной памяти писал, в частности, Я. Ассман: «Миф – это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [15. С. 55]. При этом, как и в случае феномена ностальгии, является несущественным то, насколько мифологические образы прошлого соответствуют действительности. Главным критерием является принятие большинством мифологизированного образа прошлого в качестве истинного. Исходя из этого, Я. Ассман следующим образом описывал взаимосвязь коллективной памяти о прошлом и мифа: «Прошрое, закреплённое и интериоризованное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фиктивно оно или действительно» [15. С. 80].

А. Ассман замечала, что миф подразумевает эмоционально-аффективное усвоение истории. В этом заключается одна из ключевых особенностей мифа, как способа репрезентации образов прошлого. Апеллируя к эмоционально-аффективным слоям общественного сознания, миф обнаруживает поразительную устойчивость перед рациональной аргументацией. По мысли А. Ассман, «миф служит исторической основой; эта основа не может быть опровергнута научными исследованиями, ибо постоянно обогащается толкованиями, которые, сохраняя для социума прошлое в настоящем, дают данному социуму ориентацию на будущее» [16. С. 38].

Транслируемые современным мифом смыслы становятся для общественного сознания ориентирами в пространстве социальной реальности, моделями мышления и деятельности. Кроме того, миф формирует представления об исторической судьбе народа и государства. Как замечает по этому поводу Э.Я. Баталов, «он формирует у членов той или иной общности представление об общей исторической судьбе; сплавивает вокруг общих ценностей и целей – подлинных или мнимых; способствует социальной и (на более поздних ступенях) национально-государственной самоидентификации этой общности. Миф задает смысл существованию данного народа среди других народов земли и оправдывает его пребывание в этом мире» [17. С. 59]. Сказанное подтверждает универсальный характер современного мифа. В этом аспекте миф можно рассматривать как универсальную коммуникативную систему, понятную человеку любой культуры и эпохи. Этим объясняется устойчивость мифа как способа представления и интерпретации социально-политической реальности.

Таким образом, миф составляет один из главных элементов, формирующих идентичность, коллективную память и систему духовно-ценностных ориентиров. В этом отношении реставрация советского мифа и последующее возвращение советских социально-политических практик может оказать конструктивное действие на общественное сознание. Конструирование современной российской идентичности невозможно без опоры на советскую эпоху. Как уже отмечалось ранее, Великая Победа стала одним из главных символов страны, взяв на себя роль мифа о происхождении новой России. Еще в 2005 г. В.В. Путин назвал крушение СССР крупнейшей геополитической катастрофой

XX в. Следуя этой логике, можно сказать, что Россия не могла появиться в результате катастрофы. Поэтому современная Россия родилась не в 1991 г. на обломках Советской сверхдержавы, а в 1945 г. как страна-победитель мирового зла. То есть отправным пунктом для конструирования российской идентичности стал не момент распада сверхдержавы, а момент ее создания.

Исключение советского периода из российской истории в 1990-е гг. лишь способствовало росту дезориентации общественного сознания. Конструирование единого нарратива российской истории привело к формированию целостной политической мифологии, использующей символический капитал советской эпохи. Основными акторами здесь выступают, прежде всего, государственные и властные структуры. Реставрированный советский миф активно включается в политический дискурс, частично выполняя функции государственной идеологии. В то же время анализ медиапрактики, а также результаты социологических опросов свидетельствуют [18] о ностальгическом восприятии советского времени довольно большим числом граждан России. Поэтому советский миф и основанные на нем социально-политические практики обладают конструктивным консолидирующим потенциалом.

Однако возвращение советского наследия без оглядки на современные реалии может иметь и деструктивные последствия. Чрезмерная мифологизация СССР, его идеализация путем актуализации ностальгических настроений и работы постпамяти, создает утопический образ, не имеющий отношения к реальному прошлому. С одной стороны, идеализация Советского Союза может усилить историческую травму, связанную с его распадом. С другой стороны, идеализация СССР может привести к попыткам реставрации нежизнеспособных ценностей, идей и практик. Образ будущего будет подменяться идеализированным и мифологическим образом прошлого, недостижимым в реальности (например, проект «СССР 2.0»).

Заключение

Таким образом, процесс возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность происходил в несколько этапов. В 1990-е гг. параллельно с официальной политикой десоветизации начинают формироваться ностальгические настроения относительно советского прошлого. Присутствующие на повседневном уровне и реализуемые в рефлексированном варианте, они начинают активно эксплуатироваться медиасредой. Начиная с 2000-х гг. в форме реставрирующего типа ностальгии происходит постепенное возвращение советских социально-политических практик. Данная тенденция хорошо заметна на примере новой государственной символики и церемониала, системы званий и наград. Рост конфронтации России со странами Запада породил ситуацию, схожую с ситуацией времен холодной войны и железного занавеса. Россия подобно Советскому Союзу вновь становится государством, противопоставляющим себя «коллективному Западу». Все это приводит уже к систематическому возвращению советского наследия в форме политической

мифологии, центральным элементом которого выступает победа в Великой Отечественной войне и превращение Советского государства в сверхдержаву. Данный миф легитимирует политические амбиции современной России, обосновывает ее положение и особую историческую миссию.

С одной стороны, возвращение советского наследия и социально-политических практик имеет конструктивные эффекты. Героический миф советского прошлого обладает мощным консолидирующим и мобилизующим по-

тенциалом. Он вполне способен играть роль общенациональной идеологии. Более того, формирование новой российской идентичности невозможно без советского прошлого.

С другой стороны попытки реставрировать советское прошлое могут иметь и деструктивные эффекты. В новых реалиях элементы советской социально-политической практики могут стать тормозом для развития страны, поскольку фактически образ будущего подменяется мифологизированным и идеализированным образом прошлого.

Список источников

1. Ядова М.А. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 231–246.
2. Долгов А.Ю. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. 2021. № 1. С. 245–273.
3. Злотникова Т.С. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 133–143.
4. Ностальгия по советскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
5. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое издательство, 2021. 428 с.
6. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. М. : Алетейя, 2019. 182 с.
7. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: По волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 52–58.
8. Бойм С. Будущее ностальгии. М. : Нов. лит. обозрение, 2021. 680 с.
9. Заявление в связи с внесением на рассмотрение Государственной Думы законопроектов о государственной символике // Президент России. События 04 декабря 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21137>
10. Гигаури Д.И., Гуторов В.А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45.
11. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Нов. лит. обозрение, 2011. 320 с.
12. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным. М. : Альпина Паблишер, 2017. 350 с.
13. Путин считает, что Ленин «заложил мину» под государственность России // ТАСС. 10.12.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7314227>
14. Бондаренко О., Гращенко И., Серебренников С. Образы будущего для России: сценарии, развилки и оценки // Фонд прогрессивной политики. URL: <https://progresspolicy.ru/wp-content/uploads/2022/11/Obrazy-budushhego-dlya-Rossii.pdf>
15. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 364 с.
16. Ассман А. Длинная тень прошлого. М. : Нов. лит. обозрение, 2014. 328 с.
17. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
18. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ Новости. 30.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzya-vernutsya>

References

1. Yadova, M.A. (2021) "Ne po proshlomu nostalg'iya, nostalg'iya po nastoyashchemu": postsovetская molodezh' o raspade SSSR ["Nostalgia for the Present, Not for the Past": Post-Soviet Youth on the Collapse of the USSR]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 5. pp. 231–246.
2. Dolgov, A.Yu. (2021) Ot nostalg'ii k osmysleniyu nastoyashchego: SSSR v predstavleniyakh raznykh pokoleniy [From nostalgia to understanding the present: The USSR in the views of different generations]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 245–273.
3. Zlotnikova, T.S. (2021) Nostal'giya po sovetскому v sovremennom mediaprostranstve [Nostalgia for the Soviet in the modern media space]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2 (119). pp. 133–143.
4. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostal'giya po sovetскому* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Hirsch, M. (2021) *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Postmemory Generation: Writing and visual culture after the Holocaust]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
6. Ivanov, A.G. (2019) *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. Moscow: Aleteyya.
7. Abramov, R.N. & Chistyakova, A.A. (2012) Nostal'gicheskie reprezentatsii pozdnego sovetского perioda v mediaproektakh L. Parfenova: Po volnam kollektivnoy pamyati [Nostalgic representations of the late Soviet period in Leonid Parfenov's media projects: along the waves of collective memory]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1. pp. 52–58.
8. Boym, S. (2021) *Budushchee nostalg'ii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Official Internet Resources of the President of Russia. (2000) Zayavlenie v svyazi s vneseniem na rassmotrenie Gosudarstvennoy Dumy zakonoproektov o gosudarstvennoy simvolike [Statement in connection with the submission of bills on state symbols to the State Duma]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21137>.
10. Gigaury, D.I. & Gutov, V.A. (2017) Politicheskii mif v strukture istoricheskoy pamyati [Political myth in the structure of historical memory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2. pp. 24–45.
11. Kopsosov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Stone, O. (2017) *Interv'y u Vladimirom Putiny* [The Full Transcripts of the Putin Interviews]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
13. TASS. (2019) Putin schitaet, chto Lenin "zalozhil minu" pod gosudarstvennost' Rossii [Putin believes that Lenin "laid a mine" under the statehood of Russia]. TASS. 10 December. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/7314227>.
14. Bondarenko, O., Grashchenkov, I. & Serebrennikov, S. (2022) Obrazy budushchego dlya Rossii: stsennarii, razvilki i otsenki [Images of the Future for Russia: Scenarios, Forks and Assessments]. *Fond progressivnoy politiki*. [Online] Available from: <https://progresspolicy.ru/wp-content/uploads/2022/11/Obrazy-budushhego-dlya-Rossii.pdf>.
15. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

16. Assmann, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo* [The Long Shadow of the Past]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Batalov, Ya. (2009) *Russkaya ideya i amerikanskaya mehta* [The Russian Idea and the American Dream]. Moscow: Progress-Traditsiya.
18. VTsIOM Novosti. (2022) 100 let SSSR: zabyt' nel'zya vernut'sya? [100 years of the USSR: can't forget or return?]. *VTsIOM Novosti*. 30 December. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.

Информация об авторе:

Цельковский А.А. — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: alts1085@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Tselykovsky, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: alts1085@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2024;
одобрена после рецензирования 07.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 05.05.2024;
approved after reviewing 07.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.17223/15617793/505/12

Историческая наука Урала и Великая Отечественная война: деятельность эвакуированных академических и образовательных учреждений центральной части СССР в 1941–1943 гг.

Никита Дмитриевич Гилевич¹, Андрей Андреевич Кулинский²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ gilevich.nikita@yandex.ru

² kulinsky@mail.ru

Аннотация. Рассматривается воздействие периода эвакуации Великой Отечественной войны на развитие исторической науки Урала. Проанализирована историография и выявлены научно-исследовательские подходы к пониманию процесса эвакуации. Восполнены контекстуальные пробелы в изучении истории высшего исторического образования Урала. Кроме того, выявлены научные связи свердловских историков и специалистов центральной части СССР.

Ключевые слова: история советской исторической науки, Урал, Великая Отечественная война, Свердловский государственный университет, Московский государственный университет, Академия наук СССР, Херсонесский историко-археологический музей

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Для цитирования: Гилевич Н.Д., Кулинский А.А. Историческая наука Урала и Великая Отечественная война: деятельность эвакуированных академических и образовательных учреждений центральной части СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 114–124. doi: 10.17223/15617793/505/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/12

Historical science of the Ural and the Great Patriotic War: Activities of evacuated academic and educational institutions of the central part of the USSR in 1941–1943

Nikita D. Gilevich¹, Andrey A. Kulinsky²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ gilevich.nikita@yandex.ru

² kulinsky@mail.ru

Abstract. The modern society is increasingly interested in the Soviet period of national history. Despite the fundamental study of individual topics, there are still subjects in historiography that need additional research. One of the controversial issues of the war period is the activities of scientific and educational institutions of the central part of the USSR in the conditions of evacuation. The aim of this article is to analyze the influence of evacuated scientific and educational institutions on the Ural historical science in 1941–1943. The authors investigated the historiography and identified research approaches to understanding the evacuation process. Historiographers have only fragmentarily revealed the stories devoted to the scientific and pedagogical work of the arrived specialists and their interaction with the Ural historians. This article fills some gaps in the functioning of academic and educational institutions of the central part of the USSR in Sverdlovsk related to historical science. The first part of the study discusses the activities of the History Faculty of Moscow State University and the Chersonesos Historical and Archaeological Museum in Sverdlovsk. It is revealed that teachers of Moscow State University were temporary part-time workers at Sverdlovsk State University. The evacuated historians, who worked part-time at Sverdlovsk University's History Faculty, were concentrated on their duties at their main workplace, which adversely affected the level of lectures at Sverdlovsk University. The second part of the study considers activities of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, which worked to organize academicians's activities in the conditions of war. Thus, in late August – early September 1941, a commission was established to mobilize the resources of the Urals. In addition to the Commission, a Group on the History of Technology was established at the Department of Technical Sciences. Professors and academicians of the group actively interacted

with the Ural historians. Thus, the scientific and pedagogical activities of the evacuated professors at Sverdlovsk University did not affect the qualitative replenishment of personnel and the training of students. Nevertheless, the activities of academicians and professors who worked in Sverdlovsk Oblast contributed to the expansion and stimulation of Ural topics. The study of the history of the Urals in the following decades became the main scientific direction not only for Sverdlovsk historians, but also for a group of specialists of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: Great Patriotic War, Ural, Sverdlovsk State University, Moscow State University, USSR Academy of Sciences, Chersonesos Historical and Archaeological Museum

Financial support: The research funding from the Ural Institute of Humanities UrFU ("My First Grant" Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Gilevich, N.D. & Kulinsky, A.A. (2024) Historical science of the Ural and the Great Patriotic War: Activities of evacuated academic and educational institutions of the central part of the USSR in 1941–1943. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 114–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/12

В современном обществе с новой силой возрастает интерес к советскому периоду отечественной истории. В частности, на фоне вопросов, посвященных изучению политико-идеологической истории, выделяется период Великой Отечественной войны, представленный разнообразными тематическими и жанровыми научными исследованиями. В российской исторической науке наиболее разработанной проблемой считается применение научного потенциала страны для разгрома нацистской Германии [1. С. 210]. Несмотря на фундаментальную проработку отдельно взятых тем, в историографии остаются вопросы, нуждающиеся в дополнительных исследованиях. Одним из таких вопросов с уверенностью можно назвать деятельность научных и образовательных учреждений центральной части СССР в условиях эвакуации. Рассматриваемый период охарактеризован как процесс по спасению материальных и интеллектуальных ресурсов страны от захвата и уничтожения Германией. В свою очередь, вопрос о влиянии эвакуации на развитие региональной исторической науки в историографии недостаточно разработан.

Одним из центров эвакуации в военное время был Свердловск (современный Екатеринбург). С началом войны роль Урала значительно возросла, так как здесь в 1941–1943 гг. находились многие учреждения, в том числе исторические. В Свердловск были переведены Московский ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова (далее – МГУ) и Президиум Академии наук СССР (далее – АН СССР). На Урале также был размещен Херсонесский историко-археологический музей. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. на Урале активно формировался один из научно-образовательных центров, а именно Свердловский (с 1945 г. – Уральский) государственный университет им. А.М. Горького (далее – СГУ, УрГУ), с которым контактировали эвакуированные академические и образовательные структурные подразделения.

Интерес к деятельности эвакуированных ученых-историков на Урале стал намечаться в период возвращения учреждений из тыла. Преподаватель кафедры истории СССР Свердловского университета М.А. Горловский в 1943 г. опубликовал информационную заметку о работе объединенной кафедры истории СГУ: «Курс историографии читает д-р исторических наук проф. М. Тихомиров... Значительным достижением в

жизни университета явилась защита докторской диссертации проф. А. Введенским» [2. С. 106–107].

Преподаватель кафедры новой и новейшей истории УрГУ Н.С. Печатальщикова в 1961 г. опубликовала статью, посвященную историческому факультету, в которой эвакуированным историкам была отведена особая роль в развитии научно-педагогической деятельности Свердловска: «Неоценимую помощь оказали факультету эвакуированные на Урал видные ученые Москвы, Ленинграда и Киева (В.П. Волгин, Н.А. Машкин, А.И. Неусыхин, М.Н. Тихомиров, А.А. Введенский). В 1942 г. академик В.П. Волгин прочел здесь свой курс “История социалистических идей”, а профессор А.А. Введенский – “Строгановы и Ермак”» [3. С. 160]. Автором также была отмечена деятельность ученого совета по защитах диссертаций: «В военные годы в стенах факультета были защищены докторская диссертация А.А. Введенским, кандидатские – Ф.И. Суриным, Д.Л. Похилевичем, Г.П. Рычков» [3. С. 160].

Сотрудник исторического факультета УрГУ Г.А. Кулагина в коллективной монографии «Очерки истории Уральского университета» (1967) «сделала попытку воспроизвести историю факультета» [4. С. 3], в том числе упомянув о работавших в университете эвакуированных преподавателях: «В ноябре 1941 г. все исторические кафедры были объединены в одну, заведующим был назначен эвакуированный из Киева доцент А.А. Введенский. На факультете стали читать лекции крупные ученые, эвакуированные из Москвы и Ленинграда: М.Н. Тихомиров (источниковедение), А.И. Неусыхин (средние века). Академик В.П. Волгин читал курс: “История социалистических идей”» [5. С. 112].

Декан исторического факультета УрГУ В.И. Шихов в обзорном исследовании 1980 г. также отметил факт пребывания ведущих историков Советского Союза в Свердловске: «В годы Великой Отечественной войны на факультете трудился большой отряд крупных ученых из Москвы, Ленинграда и других городов страны, в том числе академики М.Н. Тихомиров и В.П. Волгин, профессора И.И. Крыльцов, И.А. Неусыхин» [6. С. 113].

Таким образом, в советской историографии деятельность эвакуированных ученых носит фактографический характер. Уральскими исследователями не поднимался вопрос о воздействии прибывших учреждений на развитие региональной науки.

В современной историографии сформировалась тенденция к положительной оценке деятельности эвакуированных ученых и преподавателей. Известными уральскими историографами В.Д. Камыниным и Е.Б. Заболотным в обзорной статье 1995 г. констатировалось, что «наличие в Свердловском университете опытных кадров из центра позволило не только обеспечить преподавание исторических дисциплин на высоком уровне, но и повысить квалификацию уральских историков» [7. С. 130].

В 2015 г. издана монография авторитетного специалиста по истории Великой Отечественной войны А.В. Сперанского, где отражено благотворное влияние эвакуированных деятелей науки на высшую школу Свердловска [8. С. 104]. Историк утверждает, что «многие вузы Урала значительно усилили качественный состав сотрудников». Автор указывает следующих выдающихся эвакуированных деятелей, работавших в местном университете: В.П. Волгин, М.Н. Тихомиров, А.А. Введенский, А.И. Неусыхин [8. С. 104]. Однако исследователем было отображено общее состояние Свердловского университета в годы войны, что сказалось на выводах по отдельным факультетам. Кроме положительной оценки периода эвакуации, в историографии был сформирован и другой подход.

Специалист по истории высшего исторического образования на Урале А.В. Черноухов в книге 2008 г. проанализировал научно-педагогическую деятельность исторического факультета СГУ в период эвакуации: «Так как Свердловск в годы войны был одним из центров эвакуации вузов, истфак внешне не испытывал в 1941–1943 гг. недостатка в квалифицированных кадрах. Здесь работали академик В.П. Волгин, крупные ученые МГУ Н.А. Машкин, А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, из Киева приехал А.А. Введенский» [9. С. 102]. Тем не менее ученый свидетельствует, что «историческое отделение факультета не росло и не совершенствовалось, более 50% совместителей или временных (хотя и высококвалифицированных!) работников могли в любой момент уйти. А замена им не готовилась» [9. С. 102]. В данном исследовании впервые поднимается вопрос о состоянии кадрового баланса на историческом факультете в годы войны. Несмотря на рост преподавательского состава, многие из сотрудников являлись временными совместителями, что в послевоенный период привело к нехватке квалифицированных кадров.

Итак, в историографии сформировались два подхода в изучении периода эвакуации. Однако исследователями лишь фрагментарно были раскрыты сюжеты, посвященные научно-педагогической работе прибывших специалистов и их взаимодействию с уральскими историками. В данной работе восполняются некоторые пробелы в функционировании академических и образовательных учреждений центральной части СССР в Свердловске, связанных с исторической наукой.

Эвакуация не всегда проходила организованно. Некоторым преподавателям приходилось добираться до центров эвакуации самостоятельно. Прибывшие столкнулись с рядом бытовых проблем, для разрешения которых было необходимо трудоустройство.

С рабочими местами не было проблем, так как после начала войны и ухода на фронт преподавателей Свердловский университет был заинтересован в пополнении коллектива высококвалифицированными специалистами.

А.А. Введенский – доцент Киевского университета – эвакуировался в Свердловск самостоятельно, работал преподавателем исторического факультета СГУ с августа 1941 г. [10. С. 269]. Ученый читал курс по «Истории народов СССР», специальный курс «Строгановы и покорение Сибири» [11. С. 153]. 17 октября 1941 г. возглавил объединенную кафедру истории исторического факультета СГУ [9. С. 100].

Многие же структурные подразделения проводили эвакуацию организованно. В данном случае речь идет об историческом факультете МГУ и Президиуме АН СССР. Формально переброска столичных вузов началась с распоряжения Совета по эвакуации при СНК СССР «Об эвакуации из Москвы вузов и НИИ» от 15 октября 1941 г. [12. Л. 58]. Первоначально учебные подразделения МГУ в 1941 г. эвакуировались в Ашхабад. Там профессорско-преподавательский состав исторического факультета был пополнен сотрудниками Института философии, литературы и истории [9. С. 100].

Однако предоставленная база Ашхабадского педагогического института не подходила для поддержания штатной деятельности факультетов университета [13. С. 82]. Согласно воспоминаниям исполняющего обязанности ректора МГУ И.С. Галкина, «на заседании Ученого совета [6 июля 1942 г.] сотрудники твердо высказались за перебазирование университета в другое место... Решено было обратиться с письмом к И.В. Сталину с просьбой о перебазировании университета. В ответ на это письмо я, как исполняющий обязанности ректора, был вызван в Москву, где по указанию Сталина было принято решение о переводе университета в Свердловск» [13. С. 83].

Переезд Московского университета из Ашхабада в Свердловск проходил в июле – августе 1942 г. [14. С. 44], «местом размещения МГУ в Свердловске был Индустриальный институт (позднее – Политехнический)» [15. С. 8]. Занятия студентов начались с 15 октября 1942 г. в вечернюю смену [15. С. 8]. Исторический факультет МГУ не был интегрирован в научно-педагогическую работу СГУ. Поэтому преподаватели, работавшие по совместительству, трудились в две смены, проводя курсы лекций для столичных и местных студентов.

В Свердловском университете с сентября 1942 г. [16. С. 461] по совместительству работал столичный историк М.Н. Тихомиров. Известно, что ученый прибыл в Свердловск в августе 1942 г. вместе с истфаком МГУ [17. С. 117]. Взаимодействие с М.Н. Тихомировым было отражено в письме А.А. Введенского от 9 сентября 1942 г. Первоначально столичный историк отказался читать курс лекций в Свердловском университете. Как следует из письма Введенского, это было связано с личной неприязненностью: «Прискорбно, что эта неприязненность мешает работе, которой мы оба служим. Ваш отказ читать курсы в Сверд[ловском]. Ун[иверсите]те я объясняю этим. Я хотел поставить Ваш доклад на кафедре, но, вероятно, вы откажетесь» [18. Л. 1].

По мнению А.А. Введенского, личные отношения негативно повлияли на сотрудничество с московским профессором: «Для меня является совершенно необъяснимой Ваша неприязненность ко мне. Видимо кем-то я крепко оклеветан перед Вами, ибо и Вы меня не знаете...» [18. Л. 1]. Перед войной ученые были едва знакомы, «виделись мимолетно только два раза: один раз в Киеве в кулуарах научной сессии УАН и в Свердловске в коридоре общепития» [18. Л. 1]. В результате таких объяснений М.Н. Тихомиров все же согласился читать лекции в СГУ.

Правда, свидетельства современников о преподавательской деятельности М.Н. Тихомирова на истфаке СГУ разнятся. Так, в информационной заметке М.А. Горловского указано, что профессор преподавал курс по историографии [2. С. 106–107], однако, по воспоминаниям Г.А. Кулагиной, историк читал курс по источниковедению: «Очень печальными для меня всегда были воспоминания о том, как читал этот курс у нас в 1942 году сам автор единственного тогда учебника, профессор (он тогда еще не был академиком) М.Н. Тихомиров... В аудитории холодно, полутемно, все в пальто, кто смог освободиться от смены в госпитале или на заводе, ведут (в “дежурных” тетрадях, чтобы не было перерыва в записях) коллективный конспект того, что он не очень членораздельно произносит. Впечатление такое, что аудитории для него вовсе не существует. Да и то сказать, откуда у него здесь, в эвакуации, было взяться оптимизму и энтузиазму...» [19. С. 157]. Стоит сказать, что отношения М.Н. Тихомирова с преподавателями и студентами истфака СГУ едва ли зависели от личных отношений. В первую очередь обособленность эвакуированных преподавателей была связана как с общей нагрузкой по основному месту устройства, так и с физическим и психологическим состоянием.

Высокая учебная и административная загруженность профессора была отражена в его автобиографии: «В октябре 1941 г. был эвакуирован вместе с университетом в Ашхабад, а оттуда в Свердловск. В Свердловске работает в МГУ и исторической группе Академии наук в Свердловске» [20. С. 308]. Фрагментарность свердловского периода в биографии М.Н. Тихомирова объясняется тем, что ученый в январе 1943 г. вернулся в Москву [16. С. 461; 21. С. 6].

А.И. Неусыхин эвакуировался в составе истфака МГУ, по совместительству читал спецкурсы по проблемам средневековья и Римской империи в СГУ: «Спецкурс читал бывший научный руководитель профессор МГУ доктор исторических наук А.И. Неусыхин, крупный ученый медиевист. Лекции его были невыносимо скучны, сухи, перегружены плохо систематизированным материалом, он, что называется, “растекался мыслью по древу”. Источники и литература по его курсу в университетской библиотеке и в библиотеках Свердловска отсутствовали начисто. Мы – пять его слушателей – недоумевали, почему с таким ограниченным числом студентов нельзя найти более человеческий способ работы и общения. Лично я чувствовала себя скованной и бестолковой. Тройка

красуется в дипломе» [22. Л. 15]. В письмах Е.Е. Слуцкому (Слуцкий Евгений Евгеньевич – близкий друг Д.М. Петрушевского, который и познакомил с ним своего ученика – А.И. Неусыхина) с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. отражено общее психологическое и физическое состояние А.И. Неусыхина, а также тяжесть его рабочей нагрузки: «Бывает такое состояние, что и открытку никак не напишешь. В Томске со мной этого не бывало или бывало редко, а здесь [в Свердловске] это постоянное явление... Физическая (или физиологическая) причина – хроническое и все усиливающееся переутомление на почве т[ак] наз[ываемой] перегрузки (22 часа занятий в неделю в обстановке “театрального разъезда” чуть ли не всех моих коллег в Москву плюс заведывание кафедрой, да еще плюс И[нститу]т Истории АН, да еще плюс масса забот и хлопот и еще, и еще...)» [23. С. 358].

Кроме преподавателей истфака МГУ, в Свердловском университете работал В.П. Волгин, эвакуированный в Свердловск вместе с Президиумом АН СССР с конца июля 1941 г. [24. С. 152]. После переезда ученый устроился на исторический факультет Свердловского университета, где преподавал авторский курс лекций «История социалистических идей» [25. С. 214]. По воспоминаниям студентов истфака СГУ, «В.П. Волгин чувствовал себя плохо, а может быть, был даже голоден. Сидел он в шубе в нетопленном помещении в одной из аудиторий юридического института. Читал неинтересно, а в конце занятий называл нам том и страницы в его труде “История социально-экономических идей”, где все это можно было прочесть» [22. Л. 19]. Вступив в 1942 г. в должность вице-президента АН СССР, «Волгин вел насыщенную научно-организационную жизнь, руководил гуманитарным институтом АН СССР, помогал молодым исследователям, оказывал поддержку в получении источников из зарубежных библиотек и архивов и проч.» [25. С. 153]. Академик также возглавлял группу ученых Института истории АН СССР в Свердловске [26. С. 31].

Таким образом, эвакуированные историки, работавшие по совместительству на истфаке СГУ, были сконцентрированы на обязанностях по основному месту устройства и собственной научно-публикационной деятельности, что неблагоприятно сказалось на уровне проведения лекций в Свердловском университете.

В эвакуации также находились учреждения, специализировавшиеся на сохранении культурного наследия страны. В Свердловск переведены археологические коллекции, архивные фонды, научные материалы библиотек Херсонесского историко-археологического музея в декабре 1941 г. (о нем см.: [27]). Материальные ценности музея эвакуировались в сопровождении научного сотрудника музея, крымского археолога С.Ф. Стрелецкого. Налаживать связи с учреждением предстояло преподавателям Свердловского государственного педагогического института М.Я. Сюзюмову и Е.Г. Сурову: «В годы войны сцементировались дружба и сотрудничество между херсонесцами и уральцами. Студенты Свердловского государственного педагогического института помогли привести в

порядок архив и библиотеку музея, научный сотрудник музея С.Ф. Стржецкий выступал перед студентами с беседами об истории Херсонеса и его памятников» [28. С. 15]. Знакомство преподавателей Свердловского педагогического института и крымского археолога «имело серьезное продолжение во второй половине 1950-х гг. при организации в Херсонесе Крымской археологической экспедиции» [27. С. 648].

Одним из отмеченных в историографии достижений в период эвакуации стало учреждение ученого совета СГУ по защитам диссертаций. Так, 14 октября 1942 г. проходила защита докторской диссертации А.А. Введенского по теме «Очерки по истории Строгановых в Поморье и на Урале в XVI–XVII вв.» [29. С. 2]. А.А. Введенскому пришлось повторно подтверждать степень доктора, так как «в первый раз он защищал ее еще в Ленинградском университете, но вскоре началась война, документы по защите, видимо, затерялись. Однако текст самой диссертации сохранился у автора» [11. С. 153]. Оппонентами на защите были назначены С.Г. Струмилин, С.В. Юшков, В.В. Данилевский, В.К. Никольский [2. С. 107]. Научным секретарем ученого совета была Г.А. Кулагина. Согласно сведениям В.А. Мазур, исследование А.А. Введенского стало «первой докторской диссертацией, принятой к защите ученым советом Уральского университета» [11. С. 154]. При защите докторской диссертации в стенах СГУ небольшая часть преподавателей и работников Свердловского вуза получили опыт в работе ученого совета, а научно-исследовательская деятельность А.А. Введенского на Урале не повлияла на защиту диссертации, так как текст был подготовлен историком еще до эвакуации. Как представляется, А.А. Введенский не планировал продолжительного пребывания на Урале, поэтому не предпринимал попытки воспитать научных работников или организовать собственное научное направление.

Кроме докторской, в стенах СГУ было защищено и несколько кандидатских диссертаций по историческим наукам. Тем не менее историографами не установлена степень воздействия соискателей на развитие научно-педагогической работы истфака СГУ. Например, Г.П. Рычкова, защитившая степень 13 сентября 1943 г. на тему «Борьба за власть советов на Урале в 1917 году» [30. С. 4], была сотрудником Партархива, в научно-педагогической работе истфака СГУ не участвовала. Защищались и преподаватели исторического факультета СГУ. По воспоминаниям ученого секретаря СГУ Г.А. Кулагиной, в 1942 г. кандидатскую диссертацию защитил Д.Л. Похилевич на тему «Аграрная реформа Сигизмунда Августа в исторической литературе» [31. С. 119]. Вероятно, материалы, необходимые для написания диссертации, были собраны историком еще до его прибытия на Урал. Уже в 1944 г. ученый покинул Свердловск, оставив лишь упоминание о прошедшей защите.

Показательно, что не у каждого из желающих защитить диссертацию в ученом совете СГУ это получалось. Еще до войны налаживать связи со столичными институтами приходилось преподавателю Свердловского государственного педагогического института

М.Я. Сюзюмову (о нем см.: [32]). Известно, что ученый подавал прошение ректору СГУ 22 февраля 1943 г. для принятия защиты при ученом совете местного университета, оппонентами согласились быть профессора МГУ А.И. Неусыхин и В.В. Стоклицкая-Терешкович [33. Л. 1–7]. Однако защита диссертации М.Я. Сюзюмова состоялась 30 апреля 1943 г. по теме «Проблемы истории иконоборческого движения в Византии» [34. С. 2] при ученом совете МГУ. Возможно, решение о выборе учреждения для защиты было связано с формально-процедурными моментами, из-за которых процесс защиты был растянут [32. С. 475].

Итак, рост квалифицированных научно-педагогических кадров в связи с деятельностью научного совета СГУ был временным. До конца Великой Отечественной войны некоторые защищенные соискатели покинули Свердловск, а кадровая нехватка стала одной из самых серьезных проблем вплоть до середины 1950-х гг.

С момента эвакуации Президиума АН СССР в Свердловск проводилась работа по организации деятельности академиков в условиях войны. Так, в конце августа – начале сентября 1941 г. учреждена комиссия по мобилизации ресурсов Урала под руководством президента АН СССР В.Л. Комарова. К работе комиссии привлекались ученые из центральной части Советского Союза, вызванные на Урал по распоряжению Президиума. Помимо комиссии, занимавшейся разработкой химико-технологических направлений, создавались группы по изучению истории техники в регионах. Так, «17 октября 1942 г. Президиум Академии Наук СССР принял по докладу академика И.П. Бардина («Неотложные задачи науки в работе по мобилизации ресурсов восточных районов СССР на нужды обороны» [35. С. 415]) решение организовать группу по истории техники при Отделении технических наук» [36. С. 73]. Группой разрабатывались вопросы изучения технического развития черной и цветной металлургии, а также «проведение специальных работ по учету историко-технических памятников Урала» [37. С. 2]. Примечательно, что «группа обеспечила набор аспирантуры, в которой научные работники специализировались по истории развития производительных сил и техники Урала» [36. С. 73]. Однако подробных сведений обнаружить не удалось.

В группу по разработке проблем истории техники Урала входили специалисты, занимавшиеся различными аспектами исторической науки, – Б.Б. Кафенгауз, В.В. Данилевский и С.Г. Струмилин. Председателем группы был назначен В.В. Данилевский [38. С. 2]. Учеными разрабатывались специальные исследования, проводились архивные и полевые изыскания, а Б.Б. Кафенгаузом начата работа по написанию докторской диссертации.

Б.Б. Кафенгауз оказался в эвакуации вместе с историческим подразделением МГУ в Ашхабаде. После перевода Университета в Свердловск происходило утверждение темы докторской диссертации: «В это время, в ноябре 1942 г., в Свердловск, где находился Президиум Академии наук, на празднование 25-й годовщины Великой Октябрьской революции съехались академики, руководители институтов и т.д. Тема моей

будущей докторской диссертации должна была рассматриваться на заседании дирекции Института» [39. С. 110]. Ученым было обозначено три возможные темы докторской диссертации: «Древний Псков и вечевое законодательство в XIV–XV вв.», «Внутренняя торговля России в XVIII в. и отмена внутренних таможен», «История уральских заводов Демидовых в XVIII–XIX вв.». С выбором темы Б.Б. Кафенгауз стал определяться при изучении архивной документации фонда № 24 по истории уральской промышленности XVIII–XIX вв. Свердловского областного архива [40. С. 317]. Наиболее важной темой для защиты заместитель директора Института истории АН СССР А.М. Панкратова назвала третью. Уральскую тематику поддерживали С.В. Бахрушин и Б.Д. Греков, а С.Г. Струмилин согласился стать научным консультантом [39. С. 111].

Сохранились интересные воспоминания Б.Б. Кафенгауза о научных изысканиях в Свердловском областном государственном архиве и текущей работе на историческом факультете МГУ: «...Я продолжал занятия в Свердловском архивном управлении, во главе которого стоял очень внимательный ко мне, покойный т. Хитродумов. В Свердловском архиве не было отдельного читального зала, я занимался в канцелярии, где работали и сотрудники архива. Одновременно я преподавал в Московском университете, читал лекции и вел семинары» [39. С. 112].

Кафенгауз изучал Демидовские фонды, хранившиеся в Нижнем Тагиле, вместе с другими академиками: С.Г. Струмилиным, М.А. Павловым, Э.В. Брицке, Н.Т. Гудцовым [38. С. 2]. Первый визит в архив Нижнего Тагила ученый совершил в декабре 1942 г. [26. С. 30]: «Ежедневно с утра я сидел в почти нетопленном архиве за чтением документов XVIII в. Архив помещался в крыле прежнего здания заводской конторы, построенного в первой половине XIX в. в стиле ампира» [39. С. 111]. Результаты научных изысканий ученого обсуждались на заседании свердловской группы Института истории АН СССР [41. С. 2]. О научных изысканиях ученого публиковались информационные заметки в периодической областной печати [42. С. 2]. Еще в 1945 г. ученый опубликовал главу из своей диссертации в журнале «Вопросы истории» под названием «Строительство уральских заводов» [26. С. 31]. Б.Б. Кафенгауз защитил докторскую диссертацию в 1946 г. и опубликовал монографию в 1949 г. с аналогичным названием [43].

Вскоре после начала войны заведующий кафедрой истории техники Ленинградского политехнического института В.В. Данилевский оказался в эвакуации на Урале [44. С. 37–45]. Известно, что уже в сентябре 1941 г. профессор выступил в Свердловске на исторической секции областного совета краеведения с докладом «Военно-инженерная оборона России XVII–XVIII веков» [45. С. 4]. По заявлению ученого было «необходимо мобилизовать исторические материалы на службу обороны страны», что стало очередным лозунгом, актуализирующим изучение уральской тематики. В.В. Данилевским уже в октябре 1941 г. разработана и подготовлена к печати агитационная брошюра «Лицо врага», показывающая «человеконенавистническое лицо фашистской Германии – заклятого врага науки и культуры» [46. С. 4]. Брошюра была удо-

стоена положительной оценки заведующего объединенной кафедрой истории СГУ А.А. Введенским: «Автор систематизировал почти исчерпывающе большой материал, появившийся в советской газетной и журнальной прессе» [47. С. 4].

В Свердловске ученый «сосредоточился на двух направлениях: работе в архивах и проведении экспедиционно-полевых исследований. В поисках технических памятников и производственных объектов прошлого ученый исколесил множество старинных городов и сел Урала, воскресив из небытия большое количество неизвестных событий, дат, имен, мест. Факты локального масштаба (второй величины) в своей совокупности давали целостную картину промышленного развития региона... Обследуя книгохранилища и рукописные фонды, изучая подшивки газет, беседуя со старожилами и знатоками местной старины, воссоздавая производственно-топографическую картину прошлого, В.В. Данилевский сформировал и развил на практике историко-техническое краеведение, соединившее в себе элементы этнографии, археологии, социологии, географии, технических наук, промышленных ремесел и фабрично-заводской индустрии» [48. С. 116]. Результатом работы профессора стали специальные анкеты-инструкции для изучения «фабрично-заводских и других плотин Урала» [49. С. 4]. В период эвакуации ученый выступал с лекциями перед общественностью Свердловска [50. С. 4; 51. С. 2; 52. С. 2].

Научно-публикационная деятельность В.В. Данилевского подробно рассмотрена в книге «Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг.» (2022) (см.: [53. С. 96–103]). В исследовании показан формируемый профессором образ дореволюционного Урала – «исторической кузницы оружия», который оказывался «новаторским и даже революционным по сравнению с изображением прошлого в дискурсах о старом Урале рубежа XIX–XX вв. и о демидовском Урале 1920–1930-х гг.» [52. С. 2].

Прибытие С.Г. Струмилина в Свердловск связано с работой по мобилизации ресурсов Урала. Из письма президента АН СССР В.Л. Комарова от 9 сентября 1941 г. С.Г. Струмилину: в связи «с проводимой мною работой по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, одобренной правительством, прошу вас немедленно приехать в Свердловск для руководящего участия в работах комиссии» [54. Л. 1]. Из листа использования документов Государственного архива Свердловской области известно, что ученый уже в октябре 1941 г. работал с фондом «Уральское горное управление, г. Екатеринбург Пермской губернии (1720–1919)» [55. Лист использования]. По воспоминаниям Б.Б. Кафенгауза, С.Г. Струмилин был инициатором изучения истории Урала: «Беседы с акад. С.Г. Струмилиным направляли мое внимание на историю Урала, он подчеркивал важность изучения истории демидовских заводов» [39. С. 110]. В 1942 г. академик был удостоен сталинской премии первой степени за участие в работе «О развитии народного хозяйства Урала в усло-

виях войны» [56. С. 4]. Ученым в 1943 г. были разработаны лекции на тему «Урал Петровской и Сталинской эпохи» [57], которые были опубликованы в 1945 г. [58].

Группой также разрабатывались коллективные научные исследования. На заседании дирекции Института истории АН СССР в ноябре 1942 г. А.М. Панкратова высказала общие мысли о научной деятельности на Урале: «Мы находимся в эвакуации на Урале и должны сделать что-либо полезное для уральцев, дать работу по истории уральской промышленности» [39. С. 111], так как «разработка истории уральской промышленности и рабочего класса на Урале имеет первостепенное значение» [26. С. 30].

Учеными подготовлено трехтомное издание «Материалы к истории развития производства Верх-Исетского металлургического завода» (1943) [59–61]. Предполагалось, что будет изучена история развития Верх-Исетского завода за период с 1723 по 1917 г. Издания представляют особую ценность в связи с публикацией наиболее важных документов Свердловского областного государственного архива. Однако подборка материалов хронологически после эвакуации не была завершена, а тираж создавался для внутреннего пользования группы. В настоящий момент три тома хранятся в Мемориальном книжном собрании Виктора Васильевича Данилевского. Несмотря на взаимодействие, местным и эвакуированным ученым не удалось подготовить к публикации совместные работы.

Коллективом группы по изучению истории техники Урала проводилась общественная работа в госпитале Свердловска: «в клубе госпиталя и отдельных палатах проведено 26 лекций. Лауреат Сталинской премии В.В. Данилевский прочел лекцию “Русский народ – народ творцов, народ созидателей”» [62. С. 2].

Культурно-просветительские мероприятия на историко-патриотические темы пользовались популярностью не только в Свердловске, но и в других промышленных городах области. В феврале 1942 г. городским комитетом Свердловска организован лекторий в Доме партпросвещения им. Л.М. Кагановича, состоявший из пяти тематических направлений: историко-партийного, разоблачения фашистской идеологии, вопросы международной политики, героическое прошлое русского народа, вопросы русской культуры [63. С. 2]. В рамках запланированных направлений участие принимали и эвакуированные преподаватели [64. С. 2; 65. С. 2].

Участие в проведении общественных мероприятий имело большое значение для прибывших в Свердловск ученых. По воспоминаниям Г.А. Кулагиной, «самым тяжелым для большинства свердловчан, по общему признанию был 1942 год. Огромный наплыв эвакуированных, их трудовая неустроенность, резко ухудшившиеся бытовые условия, бесконечные очереди и не проходящее чувство голода» [19. С. 159]. В связи с этим «большим подарком» для историков было публичное чтение лекций, «так как там кормили обедом без всякой вырезки из карточки» [19. С. 159]. Кроме того, культурные центры Свердловска становились местом для контакта между историками различных научных центров Советского Союза.

Одним из ведущих свердловских ученых, преуспевших в исследовании истории Урала, был М.А. Горловский. В 1948 г. ученый опубликовал работу «Горный город Екатеринбург» [66. Л. 171]. Предисловие к книге М.А. Горловского было написано В.В. Данилевским [67. С. 3–4]. Б.Б. Кафенгаузом написана рецензия на представленную книгу (1949) [68. С. 78–79; 69. С. 3], в которой автор, помимо некоторых «недочетов» книги, выделил: «работа М. Горловского выходит за пределы краеведческой литературы и представляет собой, несмотря на указанные недочеты, известный интерес для истории русского города XIX века» [69. С. 3]. Нами был обнаружен экземпляр данной книги, презентованный академику С.Г. Струмилину от автора: «Глубокоуважаемому Станиславу Густавовичу 26 апреля [19]49 г.» [70]. Кроме того, свердловский историк публиковал положительные обзоры на исследования Б.Б. Кафенгауза [71. С. 2; 72. С. 3–4].

Знакомство и работа с эвакуированными специалистами отразились на проведении в 1948 г. научно-исследовательской конференции, посвященной 225-летию Екатеринбурга – Свердловска. По справедливому утверждению преподавателя исторического факультета УрГУ О.А. Васильковского, «важную роль в жизни историков университета играют научные связи. Они осуществляются прежде всего путем участия в различного рода конференциях, где происходит обмен научной информацией, устанавливаются личные контакты между учеными, подводятся итоги и намечаются перспективы исследования» [73. С. 139]. На мероприятии выступали академик А.М. Панкратова, профессора Б.Б. Кафенгауз и В.В. Данилевский [74. Л. 83]. Согласно годовому отчету кафедры истории СССР 1948/1949 гг. по научно-педагогической деятельности, «приезд в Свердловск профессоров Панкратовой, Кафенгауза (и Данилевского. – А.К., Н.Г.) оказал весьма благотворное влияние не только на деятельность кафедры истории СССР университета, но и на деятельность других гуманитарных кафедр университета и даже на др. высшие учебные заведения Свердловска» [74. Л. 321]. Именно в период эвакуации произошло формирование группы ученых, занимавшихся историей Урала. Кроме М.А. Горловского, неформальные связи устанавливались и другими свердловскими историками.

Формирование научных взглядов известного свердловского историка В.Я. Кривоногова, работавшего в 1940-е гг. начальником отдела агитации и пропаганды Окружного дома Красной Армии (ОДКА) УралВО и заместителем начальника ОДКА, «шло под влиянием известных советских историков Б.Б. Кафенгауза, В.В. Данилевского, А.А. Введенского» [75. С. 77]. Несмотря на то, что В.Я. Кривоногов не работал в Свердловском университете, с В.В. Данилевским и Б.Б. Кафенгаузом он был связан через работу в Свердловском областном государственном архиве. Кривоногов был мобилизованным партийцем, поэтому принимал участие в различных общественных мероприятиях, на которых ему удалось поработать с А.А. Введенским. Ученые состояли в переписке. В 1959 г. А.А. Введенский писал: «у меня сохранились самые приятные воспоминания о совместной работе в Доме офицеров в

годы войны. И в те годы я высоко ценил Вашу внутреннюю культурность и хорошую интеллигентность под офицерской формой и тягу к знанию и науке» [75. С. 78].

В результате контакты сформировались между группой ученых по разработке проблем истории техники Урала и преподавателем истфака СГУ М.А. Горловским. В.Я. Кривоногов также находился в близком кругу с эвакуированными учеными несмотря на то, что был партийным работником. Установившиеся отношения мы склонны рассматривать через призму концепции патрон-клиентских отношений, активно разрабатывавшейся в современной историографии [76, 77].

Таким образом, научно-педагогическая деятельность эвакуированных преподавателей в Свердловском университете не повлияла на качественное восполнение кадров и подготовку студентов. Тем не менее в процессе проведения архивных изысканий и общественных мероприятий эвакуированными специалистами налаживались

контакты с некоторыми сотрудниками местного университета и партийного аппарата. Деятельность академиков и профессоров, работавших в Свердловской области, способствовала расширению и стимулированию уральской тематики. Специалисты, занимавшиеся различными аспектами исторической науки, при взаимодействии с уральскими историками передавали собственный исследовательский опыт выстраивания причинно-следственных связей между региональными сюжетами и общим историческим контекстом. При дальнейшем проведении научно-теоретических конференций и защит соискателей тематика исследований была расширена и скорректирована. Изучение истории Урала в последующие десятилетия стало главным научным направлением не только для свердловских историков, но и для группы специалистов АН СССР. В этом отношении эвакуация стала катализатором к внутреннему интеллектуальному освоению Урала и одним из этапов советизации регионального научного пространства.

Список источников

- Бурдей Г.Д. Историк и война. 1941–1945. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 259 с.
- Горловский М.А. Работа кафедры истории СССР Свердловского государственного университета им. А.М. Горького в дни великой отечественной войны // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 106–107.
- Печатайшикова Н.С. О работе исторического факультета Уральского государственного университета имени А.М. Горького // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 160–163.
- Печатайшикова Н.С., Васильковский О.А. Хорошая основа // Уральский университет. 1968. № 5. 3 февр.
- Кулагина Г.А. Исторический факультет // Уральский университет им. А.М. Горького (Свердловск). Очерки истории Уральского университета / под ред. Б.П. Колесникова. Свердловск : Б. и. 1967. С. 110–122.
- Шихов В.И. Исторические науки // Уральский государственный университет. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 113–120.
- Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Развитие исторической науки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1995. С. 130–132.
- Сперанский А.В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург : Сократ, 2015. 406 с.
- Черноухов А.В. Исторический факультет Свердловского университета. 1938–1945. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 149 с.
- Уральский государственный университет в биографиях / сост. В.А. Мазур. 3-е изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 616 с.
- Первалов В.А. Историк А.А. Введенский в Уральском университете // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 16. С. 150–154.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 25 а. Д. 8062.
- Леонова Л.С. Московский университет в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2012. № 1. С. 78–99.
- Московский университет в Великой Отечественной войне / под ред. С.В. Чернеева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 336 с.
- Карпов С.П., Леонова Л.С., Бородин Л.И., Тучков И.И. К 80-летию исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 1. С. 3–40.
- Академик М.Н. Тихомиров : Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 784 с.
- Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. 287 с.
- Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 4. Д. 141.
- Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 170 с.
- Тамм И.Е. Автобиография М.Н. Тихомирова (в Научном архиве Института истории СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1986 год. М. : Изд-во Наука, 1987. С. 307.
- Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. / сост. Л.И. Шохин. М. : Московский рабочий, 1992. 166 с.
- Музей УрГУ. Ф. 61. Д. 11. Воспоминания студентов.
- Мильская Л.Т. Письма А.И. Неусыхина к Е.Е. Слуцкому, А.И. Рубину, Е.А. Неусыхинной (1942–1948) // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 328–372.
- Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 248 с.
- Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 429 с.
- Кафенгауз Б.Б. Моя работа в Свердловских архивах // 40 лет государственных архивов Свердловской области / сост. В.И. Бубнов, А.Г. Козлов, В.А. Сивков. Свердловск : Б. и., 1958. С. 29–32.
- Мохов А.С., Шаманаев А.В., Капсалыкова К.Р. Прибыли в полной сохранности : эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 639–651.
- Суров Е.Г. Крымская археологическая экспедиция Уральского Государственного университета (1958–1967 гг.) // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967 / отв. ред. М.Я. Сюзюмов. Свердловск, 1968. Вып. 2 : Всеобщая история. С. 13–22.
- Свердловский Государственный Университет имени А.М. Горького // Уральский рабочий. 1942. № 227. 25 сент.
- Новые научные работники // Труд. 1943. № 217. 14 сент.
- Кулагина Г.А. Записки секретаря Ученого Совета // Уральский государственный университет в воспоминаниях / сост. В.А. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 113–122.
- Мохов А.С. Научная деятельность М.Я. Сюзюмова в годы Великой Отечественной // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 471–478.
- Архив УрФУ. Оп. личных дел сотрудников УрГУ за 1943 г. Д. 30.

34. Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова // Уральский рабочий. 1943. № 90. 27 апр.
35. История Урала. Период социализма. Т. 2. / под ред. Ф.С. Горюхова. Пермь : Пермское книжное изд-во. 1965. 611 с.
36. Данилевский В.В. История Урала // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 4–5. С. 73–76.
37. Изучение истории развития производительных сил и техники на Урале // Уральский рабочий. 1943. № 9. 12 янв.
38. Изучение истории Нижнетагильских заводов // Уральский рабочий. 1943. № 86. 21 апр.
39. Кафенгауз Б.Б. Моя работа над диссертациями // История СССР. № 1. 1962. С. 106–120.
40. Огнетова М.Б. Б.Б. Кафенгауз – исследователь истории демидовских заводов на Урале // Двенадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург : Изд-во КВАДРАТ, 2020. С. 315–321.
41. Из истории хозяйства Демидовых в XVIII веке // Уральский рабочий. 1943. № 99. 11 мая.
42. Из истории хозяйства Демидовых на Урале // Уральский рабочий. 1943. № 103. 16 мая.
43. Павленко Н.И. Творческий путь Б.Б. Кафенгауза // Абсолютизм в России (XVI–XVII вв.) : сб. ст. к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М. : Наука, 1964. С. 3–12.
44. Шаманаев А.В. Актуализация культурного наследия в контексте историко-патриотической пропаганды : публикации В.В. Данилевского периода Великой Отечественной войны // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 3. С. 37–45.
45. Исторические доклады // Уральский рабочий. 1941. № 228. 26 сент.
46. Новые книги // Уральский рабочий. 1941. № 243. 14 окт.
47. Лицо Врага // Уральский рабочий. 1941. № 279. 25 нояб.
48. Гвоздецкий В.Л. Ученый и время (к 100-летию со дня рождения В.В. Данилевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 112–125.
49. Изучение плотин Урала // Уральский рабочий. 1941. № 258. 31 окт.
50. Лекции в Доме партийного просвещения // Уральский рабочий. 1942. № 40. 7 февр.
51. Извещения // Уральский рабочий. 1942. № 38. 16 февр.
52. Данилевский В.В. Русские в Берлине // Уральский рабочий. 1943. № 209. 10 окт.
53. Бугров К.Д., Киселев М.А., Маштакова Л.В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2022. 304 с.
54. АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 170.
55. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 9.
56. Станислав Густавович Струмилин / сост. А.Д. Маева. М. : JL : Изд-во АН СССР, 1947. 36 с.
57. АРАН. Ф. 574. Оп. 5. Д. 73.
58. Струмилин С.Г. Горнозаводской Урал Петровской эпохи : (К итогам экономической политики Петра Великого) : Стенограмма лекции // Курс лекций по истории СССР. М. : Б. и., 1945. 82 с.
59. Материалы к истории развития производства Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск : АН СССР, 1943. 75 с.
60. Материалы к истории развития производства Верх-Исетского металлургического завода. Вып. 2. Свердловск : АН СССР, 1943. 106 с.
61. Материалы к истории развития производства Верх-Исетского металлургического завода. Вып. 3. Свердловск : АН СССР, 1943. 130 с.
62. Коллектив Академии наук СССР шефствует над госпиталем // Уральский рабочий. 1943. № 71. 31 марта.
63. Городской лекторий // Уральский рабочий. 1942. № 29. 4 февр.
64. Извещения // Уральский рабочий. 1942. № 224. 22 сент.
65. Извещения // Уральский рабочий. 1942. № 230. 29 сент.
66. ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 832.
67. Горловский М.А. Горный город Екатеринбург, 1807–1863 : краткий очерк. Свердловск, 1948. 152 с.
68. Кафенгауз Б.Б. Горловский М.А. Горный город Екатеринбург 1807–1863. Краткий очерк // Советская книга. 1949. № 4. С. 78–79.
69. Книжки по истории Урала // Уральский рабочий. 1949. № 134. 9 июня.
70. Дарственная надпись С.Г. Струмилину от М.А. Горловского на книге «Горный город Екатеринбург». URL : <https://disk.yandex.ru/i/5aQ2fWYX-cYEXg>
71. Вопросы истории // Уральский рабочий. 1946. № 71. 24 марта.
72. Юферев Я.С., Горловский М.А. Критика и библиография. Новая книга по истории Урала // Уральский рабочий. 1950. № 95. 21 апр.
73. Уральскому университету 70 лет / под ред. М.Е. Главацкого, В.Е. Третьякова. Свердловск : Изд-во Урал, ун-та, 1990. 224 с.
74. ГАСО. Ф. Р-2110. Оп. 2. Д. 836.
75. Кривоногова О.В. Историк Урала В.Я. Кривоногов // Летописцы родного края. Свердловск : Изд-во Урал, ун-та. 1990. С. 75–83.
76. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с.
77. Киселев М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России : Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-История, 2020. 432 с.

References

1. Burdey, G.D. (1991) *Istorik i voyna. 1941–1945* [The Historian and the War. 1941–1945]. Saratov: Saratov State University.
2. Gorlovskiy, M.A. (1943) Rabota kafedry istorii SSSR Sverdlovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo v dni velikoy otechestvennoy voyny [The Work of the Department of History of the USSR at the A.M. Gorky Sverdlovsk State University during the Great Patriotic War]. *Istoricheskiy zhurnal*. 3–4. pp. 106–107.
3. Pechatal'shchikova, N.S. (1961) O rabote istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.M. Gor'kogo [On the Work of the History Department at the A.M. Gorky Ural State University]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 160–163.
4. Pechatal'shchikova, N.S. & Vas'kovskiy, O.A. (1968) Khoroshaya osnova [A good foundation]. *Ural'skiy universitet*. 3 February. 5.
5. Kulagina, G.A. (1967) Istoricheskiy fakul'tet [Faculty of history]. In: Kolesnikov, B.P. (ed.) *Ural'skiy universitet im. A.M. Gor'kogo (Sverdlovsk). Ocherki istorii Ural'skogo universiteta* [Ural University named after A.M. Gorky (Sverdlovsk). Essays on the History of the Ural University]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 110–122.
6. Shikhov, V.I. (1980) Istoricheskie nauki [Historical sciences]. In: *Ural'skiy gosudarstvennyy universitet* [Ural State University]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 113–120.
7. Zabolotnyy, E.B. & Kamynin, V.D. (1995) Razvitiye istoricheskoy nauki na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny [Development of historical science in the Urals during the Great Patriotic War]. In: Kondaurav, I.A. & Agaryshev P.G. (eds) *Ural v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [The Urals in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology UB RAS. pp. 130–132.
8. Speranskiy, A.V. (2015) *Na voyne kak na voyne... Sverdlovskaya oblast' v 1941–1945 gg.* [At War Means at War... Sverdlovsk region in 1941–1945]. Yekaterinburg: Sokrat.
9. Chernoukhov, A.V. (2008) *Istoricheskiy fakul'tet Sverdlovskogo universiteta. 1938–1945* [History Department of Sverdlovsk University. 1938–1945]. Yekaterinburg: Ural State University.
10. Mazur, V.A. (ed.) (2010) *Ural'skiy gosudarstvennyy universitet v biografiyakh* [Ural State University in Biographies]. 3rd ed. Yekaterinburg: Ural State University.

11. Perevalov, V.A. (2000) Istorik A.A. Vvedenskiy v Ural'skom universitete [Historian A.A. Vvedensky at Ural University]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 16. pp. 150–154.
12. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund R-5446. List 25 a. File 8062. (In Russian).
13. Leonova, L.S. (2012) Moskovskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Moscow University during the Great Patriotic War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 1. pp. 78–99.
14. Cherneev, S.V. (ed.) (1985) *Moskovskiy universitet v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Moscow University in the Great Patriotic War]. Moscow: Moscow State University.
15. Karpov, S.P. et al. (2014) K 80-letiyu istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova [On the 80th anniversary of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1. pp. 3–40.
16. Tikhomirov, M.N. (2022) *Akademik M.N. Tikhomirov: Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska s uchениkami* [Academician M.N. Tikhomirov: Memories. Diaries. Correspondence with students]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Kovelya, V.V. (2016) *M.N. Tikhomirov i ego nauchnoe nasledie: razvitie nauchnykh kontseptsiy i vliyaniye politiko-ideologicheskogo faktora* [M.N. Tikhomirov and his scientific legacy: the development of scientific concepts and the influence of the political and ideological factor]. History Cand. Diss. Bryansk.
18. *Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN)*. Fund 693. List 4. File 141. (In Russian).
19. Kulagina, G.A. (2005) *Svidetel' veka* [Witness of the Century]. Yekaterinburg: Ural State University.
20. Tamm, I.E. (1987) Avtobiografiya M.N. Tikhomirova (v Nauchnom arkhive Instituta istorii SSSR AN SSSR) [Autobiography of M.N. Tikhomirov (in the Scientific Archive of the Institute of History of the USSR, USSR Academy of Sciences)]. In: Shmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1986 god* [Archaeographic Yearbook for 1986]. Moscow: Nauka.
21. Tikhomirov, M.N. (1992) *Drevnyaya Moskva. XII–XV vv.; Srednevekovaya Rossiya na mezhdunarodnykh putyakh. XIV–XV vv* [Ancient Moscow. 12th–15th centuries; Medieval Russia on international routes. 14th–15th centuries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
22. *Ural State University Museum*. Fund 61. File 11. Vospominaniya studentov [Memoirs of students].
23. Mil'skaya, L.T. (1993) Pis'ma A.I. Neusykhina k E.E. Slutskomu, A.I. Rubinu, E.A. Neusykhinoy (1942–1948) [Letters from A.I. Neusykhina to E.E. Slutsky, A.I. Rubin, E.A. Neusykhina (1942–1948)]. *Put'. Mezhdunarodnyy filosofskiy zhurnal*. 4. pp. 328–372.
24. Lagno, A.R. (2012) *Vyacheslav Petrovich Volgin*. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
25. Mazur, V.A. (ed.) (2000) *Ural'skiy gosudarstvennyy universitet v biografiyakh* [Ural State University in Biographies]. Yekaterinburg: Ural State University.
26. Kafengauz, B.B. (1958) Moya rabota v Sverdlovskikh arkhivakh [My Work in the Sverdlovsk Archives]. In: Bubnov, V.I., Kozlov, A.G. & Sivkov, V.A. (eds) *40 let gosudarstvennykh arkhivov Sverdlovskoy oblasti* [40 Years of the State Archive of Sverdlovsk Oblast]. Sverdlovsk: [s. n.] pp. 29–32.
27. Mokhov, A.S., Shamanaev, A.V. & Kapsalykova, K.R. (2020) Pribyli v polnoy sokhrannosti: evakuatsiya kollektsiy Khersonesskogo muzeya v Sverdlovsk [Arrived in full safety: the evacuation of the collections of the Chersonesos Museum to Sverdlovsk]. *Quaestio Rossica*. 2 (8). pp. 639–651.
28. Surov, E.G. (1968) Krymskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya Ural'skogo Gosudarstvennogo universiteta (1958–1967 gg.) [Crimean archaeological expedition of the Ural State University (1958–1967)]. In: Syuzumov, M.Ya. (ed.) *Istoricheskaya nauka na Urale za 50 let. 1917–1967* [Historical Science in the Urals for 50 Years. 1917–1967]. Vol. 2. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 13–22.
29. Ural'skiy rabochiy. (1942) Sverdlovskiy Gosudarstvennyy Universitet imeni A.M. Gor'kogo [Sverdlovsk State University named after A.M. Gorky]. *Ural'skiy rabochiy*. 25 September. 227.
30. Trud. (1943) Noveye nauchnye rabotniki [New scientific workers]. *Trud*. 14 September. 217.
31. Kulagina, G.A. (2000) Zapiski sekretarya Uchenogo Soveta [Notes of the Secretary of the Academic Council]. In: Mazur, V.A. (ed.) *Ural'skiy gosudarstvennyy universitet v vospominaniyakh* [Ural State University in Memories]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 113–122.
32. Mokhov, A.S. (2018) [Scientific Activity of M.Ya. Syuzumov during the Great Patriotic War]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference. Yekaterinburg. 16–18 November. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 471–478. (In Russian).
33. Ural Federal University Archive. List Op. lichnykh del sotrudnikov UrGU za 1943 g. [Personal Files of USU Employees for 1943]. File 30.
34. Ural'skiy rabochiy. (1943) Moskovskiy ordena Lenina gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova [Moscow Order of Lenin State University named after M.V. Lomonosov]. *Ural'skiy rabochiy*. 27 April. 90.
35. Gorovoy, F.S. (ed.) (1965) *Istoriya Urala. Period sotsializma* [History of the Urals. The period of socialism]. Vol. 2. Perm: Permskoe knizhnoe izd-vo.
36. Danilevskiy, V.V. (1943) Istoriya Urala [History of the Urals]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 4–5. pp. 73–76.
37. Ural'skiy rabochiy. (1943) Izuchenie istorii razvitiya proizvoditel'nyy sil i tekhniki na Urale [Study of the history of the development of productive forces and technology in the Urals]. *Ural'skiy rabochiy*. 12 January. 9.
38. Ural'skiy rabochiy. (1943) Izuchenie istorii Nizhnetagil'skikh zavodov [Study of the history of the Nizhny Tagil factories]. *Ural'skiy rabochiy*. 21 April. 86.
39. Kafengauz, B.B. (1962) Moya rabota nad dissertatsiyami [My work on dissertations]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 106–120.
40. Ogetova, M.B. (2020) [B.B. Kafengauz – a researcher of the history of the Demidov factories in the Urals]. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniya* [The Twelfth Tatishchev Readings]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg. 19–20 November 2019. Yekaterinburg: Izd-vo "KVADRAT". pp. 315–321. (In Russian).
41. Ural'skiy rabochiy. (1943) Iz istorii khozyaystva Demidovykh v XVIII veke [From the history of the Demidov economy in the 18th century]. *Ural'skiy rabochiy*. 11 May. 99.
42. Ural'skiy rabochiy. (1943) Iz istorii khozyaystva Demidovykh na Urale [From the history of the Demidov economy in the Urals]. *Ural'skiy rabochiy*. 16 May. 103.
43. Pavlenko, N.I. (1964) Tvorcheskii put' B.B. Kafengauza [The creative path of B.B. Kafengauz]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolyutizm v Rossii (XVI–XVII vv.)* [Absolutism in Russia (16th–17th centuries)]. Moscow: Nauka. pp. 3–12.
44. Shamanaev, A.V. (2020) Aktualizatsiya kul'turnogo naslediya v kontekste istoriko-patrioticheskoy propagandy: publikatsii V.V. Danilevskogo perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Actualization of cultural heritage in the context of historical and patriotic propaganda: Publications of V.V. Danilevsky during the Great Patriotic War]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 3. pp. 37–45.
45. Ural'skiy rabochiy. (1941) Istoricheskie doklady [Historical reports]. *Ural'skiy rabochiy*. 26 September. 228.
46. Ural'skiy rabochiy. (1941) Noveye knigi [New books]. *Ural'skiy rabochiy*. 14 October. 243.
47. Ural'skiy rabochiy. (1941) Litsa Vraga [The face of the enemy]. *Ural'skiy rabochiy*. 25 November. 279.
48. Gvozdet'skiy, V.L. (2000) Ucheniy i vremya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Danilevskogo) [Scientist and Time (on the 100th anniversary of V.V. Danilevsky's birthday)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 112–125.
49. Ural'skiy rabochiy. (1941) Izuchenie plotin Urala [Study of the Ural dams]. *Ural'skiy rabochiy*. 31 October. 258.
50. Ural'skiy rabochiy. (1942) Lektsii v Dome partiynogo prosveshcheniya [Lectures at the house of party education]. *Ural'skiy rabochiy*. 7 February. 40.
51. Ural'skiy rabochiy. (1942) Izveshcheniya [Notices]. *Ural'skiy rabochiy*. 16 February. 38.

52. Danilevskiy, V.V. (1943) Russkie v Berline [Russians in Berlin]. *Ural'skiy rabochiy*. 10 October. 209.
53. Bugrov, K.D., Kiselev, M.A. & Mashtakova, L.V. (2022) *Stanovlenie opornogo kraja. Industrial'nyy Ural v mobilizatsionnoy kul'ture 1930–1940-kh gg.* [Formation of a Support Region. Industrial Urals in the Mobilization Culture of the 1930s–1940s]. Yekaterinburg: Ural State University.
54. *Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN)*. Fund 277. List 4. File 170. (In Russian).
55. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 24. List 12. File 9. (In Russian).
56. Maeva, A.D. (ed.) (1947) *Stanislav Gustavovich Strumilin* [Stanislav Gustavovich Strumilin]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR.
57. *Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN)*. Fund 574. List 5. File 73.
58. Strumilin, S.G. (1945) Gornozavodskoy Ural Petrovskoy epokhi: (K itogam ekonomicheskoy politiki Petra Velikogo): Stenogramma lektsii [Mining and Metallurgical Urals of the Peter the Great Era: (Towards the Results of Peter the Great's Economic Policy): Transcript of a Lecture]. In: *Kurs lektsiy po istorii SSSR* [Lecture Course on the History of the USSR]. Moscow: [s. n.].
59. Anon. (1943) *Materialy k istorii razvitiya proizvodstva Verkh-Isetskogo metallurgicheskogo zavoda* [Materials for the History of the Development of Production at the Verkh-Isetsk Metallurgical Plant]. Sverdlovsk: Academy of Sciences USSR.
60. Anon. (1943) *Materialy k istorii razvitiya proizvodstva Verkh-Isetskogo metallurgicheskogo zavoda* [Materials for the History of the Development of Production at the Verkh-Isetsk Metallurgical Plant]. Vol. 2. Sverdlovsk: Academy of Sciences USSR.
61. Anon. (1943) *Materialy k istorii razvitiya proizvodstva Verkh-Isetskogo metallurgicheskogo zavoda* [Materials for the History of the Development of Production at the Verkh-Isetsk Metallurgical Plant]. Vol. 3. Sverdlovsk: Academy of Sciences USSR.
62. *Ural'skiy rabochiy*. (1943) Kollektiv Akademii nauk SSSR shefstvuet nad gospi-talem [The staff of the USSR Academy of Sciences patronizes the hospital]. *Ural'skiy rabochiy*. 31 March. 71.
63. *Ural'skiy rabochiy*. (1942) Gorodskoy lektoriy [City lecture hall]. *Ural'skiy rabochiy*. 4 February. 29.
64. *Ural'skiy rabochiy*. (1942) Izveshcheniya [Notifications]. *Ural'skiy rabochiy*. 22 September. 224.
65. *Ural'skiy rabochiy*. (1942) Izveshcheniya [Notifications]. *Ural'skiy rabochiy*. 29 September. 230.
66. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 2110. List 2. File 832. (In Russian).
67. Gorlovskiy, M.A. (1948) *Gornyy gorod Ekaterinburg, 1807–1863: kratkiy ocherk* [The Mountain Town of Yekaterinburg, 1807–1863: A short essay]. Sverdlovsk: *Ural'skiy rabochiy*.
68. Kafengauz, B.B. & Gorlovskiy, M.A. (1949) *Gornyy gorod Ekaterinburg 1807–1863. Kratkiy ocherk* [The mountain town of Yekaterinburg 1807–1863. A short essay]. *Sovetskaya kniga*. 4. pp. 78–79.
69. *Ural'skiy rabochiy*. (1949) Knigi po istorii Urala [Books on the history of the Urals]. *Ural'skiy rabochiy*. 9 June. 134.
70. Gorlovskiy, M.A. (n.d.) *Darstvennaya nadpis' S.G. Strumilinu ot M.A. Gorlovskogo na knige "Gornyy gorod Ekaterinburg"* [Dedicatory inscription to S.G. Strumilin from M.A. Gorlovsky on the book "The mountain town of Yekaterinburg"]. [Online] Available from: <https://disk.yandex.ru/i/5aQ2fWYX-cYEXg>.
71. *Ural'skiy rabochiy*. (1946) Voprosy istorii [Questions of history]. *Ural'skiy rabochiy*. 24 March. 71.
72. Yuferev, Ya.S. & Gorlovskiy, M.A. (1950) *Kritika i bibliografiya. Novaya kniga po istorii Urala* [Criticism and Bibliography. New Book on the History of the Urals]. *Ural'skiy rabochiy*. 21 April. 95.
73. Glavatskiy, M.E. & Tret'yakov, V.E. (eds) (1990) *Ural'skomu universitetu 70 let* [Ural University is 70 Years Old]. Sverdlovsk: Ural State University.
74. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund R-2110. List 2. File 836. (In Russian).
75. Krivonogova, O.V. (1990) *Istoriya Urala V.Ya. Krivonogov* [Historian of the Urals V.Ya. Krivonogov]. In: Vas'kovskiy, O.A. (ed.) *Letopistsy rodnogo kraja* [Chroniclers of the Native Land]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 75–83.
76. Tikhonov, V.V. (2014) *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka. Ocherki* [Historians, Ideology, Power in Russia in the 20th Century. Essays]. Moscow: Institute of Russian History RAS.
77. Kiselev, M.A. (2020) *"Regulyarnoe" gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnykh i ideologicheskikh batalij sovetskogo vremeni* [The "Regular" State of Peter I in Stalin's Russia: The fates of legal historians in the context of scientific and ideological battles of the Soviet era]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

Информация об авторах:

Гилевич Н.Д. – аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru
Кулинский А.А. – аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kulinsky@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.D. Gilevich, postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru;
A.A. Kulinsky, postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kulinsky@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
 одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 27.02.2024;
 approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/15617793/505/13

«Прохвост Луначарский!»: анонимные письма граждан первому наркому просвещения РСФСР

Пётр Николаевич Гордеев¹

¹ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, petergordeev@mail.ru

Аннотация. Проанализированы анонимные письма граждан к наркому просвещения Анатолию Луначарскому, выявленные в Российском государственном архиве социально-политической истории. Показано, что в этих документах в предельно откровенной форме высказывалось недовольство части общества и политикой советской власти, и деятельностью Наркомпроса. Выявлен и рассмотрен основной список тем, волновавших анонимных авторов, – преследование религии, политические репрессии, разорение страны, глумление над культурой прошлого. Отмечено, что многих авторов волновал и моральный облик самого наркома.

Ключевые слова: А.В. Луначарский, Наркомпрос, культура в СССР, образование в СССР, религия в СССР, анонимные письма

Для цитирования: Гордеев П.Н. «Прохвост Луначарский!»: анонимные письма граждан первому наркому просвещения РСФСР // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 125–130. doi: 10.17223/15617793/505/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/13

"The scoundrel Lunacharsky!": Anonymous letters from citizens to the first People's Commissar of Education of the RSFSR

Pyotr N. Gordeev¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, petergordeev@mail.ru

Abstract. The article analyzes anonymous letters from citizens to the first People's Commissar of Education of the Soviet state Anatoly Vasilyevich Lunacharsky (1875–1933), stored in his personal fund in the Russian State Archive of Socio-Political History. In the general array of letters from Soviet people to Lunacharsky, six anonymous messages were identified. It is noted that their authors, who prudently concealed their name, were, as a rule, sharply critical of the policy of the Soviet government. The list of topics raised by the anonymous authors has been determined: the ruthlessness of the punitive organs of the world's first socialist state, the devastation of the Russian countryside, the plight of the people under the rule of the Bolsheviks. The authors of the letters contrasted this harsh reality with what was reflected in Lunacharsky's bravura reports and articles. The article emphasizes that anonymous authors devoted a significant place to problems related to the anti-church policy of the authorities: the destruction of churches, the persecution of believers, the nihilistic attitude of the authorities towards the Russian past (which was blamed specifically on Lunacharsky). It was to him, as the People's Commissar of Education, that reproaches were addressed for the activities of schools that "corrupt" young people with the propaganda of godlessness, for indulging the abuse of figures of "Left art" over Russian classics, especially vividly manifested in Meyerhold's productions. It is noted that Lunacharsky's personal life also became a target for the anonymous critics. He was accused of promiscuity, excessive love; often such "personal" criticism was addressed to Lunacharsky's second wife, actress Nataliya Rosenel, who was disliked because of her predilections for a "beautiful life." Even those letter writers who were not opposed and shared communist ideals believed that Rosenel discredited Lunacharsky, dropped his political authority and cast a shadow on the party. It is concluded that the entire palette of public discontent was reflected in the anonymous letters. Reproaches, anger, disappointment – all this was discussed in detail by the authors, not only because they felt free without giving their name. The personality of the addressee, known for his culture and broad outlook, also had a frank conversation. Although the anonymous authors mostly criticized him as a prominent figure of the communist regime, deep down, one can assume that they hoped that Lunacharsky would be able to hear and understand what prompted them to write letters. It is in this attitude that the value of the anonymous letters lies – they are a historical source that allows the researcher to see the "sore points" of Soviet society in the 1920s and early 1930s unnoticed by the official press and literature.

Keywords: Anatoly V. Lunacharsky, Narkompros, culture in USSR, education in USSR, religion in USSR, anonymous letters

For citation: Gordeev, P.N. (2024) "The scoundrel Lunacharsky!": anonymous letters from citizens to the first People's Commissar of Education of the RSFSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 125–130. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/13

В обширном личном фонде А.В. Луначарского, сохранившемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 142), особое место занимают письма к наркому просвещения рядовых советских граждан. Особый интерес представляют анонимные письма, авторы которых были настроены резко критически к личности и деятельности самого наркома, а зачастую и к большевистскому режиму в целом. Отметим, что в отечественной исторической науке в последнее время уделяется немалое внимание и изучению писем как исторических источников [1. С. 142–148], и публикации отдельных анонимных писем советской эпохи, «ярко характеризующих советскую повседневность» [2. С. 157], отражающих существовавшие в обществе «настроения несогласия» [3. С. 104]. В письмах Луначарскому, человеку образованному и культурному, анонимным авторам хотелось выговориться до конца; как будто они в глубине души верили, что адресат этих посланий, оставшийся, несмотря на занимаемое им политическое положение, русским интеллигентом, все же способен понять их гнев, отчаяние и разочарование. Отметим, что материалы фонда Луначарского не дают, к сожалению, возможности установить его отклик на подобные документы. Как минимум в одном случае письмо с филиппиками в адрес его жены Н.А. Розенель секретари наркома, даже не показав ему самому, отправили в ОГПУ (подробнее об этом см. ниже). Возможно, такая реакция на неподписанные «крики души» была не единственной.

Одной из тем, затронутых в анонимных письмах, был антирусский и антиправославный характер советской власти, ставившийся в вину лично Луначарскому, как ее видному представителю и пропагандисту. «Есть много на свете глупости и гадости; много дряниросло на душе человечества и в этой грязи и дряни она (душа) заглохла. Оттого-то Вам и вам подобным так и легко было внушить тому, кто поглупее – что “души не существует”. О да, конечно! – Грязь создает грязь и т. п.», обращался к руководителю советского просвещения автор одного из подобных писем. «Но Вы, волею судьбы и по желанию бестолкового русского народа, всегда так траги-комично неудачно выбирающего себе духовного главу <...> должны же знать литературу не только настоящую, современную русскую, но и классиков, должны по ней узнать хотя и не родной Вам, но все же народ, кот[орый] Вас вспоил, вскормил и вырастил и дал образование, да еще высшее, кажется – Вас и Троцкого – на свое горе!». Придерживавшийся консервативных воззрений автор письма выговаривал в письме Луначарскому то, что накопилось на душе: «Душа русского народа – это душа Тургеневской Лизы, Лукерьи (Живые мощи), Калиныча, Касьяна, трех певцов. Это чистые русские души, без всякого западничества. Затем Гончаровская бабушка, Толстовская княжна Марья, – Алеша и Соня Достоевского – вот истинные русские души, их ни переделывать, ни сломать». В них, писал анонимный автор, «все лучшее и вечное, то, что впитали их души, как губка чистую воду – это идеи православие (так в тексте – П.Г.). И это не убить, не убить! Хоть пройдет еще

10 эпох возрождения с сотнями Дж[орда]но Бруно, если история повторяется». Автор письма не мог простить Луначарскому насаждения атеизма, делая в приписке к своему посланию вывод: «А все-таки Вы еврей и друг Троцкого, как ни отказывайтесь, Вы это доказываете, исполняя его программу» [4. Л. 26–27 об.].

Еврейскую тему, хотя и с совершенно другой стороны, затрагивал аноним, подписавшийся «Стариком младшим» и выпренно датировавший свое письмо «7 ноября, Одиннадцатый Октябрь» (1928 г.). Его письмо было вызвано прочитанной в газете очередной речью Луначарского, в которой проводилась мысль о неизбежности «растворения» евреев «среди семидесяти четырех народов СССР». «Так вот оно что! В СССР должно быть лишь 74 народа – 74, но без евреев. Евреев не должно быть. Ибо нужны лишь 74 народности, а не 75. Семьдесят четыре, включая узбеков и мускетов (так в тексте; возможно, имеются в виду турки-месхетинцы. – П.Г.), но только не евреев», иронизировал «Старик младший», обращаясь к адресату своего письма: «Ты ошибся, ты совершил историческую ошибку, и история отметит за тобой ошибку эту. Послушай же, что она отметит. Что народ еврейский много пострадает, много он потеряет сынов, но это – отсохшие листья, осыпающиеся со старого дерева. Но народ еврейский не сгинет, не пропадет, и выйдет невредимым из катастрофы, и евреи останутся среди всех других народов нашей родины». Пророческие (в свете грядущего уничтожения миллионов евреев нацистами) слова «Старика» завершались фамильярным (если не сказать более) обращением к Луначарскому: «Подойди же ко мне, дорогой, приблизься. Подыми-ка полы твоей одежды и посмотрим, в какие забрался ты панталоны! О! Дорогой мой, что стало с тобой? Что ты наделал! Зачем ты напялил на себя панталоны Павла Николаевича Милокова!.. Милый мой, скинь его панталоны. Нехорошо ты поступил!» [5. Л. 41]. Видимо, в представлении «Старика» либерал П.Н. Милоков, демонизированный советской пропагандой, казался лидером черносотенцев.

Впрочем, обвинение Луначарского чуть ли не в великодержавном шовинизме было, кажется, единственным во всем массиве анонимных писем. Гораздо чаще его критиковали «справа», ставя в вину в том числе и внедрение антирелигиозной пропаганды в систему образования. Так, некие «рабочие и крестьяне» обращались к «идиоту» Луначарскому, обвиняя его как наркома просвещения в развращении юношества: «ты злодей, изверг, пускаешь в их душу какой-то безумный (неразборчивое слово. – П.Г.) дурман, набиваешь им головы не наукой ясной, но отравляешь их своим идиотским дурманом». Авторы письма, не стесняясь в выражениях, упрекали высокопоставленного безбожника: «Ты ведь еще не околевал, на небе не был и не можешь знать, что там. Зачем ты, считая себя культурным, врешь, чего никогда не видал, да и ни малейшего понятия о Боге не представляешь» [4. Л. 29].

Поводом для критики иной раз становились и сообщения регулярно посещавшего Европу политика о заграничном быте и преимуществах жизни в СССР. «Прохвост Луначарский», недипломатично обращался

к Анатолию Васильевичу автор еще одного письма (отрекомендовавшийся как «крестьянин»), «как тебе не стыдно врать <...> в своем докладе 3/1 в 10 ч. вечера» (имеется в виду, насколько можно судить, выступление Луначарского по радио в начале января 1932 г.; предыдущие несколько месяцев он провел в Западной Европе, преимущественно в Германии, в середине декабря 1931 г. возвратившись в Москву [6. С. 121]). Сравнивая зарубежных министров с советскими руководителями, автор письма указывал, что первые все же «вылетают с своих должностей»; «правда, ты тоже слетел за свою артистку за границу, для кот[орой] ты крал из средств НКПроса и т.д., а вот другие наши грабители коммунисты и верхушки и всякая другая сволочь обкрадывает наш русский народ 15 год», – отмечал автор письма, тут же выражая надежду: «конечно, конец и Вам, мерзавцам, скоро будет <...> народ стонет, в особенности к[рестья]не и даже рабочие наши». Охарактеризовав «всю Вашу политику» как «втирание очков дуракам рабочим», аноним критически прошелся по отдельным выдвигавшимся советскими руководителями лозунгам. В них он неизменно видел ложь – будь то борьба с пьянством («разве вы не спаиваете русский народ так наз[ываемой] Рыковкой – отравой») или проституцией (о ее расцвете в Германии «докладывал» советским гражданам Луначарский): «разве у нас исчезла проституция – нет, в каждом клубе, школе, летом в садах или парках и т.д. распущенная, бледная, зараженная молодежь <...> виновники вы, мерзавцы, в особенности ты, Наркомпрос, виновник».

Ни один из тезисов Луначарского не избежал критического комментария со стороны анонима. «Вы говорите о штыках в Германии, а разве вы существуете на честности, свободно выбранные народом, сами сядились и садитесь, так наз[ываемые] единогласно выбранные». Автор письма рекомендовал Луначарскому не изображать из себя «клоуна-Балакирева», выступая перед «кучкой прохвостов-прихлебателей-шкурников-коммунистов», а «пропутешествовать вроде ходока» по разоренной стране – «и проверил бы в глуши мужика крестьянина, а их 90%, все они стоном стонут от В[ашего] гнета-обираания». Возмущаясь многословными и бравурными докладами Луначарского о международном положении («а вот тоже втираете о япошках, не забывайте, что не все дураки»), автор призывал обратить внимание на проблемы своей страны: «ск[олько] невинных людей выгнаны в Сев[ерные] губ[ернии] и в Сибирь, совершенно невинных людей, только потому, чтобы царствовать кучке узурпаторов, убийц, грабителей и бывш[их] каторжников, тюремщиков». «Не забывайте, что долго на штыках не просидите», предупреждал «крестьянин» Луначарского. «Русский человек терпит долго, но если проснется, то держись, сотрет с лица земли». Припомнив антицерковную политику советской власти, крайности которой уже бывший нарком просвещения вроде бы осуждал («Ну а свобода веры, закр[ытие] церквей, ломка храмов, вы сами против, напр[имер], Хр[ам] Хр[иста] Спасителя, разве это не варварство с В[ашей] стороны, разве это не дикари, где же В[аша] воспитанность, где

Ваша мораль и т.д. и т.п. Эх вы, узурпаторы, дикари, варвары, мерзавцы»), «крестьянин» снова обращался к моральному облику адресата своего послания: «чем грязнить других, сам на себя обрати внимание, ведь тоже грабитель-прохвост, путавшийся за артисткой за границей и проживавший с ней наши народные деньги». Впрочем, таков, по мнению автора, был нравственный уровень всего руководства СССР: «все вы пьяницы, блудуны-мерзавцы, имеете по 7 и более жен <...> сами вы гаремщики-бардачники» [4. Л. 42–43 об.].

Личная жизнь Луначарского волновала и анонимных комсомольцев (завершивших свое послание, датированное 27 февраля 1926 г., словами «с комсомольским приветом»). «То бесконечное количество разговоров, которые вертятся вокруг вас, которые касаются вас не как личности, а как старого партийца, на которого смотрят и у которого учатся не один миллион молодежи. Если бы это было мещанские сплетни, то, конечно, на них не обращали бы внимания; но, к несчастью, эти разговоры ведутся не только в вышеуказанной среде, но среди рабочих и крестьян, а главное, среди их молодняка», – волновались авторы письма. Они приводили пример из личного опыта: «Недавно одному из нас пришлось быть в деревне, где на одном из собраний молодежи зашел разговор о распутстве комсомольцев. Когда тов. стал говорить что-то в оправдание, то ответ был таков: “Да что с комсомольцев спрашивать, когда коммунисты, да еще наркомы, ведут себя не лучше и вон какой пример показывают, вон Луначарский! Вы думаете, если мы в деревне, так мы ничего и не знаем”». Комсомольцы, услышав подобное народное мнение, стыдили наркома: «Тов. Луначарский! Вы своим поведением накладываете пятно не только на себя, но и на партию».

Авторы письма уверяли высокопоставленного адресата: «нам безразлично, конечно, с кем вы живете, это ваше личное дело. Но когда человек вертит вами как хочет (так в тексте. – П.Г.), пользуется вашим именем, вашим положением в своих личных интересах, как это делает ваша жена Розенель, то мы считаем своим долгом указать это. У нас как-то невольно является вопрос: неужели вы не понимаете, как ваша жена подрывает ваш авторитет?». Речь шла не только о потере личного престижа: «...свой авторитет вы уже почти потеряли, но в лице своем вы подрываете также авторитет и партии». Комсомольцы, выражая надежду, что для Луначарского «интересы партии все-таки выше личных», предлагали ему выход из положения: «если человек, с которым вы должны жить, совершенно чужд вам в своей идеологии, то вы должны его перевоспитать, но во всяком случае не подпадать под влияние» [4. Л. 41–41 об.]. Отметим, что поведение молодой жены наркома актрисы Н.А. Розенель порождало в советском обществе различные невыгодные для Анатолия Васильевича слухи. Луначарскому приходили и письма с угрозами в адрес Розенель. В его архивном фонде сохранилось отношение на имя начальника Оперативного отдела ГПУ, которому секретариат наркома направлял «полученное на имя наркома анонимное письмо, т.к. в нем содержится прямая угроза по отношению к жене тов. Луначарского», с пометкой о

том, что «содержание письма неизвестно тов. Луначарскому» (само письмо в деле также, к сожалению, отсутствует) [4. Л. 11].

Крупнейшее по объему послание, в котором так или иначе затрагивались все темы, поднимавшиеся анонимными авторами, было получено Луначарским от человека, подписавшегося «любитель всех видов искусств и старый правдист – “Правда Матка”». В самом начале своего уместившегося на 16 страницах письма (где очень большая часть текста подчеркнута; при цитировании это подчеркивание не воспроизводится) «правдист» напомнил о том, как в первые дни большевистской власти Луначарский чуть было не ушел из состава Совнаркома в знак несогласия с бомбардировкой собора Василия Блаженного. «В начале революции все-таки было течение считаться с народом, с его верой и т.п. – были воззвания в печати к разным сословиям, как-то к казачеству и вообще к другим национальностям – что мы, большевики-коммунисты – религию не преследуем – пусть верят все, кто как разумеет», отмечал автор письма, прибавляя: «все это были только пустые слова – обещания – а дело показало совсем другое <...> с народом, с его верой не стали считаться – и первоначально как будто потихоньку-полегоньку начали закрывать кое-где церкви – находя разные причины: либо не было ремонта церкви, стены облупились и т. п.». Подлинное отношение народа к подобным действиям властей выражалось, по мнению автора письма, в реакции на диспуты о Боге и церкви, в которых нередко принимал участие Луначарский: «на чьей стороне была масса – нужно правду сказать, что не на Вашей – Вы всюду терпели фиаско». Но репрессии большевиков коснулись не только церкви: «затем и с Чертковым не посчитались, закрыли Vegetарианское общество и т.п., что там Толстые Л.Н. какие-то, непотребство злу, – закрыть и кончено! У царя были разные Кассо-Плеве, а у нас есть почище палачи Дзержинские-Свердловы и проч.». Ограбление храмов во время «изъятия» церковных ценностей также не прошло мимо внимания автора письма: «и вот придумывается фортель (а сколько ценностей в монастырях, в храмах? Но как их взять, зря ведь нельзя, может и не удастся), но на что же в правительстве люди мозголые – разные Шмули-Янкелы-Хаимы и вот выход найден – наступил частичный “голод”» [5. Л. 125].

Под предлогом борьбы с голодом развернулся не только грабеж, но и насилие в отношении духовенства и верующих – «так строится “социализм” – на крови». Со временем положение Церкви в СССР становилось хуже и хуже. «Преемник престола Ленина – упрямый как бык – ишак¹ Сталин – дал разрешение закрывать храмы пачками», обращения же верующих к М.И. Калинину не давали никакого результата («эта кукла Михайла Иванович – всемогущий староста, был только именно куклой-ширмой»). Расправились и с колокольным звоном: «церкви ограблены – даже колокола сняты – звон запрещен – вишь ты люди рабочие – какие стали нежно-нервные – что даже церковный звон их беспокоить стал, и тут какие-то Янкелы придумали фортель (антисемитизм, скажете, Анатолий Васильевич?) нет – только матка-

правда – и так фортель придумали: звон колокольный беспокоит новых бар-рабочих», а значит, надо его запретить, а колокола «пустить в дело».

Вместо храмов власть начала возводить «рабочие дворцы», но, по мнению «Правды Матки», «народу не до дворцов – он жрать хочет» [5. Л. 125 об.–126]. Автор письма не уставал подчеркивать, что большевистская власть держится насилием: «мы уже за 13 лет-то ко всякому разбою привыкли – первоначально как-то стеснялись – да и побаивались народа», но «теперь “при помощи наших славных чекистов палачей” народ “усмирили – скрючили – что он пикнуть не смеет”». Установив диктатуру, коммунисты «не постеснялись – даже и седым Кремлем, и там и Вознесенский и Чудов монастыри уничтожили, что Кремль – для нас нет ничего святого, мы на то и безбожники воинствующие во главе с Емелькой Ярославским, это наш главный атаман». Горько иронизируя над атеистической политикой властей, автор письма указал и подлинное отношение народа к этой пропаганде: «а мы разные безбожные журналы и книги печатаем – хотя их никто и не читает, а все же мы бесплатно их везде суем – в избах читальных только большей частью они и валяются – ну да они и на другое дело по мягкости употребляются – как в былое время был журнал Европа – его любила очень ж..а» [5. Л. 126 об.].

Гонения на Церковь, надругательство над народными святынями шли рука об руку с хозяйственным разорением страны. Особенно отчаянным было положение деревни: «у нас колхозы – и все якобы идут добровольно, сознали, что сохой-кормилицей немного наколуешься, а у нас трактор, только при сохе-кормилице – хлеба-то было сколько хошь <...> а теперь шалишь – 300 грам[м] – 400 грам[м] простому смертному – разве у него желудок, а вот строителям “социализма” 800 грам[м] – но дело то в том, мы у кулаков-то землю-то отобрали – засеять ее кое-как засеяли – а вот пришлось убирать-то и настала страдная пора-то, у нас в колхозах-то все беднота отъявленная – она работать – не больно любит – мы ее все больше отрядили в начальство, ну работать-то и некому, и сено не кошено, и силос не сделан, и овощи, морков[ь] там и проч. не прополоты» [5. Л. 126]. Автор приводил «ностальгическую» народную поговорку: «Был Николашка – была мука и кашка», прибавляя: «а теперь в кооперативах хоть шаром покати» [5. Л. 130]. Впрочем, замученные коллективизацией крестьяне вспоминали не только царское время. «Правда Матка» поделился с высокопоставленным адресатом письма текстом частушки, которую он услышал от детей в одном провинциальном городке:

«Вставай, Ленин! Вставай, дедка!
Развалилась пятилетка!
Вставай, Ленин, вставай, милый,
Сталин кормит нас кониной!
Ленин встал, взмахнул руками
– Что поделат с дураками!» [5. Л. 128 об.].

Немало гневных слов автор письма посвятил положению в сфере культуры и образования, за которую непосредственно был ответственен Луначарский. Советская

школа «учит безбожию и гордости и непослушанию родителям и вообще старшим – нечего сказать, хорошее у нас растет поколение» [5. Л. 129].

В литературной жизни навязываются бездарные, но идеологически верные творцы наподобие Демьяна Бедного, на что народ отвечал молчаливым бойкотом. «Я как-то иду по Моховой, а там, знаете, народ этот, букинистами прозывается, торгует разным книжным хламом – ну да мы велим торговать нашим советским товаром, в том числе и Демьяном», рассказывал автор письма. «Вот как-то идет мимо б[ывший] пред[седатель] Моссов[ета] Каменев, он любитель порыться в старье-то, и спрашивает у букиниста, а как у вас Демьяна Бедного покупает публика? А букинист смеется – что вы, говорит, да разве публика не понимает, что ей нравится, – нынче дураков нет. Вот эти Демьяны, да Маяковские все время валяются, никто даром не берет, вот если бы выпустили С. Есенина, вот поторговали бы, то и дело спрашивают» [5. Л. 127].

Не лучше дело обстояло и в области театра: «Когда-то Вы, помните, защищали постановку в Б[ольшом] т[еатре] “Града Китежа”, но Ваша братва настояла о снятии и Ваш глас остался вопиющим в пустыне <...> Сняли и “Турбиных”, и “Зойкину квартиру” – ну это туда-сюда – а вот скажите, почему это сняли “Аскольдову могилу”?”. Критически отозвавшись о попытке создать «своих Шаляпиных» («из этой затеи <...> ничего не получилось»), автор письма делал вывод: «нет, не умели сберечь мирового артиста – пеняйте на себя, – а Вам ничего не создать, Вы только можете беречь[ь] разных Мейерхольдов – которые пляшут под Ваши дудочки и корежут (так в тексте. – П.Г.) лучших русских драматургов-классиков. Что сделал Мейерхольд с “Лесом” Островского, с “Ревизором” Гоголя и с “Тором от ума” Грибоедова – ведь это же срамота-позор» [5. Л. 127 об.]. Любопытно, что сам Луначарский отнюдь не был поклонником художественных методов В.Э. Мейерхольда и вообще довольно сдержанно относился к режиссеру-экспериментатору [7. С. 436–441]. Но, будучи одним из руководителей советской культурной политики, он в глазах автора письма (и не только его, конечно) был ответственен за все крайности «театрального Октября».

Завершая свое длинное письмо стихотворением «Палачам свободы», обличающим большевизм, а также намеком на любвеобильность Луначарского («А как насчет пиесок? Пописываешь? <...> Впрочем, у тебя есть какой-то еще брадобрей (королевский)². Да и ты, кажется, тоже бороду сбрил – омолодился – так-то лучше – бабы лучше будут любить, а ты до них охот-

ник – а как Бах-то здоровствует? Все так же – не за совесть и за страх выступает Таня Бах?³» [5. Л. 131, 132]), автор просил ознакомить с его посланием других руководителей СССР: «дай прочесть и посоветуйся со своими товарищами-друзьями: с Емелькой Ярославским – этим атаманом безбожия, и с юродивым новым чекистом Максимушкой Горьким, а также и упрямым и настойчивым быком Сталиным – и прочей братвой помельче, разными Кагановичами, Микоянами и Лозовскими и проч. и проч. и проч.». Впрочем, в самом конце этого многословного послания зазвучала будто иная нота, показывавшая, почему «правдист» решил написать именно Луначарскому: «все-таки в тебе что-то есть, настоящее любящее сердце, ты все-таки понимаешь и ценишь искусство и по совести говоря с тобой можно бы дело делать – ты парень хороший» [5. Л. 132 об.].

Авторы анонимных писем к Луначарскому были разными людьми, но они поднимали одни и те же темы, высказывали схожие упреки, которые условно можно поделить на две группы: адресованные советской власти вообще и лично Луначарскому. К первым относились жалобы на репрессивную политику коммунистического режима, подавление всякого вольномыслия, на неслыханное разорение крестьянства, изнывающего под катком коллективизации, на преследование Церкви и уничтожение храмов (впрочем, это инкриминировалось и самому Луначарскому, как видному участнику антирелигиозной кампании). Вторая группа условных «претензий» была неравномерной: она содержала в себе и критику деятельности Луначарского на посту наркома просвещения («развращение» молодежи в школе, поддержка левого искусства, которое «корежит» русских классиков), и нападки на его личную жизнь, обвинение в распущенности и сластолюбии. Особенно репутации наркома вредила его жена Н.А. Розенель, слухи о поведении которой, о ее любви к красивой, «заграничной» жизни, бросали тень на ее супруга не только с чисто нравственной, но и с финансовой стороны – и волновали даже тех авторов писем, которые были настроены благожелательно к внутренней политике руководства СССР. Разумеется, анонимные письма не могут служить объективным мерилom отношения к наркому просвещения в советском обществе (Луначарский получал немало сочувственных посланий, авторы которых не скрывали свою личность), но в них, как в кривом зеркале, отразилась темная сторона образа этого политика в его народном восприятии – сторона, которую вдумчивый биограф не может не принять в расчет.

Примечания

¹ В тексте перед «ишак» стоит знак тире, которым автор письма вообще злоупотреблял. Возможно, здесь должна быть запятая.

² Речь идет о пьесе Луначарского «Королевский брадобрей».

³ Т.Я. Бах – выдающаяся артистка оперетты. По-видимому, автор письма намекает на ее связь с Луначарским.

Список источников

1. Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2012. № 2. С. 142–148.
2. Крапивин М.Ю. «Я предлагаю Вам сделать со мною небольшую прогулку по весям нашего социалистического рая, так сильно смахивающего на самый доподлинный Дантовский Ад»: анонимное письмо советского служащего на имя А.И. Рыкова (январь 1920 г.) // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 157–167.
3. Кусков С.А. Коммунисты против террора (Анонимное письмо в Курганскую ЧК, июль 1920 г.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2016. Вып. 4. С. 104–108.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 491.
5. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 645.
6. Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского (1917–1933 гг.) : в 3 т. Т. 3. Душанбе : Изд-во Таджикского ун-та, 1992.
7. Гордеев П.Н. «Мне представляется гр. Мейерхольд психически ненормальным существом...» К истории взаимоотношений В.Э. Мейерхольда, Е.К. Малиновской и А.В. Луначарского // Вопросы театра. Proscaenium. 2023. № 3–4. С. 432–445.

References

1. Kobak, I.V. (2012) Pis'ma kak istoricheskiy istochnik: zadachi i priemy izucheniya [Letters as a historical source: objectives and methods of study]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2.* 2. pp. 142–148.
2. Krapivin, M.Yu. (2014) "Ya predlagayu Vam sdelat' so mnoyu nebol'shuyu progulku po vesyam nashego sotsialisticheskogo raya, tak sil'no smakhivayushchego na samyy dopodlinnyy Dantovskiy Ad": anonimnoe pis'mo sovetского sluzhashchego na imya A.I. Rykova (yanvar' 1920 g.) ["I invite you to take a short walk with me through the villages of our socialist paradise, which is so reminiscent of the most authentic Dante's Inferno": An anonymous letter from a Soviet employee to A.I. Rykov (January 1920)]. *Noveyshaya istoriya Rossii.* 2. pp. 157–167.
3. Kuskov, S.A. (2016) Kommunisty protiv terrora. (Anonimnoe pis'mo v Kurganskuyu ChK, iyul' 1920 g.) [Communists against terror. (Anonymous letter to the Kurgan Cheka, July 1920)]. In: Kalyagin, A.V. et al. (eds) *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [The 20th Century and Russia: Society, reforms, revolutions]. Vol. 4. Samara: [s.n.], pp. 104–108.
4. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 142. List 1. File 491. (In Russian).
5. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 142. List 1. File 645. (In Russian).
6. Efimov, V.V. (1992) *Letopis' zhizni i deyatelnosti A.V. Lunacharskogo (1917–1933 gg.)* [Chronicle of the Life and Work of A. V. Lunacharsky (1917–1933)]. Vol. 3. Dushanbe: Tajik University.
7. Gordeev, P.N. (2023) "Mne predstavlyaetsya gr. Meyerkhof'd psikhicheski nenormal'nyy sushchestvom..." K istorii vzaimootnosheniy V.E. Meyerkhof'da, E.K. Malinovskoy i A.V. Lunacharskogo ["It seems to me that Count Meyerhold is a mentally abnormal creature..." On the history of the relationship between V. E. Meyerhold, E. K. Malinovskaya and A. V. Lunacharsky]. *Voprosy teatra. Proscaenium.* 3–4. pp. 432–445.

Информация об авторе:

Гордеев П.Н. – д-р ист. наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: petergordeev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.N. Gordeev, Dr. Sci. (History), senior research fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: petergordeev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 94:81'282:63-051(571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/505/14

Вещи в устных рассказах и социальных практиках сельской Сибири

Елена Ерофеевна Дутчак¹, Светлана Владимировна Волошина²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ dee010@mail.ru

² vsv1304@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роль вещей и нарративов о них в формировании сельского культурно-языкового ландшафта Томской области. Источниками исследования послужили материалы археографических и диалектологических экспедиций ТГУ. Определено, что сельский культурно-языковой ландшафт – это результат вербальных и невербальных коммуникаций, в которых вещи, в том числе благодаря нарративам, обладают медиативностью и транзитивностью и внутренне связанные вещевые комплексы выступают материальным продолжением человеческих отношений.

Ключевые слова: material studies, повседневность, переселенческая и старожильская деревня, старообрядческий скит, автобиография, воспоминание, религиозная книга

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Дутчак Е.Е., Волошина С.В. Вещи в устных рассказах и социальных практиках сельской Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 131–141. doi: 10.17223/15617793/505/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/14

Things in oral narratives and social practices of rural Siberia

Elena E. Dutchak¹, Svetlana V. Voloshina²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ dee010@mail.ru

² vsv1304@yandex.ru

Abstract. The article reveals the information possibilities of things and stories about them and their role in the formation of the Siberian rural cultural and linguistic landscape in historical and linguistic aspects. Research materials are: (1) more than 200 reader's bookmarks-enclosures in handwritten and printed books of the Tomsk–Chulym skete of Old Believers-wanderers. They act as direct participants in group and individual prayers and leisure reading of sketes, impartial witnesses of their changing material and emotional needs; (2) oral autobiographies of rural residents of Tomsk Oblast, born in the late 19th – first half of the 20th centuries, which were recorded during dialectological expeditions and memoirs, and are presented on the websites of the projects *Sibiryaki vol'nye i nevol'nye* [Free and Involuntary Siberians], *Otkroi ssylku* [Open the Link], *Tsentr pamyati raskulachennykh* [Center for the Memory of the Dispossessed Kulaks]. The analysis of the material is carried out using the model for studying the networks of people and things, which is proposed by S.V. Sokolovsky. It includes in the analytical field such parameters as: a situation-setting with a place, participants and their types of activities; actions delegated to things to regulate the intellectual activity of people; the synergistic effect of human interaction with a thing and its influence on sensory and transcendental experience. It is determined that the rural cultural and linguistic landscape formed in the conditions of voluntary and forced migrations is a cumulative result of verbal and non-verbal communications, in which individual things get social life due to their division into utilitarian and symbolic ones and their inclusion in narratives; and interconnected material complexes are capable of initiating reflections on the material markers of human relations. The mutual framing of the material and the social is implemented according to conditionally autonomous scales – a linear time scale, described by peasant speech as the transfer of symbolic artifacts between generations, and a nonlinear spatial scale, evaluating the exchange of objects as episodic or, on the contrary, requiring continuation and regulation. Their complementary action is a basic condition for constructing a sense of the correctness of life in one's place, and it leads to the co-evolution of everyday things and social forms of dealing with them. The conservation of the usual functions and semantics of things forms an attitude to places of their high concentration as zones of backwardness and inferiority. Our observations show that in relation to traditional communities, for which oral reflection is primary, the opposition of things and narratives does not explain the patterns in the formation of local landscapes. In our opinion, it is more productive to take into account the multicultural and monocultural characteristics of object-centric socialities, in which things appear as information

systems with a conflicting set of meanings, and material complexes as complexly organized hierarchies with an immanent ability to produce positive and negative images of the place of residence.

Keywords: everyday life, resettlement and old-time village, Old Believers' skete, autobiography, memoirs, religious book

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Dutchak, E.E. & Voloshina, S.V. (2024) Things in oral narratives and social practices of rural Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 131–141. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/14

Введение

В процессах образования региональных ландшафтов вещам как их непосредственным «участникам» принадлежит базовое в теории и трудноуловимое на практике значение. Это объясняется тем, что предметное окружение показывает начальные и конечные точки освоения пространства, но не культурные механизмы, действием которых разовое и единичное становилось массовым и общеупотребительным. Вместе с тем есть темпоральная и ментальная дистанция между распоряжением Бориса Годунова о распределении «книги Минеи, церковного строения и колокола» между тремя зауральскими острогами в 1601 г. [1. С. 20] и стабильно функционирующей к 1901 г. общесибирской приходской сетью. Еще более сложной оказывается реконструкция вещественного сопровождения народной колонизации: чиновники, обеспечивавшие ее легальные и пресекавшие нелегальные виды, фиксировали главным образом то, что характеризовало хозяйственные возможности закрепления на новом месте (скот, инвентарь, семена [2]) и потенциал вооруженного сопротивления (оружие, порох, ножи, топоры [3]). В то же время очевидно, что имущество ходоков-разведчиков и переселявшихся за ними семей отличалось количеством и качеством утилитарных предметов, родовых реликвий и личных вещей.

Казалось бы, при широком диапазоне методов изучения материального анализ обстоятельств формирования предметного окружения сибиряков и представляющих его нарративных и речевых конструкций не должен вызывать затруднений. Полифункциональность, тиражируемость и символическое многообразие созданных человеком вещей включили их в сферу профессиональных интересов всех социальных и гуманитарных наук. Однако результаты этих исследований остаются некомплементарными в силу двойственной природы вещей, их способностей быть маркерами повседневности и элементами генеральных совокупностей (товаров, интерьеров, оборудования) и фундаментальной разницы подходов к изучению того и другого.

В частности, как «незамеченная революция» оценивается в отечественной научной периодике середины 2010-х гг. первый этап рецепции «вещественного поворота», выросшего из социальных теорий 1980-х гг. Его итоги показали быстрое освоение объект-центричной терминологии (*акторы, актанты, сети, фреймы, биографии вещей* и др.) и слабую вовлеченность в методологические дискуссии о принципах анализа материальности как области с самостоятельной активностью [4].

Тогда же были озвучены причины формального принятия российскими исследователями научной программы *material turn*. Знакомство с ней шло через ограниченный круг переводных публикаций, имеющих скорее характер манифестов и потому не составивших конкуренцию субъект-центричным концепциям материальной культуры – фольклорно-семиотической и историко-географической, понимающих ее как символическое или физическое воплощение коллективных взаимодействий [5–7].

Неопределенность первых результатов рецепции фрагментировала последующее освоение «классических» и возникающих методологий *material turn*, но одновременно актуализировала проблему инструментализации их теоретических установок применительно к российской действительности. Современное состояние предметного поля, развивающегося в разных направлениях, можно назвать периодом накопления знаний о контекстуальных переходах вещей из безличного в эмоционально нагруженное, бесполезное в функциональное, рутинного в праздничное или статусное [8–12]. Последнее сделало возможным постановку вопросов о движениях материальных предметов во времени и пространстве как ресурсах социальных изменений и модификаций групповых идентичностей [13–15]; соотношениях утилитарных и аккумулятивных свойств вещей и жанров нефатического и фатического общения, грациях в определении профанных и сакральных вещей как операторов и символов [16, 17].

Транзитивность и медиативность вещей, включенных в экономические интеракции и социальные иерархии, обрядовые и обучающие практики, коллективные и автобиографические нарративы, позволяет использовать эти свойства для детализации процессов образования сибирского сельского ландшафта [18], в частности, сфокусировать исследование на сосуществующих поселениях – поликультурных переселенческих и старожильческих деревнях и монокультурных старообрядческих скитах. Их сообщества отличались восприятием материального и на протяжении XX в. были вовлечены в разнонаправленные миграции национального и регионального масштабов.

Сопровождавшее эти перемещения имущество дает возможность рассматривать бытование вещей в сельском социуме в контексте их способности соединять не только прошлое и настоящее отдельных семей, но противоположные в ценностных характеристиках социальные сообщества.

Следовало ли за ними усложнение групповых и индивидуальных коммуникаций и какие качества под

воздействием «вещественного компонента» приобрел сельский культурно-языковой ландшафт региона – ответам на эти вопросы посвящена настоящая статья.

Методические основания и источниковая база исследования

Историческое и лингвистическое измерение предметного поля обращает к двум группам теоретико-методических подходов, понимающих предметный и человеческий миры как подвижные ансамбли отношений, вещей и высказываний. Для настоящего исследования, в основе которого лежат материалы археографических и диалектологических экспедиций Томского университета [19, 20], их выбор определялся прежде всего направленностью на сбор и интерпретацию полевых материалов.

Первая группа представлена публикациями, в которых решается задача интегрирования понятийного аппарата *material studies* и, в частности, акторно-сетевой теории в этнографические, археологические и антропологические исследования [21]. *Вторую группу* составляют публикации, рассматривающие средства языковой объективации вещного мира, их связь с жанровыми и дискурсивными характеристиками диалектных и литературных текстов и особенности эстетических, символических интерпретаций вещей сельскими жителями [22–24].

На наш взгляд, объединяющим эти исследовательские программы потенциалом обладает модель изучения сетей людей и вещей, предложенная С.В. Соколовским, которая включает в аналитическое поле: обстановку-ситуацию с заданным местом, составом участников и их видами деятельности; делегированные вещам действия по регулированию интеллектуальной активности людей; синергетический эффект взаимодействия человека с вещью и его влияние на переживания, чувственный и трансцендентный опыт [25].

Названные параметры делают возможным при изучении способностей предметного мира создавать синхронные и диахронные, социальные и символические связи с привлечением двух групп источников информации – собственно вещи и рассказы о них.

В качестве первых выступают читательские вложения-закладки в рукописных и печатных книгах томско-чулымского скита староверов-странников (более 200 образцов, в том числе 142 с текстами и изображениями 1860–1990-х гг.¹) [26, 27]. Медиативные свойства книжных закладок обусловлены двумя модусами существования «намоленной книги»: они выступают, с одной стороны, непосредственными участниками групповых и индивидуальных молений и досугового чтения скитников; с другой – беспристрастными свидетелями их изменяющихся материальных и эмоциональных потребностей.

В качестве вторых – устные автобиографии и воспоминания старожилов, переселенцев и сосланных сельских жителей Томской области, рожденных в конце XIX – первой половине XX в., как записанные нами, так и представленные на сайтах региональных

проектов «Сибиряки вольные и невольные» [28], «Открой ссылку» [29], «Центр памяти раскулаченных» [30].

Анализируемые нарративы принадлежат коренным жителям – носителям русских старожильских говоров Среднего Приобья и переселенцам – большей частью билингвам, владеющим русским и родными языками (татарским, чувашским, марийским, немецким, эстонским, белорусским и др.), и показывают, какие вещи передавались по наследству и перевозились из прежнего места жительства, как в рассказах репрезентируется их транзитивность и, прежде всего, перемещения из сферы утилитарного в символическую.

Результаты исследования

Выбранные источники позволяют рассматривать сами вещи и нарративы о них как самостоятельные кейсы и на их основе решать вопрос как об их информационных возможностях, так и сетевом характере процессов образования сибирского сельского ландшафта.

1. «Привези красивую тряпочку для книги»: вещь в социальных практиках скита. Литературой и кинематографом созданы контрастирующие образы старообрядческого скита – как невзрачного жилища и многолюдной, благоустроенной усадьбы, однако в исторических реалиях их соединить легче, чем кажется. Так, полицейский рейд в томско-чулымский скит странников в 1874 г. зафиксировал «отлично устроенное хозяйство – с кузницей, слесарней, ветряной мельницей, библиотекой, запасами хлеба и лошадыми» [31], источниками которого епархиальная публицистика назвала ростовщичество и пожертвования [32]. В рассказах очевидцев 1960-х гг. скит выглядел иначе – врытые в пологие склоны полуземлянки, покрытые еловыми ветвями и топившиеся по-черному: «в келью лбом ткнешься, только тогда увидишь» [33; 34. С. 477].

Противоречивость свидетельств не объясняется отсылками к политическим изменениям 1910–1930-х гг. – задолго до них староверие освоило способы сокрытия коллективной собственности за легализованным «хозяйном». Например, в страннической ветви монашества были главной, но численно меньшей стратой религиозной общины, и ее видимую внешнему наблюдателю часть составляли живущие рядом заимщики-единоверцы с разным статусом: «оглашенные» и «благодетели» (принявшие и не принявшие обет иночества). Обе группы выступали посредниками между скитом и деревней, вели обычную жизнь крестьян-промысловиков, и именно их подворья в первую очередь посещали чиновники и миссионеры.

Тонкая настройка этих градаций ставит вопрос о ментальных и материальных основаниях объединения разрозненных групп сельского населения под эгидой старообрядческого монастыря. На начальном этапе встраивание скита в локальные сети обеспечили схожесть его уклада с житийными примерами непоказной святости и низкий экономический потенциал переселенческих семей. Не имея ресурсов для адаптации,

часть из них выбирала присоединение к старообрядческим общинам, хозяйственная устойчивость которых поддерживалась замыканием вещевого и трудового обмена «на своих». Лишь от единоверца монах мог принять произведенные в «антихристовом мире» инвентарь, соль и керосин, и только допущенный в скит крестьянин вместе с изготовленными там лестовками, посясами, нательными крестами получал таежные дикоросы на продажу [35], деревянную посуду [36] и даже «модные ботиночки с язычком» [37].

Переходы вещей между монашеским и деревенским миром создавали смысловую рамку для переформатирования вербального, телесного и эмоционального опыта их владельцев. Мирянам следовало учиться тайному обладанию обрядовыми вещами и открытому – условно бытовыми, чье происхождение скорее угадывалось, чем называлось, скитникам – прочтению литургической и учительной книги, открытой в установленное время и в нужном месте. Текстовая и визуальная информация 54 закладок 1860–1950-х гг.² показывает наращивание социальной символики физического обращения с книгой и одновременно инструменты коммуникации, действием которых в имперский период компенсировались разрывы приходской жизни, и впоследствии часть советского крестьянства оставлена в поле конфессионального дискурса.

Во-первых, нелегальное положение таежного монастыря требовало ограничить присутствие на коллективных богослужениях деревенских «благодетелей». Это восполнялось проведением суточных и праздничных богослужений по дореформенному уставу и допуском к их совершению только после ритуального очищения и освоения азов гимнографии (*закладки*: описание крещения-пострига, богослужебные указания, молитвословия разных жанров, ручная Пасхалия).

Во-вторых, задачи катехизации в пространственно разьединенной общине выполнял институт «бесед» – публичных чтений с толкованиями. Техника их проведения включала в себя использование исторических и агиографических прецедентов для разъяснения христианских оснований страннического вероучения и правил поведения благочестивых мирян и монахов (*закладки*: фрагменты старообрядческого сочинения о «последних временах», житий Ксенофонта и Иулиана Кеноманийского и романа «Петр Первый» А. Толстого; выписки о ложном и истинном крещении и священстве, указатели к учительному Евангелию и сочинениям Иоанна Златоуста; изображение Максима Грека).

В-третьих, право монашеской группы, включавшей мужчин и женщин, выступать регулятором религиозной и семейной жизни православного крестьянства легитимировали дисциплинарные и этикетные предписания и исполнение поминального обряда в соответствии с канонам (*закладки*: покаянные молитвы и каноны; фрагменты сочинений Ефрема Сирина; выписки из церковно-правовой литературы о разводах, смерти и крещении детей; служба за усопших без священника; трафарет головного венчика, синодики; рисунок ангела-хранителя с надписью «Дарю сей листочек на

добрую память духовной сестре Евгении от духовного брата И.М.»).

Возможность получения семантически связанных вещей, ритуалов и знаний делала поддержку находящих вне закона скитов частью семейно-общинного этоса. В крестьянские представления о монастырской опеке всех нуждающихся входит понимание, что «тайга примет только по вере», монахи-«простецы» переосмысливают цели обращения к богослужебному и дидактическому текстам – их прочтение и интерпретация перестают быть внутренним делом скита.

До 1960-х гг. этот механизм согласования культурных установок и взаимных ожиданий скитского и деревенского сегментов общины не нуждался в коррекции. Поступательное развитие системы жизнеобеспечения сибирского села под воздействием урбанизации и при активном участии атеистического движения создало новые комбинации личных перспектив и коллективной необходимости. Отныне любая проверка должна была обнаружить в числе монахов лишь неисправимых по возрасту стариков, а поощрение молодого поколения мирских семей к получению городского образования и работы – упрочить финансовые и человеческие ресурсы общины в будущем.

Выработанный алгоритм самосохранения исходил из способности религиозной доктрины контролировать как минимум поступающие в скит вещи. Реальность показала обратное: пополнение монашеской группы людьми с селско-урбанистической моделью потребления [38] и транспортная доступность таежного монастыря, вызванная лесопромышленными работами в регионе, преобразуют физическое пространство скита. Еще в 1968 г. его кельи «ветхи и еле держатся», в 1974 г. – они уже «срублены из добротного леса, внутри оштукатурены или оклеены обоями, на окнах – масляная краска, на полу – домотканые половики-дорожки, на столах – современные клеенки, эмалированная и алюминиевая посуда» [39, 40]. На волне этих изменений раскол в монашеской группе был неизбежен: несколько несогласных с превращением келий в деревенские избы «только без радио и электричества» переселяются на север Томской области.

Отказ от «никонианских вещей» имеет в староверии безупречное идеологическое обоснование, но на деле реализуется немногими. В середине 1980-х гг. мы увидели скитские подворья с огородами, банями, заборами, подъездными просеками, а в общинной библиотеке – обновление материалов бестекстовых закладок (капроновые и атласные ленты, полосы цветного ситца, изолента) и эклектичные сочетания текстовых. Например, в одной книге могли соседствовать молитва Честному Кресту, поздравительная телеграмма, адреса мирских помощников, апокриф о специализации ангелов и заговор на защиту от властей [41].

В целом новые тенденции, которые проявляют себя через 88 книжных закладок 1960–1990-х гг.³, выглядят следующим образом. Правила к суточным и праздничным службам, молитвословия с разными посвящениями и функционалом все чаще сопровождаются «никонианской» типографской продукцией: церковными и

отрывными настенными календарями. Катехизация теперь предполагает переучивание с гражданской на церковно-славянскую кириллицу, отсюда – переписанные современной скорописью молитвы, учебные записи слов под титулом и исчезновение библиографических указаний с выносными буквами в названии книги.

Вместе с тем включение «инородных» предметов в быт и обращение со старинной книгой не вызвало каскадных обрушений в отношениях с деревней. Монахи, заказывающие лекарства и конфеты, по-прежнему проводили поминальный ритуал и сохраняли свое участие в жизни мирян, о чем говорят, в частности, стабильный интерес к молитвеннику за младенцев Иулиану Кеноманийскому и выписки о дьявольском происхождении самовара.

Избирательный подход к материальному провоцирует вопрос – как удалось культуре с развитой диагностикой обмирщения нейтрализовать семантически опасные предметы, превратить их в инструмент поддержания групповой солидарности и тем самым пролонгировать ассоциативную связь с дореформенным православием. Полагаем, что ответ на него следует искать в способности вещей-объектов становиться вещами-обстоятельствами, насыщенными личными контекстами [42]. Их совпадение создало условия для конструирования новых стилей рациональности в численно уменьшающейся и стареющей монашеской общине, передавшей в 1960-е гг. управление женщинам.

Книжные закладки как материальные свидетельства этих процессов отражают, во-первых, синхронизацию монашеского неприятия «любви к сродникам паче меры» [43. С. 250] и ответственности женщины-староверки за домашнее религиозное воспитание [44]. В скиту входят в обычай приезд родственников, после визитов которых в книгах появляются фрагменты газет и журналов, самодельные ежедневники с метеорологическими наблюдениями, детские рисунки, и последующий обмен письмами (оставленные в книгах рассказыывают о семейных неурядицах, отелившихся коровах или содержат извинения за редкость посланий).

Во-вторых, они показывают, что эмоциональная ценность закладок, взятых из до-скитской жизни, не сводится к воспоминаниям о людях и отношениях. Старые квитанции, поздравительные открытки от бывших коллег, которые перекладываются за чтением молитвы или поучения, безусловно, не соответствуют идеальному образу скитницы и потому квалифицируются исповедальным текстом как «хвальба вещами суетными, дружеством и богатством» [43. С. 252], но это не мешает им быть вполне эффективным средством для перевода памяти о прошлом в рефлексии о преимуществах сделанного выбора.

Использование ресурса прошлой советской социализации в формировании и закреплении привычки к усердному, размеренному, вдумчивому монашескому чтению говорит не только о причудливости возможных комбинаций светского и религиозного. Участие закладки в физическом открывании-прочтывании-закрывании книги позволяет предположить за качественным изменением ее облика интуитивно найденные ресурсы приведения системы «скит – деревня» в

равновесие. Современные по материалам и содержанию тексты и изображения в старинном кодексе выступают как медиаторы между ушедшим и настоящим, семьей и монашеской общиной, что делает их в терминологии акторно-сетевой теории «квазиобъектами»: они «одомашнивают» богослужебную и четью книгу и при этом не нуждаются в специальной проверке на допустимость и правомерность нахождения «здесь и сейчас».

2. «Отцовско веретёшко цело, я его берегу, это память»: вещь в рассказах деревенских жителей. Исследуемые автобиографические тексты включают описание людьми своей жизни, семьи, работы и т.п., вместе с тем в них присутствуют экспрессивно окрашенные повествования о предметах, которые окружают человека, играют или играли важную роль в жизни. Как отмечает И.Ф. Игнатов, «современный человек рождается почти в полностью артифицированной среде», в которой артефакты одновременно выступают трансляторами социального опыта и носителями памяти [45. С. 13]. Обращение к автобиографическим рассказам и воспоминаниям в этом смысле вполне закономерно, потому что, во-первых, в диалектологических экспедициях при коммуникации с информантами эти речевые жанры встречаются наиболее часто, и, во-вторых, одной из их основных жанрообразующих особенностей является обращение к памяти.

Автобиографические рассказы, как правило, начинаются с представления данных о рождении и заканчиваются сообщениями о настоящем периоде жизни. Однако спонтанность устного повествования ведет к нарушению хронологии, и в описании прошлого включаются сведения о том, что происходит в жизни человека сейчас и наоборот. Многие такие переключения временных планов могут быть обусловлены вниманием информантов к той или иной вещи, которую они хранят, видят перед собой или о которой вспоминают.

В этом смысле вещи, воспринимаемые как активные участники семейных историй и внутри- и междеревенских коммуникаций, являются средством самоидентификации человека, возможностью сохранить визуальные и тактильные воспоминания о прежнем месте жительства в случае переезда/ссылки. Нам встретились рассказы, в которых репрезентируется как утилитарный аспект взаимодействия человека и вещи (например, информант вспоминает о детстве, как семья собиралась за столом, и рассказывает о деревянной ложке отца; или информант описывает жакет матери и шапку отца, в которых приехала в Томскую область), так и «одухотворенный», когда вещи «избавляются» от своих прагматических функций (например, шуба в свадебном обряде становится символом достатка и богатства), представляют собой семейную реликвию, являются «аккумулятором» семейной памяти, предметом искусства или повседневных практик верующего человека (*Дедушка привёз с войны Евангелие, маленькая книжечка. Это наша семейная реликвия; Тётка с Молдавии, это тёть Зина присылала простынь... не кружева, а выбитое раньше, вот тоже кровать заправляли. И ведь она присылала три простыни всем трём сёстрам: маме, бабе Вале и бабе Нюре.... И ведь были в Ленинск-Кузнецке, помню, ещё она у меня была...*).

Среди вещей, о которых вспоминают информанты, есть вещи «полезные», до сих пор используемые в быту, и вещи «бесполезные», но эмоционально нагруженные, появившиеся в обиходе на определенном этапе жизни и напоминающие его владельцу о событиях прошлого, причем не обязательно важные: *У нас до сих пор я как **память храню квитанции**, сколько стоит икура. Отец сдавал.*

Остановимся на двух типах нарративов, сценарии которых повторяются в автобиографических рассказах и воспоминаниях деревенских жителей:

1) рассказы о вещи, которая была подарена информанту, досталась по наследству и олицетворяет для него семейно-родовые связи;

2) рассказы о вещи, которая была привезена/прислана в Сибирь и стала способом выстраивания коммуникаций в деревенском социуме.

Первый тип нарративов представляет вещь, которую информант хранит в доме или передал в музей/церковь, отдал детям или внукам. Вещь выступает в качестве объекта, характеризующего или маркирующего один из этапов жизни (мячик с детства, чернильница со школы, венцы со свадьбы и т.д.), является элементом семейной, в том числе этнической и конфессиональной, идентичности и памяти, и в этом качестве представляет ценность для человека. Это, как правило, вещи, перешедшие из разряда вещей-операторов в вещи-символы, которые приобрели аксиологические характеристики.

Например, две старинные иконы Николая Чудотворца и Богородицы достались информанту по наследству от родителей – она знает их историю, выполняет наказ отца не разделять иконы и планирует оставить детям. Другой информант хранит в доме мебель и посуду, привезенную ее родителями-немцами в Сибирь, табуретку, сделанную руками отца, скатерть, вышитую матерью, и покрывало, в которое заворачивали в детстве ее, потом ее детей и внуков, при этом книги на немецком языке XVII и XIX вв. она уже отдала в кирху. Информант объясняет причины бережного отношения к семейным вещам: *Все, что с родителями связано – это для меня ценно*; акцентирует внимание на комод, какие были у немцев, тем самым актуализируя коммуникативную стратегию самопрезентации и используя тактику этнической самоидентификации⁴.

Истории о вещах обоих информантов обнаруживают схожие сценарии. Присутствие вещи в жизни человека моделируется в языке с помощью следующих составляющих: имеющий вещь *субъект* (человек/музей/церковь), *действие-ситуация* (сохранение, восстановление, передача следующим поколениям), *объект-вещь*, наделяющая операции с ней особой энергетикой и формирующая разницу между подаренной, оставшейся от родителей, планируемой быть переданной детям и внукам. Поэтому информанты всегда сообщают, от кого и как им досталась эта вещь и кому в будущем будет передана: *от тяти, от мамы достались; Иконушка-то мне ещё от мамы; от родителей мне была икона, хорошая, большая икона; В общем, в основном в старых полотенцах, наверно, от бабушки, от мамы*

*остались; а щас я помру и **детям** отдам.* Важно отметить, что вещь хотя и выступает материализованным элементом связи поколений, но младшие из них (рожденные в постсоветские годы) не всегда осознают ценность этих предметов: *... вот даже табуретка, папиными руками сделана, и она у меня до сих пор дома, и <...> некоторые: «Да, баба, она старенькая». Я говорю: «Нет, она не старенькая, она – это память, память о моих родителях. Вот меня не будет, вот попробуйте выкиньте».*

Эмоциональная нагруженность подобных воспоминаний делает важным наблюдение S. Bluck и T. Habermas о селективном характере их репрезентации [46]. Действительно, на практике мы видим, что из тысячи воспоминаний о личном прошлом далеко не все включаются в инициированный исследователем рассказ о себе.

Как правило, перед посторонним проговариваются воспоминания о вещах, которые сохраняют значимость для информантов в текущий момент реконструкции своей жизненной истории. Ценность вещи прослеживается в номинации конкретными существительными: *иконушка, иконка, книжечка, раритет, реликвия, подарок* и абстрактными существительными: *ценность, память*. Сохранение вещи и ее важность выражаются глаголами *беречь, хранить, сохранять*: *У меня щас ишо отцовско веретёшко цело, я его так никуды не деваю, всё **берегу**, это память; А это иконка моя, мама меня благословила, как подарок **берегу**.*

*Я **храню** все старинные вещи, и вот книжечка, она с пятидесяти четвертого года, как возродился этот сад, там работала моя мама, там работал мой отец.*

Второй тип нарративов представляет вещь как участника выстраивания связей в деревенском обществе и адаптации к местным условиям при переселении/ссылке в Сибирь.

Например, один из информантов вспомнил о вещах как посреднике, агенте коммуникации между местными и пришлыми, этнически «своими» и «чужими»: *Латыши приехали, они богатые приехали, понимаешь? Золота у их было много, это, вот они ходили меняли там на картошку, где на хлеб... на муку где... Обмен товаров и вещей воспринимается как естественный способ установления отношений с соседями.*

В другом случае работа информанта в сельском доме творчества, кружке по изготовлению мягких игрушек стала возможной благодаря присланному из Санкт-Петербурга журналу выкроек. Ценность выкроек и издания подчеркивается не только тем, что информант до сих пор сохраняет их, но и детализацией воспоминаний – спустя 35 лет информант помнит, как выглядел журнал, имя приславшего его, свои эмоции: *«В этой “Работнице” там, значит, пишет, вот до сих пор помню, Зоя Лаврентьевна Неботова из Санкт-Петербурга, не Ленинграда, из Санкт-Петербурга, руководитель мягкой игрушки <...> она мне прислала целый журнал вот так вот, вот такой вот целый, он у меня щас еще живой журнал, и в этом журнале выкройки отскерокопированные, как щас мы, допустим, ксерокопируем, отскерокопированные выкройки. А-а-а, у меня глаза*

были, наверное, шире моей головы [смеется], я такая была довольная». Так в селе Мельниково Шегарского района Томской области появился интересный детям кружок, а затем были организованы продажа и выставки игрушек, поездки на конкурсы в Томск, Красноярск и даже Москву и Санкт-Петербург. Журнал стал предпосылкой для развития нового этапа в жизни информанта и установления прочных связей с детьми внутри сельского социума, значимость и престиж которых поддержали обращения в «большой», городской мир.

Еще один пример воспоминания, в котором сочетаются оба типа рассмотренных взаимоотношений человека и вещи: сосланный в Сибирь из Казахстана прадедушка информанта привез с собой сделанную им скрипку, которая, с одной стороны, сохранялась им в течение жизни, с другой стороны, позволяла ему зарабатывать: он играл на ней на свадьбах, праздниках в селе. После смерти завещал скрипку внуку – отцу информанта, однако родственники ее не отдали, а похоронили вместе с умершим⁵. Скрипка являлась не просто музыкальным инструментом, а любимым предметом ее владельца, его частью, по мнению родственников, олицетворяла для него семейно-родовые отношения, выступала связующим звеном между прежней и новой родиной, жизнью до ссылки и после. О транзитивности и медиативности вещей также пишет Е.Е. Сапогова: «вещи выполняют посредническую функцию между прошлыми фрагментами опыта и значимыми переживаниями, идеями, ценностями субъекта: они могут менять свое значение для субъекта, переходя в психологическое пространство, а могут возвращаться в объектный мир, утрачивая приобретенные смыслы» [47. С. 173]. Для информанта же это воспоминание является значимым, поскольку оказалось включенным в автобиографический рассказ, а скрипка стала предметом, отсутствующим в физическом мире, но присутствующим в психологическом пространстве.

Нарративы о вещах актуализируют также ряд других оппозиций: *молодой/старый, свой/чужой, личный/общий, тогда/теперь, раньше/сейчас*. Все они представляют трансформации культурно-языкового ландшафта, в котором сосуществуют представители разных поколений, старое и новое, сохраняются следы того, как было раньше и каким общество, пространство, ценности стали сейчас. Эти изменения проявлялись не только благодаря появлению новых соседей – эстонцев, поляков, немцев, чувашей и т.д., говорящих на родных языках или являющихся носителями русских говоров, но также и на уровне номинаций вещей: *Сумка, поляки так называли, а мы – мешок, сумка; Лён сеяли, помню, сорок восемь мешков выткала. У нас конопль, лён, а это конопь – порассейски*.

Таким образом, значение вещей, ставших фактами автобиографии людей, не ограничено их функциями хранителей и трансляторов историй о детстве, об обучении в школе, свадьбе, работе, ссылке и т.д., агентов коммуникации. Вещи, конструируя внутренний мир, при этом изменяют и смыслы внешнего, определяют аксиологически маркированные объекты, важные как

для личности, так и деревенского социума. Их языковая объективация подтверждает дискурсивную и жанровую обусловленность рассказов о вещи: автобиографические нарративы неофициального типа предполагают обращение к значимым, эмоциональным воспоминаниям, связанным с предметным миром, что отличает их от официальных делопроизводственных практик, хронологически выстраивающих профессиональный путь составителей и направленных на представление себя как исполнителя определенных функций в обществе [48].

Заключение

Сельский культурно-языковой ландшафт, сформированный в условиях добровольных и вынужденных миграций, сознательного и ситуативного выбора старожилами и переселенцами референтных для себя сообществ, можно определить как совокупный результат вербальных и невербальных коммуникаций, в которых отдельные вещи и внутренне связанные вещевые комплексы занимают функционально и семантически разные ниши. Первые обретают социальную жизнь благодаря нарративам и распределению их между сакральным – утилитарным, памятным – незначимым, вторые способны сами инициировать размышления о материальных маркерах человеческих отношений.

Соответственно, замена привычных предметов обихода на современные сама по себе не означает разрушение устойчивых форм крестьянской повседневности и не говорит о начавшемся импортировании нетипичных для нее этических и эстетических норм. Различия между влиянием вещей и вещевых комплексов позволяют предположить, что взаимное конструирование материального и социального реализуется по условно автономным шкалам – линейной временной, описываемой крестьянской речью как межпоколенческая передача знаковых артефактов, и нелинейной пространственной, оценивающей обмен предметами как эпизодический, случайный или, напротив, требующей продолжения и упорядочивания.

Их взаимодополняющее действие обеспечивает коэволюцию бытовых вещей и социальных форм обращения с ними и является базовым условием для конструирования ощущения правильности жизни на своем месте (будь то скит или деревня). Рассогласования в этом процессе ведут к консервации предметной сферы и даже при включенности вещей в этнические и конфессиональные идентификации сформируют отношение к местам их высокой концентрации как зонам косности, отсталости и неполноценности.

Высказанные наблюдения не претендуют на окончательное решение главной дилеммы «материального поворота»: является ли активность предметного мира его естественным свойством, или возникает благодаря включению материального объекта в повествование, дающее ему собственную биографию и историю. Однако они показывают, что в отношении традиционных сообществ, для которых устная рефлексия первична, противопоставление вещи и нарратива не объясняет закономерности в складывании локальных

ландшафтов. На наш взгляд, более продуктивным является учет поликультурных и монокультурных характеристик объект-центричных социальностей, в которых вещи предстают информационными системами

с конфликтующим набором значений, а вещевые комплексы – как сложно организованные иерархии с имманентной способностью к продуцированию позитивных и негативных образов места проживания.

Примечания

¹ Книжные закладки датировались по бумаге, почерку текстов и технике изображений. В подсчетах не учитывались тканевые, бумажные и берестяные закладки без письменной и визуальной информации и оставленные листы рукописных и печатных книг XVII – начала XX в.

² Тематика 54 книжных закладок, датированных 1860–1950-ми гг. с указанием типов и номеров рукописных и печатных книг по каталогу НБ ТГУ: 1) *богослужение*: указания к суточным и праздничным службам рождественского, пасхального и богородичного циклов, ручная Пасхалия; тропарь положению ризы Господней, акафист Иисусу Христу и Богородице, антифон «От юности моей», каноны праздничные и покаянные Богородице, суточные молитвы, молитвы святым и ангелу-хранителю, описания обряда крещения-пострига (23 экз. в печатных Минеех общих, Псалтырях, Прологе, Часослове и богослужебных рукописных сборниках: В-26103, В-26122, В-26901, В-26905, В-26906, В-26122, ЭВ-26147, В-26412, В-26741, В-26744, В-26902, В-27116, В-27117, В-27169, В-27172, В-27177, В-27246); 2) *катехизация*: жития, поучения, христианская и русская история, старообрядческая эсхатология, указатели к текстам, письмо-наставление о чтении псалмов, изображение Максима Грека (19 экз. в печатных Минеех общих, Каноннике, Псалтырях, Евангелии учительном, «Цветнике» и богослужебных и учительных рукописных сборниках: В-24928, В-26162, В-26165, В-26741, В-26744, В-26906, В-27169, В-27170, В-27175, В-27177, В-27393, В-27628, В-27694); 3) *поминовение умерших*: чин отпевания без священника, каноны за умерших, синодики, головные венчики (7 экз. в печатных Минеех общих, Евангелии учительном, Октоихе, Часослове и рукописных Каноннике, Псалтыре и богослужебных сборниках на крюковых нотах: В-25451, В-26115, В-26119, В-26399, В-26736, В-26741, В-27169); 4) *церковное семейное право*: разводы, смерть и крещение детей (2 экз.; в печатной Минее общей и уставном рукописном сборнике: В-26744, В-27635); 5) *повседневность скита*: рисунок религиозной тематики, продуктовые карточки, упаковка для семян моркови (3 экз. в печатном Прологе и богослужебных рукописных сборниках: В-26101, В-27240, В-27246).

³ Тематика 88 книжных закладок, датированных 1960–1990-ми гг. с указанием типов и номеров рукописных и печатных книг по каталогу НБ ТГУ: 1) *богослужение*: указания к суточным и праздничным службам рождественского, пасхального и богородичного циклов, стихиры, тропари и каноны Троице, Богородице и на Рождество Христово, каноны мученикам за веру Феодулу и Агафоподу, воскресные кондаки и икосы, суточные молитвы, молитва Илье-пророку и молитвы святым, печатный церковный календарь на 1992 г. (30 экз. в печатных Апостоле, Каноннике, Минеех общих и четях, Псалтырях, Триодях цветных, «Малом Соборнике», Евангелиях учительном и толковом, Часослове и богослужебных рукописных сборниках: В-25165, В-25761, В-25878, В-26116, В-26119, В-26140, В-26408, В-27063, В-27073, В-27166, В-27168, В-27170, В-27172, В-27174, В-27247, 27393); 2) *катехизация*: 10 заповедей, жития, поучения, христианская и русская история, старообрядческая эсхатология, указатели к текстам, учебные записи, наставление о чтении Пролога и Псалтыри, духовные стихи «Инок» и «Язык» (16 экз. в печатных Каноннике, Псалтырях, Златоусте, Прологе, Минее четей, Катехизисе, «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского и богослужебных и учительных рукописных сборниках: В-26098, В-26399, В-26402, В-26408, В-26411, В-26412, В-26417, В-26745, В-27162, В-27169, В-27177, В-27246, В-27392, В-27631); 3) *повседневность скита*: запись «Бог есть со мной», заговоры, рецепт настойки для лечения описторхоза, инструкции к лекарственным препаратам «Пустырник», «Слабилен» и удобрению «Стимул», обертка карамели «Дюшес» (16 экз. в печатных Каноннике, Псалтыри, Часовнике, Шестодневе, Катехизисе, Прологе и богослужебных рукописных сборниках: В-25740, В-26408, В-26902, В-27172, В-27176, В-27179, В-27246); 4) *контакты с мирянами*: синодики, молитва за умершего, почтовые адреса и конверты, списки вещей и продуктов, письма, телеграммы, поздравительные открытки, самодельные ежедневники и описания маршрута, детский рисунок спичечного коробка (14 экз. в печатных Минеех служебной и четей, Псалтырях, Триоди, Часовнике, Прологе, «Малом соборнике», «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского и рукописных скитском Синодике и богослужебном, учительном и полемическом рукописных сборниках: В-25458, В-25740, В-26098, В-26099, В-26102, В-26103, В-26122, В-26405, В-26408, В-27067, В-27164, В-27167, В-27169, В-27173, В-27247, В-27393); 5) *светская печатная продукция*: листы отрывных настенных календарей, фрагменты областных газет, журналов «Советский экран» и «Наука и жизнь», квитанции об оплате, талоны на прием к врачу, бухгалтерские документы (12 экз. в печатных Часовнике, Катехизисе, «Цветнике», «Страстях Христовых», «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского: В-25740, В-26117, В-26401, В-27164, В-27167).

⁴ Томская область, с. Кожевниково, запись сделана 06.07.2023 г.: «Я сама по национальности немка, вот. <...> Даже старинные вещи у меня есть. У меня есть покрывало, в которое меня заворачивали. Оно шло от меня к моему сыну, потом к внуку, и оно еще в хорошем состоянии. Которую мама вышивала красивую скатерть своими руками. Она тоже у меня есть. Я всё вот эти вещи храню. Вот мне кажется это, ну, я знаю, это для меня так ценно, даже вот эти комодики, если вы заходили вот к немцам, были, у них такие, комод был своеобразный, такой, ну как деревянный, красивый, и там были ящички выдвижные. Вот этот комод у меня сохранился. Я отдала его сыну и младшему и сказала: «Ни в коем случае. Это раритет». Потом, есть такая, где посуда у нас стояла, посуда для гостей. Это тоже была такая закрытая штучка, деревянная, и вот даже табуретка, папиными руками сделана, и она у меня до сих пор дома, и говорю, вот так вот. Что, ну, некоторые: «Да баба, она старенькая это». Я говорю: «Нет, она не старенькая, она – это память, память о моих родителях. Вот меня не будет, вот попробуйте выкиньте». Вот я вот это вот как-то... Это для, это для меня ценно. Всё, что с родителями связано – это для меня ценно. Было очень много книг. Мама читала на немецком, были Библии. Во-первых, она Библиями всех нас снабдила, у меня есть детская Библия на немецком языке, рядом – на русском. Я ребятишкам это... И книг у неё было, если мне память... Ну, штук тридцать всяких, немецких. Старые-старые, тыща восемьсот, тыща шестьсот какого-то года на немецком. Вот, и когда мама умерла, сначала папа умер, потом через восемь месяцев мама. И мы эти книги, а вы же знаете, что такие книги нельзя ни выбрасывать никуда. Мы отдали в немецкий, этот, в церковь. Там, которая, вы знаете, где немецкая церковь? Мы её отдали туда. И вот какое-то упокоение, думаю, читать я маленько умею, конечно, на немецком, там, ну... Проще шас на таком, на немецком, который сейчас преподают в школе, чем тот. Там знаете, какие-то загибулины, всё это. Но это раритет, я говорю. Пускай лучше там будет. Там уже тоже будет передаваться в церкви».

⁵ Томская область, с. Мельниково, запись сделана 07.07.2022 г.: «У папы дядька <...> дед, я, конечно, его не видела, он, это, он играл, сам делал инструменты музыкальные – скрипки. <...> И играл на скрипке. <...> На скрипке играл, на свадьбах гулял, но а перед смертью... А, ещё и отсидел в Бакчарском у нас районе – десять лет. А сослани, я считаю, что с Казахстана, потому что они жили там, они жили там. Вот, и-и... Отсидел на поселении, где-то. А тогда же, а они были раскулачены... А тогда же за это-то – ну, свою скотину имели, там даже папа туда приезжал, к дядьке, помочь. И то приезжал – уже говорили, что это племянник, это всё, что нельзя было, что это вот наёмный работник, а он просто, ну, помогал, естественно, дядьке. И вот он это, десять лет вот здесь, в Бакчаре [отсидел], когда папа рассказал. Ну и когда этот, дед, уже прадед мой, он перед смертью завещал скрипку папе. Вот. Но – её не отдали ему, а положили в гроб, вот эту скрипку. Вот это вот из истории я хорошо знаю, но они вообще все были музыкальные. <...> вот так вот, вот такая история».

Список источников

1. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг : в 2 т. Новосибирск, 1993. Т. 1. 250 с.

2. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии (по данным подворного исследования 1894 г.). СПб., 1895. 139, 81 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2832. Л. 4–4 об.
4. Форум «Незамеченные революции» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 7–92.
5. Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна*. М. : Территория будущего, 2006. 390 с.
6. Вахштайн В.С.* Три «поворота к материальному» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 22–37.
7. Соколовский С.В. О новой материальности и тихих революциях // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 61–72.
8. Татауров Ф.С. Вещь как основа для формирования социально-культурного облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2017. 20 с.
9. Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. М. : [б. и.], 2020. 702 с.
10. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М. : РУДН, 2021. 251 с.
11. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 532 с.
12. Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 240 с.
13. Подорога В. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М. : Grundrisse, 2016. 348 с.
14. Круткин В.Л. «Материальный поворот» в социальных исследованиях и «неосоезаемое культурное наследие» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 2. С. 141–149.
15. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма / пер.с англ. Т. Пирусской. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 326 с.
16. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Вещный мир» человека: коммуникативно-жанровый аспект // Русский язык сегодня : сб. ст. Вып. 1. М., 2000. С. 170–181.
17. Чулкина Н.Л. Семиотика «вещного мира» повседневности: «вещи-символы» и «вещи-операторы» (ценностная переориентация на рубеже эпох) // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9). С. 48–63.
18. Пространства и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 280 с.
19. Архив археографической экспедиции ТГУ. Красный Яр: полевые материалы 1985–2022 гг.
20. Томский диалектный корпус. Материалы диалектологических экспедиций 1946–2023 гг. // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2024. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 17.07.2024).
21. Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2017. 404 с.
22. Калиткина Г.В. «Старые вещи» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 1 (2). С. 5–17.
23. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 23 с.
24. Бангоян Е.С. Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2020. 22 с.
25. Соколовский С.В. «Онтологический поворот» и исследования материальной культуры // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М. : ИЭА РАН, 2017. С. 329–403.
26. Научная библиотека Томского государственного университета. Электронная библиотека (репозиторий). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847> (дата обращения: 17.07.2024).
27. The Endangered Archives Programme. doi: 10.15130/EAP834; 10.15130/EAP1308
28. Сибиряки вольные и невольные. Томск, 2014. URL: <https://xn--90anba9ad0j.xn--80asehdb/> (дата обращения: 17.07.2024).
29. Открой ссылку. Томск, 2021. URL: <https://deportation.space> (дата обращения: 17.07.2024).
30. Центр памяти раскулаченных. Палочка, 2020. URL: <https://memory-palochka.ru> (дата обращения: 17.07.2024).
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 763. Л. 26.
32. Новиков И. К истории страннической безденежной (турецкой) секты в Томско-Чулымской тайге // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 23. 1 дек. С. 1–8.
33. Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия. 1959. № 4. С. 73.
34. «Хроника томских селений» (по материалам этнографических экспедиций П.Е. Бардиной). Томск : Ветер, 2023. 628 с.
35. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 119. Л. 45–47.
36. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1109. Л. 1 об.
37. Архив археографической экспедиции ТГУ. Красный Яр: полевые материалы 2006 г., аудиозапись № 7.
38. Мазур Л.Н. Вещи в материальной культуре советского крестьянства Среднего Урала 1920–1960-х гг. // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М. : [б. и.], 2020. С. 421–441.
39. ГАТО. Р-1786. Оп. 1. Д. 131. Л. 71–72.
40. ГАТО. Р-1786. Оп. 1. Д. 218. Л. 71–76.
41. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Скитская библиотека. В-27168. Канонник (Вильно, 1794).
42. Robertson R. Buttons: Life Writing from a Small Collection // European Journal of Life Writing. 2020. Vol. IX. P. 62–69.
43. Покровский Н.Н. Чин исповедания сибирских бегунов-странников XX в. // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 233–283.
44. Керв В.В. Конфессиональные факторы особого статуса женщин в старообрядчестве // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2023. № 3 (67). С. 34–46.
45. Игнатова И.Ф. Проблема артефакта: онтология, эпистемология, аксиология. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 85 с.
46. Bluck S., Habermas T. The Life Story Schema // Motivation and Emotion. 2000. Vol. 24 (2). P. 121–147.
47. Сапогова Е.Е. «Вещность» и «обитаемость» автобиографического пространства // Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб. : Алетей, 2017. С. 170–183.
48. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1(10). С. 40–54.

References

1. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1993) *Aktovye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI–XVIII vekov v fondakh G. F. Millera. Opisi kopiynykh knig* [Actual Sources on the History of Russia and Siberia of the 16th–18th Centuries in the Funds of G. F. Miller. Inventories of copy books]. Vol. 1. Novosibirsk: SPB Khronograf.
2. Kaufman, A.A. (1895) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorenykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym podvornogo issledovaniya 1894 g.)* [Economic Situation of Settlers Settled on State-Owned Lands of Tomsk Province (According to the data of the household survey of 1894)]. Saint Petersburg: tip. V. Bezobrazova i Ko.

* Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

3. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 3. List 2. File 2832. Page 4–4 reverse. (In Russian).
4. Antropologicheskii forum. (2015) Forum "Nezamechennye revolyutsii" [Unnoticed Revolutions Forum]. *Antropologicheskii forum*. 24. pp. 7–92.
5. Vakhshayn, V. (ed.) (2006) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego.
6. Vakhshayn, V.S. (2015) Tri "povorota k material'nomu" [Three "turns to the material"]. *Antropologicheskii forum*. 24. pp. 22–37.
7. Sokolovskiy, S.V. (2015) O novoy material'nosti i tikhikh revolyutsiyakh [On the new materiality and quiet revolutions]. *Antropologicheskii forum*. 24. pp. 61–72.
8. Tataurov, F.S. (2017) *Veshch' kak osnova dlya formirovaniya sotsial'no-kul'turnogo oblika russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII veka* [The thing as a basis for the formation of the socio-cultural appearance of the Russian population of Western Siberia in the late 16th – first half of the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
9. Bondarenko, D.M. & Maslyuzhenko, D.N. (eds) (2020) *Rol' veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* [The Role of Material Sources in the Information Support of Historical Science]. Moscow: [s. n.].
10. Chulkina, N.L. (2021) *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: lingvokul'turologicheskoe opisaniye* [The World of Everyday Life in the Linguistic Consciousness of Russians: A linguocultural description]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.
11. Arkhipova, A. & Kirzyuk, A. (2022) *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Sal'nikova, A. (2024) *Istoriya elochnoy igrushki, ili Kak naryazhali sovetskuyu elku* [The History of a Christmas Tree Toy, or How the Soviet Christmas Tree Was Decorated]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Podoroga, V. (2016) *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [The Question of a Thing. Experiments in analytical anthropology]. Moscow: Grundrisse.
14. Krutkin, V.L. (2017) "Material'nyy povорот" v sotsial'nykh issledovaniyakh i "neosyazhaemoe kul'turnoe nasledie" ["Material Turn" in Social Research and "Intangible Cultural Heritage"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2 (1). pp. 141–149.
15. Golubev, A. (2022) *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma* [Life of Things: The materiality of late socialism]. Translated from English by T. Pirusskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2000) "Veshchnyy mir" cheloveka: kommunikativno-zhanrovyy aspekt ["The material world" of man: the communicative-genre aspect]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik. pp. 170–181.
17. Chulkina, N.L. (2010) Semiotika "veshchnogo mira" povsednevnosti: "veshchi-simvoly" i "veshchi-operator" (tsennostnaya pereorientatsiya na rubezhe epokh) [Semiotics of the "material world" of everyday life: "symbol things" and "operator things" (Value Reorientation at the Turn of Epochs)]. *Tsennosti i smysly*. 6 (9). pp. 48–63.
18. Aizikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstva i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Spaces and Texts: A model for studying the sociocultural landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Tomsk State University Archaeological Expedition Archive. *Krasnyy Yar: polevye materialy 1985–2022 gg.* [Krasny Yar: Field Materials 1985–2022].
20. Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Laboratory of General and Siberian Lexicography]. (2024) *Tomskiy dialektnyy korpus. Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy 1946–2023 gg.* [Tomsk Dialect Corpus. Materials from Dialectological Expeditions from 1946–2023]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus>. (Accessed: 17.07.2024).
21. Sokolovskiy, S.V. (ed.) (2017) *Rossiyskaya antropologiya i "ontologicheskii povорот"* [Russian Anthropology and the "Ontological Turn"]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
22. Kalitkina, G.V. (2008) "Old things" in the dialect discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (2). pp. 5–17. (In Russian)
23. Tarakanova, D.A. (2012) *Simvolicheskyy komponent znacheniya dialektного slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [Symbolic component of the meaning of a dialect word (based on the dialects of the Middle Ob region)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
24. Bangoyan, E.S. (2020) *Tematicheskaya gruppa "Predmety byta" v dialektakh yugo-zapada Bryanskchiny: leksiko-semanticheskii, sopostavitel'nyy i etnolingvisticheskii aspekty* [Thematic group "Household items" in the dialects of the southwest of Bryansk: lexical-semantic, comparative and ethnolinguistic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Bryansk.
25. Sokolovskiy, S.V. (2017) "Ontologicheskii povорот" i issledovaniya material'noy kul'tury ["Ontological turn" and studies of material culture]. In: Sokolovskiy, S.V. (ed.) *Rossiyskaya antropologiya i "ontologicheskii povорот"* [Russian Anthropology and the "Ontological Turn"]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. pp. 329–403.
26. Nauchnaya biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Research Library]. (n.d.) *Elektronnaya biblioteka (repozitoriy)* [Electronic library (repository)]. [Online] Available from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847>. (Accessed 17.07.2024).
27. *The Endangered Archives Programme*. (n.d.) DOI: 10.15130/EAP834; 10.15130/EAP1308
28. *Sibiryaki vol'nye i nevol'nye. Tomsk* [Siberians, Free and Involuntary. Tomsk]. (2014) [Online] Available from: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/>. (Accessed: 17.07.2024)
29. *Otkroy ssylku. Tomsk* [Discover Exile. Tomsk]. (2021) [Online] Available from: <https://deportation.space>. (Accessed: 17.07.2024).
30. Palochka. (2020) Tsentr pamyati raskulachennykh [Center for the Memory of the Dispossessed]. *Palochka*. [Online] Available from: <https://memory-palochka.ru>. (Accessed: 17.07.2024).
31. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 3. List 4. File 763. Page 26. (In Russian).
32. Novikov, I. (1899) K istorii strannicheskoy bezdenezhnoy (turetskoy) sekty v Tomsko-Chulymskoy tayge [On the history of the wandering penniless (Turkish) sect in the Tomsk-Chulym taiga]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1 December. 23. pp. 1–8.
33. Shamaro, A. (1959) Kerzhatskie tropy [Kerzhak Trails]. *Nauka i religiya*. 4. pp. 73.
34. Bardina, P.E. (ed.) (2023) *"Khronika tomских seleniy" (po materialam etnograficheskikh ekspeditsiy P.E. Bardinoy)* ["Chronicle of Tomsk Villages" (Based on the materials of the ethnographic expeditions of P.E. Bardina)]. Tomsk: Veter.
35. *State Archive of the Tomsk Region (GATO)*. Fund R-1786. List 1. File 119. Pages 45–47. (In Russian).
36. *State Archive of the Tomsk Region (GATO)*. Fund 3. List 11. File 1109. Page 1 reverse. (In Russian).
37. Tomsk State University Archaeological Expedition Archive. *Krasnyy Yar: polevye materialy 2006 g., audiozapis' № 7* [Krasny Yar: field materials 2006, audio recording No. 7].
38. Mazur, L.N. (2020) Veshchi v material'noy kul'ture sovetskogo krest'yanstva Srednego Urals 1920–1960-kh gg. [Things in the material culture of the Soviet peasantry of the Middle Urals in the 1920s–1960s]. In: Bondarenko, D.M. & Maslyuzhenko, D.N. (eds) (2020) *Rol' veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* [The Role of Material Sources in the Information Support of Historical Science]. Moscow: [s. n.] pp. 421–441.
39. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-1786. List 1. File 131. Pages 71–72. (In Russian).
40. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-1786. List 1. File 218. Pages 71–76. (In Russian).

41. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). *Skitskaya biblioteka. V-27168. Kanonnik (Vil'no, 1794)* [Skete Library. B-27168. Canon Book (Vilno, 1794)].
42. Robertson, R. (200) Buttons: Life Writing from a Small Collection. *European Journal of Life Writing*. 9. pp. 62–69.
43. Pokrovskiy, N.N. (2008) Chin ispovedaniya sibirskikh begunov-strannikov XX v. [The Confession Rite of Siberian Runners-Wanderers of the 20th Century]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya* [Public Consciousness and Literature of Russia: Sources and research]. Novosibirsk: Academy of Sciences RAS. pp. 233–283.
44. Kerov, V.V. (2023) Konfessional'nye faktory osobogo statusa zhenshchin v staroobryadchestve [Confessional factors of the special status of women in the Old Believers]. *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*. 3 (67). pp. 34–46.
45. Ignatova, I.F. (2002) *Problema artefakta: ontologiya, epistemologiya, aksiologiya* [The Problem of Artifact: Ontology, epistemology, axiology]. Veliky Novgorod: Novgorod State University.
46. Bluck, S. & Habermas, T. (2000) The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*. 2 (24). pp. 121–147.
47. Sapogova, E.E. (2017) "Veshchnost" i "obitaemost" avtobiograficheskogo prostranstva ["Thinginess" and "Habitability" of Autobiographical Space]. In: Sapogova, E.E. *Labirinty avtobiografii. Ekzistentsial'no-narrativnyy analiz lichnykh istoriy* [Labyrinths of Autobiography. Existential-Narrative Analysis of Personal Stories]. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 170–183.
48. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1 (10). pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/3

Информация об авторах:

Дутчак Е.Е. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dee010@mail.ru

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.E. Dutchak, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: dee010@mail.ru

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 94(47)(470.342)"18"
doi: 10.17223/15617793/505/15

Развитие государственной политики в отношении нерусских неправославных народов в имперский период и ее реализация в Вятской епархии

Дарья Александровна Калинина¹, Вера Александровна Криюшина²

¹ Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия, kalininadarja@mail.ru

² Кировский государственный медицинский университет Минздрава России, Киров, Россия, vkriushina@inbox.ru

Аннотация. Дан обзор направлений и особенностей реализации в XVIII–XIX вв. конфессиональной политики государства в отношении нерусских народов, проживающих в Российской империи, а также их проявления в условиях полиэтничной Вятской губернии. Определено, что цель укрепления православия как одного из основных условий цивилизационного единства российского общества достигалась целым комплексом средств, трансформировавшихся под влиянием как общегосударственных событий, так и региональной действительности.

Ключевые слова: конфессиональная политика; миссионерская деятельность; иноверцы; Вятская губерния; Вятские епархиальные ведомости

Для цитирования: Калинина Д.А., Криюшина В.А. Развитие государственной политики в отношении нерусских неправославных народов в имперский период и ее реализация в Вятской епархии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 142–152. doi: 10.17223/15617793/505/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/15

Development of state policy towards non-Russian non-Orthodox peoples during the imperial period and its implementation in Vyatka eparchy

Darya A. Kalinina¹, Vera A. Kriushina²

¹ Volga-Vyatka Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law Academy,
Kirov, Russian Federation, kalininadarja@mail.ru

² Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation, vkriushina@inbox.ru

Abstract. The article aims to identify and analyze the stages of the confessional policy of the Russian Empire towards non-Russian non-Orthodox peoples, as well as the practice of their implementation in a region with a diverse ethno-confessional composition. The chronological scope of the study covers the 18th and 19th centuries, which is due to the tendency to intensify the state's confessional policy during this period. The spatial scope of the study is determined by the boundaries of Vyatka eparchy in the specified period. The source base for the study consisted of various categories of historical sources. First of all, these are codes of laws, acts of the Holy Synod, which made it possible to identify the dynamics of state religious policy. The orders of the Vyatka eparchy authorities and the paperwork documents of the Vyatka Ecclesiastical Consistory were actively used, demonstrating the real implementation of state policy towards the non-Russian non-Orthodox residents of Vyatka. The most important in solving the research problems are journalistic sources published in the periodical *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*. The methodological basis of the study is a problem-chronological approach. In accordance with it, the study is structured on the principle of characterizing individual stages of the ethno-confessional policy of the Russian Empire towards non-Russian non-Orthodox peoples and the specifics of its implementation in Vyatka Province. Based on the results of the study, the following conclusions were made: confessional policy during the period under review was determined both by state interests and the ideological attitudes of the Russian emperors. The expansion of the tasks that the state set for the Russian Orthodox Church is traced, from the fundamental maintenance of civilizational unity in the multi-ethnic environment of Russia by strengthening Orthodoxy to the support of the state system in the context of the spread of anti-state movements and revolutionary societies. There is a close connection between the Church and the state into a single organism aimed at achieving the benefit of Russian society. During the 18th and 19th centuries, non-violent methods of implementing confessional policy towards non-Russian non-Orthodox peoples remained unchanged. The degree of independence of local eparchy authorities in determining a set of measures as reactions to national events and tasks set by both secular and church leadership is reflected.

Keywords: confessional policy, missionary activities, Gentiles, Vyatka Province, *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*

For citation: Kalinina, D.A. & Kriushina, V.A. (2024) Development of state policy towards non-Russian non-Orthodox peoples during the imperial period and its implementation in Vyatka eparchy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 142–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/15

Конфессиональная политика в Российской империи выступала одним из ключевых направлений развития государства. Сохранение православия было поставлено в качестве государственной задачи еще князем Владимиром Святославичем, который при крещении обещал «не принимать учений иных» [1. С. 3]. Частью конфессиональной политики государства были мероприятия в отношении нерусских народов, имевших иные религиозные верования. В XVII в. фокус внимания государства смещается на вопрос определения правового статуса нерусских неправославных народов, проживающих в России, и нормативного регулирования взаимоотношений православных людей и представителей иных конфессий. Подобное смещение акцентов в конфессиональной политике было связано, во-первых, с развитием контактов с европейскими государствами и увеличением числа иностранцев, переехавших в Россию на постоянное жительство. Во-вторых, в XVII в. завершается процесс включения Сибири и Дальнего Востока с проживающими на этих территориях нерусскими народами в состав Российского государства. Россия сталкивается с новым вызовом освоения новых территорий, природных и человеческих ресурсов, оказывающих определяющее влияние на ее цивилизационное развитие. Обширность пространств и этнокультурное многообразие ставят задачу поддержания устойчивости цивилизации, которая может быть достигнута благодаря формированию разделяемой большинством людей картины мира.

Одним из средств поддержания цивилизационного единства усиливавшаяся царская власть видела в укреплении православия. Поставленную цель руководство Российского государства XVII в. достигало двумя путями: с одной стороны, сохранением православного учения и правил Русской православной церкви. Патриархи с момента установления в России патриаршества обязывались «наипаче блюсти и хранить общая предания святыя апостольския Церкви неподвижно и непреткновенно, и ничтоже инако творити, ниже привносить, кроме преданий святыя апостол и святыя отец канон и правил» [2. С. 216]. С другой стороны – путем ограничения влияния на русское общество носителей чуждых религиозных взглядов, недопущения распространения иных религий, приобщения к православной вере нерусских народов. Подтверждением второго пути укрепления православия являются нормы Соборного уложения 1649 г. Статья 40 XIX главы Соборного уложения 1649 г. закрепляет на общегосударственном уровне ограничение правового статуса немцев в области частных прав: «...дворов и дворовых мест у русских людей немцам и немкам вдовам не покупать, и в заклад не имати... А будет кто русские люди учнут немцам, или немкам дворы и дворовые места продавать, и им за то от государя быти в опале» [3. С. 237]. В главе XXII Соборного уложения был установлен запрет на обращение православных людей в мусульманскую веру: «А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит... того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия». Православные люди, прекрестившиеся в иную

веру, должны были подвергаться перевоспитанию: «А кого он русского человека обусурманит, и того русского человека отослать к патриарху, или к иной власти, и велети ему учинити указ по правилам Святыя Апостол и Святыя Отец» [3. С. 291].

Указанные основания конфессиональных отношений сохранялись в начале XVIII в. Становление в данный период Российского государства в имперском формате придало путям сохранения православия как фактора цивилизационного единства характер системной конфессиональной политики. Она получала импульс развития – в логике абсолютистского государства – в законодательных установлениях центральной власти, в «правде воли монаршей».

Так, согласно мнению Е. В. Анисимова, в «Духовном регламенте» Феофан Прокопович доказывал недопустимость существования иной духовной самостоятельной силы, кроме государственной, самодержавной. Единая имперская политика в отношении представителей различных религий претерпевала трансформацию, сталкиваясь с реальностью ее применения в разных частях государства, обладавших социокультурной и этноконфессиональной спецификой. Региональные особенности воплощения на практике устремлений государей по укреплению православия находили отражение в общегосударственном законодательстве, которое постоянно дорабатывалось. Российская империя, будучи твердой в своих целях, демонстрировала гибкость в определении способов их достижения.

Целью данного исследования является установление устойчивой корреляции между императорскими и синодальными указами, законодательными актами, обладающими высшей юридической силой в сфере конфессиональной политики и конкретикой реализации государственных решений в условиях провинциального поликонфессионального социума. Привлечение историко-краеведческого материала (часто личностного свойства) для раскрытия данной взаимосвязи решает следующие задачи: определение вектора эволюции государственной политики в отношении нерусских неправославных народов; установление конкретных факторов, влияющих на ее динамику на разных этапах истории XVIII–XIX вв.; формирование комплекса фактов, доказывающих фундаментальное значение ценностных установок конфессиональной политики для существования и стабильного развития имперского государства.

Источниковая база исследования определена его задачами. Свод законов Российской империи 1832 г. и указы Святейшего Синода привлечены с целью характеристики правовой базы государственной конфессиональной политики. Журнал «Вятские епархиальные ведомости», издававшийся с 1863 г., открывает доступ к разнообразным опубликованным источникам регионального уровня: публицистическим материалам по истории Вятской епархии, составленным в середине XIX в.; статистическим документам, позволяющим зафиксировать динамику епархиальных расходов, в том числе в направлении взаимодействия с нерусскими неправославными народами губернии,

в поддержке деятельности Миссионерского общества и миссионерских школ; авторским предложениям (таков жанр религиозной проповеди) вятских архиепископов, обращенным к духовенству епархии, определяющим цели и формы работы православных священников в иноконфессиональной среде, а также словам вятских протоиереев, являющимся откликами на актуальные события общественно-политической жизни. Ранее не были вовлечены в научный оборот источники из фондов Центрального государственного архива Кировской области, а именно: ряд документов из журналов Вятской духовной консистории (Ф. 237. Оп. 1), клировые ведомости церковью губернского города Вятки (Ф. 237. Оп. 70), документы Вятского миссионерского общества (Ф. 811).

Исследование обозначенной источниковой базы позволило сделать ряд выводов о развитии государственной политики в отношении нерусских неправославных народов в имперский период и ее реализации в Вятской епархии.

Характер церковно-государственных отношений в условиях регулярного государства, создаваемого Петром I, обретает новую интонацию, когда конфессиональная политика реализуется в землях, населенных преимущественно неправославным населением. Здесь ключевым направлением было обращение в православие нерусских народов. В «Материалах для истории Вятской епархии» читаем: «В 1717 году, когда нельзя было уже опасаться побега вотяков из старинных селитеб их по берегам Чепцы и Камы в степи оренбургские, вотяки были переписаны по дворам, а в 1722 году – и по душам. Со времени этих переписей вотяки подвергнуты были рекрутской повинности и обязаны платить определенные подати. С этого времени начинается обращение вотяков к православной вере» [4. С. 58].

Для распространения православия государство использовало комплекс мер, далеко не всегда носящих идеологический характер. Например, в Вятско-Камском регионе «Вятскому епархиальному начальству предписано было обратиться к вотякам с убеждением об обращении их в христианскую веру. Вместе с истинной слова Божия вотякам, за принятие сей истины, предложены были материальные выгоды: денежная награда, льгота от податей и повинностей на 3 года, и свобода от рекрутства...» [4. С. 58]. Налицо свидетельство уступок со стороны государственной власти коренному населению Вятско-Камского региона при условии обращения к православной вере.

Несмотря на меры государственной конфессиональной политики начала XVIII в., массового перехода в православие среди иноверцев не наблюдалось. Так, ведомость о вотяках, принявших христианскую веру, составленная в 1740 г., указывает цифру всего в 95 человек. Неудачу подобной «агитации» объяснил преосвященный Алексей в жалобе Сенату тем, что «за восприятие христианской веры новокрещеным по указу 1720 г. льготы никакой не учинено и располагаются в подушный сбор с прочими в ряд и от того в призыве ко крещению чинится немалое помешательство» [4. С. 59–60]. Действия и распоряжения епархиального начальства относительно проповеди вотякам веры

Христовой в местах их жительства не имели системного характера, прежде всего, не были избраны «какие-либо лица для проповеди Евангелия между вотяками» [4. С. 60]. Местные епархиальные власти сами определяли комплекс мероприятий, которые позволяли совершить осознанный переход к православию. Так, в Вятской епархии по установленным преосвященным Алексием правилам желавшие креститься вотяки «должны были 40 дней прожить до крещения в монастыре на своем содержании, в удалении от своих жилищ и хозяйства», [4. С. 62–63] что должно было создать условия для погружения в православную среду, освоения церковных догматов. Это совершенно не сочеталось с необходимостью ведения хозяйственной деятельности и потому только отталкивало вотяков. Еще одна причина, затруднявшая распространение православной веры, – противодействие со стороны представителей нерусских народов, оставшихся приверженцами своей коренной веры.

Ситуация несколько изменилась в правление Анны Иоанновны. Архиепископ Вятский Вениамин в 1740 г. сообщал, что 55 принявших крещение вотяков получили в награду денежные суммы от Его Преосвященства: мужчинам было выдано по рублю, а женщинам – по 50 копеек. В доношении Вениамина Святейшему Синоду (оставшемуся, правда, без ответа) содержалось предложение новокрещеным вотякам выдавать жалованье от имени Императорского Величества. Так, пожалуй, впервые в имперский период вятское епархиальное начальство сформулировало перед государственной властью задачу выработки регулярных административных мероприятий, способствовавших христианизации местного языческого населения.

Государство «откликнулось» указом Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г., согласно которому для обращения в христианство инородцев-нехристиан была образована «Контора новокрещенских дел» под руководством архимандрита Свияжского монастыря Дмитрия Сеченова [4. С. 119]. В указе были определены предметы проповеди, образ действий проповедников, обязанности священников «в отношении к новокрещеным и обязанности последних в отношении к вере и церкви Христовой». Священникам вменено в обязанность «увещевать новокрещенных, чтобы они восприемниками от святой купели к детям своим брали старинных русских людей; вступали в браки с русскими; и потому поставлено в обязанность убеждать русских, чтобы они отдавали своих дочерей за новокрещенных, не требуя от последних приданого, а сами давали оное, и чтобы таким же образом поступали новокрещенные при выдаче своих дочерей за русских; предписано новокрещенным, живущим в одних деревнях с некрещеными, перевести в другие деревни, и поселить вместе с крещеными и старинными русскими людьми. Принявших святое крещение в продолжение 3-х лет, подушных денег и других чрезвычайных поборов, и определенного с иноверцев провианта не спрашивать, а взыскивать все налоги, вместо них с некрещенных; «а которые из оных иноверцев определены к поташным заводам и к другим казенным работам, – оных работ освободить на три года, и

работы исправлять наймом... рекрут не брать... а рекрутскую повинность и деньги, следующие в рекрутские складки, платить за них некрещеным...» [4. С. 120].

В данном указе не идет речи о регулярной постановке миссионерского дела, об организации христианской проповеди в инородческом регионе. Государство решает задачу конфессиональной политики не идеологическими (духовными) средствами, а вмешательством в сферу брачно-семейных отношений, льготами в вопросах уплаты податей, выполнения государевых повинностей. И, наконец, материальными стимулами: «...давать каждому по кресту медному, а кто познатнее, – серебряному, для обычного ношения на персях под одеждой, снабжать каждого одеждой, обувью и деньгами... (выдавать по одной рубахе с порты, по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обуви – чирюхи с чулками, а кто познатнее – тем давать кафтан из сукна крашеного, а вместо чирюх – сапоги ценою по 45 коп., лицам же женского пола – волосник, почельник, по рубахе холщевой и сверх того денег – мужчинам свыше 15-летнего возраста по 1 руб. 50 коп., а от 10 до 15 лет – по рублю; тем же, кто ниже 10 лет по 50 коп., женщинам от 12 лет и выше по 1 рублю, прочим по 50 коп., когда крестится целая семья, велено выдавать по одной иконе...» [4. С. 121]. Обнародование указа привело к «сильному движению между вотяками в пользу христианства».

Вторая половина XVIII в. и первая четверть XIX в. были ознаменованы вниманием властей к повышению социального статуса иноверцев. Указом от 17 июня 1773 г. Екатерина II провозгласила принцип веротерпимости, дела «иноверцев» передавались из ведения епархиальных архиереев в юрисдикцию светской администрации. При Александре I на уровне центральной исполнительной власти в 1810 г. в составе Министерства внутренних дел было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. В масштабе государства была поставлена и решалась задача просвещения неправославных народов, связанная с переводческой и издательской деятельностью Библейского общества: книги Священного Писания издавались на живых языках народов империи и распространялись дешево или бесплатно. Среди 24 языков упоминаются черемисский и пермяцкий [5]. Вятский региональный материал содержит примеры участия вятского духовенства в деятельности Библейского общества, с 1817 г. подконтрольного Министерству духовных дел и народного просвещения. Так, священник Свято-Троицкого кафедрального собора Вятки, протоиерей Григорий Иванович Пинегин, окончивший Вятскую духовную семинарию в 1811 г. и Казанскую духовную академию, в феврале 1822 г. стал корреспондентом Вятского отделения Российского библейского общества по г. Слободскому и округу. В 1823 г. он получил «благословение епархиального начальства за безвозмездную деятельность по продаже книг, в заведывании его находящихся по бывшему отделению Российского библейского общества» [6. Л. 38 об.–40 об.].

Общегосударственная конфессиональная политика в отношении нерусских народов меняется при Николае I,

который стремился «утвердить национальную и религиозную монолитность страны и возвысить роль Православной Церкви в общественной жизни» [5]. Русская православная церковь получила ряд привилегий и мер поддержки, была активизирована миссионерская деятельность. В соответствии с постановлением Синода от 28 мая 1828 г. «в тех частях государства, где живут народы, не познавшие христианства или по обращении не довольно в оном утвержденные и наставленные» [7. С. 230], епархии получили право вводить должность епархиального миссионера.

Подход Николая I к основным задачам конфессиональной политики государства лег в основу правовых норм Свода законов Российской империи. Во второй половине XIX в. Россия обладала всеми признаками клерикального государства, характеризующегося тем, что «религия прямо или косвенно признана им в качестве официальной... идеологии, а соответствующая ей религиозная организация... принимает участие в решении государственных вопросов, играет роль обоснования политики, является обязательным элементом системы образования и воспитания, пользуется исключительным приоритетом и поддержкой государства, содержится за его счет» [8. С. 7–8].

Основы клерикализма в государстве были заложены в своде основных государственных законов. «Первенствующей и господствующей» в Российской империи верой признавалась «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [9. Т. 1. С. 10]. Император «яко Христианский Государь» официально выступал «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, и блюстителем правоты и всякого в Церкви святой благочиния» [9. Т. 1. С. 10]. Господствующее положение Русской православной церкви подкреплялось государственным финансированием разных направлений деятельности епархий. В частности, во второй половине XIX в. ежегодно Святейшим Синодом на осуществление миссионерской службы епархиям ассигновывалось по 600 руб. [10. С. 308–310; 11. С. 273–274].

Явным преимуществом православных верующих была возможность повсеместного свободного «отправления их веры и богослужения по обрядам оной» [9. Т. 1. С. 11]. Остальные религиозные направления, если не признавались властями опасными, получали возможность быть представленными в государстве. В основных государственных законах утверждалась относительная свобода вероисповедания для христиан «иностранных исповеданий», евреев, мусульман и язычников ради общей цели: «Славить Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи» [9. Т. 1. С. 11]. Степень ограничения практики отправления богослужений для разных религиозных направлений определялась в следующем диапазоне: от свободы проведения обрядовых мероприятий по своим обычаям (как это устанавливалось, например, для самоедов [9. Т. 11. Ч. 1. С. 232]) до требования совершения культовых действий только в местах оседлости. Устав

об управлении духовных дел евреев закрепил для последних обязанность «отправлять общественные молитвы и богомолие в местах общей их оседлости» и только в «особых зданиях, для сего подготовленных, а именно, в синагогах... и молитвенных школах...» [9. Т. 11, ч. 1. С. 197].

Преимущественное положение Русской православной церкви определялось также ее исключительным правом на миссионерскую деятельность. «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии» [9. Т. 11, ч. 1. С. 5]. Подобное деяние квалифицировалось как преступление и предусматривало меры государственного принуждения, обладающие карательной сущностью. За «отвлечение, через подговоры, обольщения или иными средствами» лица православного или иного христианского вероисповедания в иную веру виновный приговаривался к такому тяжкому наказанию, как ссылка на каторжные работы в крепость на срок от восьми до десяти лет. Сопутствующим наказанием при данном преступлении было лишение всех прав состояния, а на лиц, не освобожденных от телесных наказаний, распространялось битье плетью от 50 до 60 ударов с наложением клейм. При отягощении упомянутого преступного деяния насильем предусматривалось более суровое наказание в виде ссылки на каторжную работу в рудниках на срок от двенадцати до пятнадцати лет с параллельным лишением всех прав состояния и от 70 до 80 ударов плетью с наложением клейм для сословий, которые могли быть подвергнуты телесным наказаниям [9. Т. 15. С. 5, 49]. Законом запрещались также попытки обращения православного человека в иную христианскую веру. Данное преступление в сравнении со склонением к принятию нехристианской веры расценивалось как менее тяжкое и предусматривало немногим более мягкие меры государственного принуждения: лишение всех прав состояния, «ссылка на житье в губернии Тобольскую или Томскую»; если преступник не был освобожден от телесных наказаний, он подлежал наказанию розгами в размере от 50 до 60 ударов и к «отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного года до двух лет» [9. Т. 15. С. 5, 50–51].

Служители неправославных религиозных организаций и групп в своих проповедях и сочинениях не должны были допускать попыток распространения своего вероучения среди православного населения, что могло привести к «привлечению и соращению Православных в иное, хотя Христианское, вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк». Мера государственного принуждения за подобное деяние зависела от наличия рецидива. Так, подобное преступление, совершенное впервые, влекло за собой «лишение некоторых... особенных прав и преимуществ и заключение в смиренном доме на время от

одного года до двух лет»; повторность преступного деяния приводила к «заключению в крепости на время от четырех до шести лет, также с потерей... некоторых прав и преимуществ»; совершение этого преступления в третий раз предусматривало самые суровые последствия: «лишение всех особенных, лично и состоянию присвоенных ему прав и преимуществ... ссылка на житье в губернии Тобольскую или Томскую, с заключением на время от одного года до двух лет» [9. Т. 15. С. 9, 51]. Если правонарушитель относился к сословию, подлежащему телесным наказаниям, он карался от 60 до 70 ударов розгами и отдавался в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет. Распространение копий проповедей и сочинений, «соращающих православных в другое вероучение», также квалифицировалось преступлением с наложением карательной санкции в виде «заключения в смиренном доме» на срок от шести месяцев до одного года [9. Т. 15. С. 9, 51].

Особые опасения у носителей государственной власти вызывала потенциальная угроза распространения иудаизма и «особо вредных ересей». В профилактических целях запрещалось проживание православных людей в домах евреев. Уложение о наказаниях уголовных исправительных в отношении евреев устанавливало следующие ограничения: «Евреи, хотя и не избранные в соращении Христиан, но державшие их у себя для постоянных домашних услуг... подвергаются за сие взысканию по пяти рублей за каждые сутки. За повторение... к аресту... от трех недель до трех месяцев»; «...Евреи будут держать лица женского пола Христианской веры в одних с собой домах, то за сие подвергаются денежному взысканию от ста до двухсот рублей...» [9. Т. 15. С. 51].

В Вятской епархии данные законоположения стали причиной специальных проверок благочинными. Случаи совместного проживания в одном доме евреев и православных христиан Вятской губернии второй половины XIX в. не встречались, однако распространены были ситуации, когда православных пускали на постой в свои дома раскольники поморской секты. Рапорт одного из благочинных Вятской епархии подтвердил факт совместного проживания православных и сторонников поморского согласия, однако не обнаружил вредного воздействия подобного сожительства: «...в с. Святогорском православные люди, проживающие у раскольников поморской секты, ходят на исповедь и к святому причастию» [12. Л. 39 об.].

В целом, любые препятствия, создаваемые кем-либо для желающих присоединиться к православию, расценивались как противоправное деяние. Данное положение нашло отражение в нормах Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [9. Т. 11, ч. 1. С. 6; Т. 15. С. 52–53].

Отречение от православия и принятие иного, христианского или нет, вероисповедания также признавались преступным деянием. Устав о предупреждении и пресечении преступлений императивно устанавливал:

«Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней... запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и Христианскую» [9. Т. 14. С. 11]. Целью наказаний для отступивших от православного вероисповедания было перевоспитание таких лиц и возвращение их в православие, что объясняло относительную мягкость государственных мер. Отступившие от православного в иное христианское или нехристианское вероисповедание «отсылаются к духовному начальству для увещания и вразумления их и поступления с ними по правилам церковным». До возвращения таких лиц к православному вероисповеданию правительством должны были приниматься меры для «хранения их малолетних детей и подвластных им крепостных людей от совращения... В имениях их, населенных Православными, на сие время назначается опека и им воспрещается иметь в оных жительство» [9. Т. 14. С. 12; Т. 15. С. 49, 51]. Надзор и выявление случаев отступления от православной веры возлагался на священнослужителей, которые должны были действовать «мерами вразумления», а также сообщать о случаях уклонения от православия гражданскому начальству и Святейшему Синоду [9. Т. 14. С. 11].

В Вятской губернии благочинными и приходскими священниками южных уездов во второй половине XIX в. выявлялись случаи частичного отступления от православия в язычество.

В середине и второй половине XIX в. намечается новый вектор конфессиональной политики. Приходит осознание, что «энергетические меры... и обращение к содействию гражданской власти» нерезультативны. Вятская духовная консистория по этому поводу рекомендовала принимать «меры разумные, целесообразные... всячески стараясь избегать в деле совести мер принудительных... Нужно убеждение здесь кротким и разумным пастырским словом, а полицейские меры могут лишь охладить сердца прихожан к вере...» [13. С. 54].

В рамках разработки и реализации церковной реформы Александра II в конфессиональной политике актуализировался вопрос о работе с инородцами: «Над малолетними евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14-летнего возраста, совершается таинство святого крещения... не иначе как с согласия их родителей или опекунов, изъявленного письменно... Над иноверцами, достигшими уже 14-летнего, таинство святого крещения может быть совершаемо и без согласия их родителей или опекунов, если будет с совершенною достоверностию приведено в известность, что сами обращающиеся желают и требуют присоединения к Церкви православной и что они имеют достаточные сведения в ее догматах и учении... Обряд таинства святого крещения должен быть совершаем над иноверцем в церкви... и всегда в присутствии благонадежных свидетелей или ближайшего местного начальства... должно тщательно удостоверяться, что иноверец принимает святое крещение добровольно и должным разумением» [14. С. 450, 452].

Цитируемый указ Святейшего Синода от 13 марта 1862 г. особое внимание уделял добровольности в принятии православной веры и совершении святого крещения.

«О детях иноверных родителей, церковные причты... епархиальному преосвященному должны представлять... ведомость однажды в год... а также представлять... письменные показания иноверцев о добровольном присоединении их к православию и подписки иноверных родителей о воспитании крещенных... детей в православной вере...» [15. С. 291].

Речь, как видим, уже не идет о материальной заинтересованности, побуждавшей к крещению, а скорее, об установлении церковного контроля за процессом христианизации. Однако и во второй половине XIX в. предполагались меры вспомоществования в отдельно оговариваемых случаях. Когда иноверцы, принявшие христианскую веру, семьями или отдельно, оставляли прежнюю оседлость среди своих единоверцев, селились в городах, им определялось из казны пособие: евреям без различия пола – от 15 до 30 руб. серебром, детям – в половину, калмыкам и простолюдинам, имеющим семейства, – по 15 рублей, холостым – по 8 рублей. Наказание за преступление или проступок могло быть уменьшено, «когда иноверец нехристианского исповедания во время следствия или суда, примет православную или другую терпимую и признаваемую законною в Империи христианскую веру» [15. С. 453]. 8 мая 1864 г. был издан устав «О правилах учреждения православных братств». Предусматривалось создание духовных объединений («братств») для проповеднической и миссионерской деятельности. На приходское духовенство возлагалась обязанность обучать сельских детей грамоте.

С 1865 по 1869 г. под покровительством Императрицы Марии Александровны в Санкт-Петербурге работало Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками, деятельность которого была направлена на «возбуждение, поддержание и развитие в членах русской церкви сочувствия к миссионерскому делу; содействие духовному начальству в снабжении миссий достаточным числом благонадежных миссионеров и удовлетворение всем вещественным нуждам миссий по содержанию миссионерских станций, церквей, больниц, школ и т.п.» [16. С. 38].

Полиэтническая и поликонфессиональная среда Вятской епархии создавала определенные сложности в распространении православия. Так, в ходатайстве миссионерского общества к Его Преосвященству от 25 мая 1867 г. указывалось, что «невозможно проповедовать Евангелие инородцам язычникам на русском языке или через переводчиков, которые не в состоянии с надлежащей ясностью и полнотою передавать высокие христианские истины и верования православной церкви». Для достижения позитивных результатов общество предлагало давать духовное образование новокрещеным инородцам и обучать вятских миссионеров «в Санкт-Петербургском университете по факультету восточных языков... просить об открытии для миссионеров двухгодичного курса... для изучения татарского и монгольского языков...» [17. С. 179].

Публикации «Вятских епархиальных ведомостей» позволяют уточнить, какие обстоятельства российской

истории эпохи реформ 1860–1870-х гг. породили серьёзное внимание власти к организации постоянной, результативной, активно контролируемой государством и церковью деятельности по просвещению, прежде всего нравственному и духовному, инородческого населения империи. Об этом свидетельствует распространённый в 1880-х гг. способ общения архиепископа Вятского Аполлоса с духовенством епархии – так называемые предложения, в которых пастырь наставлял священно- и церковнослужителей: «Крещенные инородцы – младенцы в вере христианской и потому требуют особенного пастырского попечения о христианском воспитании их... Во всяком приходе, а в инородческом тем более, священник должен старательно охранять и скреплять духовный союз с прихожанами, как отец с детьми, должен всеми усилиями достигать того, чтобы прихожане имели к нему доверие, любовь и уважение, устраняя всякие поводы к расстройству их добрых отношений. Для этого ему нужно пользоваться всяким случаем, чтобы внушить прихожанам благоприятные для себя чувства... Ему надлежит часто навещать своих прихожан, не тогда только, когда имеет к ним свою надобность, или когда его приглашают для совершения церковной требы, а по движению отеческого чувства к ним и по долгу своего звания... Благоразумный священник и среди обычного разговора найдется сказать слово в поучение и не упустить удобного случая весь разговор направить к религиозному собеседованию... Внушая почтение к родителям, благоговение к царю и покорность начальствующим, следует сказать, что Господь заповедал чтить отца и мать, что от Господа поставляются цари, а всякая власть и начальство – установление Божие, и потому нужно чтить родителей, почитать Царя и покоряться всякой власти, не из страха наказания, а по совести, памятуя, что это добро и приятно Богу...» [18. С. 417].

Этот документ позволяет поставить вопрос не только о форме взаимодействия православных священников с инородцами губернии, но и о причинах акцентировки в беседах с прихожанами темы государственной и царской власти. В XIX в. в России наблюдался рост общественных движений, объединявших сторонников антимонархических взглядов (от декабристов до народовольцев). Тайные общества в большинстве своем придерживались радикальной повестки. В качестве способов достижения своих программных целей ставили заговор с последующим царевубийством или военную революцию. Государство постепенно вырабатывало методы противостояния нарастающему революционному движению, направленные как на пресечение деяний, признаваемых Уложением о наказаниях уголовных и исправительных государственными преступлениями, так и стараясь сформировать ориентированное на неукоснительное соблюдение законов промонархическое общественное мнение. Русская православная церковь направила свою активность на поддержку существовавшего государственного строя, воздействуя на умы верующих проповедью о ненасилии, о единстве с властью и противостоянии чуждым православному человеку радикальным идеям.

Примечательно, что это направление деятельности РПЦ было обусловлено выработанной в начале николаевской эпохи государственной идеологией, которая в советской историографии называлась «теорией официальной народности». И возникло оно на историческом повороте от западнических увлечений alexandrovской эпохи, когда, по словам прот. Г. Флоровского, «сама душа России отошла во владение Европы» [19. С. 170] к «золотому веку русского национализма» эпохи николаевской. В оценке А.Е. Преснякова, в царствование Николая I «Россия и Европа сознательно противопоставлялись друг другу, как два различных культурно-исторических мира, принципиально разных по основам их политического, религиозного, национального быта и характера» [20. С. 268]. Понятие «национализм» в контексте теории С.С. Уварова означало осмысление и принятие неминуемой троичности (триипостасности) государственного бытия и общественного здоровья в России: «Без любви к Вере предков, народы, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. – Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предзнаменовании... Русский колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствуют неисчислимое большинство между Русскими... Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна...» [21. С. 140].

Обратим внимание, что истина об опоре государственности на веру предков (православие) в версии С.С. Уварова звучит как осознаваемая именно русскими людьми. А как же тогда быть с множеством инородцев иных исповеданий и конфессий в условиях имперской державы? Укрепление государства осознавалось как реальная перспектива лишь при условии обретения духовных скреп. Протоиерей Иван Фармаковский на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» утверждал, что преступления против императора и государства можно предупредить «через распространение христианского образования в обществе и через ускорение христианских начал в жизни народной» [22. С. 297].

Появление мировоззренческого акцента в осмыслении церковно-государственных отношений нашло отражение в деятельности духовенства Вятской епархии. В фонде Вятской духовной консистории отложились примеры активной священнической проповеди в отношении лиц, непосредственно охраняющих общественный и государственный строй, а также в социально неблагонадежной среде. Клировые ведомости Александро-Невского собора Вятки за 1878 г. в части биографических сведений о священнослужителях сообщают, что протоиерей Иван Петрович Редников, 55 лет от роду, в период с декабря 1861 г. по октябрь 1867 г. «бесплатно обучал грамоте и закону божью нижних чинов Вятского батальона от 70 до 100 человек», а в 1867–1872 гг. «бесплатно преподавал закон божий в школе, учрежденной при резервном пехотном 56 батальоне, для шестидесяти нижних чинов,

приготовлявшихся к поступлению на писарские должности» [23. Л. 59 об.]. Протоиерей Кафедрального Свято-Троицкого собора Стефан Никифорович Кашменский, с 1846 г. служивший в церкви Вятского тюремного замка, в 1850 году «за особое усердие и заботливость к исправлению нравственности содержащихся в тюремном замке через неустанный поучение их в духовных беседах получил благодарность» [24. Л. 6 об., 7 об.].

Тем не менее, несмотря на усилия, порожденные выработанной в николаевскую эпоху церковно-государственной идеологией, в 1866 г. прозвучал выстрел Дмитрия Каракозова. Александр II отреагировал на него двойственно – и как православный человек, и как государь: «Лично я в душе давно простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе прощать подобного преступника» [25. С. 42].

Именно Александр II побудил духовенство не только активизировать проповедническую деятельность в губерниях империи, но и обострил вопрос о формировании единого (независимо от этнического разнообразия) духа народа. В этом ключе – воспитания народов, русского и инородческих, в духе православия – выстроено предложение архиепископа Вятского Аполлоса: «Народ свято чтит самодержавную, царскую власть, искренне предан Царю и Престолу. Охраняйте и укрепляйте это драгоценное чувство, составляющее залог нашего благоденствия и могущества государственного» [26. С. 194]. Покушение Дмитрия Каракозова привело императора к постановке государственной задачи «охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство» [27. С. 145]. Александр II усматривал причины совершенной попытки цареубийства в «умствованиях, дерзновенно посягающих... на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям» [27. С. 146] и поэтому усилил внимание к «воспитанию юношества». В учебных заведениях по указанию императора запрещалось «ни явное, ни тайное проповедание тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа» [27. С. 146]; образование, семья и Церковь должны были обратить внимание населения на правила христианского благочестия и верноподданнические обязанности.

Последующие покушения на Александра II только укрепили государя в стремлении использовать Русскую православную церковь с ее возможностями влияния на общественное мнение. Так, в 1879 г. после покушения А. Соловьёва на жизнь императора протоиерей Вятской епархии Фёдор Кибардин во время литургии в Александровском соборе говорил, что «христианство, разливающее свет истины и добра по всем направлениям человеческой жизни, имеет могущественное влияние и на государственную жизнь народов. Оно научает видеть в государстве не человеческое учреждение, но установление Божественное» [28. С. 184–185].

РПЦ откликалась на позицию государя, вызванную многочисленными покушениями на его жизнь и общественную стабильность, не только проповедью. В ознаменование 25-летия царствования Александра II, «споспешествующего зависящими от Него средствами распространению Христовой веры между язычниками...» [29. С. 87], духовенство Вятской епархии учредило в память об этом дне многочисленные стипендии в духовно-учебных заведениях.

Неслучайно гибель царя-освободителя была ознаменована перепечаткой в «Вятских епархиальных ведомостях» текста о «трех началах нашей государственной жизни – православии, самодержавии и народности» из «Московских церковных ведомостей»: «Легкомыслие утверждать, что русский народ привязан к одной обрядности своей веры, ценит одну пышность, церемониальность своей церкви... Не столько чувство самосохранения, сколько мысль об охранении веры предков... всегда напрягала его энергию и возбуждала в нем мужество в борьбе с внешними врагами...». Принципиально важно, что в контексте размышлений о природе русскости автор называет «сотрясателей» основ государственности «отщепенцами от родной православно-христианской веры»: «...они вещают громко, но с чужого голоса, выражаются цветисто и энергично, но говорят речью рабской, перенятой от своих заграничных господ...» [30. С. 353–355]. Так в очередной раз в XIX в. событие политической истории заставило задуматься о роли православия в достижении государственной и духовной целостности поликонфессионального по своей природе социума.

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев подчеркивал (в связи с событиями 1 марта 1881 г.), что в ситуации кризиса государственности Православная церковь должна сыграть главную роль в укреплении самодержавия, так как она есть «корень всей жизни народа, главные ключи всякого добра и правды на земле». В течение 1881 г. «Вятские епархиальные ведомости» неоднократно публиковали материалы, связанные с этой мыслью: «В православной вере и любви христианской есть все, что нужно для облегчения всякого долга, для устранения всех неприятностей в его исполнении, – и сильнейшие побуждения, и высшие силы, и помощь, и ободряющая уверенность для благоплодной деятельности... Прекрасны правила: не отделяй своего блага от общественного; предпочитай общее благо благу частному... везде, где народы подчиняли себя игу Христову, всякое благо у них возрастало, а всякое зло уменьшалось, – возрастало просвещение, облагораживались искусства, являлись лучшие законы и лучшее устройство всей жизни гражданской, умножались и возвышались добродетели...» [31. С. 467].

Духовенство Вятской епархии откликалось на стремление обер-прокурора Святейшего Синода к тому, чтобы Церковь, помимо собственно богослужбной, развивала и другие формы деятельности. Большое значение придавалось, помимо церковной проповеди, собеседованиям священников со своими прихожанами, их преподаванию в миссионерских школах. В сведениях об учителях миссионерских школ Вятской епархии за 1887 г. находим рапорт священника

Константина Амосова: «Дело учительства при Ново-гришкинской миссионерской школе предоставлено псаломщику Георгию Евдокимову... Евдокимов не может исправно исполнять учительскую обязанность. Во время года служба часто исполняется в те дни недели, в которые учение не должно останавливаться, а причт церковный весь должен участвовать, таких случаев очень много... Более полезным нахожу, если будет согласен Евдокимов, ... для поощрения назначить ему вознаграждение до 25 рублей в год за труды и прогоны с обязательством от 2–3 раз посещать школы в неделю» [32. Л. 2]. Как следует из документа, дело духовно-нравственного учительства в духе православия находило и материальную поддержку церкви, руководимой государственной структурой – Синодом.

Итак, привлеченные источники общероссийского и регионального происхождения позволяют зафиксировать характер изменений конфессиональной политики в имперский период (от петровской эпохи до царствования Александра III включительно) применительно к полиэтнической Вятской губернии. Эти изменения связаны с хронологическими рамками монарших правлений и определяются мировоззренческими установками государей или обер-прокуроров Синода; общественно-политической историей в целом и событиями, носящими характер общественных и государственных потрясений (такowymi в контексте освоенного документального материала являются выступления 1825 г. и покушения на Александра II в период с 1866 по 1881 г.) в частности. Церковно-государственные отношения претерпевали качественную трансформацию – и в идеологическом, и в правовом поле. На протяжении изучаемого периода меня-

лись методы государственной политики: нерегулярные акции на начальном этапе трансформировались в организацию миссионерского дела, опирающегося не только на энтузиазм священников, но и на системную государственную поддержку.

К числу специфических характеристик государственной политики в отношении нерусских неправославных народов в имперский период, которые позволяют выделить вятский региональный контекст, отнесем:

1) устойчивую направленность на распространение православия среди инородцев и иноверцев, населяющих губернию (региональный опыт этой деятельности основывался на государственных установлениях);

2) отсутствие прагматических целей в деле христианизации: с самого начала имперского периода Российское государство предоставляло разнообразные льготы в сфере налогообложения и государственных повинностей для инородцев, принявших православие, лишь рекомендуя предпочтительную для государства конфессиональную принадлежность;

3) направленность, являющуюся константой государственной политики в отношении инородцев, всех мероприятий по отношению к неправославным народам, к их просвещению, понятому не только в духовно-нравственном, но и образовательном ключе, а также к улучшению условий их материальной жизни;

4) осознанное и напрямую сформулированное в общероссийских и региональных источниках второй половины XIX в. достижение государственного единства и стабильности Российской империи на основе духовных ценностей как высшая цель процесса христианизации, являющегося основой государственной политики по отношению к нерусским неправославным народам.

Список источников

1. Иоанн (Соколов), епископ. Об основных началах русского церковного права // Православный собеседник. 1860. Ч. 1. С. 3–33.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2: [1613–1645]. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 308 с.
3. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
4. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 46–63.
5. Фёдоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). Гл. 7. М.: Рус. панорама, 2003. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/7
6. Клировые ведомости священнослужителей за 1867 г. // Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 70. Д. 182.
7. Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Культурный центр «Духовная б-ка», 2012. 711 с.
8. Новиков М.В. Клерикальное государство и церковь. Взаимоотношения церкви и государства в Израиле и в сопредельных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 35 с.
9. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. Т. 1–15. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1857.
10. Высочайше утвержденная финансовая смета на 1863 г. по Вятскому епархиальному ведомству // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 16. С. 308–310.
11. Ведомость о суммах, ассигнованных по смете расходов Святейшего Синода на 1864 г. к отпуску из казны, на штатное содержание и другие расходы Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1864. № 17. С. 273–274.
12. Журнал Вятской духовной Консистории. 1854 г. // ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 120а.
13. Распоряжение епархиального начальства // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 53–54.
14. Указ Святейшего Синода от 13 марта 1862 г. о порядке приготовления иноверцев нехристиан к принятию православной веры, и относительно совершения над ними святого крещения // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 23. С. 449–453.
15. Указ Святейшего Синода от 25 августа 1865 г. за № 1966 об изменении действовавших постановлений относительно предоставления причтами епархиальному начальству сведений об обращающихся в православие // Вятские епархиальные ведомости. 1865. № 20. С. 291–292.
16. Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего Синода, графа Д. Толстого о деятельности православного духовного ведомства с июня 1865 по январь 1866 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 4. С. 54–59.
17. Отношение Миссионерского общества к Его Преосвященству от 25 мая 1867 г. за № 496 о приискании между епархиальным духовенством способных лиц к принятию обязанностей миссионеров и приготовлению к миссионерской деятельности в Санкт-Петербургском университете по факультету восточных языков // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 14. С. 178–181.
18. Предложение Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 20. С. 417–421.
19. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. 848 с.

20. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М. : Книга, 1990. 464 с.
21. Классики теории государственного управления: управленческие идеи в России / отв. ред. Ю.Ю. Петрунин и др. М. : РОССПЭН, 2008. 798 с.
22. Фармаковский И., протоиерей. Слово на 4 день апреля // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 9. С. 295–304.
23. Ведомость Александро-Невского собора 1878 г. // ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 209.
24. Ведомость Церкви в Тюремном замке за 1867 г. // ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 182.
25. Кривошину В.А. К 140-летию гибели царя-освободителя: идеология и путь террора (по материалам опубликованных источников и историографии) // Судьбы российского крестьянства (к 160-летию отмены крепостного права) : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 21 октября 2021 года). Киров : Изд-во Киров. гос. универсальной областной научной библиотеки, 2022. 203 с.
26. Предложение Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 10. С. 190–195.
27. Высочайший рескрипт, данный на имя председателя комитета министров, действительного статского советника князя Гагарина // Вятские епархиальные ведомости. 1866. № 12. С. 145–148.
28. Кибардин Ф. Слово по случаю избавления Государя Императора от угрожавшей ему опасности // Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 8. С. 184–191.
29. Отечественная церковь в минувшем году // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 4. С. 83–90.
30. Петропавловский И.Д. О трех началах нашей государственной жизни: православии, самодержавии и народности // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 13. С. 349–359.
31. Слово в честь тезоименитства Государя императора Александра Александровича 30 августа 1881 года // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 18. С. 465–470.
32. Рапорт миссионера Филиппа Гаврилова 1887 г. // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 230.

References

1. Ioann (Sokolov), bishop. (1860) Ob osnovnykh nachalakh russkogo tserkovnogo prava [On the basic principles of Russian church law]. *Pravoslavnyy sobesednik*. Part 1. pp. 3–33.
2. Anon. (1846) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiei* [Supplements to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
3. Tikhomirov, M.N. & Epifanov, P.P. (eds) (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Cathedral Code of 1649]. Moscow: Moscow State University.
4. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1863) Materialy dlya istorii Vyatskoy eparkhii [Materials for the History of Vyatka eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 2. pp. 46–63.
5. Fedorov, V.A. (ed.) (2003) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyy period (1700–1917)* [Russian Orthodox Church and State. Synodal Period (1700–1917)]. Part 7. Moscow: Rus. panorama. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-gosudarstvo/7.
6. Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO). Fund 237. List 70. File 182. *Klirovye vedomosti svyashchennosluzhiteley za 1867 g.* [Clergy Records of Clergy for 1867].
7. Kravetskiy, A. (2012) *Tserkovnaya missiya v epokhu peremen (mezhdru propoved'yu i dialogom)* [Church Mission in the Era of Change (Between sermon and dialogue)]. Moscow: Kul'turnyy tsentr "Dukhovnaya b-ka".
8. Novikov, M.V. (2013) *Klerikal'noe gosudarstvo i tserkov'. Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v Izraile i v soprodel'nykh stranakh* [Clerical state and church. Relations between church and state in Israel and neighboring countries]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Anon. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervago sostavlennyy: izdanie 1857 goda* [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas I: 1857 edition]. Vols 1–15. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstv. e.i.v. kantselyarii.
10. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1863) Vysochayshe utverzhennaya finansovaya smeta na 1863 g. po Vyatskomu eparkhial'nomu vedomstvu [Supremely approved financial estimate for 1863 for the Vyatka eparchy department]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 16. pp. 308–310.
11. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1864) Vedomost' o summakh, assignovannykh po smete raskhodov Svyateyshego Sinoda na 1864 g. k otpusku iz kazny, na shtatnoe sodержanie i drugie raskhody Vyatskoy eparkhii [Statement of the amounts allocated according to the Holy Synod's expenditure estimate for 1864 for release from the treasury, for staff maintenance and other expenses of Vyatka eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. pp. 273–274.
12. Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO). Fund 237. List 1. File 120a. *Zhurnal Vyatskoy dukhovnoy Konsistorii. 1854 g.* [Journal of the Vyatka Spiritual Consistory. 1854].
13. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Rasporyazhenie eparkhial'nogo nachal'stva [Order of the eparchy authorities]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 53–54.
14. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1863) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 13 marta 1862 g. o poryadke prigotovleniya inovertsev nekhristian k prinyatiyu pravoslavnoy very, i otnositel'no soversheniya nad nimi svyatogo kreshcheniya [Decree of the Holy Synod of March 13, 1862 on the procedure for preparing non-Christian infidels for the adoption of the Orthodox faith, and regarding the performance of holy baptism over them]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 23. pp. 449–453.
15. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1865) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 25 avgusta 1865 g. za № 1966 ob izmenenii deystvovavshikh postanovleniy otnositel'no predostavleniya prichtami eparkhial'nomu nachal'stvu svedeniy ob obrashchayushchikhsya v pravoslavie [Decree of the Holy Synod of August 25, 1865, No. 1966, on amending the current regulations regarding the provision by clergy to eparchy authorities of information about those converting to Orthodoxy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. pp. 291–292.
16. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1867) Vsepoddanneyshaya dokladnaya zapiska ober-prokurora Svyateyshego Sinoda, grafa D. Tolstogo o deyatel'nosti pravoslavnogo dukhovnogo vedomstva s iyunya 1865 po yanvar' 1866 g. [The most humble report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, Count D. Tolstoy, on the activities of the Orthodox spiritual department from June 1865 to January 1866]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 54–59.
17. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1867) Otnoshenie Missionerskogo obshchestva k Ego Preosvyashchenstvu ot 25 maya 1867 g. za № 496 o priiskanii mezhdru eparkhial'nym dukhovenstvom sposobnykh lits k prinyatiyu obyazannostey missionerov i prigotovleniyu k missionerskoy deyatel'nosti v Sankt-Peterburgskom universitete po fakul'tetu vostochnykh yazykov [The attitude of the Missionary Society to His Grace dated May 25, 1867, No. 496, on the search among the eparchy clergy for capable individuals to assume the duties of missionaries and prepare for missionary work at the St. Petersburg University, Faculty of Oriental Languages]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 14. pp. 178–181.
18. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Predlozhenie Apollosa, arkhiepiskopa Vyatskogo, dukhovenstvu Vyatskoy eparkhii [The Proposal of Apollon, Archbishop of Vyatka, to the Clergy of Vyatka eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. pp. 417–421.
19. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
20. Presnyakov, A.E. (1990) *Rossiyskie samoderzhitsy* [Russian Autocrats]. Moscow: Kniga.
21. Petrunin, Yu.Yu. et al. (eds) (2008) *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: upravlencheskie idei v Rossii* [Classics of Public Administration Theory: Management ideas in Russia]. Moscow: ROSSPEN.
22. Farmakovskiy, I. (archpriest). (1867) Slovo na 4 den' aprelya [Word for the 4th day of April]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 295–304.

23. Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO). Fund 237. List 70. File 209. *Vedomost' Aleksandro-Nevskogo sobora 1878 g.* [Gazette of the Alexander Nevsky Cathedral for 1878].
24. Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO). Fund 237. List 70. File 182. *Vedomost' Tserkvi v Tyuremnom zamke za 1867 g.* [Gazette of the Church in the Prison Castle for 1867].
25. Kriushina, V.A. (2022) [On the 140th Anniversary of the Death of the Tsar-Liberator: Ideology and the Path of Terror (Based on Published Sources and Historiography)]. *Sud'by rossiyskogo krest'yansva (k 160-letiyu otmeny krepostnogo prava)* [The Fates of the Russian Peasantry (on the 160th Anniversary of the Abolition of Serfdom)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kirov. 21 October 2021. Kirov: Kirov State Universal Regional Scientific Library. (In Russian).
26. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Predlozhenie Apollosa, arkhiepiskopa Vyatskogo, dukhovenstvu Vyatskoy eparkhii [Proposal of Apollon, Archbishop of Vyatka, to the clergy of Vyatka eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 190–195.
27. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1866) Vysochayshiy reskript, dannyi na imya predsedatelya komiteta ministrov, deystvitel'nogo statskogo sovetnika knyazya Gagarina [The highest rescript given to the chairman of the committee of ministers, actual state councilor Prince Gagarin]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 145–148.
28. Kibardin, F. (1879) Slovo po sluchayu izbavleniya Gosudarya Imperatora ot ugrozhavshey emu opasnosti [Speech on the occasion of the deliverance of the Sovereign Emperor from the danger that threatened him]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 8. pp. 184–191.
29. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Otechestvennaya tserkov' v minuvshem godu [The Russian Church in the past year]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 83–90.
30. Petropavlovskiy, I.D. (1881) O trekh nachalakh nashey gosudarstvennoy zhizni: pravoslavii, samoderzhavii i narodnosti [On the three principles of our state life: Orthodoxy, autocracy, and nationality]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 349–359.
31. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Slovo v chest' tezoimenitstva Gosudarya imperatora Aleksandra Aleksandrovicha 30 avgusta 1881 goda [A speech in honor of the name day of Emperor Alexander Alexandrovich on August 30, 1881]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 18. pp. 465–470.
32. Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 230. *Raport missionera Filippa Gavrilova 1887 g.* [Report of missionary Philip Gavrilov, 1887].

Информация об авторах:

Калинина Д.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: kalinina-darja@mail.ru

Криушина В.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета Минздрава России (Киров, Россия). E-mail: vkriushina@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Kalinina, Cand. Sci. (History), associate professor, Volga-Vyatka Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law Academy (MSAL) (Kirov, Russian Federation). E-mail: kalininadarja@mail.ru

V.A. Kriushina, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kirov State Medical University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vkriushina@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024;
одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 19.03.2024;
approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 903.2
doi: 10.17223/15617793/505/16

Зооморфная глиняная пластика лесостепной зоны Западной Сибири начала I тыс. н.э. в свете среднеазиатских параллелей

Павел Константинович Ломов¹, Николай Николаевич Головченко²

^{1, 2} Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

¹ lomov90@mail.ru

² nikolai.golovchenko@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены находки зооморфной глиняной пластики, происходящей с памятников Западной Сибири и Обь-Иртышского междуречья, в частности в контексте изучения близких по облику изделий из Среднеазиатского региона. Установлено, что в комплексе предметов раннесредневековой глиняной пластики Обь-Иртышского междуречья воплотился ряд образов, широко встречающихся в произведениях древнего и современного традиционного народного искусства. При анализе имеющихся зооморфных фигурок были выявлены значительные сходства с подобными изделиями, происходящими с территории Среднеазиатских государств.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Обь-Иртышское междуречье, Средняя Азия, зооморфные изображения, мелкая глиняная пластика, стилистика, мировоззрение

Для цитирования: Ломов П.К., Головченко Н.Н. Зооморфная глиняная пластика лесостепной зоны Западной Сибири начала I тыс. н.э. в свете среднеазиатских параллелей // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 153–160. doi: 10.17223/15617793/505/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/16

Zoomorphic clay plastic of the forest-steppe zone of Western Siberia of the early first millennium AD and Central Asian parallels

Pavel K. Lomov¹, Nikolay N. Golovchenko²

^{1, 2} Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

¹ lomov90@mail.ru

² nikolai.golovchenko@yandex.ru

Abstract. Fine clay plastic is an important archaeological source that carries information about the material and spiritual culture of the studied society. This article considers finds of zoomorphic clay plastics originating from the monuments of the beginning of the I millennium AD in Western Siberia and the Ob–Irtysh interfluvium, in particular, in the context of studying similar-looking products from the Central Asian region. The source base of the study consists of 63 objects of zoomorphic clay plastics originating from the territory of the forest-steppe zone of Western Siberia. They are divided according to the characteristic species characteristics of animals, namely, the structure of the trunk, head and decorative elements. The images of a horse, an elk, a ram (argali), a saiga, and indeterminate images are highlighted. The most common exterior of clay figurines was the image of a horse. This type of image is found in all the presented monuments and stands out for the characteristic and realistic manner of making the body of a horse. The context of the discovery of small clay plastic objects is analyzed, as a result of which the pattern of the location of artifacts is traced. Most of the statuettes were found in residential buildings (Potchevash settlement, Turunovka settlement-3, Kama settlement-4, Panovo settlement-2). In the buildings themselves, objects were found in the hearth or in the immediate vicinity of it. At the same time, there are actually no whole figures among the finds. The most characteristic manifestation of image destruction is the absence of limbs, head or tail. It has been established that the complex of objects of early medieval clay plastics of the Ob–Irtysh interfluvium embodied a number of images widely found in works of ancient and modern traditional folk art. When analyzing the available zoomorphic figurines, we have identified significant similarities with similar products originating from the territory of Central Asian states. These products are similar in the manner and style of images, composition and material, degree of preservation and time of existence, fitting into the broad chronological framework of the beginning of the I millennium AD. In particular, the figurines of horses, despite their varying degrees of preservation, are made in a realistic manner with precise transmission of details, uniform modeling techniques. Probably, the traditions of imprinting the image of a horse in clay could be perceived by the Potchevash population in the context of the southern vector of trade (or other) interaction.

Keywords: Western Siberia, Ob–Irtysh interfluvium, Central Asia, zoomorphic images, small clay plastic, style, worldview

For citation: Lomov, P.K. & Golovchenko, N.N. (2024) Zoomorphic clay plastic of the forest-steppe zone of Western Siberia of the early first millennium AD and Central Asian parallels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 153–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/16

Введение

Глиняная пластика, являясь важным и информативным источником по разработке ряда проблем археологии Западной Сибири, остается практически не исследованной и мало привлекающей внимание отечественных ученых тематикой для специализированных изысканий. Во многом такая ситуация объясняется тем, что на большинстве памятников региона эта категория находок не фиксируется либо представлена немногочисленными артефактами. Даже на наиболее полно исследованных комплексах подобные находки исчисляются единицами, а на многих памятниках они не известны вовсе. В то же время мелкая глиняная пластика как археологический источник является частью материальной и духовной культуры общества, несущей информацию о бытовых, эстетических, а вероятно, и культовых представлениях древних социумов.

Сама по себе глиняная пластика представляет собой объемные изображения и является разновидностью скульптуры. Глина всегда была доступным и широко распространенным материалом, из которого выполнялись различного рода поделки, поскольку она пластична и податлива в процессе конструирования изделия, а после высушивания и обжига становится твердой.

Предметы глиняной пластики с полным основанием относятся к произведениям древнего искусства. При этом зооморфные образы, запечатленные в глине, часто характеризуются конкретностью, что облегчает их интерпретацию. Не будет преувеличением отметить, что комплексное изучение мелкой глиняной пластики позволит уточнить хозяйственный уклад и уровень развития производительных сил древних и средневековых обществ, рассмотреть особенности их декоративно-прикладного искусства, охарактеризовать эстетические представления и особенности творческой деятельности.

Целью данной работы является рассмотрение находок зооморфной глиняной пластики, происходящей с памятников начала I тыс. н.э. Западной Сибири и Обь-Иртышского междуречья, в частности в контексте изучения близких по облику предметов из Среднеазиатского региона.

Материалы

За более чем вековую историю археологического изучения Западно-Сибирского региона накоплена многочисленная, но довольно показательная коллекция зооморфных глиняных пластических изображений. Однако в опубликованных источниках и научной литературе за все эти годы была опубликована лишь часть глиняных фигурок (таблицу), высказан ряд предположений описательного и интерпретационного характера относительно семантики и использования предметов глиняной пластики [1. С. 195. Табл. XII–XIII; 2. С. 83; 3; 4. С. 34–45; 5. С. 126; 6. С. 120–122; 7. С. 159–164; 8. С. 15; 9. С. 24–27; 10. С. 218; 11. С. 28–29].

Осуществленный нами целенаправленный поиск позволяет утверждать, что на данный момент с территории лесостепной зоны Западной Сибири известно

63 предмета зооморфной глиняной пластики с 7 археологических памятников (рис. 1): городище Потчеваш (6 экз.), городище Сопка-1 (30 экз.), поселения Туруновка-3 (17 экз.), Кама-4 (1 экз.), городище Большой Лог (2 экз.), поселение Паново-2 (2 экз.), поселение Долговское-1 (5 экз.). Вся эта зооморфная пластика может быть подразделена по характерным видовым признакам животных – строению туловища, головы и элементам декора, на несколько кластеров-образов. Так, выделяются изображения лошади, лося, барана/овцы, сайгака и группа неопределимых изображений (рис. 2, 3).

Обсуждение

Самым распространенным экстерьером глиняных фигурок служил образ лошади. Данный вид изображений встречается на всех представленных памятниках и выделяется характерной и реалистичной манерой изготовления туловища животного. Туловище массивное с остатками (на сломанных изделиях) вытянутой шеи (рис. 2). На шее имеется декоративный элемент в виде прямого и волнообразного загиба, имитирующего гриву животного. Вместе с тем особое внимание при выделении данного вида фигурок необходимо уделять отдельным сохранившимся головкам. Отличительными признаками головы лошади в таких случаях являются наличие гривы, вытянутой морды и особое расположение глазниц и ушей.

Примечательно, что, коррелируя представленные зооморфные определения с данными остеологического анализа находок костей животных на обозначенных выше памятниках, можно говорить о наличии коневодства у потчевашского населения. Об этом свидетельствуют находки большого количества костей лошади на городище Сопка-1, берцовой кости на поселении Кама-8, Туруновка-3 [8. С. 107]. Учитывая климатические особенности Обь-Иртышского междуречья начала I тыс. н.э., а также отсутствие на поселениях потчевашской культуры загонов, скотоводство, по всей видимости, носило отгонный характер. Скот содержали за пределами поселений. Заливные луга, находящиеся рядом с поселениями, могли быть источником подножного корма как летом, так и зимой. Известно, что наиболее приспособленным к тебеневке животным является лошадь.

Другим видом, хорошо представленным в глиняной пластике, является образ лося. В материалах поселений Туруновка-3 и Паново-2 были обнаружены два фрагмента глиняной скульптурки с характерными признаками этого вида. Отличительной чертой фигурки с изображением лося было наличие горбоносой морды животного и небольших углублений, которыми были переданы ноздри, холка и прямостоящие уши. Интересно, что ни одной рогатой скульптуры при этом не выявлено (несмотря на то, что очевидно лопатообразные рога лося, достигающие в размерах 180 см, являются главной отличительной чертой этого зверя), что может быть связано как с их утратой в процессе эксплуатации фигурки, так и с тем, что в глине изображались самки данного вида, или самцы, сбросившие рога после гона в осенний период.

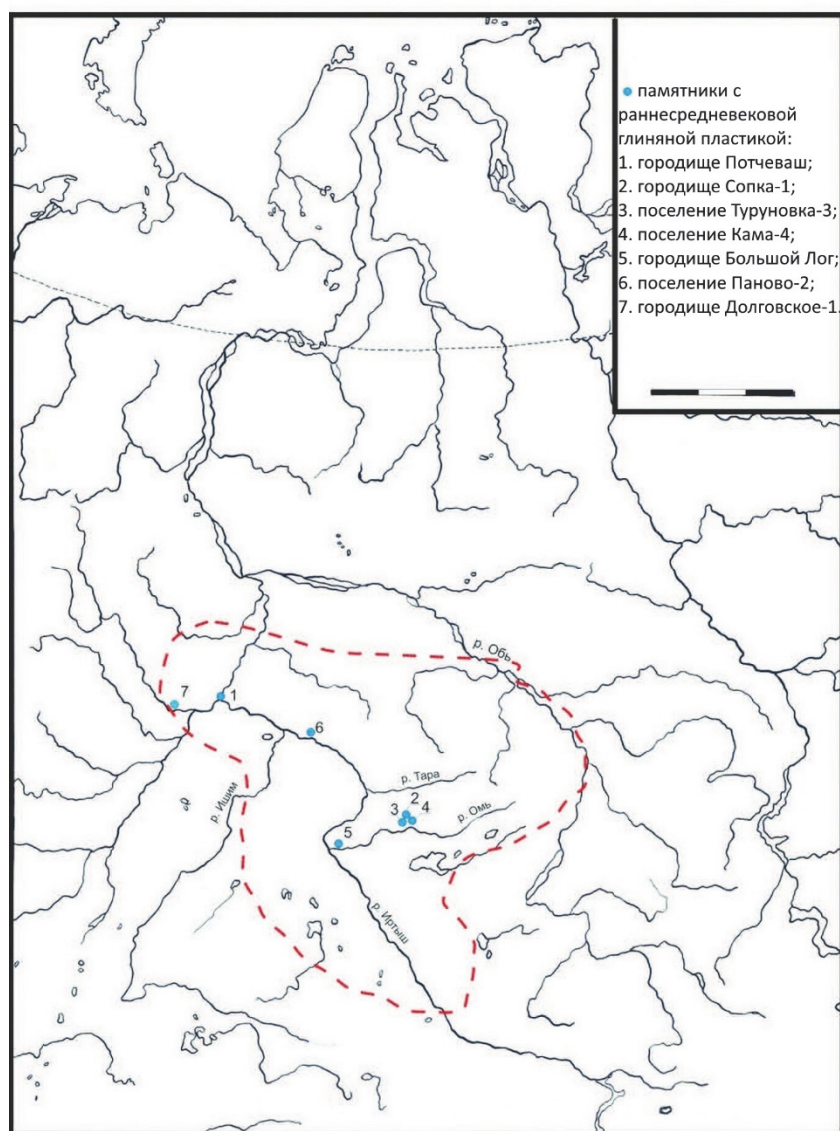

Рис. 1. Карта западносибирских памятников с находками раннесредневековой глиняной пластики

Рис. 2. Туловище лошади, фрагмент изделия глиняной пластики (городище Сопка-1)

Рис. 3. Фрагменты изделия глиняной пластики с памятника Сопка-1: 1 – голова лошади; 2 – голова барана

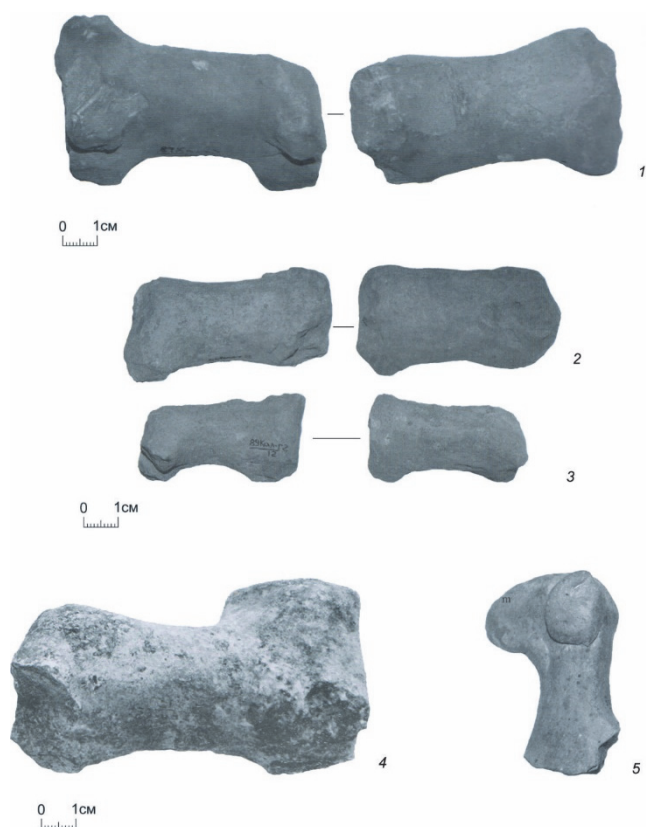

Рис. 4. Терракотовая пластика памятника Калалы-гыр 2 (по: [22]): 1–4 – туловище лошади; 5 – голова барана

История археологических исследований раннесредневековых памятников Обь-Иртышского междуречья, в ходе которых обнаружены предметы глиняной пластики.

№	Название памятника	Авторы раскопок	Год раскопок	Число предметов
1	Потчеваш, городище	А.И. Дмитриев-Мамонов, М.С. Знаменский	1878–1879	6
2	Сопка-1, городище	В.И. Молодин, В.С. Елагин, В.И. Соболев	1985	30
3	Туруновка-3, поселение	В.И. Молодин, В.И. Соболев, В.С. Елагин	1977, 1981	17
4	Кама-4, поселение	В.И. Соболев, В.С. Елагин	1981	1
5	Большой лог, городище	В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская	1949	2
6	Паново-2, поселение	Б.А. Коников	1980-е	2
7	Долговское-1, поселение	А.А. Адамов	1990-е	5
Итого: 63 известных в литературе предмета раннесредневековой мелкой глиняной пластики Обь-Иртышского междуречья				

Вероятно, важно, что изображение лося с памятника Туруновка-3 также связывается с остеологическим материалом, в котором присутствуют кости этих животных. Впрочем, лось с каменного века являлся основным промысловым видом на территории Обь-Иртышского междуречья. Населяет этот регион он и сейчас.

Уникальной находкой является обнаружение глиняной головки барана. Данный вид нами был выделен по небольшой мордочке и наличию маленьких налепов, имитирующих рога.

На территории Обь-Иртышского междуречья традиция разведения овец имела глубокие корни. Так фактически с ранней бронзы на памятниках региона встречены остатки данного типа хозяйства. Остатки остеологических материалов мелкого рогатого скота встречены и на многочисленных памятниках потчевашской культуры [8], что подтверждает занятие этого населения овцеводством.

Другим уникальным образом для экстерьера фигурки является сайгак. Данный вид выделен по характерному оформлению окончания нижней части морды. Примечательно, что, как и в случае с изображениями лося, рога на фигурке отсутствуют (у женских особей сайгака рогов нет). Сайгак как промысловый вид до сих пор встречается на территории Евразии, а вплоть до XIX в. он имел распространение и на территории Барабинской лесостепи, откуда и происходит данная находка.

Важным технологическим признаком рассматриваемых изделий является использование различных видов глины и способов обжига при создании фигурок. Подобное разнообразие цветов и оттенков можно объяснить качественными особенностями использованного в каждом случае сырья. Применение разного типа глины, вероятно, объясняется разнообразием месторождений в указанном регионе. Территория Западной Сибири очень богата месторождениями минеральных ресурсов, особенно различных сортов глин. По данным геологов (на 1970-е гг.), в регионе было зарегистрировано 126 месторождений глины, пригодной для производства (красные, серые, желтые).

Проанализировав контексты обнаружения предметов мелкой глиняной пластики на различных памятниках, нами была прослежена определенная закономерность археологизации этих артефактов. Во-первых, все они выявлены при исследовании поселенческих комплексов. Во-вторых, большинство статуэток обнаружено в жилых постройках (городище Потчеваш, поселение Туруновка-3, поселение Кама-4, поселение Паново-2). В самих постройках предметы располагались либо в очаге, либо в непосредственной близости от него [8. С. 109], что косвенным образом позволяет отнести их к сфере детского или женского обращения.

Интерпретация

Трепетное отношение человека к очагу не раз отмечалось исследователями [12]. В жилищах данному объекту придавался особый символический статус, очаг служил не только средством обогрева, но имел культовое и сакральное значение. Поэтому важно отметить

фактическое отсутствие среди находок целых фигурок. На сегодняшний день, не выявлено полностью сохранившихся глиняных зооморфных изображений.

По нашему мнению, плохую сохранность артефактов можно объяснить несколькими обстоятельствами: 1) процессом археологизации, связанным с образованием культурного слоя; 2) повреждением в более позднее время, например в процессе раскопок; 3) они могли быть преднамеренно разбиты в то время, когда существовали. Наиболее характерным проявлением деструкции глиняных зооморфных изображений является отсутствие конечностей, головы или хвоста. Ведь глина, даже обожженная, – довольно хрупкий материал, поэтому тонкие, выступающие из общего объема части легко могли отломиться. Так, в зооморфной раннесредневековой глиняной пластике Обь-Иртышского междуречья отсутствуют рога и конечности, а головы и туловища представлены фрагментарно. Практика культового уничтожения всевозможных изображений животных как элемент охотничьей, и не только, магии – крайне распространенный сюжет в мировой мифологии.

Среднеазиатское (южное) влияние на древнее и средневековое население Западной Сибири прослежено в материальной и духовной культуре начиная с эпохи ранней бронзы. Развитие и угасание имеющихся контактов и взаимопроникновение культурных традиций этих сопредельных регионов связано с природно-географическими, климатическими и демографическими факторами.

В эпоху развитой бронзы в Средней Азии помимо крупных скотоводческих объединений начинают формироваться крупные поселения и города на территории современного Узбекистана (Хорезм, Бактрия, Согд), которые оставили после себя огромный пласт материальной культуры, одновременно сочетающий как автохтонные, так и эллинистические черты.

Несомненно, данный феномен интенсивного культурного развития приводил к усиленному культурному обмену и влиянию на весь степной пояс Евразии.

Рассматриваемый регион географически затрагивает территорию Обь-Иртышского междуречья. К данной территории относятся: лесотепная и степная зона (Барабинская лесостепь), а также территория вдоль крупных речных артерий (реки Обь и Иртыш). Основной массив известных в литературе и рассматриваемых нами археологических находок приурочен к территории Барабинской лесостепи, которая занимает значительные пространства Западной Сибири в междуречье Оби и Иртыша. Эта огромная плоская равнина с крайне слабым перепадом высот узкой полосой (шириной чуть более 200 км с севера на юг) простирается на расстояние около 800 км с запада на восток. В широтном направлении по Барабе протекают три крупных реки: Омь, Тартас и Тара, впадающие в р. Иртыш. Еще две реки – Каргат и Чулым – впадают в оз. Чаны [13]. Данный фактор необходимо учитывать при определении контактов древнего и средневекового населения. Река Иртыш, берущая начало на территории Монгольского Алтая, течет с юга на север, являясь своего рода естественной магистралью, в дальнейшем проходя по территории Западно-Сибирской равнины,

имеет ряд удобных с точки зрения логистики притоков. Другая ключевая артерия региона р. Обь, также протекая с юга на север, способствовала контактам населения степного и лесостепного Алтая с более северным населением.

Связь по Иртышу и Оби северных таяжных районов Западной Сибири с южными территориями Центральной Азии способствовала активным контактам и обмену различными продуктами, а также взаимопроникновению идей и культур.

Во времена рассматриваемого хронологического периода (начало I тыс. н.э.) на территории Средней Азии продолжают развиваться крупные города-государства (Хорезм, Бактрия, Согд), по территории этого региона проходил Великий шелковый путь, а древнее население обладало развитым скотоводством и земледелием. Несмотря на историческое угасание, связанное с нашествием воинственных племен, города-государства продолжали оказывать торговое и культурное влияние на соседние народы.

На территории лесостепного Обь-Иртышья складывается сперановский этап потчевашской археологической культуры. Возникновение данной культуры в Прииртышье и Барабинской лесостепи связано с проникновением сюда по акваториям рек Омь, Тартасу и Тара населения из Томско-Нарымского Приобья. Пришлое население адаптируется в условиях Барабы, постепенно затухает связь его с «метрополией», и начинается автономное культурное развитие. Об этом говорит тот факт, что памятники образовавшихся в последующий период на территории Прииртышья и Барабы культур (в частности горностаевский этап потчевашской культуры) и памятники рёлкинской культуры Среднего Приобья существенно отличаются друг от друга [14].

Остеологический материал потчевашских поселений Барабы свидетельствует о том, что потчевашцы имели многоотраслевое хозяйство, а его ведущими направлениями, причем, по-видимому, равнозначными, были отгонное скотоводство и охота. В пользу этого говорит примерно равное количество обнаруженных особей домашних животных с преобладанием лошади и диких, преимущественно лося. Кроме того, поселения расположены в местах, где имелись благоприятные условия для занятия скотоводством и богатые охотничьи угодья [14].

В дальнейшем (VIII–X вв. н.э.) население Барабинской лесостепи подвергнется влиянию со стороны кимаков – носителей сроткинской культуры, населявших территорию Казахстана, Северного Алтая и юга Западной Сибири [15. С. 114–118].

Таким образом, раннесредневековое население Барабинской лесостепи было знакомо с развитым скотоводством, а образы, запечатленные в глине, отражали как хозяйственные, так и мифологические представления (лошадь, лось).

Сосуществование принципиально различных культурных традиций привело в конечном итоге к оформлению двух этнических групп: южных хантов (угорское население) и барабинских татар (тюркское население).

У современных угорских народов (ханты, манси) сохранились представления о коневодстве, а также о

прародине манси. В частности предание, согласно которому конь и всадники обитали в «Южной стране». «Там был город на спине семикрылого железного коня, войлочные дома, стада овец, коров и лошадей» [16. С. 398]. В сказаниях из этой страны происходит верхообский богатырь, который на коне сражался с женщиной-богатырем [16. С. 398], а также верхом на коне он ездил и собирал свое войско [16. С. 409]. Вероятнее всего, данное сказание имеет исторические корни, связанные с лесостепным происхождением обских угров, а представления о лошади сформировались еще во времена расселения предков современных народов.

Вместе с тем схожие с рассматриваемыми нами предметами глиняной пластики вещи обнаружены и на территории Средней Азии (см. рис. 4). Глиняные фигурки лошадей и всадников известны по материалам из памятников современного Узбекистана [17. С. 248; 18. С. 141], а также городищ правобережья Амударьи [19. С. 36; 20. С. 330; 21. С. 48]. Такие предметы встречаются в местонахождениях I в. до н.э. – IV в. н.э. Среднеазиатские терракотовые статуэтки лошадей можно разделить на две группы: с всадником, и без всадника.

Сравнение предметов глиняной пластики этих двух соседних регионов одной исторической эпохи показывает удивительные сходства. Так, фигурки лошадей, несмотря на различную степень их сохранности, выполнены в реалистичной манере с точной передачей деталей, едиными техническими приемами лепки (см. рис. 3, 4). Фигурки в целом, а также их отдельные части тела переданы с соблюдением пропорций. Они небольшие по размерам: средняя длина туловища 4–5 см, около 4 см. Верхняя часть головы прямая, ровная, нижняя – немного изогнутая и переходит в шею. Ноздри животного переданы небольшими вдавлениями. Вертикально стоящие налепы показывают уши зверя. Грива лошадей выполнена либо при помощи защипов по еще сырой глине, либо при помощи налепа тонкой глиняной пластинки. Она довольно большая, в ряде случаев волнистая. Туловище лошадей объемное, вылеплено в виде небольшого цилиндра. В месте перехода от шеи к туловищу – характерный изгиб; спина, как правило, немного прогнута, живот несколько выпуклый. Хвост либо отсутствует, либо передан в виде небольшого защипа или налепа. Ноги лошадей представлены небольшими отростками-налепами, вставленными прямо в туловище палочками или комбинированно – верхняя часть ноги оформлялась глиняным отростком, а уже в него вставлялась палочка. Большинство фигурок по характеру расположения ног изображают животное в статичном положении. Однако есть фигурки, где при помощи развевающей гривы и хвоста, наклона головы и расположения ног передается попытка показать животное в движении.

По стилистике, размерам данные изделия имеют схожие черты с предметами, обнаруженными на памятниках Обь-Иртышья. Основным различием данных фигурок, является возможное отсутствие утилитарных признаков и некоторая грубость обь-иртышских находок, которая, впрочем, может объясняться тем, что изображения животных почитались местным населением.

Кроме того, в среднеазиатских материалах помимо статуэток выделяется значительный пласт иных керамических изделий – очажные подставки, фляги, ритоны и др. [22], в то время как данные изделия не прослеживаются на территории Западной Сибири. Другим выявленным в результате исследований моментом явился тот факт, что, несмотря на значительный по объему материальный источник, глиняные зооморфные статуэтки в Среднеазиатском регионе практически исчезают к IV в. н.э. На территории Барабинской лесостепи такие фигурки встречаются и в более позднее время (горносталевский этап Потчевашской культуры), что свидетельствует о дальнейшем продолжении развития данной традиции в этом регионе. Безусловно, можно видеть в указанной тождественности только некий элемент конвергентности развития культурных процессов, однако вероятно, что практика изготовления глиняной зооморфной пластики интегрировалась в местные реалии более северных территорий, включая в свой репертуар привычных представителей лесостепной и таежной фауны.

Выводы

На данный момент в археологических коллекциях музеев и из специальной литературы известно 63 предмета глиняной пластики происходящие с 7 археологических памятников. В комплексе предметов ранне-средневековой глиняной пластики Обь-Иртышского междуречья воплотился ряд образов, которые часто встречаются в произведениях древнего и современного традиционного народного искусства. Среди них главное место занимают образы различных животных, особенно лошади и лося. При этом в результате анализа степени сохранности глиняных статуэток уста-

новлено, что среди них до сих пор не обнаружено целых изделий. Вместе с тем все выявленные артефакты связаны с поселенческими археологическими комплексами, жилищами и их предочажной частью.

При подробном анализе имеющихся зооморфных фигурок нами были выявлены значительные сходства с подобными изделиями, происходящими с территории среднеазиатских государств. Данные изделия схожи манерой и стилистикой изображений, составом и материалом, степенью сохранности и самое главное – временем бытования, укладываясь в широкие хронологические рамки начала I тыс. н.э.

Наличие развитых контактов между Средней Азией и Обь-Иртышским междуречьем в древности позволяет проследить схожие черты в материальных остатках предметов искусства, происходящих из этих регионов.

Традиция создания зооморфных глиняных статуэток в Среднеазиатском регионе имеет глубокие корни, уходящие в эпоху ранней и развитой бронзы [23]. Учитывая то, что много «южных» элементов было принято угорскими народами, в том числе в искусстве и мифологии [20; 24. С. 237], а также значительный культурный и товарный обмен «степи» и «тайги», вполне вероятно, что традиции запечатления образа лошади в глине (вместе со скотоводством) могли быть восприняты «лесным» потчевашским населением в контексте этого вектора культурного взаимодействия. Фактическое присутствие в мифологии современных угорских народов представлений о коневодстве, наличие на археологических памятниках предметов мелкой глиняной пластики, а также значительное сходство предметов искусства разных регионов между собой могут косвенно свидетельствовать о развитых контактах населения Средней Азии и Обь-Иртышского междуречья в обозначенных хронологических рамках.

Список источников

1. Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш // Древняя история Нижнего Приобья. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 189–220.
2. Мошинская В.И. Об одной категории западно-сибирской мелкой глиняной пластики // Краткие сообщения института археологии. 1973. Вып. 136. С. 83–85.
3. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М. : Наука, 1976. 133 с.
4. Мошинская В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 34–45.
5. Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 466 с.
6. Молодин В.И., Елагин В.С. Глиняная пластика первой половины I тыс. н.э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1984. С. 120–122.
7. Елагин В.С., Молодин В.И., Соболев В.И. Глиняная пластика н. I тыс. н.э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 159–164.
8. Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск : Наука, 1991. 126 с.
9. Дубко В.В., Козлов В.М., Коников Б.А. Археологический комплекс у д. Паново // Археология Западной Сибири. Омск : Изд-во ОмГУ, 1988. С. 24–29.
10. Адамов А.А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья // Обские угры : материалы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 1999. С. 218–221.
11. Таскаева Н.А. Глиняные изделия с городища Долговское 1 // Диалог культур и цивилизаций : материалы XI Всерос. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск : Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 28–29.
12. Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 271 с.
13. Молодин В.И. Природные оазисы в Барабинской лесостепи как основа жизнеобеспечения древнего человека // Экология древних и традиционных обществ : материалы 5 Междунар. науч. конф. (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 121–124.
14. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 173 с.
15. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
16. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Наука, 1990. 568 с.
17. Пугаченкова Г.А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Материалы и исследования по археологии СССР № 130. М. : Наука, 1965. С. 248–252.
18. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М. : Наука, 1982. 288 с.
19. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент : Изд-во Академии наук УзССР, 1960. 228 с.
20. Бурханов А.А. Зооморфные терракотовые статуэтки из поселений Лебапского региона (к проблеме изучения художественной культуры побережья среднего течения Амударьи в древности и средневековье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7. С. 114–125.
21. Бурханов А.А. Коропластика Лебапа (по материалам историко-археологических исследований в бассейне Средней Амударьи в пределах области Амуля). Казань : Изд-во ТГГПУ, 2007. 48 с.

22. Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV до н.э. – IV н.э. СПб., 2016. 610 с.
23. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 558 с.
24. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 245 с.

References

1. Moshinskaya, V.I. (1953) Gorodishche i kurgany Potchevash [The ancient settlement and burial mounds of Potchevash]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob Region]. Moscow: USSR AS. pp. 189–220.
2. Moshinskaya, V.I. (1973) Ob odnoy kategorii zapadno-sibirskoy melkoy glinyanoy plastiki [On one category of West Siberian small clay sculpture]. In: Kruglikova, I.T. (ed.) *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. Vol. 136. Moscow: Nauka. pp. 83–85.
3. Moshinskaya, V.I. (1976) *Drevnyaya skulptura Urala i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Sculpture of the Urals and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
4. Moshinskaya, V.I. (1979) Nekotorye dannye o roli loshadi v kul'ture naseleniya kraynego severa Zapadnoy Sibiri [Some data on the role of the horse in the culture of the population of the far north of Western Siberia]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri* [History, Archeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–45.
5. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitoem srednevekov'e* [Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
6. Molodin, V.I. & Elagin, V.S. (1984) Glinyanaya plastika pervoy poloviny I tys. n.e. iz Barabinskoy lesostepi [Clay sculpture of the first half of the 1st millennium AD from the Baraba forest-steppe]. In: *Skifo-sibirskiy mir: Iskustvo i ideologiya* [Scythian-Siberian World: Art and ideology]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 120–122.
7. Elagin, B.C., Molodin, V.I. & Sobolev, V.I. (1987) Glinyanaya plastika n. I tys. n.e. iz Barabinskoy lesostepi [Clay sculpture of the 1st millennium AD from the Baraba forest-steppe]. In: *Skifo-sibirskiy mir: Iskustvo i ideologiya* [Scythian-Siberian World: Art and ideology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 159–164.
8. Elagin, V.S. & Molodin, V.I. (1991) *Baraba v nachale I tysyacheletiya n. e.* [Baraba at the Beginning of the First Millennium A.D.]. Novosibirsk: Nauka.
9. Dubko, V.V., Kozlov, V.M. & Konikov, B.A. (1988) Arkheologicheskiy kompleks u d. Panovo [Archaeological Complex near the Village of Panovo]. In: *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri* [Archaeology of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 24–29.
10. Adamov, A.A. (1999) [Clay anthropomorphic figurine from the Irtysh Region]. *Obskie ugry* [Ob Ugrians]. Proceedings of the 2nd Siberian Symposium Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri [Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia]. Tobolsk. 12–16 December 1999. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 218–221. (In Russian).
11. Taskaeva, N.A. (2010) [Clay Products from the Dolgovskoye 1 Fortified Settlement]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue of Cultures and Civilizations]. Proceedings of the 11th All-Russian Conference. Tobolsk. 12–14 March 2010. Tobolsk: D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. pp. 28–29. (In Russian).
12. Nesterova, M.S. (2019) *Ochazhnye ustroystva v epokhu paleometalla (Zapadnaya Sibir')* [Fireplace Devices in the Paleometal Era (Western Siberia)]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
13. Molodin, V.I. (2016) [Natural oases in the Baraba forest-steppe as the basis for the life support of ancient man]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of Ancient and Traditional Societies]. Proceedings of the 5th International Conference. Vol. 5. Part 2. Tyumen. 7–11 November 2016. Tyumen: Tyumen State University. pp. 121–124. (In Russian).
14. Molodin, V.I., Savinov, D.G. & Elagin, V.S. (1988) *Baraba v tyurkskoye vremya* [Baraba in the Turkic Era]. Novosibirsk: Nauka.
15. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyetyurkskuyu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Era]. Leningrad: Leningrad State University.
16. Novik, E.S. (ed.) (1990) *Mify, predaniya, skazki khandov i mansi* [Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.
17. Pugachenkova, G.A. (1965) Ob odnoy gruppe lepykh terrakotovyykh statuetok Tokharistana [On one group of molded terracotta figurines of Tokharistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 130. pp. 248–252.
18. Pugachenkova, G.A. & Rempel, L.I. (1982) *Ocherki iskusstva Sredney Azii* [Essays on the art of Central Asia]. Moscow: Nauka.
19. Al'baum, L.I. (1960) *Balalyk-tepe. K istorii material'noy kul'tury i iskusstva Tokharistana* [Balalyk-tepe. On the history of material culture and art of Tokharistan]. Tashkent: UzSSR AS.
20. Burkanov, A.A. (2010) Zoomorfnye terrakotovye statuetki iz poseleniy Lebapskogo regiona (k probleme izucheniya khudozhestvennoy kul'tury poberezh'ya srednego techeniya Amudar'i v drevnosti i srednevekov'e) [Zoomorphic terracotta figurines from settlements of the Lebab region (on the problem of studying the artistic culture of the coast of the middle reaches of the Amu Darya in ancient times and the Middle Ages)]. *Vestnik NGU, seriya Istoriya, filologiya*. 7 (9). pp. 114–125.
21. Burkanov, A.A. (2007) *Koroplastika Lebapa (po materialam istoriko-arkheologicheskikh issledovaniy v bassejne Sredney Amudar'i v predelakh oblasti Amulya)* [Coroplastics of Lebab (Based on the materials of historical and archaeological research in the basin of the Middle Amu Darya within the Amul region)]. Kazan: Tatar State University of Humanities and Education.
22. Dvurechenskaya, N.D. (2016) *Terrakotovaya plastika drevneyshikh gosudarstv Sredney Azii IV do n. e. – IV n. e.* [Terracotta Plastic Art of the Most Ancient States of Central Asia 4 BC – 4 AD]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
23. Kuz'mina, E.E. (2008) *Arii – put' na yug* [Aryans – the Way to the South]. Moscow: Letniy sad.
24. Kosarev, M.F. (1984) *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in Antiquity]. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Ломов П.К. – аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: lomov90@mail.ru

Головченко Н.Н. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.K. Lomov, postgraduate student, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: lomov90@mail.ru

N.N. Golovchenko, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 94(510)(=091)+(045)
doi: 10.17223/15617793/505/17

История основания и функционирования зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цзилинь (с 1991 г. по настоящее время)

Светлана Борисовна Макеева¹

¹ *Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, msbmag9581@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается эволюция зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цзилинь с 1991 г. по настоящее время на основе изучения китайязычного материала базы Китайской ассоциации зон развития. В ходе исследования истории основания и функционирования зон развития в провинции Цзилинь было выделено несколько этапов: с 1991 по 1999 г., с 2000 по 2012 г. и с 2013 г. по настоящее время. В результате было установлено, что начиная с 1991 г. по настоящее время на территории провинции Цзилинь основано 73 зоны развития, которые являлись фундаментом инновационной модели возрождения Северо-Восточного Китая.

Ключевые слова: экономическая история; Китай; северо-восток; провинция Цзилинь, зона экономического развития; народное хозяйство; промышленность

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00276, <https://rscf.ru/project/24-28-00276/>

Для цитирования: Макеева С.Б. История основания и функционирования зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цзилинь (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 161–171. doi: 10.17223/15617793/505/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/17

History of the establishment and operation of economic development zones in the Chinese northeastern province Jilin (1991 to present)

Svetlana B. Makeeva¹

¹ *Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, msbmag9581@yandex.ru*

Abstract. The article examines the evolution of economic development zones in the Chinese northeastern province of Jilin from 1991 to the present, based on a study of Chinese-language material from the database of the Chinese Association of Development Zones. The article uses the main historical sources characterizing the history of the founding and functioning of economic development zones in Jilin in the period from 1991 to the present: reports on the opening of economic development zones, materials of inspection trips of representatives of the People's Government of Jilin Province to development zones. The main research methods in preparing the article were: the diachronic method, which made it possible to present the opening and functioning of economic development zones in Jilin Province as a stage-by-stage historical process, and the synchronous method contributed to the study of the totality of various events in the regional economic history of the province in question, related to the founding and activities of economic development zones. As part of the study of the history of the founding and functioning of development zones in Jilin Province, several stages were identified: from 1991 to 1999, from 2000 to 2012, and from 2013 to the present. The history of the regional economic development of Jilin Province since the beginning of the twentieth century was determined by the effective functioning of economic zones. From 1991 to the present, 73 development zones were founded in this province, which were the foundation of the innovative model for the revival of Northeast China. For three decades, the process of creating development zones in Jilin Province was under the control of the State Council of the People's Republic of China and the People's Government of Jilin Province. The study found that from 1991 to the present development zones were the foundation of the innovative revitalization model of Northeast China. By the beginning of the 1990s, Jilin Province was characterized by low rates of economic growth and the predominance of state-owned enterprises. Between 1991 and 1999 various economic development zones were established in Jilin Province, which laid a solid foundation for the transformation of the national economy. In just 12 years, 42 economic zones were opened in the province. Most of the zones specialized in the development of the food and pharmaceutical industries and agriculture. The creation of economic zones in the chemical, metallurgical, textile, woodworking, and automotive industries was supported. Innovative directions in the functioning of economic zones began to appear, such as the production of organic food, restaurant business and tourism, the development and implementation of biotechnologies in agriculture, the production of new energy sources and new materials, industrial art, postal services, and the modern packaging

industry. For the economic development of northeastern Jilin Province since 2013 a period of vigorous action has begun to overcome the state of development with low growth rates. In total, from 2013 to the present, 14 economic zones have been opened in Jilin Province, the main activities of which were the production of organic food, the biopharmaceutical industry, and the wood processing industry.

Keywords: economic history, China, northeast, Jilin Province Economic Development Zone, national economy, industrial development

Financial support: The study was funded by the Russian Science Foundation, Grant No. 24-28-00276, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/>

For citation: Makeeva, S.B. (2024) History of the establishment and operation of economic development zones in the Chinese northeastern province Jilin (1991 to present). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 161–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/17

Введение

История регионально-экономического развития провинции Цилинь определялась эффективным функционированием различных экономических зон. Начиная с 1991 г. и по настоящее время на территории данной провинции было основано 73 зоны развития, среди которых стоит выделить зоны развития провинциального уровня или «зоны экономического развития» (省级开发区), зоны экономического развития общегосударственного уровня (国家级经开区), зоны освоения новых и высоких технологий общегосударственного уровня (国家级高新区), свободные таможенные зоны (海关特殊监管区), зоны приграничного сотрудничества (边合作区), Новый район развития общегосударственного уровня (国家级新区), зона инноваций общегосударственного уровня (国家级自创区), зона взаимодействия с другим государством (其他国家级). Данные зоны развития являлись фундаментом инновационной модели возрождения Северо-Восточного Китая. В целях ускорения темпов высококачественного развития Народное правительство провинции Цилинь в конце 2021 г. объявило о реализации «шести новых векторов» региональной экономики: альтернативные источники энергии, новое оборудование, инновационные материалы, современное сельское хозяйство, новый туризм и электронная коммерция. Инновационное экономическое развитие провинции Цилинь взаимосвязано с цифровой трансформацией, интеллектуальной модернизацией и региональным строительством.

На протяжении трех десятилетий процесс создания зон развития в провинции Цилинь находился под контролем Государственного совета КНР, Народного правительства провинции Цилинь. В 1993 г. при содействии Министерства гражданской администрации Госсовета КНР и Управления по делам особых экономических зон Госсовета КНР была создана Китайская ассоциация зон развития (中国开发区协会), которая комплектовала всю основную информацию по опыту функционирования зон в различных китайских регионах [1].

В современной отечественной историографии в работах Г.Б. Дудченко, Г.К. Казакова уделяется особое внимание изучению развития китайской провинции Цилинь [2, 3]. Китайские исследователи Ван Цзиньсун, Цзинь Жисюэ, Ли Чуньцзи, Цуй Сюйцзя, Сюй Цзя проводят комплексный анализ пространственного развития провинции Цилинь [4–6].

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цилинь с 1991 г. по настоящее время на основе изучения китайязычного материала базы Китайской ассоциации зон развития.

В работе использованы основные исторические источники, характеризующие историю основания и функционирования зон экономического развития в китайской северо-восточной провинции Цилинь в период с 1991 г. по настоящее время: отчеты об открытии зон экономического развития, материалы инспекционных поездок представителей Народного правительства провинции Цилинь в зоны развития. Перечисленные исторические документы содержатся в базе данных Китайской ассоциации зон развития [1].

Основными методами исследования при подготовке статьи являлись диахронный метод, позволивший представить открытие и функционирование зон экономического развития в провинции Цилинь как поэтапный исторический процесс; синхронный метод способствовал изучению совокупности различных событий в регионально-экономической истории рассматриваемой провинции, связанных с основанием и деятельностью зон экономического развития.

Создание зон экономического развития в провинции Цилинь в 1990-е гг.

Исторический период регионально-экономического развития КНР с 1991 по 1999 г. характеризуется пересмотром стратегии регионального несбалансированного развития, при которой преимущественное внимание уделялось росту экономики Восточного региона за счет привлечения значительного потока внутренних и внешних инвестиций и открытия зон экономического развития. Успешный опыт, связанный с ростом социально-экономического потенциала восточных провинций, был использован в других китайских регионах, в том числе и в провинциях депрессивного Северо-Восточного региона. К началу 1990-х гг. провинция Цилинь характеризовалась низкими темпами экономического роста, преобладанием государственных предприятий. В период с 1991 по 1998 г. были основаны различные зоны экономического развития в провинции Цилинь, которые заложили прочный фундамент для трансформации народно-хозяйственного комплекса в сфере пищевой и химической промышленности, фармацевтики, автомобилестроения, а также

решения социальных проблем городской и сельской местности северо-востока.

В марте 1991 г. на территории провинции Цзилинь была открыта первая зона освоения новых и высоких технологий Чанчунь общегосударственного уровня, которая являлась одной из 20 ключевых зон такого профиля в целом по стране. Преимущественной отраслью в данной зоне выступала биофармацевтическая промышленность. В структуру зоны входили ведущие предприятия Changchun High-tech, Kinsey Pharmaceuticals, Beike Biologics и Dirui Medical. Всего в зоне насчитывалось 783 медицинских объединения. В состав зоны Чанчунь были включены такие крупные объекты, как международный фармацевтический промышленный парк «Jinsai Pharmaceutical», Чанчуньский высокотехнологичный биофармацевтический промышленный парк, компания по производству биологических вакцин «Байке» и Чанчуньский высокотехнологичный промышленный парк «Great Health». К 2021 г. в зоне Чанчунь функционировали 181 высокотехнологичное предприятие и 70 специализированных предприятий муниципального уровня. Кроме того, насчитывалось 35 бизнес-инкубаторов для поддержки предпринимательства в провинции Цзилинь и 71 научно-исследовательское объединение для разработки инновационных методов. С 2021 г. в данной зоне был принят «Пятилетний план действий по зеленому развитию зоны новых и высоких технологий Чанчунь». За 30 лет интенсивного развития Чанчуньская зона высоких технологий сформировала множество характерных индустриальных кластеров по направлениям биофармацевтика, медицинское оборудование, традиционные китайские лекарственные средства и фармацевтическая химия. В целях содействия высококачественному развитию фармацевтической промышленности зона Чанчунь определяла в качестве основной стратегии «оптимизацию промышленной экологической среды и содействие высококачественному развитию». Ведущее место в структуре зоны Чанчунь занимала «Чанчуньская медицинская долина», развитие которой поддерживала не только администрация города Чанчунь, но и провинциальные власти. Еще одним направлением деятельности предприятий данной зоны выступали регулярные работы по обследованию рек провинции Цзилинь. С начала 2000-х гг. проводились инспекции строительства речных каналов вдоль рек Фууй и Юнчунь. Уделялось особое внимание подготовке берегов рек к сезону паводков. К 2022 г. зона освоения новых и высоких технологий Чанчунь заняла 27-е место среди 169 зон высоких технологий по всей стране и 1-е место в Северо-Восточном регионе по оценкам Министерства науки и технологий КНР таких параметров, как инновационный потенциал, предпринимательская деятельность, экологическая направленность и международная конкурентоспособность [7].

Одной из первых зон развития провинциального уровня или «зон экономического развития», открытых в провинции Цзилинь, являлась зона экономического развития Дэхуэй, которая была основана в августе 1992 г. и специализировалась на сельском хозяйстве и

пищевой промышленности. В октябре 1992 г. была открыта зона экономического развития в Чанбай-Корейском автономном уезде. Основными отраслями в данной зоне выступали пищевая промышленность, фармацевтическое производство, изготовление неметаллических минеральных продуктов. Особое значение в данной зоне уделялось вопросам снижения бедности за счет вовлечения населения сельской местности в развитие промышленного производства, электронной коммерции и разработку инновационных аграрных отраслей [8].

В ноябре 1992 г. была открыта зона освоения новых и высоких технологий Цзилинь общегосударственного уровня, ориентированная на лесную промышленность. Ведущая роль в данной зоне отводилась жилищному строительству в городских и сельских районах, защите лесных ресурсов и охране окружающей среды [9]. Также в ноябре 1992 г. была открыта зона экономического развития Линьцзян, специализировавшаяся на деревообрабатывающей промышленности и фармацевтическом производстве.

В апреле 1993 г. на территории провинции Цзилинь была учреждена зона технико-экономического развития Чанчунь общегосударственного уровня, основными направлениями деятельности которой выступало сельское хозяйство, пищевая промышленность и автомобилестроение. За весь период функционирования зоны было открыто 643 предприятия, в том числе 144 промышленных предприятия, 195 строительных организаций, 22 предприятия по эксплуатации недвижимости, 178 предприятий оптово-розничной торговли и общественного питания, 104 предприятия сферы услуг. В процесс функционирования зоны технико-экономического развития Чанчунь были привлечены не только внутренние инвестиции, но и иностранный капитал. Было разработано 100 научно-технических инновационных проектов для зоны технико-экономического развития Чанчунь при содействии научно-исследовательских организаций провинции Цзилинь. К 2021 г. зона технико-экономического развития Чанчунь заняла 1-е место среди таких зон в провинции Цзилинь и 28-е место в целом по стране. За последние годы в данной зоне были открыты предприятия оптоэлектроники, что стало особым достижением экономического развития провинции Цзилинь [10].

В ноябре 1993 г. были открыты зона экономического развития Даань, специализировавшаяся на сельском хозяйстве, пищевой промышленности, производстве специального оборудования, и зона экономического развития Цзиань, ориентированная на пищевую промышленность и фармацевтическое производство. В июне 1994 г. в провинции Цзилинь появилась зона экономического развития Дуньхуа, ориентированная на пищевую промышленность, деревообработку, фармацевтическое производство. В январе 1995 г. была открыта зона экономического развития Тумэн, в основе деятельности которой лежало производство компьютеров, средств связи и другого электронного оборудования.

В апреле 1998 г. на территории провинции Цзилинь была создана зона экономического развития Юнцзи по

производству автомобилей и специального оборудования. В декабре 1998 г. была основана зона экономического развития Лунтань, в которой преимущественными отраслями выступали химическая промышленность и автомобилестроение. В декабре 1998 г. была создана зона экономического развития Сыпин, ориентированная на фармацевтическое производство и автомобилестроение. Зона Сыпин являлась основной территорией по инновационному развитию в центральном районе провинции Цзилинь, так как обладала очевидными преимуществами в транспортном расположении и индустриальном потенциале [11–13].

Всего за период с 1991 по 1998 г. в провинции Цзилинь было открыто 17 экономических зон, основными направлениями деятельности которых являлись пищевая промышленность, автомобилестроение, биофармацевтическая индустрия, сельское хозяйство и деревообрабатывающая промышленность. Единично были представлены такие отрасли, как лесная и химическая промышленность. Инновационными направлениями деятельности экономических зон провинции Цзилинь выступали изготовление неметаллических минеральных продуктов, производство компьютеров, средств связи и другого электронного и специального оборудования, а также регулярные работы по обследованию рек провинции Цзилинь.

Создание зон экономического развития в провинции Цзилинь с 2000 по 2012 г.

Период с 2000 по 2012 г. в регионально-экономическом положении КНР характеризуется переходом к реализации стратегии регионального скоординированного развития, при котором были разработаны и внедрены программы усиления Западного региона, сохранения темпов экономического роста Восточного региона, возрождения Северо-Восточного региона и подъема Центрального региона. Северо-восточные провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь были вовлечены в процесс возрождения старой промышленной базы. Характеризуя состояние народно-хозяйственного комплекса Китая в первые десятилетия XXI в. на примере провинции, Цзилинь стоит отметить сохранение низких темпов экономического роста и начало всеобщей трансформации провинции в условиях принятия программы в 2003 г. по возрождению старой промышленной базы на северо-востоке Китая [14, 15]. Ведущее место в процессе промышленного возрождения Северо-Восточного Китая отводилось открытию зон экономического развития. Для провинции Цзилинь период с 2000 по 2012 г. характеризуется основанием множества зон экономического развития как провинциального, так и общегосударственного уровня.

В апреле 2000 г. была основана зона экспортной обработки Хуньчунь, в которой развивались такие отрасли, как рыболовство, деревообрабатывающая и строительная промышленность, транспортно-логистические услуги. Ведущее значение в функционировании данной зоны придавалось логистике, обеспечению импортных и экспортных операций, таможенному скла-

дированию и международному транспортному экспедированию грузов. Зона Хуньчунь являлась одной из первых 15 экспериментальных зон экспортной обработки в стране, одобренных Государственным советом КНР в 2000 г. В мае 2016 г. Народное правительство провинции Цзилинь обратилось в Госсовет с просьбой объединить и оптимизировать зону экспортной обработки Хуньчунь в свободную таможенную зону. 18 апреля 2018 г. Госсовет одобрил интеграцию и оптимизацию данной зоны. 26 февраля 2019 г. Главное таможенное управление официально поддержало основание свободной таможенной зоны Хуньчунь, которая стала второй такой зоной в провинции Цзилинь. В настоящее время она является зоной с самым высоким уровнем открытости, преференциальной политикой в провинции Цзилинь. Осуществляется строительство государственного логистического центра сухопутного приграничного портового типа, связующего звена между городскими, сельскими районами и портами, внутренними и зарубежными аэропортами. Зона Хуньчунь преобразуется в региональный логистический центр Северо-Восточной Азии, комплекс трансграничной электронной коммерции. Развитие свободной таможенной зоны Хуньчунь способствует экологической трансформации, модернизации и высококачественному развитию традиционных отраслей, таких как переработка морепродуктов и изготовление изделий из древесины. Свободная таможенная зона Хуньчунь стала новой платформой для открытия провинции Цзилинь внешнему миру [16].

В сентябре 2001 г. была основана зона экономического развития Куаньчэн, которая ориентировалась на функционирование сельского хозяйства, пищевой промышленности и автомобилестроения. Зона Куаньчэн имела прочную промышленную основу, очевидные преимущества местоположения и превосходную инвестиционную базу. За 20 лет существования зона превратилась в рыночно ориентированную, правовую и международную бизнес-среду. В декабре 2001 г. на территории провинции Цзилинь была создана зона экономического развития Ляоюань с преобладающими отраслями текстильной и швейной промышленности, а также фармацевтического производства. На момент создания зоны в ней было всего 5 зданий и 27 предприятий, а главным проектом было производство и переработка хлопковых носков. С 2005 по 2008 г. зона развития расширялась самыми быстрыми темпами. В состав зоны вошло 1 247 компаний, из них 381 компания электронной коммерции [17, 18].

В феврале и мае 2002 г. были основаны зона экономического развития Цзинъюэ и зона экономического развития Мэйхэкоу, специализировавшиеся на пищевой промышленности и фармацевтике. В ноябре 2002 г. была открыта зона экономического развития Чаоян с такими основными отраслями, как сельское хозяйство, пищевая промышленность и автомобилестроение. В это же время также была основана зона экономического развития Пяньши, специализировавшаяся на фармацевтическом производстве, выплавке цветных металлов, ремонте машин и оборудования.

Кроме того, ведущей отраслью данной зоны выступала медико-санитарная деятельность. В период с 2003 по 2020 г. при поддержке Народного правительства провинции Цзилинь решался вопрос о выделении дополнительных земельных участков для развития предприятий данной зоны, чтобы продолжилось внедрение инноваций, разрабатывались новые виды продукции, расширились производственные линии, увеличивалась стоимость продукции. Особое значение в рамках зоны Паньши уделялось запуску трех проектов в области медицины и здравоохранения: проект по производству продуктов серии противомикробных средств тауролидина компании Jilin Mailing Pharmaceutical, проект по производству продуктов для здоровья Shunxingtang и противовирусных таблеток Jukang Pharmaceutical [19, 20].

На территории провинции Цзилинь в ноябре 2002 г. была открыта зона экономического развития Хуадянь, в основе деятельности которой лежала пищевая промышленность и фармацевтическое производство. С годами структурные направления функционирования зоны были расширены и стали включать в себя туризм, изготовление новых материалов и производство новых источников энергии. Также в ноябре 2002 г. была создана зона экономического развития Байшань, в основе которой изначально лежало фармацевтическое производство. В рамках данной зоны оказывалось содействие росту частных предприятий. Особое влияние на функционирование зоны Байшань оказало стремление китайского правительства к построению экологической цивилизации. В рамках зоны предприятия придерживались концепции охраны окружающей среды и зеленого развития. В зоне реализовывался проект по строительству «лесного, промышленного и инновационного города», где основополагающим была традиционная китайская медицина, биофармацевтическая промышленность, производство медицинского оборудования, индустрия здорового питания, изготовление новых материалов, легкая текстильная промышленность, современная упаковочная промышленность и индустрия культурного туризма. Системообразующими предприятиями зоны Байшань стали выступать заводы по изготовлению каменно-полимерной плитки, производственная линия по глубокой переработке сладкой лилии (Лилия Ланьчжоу *Lilium davidii*) горы Чанбайшань и другие крупные проекты. Кроме того, в ноябре 2002 г. на территории провинции Цзилинь была основана зона экономического развития Гунчжулин, ориентированная на промышленность нерудных строительных материалов и автомобилестроение. В рамках данной зоны производили изделия для интерьера автомобилей, отлитых под давлением.

В 2003 г. на территории провинции Цзилинь продолжалось открытие новых экономических зон. Только в июне были основаны индустриальный парк камнелитейного производства Цзяохэ, специализировавшийся на промышленном искусстве, изготовлении спортивных и развлекательных товаров; зона экономического развития Фэнмань с отраслями пищевой и фармацевтической промышленности; зона экономического развития Шуанъян, специализировавшаяся на

фармацевтическом производстве. Создание в это же время зоны экономического развития Луюань сыграло огромное значение в росте производственного потенциала провинции Цзилинь. В основе развития данной зоны лежало производство железнодорожного, судостроительного, аэрокосмического и другого транспортного оборудования. В структуру зоны Луюань входило 389 предприятий. В рамках данной зоны уделялось главное внимание производству оборудования для железнодорожного транспорта и автозапчастей. С 2021 г. проводилась работа по созданию в рамках данной зоны образцово-показательного кредитного парка для построения системы социального кредитования в провинции Цзилинь.

В июле 2003 г. в провинции Цзилинь была основана зона экономического развития Юйшу на территории г. Чанчунь. Здесь развивалось сельское хозяйство, пищевая и химическая промышленность. С 2018 г. зона Юйшу начала ориентироваться на инновационное экономическое развитие и привлечение внутренних и внешних инвестиций. Обладая значительным промышленным потенциалом и ресурсными преимуществами, зона экономического развития Юйшу сосредоточила внимание на функционировании таких производственных парков, как парк химической промышленности, в котором доминировали предприятия по глубокой переработке кукурузы; парк биофармацевтики; парк по переработке спиртных напитков; парк по производству непивной биомассы. Благодаря интенсивному объединению перечисленных парков в рамках зоны Юйшу была увеличена добавленная стоимость продукции предприятий и расширены производственные цепочки. Также в июле 2003 г. была создана зона экономического развития Цзютай на территории города Чанчунь, специализировавшаяся на фармацевтическом производстве. Быстрый рост данной зоны требовал выделения дополнительных земельных ресурсов для развития Цзютай. В ходе проведения территориально-пространственного планирования к 2021 г. было принято решение о выделении территории под новые застройки, так как зона Цзютай добилась высоких показателей социально-экономического развития. Стратегия данной зоны была ориентирована на «построении трех районов, усилении четырех поясов и создании пяти отраслей», уделяя особое внимание выгодным отраслям, инновационным моделям обслуживания, стимулированию жизнеспособности рынка и содействию строительства промышленных предприятий в городе Чанчунь. Примером успешного функционирования предприятий в рамках зоны Цзютай выступала деятельность компаний Jianhua Building Materials (Jilin) Co.Ltd. и железнодорожного проекта Цзилинь-Хунчунь. Зона Цзютай опиралась на преимущества местоположения, удобную транспортную развязку, промышленную инфраструктуру и другие положительные факторы.

В июле 2005 г. на территории провинции Цзилинь был открыт район концентрации промышленного производства Люхэ. В данном районе получили развитие пищевая промышленность и фармацевтическое производство. В сентябре 2005 г. были созданы зона

промышленно-экономического развития Цзяньюань, специализировавшаяся на производстве тепловой энергии и снабжении предприятий; зона экономического развития Итун-Маньчжурского автономного уезда, ориентировавшаяся на добычу нефти и газа, автомобилестроение; зона экономического развития Шулань, в основе которой лежали такие отрасли, как сельское хозяйство и пищевая промышленность, производство экологически чистых продуктов питания. В ноябре 2005 г. на территории провинции Цзилинь были основаны район концентрации промышленного производства Фуэй, специализировавшийся на сельском хозяйстве и пищевой промышленности; зона экономического развития Цзюйсинь в г. Тунхуа, ориентировавшаяся на развитие пищевой и фармацевтической промышленности и выплавке цветных металлов; зона экономического развития Дунляо, специализировавшаяся на развитии сельского хозяйства, производстве оборудования; особая экономическая зона альтернативных источников энергии Ляоюань, ориентированная на производство автомобилей. В декабре 2005 г. был основан район концентрации промышленного производства Лунцзин, специализировавшийся на сельском хозяйстве, пищевой и фармацевтической промышленности. Также в декабре 2005 г. была открыта зона экономического развития Таонань, основу которой составляли сельское хозяйство, химическая и пищевая промышленность, фармацевтическое производство, ремонт машин и оборудования. В данной зоне уделялось ведущее внимание экологической экспертизе и проектированию предприятий. К 2020 г. в зоне Таонань был запущен проект производственного парка по изготовлению биоразлагаемого картона, проект по переработке овса с годовой производительностью 60 тыс. т, проект комплексной утилизации соломы, проект строительства лесного парка Сихай. В октябре 2008 г. на территории провинции была основана образцово-показательная зона циклической экономики Цзилинь, специализировавшаяся на химической промышленности [21].

Процесс открытия различных зон экономического развития продолжился и в 2010 г. В апреле сформировалась зона технико-экономического развития Цзилинь общегосударственного уровня, системообразующими отраслями которой выступали химическая промышленность и фармацевтическое производство. К 2021 г. в данной зоне был запущен специальный проект по борьбе с незаконным занятием сельскохозяйственных угодий в сельской местности под строительство домов и теплиц. В рамках зоны развития Цзилинь проходили совещания по вопросам производственной безопасности и предотвращению наводнений. К 2022 г. данная зона начала ориентироваться на строительство нового чистого промышленного города. Активно проводились работы по очистке окружающей среды и вывозу мусора, благоустройству реки Синьли, озеленению территории.

Зона Цзилинь увеличила инвестиции в защиту окружающей среды и усовершенствование оборудования. Только в 2021 г. более 7 млн юаней было потрачено на приобретение 6 новых снегоуборочных машин, 2 машин

для вывоза мусора, 4 самосвалов, а также обновлено 900 мусорных контейнеров. Был накоплен опыт по комплексному управлению городским хозяйством в провинции Цзилинь. В ноябре 2010 г. была создана на территории провинции Цзилинь зона технико-экономического развития Хунцзуй общегосударственного уровня в г. Сыпин, в основе которой лежала отрасль пищевой промышленности, сфера по выплавке черных металлов и производству специального оборудования. Также в этот год была открыта зона освоения новых и высоких технологий Яньцзи, специализировавшаяся на ресторанном бизнесе.

В декабре 2010 г. была основана уникальная зона технико-экономического автомобильного развития общегосударственного уровня в г. Чанчунь, ориентированная только на машиностроение. За время существования данной зоны было успешно реализовано 64 проекта отрасли новой энергетики, производства автозапчастей, различного высокотехнологичного оборудования, современной сферы услуг с общим объемом инвестиций около 44 млрд юаней. В этой зоне была создана уникальная модель промышленного развития, основанная на производстве транспортных комплектующих, вспомогательного оборудования, внедрении инноваций, поддержании межрегиональных связей и взаимодействии промышленных предприятий и городской среды. К 2022 г. в зоне технико-экономического автомобильного развития Чанчунь были запущены такие крупные проекты, как проект Audi FAW New Energy Vehicles по производству электромобилей с объемом инвестиций в 35,8 млрд юаней и проект FAW Fudi Power Battery по производству тяговых аккумуляторов с объемом инвестиций в 13,5 млрд юаней. Подписание, реализация, завершение и ввод в эксплуатацию каждого проекта позволили Чанчуньской автомобильной зоне развития построить прочную основу автомобильной промышленности и запустить основные автомобильные бренды: FAW Hongqi, FAW Jiefang, FAW Besturn, FAW Volkswagen, FAW Fengyue и Audi FAW New Energy, а также способствовали эффективному функционированию более 400 компаний по производству запчастей, таких как FAW Fuwei, Fusheng, Fuaao, BYD, Magna и т.д. [22].

В 2011 г. на территории провинции Цзилинь была создана свободная таможенная зона Синлун с особым налоговым и таможенным режимом, которая специализировалась на почтовых и других бизнес-услугах. Ведущее место в данной зоне отводилось Центру грузовых перевозок провинции Цзилинь, который обеспечивал бесперебойное сообщение с аэропортами в Пекине, Шанхае, Чжэнчжоу, Даляне и с другими регионами. Этот Центр являлся единственным центром комбинированных авианаземных перевозок в провинции Цзилинь. Ежегодно в зоне Синлун проходили новогодние фестивали импортных товаров. Только за 2018 г. автомобильными рейсами было ввезено более 1000 т товаров. Объем импорта и экспорта составил 500 млн юаней. 18 декабря 2018 г. в данной бондовой зоне появилась первая в Китае платформа отслеживания и детального контроля импортируемой и экспортируемой сельскохозяйственной продукции. Также в

2011 г. была создана зона экономического развития Дунфэн, в основе которой лежали отрасли пищевой, текстильной и швейной промышленности, а также комплекс по выплавке черных металлов [23].

Зона освоения новых и высоких технологий Цзинъюэ, открытая в августе 2012 г. в г. Чанчунь, имела статус общегосударственного значения и специализировалась на разработке и внедрении биотехнологий в сельское хозяйство. В данной зоне реализовывалось 38 инвестиционных проекта, в том числе 22 с общим объемом инвестиций 18 млрд юаней и 16 проектов с объемом в 6 млрд юаней. В рамках данной зоны осуществлялось сотрудничество с Китайской академией сельскохозяйственных наук по открытию «Центра аграрных исследований территории умеренного пояса», «Объединенной открытой биологической лаборатории Хусянь Цзяньтоу», которые выступали в роли региональных инновационных сельскохозяйственных центров в стране. Китайское правительство и Китайская академия сельскохозяйственных наук, развивая зону Цзинъюэ в провинции Цзилинь, ориентировались на внедрение современных исследований, таких как трансгенные технологии, «умная» селекция, комплексное использование бесплодных почв и технологии биосинтеза. В начале 2024 г. на территории данной зоны был проведен Саммит по биотехнологиям и индустрии здравоохранения, посвященный биоэкономике, продовольственной безопасности и качеству сельскохозяйственной продукции.

Зона экономического развития Чжэньлай, созданная в июне 2012 г., была ориентирована на развитие таких приоритетных экономических сфер в провинции Цзилинь, как сельское хозяйство и утилизация отходов пищевой промышленности, производство экологически чистых продуктов питания, а также фармацевтика. В состав зоны входило 12 предприятий. Зона Чжэньлай была ориентирована на создание хорошей деловой среды, постоянное привлечение инвестиционных проектов, корректировку промышленной структуры и содействие быстрому экономическому росту. Одними из крупных проектов данной зоны экономического развития являлись проект озеленения и реконструкции тротуаров улиц Хайвай и Байхэ, а также проект строительства сети ливневой канализации в городах провинции Цзилинь. Также в июне 2012 г. была основана зона экономического развития Эрдаоцзян, которая специализировалась на фармацевтическом производстве, выплавке черных металлов и переработке металлолома, ремонте машин и оборудования.

В январе 2012 г. на территории провинции Цзилинь были созданы зона экономического развития Тунъюй, специализировавшаяся на сельском хозяйстве и пищевой промышленности; промышленный парк Фусун, ориентированный на фармацевтическое производство и изготовление изделий из дерева, бамбука, ротанга, пальмы, соломы; зона экономического развития Лишу по сельскохозяйственному производству, пищевой промышленности. Кроме того, в это же время была создана зона экономического развития Аньту, в которой ведущее место занимала пищевая промышленность и деревообработка. В 2020 г. на территории зоны Аньту

было создано фармацевтическое предприятие Jilin Changbaishan Sanbao Pharmaceutical по производству лекарственных препаратов, медицинского оборудования и продуктов питания. Предприятие Jilin Shunyu Agriculture зоны Аньту специализировалось на производстве грибов шиитаке с годовым объемом 30 тыс. т. К 2021 г. в зоне Аньту был запущен крупный проект по переработке свежей кукурузы, в который было инвестировано 30 млн юаней и задействовано 3 крупных завода, а к 2023 г. объем производства достиг 12 млн юаней. С 2023 г. в зоне Аньту реализовывался проект «Парк гармонии» по развитию предпринимательства. Фармацевтическая промышленность в данной зоне была представлена производственной линией современной традиционной китайской медицины Цзиньхай. В январе 2012 г. в провинции Цзилинь была основана зона экономического развития Хуэйнань, в которой ведущее место отводилось пищевой и фармацевтической промышленности, выплавке черных металлов. К 2020 г. в данной зоне развития было реализовано 10 ключевых проектов с общим объемом инвестиций 1 млрд 640 млн юаней. Самыми ведущими выступали проекты строительства фармацевтических промышленных парков Хайтун, Чанлун, Дэшан [24, 25].

Всего за период с 2000 по 2012 г. в провинции Цзилинь было открыто 42 экономические зоны. Большая часть зон специализировалась на развитии пищевой и фармацевтической промышленности и сельском хозяйстве. Поддерживалось создание экономических зон в химической, металлургической, текстильной, деревообрабатывающей отраслях промышленности и автомобилестроении. Стали появляться такие инновационные направления в функционировании экономических зон, как производство экологически чистых продуктов питания, ресторанный бизнес и туризм, разработка и внедрение биотехнологий в сельское хозяйство, производство новых источников энергии и новых материалов, промышленное искусство, почтовые услуги, современная упаковочная промышленность. Единично были представлены такие отрасли, как строительная промышленность, транспортно-логистические услуги, производство железнодорожного, судостроительного, аэрокосмического и другого транспортного оборудования, добыча нефти и газа, производство тепловой энергии и снабжение предприятий, рыболовство.

Создание зон экономического развития в провинции Цзилинь с 2013 г. по настоящее время

С конца 2012 г. в КНР была принята обновленная стратегия регионального скоординированного развития, представлявшая собой комплекс мер по использованию преимуществ каждого региона КНР, формированию сбалансированной структуры регионального экономического роста, изменениям в пространственном расположении от централизованного к децентрализованному, усилению городских агломераций в ключевых регионах, повышению внутреннего межрегионального сотрудничества и интеграции. Для экономического развития северо-восточной провинции Цзилинь наступил период активных действий по выходу

из состояния развития с низкими темпами роста. С 2014 г. экономический рост провинции Цзилинь замедлился и на многие годы отстал от темпов роста страны. Открытие экономических зон на территории данной провинции являлось одним из вариантов решения проблем в народно-хозяйственном комплексе Цзилинь.

Основанная в марте 2013 г. зона технико-экономического развития Сунъюань специализировалась на сельском хозяйстве, пищевой промышленности, производстве экологически чистых продуктов питания и изготовлении специального оборудования. В 2013 г. была открыта зона промышленного развития высоких и новых технологий в области медицины Тунхуа общегосударственного уровня. Общее количество медицинских и оздоровительных организаций в данной зоне составило 83 по состоянию на 2013 г. В зоне Тунхуа функционировало более 10 стыковочных организаций для взаимодействия между правительством, банками и предприятиями. Данная зона специализировалась на развитии предприятий общегосударственного уровня, а также малых и средних предприятий провинциального уровня. Всего в зоне Тунхуа к 2023 г. насчитывалось более 1300 частных предприятий, из которых более 70 входило в «четверку крупнейших» предприятий провинции Цзилинь. Ежегодно производилось 350 разновидностей лекарств, продуктов здорового питания, медицинского оборудования, тем самым увеличивался объем промышленного производства в целом в провинции Цзилинь. Только за первую половину 2023 г. объем производства фармацевтической и медицинской промышленности составил 2 млрд юаней [26].

В феврале 2016 г. был основан Новый район развития в г. Чанчунь государственного уровня, включавший в себя зону промышленного развития высоких и новых технологий, зону научно-технического развития Бэйху и образцово-показательную экономическую зону аэропорта Чанчунь. На территории Нового района развития Чанчунь функционировало 845 предприятий новых и высоких технологий, 58 бизнес-инкубаторов. К 2023 г. было реализовано 118 проектов в фармацевтической отрасли, лазерной оптике, аэрокосмической отрасли и производстве новых материалов. Все предприятия Нового района работали в группах для развития новых отраслей промышленности провинции Цзилинь. За 2023 г. данный район лидировал в провинции по темпам экономического роста. Значительное внимание в Новом районе уделялось подготовке высококлассных специалистов. Общее количество сотрудников района достигло 150 тыс. человек. В январе 2024 г. на территории Нового района был создан первый в Китае Альянс по технологиям контроля производства медицинских вакцин, который функционирует в рамках развития «Медицинской долины Чанчуна» [27].

В 2021 г. возобновилась работа по открытию экономических зон в провинции Цзилинь. На территории городского округа Байшань была основана зона экономического развития Цзяньюань, специализировавшаяся на экологической санитарии. Данная зона функци-

онировала с целью улучшения условий жизни в городских и сельских районах провинции Цзилинь, а ее сотрудники проводили работу по уборке снега и мусора [28–30].

Западная часть провинции Цзилинь являлась территорией с наиболее развитыми ресурсами ветровой и солнечной энергии в Китае, поэтому в городе Сунъюань на западе провинции в 2022 г. была основана зона экономического развития Нинцзян, которая играла роль промышленной базы нового энергетического оборудования. Там производились фотоэлектрические панели для ветро-солнечной энергетики Китая. В 2022 г. также были основаны другие зоны экономического развития в провинции Цзилинь. Зона экономического развития Ванцин, специализировалась на развитии пищевой промышленности, деревообрабатывающей промышленности, производстве изделий из бамбука, ротанга и соломы. Зона экономического развития Шуанляо, включала в себя фармацевтический производственный парк, расположенный в новом районе Ляодун города Шуанляо. Объем инвестиций в проект составил 133 млн юаней. В 2022 г. была создана государственная образцово-показательная зона сельскохозяйственного производства с применением новых и высоких технологий в Чанчуне [31, 32].

Всего за период с 2013 г. по настоящее время в провинции Цзилинь было открыто 14 экономических зон, основными направлениями деятельности которых являлись производство экологически чистых продуктов питания, биофармацевтическая индустрия, деревообрабатывающая промышленность. Инновационными направлениями деятельности экономических зон провинции Цзилинь выступили лазерная оптика, аэрокосмическая отрасль и экологическая санитария, производство нового оборудования для отрасли энергетики.

Результаты

Таким образом, в истории основания и функционирования зон экономического развития провинции Цзилинь можно выделить несколько этапов: с 1991 по 1999 г., с 2000 по 2012 г. и с 2013 г. по настоящее время. К началу 1990-х гг. провинция Цзилинь характеризовалась низкими темпами экономического роста, преобладанием государственных предприятий. В период с 1991 по 1999 г. были основаны различные зоны экономического развития в провинции Цзилинь, которые заложили прочный фундамент для трансформации народно-хозяйственного комплекса. Всего было открыто 17 экономических зон, основными направлениями деятельности которых являлись пищевая промышленность, автомобилестроение, биофармацевтическая индустрия, сельское хозяйство и деревообрабатывающая промышленность. Единично были представлены такие отрасли, как лесная и химическая промышленность.

Инновационными направлениями деятельности экономических зон провинции Цзилинь выступили изготовление неметаллических минеральных продуктов, производство компьютеров, средств связи и другого электронного и специального оборудования, а также об-

следование рек провинции Цзилинь. Характеризуя состояние народно-хозяйственного комплекса провинции Цзилинь в первое десятилетие XXI в., стоит отметить такие тенденции, как сохранение низких темпов экономического роста и начало всеобщей трансформации в условиях принятия программы в 2003 г. по возрождению старой промышленной базы на северо-востоке Китая. Ведущее место в процессе промышленного возрождения Северо-Восточного Китая отводилось открытию зон экономического развития. Для провинции Цзилинь период с 2000 по 2012 г. характеризуется основанием множества зон экономического развития как провинциального, так и общегосударственного уровня. Всего за 12 лет в провинции было открыто 42 экономических зоны. Большая часть зон специализировалась на развитии пищевой и фармацевтической промышленности и сельском хозяйстве. Поддерживалось создание экономических зон в химической, металлургической, текстильной, деревообрабатывающей отраслях промышленности и автомобилестроении.

Стали появляться такие инновационные направления в функционировании экономических зон, как производство экологически чистых продуктов питания, ресторанный бизнес и туризм, разработка и внедрение биотехнологий в сельское хозяйство, производство но-

вых источников энергии и новых материалов, промышленное искусство, почтовые услуги, современная упаковочная промышленность. Единично были представлены такие отрасли, как строительная промышленность, транспортно-логистические услуги, производство железнодорожного, судостроительного, аэрокосмического и другого транспортного оборудования, добыча нефти и газа, производство тепловой энергии и снабжение предприятий, рыболовство. Для экономического развития северо-восточной провинции Цзилинь с 2013 г. наступил период активных действий по выходу из состояния развития с низкими темпами роста. Открытие экономических зон на территории данной провинции являлось одним из вариантов решения проблем в народно-хозяйственном комплексе Цзилинь. Всего за период с 2013 г. по настоящее время в провинции Цзилинь было открыто 14 экономических зон, основными направлениями деятельности которых являлись производство экологически чистых продуктов питания, биофармацевтическая индустрия, деревообрабатывающая промышленность. Инновационными направлениями деятельности экономических зон провинции Цзилинь выступили лазерная оптика, аэрокосмическая отрасль и экологическая санитария, производство нового оборудования для отрасли энергетики.

Список источников

1. Чжунго кайфа цюй сехуэй [Китайская ассоциация зон развития]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Index/index.html> (дата обращения: 09.01.2024).
2. Дудченко Г.Б. Хозяйственная специализация и перспективы развития города Яньцзи (Яньбань-Корейский автономный округ провинции Цзилинь, КНР) // Гуманитарное знание – конструктивная основа благополучия общества. 2023. С. 91–95.
3. Казаков Г.К. Политическая система провинции Цзилинь: особенности кадровой ротации высшего звена провинциального руководства // Востокведные исследования на Алтае. 2019. № 13. С. 90–96.
4. Ван Цзиньсун. Лао гунье циди чэнши дэ гайцао юй фачжань: И Цзилинь шэн сы чэнши вэй ли [Реконструкция и развитие старых промышленных городов: на примере четырех городов провинции Цзилинь]. Пекин, 2016. 212 с. (на кит. яз.).
5. Цзинь Жисюэ, Ли Чуньци. Цзилинь цзюйло [Поселения в провинции Цзилинь]. Пекин, 2022. 295 с. (на кит. яз.).
6. Цуй Сюйцзя, Сюй Цзя. Чэншюй лао гунье цюй баньцян гайцао яньцзю [Исследования переноса и реконструкции старых промышленных зон в городских районах: на примере провинции Цзилинь]. Пекин, 2017. 224 с. (на кит. яз.).
7. Чанчунь гаосинь цзюшу чанье кайфа цюй [Зона освоения новых и высоких технологий Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/61.html> (дата обращения: 03.01.2024).
8. Цзилинь Чанбай цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития в Чанбай-Корейском автономном уезде в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/821.html> (дата обращения: 03.01.2024).
9. Цзилинь гаосинь цзюшу чанье кайфа цюй [Зона освоения новых и высоких технологий Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/100.html> (дата обращения: 03.01.2024).
10. Чанчунь цзинцзи цзюшу кайфа цюй [Зона технико-экономического развития Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/25.html> (дата обращения: 03.01.2024).
11. Цзилинь Дуньхуа цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Дуньхуа в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/830.html> (дата обращения: 03.01.2024).
12. Цзилинь Юнцзи цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Юнцзи в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/797.html> (дата обращения: 03.01.2024).
13. Цзилинь Сыпин цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Сыпин в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/802.html> (дата обращения: 03.01.2024).
14. Макеева С.Б. Китай: региональное развитие на пути к экологической цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2021. № 7. С. 14–20. doi: 10.31857/S032150750012642-8
15. Макеева С.Б. КНР: стратегия устойчивого развития регионов (1980-е–2000-е гг.) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 19–25. doi: 10.31857/S032150750009101-3
16. Цзилинь Хуньчунь цзунхэ баошуй цюй [Свободная таможенная зона Хуньчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2473.html> (дата обращения: 03.01.2024).
17. Чанчунь Куаньчэн цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Куаньчэн в г. Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/786.html> (дата обращения: 03.01.2024).
18. Цзилинь Ляояоань цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Ляояоань в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/807.html> (дата обращения: 03.01.2024).
19. Чанчунь Цзинььюэ гаосинь цзюшу чанье кайфа цюй [Зона освоения новых и высоких технологий Цзинььюэ]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/148.html> (дата обращения: 09.01.2024).
20. Чанчунь Чаоян цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Чаоян в г. Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/787.html> (дата обращения: 03.01.2024).
21. Цзилинь Цзяньюань цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Цзяньюань в провинции Цзилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2765.html> (дата обращения: 06.01.2024).

22. Чанчунь цичэ цзинцзи цзишу кайфа цюй [Зона технико-экономического развития в области машиностроения Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/149.html> (дата обращения: 09.01.2024).
23. Чанчунь Синлун цзунхэ баошуй цюй [Свободная таможенная зона Синлун].
24. Цилинь Аньту цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Аньту]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/833.html> (дата обращения: 09.01.2024).
25. Цилинь Хуэйнань цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Хуэйнань]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/813.html> (дата обращения: 06.01.2024).
26. Тунхуа ияо гаосинь цзишу чанье кайфа цюй [Зона освоения новых и высоких технологий в области медицины Тунхуа]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/345.html> (дата обращения: 08.01.2024).
27. Чанчунь синь цюй [Новый район Чанчунь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/398.html> (дата обращения: 03.01.2024).
28. Сыпин Хунцзуй цзинцзи цзишуй кайфа цюй [Зона технико-экономического развития Хунцзуй в г. Сыпин]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/151.html> (дата обращения: 03.01.2024).
29. Цилинь Байчэн цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Байчэн в провинции Цилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/824.html> (дата обращения: 12.01.2024).
30. Цилинь Чуаньин цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Чуаньин в провинции Цилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/795.html> (дата обращения: 10.01.2024).
31. Цилинь Нинцзян цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Нинцзян в провинции Цилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2888.html> (дата обращения: 06.01.2024).
32. Цилинь Шуанляо цзинцзи кайфа цюй [Зона экономического развития Шуанляо в провинции Цилинь]. URL: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2821.html> (дата обращения: 08.01.2024).

References

1. China Association of Development Zones. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Index/index.html>. (Accessed: 09.01.2024). (In Chinese).
2. Dudchenko, G.B. (2023) [Economic specialization and development prospects of the city of Yanji (Yanban Korean Autonomous Prefecture of Jilin Province, PRC)]. *Gumanitarnoe znanie – konstruktivnaya osnova blagopoluchiya obshchestva* [Humanitarian Knowledge as a Constructive Basis for the Well-Being of Society]. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg. 5–10 April 2023. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 91–95. (In Russian).
3. Kazakov, G.K. (2019) Politicheskaya sistema provintsii Tszilin': osobennosti kadrovoy rotatsii vysshego zvena provintsial'nogo rukovodstva [Political system of Jilin Province: features of personnel rotation of the top level of the provincial leadership]. *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. 13. pp. 90–96.
4. Wang, J. (2016) *Reconstruction and Development of Old Industrial Towns: A case study of four cities in Jilin Province*. Beijing: [s.n.]. (In Chinese).
5. Jin, R. & Li, Ch. (2022) *Settlements in Jilin Province*. Beijing: [s.n.]. (In Chinese).
6. Cui, X. & Xu, J. (2017) *Research on the Relocation and Reconstruction of Old Industrial Zones in Urban Areas: A case study of Jilin Province*. Beijing: [s.n.]. (In Chinese).
7. China Development Zone Association. (n.d.) *Changchun High-tech Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/61.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
8. China Development Zone Association. (n.d.) *Economic Development Zone in Changbai Korean Autonomous County in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/821.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
9. China Development Zone Association. (n.d.) *Jilin High-tech Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/100.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
10. China Development Zone Association. (n.d.) *Changchun Economic and Technological Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/25.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
11. China Development Zone Association. (n.d.) *Dunhua Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/830.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
12. China Development Zone Association. (n.d.) *Yongji Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/797.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
13. China Development Zone Association. (n.d.) *Siping Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/802.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
14. Makeeva, S.B. (2021) Kitay: regional'noe razvitie na puti k ekologicheskoy tsivilizatsii [China: regional development on the path to an ecological civilization]. *Aziya i Afrika segodnya*. 7. pp. 14–20. DOI: 10.31857/S032150750012642-8
15. Makeeva, S.B. (2020) KNR: strategiya ustoychivogo razvitiya regionov (1980-e–2000-e gg.) [PRC: strategy for sustainable development of regions (1980s–2000s)]. *Aziya i Afrika segodnya*. 4. pp. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750009101-3
16. China Development Zone Association. (n.d.) *Hunchun Free Customs Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2473.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
17. China Development Zone Association. (n.d.) *Kuancheng Economic Development Zone in Changchun City*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/786.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
18. China Development Zone Association. (n.d.) *Liaoyuan Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/807.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
19. China Development Zone Association. (n.d.) *Jingyue New and High-Tech Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/148.html>. (Accessed: 09.01.2024). (In Chinese).
20. China Development Zone Association. (n.d.) *Chaoyang Economic Development Zone in Changchun City*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/787.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
21. China Development Zone Association. (n.d.) *Jiangyuan Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2765.html>. (Accessed: 06.01.2024). (In Chinese).
22. China Development Zone Association. (n.d.) *Changchun Machinery Economic and Technological Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/149.html>. (Accessed: 09.01.2024). (In Chinese).
23. *Xinglong Free Customs Zone*. (In Chinese).
24. China Development Zone Association. (n.d.) *Antu Economic Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/833.html>. (Accessed: 09.01.2024). (In Chinese).
25. China Development Zone Association. (n.d.) *Hui'nan Economic Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/813.html>. (Accessed: 06.01.2024). (In Chinese).
26. China Development Zone Association. (n.d.) *Tonghua Medical High-Tech Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/345.html>. (Accessed: 08.01.2024). (In Chinese).

27. China Development Zone Association. (n.d.) *Changchun New Area*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/398.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
28. China Development Zone Association. (n.d.) *Siping Hongzui Economic and Technological Development Zone*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/151.html>. (Accessed: 03.01.2024). (In Chinese).
29. China Development Zone Association. (n.d.) *Baicheng Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/824.html>. (Accessed: 12.01.2024). (In Chinese).
30. China Development Zone Association. (n.d.) *Chuanying Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/795.html>. (Accessed: 10.01.2024). (In Chinese).
31. China Development Zone Association. (n.d.) *Ningjiang Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2888.html>. (Accessed: 06.01.2024). (In Chinese).
32. China Development Zone Association. (n.d.) *Shuangliao Economic Development Zone in Jilin Province*. [Online] Available from: <https://www.cadz.org.cn/index.php/Kai/index/id/2821.html>. (Accessed: 08.01.2024). (In Chinese).

Информация об авторе:

Макеева С.Б. – канд. ист. наук, зав. отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2953-0411

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Makeeva, Cand. Sci. (History), head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2953-0411

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/15617793/505/18

Физико-математическое сообщество и развитие классических университетов в советское время: региональный опыт

Сергей Александрович Некрылов¹, Алексей Олегович Степнов², Ануш Артаваздовна Геворкян³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ medicinahistory@yandex.ru

² ASAOM@yandex.ru

³ anushgevorkyan71@mail.ru

Аннотация. Исследуется динамика изменений роли и места физико-математической агломерации в преподавательском составе и научной жизни Томского университета от революционного к позднесоветскому периоду. Данная динамика рассмотрена в общероссийском и общесоюзном контексте. Делается вывод, что, хотя советские поколения физиков и математиков в ТГУ не всегда были ревностными хранителями ортодоксальных традиций классических университетов, они сыграли заметную роль в сохранении высокого статуса и поддержании преемственности университета в условиях, этой преемственности зачастую не благоприятствовавших.

Ключевые слова: социальная история, университет, сообщество физиков и математиков, промышленно-технологическая политика

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Некрылов С.А., Степнов А.О., Геворкян А.А. Физико-математическое сообщество и развитие классических университетов в советское время: региональный опыт // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 172–184. doi: 10.17223/15617793/505/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/18

Community of physicists and mathematicians in the context of the development of classical universities during the Soviet period: A regional case study

Sergey A. Nekrylov¹, Aleksey O. Stepnov², Anush A. Gevorkyan³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ medicinahistory@yandex.ru

² ASAOM@yandex.ru

³ anushgevorkyan71@mail.ru

Abstract. The changes in classical universities during the 20th century are studied in the context of high-profile political and socio-economic events. At the same time, there are no studies of the internal resources and prerequisites for these changes of the disciplinary communities that determined the trajectories of universities' development. The article, based on materials from archival documents, personal sources and periodicals, examines the dynamics of changes of the role and place of agglomeration physicists and mathematicians in the pedagogical staff and scientific life of one of the oldest universities in Russia, Tomsk University, during the Revolutionary and Soviet periods. The identified data considered in the all-Russian and all-Union context. Over the period from 1917 to the late 1940s, the Faculty of Physics and Mathematics went from being not the most numerous and influential to one of the dominant structural divisions of Tomsk University. The growth of the Faculty coincided with the renewal of the student and pedagogical staff, which took place under the conditions of a policy of class selection. In the 1950s, there were practically no people left at the Faculty who had received their education before 1917. The new generation, a significant part of which had a low social origin, came to the University with a reprehensible perception of it as an elitist center. Largely thanks to the contribution of the Physics and Mathematics Departments, Tomsk University in the 1940s–1970s was actually the main training center for young Siberian universities, a source of personnel for industry and government agencies. The representatives of the new generation of university physicists and mathematicians integrated into the system of the Academy of Sciences (AS) of the Soviet Union – the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the AS created with their energetic participation. At the same time, they did not break their ties with the university. In the conditions of asymmetric competition between universities and the AS for scientific leadership, this strategy turned out to be advantageous, and the AS itself turned for the University from a dangerous competitor into a reliable ally. On the one hand, these scientists, brought up already in the Soviet era and endowed with certain social prejudices, were clearly not orthodox zealots of the traditions of classical universities. On the other hand, their participation in the scientific and

pedagogical life of Tomsk University, paradoxically, largely determined the high competitiveness of the latter, the preservation of its high status and continuity with the pre-revolutionary era at a time when the prerequisites for this continuity were often insignificant.

Keywords: social history, University, community of physicists and mathematicians, industrial and technological policy

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Nekrylov, S.A., Stepnov, A.O. & Gevokyan, A.A. (2024) Community of physicists and mathematicians in the context of the development of classical universities during the Soviet period: A regional case study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 172–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/18

В советское время отечественная система высшего образования претерпела заметные изменения. Если в советской историографии было принято акцентировать внимание на прогрессивном характере этого развития и всегда с пиететом оценивать партийно-государственную политику, несмотря даже на ее резкие колебания в 1920–1930-е гг. (см.: [1–6]), то в новейшей литературе превалирует критический анализ происходивших в высшей школе процессов. Зачастую бескомпромиссные оценки постсоветского периода сочетаются с более взвешенными подходами к дисбалансу научного веса вузов, отраслевых и академических научно-исследовательских институтов (НИИ); к анализу причин, содержания и последствий такого положения, характерного, в общем, для всей советской эпохи (см.: [7–11]). Позднесоветский период остается наименее исследованным по данной теме.

Внутри научного сообщества СССР в целом менялось соотношение различных дисциплинарных групп ученых. На сегодняшний день мы располагаем достаточными данными, чтобы судить о динамике этих перемен (см.: [12–14]). Вместе с тем вопрос о том, как они сказались на архитектуре системы высшего образования, и в частности университетского, по-прежнему остается открытым, хотя влияние этих новых диспозиций даже на первый и непросвещенный взгляд выглядит весьма существенным. Особый интерес в этом аспекте представляют физико-математические науки, занявшие в XX в. во многом привилегированное место в системе наук.

В середине XX в. учрежденный в 1878 г. Императорский Томский университет (ИТУ), один из 11 классических университетов, существовавших в императорской России накануне Февральской революции 1917 г., имел статус крупного научно-образовательного центра в области физико-математических наук. Томск тогда находился в одном ряду с такими признанными центрами физических и математических наук, как Москва и Ленинград. Физико-математический факультет (ФМФ) в составе Томского университета был открыт осенью 1917 г., и временная дистанция, отделявшая истоки от названного статуса, составляла, таким образом, немногим более 30 лет.

Накануне открытия физико-математического факультета (тогда же был организован и историко-филологический факультет) в Томском университете было два факультета: медицинский (функционировал с 1888 г.) и юридический (с 1898 г.). По данным на 1 января 1917 г., из 31 ординарного профессора в Императорском Томском университете 21 были сотрудниками

медицинского факультета, а из 5 экстраординарных – четверо [15. С. 10–13]. Весь штат приват-доцентов был распределен по медицинскому факультету. Факультет имел обширный, не сравнимый с юристами, комплекс научно- и учебно-вспомогательных учреждений (кабинеты, лаборатории, институты, ботанический сад), располагал десятками старших и младших ассистентов, ординаторов и фельдшеров факультетских и госпитальных клиник, прозекторов и помощников прозекторов, лаборантов, служащих клинической аптеки, университетских врачей. Из 960 студентов ИТУ накануне революционных событий 1917 г. 737 обучались на медицинском факультете [15. С. 118].

В силу особенностей развития ИТУ (был открыт и долгое время просуществовал в составе одного медицинского факультета) в профессорско-преподавательской коллегии этого высшего учебного заведения ученые-медики обладали гегемонией. В ноябре 1917 г. из 55 членов ученого совета Томского университета 36 были медиками (подсчитано по: [16. Л. 348 об.–349]). В состав совета тогда входил только один физик (профессор А.П. Пospelов) и один математик (профессор В.Л. Некрасов).

Мы не обладаем достаточной информацией о представительстве медиков в ученых советах и профессорско-преподавательских коллегиях классических университетов предреволюционного и раннесоветского периодов в целом. Однако, к примеру, в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете медицинский факультет отсутствовал. С 1913 по 1917 г. профессура этого университета, в особенности представители физико-математического факультета, сопротивлялась инициативам открыть медицинский факультет. Не в последнюю очередь это было связано с нежеланием ученых привносить в жизнь университета сугубо практический, утилитарный характер деятельности [17. С. 282–286]. Физико-математический факультет парадоксальным образом выступал за чистую науку накануне советской эпохи, в которой прежде всего физико-математическое сообщество стало проводником практического поворота университетской науки.

Все же сложившееся в Томском университете революционного времени соотношение профессорско-преподавательских кадров во многом выглядит типично. Связано это с динамикой подготовки кадров по различным специальностям до 1917 г. А.Е. Иванов отмечает, что в 1900–1909 гг. в университетах Российской империи общее число защит на медицинских факультетах составило 423, в то время как по всем прочим разрядам науки их было 397 [18. С. 218]. Если же

рассматривать другие университетские факультеты, то из 2 266 защит диссертаций с 1864 по 1916 г. 45% состоялось на физико-математических [19. С. 150]. Подобная статистика, однако, не должна вводить в заблуждение. Физико-математические факультеты тогда функционировали в составе двух отделений: математического (физико-математического) и естественного. В указанную долю защит входили диссертации не только по физике и математике, но и по естественным наукам, причем первые заметно уступали последним. По подсчетам Г.Г. Кричевского, в названный период первые пять мест по защите диссертаций (повторим, не считая медицины) занимали такие науки, как химия, зоология, ботаника, гражданское право, чистая математика [19. С. 150]. Сообщество физиков в университетах предреволюционной России доминирующим не было.

Томский физик В.Д. Кузнецов, который в 1916 г. в Императорском университете Св. Владимира (Киевском) выдержал испытания на степень магистра физики, объяснял низкий процент защиты диссертаций по физике нежеланием касты старых профессоров уступать свои кафедры в университетах по 25-летней выслуге: отсутствие кандидатов-преемников давало основание продолжать службу в университетах Российской империи в пенсионном возрасте. По всей стране тогда насчитывалось немногим более 10 докторов физики. Достаточно сказать, что А.Ф. Иоффе, будучи ключевой фигурой отечественной физики в XX в., в 1905 г. диссертацию на соискание степени доктора философии защитил в Мюнхенском университете.

В.Д. Кузнецов так и не смог накануне защиты отыскать во всей России хотя бы одного магистра физики для того, чтобы проконсультироваться с ним. Ученый был уверен, что физики и математики намеренно чинили препятствия в ходе аттестации, процедура и уровень сложности которой пугали соискателей. Усугубляла ситуацию вражда между профессорами: провал на экзаменах порой становился результатом их взаимных козней. В Киеве Кузнецову поведали историю одного ассистента местного университета, который, выдержав магистерские экзамены по физике, «умер от переутомления». «Когда я выдержал последний экзамен, – вспоминал Кузнецов в поздние годы своей жизни, – то я был утомлен и так нервно расстроен, что до сих пор без ужаса не могу вспомнить эту процедуру» [20. С. 88].

В декабре 1917 г. магистр физики В.Д. Кузнецов в должности приват-доцента присоединился к профессорско-преподавательскому составу (ППС) ФМФ Томского университета. К 1922 г. в составе ТГУ был ликвидирован факультет общественных наук (ФОН), основанный в 1920 г. на базе юридического факультета (в марте 1920 г. в состав ФОН в качестве отделения вошел и историко-филологический факультет). В университете осталось только два факультета: медицинский и физико-математический. Последний в тот год планировалось закрыть, как это происходило с факультетами данного профиля по всей стране. Только переговоры местных органов власти в Москве помогли избежать этого. Физико-математические факультеты

удалось сохранить также в Московском, Ленинградском и Казанском университетах [21. С. 253].

В 1922 г. общее количество профессоров, преподавателей и научных сотрудников ТГУ фактически составило 219 [22. С. 35]. Приблизительно в то же время профессорско-преподавательский состав ФМФ включал в себя 77 человек, из которых только 10 служили на кафедре физики, 6 – на кафедре чистой математики и механики, 4 – на кафедре астрономии и геодезии (всего 20 человек) [23. Л. 1–3]. К 1925–1926 гг. ситуация почти не изменилась. При общем количестве сотрудников ТГУ 196 (декабрь 1925 г.) и сохранении двухфакультетной системы на физико-математическом отделении ФМФ профессоров, преподавателей и учебно-вспомогательного персонала общим количеством насчитывалось 24 [24. Л. 2–2 об.]. В 1921–1927 гг. медицинский факультет ТГУ в общей сложности окончили 1 700 человек, а физико-математический – 202 [25. С. 100]. С 1922 по 1929 г. ректором Томского университета был профессор-хирург В.Н. Саввин. При нем вуз прошел этап выживания в непростых социально-экономических и политических условиях радикальных реформ научно-образовательного процесса, резкого изменения классового состава студенчества.

Имевшие место в ТГУ тенденции наблюдались по всей России. По подсчетам Е.А. Долговой, в 1928 г. 21,1% от общей численности ученых РСФСР были заняты исследованиями в области медицинских наук. Медики составляли наиболее массовую категорию научных работников. Вслед за ними шли биологи (11,1%), специалисты в области «индустриально-технических» (10,6%), химических (7%), физических (6%) наук [14. С. 100–102]. Е.А. Долгова связывает данный перевес с мобилизационными потребностями страны во врачах и ускоренной их подготовкой в годы Первой мировой войны, хотя, по крайней мере применительно к университетам, мы видим, что наметился он еще до этого. В Российской империи в связи с запущенным состоянием в сфере народного здоровья приоритет в подготовке медицинских кадров был необходим, особенно учитывая, что в конце XIX в. число врачей на 1 млн населения даже в Европейской России составляло 155. По этому показателю Россия уступала едва ли не всем европейским странам [26. С. 597]. В середине 1880-х гг. высшие сановники империи принимали решение об открытии ИТУ в составе одного медицинского факультета, принимая во внимание в первую очередь тяжелое положение в Сибири по врачебной части. Диспропорции в подготовке кадров высшей квалификации в профессорско-преподавательских коллегиях позднеимперских и раннесоветских университетов во многом были связаны с состоянием здравоохранения в стране.

1929–1931 гг. в рассматриваемом аспекте стали переломными. В это время старейшие государственные университеты, как и технологические и политехнические институты, в СССР проходили этап так называемого «разукрупнения», частью чего было выделение медицинских факультетов в отдельные вузы. Произошло это и в Томске. В результате соотношение научно-педагогических агломераций в ТГУ изменилось. После

реорганизаций, связанных с преобразованием факультетов в отделения, в 1932 г. Томский университет вернулся к факультетской структуре, причем, заметно модернизированной по сравнению с классической моделью. В составе ТГУ функционировали такие факультеты, как физико-математический, биологический, химический, геолого-почвенно-географический (в 1939 г. разделен на геолого-почвенный и географический). В 1936 г. из общего числа профессоров, преподавателей и ассистентов 172 на ФМФ работали 69, на биологическом факультете – 42, на геолого-почвенно-географическом – 33, на химическом – 19 [27. Л. 39]. Таким образом, в ППС ТГУ доля ФМФ с 1922 по 1936 г. увеличилась с 35 до 40%. Следует, однако, учитывать, что названные естественно-научные факультеты образовывались на базе отделений старого ФМФ. Фактическое представительство физико-математического отделения ФМФ в ППС ТГУ в 1922 г. составляло 9%. В 1936 г. ФМФ был уже исключительной епархией физиков и математиков, их представительство в ППС ТГУ, соответственно, за указанный период увеличилось на 31%. В том же 1936 г. директор ТГУ Б.П. Токин в докладной записке на имя первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе отмечал, что «физико-математический факультет в отношении кадров стоит не ниже лучших университетов Советской страны» [27. Л. 55]. В 1938 г. в составе всех советских университетов физико-математические факультеты существовали в количестве 21. К ним следует добавить 3 механико-математических и 3 физических факультета. На них обучалось 11 474 студента – 24% от общего количества студентов-универсанта (подсчитано по: [2. С. 59]).

В 1928 г. при поддержке академиков А.Ф. Иоффе, П.П. Лазарева и профессора Н.Н. Семенова В.Д. Кузнецов добился открытия в Томске Сибирского физико-технического института (СФТИ, с 1932 г. – в составе ТГУ). В 1932 г. при ТГУ был основан Научно-исследовательский институт математики и механики (НИИ ММ). Хотя в это время на ФМФ ТГУ наблюдался недостаток лабораторного оборудования и учебных помещений, он опирался на обеспеченную двумя этими институтами солидную базу для научно-исследовательской и учебной работы. Профильные НИИ в это время открывались и в составе других государственных университетов – центров физико-математической науки и образования.

К концу 1930-х гг. в научном сообществе СССР произошла корректировка соотношения дисциплинарных групп. В 1937 г. доминирующее место в кадровой структуре советской науки заняли специалисты в области «индустриально-технических» (25,1% от общего числа научных работников СССР) и естественных (физико-математические и естествознание, 23,1%) наук. Доля ученых-медиков составляла 15,1% [14. С. 115–116]. Следствием этого стали процессы, происходившие в государственных университетах, в частности в ТГУ.

Приоритизация технических, физико-математических и естественных наук произошла в ходе реализации промышленной и научной политики индустриализации 1930-х гг., развертывания в Сибири сети эвакуированных предприятий времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., послевоенного восстановления экономики.

Амбициозные проекты, связанные с созданием второй угольно-металлургической базы на Урале и в Западной Сибири, с модернизацией оборонно-промышленного комплекса и гражданской промышленности, выдвигали сибирских физиков и математиков на авансцену стратегических государственных проектов, открывали для них новые перспективы, которые смотрелись все более выигрышно на фоне дореволюционного прошлого. Недаром именно в 1930–1940-е гг. меняются политические взгляды представителей старой профессуры; ученые становились политически лояльными в обмен на свой обеспеченный государством новый социальный статус и новый формат классического университетского образования, в котором антиутилитарные устремления и идеалы чистой науки стремительно уступали место практическим ориентациям. В этих условиях для представителей физико-математического сообщества открылось исторически уникальное окно возможностей.

Измененное состояние не могло не сказаться и на структуре подготовки кадров высшей квалификации в вузах СССР. Учрежденная в 1925 г. аспирантура не сразу позволила физикам и математикам Томского университета заявить о своем приоритете в подготовке молодых ученых.

На протяжении второй половины 1920-х гг. в аспирантуре ФМФ обучалось незначительное количество людей. Сказывалось позднее открытие факультета и отдаленное положение ТГУ: своих достойных кандидатов подготовить еще не успели, а рассчитывать на выпускников университетов европейской части СССР не приходилось.

В 1930 г. прием в аспирантуру в целом по СССР был расширен; в ТГУ тогда было принято 53 аспиранта (годом ранее обучалось всего 9) [28. С. 51]. В 1930/31 уч. г. Народный комиссариат просвещения РСФСР потребовал принять 45 аспирантов на ФМФ и еще 22 – в СФТИ ТГУ. Однако достичь таких показателей тогда было невозможно, для этого не хватало ни учебного оборудования, ни преподавателей.

Н.П. Цеховой отмечает, что если в 1920-е и первой половине 1930-х гг. в ТГУ преобладали аспиранты, специализировавшиеся на биологических и химических науках, то во второй половине 1930-х гг. наблюдался заметный рост аспирантов, обучающихся по физико-математическим специальностям. Из 34 диссертаций, защищавшихся выпускниками аспирантуры ТГУ в 1935–1941 гг., 15 были по физико-математическому направлению [28. С. 57]. С середины 1930-х гг. возрастает статус ТГУ как одного из крупнейших в азиатской части СССР центров подготовки и научной аттестации кадров высшей квалификации, и одна из ключевых ролей здесь принадлежала физико-математическим наукам.

Из 93 защит, прошедших в ТГУ за время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 32 были по физико-математическому направлению: 26 на соискание ученой степени кандидата наук и 6 – доктора наук (подсчитано по объявлениям о предстоявших защитах, опубликованным в томской газете «Красное Знамя»: [29]). С 1942 г. Всесоюзный комитет по делам высшей

школы при СНК СССР разрешил в ТГУ защищать диссертации на соискание степени кандидата физико-математических наук на заседаниях ученого совета ФМФ с последующим утверждением советом университета [30. С. 148]. ТГУ в то время был единственным томским вузом, где соискатели могли получить докторскую и кандидатскую степени по физико-математическим наукам. Исключительным было значение этого вуза и в зауральских регионах в целом. Среди соискателей военных лет, физиков и математиков, были научные работники из Новосибирска, Челябинска, Сталинска (ныне Новокузнецк), Омска, Самарканда, Улан-Удэ, а также эвакуированные в Томск сотрудники Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта и Московского станкоинструментального института.

Все же большинство соискателей ученой степени кандидата наук защищались в «большом» ученом совете ТГУ. Одной из них была Е.В. Гутнова, в будущем известный историк-медиевист. Осенью 1942 г., находясь в эвакуации в Томске, она защитила кандидатскую диссертацию по историческим наукам. Гутнова вспоминала, что в совете ТГУ «тон задавали ученые-естественники, весьма скептически относившиеся к истории». Особо ей запомнился образ одного из членов этого совета – В.Д. Кузнецова, «пользовавшегося в университете непререкаемым авторитетом» [31. С. 221].

Жизненный путь В.Д. Кузнецова в чем-то схож с таковым одного из основателей и первого директора НИИ ММ ТГУ, специалиста в области внешней баллистики Л.А. Вишневого. Оба в свое время имели привилегированное сословное происхождение (Кузнецов – из купечества, Вишневский – из дворянской семьи). Оба получили образование до 1917 г.: Кузнецов окончил математическое отделение ФМФ Санкт-Петербургского университета, некоторое время обучался в Санкт-Петербургском политехническом институте; Вишневский окончил математическое отделение ФМФ Московского университета. Оба защитили магистерские диссертации еще в дореволюционный период. В 1917 г. оба получили должность приват-доцента (Вишневский – в Московском университете). Не будучи в строгом смысле частью когорты старой профессуры, оба, тем не менее, были широко образованными, являясь ярким примером российской интеллигенции. Оба были пионерами в определенных областях физико-математических наук в Сибири: В.Д. Кузнецов являлся основателем научной школы физики твердого тела; под руководством Л.А. Вишневого в ТГУ, одном из первых вузов Сибири, началась подготовка специалистов по прикладной математике. Оба поддерживали деловые связи с органами советской и партийной власти, со своими именитыми коллегами из разных городов СССР. В 1925 г., после преобразования в педагогический институт Таврического университета, в котором тогда преподавал Вишневский, он решил сменить место работы.

Ключевую роль в выборе Вишневым Томского университета тогда сыграл Кузнецов. Он обещал обеспечить все условия для жизни и работы в этом сибирском городе.

Биографии Кузнецова и Вишневого могли бы быть схожи, если бы не определенные различия. 31 октября 1937 г. Л.А. Вишневский был арестован по «делу» М.Н. Тухачевского [32. С. 94]. Его дочь Н.Л. Вишневская, тогда студентка 5-го курса ФМФ ТГУ, приняла решение отчислиться. Она вспоминала, что заместитель директора ТГУ по учебно-научной работе В.Д. Кузнецов отговаривал ее от этого шага. Кузнецов, по воспоминаниям Н.Л. Вишневской, был уверен, что произошло недоразумение, и Лев Александрович скоро вернется [33. С. 145].

Но Вишневский не вернулся – в 1938 г. он умер в заключении. Жизненные пути Л.А. Вишневого и В.Д. Кузнецова с похожими исходными позициями транслируют две альтернативные траектории, по которым проходила старая профессура в советское время: одна из них приводила к репрессиям, другая – в научный истеблишмент.

Еще в 1920-е гг. уехали из Томска преподававшие в ТГУ профессора физики А.П. Поспелов (1875–1948), В.А. Ульянов (1863–1931), Б.П. Вейнберг (1871–1942), математики Н.И. Порфирьев (1863–1930), В.И. Шумилов (1877–1955). В 1937 г. уехал в Ленинград проработавший в Томском университете с 1929 г. профессор теоретической физики П.С. Тартаковский (1895–1940). Он окончил математическое отделение ФМФ Киевского университета в 1917 г. В 1934 г. прекратил свою работу в ТГУ профессор теоретической механики М.Н. Иванов (1873–1943). В 1922 г. в Томске умер профессор чистой математики В.Л. Некрасов (род. 1864), в 1938 г. – профессор математики В.А. Малеев (род. 1889), в 1940 г. – профессор астрономии и геодезии Н.Н. Горячев (род. 1883), в 1941 г. – первый профессор математики в Сибири Ф.Э. Молин (род. 1861). Все названные ученые, за исключением Тартаковского, были первыми преподавателями физико-математического факультета Томского университета. Все они получили высшее образование и прошли профессиональную социализацию еще в предреволюционной России. Многие из них удостоились определенного признания со стороны советской власти. Всех их можно охарактеризовать, порой с известными оговорками, как принадлежавших к категории старых профессоров. К 1942 г. из этой генерации физиков и математиков в ТГУ остался только В.Д. Кузнецов. В тот год ему совместно с профессором ТГУ М.А. Большаниной была присуждена Сталинская премия II-й степени за 2-й том монографии «Физика твердого тела». В 1957 г. Кузнецов был удостоен звания Героя Социалистического Труда, а в следующем году был избран действительным членом АН СССР. Кузнецов – один из патриархов советской физики, профессор старой школы и в то же время советский ученый. В годы Великой Отечественной войны он вступил в ВКП(б), в дальнейшем (в 1947–1950 гг.) был депутатом Верховного Совета РСФСР. Значительную часть университетского сообщества физиков и математиков в 1940–1950-е гг. составляли представители уже других поколений, воспитанных в советское время и прошедших через фильтр классового отбора, открывшего дорогу к высшему образованию и университетской кафедре для тех, кто до революции не мог даже мечтать об этом.

К 1950 г. в физико-математическом сообществе высшей школы СССР доля ученых в возрасте от 60 до 65 лет составляла 5,8%, а старше 66 лет – 2,8%. Большая часть сообщества тогда – это лица в возрасте от 30 до 39 лет (35,2%) и от 40 до 49 лет (31,5%) [1. С. 120]. Хотя мы не располагаем аналогичными данными по университетам в целом, пример Томского университета выглядит в этом контексте достаточно типичным. В том же году в ППС физико-математических факультетов ТГУ доля ученых в возрасте от 60 до 65 лет составила 2%, от 30 до 39 лет – 41%, от 40 до 49 лет – 33% (подсчитано по: [34]). Старше 66 лет не было уже никого. В целом по вузам СССР удельный вес специалистов в области физико-математических наук, получивших высшее образование до 1918 г., в 1950 г. составлял 13,2 %, а окончивших вузы в 1924 г. и позже – 78% [1. С. 119]. Среди физиков и математиков ТГУ эти показатели в тот год составляли соответственно 2 и 91% (подсчитано по: [34]).

Те, кто к началу 1950-х гг. составлял костяк профессорско-преподавательского состава вузов СССР, таким образом, получали высшее образование в условиях так называемой пролетаризации 1920–1930-х гг. В Сибири 1920-х гг. наиболее популярным среди выходцев из пролетарской среды был Томский технологический институт (ныне Томский политехнический университет): в 1927/28 уч. г., к примеру, 42,1% его студенческого контингента приходилось на детей рабочих. В двух единственных тогда университетах Сибири, Томском и Иркутском, этот показатель был вдвое меньше [35. С. 232]. Принято считать, что популярность высшего инженерно-технического образования среди выходцев из рабочего класса объяснялась прежде всего практическими соображениями – профессия инженера сулила солидный заработок и динамичное продвижение по лестнице социальной мобильности.

Вместе с тем перфекционистский подход к демократизации студенческого состава был не всегда присущ даже представителям центральной и высшей государственной и партийной власти. Большевики вынуждены были искать баланс между задачами воспитания кадров из приоритетных классов и необходимостью поддерживать по возможности высокий уровень качества этих кадров. Периодически это заставляло делать исключение из правил. Так, в 1924 г. ЦК РКП(б) предложил «инструктировать председателей и членов комиссий по проверке состава учащихся в вузах, что при проверке лиц непролетарского происхождения необходимо при наличии академической успешности более осторожно подходить к детям лиц интеллигентных профессий, состоящих на советской службе (врачей, агрономов, учителей, инженеров и т.п.), а также детей служащих, чем к иным выходцам из буржуазной среды» [36. Л. 3]. При таком подходе картина выглядит уже несколько иначе: в том же 1927/28 уч. г. доля детей служащих среди учащихся в Томском университете составляла 52,7%, а детей лиц интеллигентных профессий – 0,3%. В Иркутском государственном университете (ИГУ) соответствующие показатели составляли 43,3 и 0,7% [35. С. 242–243]. При допускаемых властью послаблениях, таким образом, социально приемлемые

студенты (вместе с выходцами из крестьянства) в конце 1920-х гг. составляли абсолютное большинство (96,2 % в ТГУ и 96,1% в ИГУ). К 1934 г. среди студентов ТГУ доля детей рабочих составляла 44%, служащих – 34%, крестьян – 13,1% [37. Л. 2]. Такое соотношение в общем было характерно и для студенческого контингента физико-математического факультета.

П. Джозефсон отмечает, что институт выдвиженцев (приоритетная подготовка кадров, в том числе высшей квалификации, из рабочего класса) не работал в отношении физики – науки, предъявлявшей к студентам и аспирантам повышенные требования [38. Р. 80]. Однако следует сказать, что в условиях 1920–1950-х гг., как, впрочем, и более поздних периодов, акцент делался на подготовке специалистов в области не столько теоретической физики, сколько иных разделов этой науки, востребованных в СССР. По воспоминаниям той же Н.Л. Вишневской, в 1930-е гг. в группе теоретиков ФМФ ТГУ обучалось всего 6 студентов [33. С. 143]. Это было связано и с доминирующими, преимущественно практически ориентированными областями научной работы физиков и математиков в ТГУ: физикой твердого тела, оптикой и спектроскопией, радиофизикой, баллистикой, с 1950-х гг. – физикой полупроводников, механикой реагирующих сред, кибернетикой. Конечно же, одно время на ФМФ ТГУ преподавателям приходилось сталкиваться с непростым выбором между способными и классово приемлемыми студентами (хотя порой два этих параметра совпадали). Приходилось исключать способных студентов и аспирантов в ходе так называемых чисток. Но процесс социального обновления студенческого и аспирантского, а позднее и преподавательского корпуса не прекращался. В 1930-е гг. аспирант СФТИ Н.А. Бессонов даже хотел оставить университет, где учащиеся считали его «идеологически чуждым элементом» (цит. по: [28. С. 62]).

Молодые абитуриенты – выходцы из социально приемлемых слоев, двойственно воспринимали университеты. С одной стороны, советские университеты в 1920–1930-е гг. практически уже не имели в своей структуре гуманитарных факультетов – интегральная часть классического университетского образования. Предлагаемые университетами программы подготовки по физико-математическим и естественным наукам, кажется, должны были вполне удовлетворять их потребности в освоении практически значимых профессий. С другой стороны, уже в 1930-е гг. власть пошла на известную реставрацию облика классических университетов. С 1934 г. в них начинают восстанавливаться (создаваться) гуманитарные факультеты (в ТГУ исторический факультет был открыт в 1940 г. (с 1941 г. – историко-филологический), а юридический – в 1948 г. (с 1954 г. – экономико-юридический)).

Не успевшее изжить себя за 1920-е гг. отношение к университетам как оплоту элитарности получило новый импульс.

Одним из представителей этих новых поколений в ТГУ был В.Н. Детинко. Сын рабочего, участник Великой Отечественной войны, он вспоминал, что «университет как высшее учебное заведение тогда не был популярен – подавляющее большинство населения тогда

даже не знало, чему там учат». Детинко признавался: «Мы – рабоче-крестьянские дети – охотно (и бесплатно!) учились в начальных, в неполных и полных средних школах, а наши родители с энтузиазмом осваивали новую технику, строили заводы и фабрики, возводили новые города и хотели, чтобы мы были образованными людьми. И все-таки в университеты шли учиться в основном из “образованных” семей» [39. С. 185].

Тем не менее после демобилизации в октябре 1945 г. В.Н. Детинко отправился поступать на физико-математический факультет Томского университета. В первые послевоенные годы на том же факультете обучались бывшие фронтовики М.С. Бобровников, В.П. Фадин, В.Е. Зуев, П.С. Соломин, М.Р. Куваев и др. По воспоминаниям обучавшейся в то время Л.М. Красильниковой, «мечту об университете» они пронесли «через ужасы боев и ранений» [40. С. 191]. Однокурсники называли их стариками, хотя им было всего по 20–25 лет. В дальнейшем они стали профессорами ТГУ, некоторые создали в этом вузе свои научные школы.

В 1948 г. ФМФ ТГУ был разделен на физический (ФФ) и механико-математический (ММФ) факультеты. Тогда же в планах, впрочем, не осуществленных, было открыть в составе ТГУ и факультет ядерной физики [41. Л. 4]. В 1953 г. на базе 3 выделенных из состава физического факультета кафедр (электромагнитных колебаний, радиофизики, электрофизики) организован радиофизический факультет (РФФ). Факультет такого типа ранее был открыт только в одном классическом университете – Горьковском (ныне Университет Лобачевского в Нижнем Новгороде). В 1962 г. специальное отделение физического факультета ТГУ преобразовано в физико-технический факультет, а в 1970 г. в составе университета появился факультет прикладной математики (с 1980-х гг. – факультет прикладной математики и кибернетики (ФПМК), ныне Институт прикладной математики и компьютерных наук). К концу советской эпохи, таким образом, в составе Томского университета из 13 факультетов 5 были физико-математическими. Львиную долю их профессорско-преподавательского состава в позднесоветское время составляли люди, воспитанные и получившие образование в 1920–1960-е гг. Они во многом определяли вектор развития университета, составляя заметную и зачастую наиболее конкурентоспособную группировку профессорско-преподавательского состава. Будучи последователями практического знания, именно они привнесли в классический университет новое представление о нормах и идеалах науки и нередко «весьма скептическое» отношение к гуманитарному знанию. Во многом эти доминирующие стандарты сохранились и в постсоветских российских университетах.

Новые поколения физиков и математиков в ТГУ отличало разнообразие жизненного опыта (в том числе освоение в прошлом рабочих профессий, участие в войне), социальное происхождение преимущественно из среды рабочих, крестьян, служащих, высокая мобильность в профессии. Из 38 ученых, занимавших в

1948–1991 гг. должности деканов физико-математических факультетов ТГУ, 37 получили высшее образование после 1917 г. (исключение – В.Д. Кузнецов (декан ФФ в 1949–50 гг.)). 14 человек происходили из среды служащих, 7 – из семей интеллигенции, 6 – из крестьян, 5 – из рабочих, 1 – из донского казачества, 1 – из мещан. Дворянские корни имела только первый декан ФФ Н.А. Прилежаева. Из 38 деканов 26 были партийными. Трое ранее были рабочими: это первые деканы радиофизического (В.Н. Кессених (декан в 1953–1956 гг.)), В.И. Иванчиков (декан в 1961–1963 гг.)) и физико-технического (В.В. Поттосин (декан в 1962–1965 гг.)) факультетов. 9 деканов были участниками Великой Отечественной или Советско-японской войн. 6 получили образование не в Томском университете, еще 3 обучались в других вузах, хотя окончили ТГУ. 7 до начала преподавания в ТГУ работали школьными учителями и инженерами. 8 человек начинали свою карьеру в других вузах и НИИ (Москвы, Ленинграда, Омска, Барнаула, Ростова-на-Дону, Саратова, Ставрополя, Акмолинска (Целиноград, ныне – Астана)).

Показателен социальный портрет физиков и математиков, наиболее преуспевших в профессии. Из 19 физиков и математиков, чьи портреты размещены в почетной галерее «Профессора Томского университета» (главные критерии отбора – наличие собственной научной школы и государственных наград), 3 получили высшее образование до революции, 5 – в период с 1922 по 1931 г., 2 – в 1940–1941 гг., 9 – с 1951 по 1963 г. К последней группе принадлежат уже упомянутые физики В.Е. Зуев, В.Н. Детинко, М.С. Бобровников, а также В.Н. Виллюнов, Ю.С. Макушкин, А.С. Петров, С.Д. Творогов, математики А.Д. Закревский, А.Ф. Терпугов. Из 16 ученых, получивших высшее образование после 1917 г., только одна происходила из дворян (упомянутая уже Н.А. Прилежаева), 2 – из мещан, 3 – из крестьян, 8 – из семей рабочих и служащих. Только 2 (А.С. Петров и А.Ф. Терпугов) родились в семьях вузовских преподавателей. Все они являются выпускниками университетов (Томского, Ленинградского, Ростовского (Донского)).

В целом из 115 докторов наук, которые начали преподавать в ТГУ в звании профессора с 1945 по 1980 гг., 43 (38%) приходились на физико-математические факультеты (подсчитано по: [42]). 15 из них имели социальное происхождение из служащих, 11 – из рабочих, 6 – из крестьян. 10 родились в семьях интеллигенции, были детьми инженеров, вузовских преподавателей, врачей, журналистов, преподавателей начальной и средней школы; один имел дворянские корни (математик В.С. Малаховский); все остальные (32 человека) были первыми в своей семье, получившими высшее образование. 12 принимали участие в Великой Отечественной или Советско-японской войнах; 26 были партийными. Почти все они – выпускники классических университетов (Томского, Московского, Ленинградского, Саратовского, Вильнюсского). Исключение составили лишь 2 – выпускник Томского политехнического института Г.А. Месяц (основатель кафедры физики плазмы ФФ ТГУ) и выпускник Ленинградского

индустриального института В.А. Шваб (основатель кафедры прикладной аэромеханики ФТФ ТГУ). Слова Детинко о том, что в университеты шли в основном дети из «образованных» семей, по крайней мере на примере наиболее преуспевших физиков и математиков Томского университета, кажутся в известной мере преувеличенными, хотя они и отражают амбивалентное отношение выходцев из рабочих и крестьян к классическим университетам.

26 из 43 рассматриваемых профессоров окончили вузы между 1945 и 1964 гг. Именно в послевоенные годы в СССР заметно повышается спрос на специалистов с высшим физико-математическим и инженерно-техническим образованием. Способствовала этому просветительская работа со школьниками, привлекательный ореол атомного и космического проектов, возросший статус и престиж профессий физика, математика, инженера, культурная пропаганда деятельности ученых и инженеров. В фильме М.И. Ромма «Девять дней одного года» (1961 г.) главную роль физика-ядерщика исполнил А.В. Баталов, звезда советского кинематографа. В 1958 г. общее число обучающихся во всех советских университетах по физическим и механико-математическим специальностям составляло 18 083 (вместе с инженерно-техническими специальностями – 19 556) – 14% от всех студентов университета (вместе с инженерно-техническими специальностями – 15%) [4. С. 98]. В профессорско-преподавательском составе университетов СССР было 3 208 специалистов в области физико-математических наук (и еще 119 – в области технических) [4. С. 99]. Это был один из самых массовых дисциплинарных сегментов университетов – 20% от общего количества ППС (вместе со специалистами в области технических наук – 21%). В 1950 г. доля физиков и математиков в ППС ТГУ составляла 20% (сотрудники физического, механико-математического и специального факультетов) (подсчитано по: [34]), в 1956 г. – 32% (сотрудники физического, механико-математического и радиофизического факультетов) (подсчитано по: [43]).

Если рассматривать общесоюзную динамику, то мы видим, что физико-математические и технические науки стабильно входили в первую тройку по общей численности научных кадров: в 1950 г. они, соответственно, принадлежали к группам 10–15 тыс. и свыше 15 тыс., а в 1970 – свыше 50 тыс. (как по физико-математическим, так и по техническим наукам). С 1950 по 1970 г. среднегодовой прирост по техническим наукам составлял 12,6%, по физико-математическим – 12,1%, в то время как прирост по наукам в целом был равен 9,1% [12. С. 66, 69–70]. С 1960 по 1975 г. общее количество аспирантов, обучавшихся по программам физико-математических наук, возросло на 336% [13. С. 105]. Такие темпы роста сделали физико-математическую и техническую агломерацию советской науки одними из самых многочисленных. В 1970–1988 гг. общая численность кадров в области физико-математических наук возросла только в 1,6 раза (в 1950–1970 гг. – в 9,3 раза), а количество аспирантов соответствующих специальностей сократилось в 1,2 раза [13. С. 107].

Уже в 1940-е гг. трудно было назвать вуз в азиатской части СССР, в котором не преподавали бы выпускники Томского университета. Статус ТГУ как центра подготовки кадров высшей квалификации в следующие три десятилетия только укреплялся, и наиболее стремительная динамика здесь наблюдалась в области физико-математических наук, что, как видим, соответствовало тенденциям в развитии науки СССР в целом. В позднесоветский период стремительно расширялась сеть вузов и научно-исследовательских учреждений Сибири, которые необходимо было комплектовать кадрами. В 1950-е – первой половине 1970-х гг. были созданы университеты в Якутске (1956 г.), Новосибирске (1959 г.), Красноярске (1969 г.), Барнауле, Тюмени (1973 г.), Омске, Кемерово (1974 г.). При этом в 1956–1966 гг. около 50% всех аспирантов Сибирского региона готовились в Томском государственном университете и Томском политехническом институте [44. С. 153–156].

В 1947 г. доля аспирантов ТГУ, обучавшихся по физико-математическим специальностям, составляла 42,5% (из них 6,9% по механико-математическим специальностям). Такого показателя не достигали ни химико-биологические (18,4%), ни историко-филологические (15%), ни геолого-географические науки (10,3) [28. С. 105]. В 1964 г. удельный вес аспирантов по физико-математическим наукам составлял 33%, в 1974 г. – 40% [28. С. 131]. И это при том, что наиболее отличившихся студентов, физиков и математиков, не всегда удавалось оставить в аспирантуре (уходили работать по распределению). Проблематично было привлекать в аспирантуру и работников производства: руководители неохотно расставались со специалистами. Особой статьей рассматривался политический профиль аспирантов, большинство из них были партийными. К середине 1970-х гг. аспирантура ТГУ была одной из самых крупных в системе вузов всей РСФСР, уступая только Ленинградскому университету [28. С. 130]. В 1974 г. Томский университет, по решению Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, стал базовым вузом, за которым были закреплены задачи подготовки научно-педагогических кадров для всего Западно-Сибирского региона.

Однако уже к концу 1970-х гг. рост аспирантуры в ТГУ замедлился, а в период перестройки началось ее сокращение. Молодые сибирские вузы в пополнении научно-педагогических кадров к тому времени ориентировались преимущественно на внутренние ресурсы. Но и в этот период физико-математические факультеты занимали лидирующие позиции, обеспеченные высокой публикационной активностью сотрудников, темпами и качеством подготовки кадров, просветительской деятельностью, ну и, конечно, потенциалом внедрения разработок в народное хозяйство и производимым при этом экономическим эффектом. Так, в 1989 г. по итогам социалистического соревнования в ТГУ первое место занял коллектив ФТФ, второе – ФФ, третье – РФФ [45. Л. 2].

В 1969 г. при Томском университете был создан Научно-исследовательский институт прикладной ма-

тематики и механики (НИИ ПММ – учреждение, прежнее по отношению к НИИ ММ, в 1941 г. вошедшему в качестве специального отдела в состав СФТИ). Ранее, в 1960 г., упомянутый уже выпускник физфака ТГУ В.Е. Зуев начал формировать в составе СФТИ команду единомышленников, объединенных в лаборатории инфракрасных излучений. В 1969 г. на ее базе был организован Институт оптики атмосферы (ИОА) Сибирского отделения (СО) АН СССР. Институт вошел в структуру томского филиала, а затем – Томского научного центра (ТНЦ) СО АН СССР. В 1970 г. Зуев избран членом-корреспондентом, в 1981 г. – действительным членом АН СССР. В 1977 г. на базе отдела ИОА создан Институт сильноточной электроники (ИСЭ) СО РАН под руководством Г.А. Месяца (с 1979 г. – член-корреспондент, с 1984 г. – действительный член АН СССР). В 1984 г. из состава ИОА выделяется Институт физики прочности и материаловедения (ИФПМ) СО АН СССР. Его основатель – выпускник физфака ТГУ 1952 г., профессор В.Е. Панин (с 1981 г. – член-корреспондент, с 1987 г. – действительный член АН СССР). Вместе с СФТИ и НИИ ПММ, а также физико-математическими факультетами ТГУ эти институты, составившие ядро ТНЦ СО АН СССР, образовали целую империю, в которой реализовывались принципы взаимодействия академической науки и вузовского образования. Все основатели этих институтов не порывали своей связи с университетом. Они вместе со многими своими сотрудниками продолжали работать в ТГУ преподавателями по совместительству. В лабораториях и отделах ИОА, ИСЭ, ИФПМ ТНЦ СО АН СССР ежегодно проходили практику, готовили курсовые и дипломные работы десятки и сотни студентов физико-математических факультетов ТГУ.

В раннесоветский период наука в университетах заняла подчиненное положение, и это было результатом направленной политики государства. Однако уже с конца 1930-х гг. начинает преобладать противоположный курс, существенные же изменения в отношении вузовской науки пришлось на 1950–1960-е гг. (см.: [7 С. 82; 11. С. 309–310]). Вместе с тем на протяжении всего советского периода центр научной жизни был смещен в сторону Академии наук и отраслевых НИИ. Это признается большинством исследователей проблемы. Даже 1950–1960-е гг. не изменили это положение кардинально. В этих условиях университеты, как и вузы в целом, оказались перед вызовом, ответ на который во много зависел от того, как они выстраивают отношения с академическим сектором науки. Научная конкурентоспособность советских университетов с середины XX в. все более плотно сопрягалась с объемом хоздоговорных исследований, по сути, реализуемых по конкретным заказам предприятий. Объем хоздоговорных работ в вузах в позднесоветский период планомерно увеличивался, достигнув к 1980-м гг. планки в 1 млрд рублей [11. С. 365]. Данные инициативы поощрялись государством (что являлось и условием увеличения госбюджетного финансирования), это один из ключевых индикаторов научной эффективности вузов и научно-исследовательских учреждений. Недаром В.Е. Зуев в своих воспоминаниях особо подчеркивал,

что в конце 1980-х гг. в руководимом им ИОА СО АН СССР при годовом бюджете (государственном) в 4 млн рублей объем договорных денег составлял 21 млн рублей [46. С. 181].

Парадоксально, но в централизованном СССР наука управлялась из нескольких точек. Яркое выражение разделение советской науки на академическую, отраслевую и вузовскую является свидетельством такого положения дел, однако и внутри этих секторов существовали трудности при коммуникации различных структур. Это привело к монополизации целых направлений в науке, вытекающим отсюда низкой эффективности и высоким затратам [10. С. 474], а в случае с университетами создавало дополнительные барьеры в борьбе за лидерские позиции в науке и приоритетное финансирование, в том числе и госбюджетное. Участие в финансируемых государственным бюджетом крупных научных программах требовало особого искусства, как говорил в 1986 г. на заседании Ученого совета ТГУ директор НИИ ПММ А.Д. Колмаков, в преодолении «могучих ведомственных барьеров» [47. Л. 24].

В этом контексте привилегированные позиции физико-математического сообщества кажутся неслучайными. В преимущественно практически ориентированном пространстве советской науки ценность исследования зачастую определялась экономическим эффектом, измеренным в рублях. Превосходно ориентировавшиеся в советском партийно-бюрократическом аппарате В.Е. Зуев, Г.А. Месяц и В.Е. Панин смогли создать на карте Академии наук новый заметный центр и войти в академический истеблишмент. При этом все они оставались органичной частью университета, высокие позиции которого в известной мере были обеспечены близкими связями с академией, а также разросшимся сообществом выпускников.

В первой половине 1970-х гг. на ФТФ ТГУ закрыли специальность подготовки «Динамика полета». Из-за этого набор сократился со 100 до 50 человек. Встал вопрос о закрытии факультета. Т.М. Платова, которая в этих условиях вступила в должность декана ФТФ, для того чтобы сохранить факультет, составила банк данных о его выпускниках (до открытия ФТФ – специального отделения ФМФ, а затем ФФ ТГУ), которые к тому времени работали на промышленных предприятиях и в научных учреждениях по всей стране, а также в ряде министерств, в том числе на высоких должностях. Платова вспоминала: «Когда я знакомила начальника отдела молодых специалистов Министерства среднего машиностроения с этим банком данных, он воскликнул: “Неужели наш генерал Базаров тоже ваш выпускник?”» [48]. Физико-технический факультет тогда удалось сохранить. Функционирует он в составе ТГУ и сегодня.

Разбросанное по всей стране сообщество выпускников физико-математических факультетов ТГУ стало еще одним фактором, определявшим в советское время его статус и престиж. Повторим, что эти выпускники пополняли профессорско-преподавательский, а также руководящий состав многих молодых вузов Сибири и СССР в целом.

С 1973 по 1981 г. выпускник, а в дальнейшем профессор ММФ ТГУ И.А. Александров был ректором (первым) Тюменского государственного университета. В 1986 г. заведующий кафедрой механики деформируемого тела ФТФ ТГУ А.Н. Кудинов занял пост ректора Калининского (ныне Тверского) государственного университета.

В 1983 г. впервые за долгое время ректором ТГУ стал физик – уже упомянутый Ю.С. Макушкин (занимал эту должность до 1992 г.). В период пребывания Ю.С. Макушкина в должности ректора, с 1984 г. началась целевая интенсивная подготовка специалистов (ЦИПС). Реализация этой программы осуществлялась на физико-математических факультетах (ФФ, РФФ, ФТФ, ФПМК). Одна из целей программы – индивидуальная подготовка инженеров по договорам с предприятиями. К 1990 г. в ТГУ по программе ЦИПС было подготовлено 450 человек [49. Л. 2]. Кафедры классического университета создавали при этом свои филиалы и отделения непосредственно на предприятиях – будущих работодателях выпускников. В это время несколько отраслевых и академических НИИ, прежде всего, разумеется, уже названных – из структуры ТНЦ СО АН СССР, были базовыми для подготовки специалистов научно-исследовательской работы внутри университета.

Утилитарный подход к вопросу о ценности научного знания, разросшаяся сеть физико-математических и в частности физико-технического факультетов, зачастую ориентированных на обучение инженерным профессиям, конечно же, отдаляли университет от аутентичной модели классического. Томский университет, как и многие другие старые университеты, сильно изменился в советское время. Однако идея университета красной нитью проходила через концепции радикальной трансформации внутренней структуры ТГУ, магистральных направлений его учебной и научно-исследовательской деятельности. В этом смысле инженер, подготовленный в университете, не всегда соответствовал привычному образу советского инженера. В.П. Степанов, декан ФТФ ТГУ в 1964–1971 и в 1975–1978 гг., отмечал: «В настоящее время научно-техническая революция определяет все новые и новые направления творческих поисков, ставит на очередь дня все более сложные задачи. Вырисовывается явление, которое можно назвать мобильностью профессии. Все чаще случается необходимость в быстрой и резкой переориентации весьма значительных групп работников в связи с появлением новых направлений исследований. Решать такие задачи современности может только тот, кто получил широкое образование, прочную теоретическую подготовку.

В этом свете ясно проявляется своеобразное положение физико-технического факультета в университете... Сама жизнь ответила на вопрос, который долгие годы был дискуссионным: кого должен выпускать вуз – “узких” специалистов или специалистов широкого профиля – на широкой основе... Практика показала, что специальные знания стареют гораздо быстрее фундаментальных. Поэтому особый акцент в системе физтеха делается на естественнонаучное образование,

прежде всего по дисциплинам физико-математического цикла» [50].

На исходе советской эпохи в общественном мнении стал востребован исходный образ классического университета, восходящего к дореволюционной эпохе, а в центре обсуждений сотрудников ТГУ то и дело поднимался вопрос о гуманизации и гуманитаризации образования – тенденция, которая ввиду высокой популярности гуманитарного и прежде всего экономического и юридического образования только усилится в 1990-е гг. Ю.С. Макушкин, правда, едва ли был склонен сопротивляться этому веянию. Напротив, при нем четко артикулируются цели учебного процесса, связанные с формированием целостной системы научных знаний, объединяющих природу, человека и социум; организуется межфакультетская специализация по культурологии. Макушкин в своих выступлениях на ученых советах ТГУ цитирует Гоголя и Тютчева и, кажется, фаталистически смотрит в будущее в условиях экономического кризиса и сокращения финансирования университета, политической нестабильности и утраты твердых моральных ориентиров. Связи с производственными комплексами и академическими институтами, установленные усилиями в первую очередь его коллег по физико-математическим факультетам, стали подспорьем в процессе выживания в 1990-е гг., когда вопрос о возможном закрытии университета стоял уже не риторически. В памяти сообщества сохранилось то, что и ранее, в непростые времена оно было опорным для университета. В 1994 г. Т.М. Платова отмечала: «Мы – люди времени. В свое время мы после войны восстанавливали университет. И восстанавливали за счет хозяйственной тематики, которая составляла больше половины финансирования. Это были труды ученых физических факультетов. Это именно они сделали основной вклад в развитие материальной базы ТГУ. И сейчас мы прекрасно видим, какие времена настали, мы хорошо ориентируемся в ситуации и понимаем, что сегодня не оборонные специальности являются определяющими» [51. Л. 10–11].

Заложенные физиками и математиками ТГУ в 1960–1980-е гг. практики взаимодействия университета и академии были ранее апробированы в деятельности Московского физико-технического института, а также Новосибирского государственного университета в связке с СО АН СССР. Однако, в отличие от этих двух вузов, которые создавались с нулевого уровня данной модели, Томский университет к 1960-м гг. имел уже более чем 80-летнюю историю и исторические корни Императорского университета дореволюционного времени. За 1920–1930-е гг. ФМФ прошел стремительный путь превращения из не самых многочисленных и влиятельных в одно из доминирующих структурных подразделений ТГУ. В период войны и первые послевоенные годы статус физико-математического сообщества университета заметно возрос.

Изменившиеся диспозиции дисциплинарных агломераций внутри университета, который, кажется, все более терял отличия от политехнического вуза, были созвучны политике классового отбора при формировании студенческих контингентов в СССР. В университет приходили люди, зачастую не готовые ортодоксально относиться к

вопросу о верности университетской традиции. Социально приемлемые для власти представители поколения, к которому принадлежали и Ю.С. Макушкин, и В.Е. Зуев, и В.Н. Детинко, подчас смотрели на университеты как на элитарные центры, где учатся люди из «образованных» семей. Но вместе с тем это не стало барьером при их поступлении в университет как Томска, так и других городов СССР. Представляется, что, напротив, недоступность университетов в их восприятии в известной мере сакрализовала образ последних.

Томские физики и математики, став вхожими во властные круги состоявшимися учеными, умело использовали все рычаги для того, чтобы в условиях асимметричной конкуренции с Академией наук сделать ее не

опасным конкурентом, а надежным союзником университета. Ставка на практико-ориентированную подготовку специалистов в сочетании с университетскими традициями обернулась опередившей свое время концепцией «мобильности профессии». Противоречивая научная и вузовская политика властей, особенности социального портрета поколения физиков и математиков, пришедших в университетскую науку в 1930–1960-е гг., дисбаланс в развитии различных научных агломераций и крен в сторону физико-математических и технических наук обусловили преобладание в развитии отечественных классических университетов в ту эпоху, когда предпосылки для этой преобладности были минимальны, а зачастую и ничтожны.

Список источников

1. Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М. : Советская наука, 1950. 235 с.
2. Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1957. 296 с.
3. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. : Советская наука, 1958. 176 с.
4. Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки (Специалисты высшей квалификации в СССР и капиталистических странах). М. : Высшая школа, 1968. 360 с.
5. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1973. 472 с.
6. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М. : Высшая школа, 1980. 560 с.
7. Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М. : Наука, 1990. 224 с.
8. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.
9. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 896 с.
10. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд. Дом Высш. школы экономики, 2022. 616 с.
11. Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е.А. Долговой. М. : РГГУ, 2023. 625 с.
12. Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров в СССР / под ред. Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, С.А. Кугеля. М. : Наука, 1973. 200 с.
13. Аллавердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М. : Когито-Центр, 2014. 263 с.
14. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.
15. Отчет о состоянии Томского университета за 1916 год. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1917. 121 с.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
17. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Т. 2 : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. 517 с.
18. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1991. 392 с.
19. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–152.
20. Кузнецов В.Д. Мой путь в науке (рукопись). Томск : Б.и., б.г. 268 с.
21. Нилов В.З., Терюшков Г.А. Университетское образование в Сибири (1917–1941 гг.) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 249–267.
22. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 237 с.
23. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 140.
24. ГАТО. Ф. Р-825. Оп. 1. Д. 275.
25. Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, А.В. Литвинов, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 188 с.
26. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 896 с.
27. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 1100.
28. Цеховой Н.П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2016. 200 с.
29. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся). Томск, 1941–1945.
30. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Томск – центр защиты диссертационных работ на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 148–155.
31. Гутнова Е.В. Пережитое. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 464 с.
32. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2 / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 544 с.
33. Вишневская Н.Л. О том, что помнится // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 140–148.
34. Штатный формуляр профессорско-преподавательского персонала Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева на 1949/50 уч. г. // Архив научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность».
35. Косцова Л.В. Динамика состава сибирского студенчества в 20-е годы // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 219–248.
36. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 19. Д. 82.
37. ГАТО. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 78.
38. Josephson P. Totalitarian science and technology. 2nd ed. Amherst, NY : Humanity Books, 2005. 181 p.
39. Детинко В.Н. Юбилеи, юбилеи... // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 185–188.

40. Красильникова Л.М. Нас хорошо учили. Мы хорошо учились // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 190–194.
41. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 985.
42. Профессора Томского университета: Биографический словарь (1945–1980). Т. 3 / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов, К.В. Петров, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 532 с.
43. Штатный формуляр профессорско-преподавательского персонала Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева на 1955/56 уч. г. // Архив научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность».
44. Водичев Е.Г. Путь на восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.). Новосибирск : ЭКОР, 1994. 204 с.
45. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 7334.
46. Зуев В.Е. Воспоминания к юбилею университета // Физики о физике и физиках : сб. статей / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 176–185.
47. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 6964.
48. Платова Т.М. Я – счастливый человек (воспоминания... дневники... черновики). Томск : Б.и., 2018 // Музей истории ТГУ.
49. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 7460.
50. Степанов В.П. Факультет новой техники // За советскую науку. 1977. 6 янв.
51. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 7925.

References

1. Sinetskiy, A.Ya. (1950) *Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshey shkoly SSSR* [Professorial and Teaching Staff of Higher Schools of the USSR]. Moscow: Sovetskaya nauka.
2. Butyagin, A.S. & Saltanov, Yu.A. (1957) *Universitetskoe obrazovanie v SSSR* [University Education in the USSR]. Moscow: Moscow State University.
3. Galkin, K.T. (1958) *Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnykh kadrov v SSSR* [Higher Education and Training of Scientific Personnel in the USSR]. Moscow: Sovetskaya nauka.
4. Chutkerashvili, E.V. (1968) *Kadry dlya nauki (Spetsialisty vysshey kvalifikatsii v SSSR i kapitalisticheskikh stranakh)* [Personnel for Science (Highly Qualified Specialists in the USSR and Capitalist Countries)]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Chanbarisov, Sh.Kh. (1973) *Formirovaniye sovetskoy universitetskoy sistemy (1917–1938 gg.)* [Formation of the Soviet University System (1917–1938)]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoye izd-vo.
6. Elyutin, V.P. (1980) *Vysshaya shkola obshchestva razvitogo sotsializma* [Higher School of the Society of Developed Socialism]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Lakhtin, G.A. (1990) *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Organization of Soviet Science: History and modernity]. Moscow: Nauka.
8. Kolchinskiy, E.I. (ed.) (2003) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
9. Dmitriev, A.N. (ed.) (2012) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [Schedule of Changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Kuz'minov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2022) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How it works]. 2nd ed. Moscow: HSE.
11. Dolgova, E.A. (ed.) (2023) *Nauka bol'shoy strany: sovetskiiy opyt upravleniya* [Science of a Big Country: Soviet management experience]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
12. Gvishiani, D.M., Mikulinskiy, S.R. & Kugel', S.A. (eds) (1973) *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i izmeneniye struktury nauchnykh kadrov v SSSR* [Scientific and Technological Revolution and Changes in the Structure of Scientific Personnel in the USSR]. Moscow: Nauka.
13. Allakhverdyan, A.G. (2014) *Dinamika nauchnykh kadrov v sovetskoy i rossiyskoy nauke: sravnitel'no-istoricheskoye issledovanie* [Dynamics of Scientific Personnel in Soviet and Russian Science: A comparative historical study]. Moscow: Izd-vo "Kogito-Tsentr".
14. Dolgova, E.A. (2020) *Rozhdeniye sovetskoy nauki: uchenyye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
15. Anon. (1917) *Otchet o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1916 god* [Report on the State of Tomsk University in 1916]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
16. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
17. Rostovtsev, E.A. (2016) *Sankt-Peterburgskiy universitet v kontekste sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii (1884–1917)* [Saint Petersburg University in the context of the socio-political history of Russia (1884–1917)]. Vol. 2. History Dr. Diss. Saint Petersburg.
18. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher School in Russia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Moscow: Institute of History USSR AS.
19. Krichevskiy, G.G. (1985) *Uchenyye stepeni v universitetakh dorevolutsionnoy Rossii* [Academic degrees in universities of pre-revolutionary Russia]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 141–152.
20. Kuznetsov, V.D. (n.d.) *Moy put' v nauku* [My Path in Science]. Manuscript. Tomsk: [s.n.].
21. Nilov, V.Z. & Teryushkov, G.A. (1980) *Universitetskoe obrazovanie v Sibiri (1917–1941 gg.)* [University education in Siberia (1917–1941)]. In: Soskin, V.L. (ed.) *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 249–267.
22. Litvinov, A.V. (2002) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20–30-e gody XX veka)* [The faculty of Tomsk University (1920s–1930s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
23. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 140. (In Russian).
24. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-825. List 1. File 275. (In Russian).
25. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* (1888–2003) [Rectors of Tomsk University: Biographical dictionary (1888–2003)]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Mironov, B.N. (2018) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From tradition to modernity]. 2nd ed. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
27. *State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO)*. Fund P-3. List 10. File 1100. (In Russian).
28. Tsekhovaly, N.P. (2016) *Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-e – 1991 gg.): regional'nyy opyt* [Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in the USSR (1920s – 1991): Regional experience]. Tomsk: Tomsk State University.
29. *Krasnoye znamya. Organ Tomskogo gorkoma VKP(b) i gorodskogo soveta deputatov trudyashchikhsya. (1941–1945)*
30. Fominykh, S.F. & Stepanov, A.O. (2017) Tomsk as the center of dissertation defenses in the East of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 148–155. (In Russian).

31. Gutnova, E.V. (2001) *Perezhitoe* [Experienced]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
32. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
33. Vishnevskaya, N.L. (1998) O tom, chto pomnitsya [About what is remembered]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 140–148.
34. Arkhiv nauchno-uchebnoy issledovatel'skoy laboratorii "Sibir: istoricheskie traditsii i sovremennost'" [Archive of the scientific and educational research laboratory Siberia: Historical Traditions and Modernity]. *Shtatnyy formulyar professorsko-prepodavatel'skogo personala Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva na 1949/50 uch. g.* [Staffing record of the teaching staff of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev for the 1949/50 academic year].
35. Kostsova, L.V. (1980) Dinamika sostava sibirskogo studenchestva v 20-e gody [Dynamics of the composition of Siberian students in the 1920s]. In: *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher Education and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 219–248.
36. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund R-5446. List 19. File 82. (In Russian).
37. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-464. List 1. File 78. (In Russian).
38. Josephson, P. (2005) *Totalitarian Science and Technology*. 2nd ed. Amherst, NY: Humanity Books.
39. Detinko, V.N. (1998) Yubilei, yubilei... [Anniversaries, anniversaries...]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 185–188.
40. Krasil'nikova, L.M. (1998) Nas khorosho uchili. My khorosho uchilis' [We were taught well. We studied well]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 190–194.
41. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 985. (In Russian).
42. Fominykh, S.F. et al. (2001) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1945–1980)* [Professors of Tomsk University: Biographical dictionary (1945–1980)]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
43. Arkhiv nauchno-uchebnoy issledovatel'skoy laboratorii "Sibir: istoricheskie traditsii i sovremennost'" [Archive of the scientific and educational research laboratory Siberia: Historical Traditions and Modernity]. *Shtatnyy formulyar professorsko-prepodavatel'skogo personala Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva na 1955/56 uch. g.* [Staff record of the faculty of Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev for the 1955/56 academic year].
44. Vodichev, E.G. (1994) *Put' na vostok: formirovaniye i razvitiye nauchnogo potentsiala Sibiri (seredina 50-kh – 60-e gg.)* [The Path to the East: The formation and development of the scientific potential of Siberia (mid-1950s–1960s)]. Novosibirsk: EKOR.
45. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 7334. (In Russian).
46. Zuev, V.E. (1998) Vospominaniya k yubileyu universiteta [Memories for the anniversary of the university]. In: Anokhina, I.N. (ed.) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists about Physics and Physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 176–185.
47. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 6964. (In Russian).
48. Platova, T.M. (2018) *Ya – schastlivyy chelovek (vospominaniya... dnevniki... chernoviki)* [I Am a Happy Person (Memories... diaries... drafts)]. Tomsk: [s.n.].
49. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 7460. (In Russian).
50. Stepanov, V.P. (1977) Fakul'tet novoy tekhniki [Faculty of new technology]. *Za sovetскую nauku*. 6 January.
51. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund R-815. List 1. File 7925. (In Russian).

Информация об авторах:

Некрылов С.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой российской истории, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Степнов А.О. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Геворкян А.А. – магистрант факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anushgevorgyan71@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Nekrylov, Dr. Sci. (History), head of the Department of Russian History, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

A.O. Stepnov, Cand. Sci. (History), senior lecturer, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

A.A. Gevorgyan, master's student, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anushgevorgyan71@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024;
одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/15617793/505/19

Начальный этап формирования томских татар: этнические субстраты XVII в.

Людмила Ивановна Шерстова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Конкретизируется начало процесса сложения томских татар в контексте геополитической ситуации в Сибири XVII в. Делается вывод о важной роли эуштинского князя Тояна по укреплению русского присутствия в Притомье, что позволило Томску стать центром притяжения для военной элиты телеутов и чатов, а эуштинские татары послужили основой для нового витка этногенеза, в который влилась часть верхнеобских телеутов, чатов, выходцев из Средней Азии – бухарцев и православных казанских татар, ставших субстратом новой этнической группы под прежним этнонимом в XX в.

Ключевые слова: Московское царство, Томское Приобье, эуштинские татары, телеуты, чаты, бухарцы, казанские татары, этнокультурные процессы

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. Начальный этап формирования томских татар: этнические субстраты XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 185–190. doi: 10.17223/15617793/505/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/19

The initial stage of Tomsk Tatars formation: Ethnic substrates of the 17th century

Lyudmila I. Sherstova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. Southern Siberia Turkic peoples' entry into the citizenship of Moscow since the end of the 16th century largely determined their further ethno-political development, which took place within the framework of Russian statehood and constant cultural communications both with related peoples and with various waves of Russian immigrants. Ethnic processes were not interrupted either. It resulted in the formation of modern Siberian peoples by the beginning of the 20th century. Despite the constantly changing military-political and socio-cultural situation, which led to the loss of the original ethnic territories, as it happened among the ethnic components of modern Tomsk Tatars – Teleuts (Kalmaks) and Chats, the new places, where sometimes the peoples were forced to move to, were perceived as the future "native land". The Tomsk Tatars of the 17th century differed significantly in their ethnic composition and cultural characteristics from the Tomsk Tatars of the early 20th century. By this time, this ethnonym had included Chats, part of Teleuts (Kalmaks), Bukharians (traders from Central Asia), part of Kazan Tatars, natives of the European part of Russia. However, largely due to the role played by their Prince Toyon in strengthening Russians on the southern borders in Siberia, the Tomsk Tatars – Eushtans – of the 17th century became the ethnic forming core for other Turkic-speaking components of the future Tomsk Tatars of the early 20th century – migrants from the Upper Ob region – Chats and Teleuts, merchants from the Middle Asia – Bukharians, Orthodox Kazan Tatars. Russian authorities understood the aspirations of the local elite very well; therefore, the feature of their interaction with the Eushta, Teleuts, and Chats was an agreement acceptable for both sides, according to which, after affiliation to Moscow, the fur tribute was replaced by military service. It did not contradict the Central Asian military tradition of the Turkic peoples, helped them maintain a sense of a high social status.

Keywords: Moscow Tsardom, Tomsk Ob River region, Eushta Tatars, Teleuts, Chats, Bukharans, Kazan Tatars, ethnocultural processes

Financial support: The study was supported by the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2024) The initial stage of Tomsk Tatars formation: Ethnic substrates of the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 185–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/19

Включение тюркских народов Южной Сибири в подданство Москвы во многом определило их дальнейшее этнополитическое развитие, которое шло в

рамках российской государственности и постоянных культурных коммуникаций с различными волнами русских переселенцев начиная с конца XVI в.

Нестабильная военно-политическая ситуация в Сибири после разгрома Сибирского ханства, открытость ее южных границ, провоцировавшая набеги ойратов и енисейских киргизов, военная слабость и немногочисленность русских в начальный период их закрепления в Сибири, приводившая к поиску компромиссов с прежними владельцами земель и населения, что, в частности, выразилось в появлении института двоеданства части южносибирских тюркских народов (кыштым – ясачный), алчное и подчас жестокое поведение русских служилых людей способствовали усилению миграционных процессов в среде аборигенного населения. В меняющейся политической ситуации часть местной элиты южносибирских тюрков предпочитала опираться на помощь военной силы русских для решения своих противоречий с соседними народами. Большая подвижность тюрков Южной Сибири помимо внешних факторов определялась и традиционным образом жизни: занятия охотой и рыболовством сопровождалась сезонными передвижениями, а местное скотоводство, имевшее слабые навыки стойлового содержания животных, предпочитало круглогодичный выпас на пастбищах, что также усиливало подвижность.

Однако, несмотря на эти обстоятельства, этнические процессы в тюркоязычной среде продолжались, хотя и шли в контексте меняющейся политической и социально-культурной ситуации, что приводило к изменению первоначальных этнических территорий у части аборигенов и закладывало восприятие новых, подчас вынужденных мест обитания как этнических территорий современных сибирских народов. Миграции сопровождалась и изменением первоначального их этносоциального устройства, когда нарушалась этническая целостность, а ее компоненты оказывались на разных территориях, становясь этническими субстратами или компонентами местных народов. С ростом русского населения усиливались его связи с ними, и если до начала XVIII в. аккультурация шла за счет русско-тюркских браков, учитывая, что русских женщин было немного, а присоединение Сибири имело «мужской облик», то с середины века растет число семейных переселенцев, что усиливает бытовые контакты и сопровождается взаимной аккультурацией, в результате чего исходные этнокультурные модели как русских сибиряков, так и местных тюрков меняются, а бытовые различия перестают быть препятствием к межкультурным коммуникациям.

Эти выводы, сделанные в результате исследования формирования современных тюркских народов Южной Сибири [1. С. 271–274], применимы к пониманию формирования томских татар, но нуждаются в определенном углублении и конкретизации. Несмотря на то, что томские татары были предметом достаточного раннего комплексного исследования [2], по-прежнему некоторые вопросы нуждаются в изучении. В монографии Н.А. Томилова сделан важный вывод о том, что томские татары XVII в. по своему этническому составу и культурным характеристикам существенно отличались от томских татар XX в. [3. С. 3]. К этому времени данный этноним распространился на чатов, часть телеутов (калмаки), бухарцев (торговцы из Средней Азии), часть татар, выходцев из европейской части России. Однако именно томские татары XVII в. или эуштинцы

по названию родовой принадлежности их главного князя Тояна – он происходил из рода эушта – стали этнообразующим стержнем, вокруг которого шло сближение других тюркоязычных компонентов, мигрантов из Верхнего Приобья.

В грамоте Бориса Годунова о строительстве г. Томска на основании сведений, представленных Тояном, указано, что он будет построен в «Томская волости», что подразумевало определенную этнополитическую целостность проживавших там «томских людей», «томских татар», численностью в «300 луков», т.е. 300 вооруженных мужчин. Если исходить из коэффициента 4, то общая численность томских татар на момент становления города составляла 1200 человек [4. С. 100], и это было довольно многочисленное население. Этногенез эуштинцев представлял собой результат тюркизации разными волнами начиная с древнетюркского времени аборигенов региона, близкого по происхождению самодийцев. В пользу этого свидетельствует тот факт, что правящая элита происходила из рода эушта, имевшим не тюркское, а самодийское происхождение, аналогом которого является род еуша у лесных ненцев [5. С. 44], а также преимущественное занятие охотой и рыболовством, характерное для южных самодийцев (селькупов), хотя они и разводили лошадей, что было связано с защитой земель от набегов енисейских киргизов и вкусовыми привычками, так как лошадиному мясу все тюркские народы отводят важное место, особенно в их обрядовой кухне.

Общество эуштинцев накануне их вхождения в состав Московского царства представляло собой потестарное образование, в котором наряду с «главным» князем Тояном правили и другие князья – Басандай, Евага, которые имели свои укрепленные городища. В элиту входили и вооруженные воины – всадники, которые защищали общие пределы от набегов и сборщиков албана (дани) енисейских киргизов. Неслучайно чуть позже в разговоре с русскими киргизский князь Ишей назвал Тояна и его подданных «лучшими своими кыштымами». Тоян и его вооруженное окружение достаточно хорошо разобрались с тем, что после падения Кучума геополитическая ситуация в Сибири изменилась. Имея большой дипломатический и военный опыт, будучи проницательным человеком, Тоян использовал приход русских для решения собственных проблем, главной из которых была угроза потери власти и переход томских татар в полную зависимость от енисейских киргизов. Именно поэтому Тоян и отправился в Москву с просьбой об основании на его землях русского города.

Существовали и внутренние проблемы – непростыми были отношения с князем Басандаем, в своем соперничестве ориентировавшимся на киргизов, поэтому неслучайно нити заговора Басандая, Лачи и Бадагды 1604 г. против русских вели к алтысарскому князю киргизов Немчи [2. С. 79]. Активное участие эуштинцев Тояна в военных походах томских воевод на киргизов с основания Томска было мстью бывшим владыкам.

Так, в 1621 г. еуштинцы обстоятельно пограбили кочевья киргизов и захватили большой полон, который тут же продали казакам и «бухарцам».

В связи с русско-киргизскими отношениями небыли интересны были бы сведения о том, какую характеристику киргизам дал Тоян во время первых контактов со своими новыми союзниками, ибо русские не раз использовали его знание ситуации и опыт. Анализ событий первого десятилетия XVII в. позволяет предположить, что сложные, часто взаимно непримиримые позиции русских воевод и енисейских князей сделались таковыми не только из-за объективных причин – борьба за кыштымов-ясачных или из-за военно-кастовой гордыни киргизов, но были следствием первичной их характеристики, полученной русскими от Тояна. Не исключено, что именно еуштинскому князю русские обязаны стойким предубеждением против киргизов как опасных и ненадежных партнеров, что несмотря на необходимость посольств и переговоров, наилучший способ убеждения в отношениях с ними – военные действия.

Неординарная роль Тояна проявилась в «телеутской политике» томских властей. Отнюдь не случайно именно он в 1609 г. вошел в посольство к сильному правителю «Телеутской земли», расположенной в степях среднего Приобья, к телеутскому князю Абаку. Тоян, очевидно, также пользовался доверием телеутов, так как лишь после того, как он поклялся, что Абака не оставят в Томске заложником, тот решился на поездку в русскую крепость. В том же году Абак, его мурзы и лучшие люди шертовали царю в том, чтобы «быти под царскою рукой, служить, ходить в походы на непослушников» и т.д. За это телеуты просили разрешения кочевать «блиско Томского городу, не брать с них ясака, оберегать от Алтына-царя и Казачьей Орды (казахов. – Л.Ш.)». По царскому указу эти просьбы были тогда удовлетворены [6. С. 36].

Таким образом, положение телеутов приближалось к тому, что уже имели еуштинцы: за участие в военных походах вместе со стрельцами и казаками они освобождались от наиболее зримого знака подданства – выплаты ясака, при этом сохраняя свой высокий воинский статус. А.П. Уманский рассматривает отношения между томской администрацией и Абаком (Абаковичами) как договор о военно-политическом союзе [6. С. 37]. Но вряд ли этот союз воспринимался обеими сторонами одинаково: вся последующая история русско-телеутских контактов есть череда то совместных антикиргизских военных выступлений (1615, 1621, 1622, 1630, 1680 гг.), то, наоборот, антирусских походов вместе с чатским князем Тарлаком, Кучумовичами, черными калмыками (ойратами) (1614, 1620, 1630 и т.д.). Постоянно сохранялась и угроза нападения телеутов на Томский город и Кузнецкий острог, разорения их окрестностей. Создавшееся неустойчивое равновесие сопровождалось обоюдными посольствами, русскими карательными экспедициями в кочевья телеутов или их кыштымов, увод последних из-под телеутского контроля. В пользу сохранения русско-телеутских отношений могло также действовать вполне вероятное восприятие телеутами вассального подданства русским как уменьшение зависимости от Джунгарии, которой они в это время платили алман [7. С. 81].

Стержневой особенностью взаимодействия сибирских властей с телеутами можно считать приемлемый для обеих сторон договор, по которому при переходе под руку Москвы внесение ясака заменялось службой. Последнее немаловажно, поскольку выплата подати этносом, имевшим собственных данников, неизбежно уравнивала бы его с его же кыштымами, что, во-первых, нарушало бы социально-политическую традицию и, во-вторых, такое отождествление с тягловым, зависимым населением было попросту оскорбительным для тогдашних телеутов. Военная же служба (пусть новым сюзеренам) прекрасно укладывалась в рамки центральноазиатской «улушной традиции», помогала телеутам сохранять самоощущение высокого социального статуса, т.е. не разрушала устоев менталитета «военно-кочевое общества». Такие предложения были понятны и с удовлетворением воспринимались местной элитой, во время своей поездки в Москву Тоян сумел добиться существенной уступки со стороны Москвы – его подданные благодаря военной службе не вносились в ясачные книги, т.е. не платили ясака, как основная масса сибирского населения, а занимались «градской службой» – строительством, извозом и т.д. С другой стороны, местная администрация, в условиях постоянной нехватки военной силы, имела возможность частично восполнить ее недостаток за счет «союзных» аборигенов. Поэтому уже в 1626 г. в составе томского гарнизона насчитывалось 130 «служилых татар» – еуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые, стала получать годовое жалованье в сумме 3–8 рублей [2. С. 107–108].

В результате лояльной, гибкой политики отношение к новым хозяевам страны начинает постепенно меняться и возникают предпосылки для спонтанных телеутских переселений на земли, контролируемые русскими, даже без ведома Абака. В 1633 г. «люди Абака приходили на реку Ускат... и взяли с собою калмаков Кошнака (ранее сюда перебравшегося. – Л.Ш.) с товарищи 5 человек с женами и детьми, а тот Кошнак давал государю погодный яsak и государеву службу служил в Кузнецком остроге». После демарша сибирской администрации «Кошнака отпустили на Ускат в их юрту» [8. С. 406]. С течением времени росло число телеутов-перевозчиков, и к 1671 г. сформировалась особая группа выезжих телеутов в Кузнецке [6. С. 193]. В атласе С.У. Ремезова отмеченная севернее города в Абинской волости еще одна группа «выезжих телеутов» показана на р. Томи как «Алабугины телеутские юрты» [9. Л. 13–14]. Именно эта группа позже войдет в состав томских татар.

Начальный этап формирования этой группы реконструируется на основе русских документов. В 1672 г. состоялась поездка здешних Балыка Кожанова в Москву с просьбой к царю о «верстании» их на государеву службу и с жалобой на притеснения приказчика пашенных крестьян Сосновского острога и д. Зайцева. В результате томский воевода И.Ф. Монастырев в 7 181 (1673) г. получил царский указ г., копия которого сохранилась у томских телеутов.

В 1892 г. на запрос Губернского правления об обстоятельствах и времени появления телеутов под Томском они заявили, что являются потомками телеутов, «называвшихся также укрятами (уйрятами, ойрятами. – *Л.Ш.*) и белыми калмыками». Последние прибыли на службу в Томск в царствование Алексея Михайловича «в числе 51 человека, из числа означенных переселенцев-телеутов пять человек поверстано в конную службу». Остальным сорока шести велено было «дать под пашни землю из порожних мест у Томска вверх по Томи реке, по Искитиму речке, чтобы им сытыми быть без нужды». Одновременно им предоставлялась льгота: «ясаку с них не иметь, подвод гонять им не велеть» [10. Л. 21].

К 1690-м гг. в Томске насчитывалось, видимо, не менее 55–60 выезжих телеутов [6. С. 167]. Поэтому Москва стремилась сохранить телеутские улусы не столько как владение, сколько как буфер. Знаменательно, что в 1663 г. Сенге направил посольство в Россию, требуя вернуть «теленгутов», обосновавшихся под Томском и Кузнецком, мотивируя это их якобы джунгарским подданством. Повторно с таким же требованием в 1724 г. выступил Галдан-Церен [11. С. 38].

Основание телеутских поселений уже на территории русских Кузнецкого и Томского уездов, переход в российское подданство и формирование особой категории служивых – «выезжих телеутов», свидетельствуют о том, что к 60-м гг. XVII в. политическая самостоятельность Телеутской земли князя Абака сделалась номинальной и все последующие набеги отсюда на присягнувших Москве ясачных, все угрожающие появления под стенами русских крепостей осуществлялись в русле джунгаро-русских отношений. Поэтому именно в Джунгарию отправилось посольство Г. Пушина в 1679–1680 гг., чтобы потребовать от Галдан-Бошукту-хана строгого запрета телеутским и кыргызским князьям нападать на русские уезды и грабить ясачных. Когда в 1679 г. в Москве находилось его посольство, то послам прямо указывалось, «чтоб Галдан контайша своим людям киргизам и белым калмыкам задоров и грабежей чинить не велел в государевых ясашных волостях» [12. С. 303].

Этническая и политическая рыхлость Телеутской земли обрекла ее на раздел между государствами, обладавшими реальной силой. В течение XVII в. телеуты трижды меняли территорию обитания. Покинув свою этническую территорию в Горном Алтае в начале века, спасаясь от джунгарского завоевания, они оказались в степном верхнем Приобье, но не смогли там надолго закрепиться, так как борьба между русскими и джунгарами за контроль над этой территорией привела к расколу Телеутской земли – часть ее населения приняла русское подданство и осела на землях Кузнецкого и томского уездов, другая ушла под покровительство Джунгарии и вынуждена была переселиться ближе к ее рубежам – в район р. Алей, впоследствии разделив судьбу ханства. В 1701 г. к Абаковичам отправилось последнее русское посольство, но чем оно закончилось – неизвестно [6. С. 35]. К этому времени большая часть телеутских улусов в течение почти 30 лет кочевала в бассейне верхнего и среднего Алая в

непосредственной близости от собственно ойратских кочевий, собирая алман со здешнего населения для джунгар. Они покинули свои прежние земли по Мерети, Берди, Ине, где в начале XVII в. проходила «телеутская межа» [13. С. 115–117].

Достаточно дальновидное поведение русского правительства и сибирской администрации способствовало образованию многочисленных групп «перебежчиков» и появлению ко второй половине XVII в. в Кузнецком и Томском уездах совершенно нового для этих мест этноса – телеутов. Было положено начало первому витку конкретного этногенеза будущих бачатских телеутов. В это же время определился дальнейший этап развития томских телеутов, но уже не как самостоятельного этноса, а как этнического субстрата томских татар начала XX в.

Обычно со средним Приобьем связывают появления еще одного компонента в формировании томских татар XX в. – чатов. Самое раннее упоминание о чатах содержится в «Наказе» Бориса Годунова основателям Томского города. Опираясь на сведения, полученные от Тояна, где указывается, что «до чат де будет от того города (Томска. – *Л.Ш.*) 10 дней», «до киргисского князька до Немчи 7 ден», а до Телеут дальнее кочевье 5 ден, а князек в Телеутах Обак (Абак. – *Л.Ш.*)» [8. С. 403], можно сделать вывод о том, что чаты – самые дальние соседи зуштинцев, и они никак не могли находиться на Оби, что следует из определения расстояния до енисейских киргизов. Документы помещают владения алтысарского киргизского князя Номчи достаточно далеко от Томска – в районе Божьего озера (сейчас – Белое озеро) на юго-западе Красноярского края. Соответственно, кочевья чатов должны располагаться гораздо дальше.

Показательно, что тарские воеводы на протяжении всего XVII в., перечисляя приписанные к городу ясашные волости, упоминают Любайскую (Любейскую), Тунусскую, Барабинскую, Чойскую, Кулебинскую. Позже будут выделены еще две волости – Теренинская и Каргалинская, находившиеся восточнее, ближе к Оби. Названия волостей сохраняются после передачи их в Томскую губернию и образования Каинского округа до реформы П.А. Столыпина. Следует заметить, что в русских документах на протяжении всего XVII в. подчеркивается некая политическая целостность барабинских волостей, которая, в частности, проявилась во время антирусского восстания 1628 г., когда барабинский князь Когутей, соединив соседние волости, разгромил отряд тарских служилых людей и позже бежал «в верховья Оби к теленгутам (телеутам. – *Л.Ш.*) и калмыкам (джунгарам. – *Л.Ш.*)» [14. С. 113]. Однако чаты среди восставших не упоминались. Они «играли» свои политические игры в союзе с телеутами и джунгарами.

Важно подчеркнуть, что среди ясачных волостей Тарского уезда чаты не упоминаются, но все отношения с ними шли из Томского города. Попытки отождествить Чойскую волость с Чатской сомнительны. Важно добавить, что Чойская волость (инородная управа) под этим же названием сохранится до начала XX в. Поэтому попытки некоторых исследователей отнести чатов к барабинскими татарам [15. С. 98–99]

представляются неубедительными. Соглашаясь с тезисом о том, что чаты обитали на левобережье Оби, нужно заметить, что по своему статусу и положению среди политических тюркских образований Южной Сибири они приближались к телеутам Абака. Неслучайно последний выдал свою дочь за чатского князя Тарлава, и неслучайно свое последнее прибежище Кучум искал на берегах Оби в чатских кочевьях. Понимание чатами своей роли в поддержке Кучума привело их к откочевке с места, уже известного русским, поэтому в «Наказе» фиксируется их новое, отдаленное от русских городов местообитание.

Принятие Тарлавом русского подданства не означало его безусловной верности Москве, достаточно вспомнить его набеги в союзе с телеутами 1630 г. на левобережные обские ясачные волости или долгий спор с томскими властями относительно подданства Темерчинской ясачной волости. Однако принесение им шерти, причем «на куране», открыло возможности для части его подданных для поступления на русскую службу. Неслучайно во время его набега два чатских мурзы – Кызлан и Бурлак, сопротивлялись вместе с томскими служилыми людьми. А киргизский князь Ишей в 1628 г. уже упоминал о службе чатов Москве как об устоявшейся и обращался с просьбой: «Государь (бы) их пожаловал, велел им свою государеву службу служить так же, что и чатским татарам вместо уплаты ясака». Через четверть века, в 1642 г., тот же Ишей повторил уже воеводе И. Кобыльскому: «Чтоб государь вины отдал и их пожаловал и ясаку б с них имать не велел, а они готовы государю служить, как и Чацкие мурзы служат» [16. С. 297]. Таким образом, положение чатов в социально-политической структуре Московского царства, как и эуштинцев, телеутов, определялось не выплатой ясака, а несением службы, что подчеркивало их высокий социальный статус, на которой барабинские татары не могли претендовать, будучи поголовно ясачными.

Согласно «Крестоприводной книге 1645» г. среди принесших шерть Алексею Михайловичу было около 60 чатов [17. С. 23–24.]. Показательно, что первым клятву верности принес участник победы над Тарлавом – Бурлак Кокулин, а затем шли внуки Абака и Тарлава – Итемен Тарлавов и Коимас Тарлавов, а также дети Кызлая – Кочеш Кызлаев и Курмут Кызлаев. Таким образом, потомственная военная служба русскому государству стала уделом военной элиты чатов. На то что в XVII в. чаты не были ясачными, указывает и отсутствие в «Чертежной книге Сибири» чатских поселений на берегу Томи, а также неупоминание в документах существования Чатской ясачной волости, которая появится в Томском уезде (округе) только в XVIII в., когда потребность в служилых уменьшится, а сибирские народы будут уравнены в податном (ясачном) статусе.

Подобно телеутам, чаты были носителями центральноазиатский военной культуры. Несмотря на то что вопрос об их этногенезе не решен, можно предположить, что они вышли из кочевого мира степей. Отсюда их помощь Кучуму, устойчивые связи с телеутами и джунгарами, раннее знакомство с исламом

(«клятва на куране»), престиж военной службы, сохранявшиеся до начала XX в. элементы устойчивых скотоводческих традиций. В комментариях к трудам Г.Ф. Миллера синонимом этнонима «татары чатские» является «татары джагатские» [8. С. 622], т.е. джагатайские, чагатайские – потомки или подданные среднего сына Чингиз-хана Чагатая, правившего в Средней Азии. Если согласиться с тем, что чаты – бывшие подданные Чагатая и его потомков, становится понятно, почему Шейбанид Кучум искал убежища у чатов.

Анализ раннего тюркоязычного населения Томска будет неполным без хотя бы краткого упоминания о еще двух группах – бухарцев и казанских (европейских) татар. Уже в 1595 г. в Сибири было «учреждено Бухарское купечество», что было логично, учитывая древнюю торговлю населения Западной Сибири через Среднюю Азию с Сасанидским Ираном, а также отсутствие в ранних русских городах многих товаров. Можно полагать, что сразу после основания Томска наряду с «калымским торгом», на котором торговали по преимуществу домашним скотом, появились и торговцы из Средней Азии, известные как бухарцы. В уже отмеченном документе за 1621 г. говорилось, что эуштинцы, пограбив киргизов, продали награбленное бухарцам. Согласно «Крестоприводной книге 1645» наряду с другими группами населения как самостоятельное социальное сообщество бухарцы в количестве 12 человек, среди которых был и мулла, принесли клятву на верность Алексею Михайловичу. Постепенно бухарцы расселялись и за пределами города, могли заниматься не только торговлей, но и земледелием, что усиливало интеграционные процессы, культурные коммуникации с эуштинскими татарами, а позже с телеутами и чатами. Однако они вплоть до начала XX вв. сохраняли некоторую целостность, обеспечиваемую торговыми связями со Средней Азией. Они рассредоточивались в тюркоязычной среде Томского уезда, сохраняя при этом особое, официальное наименование – «бухарцы».

Появление казанских татар первоначально было связано с уголовной ссылкой «на проживание или на пропитание». Более поздние документы подтверждают эту практику. По данным Томской губернской канцелярии, в 1815 г. определено 2 человека на поселение; в 1816 г. – 3 человека на пропитание; в 1817 г. – 7 человек на поселение, 9 человек на пропитание; в 1818 г. – 2 человека на поселение, 3 человека на пропитание; в 1819 г. – 2 человека на поселение. Таким образом, за пять лет к томским татарам в городе прибавилось 13, сосланных «на поселение» и 15 – «на пропитание». Сама же волость насчитывала в 1819 г. «старожилов (т.е. эуштинцев. – Л.Ш.) не более 15 домов или семей» [18. С. 81–82]. Однако в XVII в. был еще один источник появления в Томском уезде татар из европейской части России. Так, в «Крестоприводной книге 1645 г.» выделяется особая группа, давшая клятву верности Алексею Михайловичу, – «новокрещённые», т.е. принявшие православие томские татары, казанские татары и остяки. Их общую численность установить невозможно, так как часть документа утрачена, но сохранились фамилии 11 человек. Возможно, именно с этой категорией казанских татар

связано основание юрт Казанских на правом берегу Томи [9. Л. 13], которые позже войдут в состав Чатской инородной управы, а также и название инородной управы городских эуштинцев начала XIX в. – Казанская Эуштинская.

Анализируя этнический состав г. Томска и его окрестностей в XVII в., можно констатировать, что присоединение этой территории к Московскому царству усилило этнокультурную пестроту региона. Его основой стали эуштинские татары князя Тояна, во многом благодаря которому русским властям удалось добиться лояльности ча-

сти тюркских народов Верхнего Приобья – телеутов и чатов, тесно связанных с военными традициями степной Евразии.

К концу XVII в. их часть покинет прежние кочевья и начнет переселяться к административному центру, оседая на берегах Томи. Этнокультурное разнообразие населения русского города усилится за счет появления в нем бухарцев и казанских татар. Именно эти пять тюркоязычных групп станут основой формирования современных томских татар, внося свои традиции и опыт в их этнокультурное своеобразие.

Список источников

1. Шерстова Л.И. Русские и тюрки в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005.
2. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950.
3. Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГУ, 1980.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
5. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Азии. М. : Наука, 1976.
6. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII веках. Новосибирск, 1980.
7. Златкин И.Я. История джунгарского ханства. М. : Наука, 1983.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М. : «Восточная литература» РАН, 1999.
9. Ремизов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 289.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М. : Наука, 1987.
12. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
13. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л. : Наука, 1969.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М. : «Восточная литература» РАН, 2000.
15. Соколовский И.Р. Чингис-городок. Караканское порубежье XVII века на евразийской исторической арене. Новосибирск : Параллель; Фонд «Зеленый стандарт», 2021.
16. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774.
17. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1863.
18. ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8182.

References

1. Sherstova, L.I. (2005) *Russkie i tyurki v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Russians and Turks in Southern Siberia: Ethnopolitical Processes and Ethnocultural Dynamics of the 17th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
2. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) *Naselenie Tomskogo uезда v pervoy polovine XVII veka Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Population of Tomsk County in the First Half of the 17th Century. Proceedings of Tomsk State University]. Vol. 112. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tomilov, N.A. (1980) *Etnografiya tyurkoyazychnogo naseleniya Tomskogo Priob'ya* [Ethnography of the Turkic-Speaking Population of the Tomsk Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow: USSR AS.
5. Simchenko, Yu.B. (1976) *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Azii* [Culture of Reindeer Hunters in Northern Asia]. Moscow: Nauka.
6. Umanskiy, A.P. (1980) *Teleuty i russkie v XVII – XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th – 18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
7. Zlatkin, I.Ya. (1983) *Istoriya dzhungarskogo khanstva* [History of the Dzungar Khanate]. Moscow: Nauka.
8. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura RAS.
9. Remizov, S.U. (1882) *Chertezhnaya kniga Sibiri* [Drawing Book of Siberia]. Saint Petersburg: Tip. A.M. Kotomina i K°.
10. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 3. List 45. File 289. (In Russian).
11. Chimitdorzhiev, Sh.B. (1987) *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka.
12. Khilkov, G. (ed.) (1879) *Sbornik knyazya Khilkova* [Collection of Prince Khilkov]. Saint Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh.
13. Potapov, L.P. (1969) *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev* [Ethnic Composition and Origin of the Altaians]. Leningrad: Nauka.
14. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura RAS.
15. Sokolovskiy, I.R. (2021) *Chingis-gorodok. Karakanskoe porubezh'e XVII veka na evraziyskoy istoricheskoy arene* [Chinggis-Gorodok. Karakan borderland of the 17th century on the Eurasian historical arena]. Novosibirsk: Parallel', Fond Zelenyy standart.
16. Fischer, J.E. (1774) *Sibirskaya istoriya* [Siberian History]. Translated from German. Saint Petersburg: Imperial Academy of Science.
17. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 187. List 1. File 1863. (In Russian).
18. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 1. List 2. File 8182. (In Russian).

Информация об авторе:

Шерстова Л.И. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.I. Sherstova, Dr.. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.05.2024;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 09.05.2024;
approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 30.08.2024.

ПЕДАГОГИКА

Original article
UDC 378+37.0
doi: 10.17223/15617793/505/20

Educational practices in higher education: Traditional versus open

Natalia N. Abakumova¹, Olesya V. Tsiguleva², Guofang Lei^{3, 4}

^{1, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

⁴ Ji Nan No.1 Middle School, Shandong, China

¹ tomsk-ann@yandex.ru

² oltsiguleva@yandex.ru

^{3, 4} leiguofang@126.com

Abstract. The article actualizes the problem of educational practices transformation in universities. The factors and stages of educational practices development are established. The analysis of Russian and foreign experience of open educational practices implementation in universities is conducted. The characteristics allowing to make a comparative analysis of traditional and open educational practices are defined. The conclusion is made about the primacy of traditional educational practices, which ensure the necessary competencies' for working with open educational practices.

Keywords: educational practices, higher education, open education, open educational resources, universities

For citation: Abakumova, N.N., Tsiguleva, O.V. & Lei, G. (2024) Educational practices in higher education: Traditional versus open. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 191–195. doi: 10.17223/15617793/505/20

Introduction

Educational practice has always been an integral part of pedagogical science, which ensured its development. The fifth technological revolution has changed universities' scientific and educational space in many ways, which was manifested in new didactic approaches, concepts and theories. The main changes in the university's scientific and educational space were associated with a change of subjects' "role" in the educational process – there is a wider participation of various target groups in the educational organization development. The rapid development of educational practice and state's, society's, stakeholders', and other interested parties' involvement in this process has given rise to many definitions in pedagogical science through which researchers are trying to describe the phenomena's diversity in the modern university's scientific and educational space – educational practices [1], open educational practices [2], innovative (author's) educational practices [3], digital open educational practices [4], etc. The existing conceptual diversity indicates the need to identify the educational practices basic characteristics, which will contribute to their systematization in the scientific and educational space of higher education.

For pedagogical science and practice, significant changes were associated with information technology, the fifth industrial revolution, high humanitarian technologies, and open educational practices. Since the 1970s, universities' scientific and educational space has been oriented in its development towards the Open Education Concept, based on the information technology and

education relationship in order to improve the accessibility, efficiency, and quality of the educational process [5]. Distance learning and information technology are actively developing in the university's scientific and educational space, and digital educational resources are being created. Traditional educational practice of higher education turned out to be not quite ready for the sharply increasing skills in information technology among students. The educational process organization at the university using a competence-based approach has largely made it possible to coordinate the actively pedagogical practice and leading scientific developments in the field of education digitalization. All this requires a definition in pedagogical terms and a study of new forms effectiveness in the educational process. The research aims to clarify the concept of open educational practices, and to identify and specify the characteristics of "openness" through the participation form in organized joint practices and various types of educational work, and assessment of interaction between the teacher and students in educational process organizing.

Methodology and research methods

The research methodological basis is the Open Education Concept by U. Ehlers [6], C. Hodgkinson-Williams, E. Gray [7] and A. Tlili [8], the concept of joint activity pedagogy by G.N. Prozumentova [9], and the methodological approach by S.I. Pozdeeva [10], which allows us to define "openness" basic characteristics as the ability of all educational process participants to have equal access to resources, technologies and tools of the

university's scientific space for organizing the educational process, and also possess the necessary competencies to work with digital (and network) educational resources. The study used historical and pedagogical and problem-thematic analyses of pedagogical literature. A comparative analysis of different countries' experience (Russia, Turkey, China, Canada, Sweden, Nigeria, Tanzania, Brazil) using open educational resources in the higher education system was carried out. In the study, the openness concept is implemented in the method of developing theoretical foundations: studying open educational practices and open educational resources; identifying the most common grounds and typifying the features of open educational practices, determining the characteristics of digital open educational practices.

Discussion

The literature analysis shows that the prerequisites for the open education development are recorded in the Russian Empire as early as the 1870s [11]. An example of open educational practice is the creation of the Open University by P.A. Stolypin in 1908 [12]. This is the first world experience in the pedagogy history, when the Russian state policy is aimed at the formation of open public education [13]. Further development of higher education in Russia was associated with the humanization processes, which was reflected in the humanitarian technologies development throughout the 20th century. The transformation of the university's scientific and educational space due to the resource of "openness" in Russia and the world is associated with the use of informatization processes and scientific and technological progress. At the turn of the 21st century, when the education processes digitalization was intensifying, in order to emphasize the information technologies integration and all subjects of the university's scientific and educational space, they began to use the term "high humanitarian technologies" [14]. On the one hand, this emphasized the fifth industrial revolution achievements in the field of humanitarian technologies; on the other hand, universities identified their uniqueness and exclusivity despite the massive digitalization process. High humanitarian technologies using solved the problem of "maintaining" the required quality of universities' education received. Open educational practices are the next stage in the development of the university's scientific and educational space, when the basic philosophical and pedagogical problem of human research can be solved by combining technological components and human capital.

The Open Education concept implementation contributed to the active transformation of the university's traditional scientific and educational space and, at the same time, formed a new educational space in society behind the universities' "walls". Open educational resources (OER) and open educational practices (OEP) are beginning to be created. The main difference between these phenomena is the absence of time boundaries and "binding" to an educational organization. According to experts, it is OER and OEP that expand access to education and make it accessible to different groups of the population [15]. Based

on a representative review of scientific sources, open educational practices and their characteristics in foreign countries (Canada, China, Turkey, Sweden (countries of the African and Latin macroregion)) were selected, and their analysis is presented.

In foreign higher education, researchers have noted interest in open education since the second half of the 20th century. For universities, openness is becoming a new resource capable of covering many practices and technological processes – open universities are being created, trends in open science, resources, technologies, etc. are being formed [13]. The ongoing transformations were institutionalized – in 2008, the Open Education Consortium (now Open Education Global) was created. This made it possible to normatively consolidate the basic concepts in open education. For the Consortium participants, all practices that included the creation and use of open educational resources, open pedagogy, open exchange of teaching practices and resources became open educational practices [16].

At the same time, in pedagogical science, the phenomenon "openness" is interpreted differently in the description of resources, teaching and learning methods, institutional practices, the use of educational technologies and values underlying educational efforts. To date, the openness issue has been controversial in the scientific community and is actively discussed at various conferences and seminars. In the broadest pedagogical sense, open education includes resources, tools and practices that use the structure of open exchange to improve access to education and increase efficiency in the global community.

The analysis results of foreign universities experience also showed the difference in the interpretation of the concept "openness" in the university's scientific and educational space. Two extreme positions can be recorded in the openness interpretation: that open education allows you to go beyond the traditional educational process and makes it practice-oriented to the teachers and students' involvement in the new knowledge development and creation. U. Ehlers considers OEP (open educational practices) as practices that support the (re)use and production of OER (open educational resources) through institutional policies, promote innovative pedagogical models, and expand the opportunities for students as co-producers in their educational journey throughout their lives [6].

A. Tlili and J. Carzon note that it is necessary to include innovative educational practices along with OEP, as well as the open educational practices concept [8]. It is important that open educational practices, according to researchers, represent a pedagogical practice in which participating students are considered as active co-creators and potential innovators in an open educational space [13, 17, 18].

The global community's growing interest in OEP is taking place against the backdrop of education transformations related to information and communication technologies. The launch of the American open educational platform Coursera (2011) has significantly changed the power balance in the global educational

market. Such resources significantly expand the access possibilities for all educational process subjects to high-quality educational content and the construction of an individual educational route by:

- OEP creating and (re)using in innovative ways (through social networks);
- providing an active and engaging learning experience when students participate in the creating knowledge process. This contributes to the educational route construction throughout life;
- teaching methods and technologies introduction that allow students to actively participate in the joint knowledge creation and self-regulation [19].

An analysis of Russian and foreign studies allows us to record a large number of concepts and project initiatives implemented through open education technologies. The presented material is a generalization of different countries' experience in the open educational practices implementation in order to find the key characteristics of "openness".

China

A Chinese distinctive feature in terms of open educational practices is that OEPs are initiated and state supported in the various courses format. All online courses related to open education must undergo internal and external assessment on the platforms to ensure quality. Two national repositories of Chinese open educational practices are directly associated with the Ministry of Education, and others (about 20) are supported by elite universities, college/university alliances, or well-known information technology companies. The open educational platform Xuetang X was created as a possible alternative to the existing Coursera platform. To date, the Xuetang X platform hosts more than 5,000 massive open online courses from Chinese, Russian, European, and American universities. From the point of view the university educational process organizing, this platform can be considered a promising learning tool for Russian-speaking and English-speaking students.

Canada

The core principle in Canadian universities openness is the implementation of its own open education initiatives, strategies and best practices through the Canadian OEP network. For example, Kwantlen Polytechnic University (KPU) in British Columbia is the first in Canada to implement zero-cost textbook (ZTC) programs, offering grants to their faculty to create, adapt and implement OEP, as well as support to authors of various teaching and methodological materials from among faculty through the Open Publishing Package. The university provides a fellowship program in open pedagogy, support and training for research in open education. These initiatives reflect the growing interest in Canadian educational institutions in using OEP to modernize and informatize education [20].

Sweden

The Swedish Association for Distance Education is the several OER projects coordinator (e.g., NordFlexOn – 2020), the aim is to facilitate and promote open, inclusive,

flexible online learning, quality learning and teaching in the Nordic countries. These projects are funded by the Nordic Council of Ministers. In 2016, the Swedish government adopted a regulation on the public funding provision for open education.

The study by the Swedish Expert Group on Public Economy focuses on the open educational practices development and recommends that the government focus on the adoption of the UNESCO OEP Recommendations at the macro, meso, micro and nano levels, as an ecosystem [21].

Turkey

The Turkish Science Foundation (TUBA), with the government support, created and translated more than 80 course materials in various subject areas with the aim of introducing OEP into the educational process. In addition, the resources created by all actors in the educational process were combined and made available in the public domain.

Currently, there are thousands of various formats resources (text, video, audio, interactive e-books, e-learning materials, simulations, animations, still images, graphs, drawings, etc.), as well as a ready-to-use learning management system in the public domain. The OEP main goal is to improve the teachers' digital competence through open resources within the Digitalization Framework of Higher Education project. According to the Turkish government, this is facilitated by open access to dissertations and theses, as well as the provision of a scientific journal management system (dergipark) for the open access purpose [22].

Africa

A special unit was created at the National Open University of Nigeria (NOUN) to use OEP in the educational process (more than 30 out of 2,000 teaching materials were converted to OEP). The Open University of Tanzania developed an OEP policy and OEP courses on digital literacy. In an attempt to institutionalize OEP, the university developed "internal" strategies designed to take a step-by-step approach to managing intellectual property (research materials), using OEP for teaching and learning, revising institutional policies to incorporate OEP values [15]. The main purpose of using open educational practices was the ability not only to provide access to copying and reusing teaching materials, but also to repurpose teaching materials in accordance with the national context.

Latin America (Brazil)

Key initiatives for the open educational practices using in Brazilian universities concerned:

- using OEP to experiment with innovative teaching methods;
- providing support to low-performing students through a variety of learning objects;
- training teachers and promoting pedagogical resources development;
- ensuring resource savings and avoiding duplication of efforts in the creation of educational materials;

- encouraging scientific and academic works availability;
- promoting a culture of student adaptation and reuse of educational content;
- providing textbooks, such as OEP, and investing in the sustainable development of OEP repositories for the educational resources' creation and exchange.

Open educational practices, through government support, promotion in professional communities, etc., are moving from the periphery of education to the modern higher education mainstream.

Summarizing different countries' experience, it can be stated that at the beginning of the 21st century, universities and society as a whole turned out to be unprepared for how quickly learners with a high level of ICT proficiency would be able to independently develop educational resources and create content. There was a conceptual "confusion" in the transition from traditional to open educational practices, due to the difference in approaches, which could include: (1) open educational resources creation and using; 2) the resources' unification of open pedagogy, open learning, open source software, open systems and architectures. In the broadest pedagogical context, open educational practices may include massive open online courses, open and network scholarships, open educational platforms, etc.

Summarizing the research materials, characteristics were identified (time, place, level, implementation space, resources, etc.) that allow us to concretize the description of traditional and open educational practice (Table).

Educational practices characteristics

Characteristics	Educational practices	
	traditional	open
Implementation time	Regulatory defined	Not fixed
Implementation location	Assigned to the university	Can be implemented anywhere
Implementation level	Regional Local Personal	Global National Regional Local Personal
Interaction of educational process' subjects	Subject – object Subject – subject Joint action	Open joint action
Implementation space	University's scientific and educational space Regional educational environment	Open educational space
Educational practice resources	Printed, digital, resources of open educational platforms	Open educational resources
Students' competencies	Competencies may not be formed	High level of ICT competence and developed skills in using open educational resources

The main difference between open educational practices is the high level of development of students' ICT competencies. This is a necessary condition for students' interaction with resources or readiness for open joint

action. Consequently, the primary thing for the university educational process will be to use traditional educational practices that ensure the formation and development of the competencies' required level necessary for working with open educational practices.

That is, within the framework of the organization of the university educational process, traditional and open educational practices cannot be opposed to each other.

Based on the analysis of Russian and foreign experience, using the term "digital open educational practices" is becoming more active. It can be argued that this area is considered by specialists in two aspects:

- open educational resources creation and using;
- open pedagogy and open learning resources, open source software, open system and architecture.

Considering the term "digital open educational practices" in a broad pedagogical context, it can be assumed that the addition of "digital" is redundant, and in the future it can be abandoned. If we consider open educational practices as the next stage of pedagogical science development, which follows high humanitarian technologies and is determined by using of information environment resources, it becomes clear that ICT technologies are an integral part of open educational practices, which does not need the addition of "digital".

Conclusion

The results of the experience analysis of open educational practices implementing in universities of different countries made it possible to record a significant difference in both approaches to organizing open education and interpreting basic concepts. Historical and pedagogical analysis of the development stages of university's educational practices showed that at the turn of the 21st century, co-organization of pedagogical and ICT technologies occurs. This allows pedagogical developments to rise to the high humanitarian technologies level and then develop as open educational practices.

Modern representation analysis of Russian and foreign open educational practices made it possible to identify the basic characteristics of "openness": independence from time, place and space of implementation; the need for open joint action of the educational process subjects, open educational resources using. The identified characteristics can be used to describe the national system of higher education.

It has been established that for the university's scientific and educational space, traditional educational practices will be primary, since they ensure the formation and development of the competencies' necessary level required to work with open educational resources. Thus, for universities, one of the indicators of the education quality is the level of students' ICT competencies, since it ensures the student's success in open educational practices.

References

1. Sorokoumova, E.A. et al. (2023) *Psychological and pedagogical foundations of the use of digital products in educational practice: monograph*. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian).
2. Tarasov, S.V. (2024) "University open to the regions": methodology and practice of interaction between a pedagogical university and a regional educational system. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. 211. pp. 27–37. (In Russian).

3. Osmolovskaya, I.M. (2018) Innovative educational practices in the educational space of the school. *Domestic and Foreign Pedagogy*. 3 (50). pp. 120–131. (In Russian).
4. Weller, M. (2018) The digital scholar revisited. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 1 (2). pp. 52–71.
5. Freinet, C. (1993) *Education through work: a model for child centered learning*. Lewiston: Edwin Mellen Press.
6. Ehlers, U.D. (2011) Extending the territory: From open educational resources to open educational practices. *Journal of Open, Flexible and Distance Learning*. 15 (2). Available from: <http://www.editlib.org/p/147891>
7. Hodgkinson-Williams, C. & Gray, E. (2009) Degrees of Openness: The emergence of Open Educational Resources at the University of Cape Town. *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology*. 5 (5). pp. 101–116.
8. Tlili, A. & Carzon, J. (2023) Are open educational resources (OER) and practices (OEP) effective in improving learning achievement? A meta-analysis and research synthesis. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 20. Art. 54. doi: 10.1186/s41239-023-00424-3
9. Prozumentova, G.N. (2016) *Educational innovations: the phenomenon of "personal presence" and management potential (experience of humanitarian research)*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
10. Pozdeeva, S.I. (2023) Organization of teaching at the university as a joint activity of the teacher and students: a meta-methodical approach. In: *Collection of scientific and methodological materials "New didactic solutions for the development of higher education in the context of digital transformation"*. Yaroslavl: RAO YaSPU. pp. 3–20. (In Russian).
11. Culture.ru. (n.d.) *The history of Moscow University*. [Online] Available from: <https://www.culture.ru/materials/255365/istoriya-moskovskogo-universiteta>
12. Shulga, N.S. (2017) Open education as a practice of the 21st century. *Man in the World of Culture*. 2/3 (21). pp. 266–272. (In Russian).
13. Brandenburger, B.A. (2022) Multidimensional and analytical perspective on Open Educational Practices in the 21st century. *Frontiers in Education*. 7. doi: 10.3389/educ.2022.990675
14. Abakumova, N.N. (2011) Transformation of the concept of monitoring in education. *Modern Problems of Science and Education*. 3. (In Russian). [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16903874_48501260.pdf (Accessed: 10.10.2023).
15. Ossiannilsson, E. et al. (2020) From Open Educational Resources to Open Educational Practices. *Distances et médiations des savoirs*. 31. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/dms/5393>
16. Open Education Consortium. (n.d.) *About The Open Education Consortium*. [Online] Available from: <https://www.oecconsortium.org/about-oec/>
17. Tsiguleva, O.V., Abukomova, N.N. & Pozdeeva, S.I. (2022) Human capital's humanitarian characteristics of a competent approach to education. *Language and Culture*. 57. pp. 292–307. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/57/15
18. Kopytov, A.D. & Cherepanova, T.B. (2022) On the formation of professional universals in the teacher's activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 199–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/22
19. Zhang, X. & Tlili, A. A (2020) Case Study of Applying Open Educational Practices in Higher Education during COVID-19: Impacts on Learning Motivation and Perceptions. *Sustainability*. 12 (21). Art. 9129. doi: 10.3390/su12219129
20. Bali, M., Cronin, C. & Jhangiani, R.S. (2020) Framing open educational practices from a social justice perspective. *Journal of Interactive Media in Education*. 1. Art. 10. doi: 10.5334/jime.565
21. BOLDIC (2020) *General description of the BOLDIC Open learning resources online project*. [Online] Available from: <https://www.sverd.se/boldic/>
22. Kursun, E. (2011) *An investigation of incentives, barriers and values about the OER movement in Turkish universities: Implications for policy framework*. Unpublished dissertation. Ankara: Middle East Technical University.

Information about the authors:

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

O.V. Tsiguleva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Interfaculty Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

G. Lei, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teacher, Ji Nan No.1 Middle School (Shandong, China). E-mail: leiguofang@126.com

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

Цигулева О.В. – канд. пед. наук, зав. межфакультетской кафедрой иностранного языка Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Лей Гофан – аспирант факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); учитель средней школы Цзи Нань № 1 (Шаньдун, Китай). E-mail: leiguofang@126.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 27.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 373
doi: 10.17223/15617793/505/21

Активизация познавательной активности обучающихся с использованием интернет-ресурсов в контексте когнитивной дидактики

Алсу Рауфовна Камалеева¹, Сурия Ирековна Гильманшина², Анастасия Викторовна Фахрутдинова³,
Искандер Рафаилович Гильманшин⁴

^{1, 2, 3} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

⁴ Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия

¹ kamaleyeva_kazan@mail.ru

² SIlGilmanshina@kpfu.ru

³ avfach@mail.ru

⁴ is-er@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос активации познавательной активности обучающихся в условиях повсеместного использования интернет-ресурсов. На основе идентификации понятия «познавательная активность» в научно-педагогической среде авторами определено три компонента развития познавательной активности учащихся: мотивационный, ценностный и деятельностный, каждый из которых экспериментально оценивается с помощью методик И.С. Домбровской, Е.В. Ненаховой, оценки проектной и учебно-познавательной деятельности школьников соответственно.

Ключевые слова: когнитивная дидактика, познавательная активность, компоненты познавательной активности, интернет-ресурсы

Для цитирования: Камалеева А.Р., Гильманшина С.И., Фахрутдинова А.В., Гильманшин И.Р. Активизация познавательной активности обучающихся с использованием Интернет-ресурсов в контексте когнитивной дидактики // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 196–202. doi: 10.17223/15617793/505/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/21

Activation of students' cognitive activity using Internet resources in the context of cognitive didactics

Alsu R. Kamaleeva¹, Suriya I. Gilmanshina², Anastasia V. Fakhrutdinova³, Iskander R. Gilmanshin⁴

^{1, 2, 3} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

⁴ Kazan National Research Technical University, Kazan, Russian Federation

¹ kamaleyeva_kazan@mail.ru

² SIlGilmanshina@kpfu.ru

³ avfach@mail.ru

⁴ is-er@yandex.ru

Abstract. The authors of the article had the aim of testing the impact of using Internet resources on the process of activating the cognitive activity of schoolchildren. Having studied the identification of the concept of cognitive activity in the scientific and pedagogical environment, the authors identified three components of the development of cognitive activity of students: motivational, value-based, and activity-based. The choice of Internet resources as an activator of cognitive activity of schoolchildren is due to the fact that, at the current stage of development of Russian education, they are one of the most effective sources of increasing the efficiency of the educational process due to the peculiarities of their use. Firstly, to integrate Internet resources into the educational process, there is no need for specific expensive equipment: one only needs any device with Internet access, which is widespread. Secondly, there are many informational and educational sites that allow one not only to study the subject, but also to check the degree of mastery of the knowledge gained, thanks to the availability of control and measuring materials. Thirdly, the use of Internet resources allows to effectively implement project activities, during which the motivation for the subject increases, the cognitive activity of students develops. As part of the experimental study conducted at the Specialized Educational and Scientific Center "IT Lyceum" of Kazan (Volga Region) Federal University, the Program for the Development of Cognitive Activity of Students in Chemistry Lessons was implemented, based on the use of Internet resources. The aim of the program is to provide organizational and methodological conditions for the development of cognitive activity of students in chemistry lessons by means of Internet resources. The objectives of the program are: to determine the charac-

teristics of the conditions for the formation of cognitive activity of students; to describe possible tasks for the development of cognitive activity using Internet resources in chemistry lessons; to diagnose the development of cognitive activity in students. During the experiment, methods for diagnosing the development of cognitive activity in students were used. To diagnose cognitive activity, the method of the domestic author E.V. Nenakhov was used. The content of this method is as follows: students are asked to answer test questions. The test includes fifteen questions adapted for the subject of chemistry, reflecting the cognitive interest of respondents. To diagnose the motivation for learning activities, the method of I.S. Dombrovskaya was used. The test, which is an assessment tool within the framework of this method, includes fifteen questions. The test questions are aimed at assessing the degree of regularity of a number of actions characterizing the motivation of students for independent cognitive activity. The results obtained confirmed that, based on the integration of the traditional approach to learning and Internet resources, a steady increase in the level of cognitive activity of schoolchildren was noted.

Keywords: cognitive didactics, cognitive activity, components of cognitive activity, Internet resources

For citation: Kamaleeva, A.R., Gilmanshina, S.I., Fakhrutdinova, A.V. & Gilmanshin, I.R. (2024) Activation of students' cognitive activity using Internet resources in the context of cognitive didactics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 196–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/21

На современном этапе развития постиндустриального общества в условиях его информатизации встал вопрос о рационализации процесса освоения и переработки информации [1]. Особенно это является актуальным в связи с тем, что процесс восприятия и овладения информацией каждым обучающимся является индивидуальным, связанным с его определенными механизмами познания (когнициями), зависящими от психофизиологических способностей личности обучающихся, от степени развития его личностной концептосферы и сформированной на данный момент у него генерации знаний [2].

По нашему мнению, именно в когнитивной дидактике наиболее успешно изучают и используют механизмы познания обучающихся [3. С. 135].

Новые Федеральные образовательные стандарты ориентируют современного выпускника на достижение таких образовательных результатов, на приобретении таких компетенций, которые предполагают большую степень самостоятельности и развитую познавательную активность, позволяющую выйти на высокий уровень сформированности профессиональной компетентности каждого обучающегося.

Если рассматривать познавательную деятельность обучающихся с позиции соприкосновения его с окружающим пространством, ясно, что параллельно будут задействованы как психофизиологические и эмоциональные, так и социальные и, главное, когнитивные особенности личности.

Еще в 50-х и 60-х гг. XX столетия советскими психологами (Б.Г. Ананьевым, П.Я. Гальпериным, Л.С. Славиной и др.) велся активный научный поиск методик активизации учебно-познавательных процессов. Большой вклад в разработку и апробацию теории познавательной активности обучающихся в 60–70-е гг. был внесен работами таких исследователей, как Д.Н. Богоявленский, И.Д. Бутузов, М.Н. Скаткин, Т.И. Шамова и др.

Идентификация понятия познавательная активность в научно-педагогической среде неоднозначна, что требует глубокого анализа содержания данного понятия. Так, учитывая сложность его состава, заключающего в себе два обособленных понятия – «активность» и «познание», необходимо рассмотреть каждое из них по отдельности.

Так, исследователи С.И. Осипова и Н.С. Агишева рассматривали познавательную активность с педагогической точки зрения, опираясь на словарь психологии развития [4], и пришли к выводу, что активность предполагает постоянную деятельность, что активное существо в процессе своего движения уже имеет собственный источник движения, который воспроизводится в движении [5. С. 89].

С.Д. Смирнов же активность связывает с психической активностью, проявляющейся по двум направлениям деятельности индивида: внутренней и внешней [6].

Рассматривая активность с педагогической точки зрения, необходимо отметить, что еще Я.А. Коменский указывал значение активности у обучающихся: «юношество должно получать образование истинное, руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывая из книг и понимая чужие мысли о вещах или даже заучивая и воспроизводя их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их» [7. С. 304].

Необходимо отметить, что анализ исследований отечественных психологов и педагогов выявил два доминирующих подхода к трактовке понятия «познавательная активность». Представители первого подхода – личностного – определяют познавательную активность как качество личности, проявляющееся в эмоциональном отношении личности к деятельности, в том числе и к образовательной деятельности (Л.П. Аристова, Т.И. Шамова, Г.И. Щукина и др.). Сторонники же второго подхода – деятельностного – связывают активность обучающихся с их познавательной деятельностью (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев и др.). Тем более что большинство ученых считает, что главным мотивом умственной деятельности является именно познавательная активность личности. На наш взгляд, равноценное сочетание двух этих подходов позволяет наиболее эффективно определять сущность понятия «познавательная активность личности».

Мы согласны с мнением С.Ю. Вылегжаниной в том, что активность человека бывает потенциальной, как готовность к деятельности, и может быть реальной при достижении определенной цели [8].

Другим составным понятием объекта исследования является понятие «познание». С точки зрения философии термин «познание» есть процесс отражения сознанием человека объективной реальности [9].

Помимо философии данный термин нашел свое применение в психологии и педагогике. В психологии познание, чаще всего, ассоциируется с термином «когнитивность». Так же как О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер, мы считаем, что именно когнитивные науки соединяют так называемых исследователей познания, занимающихся главным образом оперированием информацией [10. С. 149].

В педагогике «познание» понимается процесс получения представлений об окружающих явлениях и процессах для того, чтобы вникнуть в их смысл [11. С. 46].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о соответствии познания всем признакам деятельности, а также о наличии определенных составляющих элементов: потребность, мотив, цель, средства, результат.

Рассмотрев значение данных составляющих понятия по отдельности, обратимся к ключевому понятию «познавательная активность», являющееся собирательным по отношению к рассмотренным выше терминам. В научном пространстве отсутствует единый подход к определению содержания понятия «познавательная активность» обучающегося, следовательно, данный феномен необходимо рассмотреть с разных точек зрения.

В педагогике понятие познавательная активность рассматривается как набор специфических личностных ориентиров, определяющих качество деятельности обучающегося [12].

Ученые по-разному определяют содержание анализируемого понятия, каждый раз расставляя акценты на различных аспектах – характеристиках познавательной активности, Г.И. Щукина считает, что познавательная активность – это качество личности в виде интеллектуального отклика на познание [13. С. 17]. И.А. Чернышев, М.В. Цуканов полагают, что это свойство личности обучающегося, характеризующее его отношение ученика к обучению [14. С. 149–150]. В.В. Щетинина же под познавательной активностью личности предполагает качественное личностное образование, интегративное качество личности, формируемое в процессе получения познавательного опыта [15. С. 442]. М.Н. Скаткин делает акцент на том, что не надо смешивать это понятие с мыслительной деятельностью индивида, так как познавательная активность предполагает кроме процесса мышления еще и активное участие внимания и памяти [16]. И.А. Боброва обращает внимание на то, что при формировании познавательной активности личности необходимо учитывать возрастные особенности обучаемых и уровень их интеллектуальной развитости в виде волевых качеств, самостоятельности и организованности, способности использовать полученные знания в жизни [17]. Э.А. Красновский считает то, что познавательная активность является проявлением определенных сторон личности, когда при проявлении интереса к новому, стремления к новому, привлекательному происходит равномерное усложнение процесса познания [18. С. 53].

Анализ представленных мнений дает нам возможность выделить определенные особенности. Во-первых, это самостоятельная деятельность, направленная на поиск и усвоение новой информации. Во-вторых, это деятельность, являющаяся неотъемлемой частью исследовательской активности. В-третьих, познавательная активность обучающихся проявляется не только в учебной деятельности, так как когнитивная деятельность обучающихся осуществляется и внутри образовательной организации, и за ее пределами, познавательные интересы обучающихся могут быть проявлены и за пределами школьной программы. В-четвертых, это деятельность по применению на практике полученной информации и знаний. Именно с этой позиции термин «познавательная активность» будет в дальнейшем рассматриваться в исследовательской работе.

Кроме того, применительно к активизации познавательной активности обучаемых на современном этапе отечественного образования именно Интернет-ресурсы являются одним из самых действенных на данный момент источников повышения эффективности образовательного процесса в связи с особенностями их применения. Во-первых, для интеграции Интернет-ресурсов в образовательный процесс нет необходимости в специфическом дорогом оборудовании: необходимо только любое устройство с доступом в Интернет, который распространен повсеместно. Во-вторых, существует множество информационно-познавательных сайтов, которые позволяют не только изучить предмет, но и проверить степень освоенности полученных знаний, благодаря наличию контрольно-измерительных материалов. В-третьих, использование Интернет-ресурсов позволяет эффективно осуществлять проектную деятельность, в ходе которой возрастает мотивация к учебному предмету, развивается познавательная активность у обучающихся. Все это также актуализирует субъект-субъектные отношения между учителем и учеником, предполагаемые системно-деятельностным подходом и обуславливает необходимость использования Интернет-ресурсов в образовательном процессе [19].

Проведенная опытно-экспериментальная работа по исследованию познавательной активности (ПА) обучающихся на уроках средствами Интернет-ресурсов. Выбор именно средств Интернет-ресурсов не случаен. В.П. Беспалько еще в 2002 году он отмечал (и мы согласны с этим мнением), что обучение с помощью компьютеров дает «возможность индивидуализации образования путем персонализации обучения, это переход педагогической науки от педагогических проповедей к проектированию оптимальных педагогических процессов, это достижение всеми учащимися высокого уровня мастерства в изучаемых ими предметах, это, наконец, превращение образования из, порой, тяжко повинности в радостное занятие на всю жизнь» [20. С. 1]. И как резонно отмечает Н.В. Грин: «Работа на компьютерах и использование средств глобальных коммуникаций может помочь учащимся гармонично жить и работать в информационном обществе, глубже и разнообразнее познавать окружающий мир и эффективнее развивать свой интеллектуальный потенциал» [21. С. 60].

Предварительно на основе теоретического анализа по рассматриваемой проблеме были определены три компонента развития познавательной активности учащихся, для каждого из которых была подобрана соответствующая методика диагностики уровня развитости познавательной активности. Так, для мотивационного компонента была выбрана методика И.С. Домбровской «Изучение типов и уровней мотивации учебной деятельности» [22], для ценностного компонента методика Е.В. Ненаховой [23], для деятельностного компонента оценивание проводилось в соответствии с критериями оценки проектной и учебно-познавательной деятельности школьников. Также были определены организационные характеристики опытно-экспериментальной работы по апробации разработанной программы. Все перечисленные методики были использованы для диагностики уровня развитости познавательной активности на различных этапах апробации разработанной программы развития познавательной активности обучающихся на уроках химии средствами интернет-ресурсов.

Данное исследование проводилось на базе Специализированного учебно-научного центра «ИТ-лицей» Казанского (Приволжского) федерального университета в три этапа:

– Констатирующий. Проводился в период с февраля 2021 по июнь 2021 г. Этап проводится с целью определения уровня развитости познавательной активности обучающихся до начала эксперимента.

– Формирующий этап. Проводился в период с сентября 2021 г. по декабрь 2021 г. Содержание данного этапа заключалось в разработке программы развития познавательной активности с использованием интернет-ресурсов. Также на данном этапе проводился текущий контроль развитости познавательной активности с помощью таких методов, как наблюдение, беседа.

– Контрольный этап. Проводился в период с сентября 2021 г. по декабрь 2021 г. Целью данного этапа является контрольный срез знаний, полученных в результате внедрения программы развития познавательной активности.

Выборка в опытно-экспериментальной работе составила 55 человек из числа учащихся 10-х и 11-х классов ИТ-лицея. Обобщенные результаты опытно-экспериментальной работы представлены в табл. 1, 2.

По результатам опытно-экспериментальной работы можно сделать ряд выводов об эффективности реализации разработанной программы средствами интернет-ресурсов.

Во-первых, эффективность программы была подтверждена на уровне мотивационного компонента. Промежуточные и итоговые результаты диагностики мотивации обучающихся экспериментальной группы к познавательной активности демонстрируют устойчивое повышение. Важно отметить, что высокий уровень мотивации познавательной активности по химии был достигнут уже к моменту диагностики результатов формирующего этапа.

Таблица 1

Результаты констатирующего этапа эксперимента

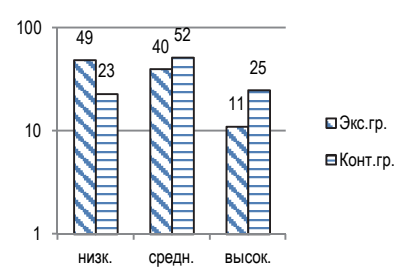
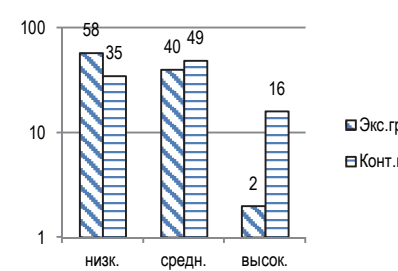
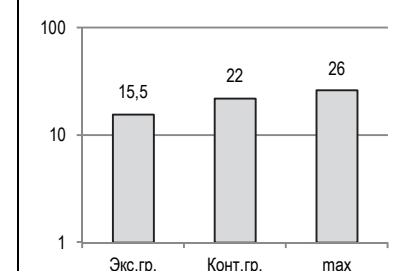
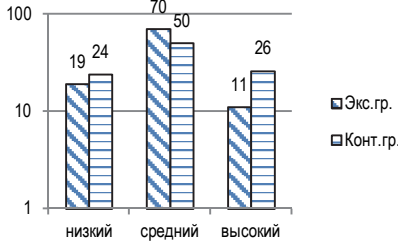
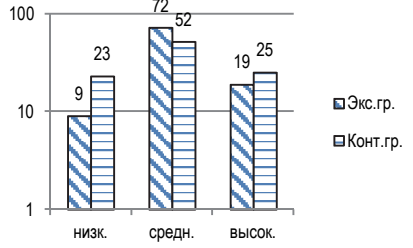
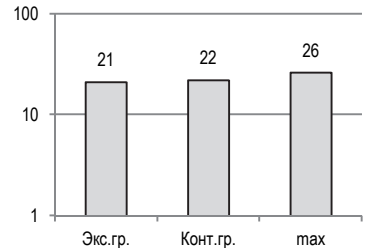
Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Деятельностный компонент
 Результаты диагностики сформированности ПА в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе по методике И.С. Домбровской, %	 Результаты диагностики ПА на констатирующем этапе в экспериментальной и контрольной группах по методике Е.В. Ненаховой, %	 Результаты проектной деятельности на констатирующем этапе в экспериментальной и контрольной группах, %
Анализ полученных результатов Анализ результатов позволил сделать следующие выводы: во-первых, уровень развитости ПА у обучающихся в контрольной группе выше, по сравнению с обучающимися экспериментальной группы; во-вторых, число обучающихся с низким уровнем ПА обучающихся больше в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной; в третьих, и в экспериментальной, и в контрольной группах есть обучающиеся с высоким уровнем сформированности ПА В экспериментальной группе обучающихся с низким уровнем сформированности ПА больше, чем в контрольной. Кроме того, обучающиеся с уровнем ПА выше среднего в экспериментальной группе отсутствуют, в отличие от контрольной. В заключении важно отметить, что большинство обучающихся экспериментальной группы демонстрируют уровень ПА ниже среднего, в отличие от контрольной группы, где большинство обучающихся со средним уровнем развитости познавательной активности. Все это подтверждает необходимость проведения эксперимента именно в экспериментальной группе До начала опытно-экспериментальной работы обучающиеся выполнили проект на тему «Индикаторы вокруг нас. Природные индикаторы». Анализ рисунка свидетельствует о том, что уровень сформированности ПА обучающихся, в соответствии с критериями ПА в экспериментальной группе, был оценен значительно ниже, чем в контрольной, о чем говорят средние значения баллов за проект. Обе группы, демонстрируют средний уровень ниже максимально возможного значения		

Таблица 2

Результаты контрольного этапа эксперимента

Мотивационный компонент	Ценностный компонент	Деятельностный компонент
 Результаты диагностики ПА на контрольном этапе в экспериментальной и контрольной группах по методике И.С. Домбровской, %	 Результаты диагностики ПА на контрольном этапе в экспериментальной и контрольной группах по методике Е.В. Ненаховой, %	 Результаты проектной деятельности на контрольном этапе в экспериментальной и контрольной группах, %
Анализ полученных результатов		
Согласно представленным данным можно сделать следующий вывод: данные контрольной диагностики показывают тенденцию к увеличению обучающихся с высоким уровнем мотивации к обучению и уменьшению количества обучающихся с низким. Учитывая результаты констатирующего этапа как базу для сравнения и результаты формирующего и контрольного этапов как итоги реализации разработанной программы, приходим к выводу, что использование интернет-ресурсов на уроках химии повышает мотивацию у обучающихся	Результаты позволяют сделать ряд выводов: во-первых, в экспериментальной группе появились обучающиеся, для которых характерен высокий уровень познавательной активности; во-вторых, значительно уменьшилось количество обучающихся, попавших в группу низкого уровня ПА; в-третьих, для большей части экспериментальной группы характерен средний и высокий уровень ПА, в отличие от результатов констатирующего этапа, проведенного в начале эксперимента. Учитывая, что за время эксперимента контрольная группа, в которой не были активно использованы интернет-ресурсы, не показала существенных изменений в результатах диагностики ПА, можно сделать вывод об эффективности применяемых мер	В сравнении с данным, полученными по деятельностному компоненту на констатирующем этапе, средний балл в экспериментальной группе повысился на 20%. При этом средний балл в контрольной группе остался на том же уровне. Это повышение демонстрирует эффективность применения разработанной программы развития ПА обучающихся на уроках химии, а именно внедрение интернет-ресурсов в проектную деятельность способствует повышению значения диагностики уровня ПА, оцениваемой в рамках деятельностного компонента

К концу опытно-экспериментальной работы большая часть экспериментальной группы демонстрировала средний и высокий уровень мотивации. Обучающиеся проявляли интерес к освоению новых знаний, в частности, на основе изучения дополнительной литературы в сети Интернет, а также демонстрировали стремление к расширению своего мировоззрения. Все это характеризует выбранный в рамках разработки программы развития ПА обучающихся подход использования интернет-ресурсов в обучении как эффективный при повышении мотивации обучающихся к изучению предмета.

Во-вторых, эффективность программы была подтверждена на уровне деятельностного компонента. Об этом свидетельствует значительное увеличение среднего балла в экспериментальной группе за выполнение проекта, в котором были использованы интернет-ресурсы, в отличие от среднего балла за проект, выполненного в рамках реализации традиционного подхода. Содержание работ, представленных в проекте, предусмотренных разработанной программой развития познавательной активности обучающихся, демонстрирует тенденцию к проявлению мотивации к ПА в виде активной и самостоятельной деятельности обучающихся экспериментальной группы. Сравнительный анализ средних баллов за выполнение проекта на разных этапах опытно-экспериментальной работы подтверждает эффективность применения

подхода с использованием интернет-ресурсов в обучении при развитии самостоятельной деятельности обучающихся.

В-третьих, эффективность программы была подтверждена на уровне ценностного компонента. Закрепление познавательной активности как ценности обучающихся является сложной задачей современного педагога. Выбранная методика диагностик ценностного компонента позволила оценить уровень познавательной активности в контексте долгосрочных ориентиров школьников. Так, на основе интеграции традиционного подхода обучения и интернет-ресурсов было замечено устойчивое повышение ценности познавательной активности среди этих ориентиров. Обучающиеся экспериментальной группы к окончанию опытно-экспериментальной работы демонстрировали повышение интереса к участию в олимпиадах, выполнению творческих заданий, а также некоторые обучающиеся проявили интерес к изучению предмета на профессиональном уровне после окончания школы.

Таким образом, апробацию разработанной программы развития ПА обучающихся средствами интернет-ресурсов можно считать успешной. На основе использования интернет-ресурсов были достигнуты результаты по мотивационному, деятельностному и ценностному компонентам развития познавательной активности, что подтвердило эффективность разработанной программы.

Список источников

- Щелокова С.Д. Информатизация общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 171–175.
- Kamaleeva A.R., Mukhametzyanova L.Y., Nozdrina N.A. Features of manifestation of cognitive activity style of students of natural scientific and humanities profiles // Proceeding of the International Science and Technology Conference «FarEastCon 2021». «Smart Innovation, Systems and Technologies», 2022. P. 991–995.
- Когнитивная педагогика : учебно-методическое пособие / Р.Х. Гильмеева, А.Р. Камалеева, А.С. Кац, Е.Ю. Левина, В.Ш. Масленникова, Л.Ю. Мухаметзянова, Т.М. Трегубова, Л.А. Шибанкова; под науч. ред. Е.Ю. Левиной. Казань : Ин-т педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. 228 с.
- Психология развития. Словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, под ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь : в 6 т. М. : ПЕР СЭ, 2006. 176 с.
- Осипова С.И., Агишева Н.С. Познавательная активность как объект педагогического анализа // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 89–96.
- Смирнов С.Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения. М. : МГУ, 1985. 229 с.
- Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1982. 656 с.
- Вылегжанина С.Ю. Соотношения категорий «активность» и «деятельность» психолого-педагогических исследованиях // Экономика образования. 2013. № 3. С. 112–116.
- Саврушева М.И. Философия науки и техники : учеб. пособие для магистрантов. Омск, 2013. 120 с.
- Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. С. 148–169.
- Грибова Е.П. Феномен познавательной активности в аспекте философских и психолого-педагогических исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/31PDMN420.pdf>
- Признаки познавательной активности у ребенка. URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/materialy-dlya-roditeley/2015/01/25/priznaki-poznavatelnoy-aktivnosti-u-rebenka> (дата обращения: 12.02.2022).
- Шукина Г.И. Проблема познавательной потребности в педагогике. М. : Педагогика, 2001. 351 с.
- Чернышев И.А., Цуканов М.В. Проблема развития познавательной активности подростков в учебном процессе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). С. 147–150.
- Щетинина В.В. Обновление подходов к формированию познавательной активности дошкольников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 4 (22). С. 441–444.
- Скаткин М.Н. Активизация познавательной деятельности в обучении. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1965. 48 с.
- Боброва И.А. Развитие познавательной активности студентов в образовательном процессе педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 142 с.
- Красновский Э.А. Показатели в образовании // Стандарты и мониторинг в образовании. 2002. № 5. С. 53–57.
- Камалеева А.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г. Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 162–171. doi: 10.17223/15617793/478/20
- Беспалько В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия) : учебно-методическое пособие. Москва : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : МОДЭК, 2002. 352 с.
- Грин Н.В. Интернет как средство обучения // Успехи современного естествознания. 2013. № 5. С. 59–61.
- Методика И.С. Домбровской «Изучение типов и уровней мотивации учебной деятельности». URL: <http://zagranichnyjai.lien.ru/userfiles/motiv.pdf> (дата обращения: 30.08.2021).
- Ненахова Е.В. Диагностика познавательного интереса у обучающихся старших классов средней общеобразовательной школы // Наука и школа. 2014. № 2. С. 207–211.

References

- Shchelokova, S.D. (2016) Informatizatsiya obshchestva [Informatization of society]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Koncept"*. 2. pp. 171–175.
- Kamaleeva, A.R., Mukhametzyanova, L.Y. & Nozdrina, N.A. (2022) [Features of manifestation of cognitive activity style of students of natural scientific and humanities profiles]. *Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2021"*. Vladivostok. 5–8 October 2021. Springer. pp. 991–995.
- Levina, E.Yu. (ed.) (2020) *Kognitivnaya pedagogika: uchebno-metodicheskoe posobie* [Cognitive Pedagogy: A teaching aid]. Kazan: Institut pedagogiki, psikhologii i sotsial'nykh problem.
- Venger, A.L. (ed.) (2006) *Psikhologiya razvitiya* [Developmental Psychology. Dictionary]. In: *Psikhologicheskii leksikon. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Psychological Lexicon. Encyclopedic dictionary]. Moscow: PER SE.
- Osipova, S.I. & Agisheva, N.S. (2016) *Poznavatel'naya aktivnost' kak ob'ekt pedagogicheskogo analiza* [Cognitive activity as an object of pedagogical analysis]. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 2. pp. 89–96.
- Smirnov, S.D. (1985) *Psikhologiya obraza: problemy aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya* [Psychology of the Image: Problems of the Activity of Mental Reflection]. Moscow: Moscow State University.
- Komenskiy, Ya.A. (1982) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
- Vylegzhanina, S.Yu. (2013) Sootnosheniya kategoriy "aktivnost'" i "deyatelnost'" psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh [The relationship between the categories of "activity" and "activities" in psychological and pedagogical research]. *Ekonomika obrazovaniya*. 3. pp. 112–116.
- Savrusheva, M.I. (2013) *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Omsk: [s.n.].
- Baksanskiy, O.E. & Kucher, E.N. (2006) *Poznanie poznaniya: kognitivnye nauki* [Cognition of cognition: cognitive sciences]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 7. pp. 148–169.
- Gribova, E.P. (2020) Fenomen poznavatel'noy aktivnosti v aspekte filosofskikh i psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy [The phenomenon of cognitive activity in the aspect of philosophical and psychological-pedagogical research]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 4. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/31PDMN420.pdf>.
- Nsportal.ru. (2015) *Priznaki poznavatel'noy aktivnosti u rebenka* [Signs of Cognitive Activity in a Child]. [Online] Available from: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/materialy-dlya-roditeley/2015/01/25/priznaki-poznavatelnoy-aktivnosti-u-rebenka>. (Accessed: 12.02.2022).
- Shchukina, G.I. (2001) *Problema poznavatel'noy potrebnosti v pedagogike* [The Problem of Cognitive Needs in Pedagogy]. Moscow: Pedagogika.
- Chernyshev, I.A. & Tsukanov, M.V. (2011) Problema razvitiya poznavatel'noy aktivnosti podrostkov v uchebnom protsesse [The problem of developing cognitive activity of adolescents in the educational process]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (19). pp. 147–150.
- Shchetinina, V.V. (2012) Obnovlenie podkhodov k formirovaniyu poznavatel'noy aktivnosti doshkol'nikov [Updating approaches to forming cognitive activity of preschoolers]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (22). pp. 441–444.
- Skatkin, M.N. (1965) *Aktivizatsiya poznavatel'noy deyatelnosti v obuchenii* [Activation of Cognitive Activity in Learning]. Moscow: APS RSFSR.

17. Bobrova, I.A. (2008) *Razvitie poznavatel'noy aktivnosti studentov v obrazovatel'nom protsesse pedagogicheskogo vuza* [Development of students' cognitive activity in the educational process of a pedagogical university]. Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
18. Krasnovskiy, E.A. (2002) *Pokazateli v obrazovanii* [Indicators in education]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 5. pp. 53–57.
19. Kamaleeva, A.R., Fakhrutdinova, A.V. & Kondrat'eva, I.G. (2022) Axiological priorities of subject-subject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 162–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/478/20
20. Bespal'ko, V.P. (2002) *Obrazovanie i obuchenie s uchastiem komp'yutrov (pedagogika tret'ego tysyacheletiya)* [Education and Training with the Participation of Computers (Pedagogy of the third millennium)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: MODEK.
21. Grin, N.V. (2013) Internet kak sredstvo obucheniya [The Internet as a means of learning]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 5. pp. 59–61.
22. Anon. (n.d.) *Metodika I.S. Dombrovskoy "Izuchenie tipov i urovney motivatsii uchebnoy deyatel'nosti"* [Methodology of I.S. Dombrovskaya "Study of types and levels of motivation for educational activity"]. [Online] Available from: <http://zagranichnyjai.lien.ru/userfiles/motiv.pdf>. (Accessed: 30.08.2021).
23. Nenakhova, E.V. (2014) Diagnostika poznavatel'nogo interesa u obuchayushchikhsya starshikh klassov sredney obshcheobrazovatel'noy shkoly [Diagnostics of cognitive interest in senior students of a secondary comprehensive school]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 207–211.

Информация об авторах:

Камалеева А.Р. – д-р пед. наук, профессор кафедры химического образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: kamaleeva_kazan@mail.ru

Гильманшина С.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой химического образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: SIGilmanshina@kpfu.ru

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Гильманшин И.Р. – канд. техн. наук, доцент кафедры электрооборудования Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (Казань, Россия). E-mail: is-er@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.R. Kamaleeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: kamaleeva_kazan@mail.ru

S.I. Gilmanshina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Chemical Education, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: SIGilmanshina@kpfu.ru

A.V. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages in International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

I.R. Gilmanshin, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (Kazan, Russian Federation). E-mail: is-er@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Original article
UDC 378
doi: 10.17223/15617793/505/22

Text as the material basis of polymodal exercises in a non-linguistic university

Alexandra A. Kirillovykh¹, Svetlana S. Kuklina², Yuliya V. Grecu³

¹ Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation

^{2,3} Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

¹ a.bezdenezhnyx@mail.ru

² svstkuk47@gmail.com

³ yuliyagrecu@gmail.com

Abstract. Communicative-cognitive and polymodal approaches standpoint is used to examine professional texts as material means of polymodal exercises and to determine their significant characteristics, selection principles, and organization principles for elementary foreign language education in a non-linguistic university. The theoretical, empirical, and statistical methods were used to conduct the study and develop professional text typology considering current situation in the educational environment.

Keywords: foreign language education, elementary level, polymodal exercises, text of instructional-professional orientation, text of professional orientation, professional text, selection principles, organization principles

For citation: Kirillovykh, A.A., Kuklina, S.S. & Grecu, Yu.V. (2024) Text as the material basis of polymodal exercises in a non-linguistic university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 203–208. doi: 10.17223/15617793/505/22

Introduction

Texts used for foreign language education in a non-linguistic university were thoroughly studied by Gorokhova and co-authors, Klementsova, Folomkina, Adamzik, Krause, and others [1–5]. In their research, they note the importance of authenticity, functionality, information capacity, genre diversity, and accessibility of textual material. Nevertheless, the problem of the selection and organization of foreign language texts, as well as the principles governing these processes, is still relevant. Their applicability can be explained by a number of reasons. Firstly, since the text material is the subject content of foreign language education, in a non-linguistic university, in accordance with the Federal State Educational Standard requirements, professional orientation becomes its main characteristic. At the same time, when using foreign language texts of professional orientation, students very often have difficulties in their comprehension due to a significant amount of terminology, the presence of complex grammatical constructions, the lack of a clear understanding of the aspects of the profession being acquired, and other complications. In this regard, when determining the text materials' selection principles and organization principles, these difficulties and the fact that foreign language education in a non-linguistic university in many areas of training is carried out mainly in the first year when students are just beginning the process of their professionalization should be taken into account. Secondly, depending on the conditions of the educational environment, specific goals and objectives of foreign language education, texts' various functions can be activated. Accordingly, determining the most optimal text function for achieving educational results in specific conditions is essential. Thirdly, the question of the

text characteristics in terms of their ability to act as the material basis for exercises aimed at the habit formation and skill development in the interrelated teaching of all types of foreign language speech activities, that is, polymodal exercises, is also significant for the study. Though the text is recognized as the main communicative unit [5–7], the text-centric orientation of the foreign language educational process, which often leads to an emphasis on reading, becomes detrimental to speaking, listening, and writing.

Therefore, this article aims: (a) to consider texts as material means of polymodal exercises that ensure the activation of all types of foreign language speech activities; (b) to establish their relevant characteristics; (c) to identify their selection principles and organization principles for the elementary level of foreign language education in a non-linguistic university.

The leading research approaches are communicative-cognitive and polymodal. The communicative-cognitive approach suggests that the communicative orientation is manifested in a special modeling of communicative situations that approximate foreign language education to the authentic professionally oriented interpersonal and intercultural communication. Cognitive orientation implies students' conscious mastery of a foreign language by acquiring knowledge, forming and developing speech habits and skills, and their practical implementation in foreign language communication [8]. Within the framework of this approach, the text is considered a source of various information, including linguistic, speech, and sociocultural planes [9].

In turn, the researchers view the polymodal approach in foreign language education from two positions – polymodality of perception and polymodality of exercises. In the first case, the perception and processing of information happens through different sensory channels [10, 11]. This

position ensures the individualization and differentiation of foreign language education and contributes to a more solid assimilation of the material. In the second case, which is the focus of our research, the idea of polymodality is used in relation to exercises, which is systematically presented in Passov's works. According to the author, polymodal exercises are aimed at simultaneous activation of all types of foreign language speech activities (modalities), contributing to the foreign language education intensification and greater coherence of the habits being formed and the skills being developed, the relationship among and within the speech activities types [12].

Clearly, the above-mentioned approaches allow considering changes in the elementary educational unit (exercise) and in the features of texts as their material means. Thus, to examine professional texts as material means of polymodal exercises that provide simultaneous activation of all types of foreign language speech activities and determine their significant characteristics, selection principles, and organization principles for the elementary level of foreign language education in a non-linguistic university, the following research questions guided the study:

RQ1. What texts can be used as material means of polymodal exercises that ensure the activation of all types of foreign language speech activities?

RQ2. What are the relevant characteristics of texts used as material means of polymodal exercises that ensure the activation of all types of foreign language speech activities?

RQ3. What are the text selection principles and organization principles for the elementary level of foreign language education in a non-linguistic university?

Materials and methods

The following research methods were used for this study: (a) theoretical: analysis of scientific and methodological, psychological and pedagogical works on the problem under study, advanced pedagogical experience analysis and generalization, textual material comparison and analysis; (b) empirical: observation and experiment, and (c) statistical.

To determine the differences in the understanding of professional texts read and listened to, we conducted an experiment in which students of several first-year groups of Kirov State Medical University (40 people in total) received two texts with similar topics, equal complexity and volume, but different presentation. The students listened to or read the texts twice, without the possibility of returning to them multiple times. After that, they completed a test task (10 multiple choice questions). The average coefficient of completeness and accuracy of understanding of the read/listened text was determined by the formula:

$$K = \sum_{i=1}^N \div N \times n$$

Where n_i is the set of knowledge elements learned by the i -th student; n is the number of knowledge elements to be learned; N is the number of students who completed the task [13].

Results

A detailed study of the current state of foreign language education in a non-linguistic university allowed identifying the most significant features of its organization and implementation. They are the small number of hours allocated for mastering a foreign language, the advanced nature of foreign language education in relation to the introduction of specialized disciplines, students' low level of proficiency in a foreign language. Moreover, foreign language education is often reduced to the development of reading and translation skills in terms of specialized literature, which is evidently not enough to form students' ability to engage in professional communication. The use of polymodal exercises can serve as a solution to this situation. Such exercises activate all types of foreign language speech activities simultaneously, and the sequence of their inclusion depends on the stage of teaching foreign language communication [12] and the students' proficiency levels. The purpose of these exercises is to form a foreign language communicative competence with a professional orientation. Operational means representing various combinations of receptive, reproductive and productive actions are aimed at achieving this purpose. The material means, on the basis of which these actions are performed, are texts of professional orientation.

When determining the relevant characteristics of such texts, we considered the above-mentioned features of the foreign language educational process at the elementary level in a non-linguistic university and the specifics of polymodal exercises. As a result, we have developed a typology of texts, which comprises reading material of instructional-professional orientation, of professional orientation, and professional texts. The listed types have specific characteristics.

Texts of instructional-professional orientation are authentic, with a high proportion of simplifications and reductions because they are adapted by the teacher for the elementary level of foreign language education. This type of texts pertains to the social and sociocultural spheres of communication and has an indirect connection with the profession being acquired. These texts are of journalistic and colloquial speech styles. They are used at the stage of habit formation as they are characterized by problematic situations of minor intellectual difficulty [14]. In addition to the informative function (the text is a source of information, which is personally and professionally significant), which is inherent in all types of texts, the specific function of these texts is representative [15]. It implies that new or significant language and speech material is introduced or refreshed with the help of the text. The texts are characterized by insignificant terminological saturation.

Texts of professional orientation are authentic texts with minor reductions and/or a low proportion of simplifications. They have a pronounced professional orientation, a high percentage of terminology, correlate with sociocultural and professional spheres of communication. They are of journalistic and popular science styles. With the help of these texts, problematic situations of a greater degree of intellectual difficulty are set since they are already used at the stage of improving habits and developing skills. These

texts can perform both representative and appellative functions [15]. The latter involves inducing recipients to certain responses.

Professional texts are original, authentic texts without or with minor reductions. They are more difficult to understand because they relate to popular science and scientific styles of speech and are characterized by high terminological saturation. The texts are intended for the skill development stage when students need to solve communicative

tasks in problematic situations of a significant degree of intellectual difficulty. Their leading function is appellative, as they serve to "inspire receptive and productive actions" of students [16].

The characteristics of the texts are summarized in Table 1.

Table 2 shows examples of each type of text fragments that are included in a system of polymodal exercises and are intended for foreign language education of the first-year technical students.

Table 1

Characteristics of texts as material means of polymodal exercises

	Text of instructional-professional orientation	Text of professional orientation	Professional text
Professional orientation	Indirect	Pronounced	Dominant
Authenticity	Methodologically authentic	Authentic	Authentic, original
Communication sphere	Social, sociocultural with a professional theme	Sociocultural with a professional focus, professional	Professional and labor
Themes	Social, socio-cultural nature, indirectly related to the acquired profession	Of a socio-cultural and professionally oriented nature	Professionally oriented
Problematic situations	Of minor intellectual difficulty	Of greater intellectual difficulty	Of significant intellectual difficulty
Genre	Conversational, journalistic	Journalistic, popular science	Popular science, scientific
Function	Representative	Representative, appellative	Appellative
Terminological saturation	Low	Medium	High
Stage of teaching foreign language communication	Habit formation	Habit improvement, skill development	Skill development

Table 2

Examples of text types as material means of polymodal exercises

Text of Instructional-professional orientation	Text of professional orientation	Professional text
<i>Technology Simplifies Our Everyday Life!</i> The technology has rapidly developed in recent years. We can find technical devices everywhere in our surroundings. They simplify our everyday life as much as possible. Our everyday life can hardly go on without technology, because we have simply got used to these technical advances. You don't have to connect technology to PCs, mobile phones, or game consoles right away. There is also simple technology: watches, telephones, lamps, televisions. Its introduction really made it easier for us. That's why you shouldn't be so upset about the technology: it helps us enormously, and this can't be denied. Or can it?	<i>What Is Technology and Why Is It Important to Us Humans?</i> Innovations and new technologies are changing the world and everyday life of every individual. Much of what was a vision of the future yesterday is now a reality: for example, self-driving cars or 3D printing. But what do we mean by technology now? Often we mean technique when we talk about technology. Technique is a much narrower term and describes a certain mode of operation of a product or a method to achieve a desired result. But technology goes further and also includes the experience around technics. We use technology whenever we use scientific knowledge to achieve a specific purpose, whether in industry or in our daily life	<i>How Does Scientific and Technical Progress Affect Nature?</i> The goal of progress is to gain new scientific knowledge, that is, to recognize the laws of nature more and more deeply, in order to realize them technically and introduce them into production. Scientific and technical progress leads to profound changes in the life of the whole society. Science has become an immediate productive force. But often in the production of the products their harmful effect is not taken into account. The consequences are high ecological risks and significant negative impact on the environment. The person who wanted to conquer nature, who was firmly convinced that he is the ruler in the natural kingdom, must now save life on earth and his own life

The next step is to consider the selection principles and organization principles of professional texts for non-linguistic universities. As a result of the analysis, comparison, and generalization of the existent principles, we have identified the most significant ones, con-

sidering the students' elementary level of foreign language and professional education at a non-linguistic university and the implementation of a foreign language educational process based on polymodal exercises (see Figure 1).

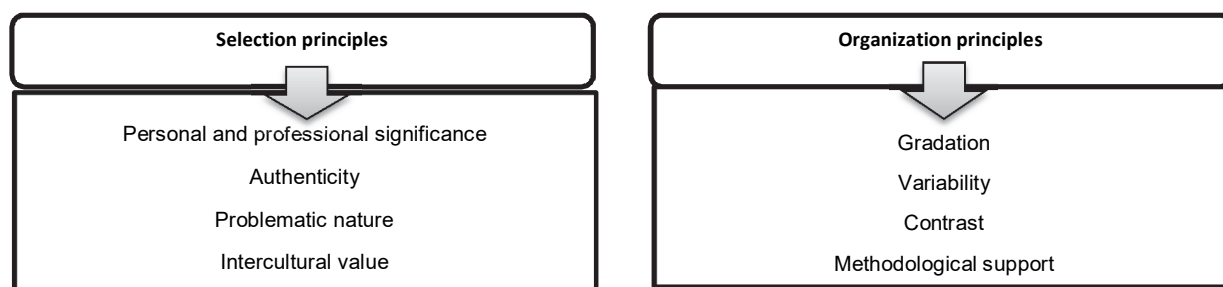

Figure 1. Principles of selection and principles of organization of professional texts

When selecting text materials, the principle of personal and professional significance implies that the text content contributes to both personality and vocational development of students. In other words, the texts should not only introduce the features of future professional activity but also appeal to the students' personal qualities and characteristics such as interests, inclinations, relationships, life experience, current needs, and others [4]. The paramount importance of this principle is proven by practice: texts used for university foreign language education do not always arouse students' interest and "provoke an emotional response" [1]. It is possible to give personal and professional significance to texts in the following ways: by representing the desired emotional and professional value relations in them; material nonlinear presentation; its contradiction; appeal to the recipient; information incompleteness for the purpose of its further independent search [17, 18].

When discussing the professional texts' authenticity, it should be noted that this principle denotes methodological authenticity [19]. It implies either simplification/reduction of the original text, or the authors' construction of their own text, which has all the characteristics of a natural speech product. At the same time, methodological authenticity is associated with the accessibility of texts since it allows adapting text material to a particular level of foreign language education aims and objectives and to the students' psychological and pedagogical characteristics, the level of their ability development in various types of speech activities (mostly heterogeneous), foreign language proficiency in general, professional readiness, and readiness to be included in professional oriented foreign language communication. Creating authentic texts methodologically involves: methodological text processing (reduction, simplification, addition of elements that facilitate the text understanding, exclusion of complex lexical and/or grammatical structures) [19, 20] and purposeful text generation by the teacher in compliance with all the authentic text features [20, 21]. It is worth noting that this principle application greatly facilitates the textual material selection since the necessary features can be purposefully created during its methodological development.

Making the text material problematic helps overcome a number of demotivating factors in the implementation of foreign language education at the elementary level of university education.

These issues include the complexity of the material in language (insufficient proficiency in professional terminology) and subject (insufficient proficiency of first-year students with subject knowledge in the relevant training profile) areas. In addition, the problematic nature of the text material stimulates students' productive thinking and speech generation processes, promotes deeper text understanding, develops students' cognitive activity and creative abilities. The methods of the text problematization include: problematization of the title and parts of the text; adding problematic issues (challenge questions, paradoxical questions, questions aimed at probabilistic forecasting, questions that stimulate the expression of one's own opinion, etc.); swapping individual parts or blocks of text; excluding text part and adding supplementary information that requires explanations.

The texts intercultural value is associated with the reflection of the current stage of language and culture development of the native country and the countries of the studied language. This feature ensures "the achievement of intercultural understanding and interaction" during the foreign language communication [22]. Moreover, the use of texts with sufficient intercultural value contributes not only to familiarization with someone else's culture (including professional) but also to a deeper awareness of one's own cultural identity. Both monocultural (they have information about someone else's culture, which can be compared with the similar information available to students about their native culture) and multicultural (they have an explicit comparison of two cultures) texts can be utilized [23]. There are no specific ways to give texts an intercultural value since a foreign language text used for educational purposes carries an intercultural component a priori, although it can be strengthened by adding information about native/foreign culture to the text and comparing it.

In order for the selected text material to create conditions for the successful achievement of educational results, its methodologically based organization is necessary. The principle of gradation determines the texts arrangement in the system of polymodal exercises from educational and professionally oriented at the habits formation stage to professional at the skill development stage and reaching the foreign language communication level. The observance of such a sequence of text types serves as a gradual transition from topics of a social and sociocultural nature to professionally oriented ones with a corresponding complication of their linguistic and subject content and an increase in the degree of intellectual difficulty of the problematic situations presented in them. Therefore, the implementation of the principle of gradation in the organization of textual material at the elementary level of foreign language education in a non-linguistic university is designed to minimize the difficulties for students in mastering a professionally oriented foreign language.

In the framework of our research, the variability in the text organization affects two areas: reading types and text presentation methods. In the first case, the possibility of using texts for reading with different purposes: scanning the text, reading for main idea, and reading for details is considered [3]. The text types depend on the foreign language communication teaching stage or the text priority function or the difficulty of the problem situation. As our experimental training has shown [24], texts with an appellative function that encourage productive types of speech activities (speaking and writing) are used to read for the main idea, and when forming skills, texts with a representative function are intended to be read for details. Moreover, when changing a communicative task, the same text can be used when scanning the text, reading for the main idea, and reading for details.

The variability of the ways of presenting texts means that texts can be offered to students for reading or listening, that is, to be printed or read. Since texts are the material basis of polymodal exercises that ensure the habits formation and the skills development in all types of foreign language speech activities, they can also act as a basis for

teaching listening [25]. To differentiate students' understanding of professional texts that are read and listened to, we conducted an experiment with 40 freshmen of Kirov State Medical University. These students were given two texts with comparable topics, complexity and volume, but dissimilar presentation. The students listened to or read the texts twice and did not get a chance to look at the text afterwards. A test task, 10 multiple choice questions, followed the reading/listening. The average coefficient of completeness and understanding accuracy of the read/listened text was calculated following the formula:

$$K = \sum_{i=1}^N \div N \times n$$

Where n_i is the set of knowledge elements learned by the i -th student; n is the number of knowledge elements to be learned; N is the number of students who completed the task [13].

As a result, the average coefficient of completeness and accuracy of understanding of the listened text was 0.82 (out of 1), while the read one was 0.68 (see Figure 2).

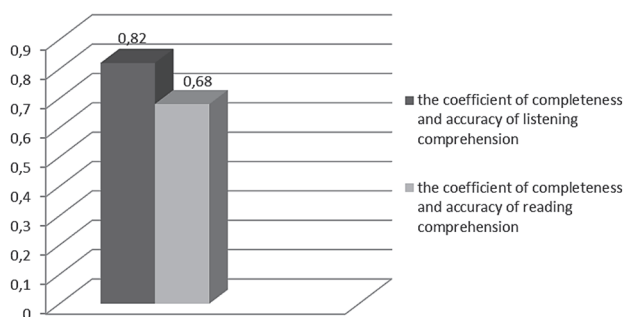

Figure 2. The average coefficient of completeness and accuracy of understanding of the listened and read texts

The results can be explained as following. On the one hand, listening is traditionally perceived by students as a more difficult type of foreign language speech activities to master, so students are more concentrated when listening to texts. On the other hand, students find tasks with listening to texts more motivating because the audio format of transmitting and receiving information is more familiar in modern times (for example, the popularity of audiobooks, voice messages, voice assistants, text-to-speech applications, etc.) [26].

Therefore, when organizing text material for foreign language education, it is important not only to have audible texts, but also, no less important, to have a possibility to simultaneously develop reading and listening skills when working on the same text, for example, presenting it through visual and auditory modality, that is, one part of the text is read and the other part is listened to [27].

Discussion

The principle of contrast in the text organization is consistent with the selection principle of intercultural value. Within the framework of our research, this principle assumes that in the cycle of classes implementing a system of polymodal exercises there are texts describing professionally communicative behavior in the native country and in the countries of the studied language for their comparison and contrast, identification of cross-cultural similarities and differences [28]. These reading tasks contribute to the development of students' personality as (professional) cultural mediators, that is, as persons able to reach mutual understanding with representatives of a different culture in the course of foreign language communication in the professional sphere [29].

The elementary level of university foreign language education determines the exceptional importance of the principle of texts methodological support. In addition, as noted earlier, serious difficulties in the implementation of this process are due to the students' initially low proficiency level in a foreign language and lack of professional preparedness since most of the specialized disciplines are taught later in advanced courses. The consequence of this situation is a low-level motivation to master both a profession and a foreign language. Therefore, in order for students with different proficiency levels, the level of skills development in various types of speech activities to equally successfully understand professional texts and build their own oral or written statements on their basis, texts must be supplemented with glossaries, instructions, and manuals, diagrams, generalizing drawings, tables, and other guides. Ultimately, methodological support of texts, equipping students with optimal methods of working with text material, creates conditions for a faster transition to the level of foreign language and professional self-education.

Conclusion

Thus, careful selection of textual material and its correct organization form the basis for the effective development of skills not only in reading, but also in speaking, listening, and writing, implementing a polymodal approach in foreign language education of a non-linguistic university. It is also worth paying attention to the fact that the characteristics of professional texts presented in the article, their selection principles and organization principles are not exhaustive. They require constant clarification and correction due to the loss of text content relevance, rapidly changing educational environment conditions, students' professional and personal needs changes, and other factors. The prospects of the research are associated with the study of the didactic potential and the peculiarities of the perception of video texts by students with the further development of polymodal exercises based on them.

References

1. Gorokhova, N.E., Kursanina, E.E. & Maevskaya, V.A. (2018) Increasing the efficiency of teaching a professionally oriented foreign language based on authentic texts. *Scientific and Technical Bulletin of SPbPU. Humanities and Social Sciences*. 9 (4). pp. 77–87. (In Russian). [Online] Available from: <https://human.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2018/4/77-87.pdf>
2. Klementsova, N.N. (2023) Formation of students' intercultural competency on the basis of the textocentric approach. *Higher Education in Russia*. 32 (4). pp. 106–123. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-106-123
3. Folomkina, S.K. (2005) *Teaching reading in a foreign language in a non-language university: Textbook*. 2nd ed. Moscow: Higher School. (In Russian).

4. Adamzik, K. (2009) *Text-Arbeiten: Textsorten im fremd-und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule* [Text work: Types of texts in foreign and native language lessons at school and university]. Tübingen: Narr.
5. Krause, W.-D. (Hrsg.) (2010) *Das Fremde und der Text. Fremdsprachige Kommunikation und ihre Ergebnisse* [The stranger and the text. Foreign language communication and its results]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam. [Online] Available from: <https://d-nb.info/1218859695/34>
6. Christison, M. & Murray, D.E. (2021) *What English language teachers need to know: Designing Curriculum*. 2nd ed. Vol. 3. Routledge. doi: 10.4324/9780429275746
7. Klementsova, N.N. (2023) Formation of students' intercultural competency on the basis of the textocentric approach. *Higher Education in Russia*. 32 (4). pp. 106–123. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-106-123
8. Shamov, A.N. (ed.) (2008) *Methods of teaching foreign languages: General course*. 2nd ed. Moscow: AST: East – West. (In Russian).
9. Melnikova, T.N. & Khoroneko, S.S. (2022) Text as a unit of teaching Russian as a foreign language: Lexical and grammatical approach. *Topical Issues of Pre-University Training: Proceedings of the VI International Conference*. Minsk. pp. 191–196. (In Russian). [Online] Available from: <http://rep.bsmu.by/handle/BSMU/36145>
10. Garipova, G.R. (2021) Polymodal approach to teaching a foreign language in a non-linguistic university. *At the Intersection of Languages and Cultures. Topical Issues of Humanitarian Knowledge*. 3 (21). pp. 138–142. (In Russian). [Online] Available from: http://univers-plus.ru/naperesechenii-izyakov-i-kultur.-aktualnye-voprosy-gumanitarnogo-znaniia_2021_3
11. Pichugina, G.A. & Kaybaliev, A.G. (2019) Polymodal teaching as a means of improving the effectiveness of the educational process. *Scientific Vector of the Balkans*. 3–2 (4). pp. 22–24. (In Russian).
12. Passov, E.I. (2006) *40 years later, or a hundred and one methodological idea*. Moscow: Gloss-Press. (In Russian).
13. Tsyrkun, I.I. & Punchik, V.N. (n.d.) *Methodology and methods of pedagogical research*. (In Russian).
14. Zimnyaya, I.A. (2010) *Pedagogical psychology*. 3rd ed. Moscow: Moscow Psychology and Sociology Institute. (In Russian).
15. Bulygina, T.V. (ed.). (2000) *The theory of language: The representative function of language*. 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russian).
16. Kikvidze, I.D. (2017) Activation of text functions in the process of teaching a foreign language. *Didactic Philology*. 2 (6). pp. 30–34. (In Russian).
17. Gelfman, E.G. & Kholodnaya M.A. (2023) *Psychodidactics of a school textbook: A textbook for universities*. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russian).
18. Tatarinova, M.N. (2018) Texts of emotional and value content in teaching foreign language writing at a profile-oriented stage in a comprehensive school. *Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 37–47. (In Russian).
19. Nosonovich, E.V. (1999) *Methodological authenticity of educational text*. Pedagogics Cand. Diss. Tambov. (In Russian).
20. Kiyani, O.N. (n.d.) *Authenticity as a methodological category in teaching a foreign language*. (In Russian). [Online] Available from: <http://main.isuct.ru/files/konf/antropos/SECTION/4/KIYAN.htm>
21. Argyros, I. (2005) *Authentische Texte im DaF Unterricht (Vorgeschr. Lerner)* [Authentic texts in German as a foreign language lessons (advanced learner)]. München: GRIN Verlag.
22. Cheremisinova, I.S. (2020) Principles and criteria of learning speech material's selection and organization for the formation of intercultural foreign language communicative competence among university students. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 26 (4). pp. 180–186. (In Russian). doi: 10.34216/2073-1426-2020-26-4-180-186
23. Giniatullin, I.A. (2011) Realization of intercultural aspects in the foreign language reading. *Topical issues of Germanic, Romance, and Russian Philology*. 2. pp. 169–188. (In Russian).
24. Kirillovykh, A.A. (2022) *Textbook of the German language for students of junior courses of technical training*. Part I: Textbook. Kirov: LLC "Raduga-PRESS Publishing House".
25. Dmitrieva, D.D. (2019) *Educational text as a means of teaching all types of speech activity at lessons of Russian as a foreign language*. *Karelian Scientific Journal*. 8, 1 (26). pp. 7–9. (In Russian). doi: 10.26140/knz4-2019-0801-0001
26. Chen, K.T.C. (2022) Speech-to-text recognition in University English as a foreign language learning. *Education and Information Technologies*. 27. pp. 9857–9875. doi: 10.1007/s10639-022-11016-5
27. Vikulina, M.A. (2017) Listening and reading in the formation of foreign language intercultural competence. *Language and Culture*. 40. pp. 154–173. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/40/12
28. Tareva, E.G. & Dikova, E.S. (2020) Text as a means of forming intercultural professional communicative competence. In: *Mezhkul'turnoe obrazovanie v vuze: lingvodidakticheskie strategii i praktiki*. St. Petersburg: Limited Liability Company "Nestor-History". pp. 116–134. (In Russian).
29. Elizarova, G.V. (2001) *Formation of students' intercultural competence in the process of teaching foreign language communication*. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. St. Petersburg: Herzen University. (In Russian).

Information about the authors:

A.A. Kirillovykh, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kirov State Medical University (Kirov, Russian Federation). E-mail: a.bezdenezhnyx@mail.ru

S.S. Kuklina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: svstkuk47@gmail.com

Yu.V. Grecu, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: yuliagrecu@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Кирилловых А.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Кировского государственного медицинского университета Минздрава России (Киров, Россия). E-mail: a.bezdenezhnyx@mail.ru

Куклина С.С. – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранных языков Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: svstkuk47@gmail.com

Греку Ю.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики обучения иностранных языков Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: yuliagrecu@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024;
одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 15.02.2024;
approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Original article
UDC 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/505/23

Effective task input strategies as an alternative to form-based task instruction

Anna A. Powell¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, sendingittoanna@gmail.com

Abstract. The article is concerned with certain aspects of second language acquisition which define a number of contradictions that language teaching faces today. The article provides theoretical observation of the key findings in the field of second language acquisition, foreign language teaching and task-based learning followed by a detailed description of the results of the research conducted by the author. Based on the data and aspects discussed, the author suggests task input strategies which can serve as an effective alternative to form-based instruction.

Keywords: target language, form-based instruction, meaning-based instruction, explicit knowledge, implicit knowledge

For citation: Powell, A.A. (2024) Effective task input strategies as an alternative to form-based task instruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 209–216. doi: 10.17223/15617793/505/23

Introduction

There is no disagreement today regarding the fact that language teaching has developed immensely over the past decades. A modern teacher of foreign languages is equipped with a wide repertoire of tools, methods and approaches all of which continuously evolve along with the ongoing change that takes place in all spheres of our lives. It must be noted that the terms methods and approaches are not quite synonymous. "Method" is used to refer to a set of clearly defined techniques and procedures for teaching a language. In contrast, the term "approach" refers to a set of general principles that can guide the choice of specific techniques and procedures [1. P. 31]. However, despite a certain degree of disagreement regarding the definitions and in some cases the relation of existing practices to either "methods" or "approaches", there is a general consensus that none of these practices can be defined as being the one exemplary choice that would be equally effective in all learning environments and all learning objectives. On the contrary, it is much more likely that an experienced teacher of a foreign language uses a wide range of methods and approaches to suit each particular case.

As learning objectives differ greatly, the work in the classroom may also be conducted in various forms. Whether the instructions given to the students are inductive or deductive; whether they are to work on some task or tasks in a controlled, semi-controlled or a free of the teacher's control manner; whether there is a desirable predetermined outcome or not, a lesson structure can be generalised as to traditionally include a certain number of stages. The initial stage is often set to engage the students and lead them into further work. This stage can be built around the presentation of the target language; the instruction for the further tasks or the presentation of the materials that further work will be built upon. The following stage is often built around one specific task or a sequence of tasks aimed at the production of the target

language and/or the development of certain skills. The final stage of a lesson is often concerned with some form of feedback. There can of course be major variation within this suggested sequence and outside of it. The first stage may be preceded by testing activities that would, for instance, identify the learner's current knowledge of the target language, while the last one may or may not include assessment. The assessment itself, if included, may or may not be based on a predetermined desirable outcome. There certainly could be many more or fewer stages in the sequence.

Theoretical background

Referencing earlier research, M. Long states that over the centuries there have been ongoing changes in language teaching trends between interventionist and non-interventionist positions; between focus on form and focus on meaning. Outlining the drawbacks of synthetic and analytical approaches, M. Long claims that the main issue of the synthetic approach and focus on form lies with the fact that language learning in this case is primarily seen as skill building where target units are learnt one after another in a certain sequence, unified for all learners. Then, once learnt, the units should comprise a native-like repertoire [2. P. 21]. A long time before that P. Skehan stated that teachers can be sure that learners will make use of the language they experience, but however carefully the language exposure may be orchestrated by the teacher, there cannot be any certainty regarding the exact ways they will make use of it as these processes are not amenable to teacher control. In other words, he insisted that acquiring a language is not simply a matter of converting input into output [3]. M. Paradis clearly distinguishes explicit and implicit knowledge. He states that while the first one is acquired consciously and therefore it enables learners to represent it to themselves and verbalise it on demand, the second type of knowledge is learnt incidentally, at the

moment when a learner is focusing on something else [4. P. 8]. Developing this idea and referencing R. Schmidt and S. Krashen, R. Ellis points out that learning takes place both intentionally when learners make a deliberate attempt to learn something or incidentally through exposure to input. However, having distinguished consciousness as "intentionality" and "attention", he argued that irrespective of whether learning is intentional or incidental it involves consciousness at the level of attention [1. P. 10]. M. Long also points out that explicit instruction in a particular structure, even a complex one, can produce measurable learning [2. P. 22]. Thus, presented together, these statements bring a certain level of controversy to the synthetic approach to language teaching.

Further in his research M. Long also outlines the drawbacks of the analytical approach which are the assumption that the capacity for implicit learning remains strong in adults; the time that implicit learning requires may not always be available, as well as the interference of the native language that may cause complications. He says that some of these drawbacks may easily be fixed following a synthetic approach [2. P. 25–26]. J. Harmer says that the instinctual ability to absorb language and context and to transform them into an ability to understand and speak "perfectly" does not last forever, that around puberty people develop certain abilities that make them better learners but may also make them less able to respond to language on a purely instinctive level [5. P. 50]. These statements suggest that even those linguists who support an implicit, natural, non-interventionist approach to language learning see certain complications that an explicit, interventionist approach, though having its own drawbacks, may address more successfully.

Promoting the benefits of TBLT (Task-based language teaching), R. Ellis admits the importance of focus on form but advises against synthetic approaches to language learning and controlled practice activities. He points out that it is not possible to learn everything intentionally and that there has to be opportunity for incidental learning. Thus, he supports the alternative facilitation of attention to form through interaction when learners experience problems by providing opportunities for planning before they start a task or highlighting features in the input of an input-based task. It is important to say that by "task" he suggests a specific classroom activity which has its primary focus on communication, contains a gap, allows the learners to use their own linguistic resources, and is defined successful when its non-linguistic meaning-focused outcome is achieved [6]. M. Long supports this vision when he states that the analytical approach to language learning combined with focus on form captures the advantages of focus-on-meaning approaches while simultaneously avoiding their shortcomings [2. P. 29]. However, it is important to note that the reality often challenges the opportunity to opt for an analytical, meaning-focused approach to syllabus design when it comes to language teaching in a public school or even more so when it comes to a state university. In terms of university education, a wide number of factors mentioned above make strictly analytical approaches impossible to implement within the course. Thus, a foreign language

program within any university course is always limited in time and implies a set degree of measurable skill building, the assessment of which is often understandably form-based. It must also be noted that following J. Harmer's statement mentioned above, the university students are at the age when their natural capacity for language acquisition is lower than that in children and is shaped by their learning experience while simultaneously confronted by their increasing learning ability. This is not to mention the constant interference of the native language and its predominance in the life of the students when the university is located outside of the target-language environment.

Following Ellis [7], Housen and Pierrard [8], and Nassaji [9], S. Loewen speaks about instructed second language acquisition (ISLA) as a subfield discipline of second language acquisition (SLA) which he defines as a theoretically and empirically based field of academic inquiry that aims to understand how the systematic manipulation of the mechanism of learning and/or the conditions under which they occur enable or facilitate the development and acquisition of an additional language [10]. This is based on an earlier work where he and M. Sato referencing explicit and implicit knowledge as well as differences in learners' objectives, instruction goals and targets of manipulation highlighted that over the last several decades it became clear that meaning-focused instruction alone would not bring about the level of accuracy in a second language that the learner might desire. Focus on form must be considered in order to develop both fluency and accuracy [11. P. 5]. Additionally, J. Harmer and I. Nation speak of the importance of repetition in terms of repetition of encounters with language which are spaced out – that is, language which students come back to again and again, with time lapses in between [5] and rich instruction of frequent vocabulary items that suggest the importance of several meetings with the word and focus on many aspects of what is involved in knowing a word [12]. These statements, however, should be expanded further when looking at the language learning within a state university foreign language course, where the meaning-focused approach alone may not be sufficient enough to bring about the levels of fluency and accuracy not only desired by the learner but also predetermined as satisfactory by the university program. In this reality ISLA seems to provide a certain degree of benefit to language learning when it comes to education within a state university foreign language course as it considers both the importance of focus on form and focus on meaning.

However, setting unified form-based instructions also has its own complications that must be considered as there is another important factor that influences the process of language learning and language application. Students' individual differences, their cognitive skills and language aptitudes as well as the differences in their learning experiences and objectives influence the strategies they apply and the language they choose to use. R.L. Sparks conducted research aimed at defining the extent to which individual differences in cognitive skills and first language achievement would predict individual differences in second language achievement and proficiency. According

to their findings, individual differences in first language skills accounted for 27–44% of the variance for second language writing proficiency; students' literacy skills in their first language largely affect their second language writing literacy skills. Therefore, proving that SLA variability though often attributed to contextual factors – such as classroom versus immersion learning and typological distance between the first and the second language is also widely defined by students' cognitive skills and native language proficiency [13. P. 501]. Moreover, M. F. Cam and O. A. Obdalova in their recent research on intercultural communication highlight the modern reality in which the teaching process is not only affected by the factors stated above but also by international and intercultural communication [14]. Thus, as J. Harmer pointed out, the moment we realise that a class is composed of individuals and not a unified whole, we have to start thinking about how to respond to these students individually so that while we may frequently teach the group as a whole, we will also address the different identities we are faced with [5. P. 85]. Indeed, it is true to say that in most cases in a situation when the target language input and the task instructions were the same for all students, the output they produce often differs greatly.

In our earlier research, which was conducted among a few groups of students (CEFR B1–B2) studying at Novosibirsk State Technical University, the students showed a clear lack of consensus regarding the role that form-based instruction to a meaning-based task plays (meaning setting obligatory application of certain target units when completing a communicative task). Just under a half of the participants opted in favour of having grammatical or lexical units that are required to be used in a task as they found them to be supporting and helpful; while the other half of the students opted against having predetermined structures, though stating different reasoning (20% found it confusing and stated that it is difficult for them to think about the form and the meaning at the same time, whereas 31.4% were against predetermined units since they found them limiting in terms of free expression) [15]. Thus, form-based instruction to a task would serve as a limiting factor for just over a half of the students, while the other half would choose to rely on it when experiencing difficulties. P. Lightbown and N. Spada say that there can be little doubt that an expectation that a single way of teaching all students and an expectation that all students can learn in the same way will deprive some students of learning opportunities [16]. However, while the effect of instruction is said to be affected by the teacher's characteristics, it is not possible for a teacher to customize instruction to suit the abilities or preferences of all students [17]. Stating the importance of consideration of individual differences, interests and abilities of foreign language learners, I. Kazachkhina conducted research aimed at examination of the future English teachers' professional skills in adapting teaching materials for a differentiated foreign language classroom. The results of the research showed that there are a number of difficulties that teachers face when adapting student book materials to the individual needs of the students [18]. Moreover, in their research into individual

differences and the problem of ergodicity, W. M. Lowie and M. H. Verspoor challenge the traditional view on research into individual differences in second language learning, which is commonly based on group studies, with the implicit assumption that findings can be generalised to the individual. They empirically proved that such research findings cannot predict much about any individual's behaviour at any point in time [19].

Thus, there are a number of contradictions to the way we understand the process of language acquisition and the way that it is often implemented or required within a state university foreign language program. Students vary greatly in terms of their cognitive skills, language aptitudes, personalities, learning objectives, experiences and strategies; therefore, the choices they make when interacting or completing a task are often different and out of the teacher's control, yet they are predominantly the ultimate focus of most syllabuses and are a part of either the task or the course assessment. Finally, the teacher's actions may affect learners' performance, but for a number of reasons stated above it seems impossible for a foreign language teacher to quickly identify all of their learner's differences within the group in order not to make unnecessary generalisations about the group as a whole and then effectively respond to all these factors at once when teaching a group of individual learners especially within a set course syllabus setting.

This controversial reality defines the need for thorough consideration regarding the lesson models teachers choose to follow as well as the design of the tasks and their instructions. Working in the field of instructional design R. E. Mayer discusses the promise of example-based instruction and the need for evidence-based principles for how to design effective instruction based on examples. He further claims that procedural tasks that can be presented as step-by-step examples appear to be the types of learning tasks that are best taught by example-based instruction [20. P. 914]. Therefore, the present research is aimed at receiving clear and objective data in order to conclude whether task instruction form influences the target language output within a meaning-based task, and if so, the way different forms of task instruction (including example-based instruction) affect students' performance in terms of the students' application of the target units while allowing their self-expression.

The research question is: What task input forms unified for all students within the TBLT approach can simultaneously consider the students' individual differences and ensure target language application?

Research

1. Research model and methods. The work within the current research was done in the form of task-supported teaching [6]. Being a language teaching approach, it allows major variation regarding the forms in which the work on the tasks can be shaped, which defined the novelty in the methodology of the present research.

Over a period of six months the students were working with units 1–4 of the Road Map B2 set. The research work was done for unit sections 1C, 2A, 2C, 4B specifically,

each containing new lexical and grammatical target structures and various practice activities. All lessons held for the purposes of the current research had a similar lesson structure. The lesson traditionally started with a lead-in stage, followed by the presentation of the target language conducted in various inductive forms. The work then continued with the practice activities provided in the book which engaged the students in writing, speaking, listening or reading based on what is set by the book's syllabus. To avoid any confusion, the book practice activities will from now on be always referred to as "book practice activities". Once the input of the target language of the unit and its controlled practice activities were completed, the students were given a "final practice task" which had only meaning-based instruction. This task was designed either additionally to the book materials or was built as a major expansion to one of the final activities provided in the book. The students completed four such "final practice tasks" in total, one for each unit section stated above. Each of these tasks had different input form and task format and will be described in detail further in the article.

The present research is mixed-methods-based; once the tasks were completed the research continued in the form of quantitative assessment of the application of the lexical target units by the students in their task output followed by further multiple-choice questioning in order to interpret the results received. After that the participants were additionally asked a series of open-ended questions to understand their reasoning behind the application of the target units for the tasks they had completed as well as their learning experience in terms of task forms and their instructions. It is important to state that the quantitative analysis of the target language output was done strictly for the aims of the research and within the research question; the participants did not know that there would be further form-based task output assessment. The findings discovered by the present research will be provided in the next section of the article, followed by their interpretation in the final part of the article.

2. Participants. The participants of the research were first-year students studying at the Faculty of Humanities at Novosibirsk State Technical University. The total number of participants was 24, CEFR level B1–B2. It is important to highlight that within the present research all of the participants worked on four different final practice tasks designed within the task-supported syllabus in the same order. This enabled us to look at the impacts of the task design and the task input forms more objectively due to the lack of the interference of many linguistic and extra linguistic factors among different heterogeneous groups of participants, which could have compromised the findings.

3. Experimental work. Now we would like to outline the four "final practice tasks" that were designed and given to the students at the end of each unit section. We will not, however, describe in detail the "book practice activities" the students worked with prior to the "final practice task" as they can be found in the Road Map B2 set. The final conclusions will be given at the end of this article.

Task 1 was introduced when the students were working with unit 1C: "Personalities". This unit section is concerned with certain personality traits as well as set

phrases and verb + noun collocations that can also be used when talking about a person's character. After completing the practice tasks provided in the book, the students were presented with 12 short descriptions of the zodiac signs and they were to choose one of them to work with. The target vocabulary of the unit was built by us into the zodiac sign descriptions. The objective of the task was for the students to conduct brief research discovering whether or not people who were born under one zodiac sign possess the personality traits listed in the description. The students studied the materials, formulated a list of questions, conducted their interviews, summarised the data and finally presented the results of their work in front of the class. Including the target structures into the materials would ensure many opportunities for the target language practice through reading, listening, writing and speaking as the students were to create questions, interview people, summarise the data and present the results.

For Task 2 the students were working with Unit 2A: "What is the truth?". The target vocabulary of the unit was phrases with the verb "get" and the language used to write a personal informal email to a friend, asking for, reacting to and sharing news. The initial controlled practice of the target language was once again based on the tasks provided in the book, and then the students were given the final practice task. At first, the students were to write a "social media post" sharing some news with their followers before they were to exchange them with one another in order to write a short email responding to the news in their friend's post and sharing some news of their own. Unlike the final practice Task 1 of the experimental work, this time the students were provided with an example email. The structure of the email was discussed briefly, and little attention was drawn to the specific language used in the email. Once the work was completed, the results were assessed as to including or not including the target structures.

Task 3 was designed for Unit 2C: "It is so annoying!", which is concerned with different common complaints that people have, -ed/-ing adjectives, as well as certain vocabulary which can be used to give advice and to respond to these complaints. After the standard initial work with the unit tasks the students were given the final practice task. They were put in pairs, and each pair was given a printout sheet imitating a messenger application interface, where the students were to "chat". The instructions to the task were as follows: student 1 needed to "text" their friend to ask for advice on some problem they face. They were to write short texts on different sides of the printout for it to look like a real chat in a messenger. The role of student 2 was to reply to the message, support the conversation and give some advice. At this stage of the experiment it was decided not to provide the students with any examples of how the task should be completed or any specific materials that include the target vocabulary. The work was conducted this way in order to check how often the lexical target units would be used by the students in the final practice task if they had only been exposed to traditional controlled activities provided by the book which are built around the target language.

Task 4 for Unit 4B: "Job skills" was rather different from the first three tasks as it was the only one containing

formal and more complex language. Once again, at first the students completed all of the book practice activities concerning vocabulary to describe job requirements and the language that can be used to write a covering email responding to a job advert. The job adverts' structures as well as the example emails had been studied and discussed. The students compared the information stated in the sample covering email with the requirements provided by the job advert; they discussed its relevance to the job advert and the specifics of the language the person used as well as the purpose of each paragraph. The students tried to come up with potential alternatives, creating other ways the same ideas may be phrased.

After that the students started their work on the final practice task. This time the students were first to write a job advert for one of the jobs suggested to them that they could in the future apply for, being students of linguistics. Once again, there was no instruction as to the language that must be used but there was an instruction as to what kind of information should be included in the advert. The language used by the teacher for the instruction included some of the target units. Once the job adverts were written, the students were to exchange the adverts with their partners and proceed to work on the covering email.

Results

The results of the students' work on Task 1 "Zodiac sign research" provided the outcome that had been expected. In the majority of the cases (15 out of 24) students applied multiple target units given in the task materials. 7 students out of 24 chose to include only one or two units, and there were only two exceptional cases when the students did not include any of the target language structures. However, it is necessary to make two noteworthy points regarding these findings. First of all, those students who did not apply any of the target units and those participants who used only one or two units chose synonyms for the wording of their questions, which suggests that the target units were considered and understood correctly when the students were dealing with the task materials. Second of all, because of the way the task was built, all of the students were exposed to the target language: first, when reading the descriptions and, second, when all of the students gave their presentations orally in front of the class. This means that those who chose not to include any target language into their personal work were still additionally exposed to this language through reading and then listening.

The results of Task 2 "Informal email" showed that the absolute majority of the students (21 out of 24) used some of the structures that were provided in the example email. Those were phrases like "It has been ages since we have been in touch", "get in touch when you have got time", etc. There was a lot of variation to the language the students used and the news they shared with one another. There was also a lot of variation regarding the language they used to write the social media posts. However, the target language application frequency was not very high and the structure of the email was poor in most cases (20 emails out of 24 had inaccuracies in the email structure and paragraphing; and/or did not have proper opening or closing remarks).

This was undoubtedly due to the intentional lack of thorough work on the task example during the pre-task stage. Such firm conclusion was made based on the later results of Task 4 completion that was similar in its nature and will be expanded at the end of this section of the article. Also, interestingly, the students did not use any of the "get + verb" structures when writing their social media posts. This fact mirrors the findings that were received after the completion of Task 3 and led us to develop further open-ended questions where the students were asked to reflect on the lack of the application of these units and provide their reasoning. Thus, students spoke of having their own ideas for the posts; some students additionally stated that this is simpler than incorporating book's vocabulary into the text as the connection between the task discourse and the vocabulary context was not obvious. Another repeated answer was that the thought of using the vocabulary given in the book simply did not come to their mind and they found it difficult to explain why.

The results of Task 3 "Giving advice to a friend" were as follows: almost all of the students (19) used one or in some cases two phrases provided in the book which they applied correctly to start their messages containing advice. Interestingly, those students who also used some of the -ed/-ing target adjectives provided in the unit used only those that are clearly related to the context of experiencing problems, such as "annoying", "frustrating", and "irritating"; none of the students chose such units as "encouraged/encouraging"; "entertained/entertaining", "tempted/tempting", etc. Additionally, none of the students chose to use any of the vocabulary provided in the book that describes the types of complaints that people might have. Following the structure of Task 2 assessment, the students were asked as to why they did not think to use any of the examples from the book when creating their complaints. Most frequently the students spoke about having their own ideas as well as the desire to express creativity when possible since there were no instructions to use the lexical units from the book. The other answers mirrored those for Task 2 – meaning that the students simply did not think of it or they did not like the ideas given in the book.

In Task 4 "Covering email" all of the students used the target units and the target structures to write both their job adverts and the covering emails. The absolute majority of the students (20 out of 24) copied numerous sentences presented in the task sample. According to the answers the students provided when asked about the reasons behind this decision, such major success can be attributed to the facts that the students find formal language more challenging; using units provided by the example helped them deliver the expected task result; and most frequently students spoke about the fact that they had no prior experience in writing job adverts or covering emails; therefore, following the example provided seemed most logical to them.

All of the results of the survey are presented in Table.

Additionally, the students were asked a series of questions related to their learning experiences and form-based task instruction. When asked a multiple-choice question regarding the reasons that would make the participants borrow some words/collocations/ sentences from the example provided for the writing task (the

participants could choose 1–3 variants), the most popular answers were: "I will do so if it is obligatory" (12 students); "I will do so if the task is difficult for me" (11 students) and "I will do so if I am not familiar with the task topic/discourse/have no prior experience in writing this kind of text" (12 students). Eight students also chose the option "I will do so if the vocabulary necessary for the task is difficult for me". And only five students said "I will do so if I have no ideas of my own".

The effects of various meaning-based task input strategies on the form-based task outcome

Task instruction aspect	Task 1 Zodiac sign research	Task 2 Informal email	Task 3 Giving advice to a friend	Task 4 Covering g email
The target language (TL) is included in the materials necessary for the task completion	+	-	-	+
The TL is included in the example	-	+	-	+
The example is thoroughly discussed	-	-	-	+
The students engage in:				
Writing/reading	+	+	+	+
Listening/Speaking	+	-	-	+
<i>Results</i>				
Frequent application of the TL in the task outcome	15 students	-	-	20 students
Application of 1–2 TL units in the task outcome	7 students	21 students	19 students	4 students
Lack of TL units application in the task outcome	2 students	3 students	5 students	-

Interestingly, when asked an opposite question: "Having an example, I will NOT borrow any words/collocations/sentences used in it if...", 14 students said, "I will not do so if I have plenty of my own ideas"; 12 times the students said, "I will not do so if the topic of the task is simple and clear"; 10 times the students chose: "I will not do so if the vocabulary that I need to produce this kind of writing is simple for me"; while 8 times the students chose both: "I have written this kind of texts many times before" and "It is not obligatory".

The possible implications of these results are provided in the following section of this article.

Discussion and conclusion

Thus, the research has confirmed a number of statements made in the theoretical part of the present article.

The application of the target units was much lower in those tasks when the students did not have any materials or examples to build their work on and the choice to turn to the book materials was entirely theirs. This empirically proves that doing controlled course book activities increases the application of the target language but is not as sufficient as developing further work within a task-supported teaching approach that would include complex work with materials and examples containing target language. This confirms the statement made by R. E. Mayer regarding the potential of example-based task instruction and is possibly mirrored in the findings of the

questioning that the students took part in. The students frequently choose to turn to the example and rely on the language provided in the materials for the task not only when they are told to do so but even when there is no direct instruction to do so, but rather because they are facing difficulties and they personally find it helpful either because of the formal register of the work they are producing or the context/type of writing they are not very familiar with. It is also important to note, that based on the answers given, in this kind of context the students considered new lexical units to be an important part of the task format; therefore, applying them, in their opinion, would bring the desirable meaning-based outcome. The second claim, made by R. E. Mayer that procedural tasks appear to be the types of tasks that are best taught by example-based instruction has been partially confirmed by the present research. The students did apply target lexical units in Tasks 2 and 4, both of which implied writing emails, though the task discourse seems to play an important role in the frequency of the target units' application. Thus, when experiencing difficulties with the task format itself, the register of the language or having no prior real-life experience they are more likely to turn to the example provided than when working with neutral, informal language/context or a familiar kind of procedural task which they do not find overall challenging.

In this case, providing the students with materials that they would have to use in order to complete the task may be a better solution to providing an example work, as it was done for Task 1. The findings regarding the assessment of Task 1 also speak to the struggles outlined by W. M. Lowie, M. H. Verspoor and R. L. Sparks. The task design implied much variation within it and allowed space for individual differences; therefore, the students had a lot of freedom to choose not only the lexical units they wanted to continue their work with, but also the forms for the presentation of their task results. The application of the target units was lower than that for Task 4, but higher than that for Tasks 2 and 3 (also with non-formal register). Moreover, since the presentation of the task output was built in the form of public speaking, the students in the classroom were additionally exposed to the target language while they were listening to each other's presentations, which allowed consideration of their general cognitive differences as well as repetition and rich instruction mentioned above as researched by J. Harmer and I. Nation.

There also seems to be an interesting incompatibility in the answers that the students gave which suggest that the focus of the question shapes the way they think of their reasoning, thus: when asked about the act of copying lexical units from the samples, the participants predominantly associated it with difficulties they experience, and only few of them spoke about having no ideas of their own; while when speaking of not copying the lexical units from the examples, the majority of them put having personal ideas in focus of their reasoning. This made us pay more attention to the open-ended questions that the participants answered regarding their experiences on completing specific tasks.

There seems to be a clear trend regarding the lack of application of those target units that can be used to create a

piece of writing concerning students' personal life experiences whether real or imaginable. Based on the answers the students gave, when they are asked to tell or create a short story that has indeed or has supposedly happened to them, the variety of potential scenarios is so big that they simply do not think of turning to the book's target language unless they are strictly told to do so. They do, however, still turn to the book materials and samples when they are facing difficulties wording certain more complex sentences within the same context, like those that could start the conversation, e.g., "It has been ages since we have been in touch" in Task 2 and "you must feel overwhelmed" in Task 3.

Another important deduction must be made regarding the comparability between the task discourse and the context in which the target units are likely to be applied. Thus, when completing Task 2 where the students described personal complaints, none of them applied the units "encouraged/encouraging", "entertained/entertaining", "tempted/tempting", and, as further questioning showed, this could have happened due to the fact that they did not think these units matched the task discourse.

To conclude, it is clear from the research results presented above that some of the strategies do not seem to produce the desirable result in all of the cases, but as it is known from teaching experience, form-based instructions do not always produce such results either. What is more, about a half of the students see such instructions as limiting [15], as they do not speak to their individual differences. Meanwhile, the importance of consideration of students' individual and cultural differences, cognitive skills, their learning experiences and the findings in the field of SLA and ISLA are regularly confronted with the need of objective holistic assessment of the students' language ability and skill development throughout and at the end of a state university foreign language course. The present research has confirmed that there are a number of task input forms alternative to form-based instruction which seem to possess capability to respond to the linguistic and extra linguistic factors stated above.

Based on the quantitative and qualitative findings of the work conducted within the research question set, there is a number of guidelines that can be outlined:

1. Providing the students with form-based instruction regarding the completion of the task they are to work on is not the only way to ensure form-based performance of the task;

2. Students seem to refer to the book practice activities and task input materials when they are challenged either by the complexity of the task or the complexity of the topic even when the application of the target language is not a part of the task instruction. However, such application seems to be inconsistent and rather limited, and may not appear in all of the students' works;

3. If the objective of the task is to maximise the probability of the target language application, it seems more effective to follow one or a few of the following strategies:

- When designing the task, fair attention should be drawn to its context and the context of the target units in

order to avoid any potential clash in their discourses that could lead to some of the units being overlooked or left out;

- If the target language is represented by various separate lexical units related to one topic, especially if the task has informal register and/or familiar discourse, it seems to be most effective to include these units into the materials the students will have to actively use during their work on the final practice task;

- If the target language is represented by phrases or full sentences, especially when they have formal register and/or the task discourse is challenging or unfamiliar, it is more advisable to consider providing the students with a clear sample that would include these target phrases;

- In the cases outlined above, the target language does not need to be regarded as such, but the samples and materials provided should be worked with thoroughly prior to the work on the final practice task. This work could be done through analysis, discussion, work with synonyms and antonyms, paraphrasing, etc. This ensures that the learners engage not only in writing and reading when completing the task, but also in listening and speaking;

- Including the target language into the wording of the instruction that the teacher gives in speaking or in writing also positively affects target-language application;

4. In order to guarantee the maximum exposure to and the application of target language and consider students' individual differences, it is important to design a complex task structure:

- Once the students have been provided with the materials and/or an example; once it has been thoroughly discussed and analysed and once the students have been given the final meaning-based instructions, they should naturally encounter the target language numerous times and in numerous forms (in writing, speaking, reading and listening);

- Delivering the task outcome presentation in a public or a group format ensures that those students who did not apply the target structures still get additional exposure to them while reading/listening to their peers' work;

- Finally, it is important to build a complex post-task stage, where after the presentation of the task results the students engage in some follow-up activities in the form of asking questions, taking part in a discussion, participating in quizzes or voting, etc.

The research findings have empirically proved that following one or more than one strategy described above ensures target language application in the task output which is often implied by a set course syllabus. Moreover, unlike form-based instruction, the strategies examined within the research simultaneously provide the students with the freedom of choice and expression in terms of their language abilities, their individual and learning differences. Indeed, following the task input strategies provided in the article would not create any negative connotation among the students but on the contrary a positive one being "helpful" rather than "limiting" as the application of the target language becomes the product of the students' free will. The task input and task forms described in the present article allow the teachers not to over-generalise the group of students but also not to alter their instructions to suit each individual learner in the

group while simultaneously ensure form-based outcome which can be measured and assessed if it is required by the course format.

All of the findings described above create objective grounds for further research that, without a doubt, needs to be done on a greater scale.

References

1. Ellis, R. & Shintani, N. (2014) *Exploring language Pedagogy through Second Language Acquisition Research*. Oxon: Routledge.
2. Long, M. (2015) *Second Language Acquisition and Task-Based Language Teaching*. UK: John Wiley and Sons, Inc.
3. Skehan P. (1996) Second language acquisition research and task-based instruction. In: Willis, J. & Willis, D. (eds) *Challenge and Change in Language Teaching*. Heinemann. pp. 17–30.
4. Paradis, M.A. (2004) *Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Harmer, J. (2007) *The Practice of English Language Teaching*. Harlow: Longman.
6. Ellis, R. (2020) *Cambridge. Live Experience*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=jsBTQgE8uhw&list=PLpmCHL8PnXq_DRcvJpaXIaPs4nFqtrgSI (Accessed: 20.08.2023).
7. Ellis, R. (2005) *Instructed second language acquisition: A literature review*. Wellington, New Zealand: Ministry of Education.
8. Housen, A. & Pierrard, M. (2005) *Investigations in instructed second language acquisition*. Berlin: Mouton de Gruyter.
9. Nassaji, H. (2016) Research timeline: Form-focused instruction and second language acquisition. *Language Teaching*. 49. pp. 35–62.
10. Loewen, S. (2020) *Introduction to Instructed Second Language Acquisition*. UK: Taylor & Francis.
11. Loewen, S. & Sato, M. (2019) *The Routledge Handbook of Instructed Second Language Acquisition*. UK: Routledge.
12. Nation I.S.P. (2001) *Learning vocabulary in another language*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
13. Sparks, R., Dale, P. & Patton, J. (2023) Individual differences in L1 attainment and language aptitude predict L2 achievement in instructed language learners. *The Modern Language Journal*. 107. pp. 479–508.
14. Cam, M.F. & Obdalo, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
15. Powell, A.A. (2023) Teaching new vocabulary through TBLT tasks. In: *Urgent problems of modern society. Development through integration*. Novosibirsk: NSTU NETI. pp. 15–19.
16. Lightbown, P.M. & Spada, N. (2021) *How Languages Are Learned*. 5th ed. UK: Oxford University Press.
17. Borg, S. & Sanchez, H. (eds) (2015) *International perspectives on teacher research*. New York: Palgrave Macmillan.
18. Kazachkhina, I.A. (2022) Material Adaptation Applying Differentiated Approach to Teaching Foreign Languages. *Sibirskiy uchitel*. 5 (144). pp. 39–45.
19. Lowie, W.M. & Verspoor, M.H. (2019) Individual differences and the Ergodicity problem. *Language learning*. March. pp. 184–206.
20. Mayer, R.E. (2020) Advances in designing instruction based on examples. *Applied Cognitive Psychology*. 34. pp. 912–915.

Information about the author:

A.A. Powell, lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sendingittoanna@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6741-6615

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Повелл А.А. – преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: sendingittoanna@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6741-6615

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024;
одобрена после рецензирования 09.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 13.01.2024;
approved after reviewing 09.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 378.046.4
doi: 10.17223/15617793/505/24

Повышение квалификации педагогов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства

Ирина Викторовна Стародубцева¹, Дмитрий Николаевич Макаридин², Татьяна Павловна Завьялова³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ i.v.starodubceva@utmn.ru

² d.n.makaridin@utmn.ru

³ t.p.zavyalova@utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы дополнительного профессионального образования педагогов. Обосновывается модель курсов повышения квалификации в условиях конкурса профессионального мастерства. Излагаются организационно-методические и содержательные аспекты программы повышения квалификации педагогов сферы физической культуры и спорта в условиях конкурса профессионального мастерства.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, курсы повышения квалификации, конкурс профессионального мастерства, физическая культура, педагоги по физической культуре

Для цитирования: Стародубцева И.В., Макаридин Д.Н., Завьялова Т.П. Повышение квалификации педагогов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 217–225. doi: 10.17223/15617793/505/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/24

Professional development of physical education and sports teachers in the context of a professional skills competition

Irina V. Starodubtseva¹, Dmitriy N. Makaridin², Tatyana P. Zavyalova³

^{1, 2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ i.v.starodubceva@utmn.ru

² d.n.makaridin@utmn.ru

³ t.p.zavyalova@utmn.ru

Abstract. The article substantiates the possibility of realization of additional professional education of teachers of physical culture and sports in the conditions of professional skills competition. This form allows solving the problems of professional development and forming the subjective position of teachers more effectively than traditional training formats. The study was conducted at the Institute of Physical Culture of the University of Tyumen in the period from 2015 to 2023 using such methods as the analysis of literary sources, the analysis of regulatory and legal documents, pedagogical modeling, pedagogical observation, the survey method, experimental work, methods of mathematical and statistical processing of results. With the help of the analysis of the normative legal documentation, the content basis of the program of professional development of specialists in the sphere of physical culture and sports in the conditions of professional skills competition was determined. As a result of the survey of specialists (n=629), it was found that physical education instructors, physical education teachers and coaches demonstrate both similarities and differences in educational needs and views on the opportunities for professional development in the context of competitions of professional excellence. This is explained by the specifics of their professional activity, its orientation, content and conditions in which it is carried out. Based on the data of the preliminary study, an integrative model of professional development courses is proposed, based on the principles reflecting modern requirements to professional education, principles that take into account the peculiarities of the profile of professional activity of physical education teachers, principles inspired by the intersectionality of professional development courses and competitions. The model is implemented in three stages and provides a combination of different formats of work: classroom and independent, practical and theoretical, as well as consultative, analytical, reflective. As a result of the approbation of the model of professional development courses in the conditions of the Regional Contest of Professional Excellence "Master of Pedagogical Work in Extracurricular Forms of Physical Education, Recreation and Sports Work", the recommendations addressed to the organizers of contests of professional excellence in the sphere of physical culture and sports were formulated: to design competitions taking into account the educational needs of participants; to plan a step-by-step organization of events, training and preparation for the competitions, taking into account the peculiarities of the participants' professional activities.

Keywords: additional professional education, professional development courses, professional skills competition, physical education, physical education teachers

For citation: Starodubtseva, I.V., Makaridin, D.N. & Zavyalova, T.P. (2024) Professional development of physical education and sports teachers in the context of a professional skills competition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 217–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/24

Актуальность

Процессы трансформации, происходящие в обществе, повлекли за собой закономерные перемены и в сфере образования. Изменились подходы к осуществлению профессионально-педагогической деятельности, произошло переосмысление ее целевых ориентиров и технологий их достижения. Возросли требования к педагогу, возникла необходимость усиления его субъектной позиции, проявляющейся и в непрерывном профессионально-личностном развитии. В новых условиях традиционной практики повышения квалификации в форме курсовой, периодичной подготовки становится недостаточно. Возрастает роль других форм профессионального образования, не только актуализирующих специальные знания, но и инициирующих активность педагогов. Среди них все большую популярность приобретают конкурсы профессионального педагогического мастерства. Они эффективнее стимулируют участников становиться субъектами своего профессионального роста, обращаясь к внутренним актуальным и потенциальным ресурсам, переосмысливая достижения и затруднения на своем профессиональном пути [1–3]. Кроме того, конкурсы профессионального мастерства дают возможность получать обратную связь от педагогического сообщества, что в немалой степени содействует осознанному определению путей дальнейшего профессионального самосовершенствования. Однако сформировавшаяся в настоящее время практика проведения конкурсных мероприятий слабо учитывает образовательные потребности и специфику профессиональной деятельности специалистов по физической культуре и спорту, обусловленную направленностью, содержанием и условиями, в которых она осуществляется.

Изложенное позволяет обозначить проблему исследования и предложить пути ее решения, а именно представить организационно-методические и содержательные аспекты программы повышения квалификации педагогов сферы физической культуры и спорта в условиях конкурса профессионального мастерства.

Степень научной разработанности

Анализ публикаций по проблемам дополнительного профессионального образования педагогов показывает, что в условиях модернизации образования система повышения квалификации педагогических кадров становится одним из центров инновационного движения. Пытаясь уйти от традиционных лекционно-семинарских занятий, исследователи предлагают самые разнообразные форматы организации дополнительного профессионального образования, методы и средства повышения квалификации педагогов.

Так, например, Т.Н. Безносова, Н.В. Ганжа, одной из главных форм организации работы с педагогами в условиях курсов повышения квалификации видят *мастер-класс* [4, 5].

Значимую роль в контексте внедрения профессионального стандарта педагога, по словам Т.В. Дьячковой, приобретает профессиональная образовательная *экскурсия* [6]. По мнению С.В. Власенко, действенным форматом в рамках инновационного подхода к обучению педагогов в системе повышения квалификации может стать *методическое консультирование* [7]. К эффективным методам обучения педагогических кадров авторы научных работ относят *учебный диалог*, предложенный В.А. Доманским [8]; *деловые игры* [9]; *тренинги* [10]; *учебные ситуации* [11]; *открытые уроки* [12] и др.

Большой потенциал современные исследователи видят в неинституционализированных, интегративных формах повышения квалификации и формирования компетентности педагогов. Значимое место среди них занимает *проектная деятельность*. В обучении педагогов предлагается использовать *творческие* [13], *образовательные* [14], а также *научные проекты* [15, 16]. Расширить возможности курсов повышения квалификации предлагается путем организации *стажерских площадок*, которые создают условия для распространения передового педагогического опыта, «проживания» профессиональных ситуаций и освоения различных инноваций [17]. Учитывая широкое распространение информационно-коммуникационных технологий, такие авторы, как И.В. Зубрилина, предлагают в качестве современной формы повышения квалификации организацию индивидуальной информационно-образовательной среды учителя [18].

Не последнее место в научных исследованиях занимает рассмотрение вопросов повышения квалификации педагогов в формате *конкурса профессионального мастерства* [19–21]. Авторы делятся опытом реализации различных моделей подготовки и сопровождения педагогов, а также развития их профессиональных компетенций в процессе конкурсных мероприятий. Однако эти исследования чаще носят общий характер, не предполагают дифференциацию педагогов различных предметных областей и не учитывают особенности труда специалистов в области физической культуры и спорта. И, несмотря на то что проблемы дополнительного профессионального образования педагогов сферы физической культуры поднимаются рядом исследователей [22–24 и др.], опыт организации курсов повышения их квалификации в рамках конкурса профессионального мастерства представлен крайне недостаточно [25].

Цель исследования – обоснование и разработка содержания программы повышения квалификации педагогов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства.

Методы и организация исследования

Исследование осуществлялось на базе Института физической культуры Тюменского государственного

университета в период с 2015 по 2023 г. Были использованы теоретические и эмпирические методы исследования, такие как анализ литературных источников, анализ нормативно-правовых документов, педагогическое моделирование, педагогические наблюдения, метод опроса, опытно-экспериментальная работа, методы математико-статистической обработки результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Для определения содержания программы курсов повышения квалификации специалистов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства (далее Конкурса) был проведен анализ соответствующей нормативно-правовой информации.

В настоящее время процесс дополнительного профессионального образования регламентируется такими нормативно-правовыми актами, как Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29.12.2012), который закрепляет необходимость обеспечить профессиональное развитие человека и соответствие его квалификации меняющимся условиям деятельности. Этим же законом устанавливается направленность программ повышения квалификации на совершенствование компетенций с учетом требований профессиональных стандартов. Работа специалистов по физической культуре и спорту регулируется несколькими профессиональными стандартами: 01.001 (Педагог), 01.003 (Педагог дополнительного образования детей и взрослых), 05.003 (Тренер). Изучение содержащихся в них квалификационных требований показало, что и учителя физической культуры, и тренеры, и педагоги дополнительного образования должны обладать умениями разрабатывать методические и учебные материалы, собирать информацию из различных источников, разъяснять вопросы внедрения методики в устном выступлении или в методических материалах, пользоваться информационно-коммуникационными технологиями. Как правило, все эти действия педагоги демонстрируют и в рамках Конкурса. То есть в соответствии с нормативно-правовой базой для специалистов разных групп рассматриваемой профессиональной сферы может быть предложена

единая содержательная основа программы повышения квалификации, нацеленная на совершенствование обозначенных умений.

Следующим шагом стало изучение мнения специалистов, работающих в сфере физической культуры и спорта. Мы предположили, что специфические особенности профессиональных действий, осуществляемых инструкторами дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), учителями физической культуры, тренерами спортивных школ и тренерами – преподавателями учреждений дополнительного образования спортивной направленности, могут приводить к формированию у них различных образовательных запросов и взглядов на возможности повышения квалификации в условиях Конкурса. В проведенном нами опросе приняли участие 629 человек, из них 389 женщин и 240 мужчин.

В процессе исследования было установлено, что большинство специалистов положительно относятся к конкурсам, готовы в них участвовать или уже участвовали. Однако активность участия в конкурсном движении у тренеров существенно ниже (рис. 1). Очевидно, что и курсы повышения квалификации в форме конкурса будут в большей степени востребованы педагогами ДОУ и общеобразовательных учреждений, чем тренерами.

На следующем этапе исследования был проведен опрос специалистов, уже имеющих опыт выступления на конкурсах профессионального мастерства различного уровня. В опросе приняли участие 336 педагогов. Из них 65 инструкторов физического воспитания ДОУ, 174 учителя физической культуры, 97 тренеров и тренеров-преподавателей.

Как показал анализ ответов, во всех трех группах специалистов наблюдаются схожие тенденции воспринимать конкурсы как способ повышения профессиональной квалификации, даже если в них не предусмотрена выдача соответствующих удостоверений (рис. 2).

Также схожим образом специалисты оценивают влияние конкурсов на формирование умений обобщать и представлять свой опыт, публично выступать, демонстрировать специально-педагогические навыки. Эти действия они выделяют в числе наиболее ценных для собственного профессионального развития.

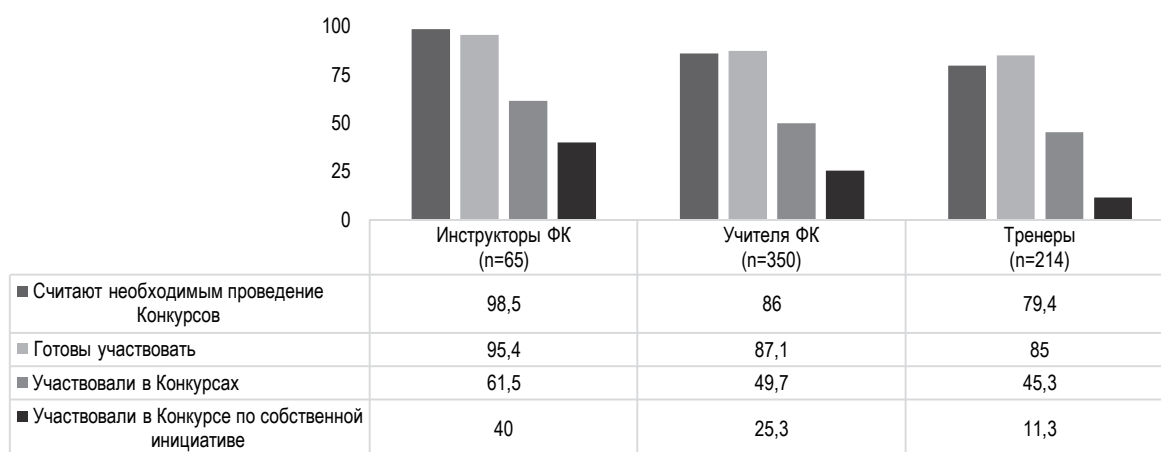

Рис. 1. Показатели активности и отношения к конкурсам педагогов по физической культуре и спорту, %

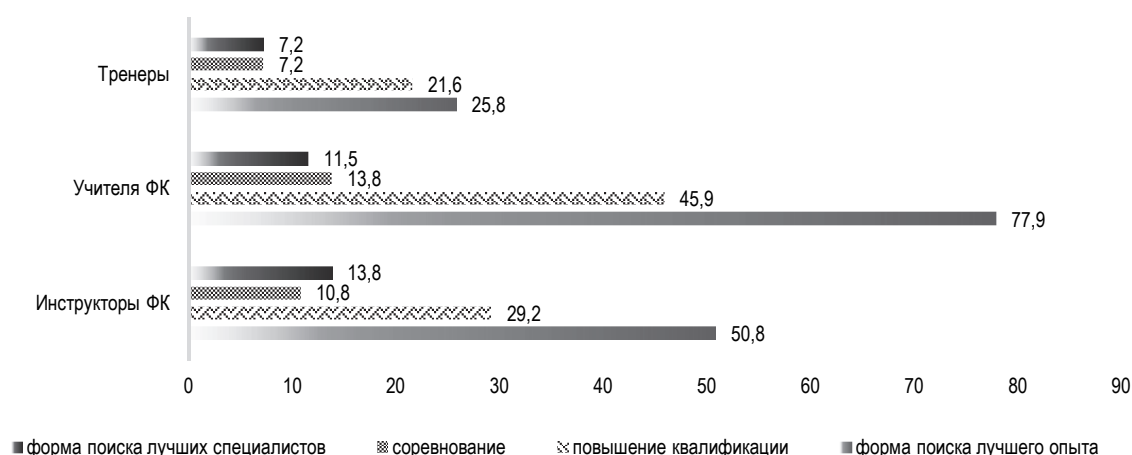

Рис. 2. Восприятие конкурсов по данным опроса специалистов сферы физической культуры и спорта, %

В то же время фиксируются отличия в оценке остальных параметров. В частности, учителя физической культуры чаще других специалистов отмечают влияние Конкурса на формирование опыта преодоления стрессовых ситуаций, работы с информационными ресурсами, формирование навыков командной работы (табл. 1). Вероятно, в профессиональной деятельности учителей данные умения востребованы реже, чем в деятельности тренеров и инструкторов ДОУ.

Немаловажное значение для определения содержания курсов повышения квалификации имеет анализ трудностей, с которыми сталкиваются специалисты в процессе подготовки к Конкурсу и участия в конкурсных мероприятиях. Они представлены на рис. 3.

Из данных рисунка видно, что инструкторы по физической культуре реже, чем учителя и тренеры, испытывают затруднения в оформлении документов, создании творческих образовательных продуктов и публичном выступлении на Конкурсе.

Некоторые различия во мнении специалистов обнаруживаются и при анализе задач, которые, как им кажется, необходимо решить для совершенствования системы конкурсных мероприятий (рис. 4). Учителя, в частности, в большей степени нуждаются в предварительном обучении, чем представители других специальностей. В то же время важность организации общения с членами жюри подчеркивается всеми специалистами в равной степени.

Таблица 1

Опыт, приобретаемый участниками Конкурса (по данным опроса специалистов)

Приобретаемый опыт		Инструкторы ДОУ	Учителя ФК	Тренеры
1	Опыт обобщения и представления результатов педагогической деятельности	30,8	53,4	28,9
2	Опыт публичного представления результатов собственной деятельности	29,2	44,8	21,6
3	Опыт демонстрации профессиональных умений и навыков	24,6	38,5	22,7
4	Опыт преодоления стрессовых состояний	20	37,4	12,4
5	Опыт работы с информационными ресурсами	6,2	23	15,5
6	Опыт работы в команде	10,8	20,7	11,3
7	Опыт применения информационно-коммуникационных технологий	7,7	21,3	14,4
8	Совершенствование нормативно-правовой компетентности	12,3	16,7	12,4
9	Опыт работы с документами	7,7	14,9	9,3

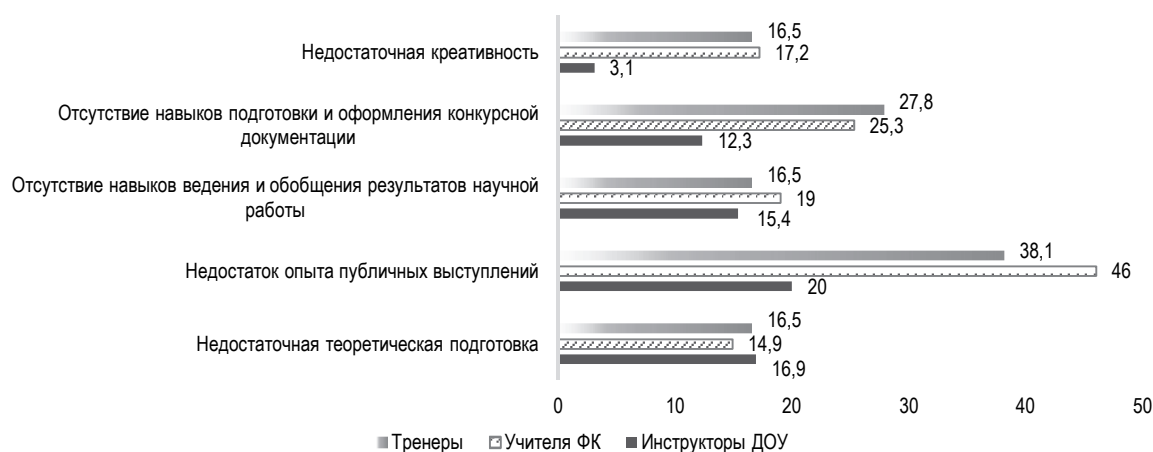

Рис. 3. Затруднения, возникающие у участников конкурсов профессионального мастерства, %

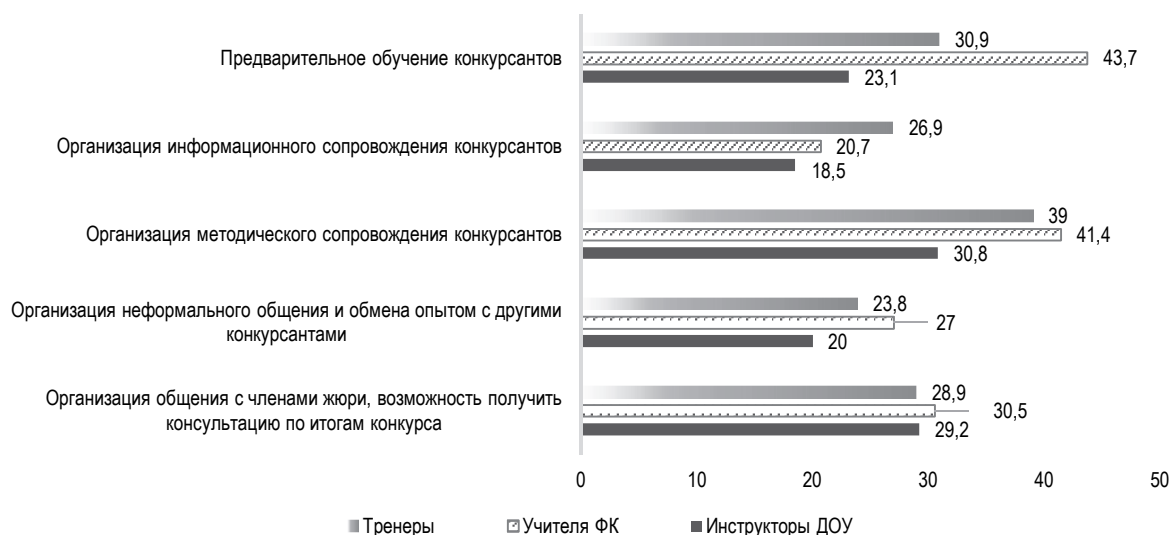

Рис. 4. Задачи, требующие решения, по мнению участников конкурсов, %

Рис. 5. Модель курсов повышения квалификации в условиях Конкурса

Результаты предварительного исследования позволили предложить модель курсов повышения квалификации для специалистов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства (рис. 5).

Разработанная нами модель является интегративной, предполагает тесную взаимосвязь Конкурса и программы курсов повышения квалификации; предусматривает сочетание различных форматов работы: аудиторной и самостоятельной; практической и теоретической; консультативной, аналитической, рефлексивной. При разработке модели учитывались принципы, которые условно были разделены на три группы:

– *принципы, отражающие современные требования к профессиональному образованию* (приоритет активных и практических методов обучения, единство учебной и исследовательской работы, сочетание образования и самообразования);

– *принципы, учитывающие особенности профиля профессиональной деятельности педагогов по физической культуре и спорту* (гибкость и возможность частичной дифференциации содержания для специалистов разных должностных групп, обусловленность содержания спецификой физкультурно-спортивной деятельности, опора на опыт педагога в сфере физической культуры и спорта);

– *принципы, инспирированные взаимообусловленностью курсов повышения квалификации и конкурсных мероприятий* (контекстность, системность, целостность, единство репродуктивной и творческой активности).

Модель реализуется в три этапа: *доконкурсный, конкурсный и постконкурсный*.

На первом этапе осуществляется предварительная диагностика актуальных знаний и образовательных потребностей; мотивирование участников к теоретическому осмыслению и презентации педагогического

опыта профессиональному сообществу; научно-теоретическая подготовка участников по программе повышения квалификации (ПК); целеполагание и планирование предстоящей конкурсной деятельности.

Второй этап предполагает включение педагога в практическую, состязательную деятельность, в рамках которой специалисты демонстрируют свой опыт применения современных физкультурно-спортивных технологий. На этом этапе совершенствуется педагогическое

мастерство участников, их личностные и профессиональные качества; отрабатывается владение коммуникативно-речевыми компетенциями, способность к самоконтролю и др. Третий этап предусматривает итоговую рефлексию, определение путей дальнейшего совершенствования профессионализма педагогов; осмысление и оценивание Конкурса как личностно значимого ресурса профессионального развития. Более детальное содержание этапов представлено в табл. 2.

Таблица 2

**Содержание программы повышения квалификации педагогов по физической культуре и спорту
в условиях конкурса профессионального мастерства**

Этап	Форма	Содержание
Докурсовой	Аудиторная работа	<i>Лекционно-семинарские занятия на тему:</i> • Научно-исследовательская деятельность в сфере физической культуры и спорта. • Перспективные направления деятельности педагога по физической культуре и спорту. • Требования к представлению результатов научно-исследовательской работы в образовательном учреждении. • Психолого-педагогическое и информационное обеспечение открытых физкультурно-спортивных мероприятий. • Методические особенности организации и проведения открытых физкультурно-спортивных мероприятий. • Планирование и регулирование физической нагрузки в процессе конкурсных мероприятий
	Самостоятельная работа	• Рефлексия собственного педагогического опыта, обоснование ключевой педагогической идеи для участия в Конкурсе. • Обоснование эффективности средств и методов, планируемых к применению на Конкурсе, в соответствии с выбранной темой. • Подготовка и оформление презентации и доклада. • Отработка тайминга выступления. • Разработка конкурсных заданий в соответствии с критериями их оценки, апробация, необходимая корректировка
	Индивидуальные и групповые консультации по профессиональным группам	• Диагностика и обобщение образовательных потребностей слушателей курсов ПК по профессиональным группам: инструкторов, тренеров и учителей физической культуры. • Определение способов достижения образовательных потребностей слушателей курсов ПК: инструкторов, тренеров и учителей физической культуры
Конкурсный	Презентация авторского проекта	• Непосредственное участие педагога в Конкурсе, включающего два тура: теоретический и практический. • Доклад с презентацией, освещающий результаты исследовательской работы педагога и его педагогический опыт. • Проведение физкультурно-спортивного мероприятия (в соответствии с требованиями Конкурса)
	Самостоятельная работа	• Педагогические наблюдения за конкурсными испытаниями с фиксацией результатов наблюдения в карте наблюдений (положительные моменты, ошибки, вопросы, рекомендации). • Оценка выступлений участников конкурсных мероприятий по критериям Конкурса
Послекурсовой	Аудиторная работа	<i>Круглый стол, модерация беседы в соответствии с актуальными вопросами конкурсной деятельности:</i> • удовлетворенность/неудовлетворенность участием в Конкурсе; • испытание, которое вызвало наибольшие затруднения; • испытание, с которым было легче всего справиться; • что ценного приобрели, участвуя в Конкурсе; • чего не хватило для более уверенного выступления; • что необходимо предпринять в дальнейшем для совершенствования профессиональной деятельности
	Групповые и индивидуальные консультации	<i>Организация неформального общения и обмена опытом с другими конкурсантами; организация общения с членами жюри</i> • Прогнозирование дальнейшей деятельности конкурсанта. • Ориентация победителей, лауреатов конкурса на участие в жюри различных конкурсных мероприятий, научно-практических конференциях, семинарах и др. • Анализ достижения результатов. • Выработка способов совершенствования профессиональных умений. • Определение путей профессионально-личностного роста

Благодаря поэтапной реализации образовательной программы достигается не только повышение квалификации педагогов, но и улучшение качества их подготовки к Конкурсу.

В результате апробации модели курсов повышения квалификации в условиях областного конкурса профессионального мастерства «Мастер педагогического труда по внеучебным формам физкультурно-оздорови-

тельной и спортивной работы» нами были сформулированы рекомендации, адресованные организаторам конкурсов профессионального мастерства в сфере физической культуры и спорта:

– проектировать конкурсные мероприятия с учетом требований, обозначенных в профессиональных стандартах по видам деятельности, а также ведущих образовательных потребностей и мотивов участников;

– помнить, что для большинства участников конкурса – это в большей степени форма повышения квалификации, чем соревнование, следовательно, достижение образовательных результатов для них также значимо, как и получение профессионального признания;

– создавать условия для профессионального развития всех конкурсантов, по возможности избегая испытаний с выбыванием участников на разных этапах Конкурса;

– для повышения образовательной ценности Конкурса планировать поэтапную организацию мероприятий, помогающую педагогам осуществлять не только подготовку и выступление, но и постконкурсную рефлексия;

– планировать обучение и подготовку к Конкурсу инструкторов, учителей по физической культуре, тренеров с учетом особенностей их профессиональной деятельности в различных образовательных учреждениях;

– учитывать, что подавляющее число участников Конкурса нуждается в методической и информационной поддержке.

Выводы

На современном этапе развития образования курсы профессионального мастерства все чаще рассматриваются в качестве ресурса дополнительного профессионального образования педагогов, в том числе осуществляющих деятельность в сфере физической культуры и спорта. Они позволяют эффективнее, чем традиционные форматы обучения, решать задачи профессионального развития и формировать субъектную позицию педагогов.

Анализ нормативно-правовой базы, позволяет предложить единую содержательную основу программы повышения квалификации специалистов сферы физической культуры и спорта в условиях конкурса профессионального мастерства, направленную на совершенствование умений разрабатывать методические и учебные материалы, собирать информацию, разъяснять вопросы внедрения собственной методики, пользоваться информационно-коммуникационными технологиями.

Опрос специалистов разных профессиональных групп показывает, что инструкторы по физической культуре ДОУ, учителя физической культуры и тренеры демонстрируют некоторые различия в образовательных запросах и взглядах на возможности повышения квалификации в условиях конкурсов профессионального мастерства, что, вероятнее всего, объясняется спецификой их профессиональной деятельности.

Проведенное исследование позволяет предложить модель курсов повышения квалификации для педагогов по физической культуре и спорту в условиях конкурса профессионального мастерства, основанную на принципах, отражающих современные требования к профессиональному образованию, учитывающих особенности профиля профессиональной деятельности педагогов и инспирированных взаимообусловленностью курсов повышения квалификации и конкурсных мероприятий. Модель реализуется в три этапа и предусматривает сочетание различных форматов работы: аудиторной и самостоятельной; практической и теоретической; консультативной, аналитической, рефлексивной.

Список источников

1. Дубровская В.А. Влияние конкурсов педагогического мастерства на развитие профессионализма педагогов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2007. 18 с.
2. Колесникова Е.С., Костылева Т.В. Повышение профессиональной компетенции педагога через участие в конкурсах профессионального мастерства // Образование, воспитание и педагогика: традиции, опыт, инновации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. С. 31–34.
3. Макаридин Д.Н., Стародубцева И.В., Завьялова Т.П. Отношение специалистов сферы физической культуры и спорта к конкурсам профессионального мастерства // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 2 (216). С. 277–283.
4. Безносова Т.Н. Мастер-класс как форма повышения квалификации педагогов // Система методических ресурсов процесса развития методологической культуры учащихся : сб. науч. и науч.-метод. ст. Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. С. 11–15.
5. Ганжа Н.В. Мастер-класс как форма организации обмена творческим опытом и повышения квалификации педагогов дошкольных учреждений // Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом : материалы второй заочной междунар. науч.-практ. конф. Ч. 4. Пермь : Перм. гос. национ. исслед. ун-т, 2013. С. 238–242.
6. Дьячкова Т.В. Профессиональная (образовательная) экскурсия как эффективная форма повышения квалификации педагогов // Известия тульского государственного университета. Педагогика. 2016. № 2. С. 50–57.
7. Власенко С.В. Инновационные формы обучения в современной системе повышения квалификации педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2014. № 1 (18). С. 5–12.
8. Доманский В.А. Учебный диалог как форма повышения квалификации педагога в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 4. С. 106–113.
9. Кудейко М.В., Гракова В.В. Деловая игра «Педагогическая студия» как эффективная форма повышения квалификации педагогов // Литература как игра и мистификация : материалы Шестых Междунар. науч. чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга : Изд-во Калуж. гос. ун-та им. К.Э. Циолковского, 2018. С. 199–204.
10. Абдуллаева Н.А., Гузуева Э.Р., Исламгереева Я.С. Способы и формы организации повышения квалификации педагогов по реализации деятельностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–4. С. 7–10.
11. Пивень М.И. Учебная ситуация как форма организации компетентностно-ориентированного повышения квалификации педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52–1. С. 123–129.
12. Коровкина Н.И., Филонова О.В. Фестиваль открытых уроков как форма внутрифирменного повышения квалификации педагогов // Образование. Карьера. Общество. 2019. № 3 (62). С. 48–51.
13. Войтик И.А. Творческий музыкальный проект как организационная форма педагогических условий повышения квалификации педагогов в области певческого искусства // Тенденции развития науки и образования. 2015. № 6. С. 4–7.
14. Михалина А.В., Старостина В.И. Инновационно-проектная деятельность как форма повышения квалификации педагога // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 87–89.
15. Лукьянова М.И. Научная школа педагогов в системе повышения квалификации как новая форма активизации и развития исследовательской деятельности педагогов // Инновации в образовании. 2008. № 5. С. 31–41.

16. Стародубцева И.В., Завьялова Т.П. Значение научно-практической конференции в повышении профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2. С. 110–115.
17. Кобрысева Е.В., Атемаскина Ю.В. Стажерская площадка как современная форма повышения квалификации педагогов и фактор развития дошкольного образовательного учреждения // Педагогический вестник. 2018. № 5. С. 51–54.
18. Зубрилина И.В. Создание индивидуальной информационно-образовательной среды педагога как альтернативная форма повышения квалификации // Дополнительное образование взрослых: международные тенденции и национальные приоритеты : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 105-летию БГПУ / науч. ред. И.Б. Стрелкова. Минск : Учреждение образования «Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка», 2019. С. 97–102.
19. Пахомова Е.М. Конкурс профессионального мастерства как средство повышения квалификации учителя : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 24 с.
20. Лапковская С.А. Подготовка педагогов дополнительного образования к конкурсам профессионального мастерства // Сибирский учитель. 2019. № 6 (127). С. 64–69.
21. Журба Н.Н. Конкурс профессионального мастерства как средство повышения квалификации педагогов образовательных учреждений и эффективная форма самопрезентации педагогов в профессиональном сообществе // Дополнительное образование детей в изменяющемся мире: развитие востребованности, привлекательности, результативности : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : Челябин. ин-т переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2021. С. 142–148.
22. Андрищенко Л.Б., Пуховская М.Н., Аверясова Ю.О., Алмазова Ю.Б. Дополнительное профессиональное образование тренеров и специалистов – приоритетное направление подготовки спортивного резерва для национальных сборных команд по хоккею // Культура физическая и здоровье. 2021. № 3 (79). С. 5–9.
23. Жован Г.Ф. Содержание и направленность курсов повышения квалификации преподавателей физической культуры, проводящих занятия в специальных медицинских группах : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017. 28 с.
24. Масягина Н.В. Педагогическая система профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров физкультурно-спортивной отрасли : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2021. 38 с.
25. Стародубцева И.В., Завьялова Т.П., Макаридин Д.Н. Интегративная модель обучения студентов и педагогов по физической культуре в условиях конкурса профессионального мастерства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 176–187. doi: 10.17223/15617793/487/20

References

1. Dubrovskaya, V.A. (2007) *Vliyaniye konkursov pedagogicheskogo masterstva na razvitiye professionalizma pedagogov* [The influence of pedagogical skills competitions on the development of teachers' professionalism]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kemerovo.
2. Kolesnikova, E.S. & Kostyleva, T.V. (2022) [Improving the professional competence of a teacher through participation in professional skills competitions]. *Obrazovanie, vospitanie i pedagogika: traditsii, opyt, innovatsii* [Education, Upbringing and Pedagogy: Traditions, experience, innovations]. Proceedings of the International Conference. Penza. 5 December 2022. Penza: MTsNS Nauka i Prosveshchenie. pp. 31–34. (In Russian).
3. Makaridin, D.N., Starodubtseva, I.V. & Zav'yalova, T.P. (2023) Otnosheniye spetsialistov sfery fizicheskoy kultury i sporta k konkursam professional'nogo masterstva [The attitude of specialists in the field of physical education and sports to professional skills competitions]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (216). pp. 277–283.
4. Beznosova, T.N. (2019) Master-klass kak forma povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Workshop as a form of advanced training of teachers]. In: *Sistema metodicheskikh resursov protsessu razvitiya metodologicheskoy kul'tury uchashchikhsya* [The System of Methodological Resources for the Process of Developing the Methodological Culture of Students]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University. pp. 11–15.
5. Ganzha, N.V. (2013) [Workshop as a form of organizing the exchange of creative experience and advanced training of preschool teachers]. *Sovremennoye sotsial'no-gumanitarnoye znanie v Rossii i za rubezhom* [Modern Social and Humanitarian Knowledge in Russia and Abroad]. Proceedings of the 2nd International Conference. Part 4. Perm. 25–28 February 2013. Perm: Perm State University. pp. 238–242. (In Russian).
6. D'yachkova, T.V. (2016) Professional'naya (obrazovatel'naya) ekskursiya kak effektivnaya forma povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Professional (educational) excursion as an effective form of advanced training of teachers]. *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika*. 2. pp. 50–57.
7. Vlasenko, S.V. (2014) Innovatsionnye formy obucheniya v sovremennoy sisteme povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Innovative forms of training in the modern system of advanced training of teachers]. *Nauchnoye obespecheniye sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 1 (18). pp. 5–12.
8. Domanskiy, V.A. (2014) Uchebnyy dialog kak forma povysheniya kvalifikatsii pedagoga v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Educational dialogue as a form of advanced training of a teacher in the system of additional professional education]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 4. pp. 106–113.
9. Kudeyko, M.V. & Grakova, V.V. (2018) [Business game "Pedagogical Studio" as an effective form of advanced training of teachers]. *Literatura kak igra i mistifikatsiya* [Literature as a Game and Mystification]. Proceedings of the 6th International Kaluga na literaturnoy karte Rossii [Kaluga on the Literary Map of Russia] Readings. Kaluga. 26–28 October 2018. Kaluga: Kaluga State University Named after K.E. Tsiolkovski. pp. 199–204. (In Russian).
10. Abdullaeva, N.A., Guzueva, E.R. & Islamgereeva, Ya.S. (2020) Sposoby i formy organizatsii povysheniya kvalifikatsii pedagogov po realizatsii deyatel'nostnogo podkhoda [Methods and forms of organizing advanced training of teachers in the implementation of the activity-based approach]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 69–4. pp. 7–10.
11. Piven', M.I. (2016) Uchebnaya situatsiya kak forma organizatsii kompetentnostno-orientirovannogo povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Educational situation as a form of organizing competence-oriented advanced training of teachers]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 52–1. pp. 123–129.
12. Korovkina, N.I. & Filonova, O.V. (2019) Festival' otkrytykh urokov kak forma vnutfirmennogo povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Open lesson festival as a form of in-house advanced training of teachers]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 3 (62). pp. 48–51.
13. Voytik, I.A. (2015) Tvorcheskiy muzykal'nyy proekt kak organizatsionnaya forma pedagogicheskikh usloviy povysheniya kvalifikatsii pedagogov v oblasti pevcheskogo iskusstva [Creative musical project as an organizational form of pedagogical conditions for advanced training of teachers in the field of singing arts]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 6. pp. 4–7.
14. Mikhailina, A.V. & Starostina, V.I. (2020) [Innovative project activities as a form of advanced training of teachers]. *Sovremennoye obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern Education: Current Issues, Achievements and Innovations]. Proceedings of the 37th International Conference. Penza. 25 November 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 87–89. (In Russian).
15. Luk'yanova, M.I. (2008) Nauchnaya shkola pedagogov v sisteme povysheniya kvalifikatsii kak novaya forma aktivizatsii i razvitiya issledovatel'skoy deyatel'nosti pedagogov [Scientific school of teachers in the advanced training system as a new form of activating and developing research activities of teachers]. *Innovatsii v obrazovanii*. 5. pp. 31–41.
16. Starodubtseva, I.V. & Zav'yalova, T.P. (2022) Znachenie nauchno-prakticheskoy konferentsii v povyshenii professional'noy kompetentnosti pedagogov doskol'nogo obrazovaniya [The importance of a scientific and practical conference in improving the professional competence of preschool teachers]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2. pp. 110–115.

17. Kobryseva, E.V. & Atemaskina, Yu.V. (2018) Stazherskaya ploshchadka kak sovremennaya forma povysheniya kvalifikatsii pedagogov i faktor razvitiya doskol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Internship platform as a modern form of advanced training of teachers and a factor in the development of a preschool educational institution]. *Pedagogicheskiy vestnik*. 5. pp. 51–54.
18. Zubrilina, I.V. (2019) [Creation of an individual information and educational environment for a teacher as an alternative form of advanced training]. *Dopolnitel'noe obrazovanie vzroslykh: mezhdunarodnye tendentsii i natsional'nye priority* [Additional Education for Adults: International Trends and National Priorities]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 22–23 November 2019. Minsk: Maksim Tank Belarusian State Pedagogical University. pp. 97–102. (In Russian).
19. Pakhomova, E.M. (2003) *Konkurs professional'nogo masterstva kak sredstvo povysheniya kvalifikatsii uchitelya* [Professional skills competition as a means of improving teacher qualifications]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
20. Lapkovskaya, S.A. (2019) Podgotovka pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya k konkursam professional'nogo masterstva [Preparing additional education teachers for professional skills competitions]. *Sibirskiy uchitel'*. 6 (127). pp. 64–69.
21. Zhurba, N.N. (2021) [Professional skills competition as a means of improving the qualifications of teachers of educational institutions and an effective form of self-presentation of teachers in the professional community]. *Dopolnitel'noe obrazovanie detey v izmenyayushchemsya mire: razvitie vostrebovanosti, privlekatel'nosti, rezul'tativnosti* [Additional Education of Children in a Changing World: Development of demand, attractiveness and effectiveness]. Proceedings of the 5th International Conference. Chelyabinsk. 02–03 October 2021. Chelyabinsk: Chelyabinskii institut perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya. pp. 142–148. (In Russian).
22. Andryushchenko, L.B. et al. (2021) Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie trenerov i spetsialistov – prioritnoe napravlenie podgotovki sportivnogo rezerva dlya natsional'nykh sbornykh komand po khokkeyu [Additional professional education of coaches and specialists is a priority area for training sports reserves for national hockey teams]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 3 (79). pp. 5–9.
23. Zhovan, G.F. (2017) *Soderzhanie i napravlenosti' kursov povysheniya kvalifikatsii prepodavateley fizicheskoy kul'tury, provodyashchikh zanyatiya v spetsial'nykh meditsinskikh gruppakh* [The content and focus of advanced training courses for physical education teachers conducting classes in special medical groups]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
24. Masyagina, N.V. (2021) *Pedagogicheskaya sistema professional'noy perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii kadrov fizkul'turno-sportivnoy otrasli* [Pedagogical system of professional retraining and advanced training of personnel in the physical education and sports industry]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
25. Starodubtseva, I.V., Zav'yalova, T.P. & Makaridin, D.N. (2023) An integrative model for training students and physical education teachers in the context of a professional skills competition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 176–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/487/20

Информация об авторах:

Стародубцева И.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.v.starodubceva@utmn.ru

Макаридин Д.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: d.n.makaridin@utmn.ru

Завьялова Т.П. – канд. пед. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: t.p.zavyalova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Starodubtseva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Humanitarian and Natural Science Foundations of Physical Culture and Sports University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.v.starodubceva@utmn.ru

D.N. Makaridin, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: d.n.makaridin@utmn.ru

T.P. Zavyalova, Cand. Sci. (Pedagogics), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.p.zavyalova@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024;
одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

ПРАВО

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/505/25

Определение сущности строительства с учетом деятельностного подхода: взгляд юриста

Мария Павловна Имекова^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
^{1, 2} Imekova_Maria@mail.ru

Аннотация. Строительство предложено рассматривать в двух аспектах: как деятельность и как общественное отношение по строительству. Анализ структурных элементов строительной деятельности позволил обосновать, что ее предметом являются общественные отношения по строительству, которые при осуществлении подлежат трансформации в правоотношение строительства. За счет реализации такого правоотношения субъекты строительства достигают поставленной цели – удовлетворяют свой интерес в создании зданий, строений, сооружений.

Ключевые слова: строительство, строительная деятельность, правомерная строительная деятельность, противоправная строительная деятельность, самовольная постройка, вспомогательные виды деятельности, правореализационная деятельность, правоприменительная деятельность, общественные отношения по строительству, общественные отношения в сфере строительства, правоотношение по строительству

Для цитирования: Имекова М.П. Определение сущности строительства с учетом деятельностного подхода: взгляд юриста // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 226–235. doi: 10.17223/15617793/505/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/25

Determining the essence of construction taking into account the activity approach: A lawyer's view

Maria P. Imekova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} Imekova_Maria@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to determine the essence of construction. To achieve this aim, extensive theoretical material was studied. The methodological basis of the study was the activity approach. The article proposes to consider construction in two aspects: as an activity and as a public attitude towards construction. The analysis of the structural elements of construction activities made it possible to prove that their purpose is to satisfy the interests of subjects of law in the creation of a building, a construction, a structure. The subject of the analyzed activities is social relations in construction, which, during their implementation, are to transform into the legal relationship in construction. Construction activities consist of a set of purposeful, sequential actions to create (construct) a building, a construction, a structure, which must be distinguished from auxiliary actions (activities), which are designed to create individual conditions for their implementation. It is proposed to divide the latter type of activities into two groups: auxiliary types of activities that are legal implementation activities (acquisition of a land plot on the basis of ownership or other rights, engineering surveys and design work carried out on the basis of a design and survey agreement), and auxiliary activities that are law enforcement activities (provision of a land plot, examination of design documentation and/or examination of engineering survey results, issuance of a construction permit, issuance of permission to put a facility into operation). The legal relationship in construction acts as a means (method of implementation) of construction activities. The actors of construction activities are the developer (the entity engaged in the creation of buildings, constructions, structures) and the investor (the entity that creates the conditions for the implementation of such activities). The result of construction activities is recognized as a legal relationship in construction, the implementation of which leads to the satisfaction of the interests of construction subjects. Moreover, it has been proven that such interest should be considered satisfied from the moment the construction of a building, a construction, a structure is completed, namely from the moment permission is received to put the facility into operation. The study of construction as a set of activities made it possible

to identify the specifics of its subject – social relations in construction, and to distinguish them from auxiliary social relations – social relations that precede and accompany such relations. Within the framework of the article, it is proved that each of the named types of social relations has its own structural features, which predetermines the specifics of their legal regulation.

Keywords: construction, construction activities, legal construction activities, illegal construction activities, unauthorized construction, auxiliary activities, legal implementation activities, law enforcement activities, social relations in construction, legal relationship in construction

For citation: Imekova, M.P. (2024) Determining the essence of construction taking into account the activity approach: A lawyer's view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 226–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/25

Исторически строительство является одной из самых значимых отраслей экономики нашей страны, которая определяет динамику ее развития, обеспечивает занятость, доходы миллионов граждан, а также вносит непосредственный вклад в создание комфортных и удобных условий жизнедеятельности граждан [1].

Строительная отрасль претерпела существенные структурные изменения за последние 2 десятилетия. В переходный период истории страны (1990-е гг.) из-за резкого снижения государственного финансирования упали темпы возведения крупных объектов капитального строительства [1].

Возрождение масштабного строительства началось в конце 2000-х – начале 2010-х гг. Правовой основой для этого стало принятие в конце 2004 г. Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ГрК РФ), Жилищного кодекса РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ЖК РФ) и целого ряда значимых для строительной отрасли законов, включая Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» (далее – Закон об участии в долевом строительстве многоквартирных домов).

Если говорить о современном развитии строительства, то, как следует из статистических данных Росстата, ВВП России в 2023 г. вырос на 3,6%, и данному росту в значительной степени способствовало в том числе увеличение индекса валовой добавленной стоимости отрасли строительства [2]. Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в 2023 г. составил 15 092,3 млрд руб., или 107,9% (в сопоставимых ценах) к уровню 2022 г., в декабре 2023 г. – 2197,8 млрд руб., или 108,7% к соответствующему периоду предыдущего года [3].

Ввод жилья за 2023 г. составил 110,44 млн м², что является абсолютным рекордом в России. Это на 7,5% больше результата 2022 г. При этом многоквартирных домов введено 51,76 млн м², это больше на 13,7% к аналогичному периоду прошлого года, ввод индивидуальных жилых домов составил 58,68 млн м², что также демонстрирует прирост относительно 2022 г. [3].

Строительство как явление можно рассматривать в различных аспектах. Однако для цели настоящего исследования особый интерес представляют следующие подходы к анализируемому понятию: строительство как деятельность¹ и как общественное отношение.

Деятельностный подход является одним из весьма распространенных способов осмысления правовой действительности [4–12]. В рамках данного подхода

деятельность предстает как нормативно-деятельностная система взаимосвязанных субъектов правоотношения, которые активно осуществляют (реализуют) принадлежащие им субъективные права и обязанности в целях удовлетворения своего интереса способом, официально признаваемым государством и обществом [13. С. 12, 19].

С позиции законодателя сущность строительства составляет исключительно строительная деятельность – деятельность по созданию (построению) зданий, строений, сооружений. К такому выводу позволяет прийти анализ п. 1 ст. 740 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), а также ст. 1 ГрК РФ.

В юридической литературе [14. С. 105; 15. С. 61; 16. С. 5] строительную деятельность принято исследовать как разновидность человеческой деятельности. Однако с учетом того, что в правовой сфере государству подвластна не любая деятельность человека, а только «такая его активность, которая находит свою внешнюю актуализацию в социально значимых деяниях различных субъектов» [13. С. 107], строительную деятельность прежде всего необходимо рассматривать как социально значимую активность.

Как и всякий вид человеческой деятельности, строительная деятельность может быть правомерной или противоправной. Правовой эффект имеет результат каждой из них. Безусловно, государство и общество заинтересованы в правомерной строительной деятельности – социально значимой активности субъектов по созданию зданий, строений, сооружений, при осуществлении которой не допускается нарушение норм права. Результатом данной деятельности являются такие объекты, как здания, строения, сооружения. В целях обеспечения реализации правомерной строительной деятельности наиболее правильные и целесообразные с позиции государства модели поведения субъектов строительной деятельности получили закрепление в действующем законодательстве, а единственным способом ее осуществления установлено правоотношение строительства.

Противоправная строительная деятельность представляет собой социально значимую активность субъектов по созданию зданий, сооружений, при осуществлении которой допускается нарушение норм права. Результатом данной деятельности является объект, именуемый законодателем самовольной постройкой (см. ст. 222 ГК РФ). Особенностью противоправной строительной деятельности является то, что государство, с одной стороны, относится к ней отрицательно: устанавливает гражданско-правовую ответственность за ее осуществление в виде сноса самовольной постройки²,

с другой – при определенных условиях предусматривает возможность ее легализации [14. С. 164–177; 17. С. 6; 18. С. 9; 19. С. 10–11; 20. С. 8–9; 21. С. 3; 22. С. 8]. Неоднозначность правовых последствий осуществления противоправной строительной деятельности обусловлена ее двойственной правовой природой: она может рассматриваться либо как элемент правонарушения (одно из условий наступления гражданско-правовой ответственности)³, либо как возможное основание приобретения права собственности на ее результат – самовольную постройку⁴. В первом случае государство защищает интересы лиц, чьи права и законные интересы были нарушены при осуществлении противоправной строительной деятельности, во втором – интересы лица, осуществившего такую деятельность [22. С. 8]. И для первого, и для второго случая действующим законодательством предусмотрены разные модели поведения и правоотношения по их реализации.

Особый интерес представляет легализация противоправной строительной деятельности, а именно – ее трансформация в основание приобретения права собственности на самовольную постройку. Для такой трансформации требуется либо привести самовольную постройку в соответствие с установленными требованиями, либо признать права собственности на нее (см. ст. 222 ГК РФ). В первом случае посредством реконструкции устраняются допущенные в процессе осуществления строительной деятельности нарушения (см. ч. 10 ст. 55.32 ГрК РФ), во втором – в судебном порядке констатируется факт соответствия осуществленной строительной деятельности требованиям законов и иных правовых актов, вследствие чего допускается сохранение ее результата – самовольной постройки и приобретение права собственности на нее. Как можно заметить, и в том, и в другом случае строительная деятельность как таковая не осуществляется, а происходит легализация уже осуществленной противоправной строительной деятельности, причем при помощи вспомогательных по отношению к ней видов деятельности – деятельности по реконструкции самовольной постройки, административной или гражданско-процессуальной (арбитражно-процессуальной) деятельности. Для каждого из названных видов деятельности законодательство предусматривает специальные способы их осуществления – правоотношения.

Очевидно, что легализованная строительная деятельность по правовым последствиям ничем не отличается от правомерной строительной деятельности: и та, и другая деятельность направлена на создание зданий, строений, сооружений. Различие между ними заключается в том, что для порождения легализованной строительной деятельности такого правового эффекта государством предусмотрен дополнительный механизм ее трансформации из противоправной строительной деятельности в правомерную.

В рамках настоящего исследования особое внимание будет уделено правомерной строительной деятельности, поскольку именно в результате ее осуществления достигается цель субъектов строительства: удовлетворяются их интересы в создании зданий, строений, сооружений.

В философии деятельность определяется как специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и предмета деятельности: человек противопоставляет себе предмет деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратившись из материала в продукт деятельности. Всякая деятельность включает в себя цель, предмет, действия, средства, субъект (субъекты), результат деятельности. Причем неотъемлемой характеристикой любой деятельности является ее осознанность [23. С. 633].

Основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, однако основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих потребностей, идеалов и ценностей, которые хотя и в определенной степени детерминируются деятельностью, но, тем не менее, выступают в качестве ее рамок [23. С. 633]. Чаще всего основанием цели признается осознанная потребность человека в определенном благе или так называемый интерес⁵. Предмет деятельности – это то, что подлежит изменению и преобразованию. Действия – это акты деятельности, направленные на достижение цели (результата) деятельности в целом. Средства деятельности – это инструменты (орудия, приемы, способы), при помощи которых осуществляется деятельность и достигается ее цель (результат). Все средства, используемые при осуществлении какой-либо деятельности, можно условно подразделить на следующие виды: экономические, правовые, цифровые и т.п. Субъекты деятельности – обладающий сознанием и волей гражданин, объединение граждан, общество, государство, являющиеся носителями активности в сознательном познании и преобразовании действительности с целью удовлетворения своих интересов. Результат деятельности выражает полноту достижения цели субъекта.

Руководствуясь философским подходом к структурированию деятельности, можно выделить следующие элементы строительной деятельности⁶.

Цель строительной деятельности – удовлетворение интересов субъектов строительной деятельности в создании здания, строения, сооружения. Данная цель должна быть единой для всех субъектов, участвующих в ее осуществлении. В случае если интерес одного из субъектов заключается не в создании здания, строения, сооружения, то деятельность, в которой он принимает участие, нельзя квалифицировать в качестве строительной. Например, если субъект ставит перед собой цель приобрести в собственность созданное здание, строение, сооружение или здание, строение, сооружение, которое будет создано или приобретено другим субъектом в будущем, а затем передано ему последним вместе с земельным участком на возмездной основе, то такую деятельность необходимо квалифицировать как деятельность по купле-продаже.

Цель деятельности предопределяет специфику всей структуры такой деятельности: ее предмета, действий, средств, субъектов и результата. Другими словами, в

зависимости от поставленной цели деятельности будут различаться ее структурные элементы, в частности способ ее осуществления – правоотношение. Как будет показано ниже, для строительной деятельности способом ее осуществления является правоотношение по строительству. Причем это могут быть правоотношения строительного подряда, долевого участия в строительстве, простого товарищества и т.д. Выбор конкретного правоотношения зависит от многих факторов: вида создаваемого здания, строения, сооружения (к примеру, это может быть объект индивидуального жилищного строительства, многоквартирный дом); статуса субъектов, участвующих в строительстве (это могут субъекты предпринимательской деятельности, физические лица – потребители); условий, на которых планируется осуществлять строительство: за счет денежных средств одного субъекта или нескольких субъектов; осуществление строительства одним субъектом или совместно несколькими субъектами и т.д.

Для деятельности по приобретению в собственность созданного здания, строения, сооружения на возмездной основе способом ее осуществления будет являться правоотношение купли-продажи, в том числе правоотношение купли-продажи будущей недвижимой вещи.

Предметом любой деятельности является «организуемая» правом социальная действительность в широком смысле, т.е. общественные отношения [13. С. 48]. При осуществлении деятельности происходит трансформация неправовой реальности в систему правовых отношений, в рамках которых из множества вариантов поведения в области экономики, политики и так далее выбирается вариант, основанный на началах справедливости, благоразумия, целесообразности: определяют условия приобретения субъективных прав и юридических обязанностей, сроки их использования и исполнения, требования к качествам объектов, порядок их передачи и др. Благодаря этому предмет деятельности (поведение) становится правовым, т.е. более организованным и поэтому контролируемым [13. С. 52].

При осуществлении строительной деятельности также происходит трансформация общественных отношений по строительству в правоотношения строительства. С одной стороны, общественные отношения по строительству представляют собой совокупность социальных связей, возникающих между субъектами в процессе их взаимодействия в рамках строительной деятельности. С другой стороны, такое взаимодействие ориентировано на целесообразное изменение и преобразование возникающих общественных отношений по строительству в правоотношения строительства.

Схематично это может быть представлено следующим образом. Субъекты строительной деятельности, взаимодействуя друг с другом, выбирают предусмотренную нормами права модель поведения, например строительный подряд, долевое участие в строительстве, простое товарищество, создают индивидуальные условия для ее реализации – заключают, соответственно, договор строительного подряда, договор участия в долевом строительстве, договор простого това-

рищества, вследствие чего возникает общественное отношение по строительству здания, строения, сооружения, которое облекается в заранее выбранную форму – правоотношение подряда, долевого участия в строительстве, простого товарищества. Любое из названных правоотношений делает поведение его участников правовым, т.е. более организованным и контролируемым.

Строительная деятельность состоит из совокупности целенаправленных, последовательных действий по созданию (построению) зданий, строений, сооружений. К перечню таких действий относится несколько десятков различных видов работ, в частности: подготовительные работы; земляные работы; устройство скважин; свайные работы; закрепление грунтов; устройство бетонных и железобетонных монолитных конструкций; буровзрывные работы; монтаж металлических конструкций и др. Перечень таких действий представлен в Приказе Министерства регионального развития РФ от 30 декабря 2009 г. № 624 «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства».

Однако участие субъектов в строительной деятельности может выражаться и в иных действиях, например в создании условий для строительства, а именно в предоставлении материалов, оборудования для строительства, в финансировании строительства и т.д. Очевидно, что такие действия (речь идет прежде всего о финансировании) могут совершаться в рамках иных видов деятельности (например, деятельности по возмездному приобретению в собственность здания, строения, сооружения (деятельности по купле-продаже)). Для того чтобы отграничить эти действия от действий, которые составляют строительную деятельность, необходимо в каждом конкретном случае определять цель, на достижение которой направлены такие действия. Если действия направлены на создание здания, строения, сооружения, то их следует признавать элементами строительной деятельности. Сами по себе действия не могут быть основой для квалификации того или вида деятельности в качестве строительной, поскольку в отрыве от преследуемой цели эти действия не отражают сущность деятельности в целом.

В юридической литературе можно встретить мнение ученых, которые придерживаются широкого понимания строительства и включают в него такие действия, как геологоразведочные, изыскательские, проектные и иные подобные работы [21. С. 3; 24. С. 10; 25. С. 5; 26. С. 7; 27. С. 18; 28. С. 4; 29. С. 27–31; 30. С. 23]. Есть исследователи, которые к строительной деятельности относят также выполнение субъектами строительства определенных обязанностей и требований законодательства о градостроительной деятельности, связанных с подготовкой к строительству, оформлением и согласованием необходимой документации и т.п. [29. С. 27–31].

С одной стороны, представленные позиции ученых вызывают возражения, поскольку, как было установлено выше, строительная деятельность представляет собой прежде всего деятельность по созданию (построению) зданий, строений, сооружений, и в таком виде составляет сущность строительства. По этой причине строительную деятельность нельзя рассматривать как более широкое понятие, чем строительство. С другой стороны, видится нелогичным отрицать взаимосвязь, существующую между строительной деятельностью и иными видами деятельности, которые предшествуют или сопутствуют ей. Эти виды деятельности, каждый из которых обладает своей целью, призваны способствовать достижению общей конечной цели строительства, создавать условия для ее достижения. В связи с этим такие виды деятельности можно условно именовать как вспомогательные виды.

К вспомогательным видам деятельности следует относить такие, которые призваны создавать индивидуальные условия для осуществления строительной деятельности. Как показывает анализ действующего законодательства, к ним относятся различные по правовой природе виды деятельности, которые необходимо разделять на две группы: 1) вспомогательные виды деятельности, являющиеся правореализационной деятельностью; 2) вспомогательные виды деятельности, являющиеся правоприменительной деятельностью. Как будет доказано ниже, строительная деятельность также является правореализационной деятельностью.

Принципиальное отличие правореализационной деятельности от правоприменительной заключается в том, что первая направлена на удовлетворение интересов субъектов, ее осуществляющих. Правоприменительная деятельность, будучи разновидностью юридической деятельности, носит в большей степени «обслуживающий», обеспечительный характер в отношении правореализационной деятельности⁷. Субъекты правореализационной деятельности, когда не могут по тем или иным причинам своими действиями удовлетворить свой интерес, как правило, прибегают к правоприменительной деятельности. Так, некоторые виды правореализационной деятельности в принципе не могут осуществляться без принятия правоприменительного акта (к примеру, для приобретения на праве собственности земельного участка требуется государственная регистрация перехода права собственности на него), либо в процессе их осуществления возникают препятствия, и при помощи правоприменительной деятельности эти препятствия устраняются (например, при приобретении на праве собственности земельного участка орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, необоснованно отказывает в государственной регистрации перехода права собственности на него, тогда субъекты правореализационной деятельности могут обратиться в суд за защитой нарушенного права). Субъекты правоприменительной деятельности, осуществляя свои властные полномочия в интересах субъектов правореализационной деятельности, помогают им удовлетворить свой интерес.

К вспомогательным видам деятельности, являющимся по своей природе правореализационной деятельностью, следует относить: приобретение на праве собственности или на ином праве земельного участка; инженерные изыскания и проектные работы, проводимые на основании договора проектно-изыскательских работ⁸. Перечисленные виды деятельности призваны создавать индивидуальные условия для создания конкретного здания, строения, сооружения на определенном земельном участке. Так, согласно действующему законодательству строительство здания, сооружения на земельном участке может осуществляться при совокупности следующих условий: участок принадлежит субъекту(ам) строительной деятельности на праве, допускающем строительство; проведены инженерные изыскания, на основании которых подготовлена отчетная документация, содержащая материалы и информацию об участке как территории, на которой будет осуществляться строительство (например, о природных условиях (см. п. 4.1 ст. 47 ГрК РФ)). В отношении планируемых к строительству зданий, сооружений необходима разработка проектной документации, которая будет определять архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения их создания, а также содержать иные необходимые материалы (см. ст. 48 ГрК РФ).

К вспомогательным видам деятельности, являющимся правоприменительной деятельностью, относятся: предоставление земельного участка⁹; экспертиза проектной документации и(или) экспертиза результатов инженерных изысканий; выдача разрешения на строительство; выдача разрешения на ввод объекта в эксплуатацию. Перечисленные виды деятельности призваны на основе оценки документов представленных субъектов строительной деятельности: произвести отчуждение земельного участка или предоставить его на ином праве; оценить соответствие проектной документации требованиям, установленным законодательством (к примеру, требованиям технических регламентов, санитарно-эпидемиологическим требованиям и т.д.); санкционировать (одобрить, разрешить) осуществление указанными субъектами строительной деятельности; удостоверить факт завершения строительства в полном объеме и возникающую в связи с этим объективную возможность эксплуатации объекта в соответствии с его функциональным назначением.

Средства строительной деятельности – это инструменты (орудия, приемы, способы), при помощи которых осуществляется строительная деятельность и достигается ее цель (результат). Единственным приемлемым способом осуществления строительной деятельности является правоотношение по строительству. Специфика таких правоотношений в том, что они преобразуют «реальные общественные отношения в систему взаимных связанностей и обязательств их участников, способствуют созданию формализованного мира права со своими особыми условиями и условностями, со своими персонами (правовыми масками), ролями, правилами поведения, процедурами и т.д.» [13. С. 49]. Однако главной способностью, которой наделяются субъекты строительной деятельности, вступая в

правоотношение строительства, является их свойство быть носителями субъективных и юридических обязанностей. Как раз за счет реализации таких субъективных прав и исполнения юридических обязанностей субъекты строительной деятельности достигают поставленной цели.

Как следует из анализа законодательства РФ, правоотношениями, опосредующими строительную деятельность, выступают: правоотношение строительного подряда, правоотношение участия в долевом строительстве, правоотношение простого товарищества.

Субъекты строительной деятельности в зависимости от их роли можно условно разделить на две группы: субъекты, осуществляющие деятельность по созданию зданий, строений, сооружений, и субъекты, создающие условия для осуществления такой деятельности.

Особое место среди субъектов строительной деятельности занимает лицо, осуществляющее деятельность по созданию зданий, строений, сооружений. В целях настоящего исследования такой субъект будет именоваться как застройщик. Исходя из ст. 1 ГрК РФ, застройщик может осуществлять строительство здания, строения, сооружения как на принадлежащем ему земельном участке, так и на земельном участке иного правообладателя. Причем застройщик может либо сам непосредственно осуществлять деятельность по созданию зданий, строений, сооружений, либо привлекать к выполнению строительных работ третьих лиц. В последнем случае застройщик будет выступать в роли генерального подрядчика (см. п. 1 ст. 706 ГК РФ).

В соответствии с действующим законодательством РФ не каждый субъект может выступать в качестве застройщика. По отношению к данному субъекту законодателем предъявляются особые требования. Их можно подразделить на общие и специальные требования. Общие требования предъявляются ко всем застройщикам. К числу таких общих требований относится обязательное членство застройщика в саморегулируемой организации в области строительства. Специальные требования предъявляются к застройщикам при строительстве отдельных видов зданий, строений, сооружений на определенных условиях. Например, такие требования установлены для застройщиков при осуществлении ими долевого строительства многоквартирных домов и(или) иных объектов недвижимости с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц (см. ст. 2 Закона об участии в долевом строительстве многоквартирных домов).

Субъектом строительной деятельности, создающим условия для такой деятельности, следует признавать лицо, осуществляющее финансирование строительства либо вносящее иной вклад в строительство. В рамках настоящей работы такое лицо будет условно именоваться как инвестор. В зависимости от используемого способа осуществления строительной деятельности наименование «инвестор» может меняться: в правоотношении строительного подряда инвестором будет являться заказчик, в правоотношении долевого участия в строительстве – дольщик, в правоотношении простого товарищества – товарищ.

Безусловно, инвестор может выступать субъектом и иных видов деятельности, например деятельности по возмездному приобретению в собственность здания, строения, сооружения (купля-продажа). Однако, как уже отмечалось выше, у субъектов строительной деятельности должна быть единая цель участия в такой деятельности. Если инвестор передает денежные средства или иное имущество застройщику с целью создания, строения, сооружения, то такое лицо является субъектом строительной деятельности.

Говоря о результате строительной деятельности, можно отметить следующее. В литературе высказывается мысль о том, что поскольку предметом строительной деятельности выступают общественные отношения, то результатом такой деятельности является, соответственно, правоотношение по строительству [13. С. 52]. Однако с такой позицией представляется невозможным согласиться, поскольку субъекты осуществляют строительную деятельность не для того, чтобы трансформировать общественные отношения по строительству в правоотношения строительства, а для того, чтобы с помощью таких правоотношений удовлетворить свой интерес. Соответственно, результатом строительной деятельности следует признавать правоотношение, реализация которого привела к удовлетворению интереса субъектов строительной деятельности. По этой причине строительную деятельность необходимо квалифицировать как правореализационную.

В то же время, с учетом сказанного, возникает интересный вопрос о том, с какого момента рассматриваемый интерес следует считать удовлетворенным?

Как представляется, такой интерес следует считать удовлетворенным с момента завершения строительства здания, строения, сооружения, если быть точнее – с момента появления фактической (объективной) возможности эксплуатации перечисленных объектов. Именно с данного момента субъекты права получают возможность использовать созданные ими здание, строение, сооружение в соответствии с их функциональным назначением (например, для проживания).

По общему правилу, строительство считается завершенным с момента получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию (см. ст. 55 ГрК РФ). Последнее, как уже отмечалось выше, призвано удостоверить факт завершения строительных работ в полном объеме и возникающую в связи с этим объективную возможность эксплуатации объекта в соответствии с его функциональным назначением. До получения такого разрешения возводимый объект необходимо квалифицировать как объект незавершенного строительства, в отношении которого введен законодательный запрет по его эксплуатации¹⁰.

В свою очередь, проведенное исследование строительной деятельности позволяет дать ей следующее определение: *строительная деятельность – это признаваемая государством и обществом социально значимая активность субъектов права, направленная на удовлетворение их интереса в создании зданий, строений, сооружений, осуществляемая ими специальным способом – в рамках правоотношения по строительству.*

Строительство можно рассматривать и как общественное отношение по строительству. Как было установлено выше, такое отношение выступает предметом строительной деятельности, являющейся по своей природе правореализационной деятельностью.

Поскольку строительной деятельности могут предшествовать и сопутствовать иные виды деятельности – так называемые вспомогательные виды деятельности, представляется возможным выделить два вида общественных отношений в сфере строительства: а) собственно отношение по строительству; б) вспомогательные отношения (общественные отношения, предшествующие и сопутствующие общественным отношениям по строительству).

Общественные отношения по строительству, безусловно, составляют основу (ядро) общественных отношений в сфере строительства. Данные отношения можно определить как *отношения, которые возникают между застройщиком и инвестором при создании зданий, строений, сооружений*.

Отношения по строительству специфичны и однородны по своему составу. Участниками таких отношений выступают такие субъекты, как застройщик и инвестор. Объектом отношений является поведение данных субъектов, реализуя которое субъекты достигают поставленной цели строительства. Содержание отношений составляют действия застройщика и инвестора, ориентированные как на создание здания, строения сооружения, так и условий для их создания.

Вспомогательные отношения в зависимости от того, предметом какого по своей природе вспомогательного вида деятельности они являются – правореализационного или правоприменительного, необходимо разделять на два вида: а) вспомогательные отношения, являющиеся предметом правореализационной деятельности; б) вспомогательные отношения, являющиеся предметом правоприменительной деятельности.

Вспомогательные отношения, являющиеся предметом правореализационной деятельности, также как и отношения по строительству, специфичны и однородны по своему составу.

Субъекты отношений, возникающих при приобретении в собственность или на ином праве земельного участка, в зависимости от вида приобретаемого права могут именоваться как продавец и покупатель, арендодатель и арендатор, ссудодатель и ссудополучатель и т.д. Объектом отношений является поведение названных субъектов, реализуя которое они достигают поставленной цели. Содержание отношений составляют действия субъектов, нацеленные на приобретение земельного участка в собственность или на ином праве.

Субъектами отношений по проведению инженерных изысканий и проектно-изыскательских работ являются подрядчик и заказчик. Объектом отношений является поведение подрядчика и заказчика.

Содержание отношений составляют действия подрядчика и заказчика, направленные на разработку отчетной документации о выполнении инженерных изысканий и технической документации.

Вспомогательные отношения, выступающие предметом правоприменительной деятельности, имеют отличия от вспомогательных отношений, являющихся предметом правореализационной деятельности. Так, обязательным субъектом таких отношений, с одной стороны, всегда выступает уполномоченный орган власти (орган государственной власти, орган местного самоуправления), с другой – субъект(ы) строительства (застройщик и(или) инвестор). Объектом таких отношений является поведение субъектов строительства. Содержание отношений составляют как действия уполномоченного органа власти, так и субъекта(ов) строительства.

В качестве примера вспомогательных отношений, являющихся предметом правоприменительной деятельности, можно привести отношения по получению разрешения на строительство. В данных отношениях субъектами, по общему правилу, выступают орган местного самоуправления и застройщик. Объектом отношений является поведение застройщика, выразившееся в совершении подготовительных действий, необходимых для начала осуществления строительства (приобретение земельного участка, подготовка проектной документации). Содержание отношений составляют подготовительные действия застройщика и действия органа местного самоуправления по проверке допустимости строительства здания, строения, сооружения на земельном участке в соответствии с установленным видом разрешенного использования и иными ограничениями, а также проверке проектной документации на соответствие требованиям градостроительного регламента, проекта планировки территории и проекта межевания территории, установленным на дату выдачи градостроительного плана земельного участка.

В отношениях по выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию субъектами, по общему правилу, выступают орган местного самоуправления и застройщик. Объектом отношений является поведение застройщика, выразившееся в строительстве здания, строения, сооружения. Содержание отношений составляют действия застройщика по строительству здания, строения и сооружения и действия органа местного самоуправления по проверке выполнения застройщиком строительства в полном объеме и соответствие его результатов установленным требованиям.

Юридическое значение классификации общественных отношений в сфере строительства на собственно отношения по строительству и вспомогательные отношения заключается в том, что она позволяет разграничить средства их правового регулирования (речь идет прежде всего о нормах права). Так, средствами правового регулирования общественных отношений по строительству и вспомогательных отношений, выступающих предметом правореализационной деятельности, являются нормы гражданского законодательства (например, нормы гражданского законодательства о купле-продаже, аренде, проектно-изыскательских работах, строительном подряде, простом товариществе и т.д.). Средствами правового регулирования вспомогательных отношений, выступающих предметом право-

применительной деятельности, являются нормы земельного (например, нормы о предоставлении земельных участков) и градостроительного законодательства (нормы, регулирующие отношения по проведению экспертизы проектной документации и(или) результатов инженерных изысканий; нормы, регулирующие отношения по выдаче разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию).

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет сделать вывод о том, что строительство необходимо рассматривать в двух аспектах: как деятельность и общественное отношение. Анализ строительства как деятельности позволяет выявить

специфику ее структурных элементов, прежде всего ее предмета – общественных отношений по строительству, и отграничить их от вспомогательных общественных отношений – общественных отношений, предшествующих и сопутствующих им. Каждый из названных видов общественных отношений обладает своими структурными особенностями, что предопределяет специфику их правового регулирования, в частности их средств. В то же время в совокупности данные отношения образуют общественные отношения в сфере строительства, которые находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Примечания

¹ Строительную деятельность можно рассматривать в социальном, экономическом, правовом и иных аспектах. Однако в рамках настоящего исследования данная деятельность будет анализироваться в правовом аспекте.

² За осуществление противоправной строительной деятельности действующее законодательство устанавливает различные виды юридической ответственности: гражданско-правовую, административную и уголовную. Однако в рамках настоящего исследования особый интерес представляет гражданско-правовая ответственность.

³ Противоправная строительная деятельность является обязательным, но не единственным элементом правонарушения (условием наступления гражданско-правовой ответственности). К числу иных элементов (условий) относятся: вред (умаление прав и законных интересов лиц), причинно-следственная связь, вина.

⁴ Данной позиции придерживаются и суды (см. подробнее: Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 595-О-П «По запросу Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности абзаца второго пункта 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации»; «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014); п. 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022)).

⁵ В юридической литературе приводятся различные определения понятия интереса. Например, Даньков А.А. рассматривает интерес как объективно-субъективное явление и предлагает определять его как «ценностную предметно-избирательную позицию лица, отражающую осознанную им потребность в необходимом и реально достижимом благе, на получение или сохранение которого направлена его объективная деятельность» [31. С. 30]. Представленное определение интереса позволяет раскрыть взаимосвязь, которая существует между субъектом как носителем интереса, объектом интереса (предметом деятельности) и объективной деятельностью. Дело в том, что именно лежащая в основе интереса потребность лица в определенном благе вынуждает его осуществлять объективную деятельность, выбирать средства ее осуществления. И именно посредством такой деятельности лицо удовлетворяет свои потребности, соответственно, интересы.

⁶ Как полагают исследователи, структура правовой деятельности должна соответствовать общей структуре деятельности [10. С. 15–25; 13. С. 63].

⁷ Аналогичной точки зрения придерживаются и другие ученые. В частности, по мнению В.А. Сапун, «применение права на самом деле, является не формой реализации права, как утверждается в большинстве исследований, а особым способом реализации права, необходимым при особых обстоятельствах, когда права и обязанности по тем или иным причинам участники непосредственной реализации не могут осуществить своими собственными действиями, и необходимо принятие в этих целях индивидуально-конкретного властного предписания» [8. С. 186].

⁸ Не рассматривается в качестве вспомогательного вида деятельности такой вид деятельности, как трудовая деятельность (наемный труд). Данная деятельность хотя и может использоваться до и в процессе осуществления строительной деятельности, однако она настолько специфична, что не вписывается в предмет настоящего исследования. Прежде всего, трудовая деятельность предполагает возмездное потребление чужого труда как вида и процесса человеческой деятельности. В связи с этим предметом такой деятельности выступает общественное отношение, участники которого (работник и работодатель) имеют взаимно противоположные интересы. Подобное противоречие в классическом понимании трактуется как противоречие между трудом и капиталом, а трудовое отношение является своего рода компромиссом между ними [32. С. 56]. По этой причине трудовую деятельность принято рассматривать в юридической литературе как форму реализации потенциальных возможностей работника и работодателя, обусловленных рядом объективных обстоятельств. Так, работодатель, организуя строительство здания, сооружения, основывается на своих экономических (финансовых) возможностях. При этом он учитывает предложения на рынке труда рабочей силы, необходимой для строительства здания, сооружения, затраты на строительство, спрос на готовый продукт (здание, сооружение), возможность получения запланированной прибыли. Работник, предоставляя в распоряжение работодателя свою рабочую силу, способность к выполнению определенной работы, имея для этого необходимые знания, умения, получает возможность применить их, т.е. также реализоваться в процессе труда [33. С. 24]. Кроме этого, трудовое отношение как предмет трудовой деятельности обладает сугубо личным характером. Данный признак признается многими учеными в сфере трудового права основополагающим, поскольку позволяет отличить трудовое отношение от иных общественных отношений, регулируемых иными отраслями права. Личный характер трудового отношения (соответственно, трудового правоотношения) предопределяет личное заключение и изменение трудового договора, личное исполнение трудовых обязанностей, личную юридическую ответственность за ненадлежащее выполнение обязанностей. Во всех перечисленных случаях ни замена работника, ни переход его прав по наследству или в порядке частного правопреемства невозможны в отличие от гражданско-правовых отношений [32. С. 61].

⁹ Предоставление земельного участка необходимо отличать от приобретения земельного участка. Понятием «предоставление земельного участка» охватывается целый комплекс юридически значимых действий в сфере распоряжения земельными участками публичных образований, порядок осуществления которых детально урегулирован императивными правовыми нормами, и возникающих на их основе правоотношений [34. С. 232, 234].

¹⁰ За нарушение такого запрета предусмотрена административная ответственность по ч. 5 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в виде административного штрафа.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 45. Ст. 7815.

2. Социально-экономическое положение России за 2023 год // Росстат: Федеральная служба государственной статистики. М., 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Подведены итоги жилищного строительства в 2023 году // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. М., 2024. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/podvedeny-itogi-zhilishchnogo-stroitelstva-v-2023-godu/> (дата обращения: 04.03.2024).
4. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
5. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 414 с.
6. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность и ее система: проблемы теории и практики. М. : Юрлитинформ, 2001. 190 с.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2005. 248 с.
8. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 321 с.
9. Шундилов К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.
10. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М. : Статут, 2013. 336 с.
11. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.
12. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2022. 502 с.
13. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 360 с.
14. Кузьмина И.Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2004. 432 с.
15. Иваненко А.В. Теоретические и практические аспекты понимания и легализации самовольной постройки : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. 196 с.
16. Ершов О.Г. Конструкции гражданско-правовых договоров в сфере возведения объектов капитального строительства. М. : Юрлитинформ, 2016. 416 с.
17. Грызыкина Е.А. Приобретение права собственности на вновь возведенный объект недвижимости по законодательству РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 22 с.
18. Гумилевская О.В. Основания признания права собственности на самовольную постройку : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 23 с.
19. Савина А.В. Правовой режим самовольной постройки : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 194 с.
20. Селиванов В.В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
21. Шишканов П.А. Самовольное строительство и его правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 216 с.
22. Бетхер В.А. Самовольное создание (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 280 с.
23. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин и др. М. : Мысль, 2001. Т. 2. 634 с.
24. Право на строение и сделки по строениям по советскому праву. М. : Юридическая литература, 1954. 141 с.
25. Правовое регулирование капитального строительства в СССР / отв. ред. О.Н. Садиков. М. : Юридическая литература, 1972. 293 с.
26. Кузнецова С.А. Административно-правовое регулирование в сфере строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
27. Кропачева А.В. Административная ответственность за правонарушения в области капитального строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
28. Жарский М.И. Ответственность сторон по договорам на выполнение проектно-изыскательских и строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
29. Ганеев Р.Р. Строительство как разновидность предпринимательской деятельности // Юрист. 2014. № 18. С. 27–31.
30. Ялилов А.Д. Договорные конструкции в сфере строительства : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 243 с.
31. Данылов А.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 238 с.
32. Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. 396 с.
33. Трудовое право : учебник для бакалавриата / под ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. М. : Норма; ИНФРА-М, 2024. 376 с.
34. Болтанова Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 457 с.

References

1. SZ RF. (2022) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31.10.2022 № 3268-r "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya stroitel'noy otrasli i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva RF na period do 2030 goda s prognozom do 2035 goda" [On approval of the Strategy for the development of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2035. Order of the Government of the Russian Federation No. 3268-r of October 31, 2022]. SZ RF. 45. Art. 7815.
2. Rosstat. (2024) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii za 2023 god* [Socioeconomic situation of Russia in 2023]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf>. (Accessed: 04.03.2024).
3. Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation. (2024) *Podvedeny itogi zhilishchnogo stroitel'stva v 2023 godu* [The results of housing construction in 2023 have been summed up]. [Online] Available from: <https://minstroyrf.gov.ru/press/podvedeny-itogi-zhilishchnogo-stroitelstva-v-2023-godu/>. (Accessed: 04.03.2024).
4. Alekseev, S.S. (1987) *Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie, klassifikatsiya* [Legal means: problem statement, concept, classification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 12–19.
5. Kartashov, V.N. (1990) *Yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teorii i metodologii* [Legal activity: problems of theory and methodology]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
6. Shagiev, B.V. (2001) *Yuridicheskaya deyatel'nost' i ee sistema: problemy teorii i praktiki* [Legal Activity and Its System: Problems of theory and practice]. Moscow: Yurilitinform.
7. Mal'ko, A.V. (2005) *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and Limitations in Law]. Moscow: Yurist'.
8. Sapun, V.A. (2002) *Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava* [Theory of legal means and mechanism for realizing law]. Law Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.
9. Shundikov, K.V. (1999) *Tseli i sredstva v prave* [Goals and means in law]. Law Cand. Diss. Saratov.
10. Rodionova, O.M. (2013) *Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava* [The Mechanism of Civil Law Regulation in the Context of Modern Private Law]. Moscow: Statut.
11. Puginskiy, B.I. (1984) *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh* [Civil Law Means in Economic Relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Lang, P.P. (2022) *Pravovaya deyatel'nost': aksiologicheskie i mirovozzrencheskie osnovaniya* [Legal activity: axiological and ideological foundations]. Law Dr. Diss. Samara.
13. Shagieva, R.V. (2006) *Kontseptsiya pravovoy deyatel'nosti v sovremennom obshchestve* [Concept of legal activity in modern society]. Law Dr. Diss. Moscow.

14. Kuz'mina, I.D. (2004) *Pravovoy rezhim zdaniy i sooruzheniy kak ob"ektov nedvizhimosti* [Legal regime of buildings and structures as real estate objects]. Law Dr. Diss. Tomsk.
15. Ivanenko, A.V. (2013) *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty ponimaniya i legalizatsii samovol'noy postroyki* [Theoretical and practical aspects of understanding and legalization of unauthorized construction]. Law Cand. Diss. Volgograd.
16. Ershov, O.G. (2016) *Konstruktsii grazhdansko-pravovykh dogovorov v sfere vozvedeniya ob"ektov kapital'nogo stroitel'stva* [Constructions of Civil Law Contracts in the Field of Construction of Capital Construction Projects]. Moscow: YurLitinform.
17. Gryzykhina, E.A. (2004) *Priobretenie prava sobstvennosti na vnov' vozvedenny ob"ekt nedvizhimosti po zakonodatel'stvu RF* [Acquisition of ownership of a newly constructed real estate object under the legislation of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
18. Gumilevskaya, O.V. (2008) *Osnovaniya priznaniya prava sobstvennosti na samovol'nyuyu postroyku* [Grounds for recognizing ownership of an unauthorized building]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
19. Savina, A.V. (2010) *Pravovoy rezhim samovol'noy postroyki* [Legal Regime of an Unauthorized Building]. Law Cand. Diss. Samara.
20. Selivanov, V.V. (2012) *Grazhdansko-pravovoy rezhim samovol'noy postroyki i ego normativnoe zakreplenie* [Civil-legal regime of an unauthorized building and its normative consolidation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
21. Shishkanov, P.A. (2012) *Samovol'noe stroitel'stvo i ego pravovye posledstviya* [Unauthorized construction and its legal consequences]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Betkher, V.A. (2016) *Samovol'noe sozдание i (ili) izmenenie ob"ektov nedvizhimosti v Rossiyskoy Federatsii (grazhdansko-pravovoy aspekt)* [Unauthorized creation and (or) modification of real estate objects in the Russian Federation (civil law aspect)]. Law Cand. Diss. Omsk.
23. Stepin, V.S. et al. (eds) (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
24. Braude, I.L. (1954) *Pravo na stroenie i sdelki po stroeniyam po sovetскому праву* [The Right to Build and Transactions on Buildings under Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
25. Sadikov, O.N. (ed.) (1972) *Pravovoe regulirovanie kapital'nogo stroitel'stva v SSSR* [Legal Regulation of Capital Construction in the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
26. Kuznetsova, S.A. (2003) *Administrativno-pravovoe regulirovanie v sfere stroitel'stva* [Administrative and legal regulation in the field of construction]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
27. Kropocheva, A.V. (2013) *Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya v oblasti kapital'nogo stroitel'stva* [Administrative liability for offenses in the field of capital construction]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
28. Zharskiy, M.I. (2013) *Otvetstvennost' storon po dogovoru na vypolnenie projektно-izyskatel'skikh i stroitel'nykh rabot* [Liability of the parties under the contract for the performance of design, survey and construction work]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
29. Ganeev, R.R. (2014) *Stroitel'stvo kak raznovidnost' predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Construction as a type of entrepreneurial activity]. *Yurist*. 18. pp. 27–31.
30. Yalilov, A.D. (2023) *Dogovornye konstruktsii v sfere stroitel'stva* [Contractual structures in the sphere of construction]. Law Cand. Diss. Kazan.
31. Dan'kov, A.A. (2014) *Obespechenie balansa publicnykh i chastnykh interesov v sfere pravosudiya* [Ensuring a balance of public and private interests in the sphere of justice]. Law Cand. Diss. Moscow.
32. Diveeva, N.I. (2008) *Teoreticheskie problemy individual'nogo pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy* [Theoretical problems of individual legal regulation of labor relations]. Law Dr. Diss. Saint Petersburg.
33. Lebedev, V.M. (ed.) (2024) *Trudovoe pravo* [Labor Law]. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
34. Boltanova, E.S. (2014) *Ekologo-pravovye osnovy regulirovaniya zastroyki zemel' zdaniyami i sooruzheniyami v Rossii* [Environmental and legal foundations for regulating the development of land with buildings and structures in Russia]. Law Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Имекова М.П. – канд. юрид. наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Imekova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: imekova_maria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024;
одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 341.6
doi: 10.17223/15617793/505/26

Европейский подход к эволютивному толкованию: практика Европейского Суда по правам человека

Тигран Давидович Оганесян¹

¹ *Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, t.oganesian@mail.ru*

Аннотация. Исследуются вопросы, связанные с современным пониманием эволютивного толкования конвенционных норм Европейским Судом по правам человека. Особое внимание уделено обоснованию применения данного вида толкования. Проведен анализ сущности эволютивного толкования, природы доктрины живого инструмента, различных мнений, критикующих и одобряющих данный метод толкования. Обоснован вывод о том, что эволютивное толкование стало неотъемлемым элементом ЕСПЧ, позволяющим поддерживать эффективность защищаемых прав.

Ключевые слова: эволютивное толкование, метод толкования, права человека, консенсус, доктрина живого инструмента, Европейский Суд по правам человека

Для цитирования: Оганесян Т.Д. Европейский подход к эволютивному толкованию: практика Европейского Суда по правам человека // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 236–245. doi: 10.17223/15617793/505/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/26

The European approach to evolutive interpretation: The practice of the European Court of Human Rights

Tigran D. Oganessian¹

¹ *Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, t.oganesian@mail.ru*

Abstract. The article deals with issues related to the modern understanding and application of evolutionary interpretation – a method of interpretation that allows interpreting convention rights taking into account modern realities and changing circumstances. In this regard, special attention is paid to the essence and justification of the application of this method of interpretation by the ECHR. The author emphasizes that, due to the provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties and a number of general formulations contained in the Preamble of the European Convention on Human Rights, the ECHR was eventually able to justify the application of an evolutionary interpretation. Particular attention is paid to the ruling in the case of *Golder v. the United Kingdom* (1975), which for the first time contains the idea that the Convention is a "living document". This case, according to the author, is notable for the fact that one of the main thoughts of the Court is developing that the Convention should be interpreted in such a way that its rights are "practical and effective, and not theoretical and illusory". Moreover, starting from this case, the Court resolutely rejects the idea that legal interpretation is primarily a textual interpretation based on the study of the linguistic meaning of words. As another important issue, the author considers the question of the legal nature of the doctrine of a living instrument. It is noted that this doctrine may damage the legal certainty of the Court's practice and create a situation where Member States do not understand the scope of the obligations to which they agree upon accession to the Convention. Regardless of whether the Court uses the doctrine of a living instrument, it is essential that it does so in accordance with the nature and purpose of the Convention and with due respect for state sovereignty. With the help of the comparative legal method, the opinions of various researchers regarding evolutionary interpretation are considered. A number of critics argue that this method of interpretation leads to the establishment of new rights not provided for by the Convention, and the Court, in turn, goes beyond the role actually intended for it. Other researchers believe that evolutionary interpretation contradicts the predictability of law or legal certainty, calling into question the legitimacy of these rulings. Nevertheless, the author notes that evolutionary interpretation does not jeopardize the legitimacy of the relevant rulings, since the Member States not only undertake to comply with the Convention, but also "comply with the final decision of the Court" in accordance with Paragraph 1 of Article 46 of the Convention. In conclusion, it is noted that the interpretation of the Convention in the light of modern conditions has become a necessary condition for ensuring the best protection of human rights. Human rights themselves are dynamic and depend on social, moral and scientific changes and innovations. With the help of this doctrine, the ECHR provides an interpretation of the Convention that supports the effectiveness of individual rights in practice.

Keywords: evolutive interpretation, method of interpretation, human rights, consensus, doctrine of living instrument, European Court of Human Rights

For citation: Oganessian, T.D. (2024) The European approach to evolutive interpretation: The practice of the European Court of Human Rights. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 236–245. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/26

Введение

Робер Шуман, министр иностранных дел Франции, при подписании 4 ноября 1950 г. Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ, Конвенция) отметил: «Конвенция, которую мы подписываем, не настолько полна и точна, как многие хотели бы. Однако мы сочли своим долгом подписать ее такой, какая она есть. Она создает фундамент для построения защиты человеческой личности от всех тираний и от всех форм тоталитаризма» [1. С. 3]. Как отметил бывший председатель ЕСПЧ Жан-Поль Коста, ситуация с правами человека «хрупкая» и «права человека всегда приходится завоевывать заново» [2. Р. 51]. На сегодняшний день Европейский Суд по правам человека (далее ЕСПЧ, Суд) принял более 25 тыс. постановлений [3], что делает его самым популярным и активным международным судом по правам человека в мире. Деятельность Суда и его прецедентная практика оказали значительное влияние на национальные правовые системы государств-ответчиков, что привело к признанию последними режима Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод как «самого эффективного режима в области прав человека в мире» [4. Р. 11].

Эволютивное толкование договора происходит тогда, когда термин, содержащийся в договоре, способен эволюционировать, а не утвержден на все времена. Таким образом, значение термина меняется в соответствии с последующим развитием событий, что может изменить способ его первоначального понимания. Спорным, *inter alia*, является то, в какой степени Суд использует эту способность давать расширительные толкования Конвенции. Это может быть особенно важно с учетом того, что Конвенция является международным договором, поэтому решения последнего потенциально могут повлиять на государственный суверенитет. Поскольку эволютивное толкование может сводиться к «квазизаконодательной» роли Суда, то это влечет за собой недовольство со стороны государств-ответчиков. В результате этого любые постановления, которые потенциально подрывают суверенитет государств и их свободу усмотрения в некоторых вопросах, требуют тщательного обоснования. По выражению Франсиско Паскуаль-Вивеса, доктора международного права Университета Алькала, эволютивное толкование региональных международных договоров по правам человека может быть отнесено к контексту диалектики между суверенитетом и сотрудничеством, которая устанавливается в международном правовом порядке [5. Р. 124]. Для некоторых соответствующая критика основана на аргументе о том, что ЕСПЧ применил конкретные положения Конвенции таким образом, который не был бы предвиден теми, кто ее первоначально

разрабатывал [6]. Критика также сосредоточилась на восприятии того, что Страсбургский суд рискует стать судом «четвертой инстанции». Например, Джек Стро утверждает, что «Европейский Суд становится Верховным судом для своих государств-членов и перемещается в те области, в отношении которых нет или никогда не было никакого соглашения или согласия со стороны государств – членов Совета Европы» [7. Р. 32].

Исследование применения судьями Европейского Суда эволютивного толкования в настоящее время важно тем, что изначально не закрепленный напрямую ни в Венской конвенции о праве международных договоров, ни в ЕКПЧ данный метод толкования стал неотъемлемым «помощником» Суда. Для более основательного анализа эволютивного способа толкования в настоящей статье выбрано самое первое эволютивное дело ЕСПЧ, наиболее ярко отражающее сохранившиеся аспекты европейского подхода к прочтению конвенционных норм в рамках современных реалий.

В настоящем исследовании невозможно ответить на все критические замечания, высказанные по вопросу эволютивного толкования. При этом предпринята попытка объяснить и проанализировать некоторые аспекты данного вопроса, который был предметом значительной критики в ряде отдельных государств и среди исследователей.

Обоснование применения эволютивного толкования

Преамбула Конвенции содержит мысль о достижении «большого единства» (*greater unity*). В оправдание желания Суда достичь большого единства можно сказать, что эволютивное толкование позволяет Суду это сделать посредством равного отношения ко всем государствам при толковании Конвенции. Например, что касается права заключенных голосовать, Суд одинаково признал данное право как у британских заключенных (*Hirst v. United Kingdom*), так и у российских (*Anchugov and Gladkov v. Russia*). Выявляя консенсусное единство среди государств, ЕСПЧ при эволютивном толковании призывает государство-ответчик следовать этому единству. Но иногда консенсус не строится на единстве подходов большинства государств. В этом смысле понимание единства консенсуса не всегда означает для Суда единство большинства.

Эволютивное толкование региональных договоров по правам человека в большей степени зависит от наличия предварительного консенсуса между государствами. Европейский консенсус, возможно, является лучшей моделью для поиска совершенной формы эволютивного постановления. Как отмечает Константин Дегтярев, европейский консенсус смягчает «эффект неожиданности» эволютивной интерпретации [13].

Р. 201]. Доктрина консенсуса предполагает рассмотрение Судом преимущественно национального законодательства и практики государств, с тем чтобы определить наличие общего подхода (знаменателя) к определенному вопросу. Зачастую если Суд сочтет, что консенсус существует, то будет толковать рассматриваемое положение Конвенции в соответствии с общим подходом, существующим в большинстве государств – участников Конвенции.

Преамбула Конвенции косвенным образом оправдывает применение доктрины консенсуса, включая ссылки на «общее понимание» (*common understanding*) и «общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства закона» (*common heritage of political traditions, ideals, freedom and the rule of law*). Договаривающиеся государства обязались участвовать в глобальной практике защиты прав человека, основываясь на существующих общих ценностях. Общее понимание ценностей предполагает также, что это понимание будет меняться. Когда наблюдается развивающийся консенсус или тенденция по определенному вопросу, Суд поддерживает это стремление к общему базовому пониманию требований в области прав человека и претворяет в жизнь конкретное понимание прав человека в европейской практике. В конечном счете Суд, используя свою консенсусную модель толкования, признает, что именно согласованная воля государств-членов должна определять содержание конвенционных прав. С помощью доктрины консенсуса Суд стремится создать среди государств – членов Совета Европы атмосферу единого понимания прав человека. Консенсус также служит средством легитимации Судом своих эволютивных постановлений.

Очевидно, что эволютивное толкование косвенно подтверждается не только Преамбулой. Формальную возможность использовать эволютивное толкование Суд получил непосредственно от Высоких Договаривающихся Сторон, подписавших и ратифицировавших Конвенцию. Так, п. 1 ст. 32 Конвенции предусматривает: «в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней». На основе ст. 46 Конвенции Суд обладает законной властью над договаривающимися государствами, в том числе посредством своих эволютивных постановлений. Государства взяли на себя добровольное обязательство соблюдать Конвенцию, а также последующую практику Суда.

Из Преамбулы Конвенции также очевидно, что она не была предназначена для того, чтобы быть последним словом в международной защите прав человека в Европе, поскольку в ней говорится не только о «сохранении» (*maintenance*), но и о «дальнейшей реализации прав человека и основных свобод» (*further realisation of Human Rights and Fundamental Freedoms*) и принятии «первых шагов для коллективной реализации некоторых прав, провозглашенных во Всеобщей декларации» (*the first steps for the collective enforcement of certain of the rights stated in the Universal Declaration*). Эта забота об эффективности является основной движущей силой и призывом к эволютивному толкованию. «Дальней-

шая реализация» допускает определенную степень новаторства и творчества, расширяя охват конвенционных гарантий, особенно когда это необходимо для защиты прав и свобод по существу. Страсбургский суд не раз подчеркивал, что при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективном обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод. Суд также говорит об общем духе Конвенции. Поэтому его толкование должно быть связано с поддержанием и продвижением идеалов и ценностей демократического общества [2].

Так или иначе, эволютивное толкование в свете изложенной в Преамбуле Конвенции идеи *greater unity* понимается как развитие конвенционных прав, т.е. государства должны быть едины во мнении, что конвенционные права должны в последующем развиваться. С этой точки зрения эволютивное толкование становится неотъемлемым элементом конвенционной системы Страсбурга, изначально скрытым в Преамбуле, но нашедшим со временем свое предназначение и применение. Как отмечает Джордж Летсас, эволютивное толкование Конвенции требуется для лучшего понимания природы прав человека и порождает обязательство среди договаривающихся государств уважать результаты такого толкования, даже если оно «несовершенно с точки зрения идеальной морали» [8. Р. 139]. Однако это вовсе не означает, что Суд пользуется безграничной властью при эволютивном толковании. Суд должен быть последовательным в своей практике, насколько это возможно, осторожным при расширении объема конвенционных прав, тщательно аргументируя свое толкование и соблюдая баланс между эволютивным толкованием, свободой усмотрения и консенсусом. С другой стороны, в Преамбуле Конвенции содержится упоминание об «общем наследии политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права». В деле *Soering v. United Kingdom* Суд отметил, что выдача скрывающегося от правосудия лица другому государству, где он может подвергнуться пыткам, «вряд ли была бы совместима с основополагающими ценностями Конвенции, тем “общим наследием политических традиций, идеалов, свободы и верховенства закона”, которое закреплено в Преамбуле» [9].

При эволютивном толковании ЕСПЧ подчеркивает важную связь с принципом эффективности толкования, чтобы права, предусмотренные Конвенцией, были «практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными». В деле *Christine Goodwin v. UK* Суд по сути связал доктрину эффективного толкования с необходимостью ЕСПЧ «придерживаться динамичного и эволюционного подхода» [10]. В деле *Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary* Суд подчеркнул, что эффективное толкование Конвенции заложено в объекте и цели Конвенции [11].

Таким образом, принцип эффективности, закрепленный в Преамбуле Конвенции («эффективное признание и осуществление прав») и развитый в практике Суда, а также идея о «развитии прав человека» выступают в числе главных и основных мотиваций для применения Судом эволютивного толкования. Яннеке

Джерардс, в свою очередь, считает, что принцип субсидиарности (задача Суда заключается главным образом в проверке того, выполнили ли национальные власти обязательства, которые они взяли на себя в соответствии с Конвенцией) и принцип первичности (основная ответственность за обеспечение эффективной защиты прав, предусмотренных Конвенцией, лежит на национальных органах власти, которые должны обеспечивать права, предусмотренные Конвенцией, всем, кто находится под их юрисдикцией) также стали катализатором применения Судом эволютивного толкования: «Суд должен будет толковать и применять Конвенцию таким образом, чтобы эффективно защищать различные основные права, соблюдая при этом принципы первичности и субсидиарности» [12. Р. 31].

Что касается Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., то в разделе 3 «Толкование договоров» отражены способы толкования международных договоров: текстуальное толкование (п. 1 ст. 31), телеологическое (целевое) толкование (п. 1 ст. 31), историческое толкование [13]. Эволютивное толкование напрямую не упоминается, однако его основу составляют положения пп. «b» п. 3 ст. 31 Венской конвенции о важности «последующей практики применения договора» для процесса толкования международного договора. Эволютивное толкование вытекает из прогрессивного развития международного права и полностью совместимо с логикой ст. 31 Венской конвенции. В ней, в частности, говорится, об объекте и цели договора, а также о последующих соглашениях, последующей практике и любых соответствующих нормах международного права, «применимых в отношениях между сторонами», включая документы, ратифицированные этими сторонами после заключения договора, которые подлежат толкованию. Все эти элементы допускают телеологическое толкование, направленное на обеспечение адаптации рассматриваемого договора к изменениям, произошедшим после его принятия, особенно в тех случаях, когда он содержит общие термины, значение которых будет меняться с течением времени. Иными словами, эволютивный метод толкования Конвенции совместим с соответствующими положениями Венской конвенции и отражает, в принципе, предполагаемое намерение сторон.

Дело Голдера (1975)

Дело *Golder v. the United Kingdom* (далее – дело Голдера), несомненно, является одним из самых важных дел в истории ЕСПЧ, связанной с эволютивным толкованием. Дело не только в том, что оно содержит первое и пока наиболее подробное обсуждение Венской конвенции о праве международных договоров с эволютивным толкованием. Это также первое дело, в котором Суду пришлось определить последующий путь своего развития и Конвенции по вопросу толкования в свете современных реалий. Данное дело заложило основу для эволютивного толкования на будущие десятилетия, и та дискуссия, которая имела место быть в рамках отдельных мнений судей, иллюстрирует разногласия, продолжающиеся по сей день.

В деле Голдера ЕСПЧ с помощью эволютивного толкования истолковал «доступ к суду» как важную составляющую справедливого судебного разбирательства, тем самым расширив элементы ст. 6 Конвенции [14]. Заявитель, Сидней Элмер Голдер, во время отбывания тюремного заключения был обвинен в участии в беспорядках, во время которых он предположительно напал на сотрудника тюрьмы. Г-н Голдер хотел проконсультироваться с адвокатом, чтобы подать гражданский иск о клевете против обвинившего его сотрудника исправительного учреждения. Однако ему было отказано в возможности проконсультироваться с адвокатом с целью подачи соответствующего иска. Заявитель утверждал, что данный отказ нарушил его право на справедливое судебное разбирательство. Суд постановил, что, хотя право доступа к суду прямо не упоминается в п. 1 ст. 6 Конвенции, данное право должно быть включено в число гарантий права на справедливое судебное разбирательство. Суд подчеркнул, что, хотя формального отказа г-ну Голдеру в доступе к суду не было, консультация с адвокатом была важным шагом в реализации его намерения подать иск, особенно потому, что заявитель в то время находился под стражей.

В настоящем деле Суд должен был решить вопрос о том, обеспечивает ли п. 1 ст. 6 Конвенции право на доступ к судам каждому лицу, желающему подать иск. Как отметил сам Суд, его обязанностью является установить посредством толкования, является ли доступ к судам одним из факторов или аспектов этого права (§28). При толковании Суд подчеркнул, что он должен руководствоваться ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (ВКПМД). Несмотря на то, что ВКПМД еще не вступила в силу на тот момент, Суд сослался на ст. 31–33 ВКПМД, которые, по существу, провозглашают общепризнанные принципы международного права (§34). Подпункт «с» п. 3 ст. 31 ВКПМД указывает, что следует принимать во внимание, наряду с контекстом, «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами» (any relevant rules of international law applicable in the relations between the parties). В этой связи Суд указал, что поскольку право на подачу гражданского иска считается одним из общепризнанных основных принципов права, то п. 1 ст. 6 Конвенции следует читать в свете этих принципов (§ 35).

С подходом большинства судей о необходимости эволютивного толкования п. 1 ст. 6 Конвенции не согласились трое судей: Вердросс, Зекия и Сэр Джеральд Фицморис. В отдельном мнении судья Вердросс отметил: «такое толкование противоречит тому факту, что положения Конвенции, касающиеся прав и свобод, гарантированных этим документом, также ограничивают юрисдикцию Суда. Это особая юрисдикция, поскольку она наделяет Суд полномочиями разрешать споры, возникающие в ходе внутренней жизни договаривающихся государств. Поэтому нормы, ограничивающие пределы этой юрисдикции, должны толковаться строго. Вследствие этого я не считаю допустимым расширять посредством толкования, зависящего от подсказок, рамки четко сформулированных прав и свобод.

Соображения правовой определенности также делают этот вывод обязательным: государства, подчинившиеся надзору Комиссии и Суда в отношении “некоторых” прав и свобод, “определенных” (*définis*) в Конвенции, должны быть уверены, что эти границы будут строго соблюдаться».

В особом мнении судья сэра Джеральда Фитцморис отметил, что вопрос толкования Конвенции «имеет фундаментальное значение не только сам по себе, но и как открывающее окно в более широкий взгляд на принципы, философию и мировоззрение» (§ 22). Британский судья предостерег Суд от эволютивного толкования, отметив, что это требует «осторожного и консервативного толкования, особенно в отношении любых положений, значение которых может быть неясным, и где обширные толкования могут привести к возложению на договаривающиеся государства обязательств, которые они в действительности не намеревались брать на себя или не предполагали, что берут на себя» (§ 39).

Судья Фитцморис также возразил, что недопустимо включать в текст право, «которое Конвенция не утрудит себя наименованием, но в лучшем случае подразумевает, и которое даже нельзя с пользой подразумевать, не перейдя в то же время к довольно тщательному определению его или условий, при которых оно действует, и которые ... определяют его». По мнению британского судьи, отсутствие четкого положения в тексте Конвенции не дает Суду право налагать новое обязательство на государства-члены: «от сторон нельзя ожидать выполнения того, что было бы важным международным обязательством, если оно не определено в достаточной степени». В некотором смысле судья Фитцморис ошибся, в том, что Конвенцию не следует понимать с точки зрения намерений сторон в 1950 г. Последующее развитие прецедентной практики ЕСПЧ показало, что большинство судей поддерживают идею Конвенции как «живого документа», который должен толковаться в свете современных условий. Отсутствие четкого намерения со стороны составителей Конвенции перестало иметь значение при рассмотрении Судом вопроса о признании соответствующего эволютивного права.

По выражению Джорджа Летсаса дело Голдера, «несомненно, является одним из самых важных дел в истории ЕСПЧ» [15. Р. 515]. Дело Голдера заложило основы принципов толкования, которые теперь стали столь важными для тысяч жалоб, которые Суд получает каждый год. Данное дело содержит первое обсуждение ВКПМД в практике ЕСПЧ и соответствующих правил толкования. В своем решении Суд сослался на ст. 31–33 ВКПМД и постановил, что, хотя эти статьи и не действовали в то время, они выражали общие принципы международного права, которые Суд должен был принять во внимание. В целом применение положений ВКПМД в деле Голдера положило начало эволютивному толкованию и отказу Суда от текстуального толкования, которое на тот момент являлось доминирующим методом толкования в практике международных судов.

По замечанию Джорджа Летсаса читатель Голдера, возможно, на первый взгляд не осознает, каким смелым и революционным подходом к интерпретации была линия рассуждений ЕСПЧ. Начиная с этого дела, Суд решительно отказывается от идеи о том, что юридическое толкование – это преимущественно текстуальное толкование, основанное на исследовании лингвистического значения слов.

Критика эволютивного толкования

Права человека не являются чем-то каменным или «программой оптимизации» [16. Р. 199], для которой нет ограничений, поскольку это нарушило бы регулируемую функцию права и пределы судебного правосудия. В этой связи Стефани Шмаль, профессор Юрьбургского университета, отмечает, что, применяя такой далеко идущий динамичный метод толкования, который в конечном счете приводит к установлению новых прав, предусмотренных Конвенцией, Суд выходит за рамки фактически предназначенной для него роли, считая себя «главным блюстителем международного права в области прав человека, определяя масштабы и скорость правового развития в Европе» [16. Р. 201].

Джон Мерриллс, профессор международного публичного права в Университете Шеффилда, в своей книге «Развитие международного права Европейским судом по правам человека» (*The Development of International Law by the European Court of Human Rights*) анализирует вклад, внесенный ЕСПЧ в развитие принципов международного права, путем детального изучения его судебной практики, а также методов толкования. Он отмечает, что вклад Суда в «изменения, внутреннее законодательство и практику» предоставляет наиболее существенное доказательство его воздействия [17. Р. 12]. Когда Джон Мерриллс проводил свой анализ роли Суда в развитии международного права, он обнаружил, что толкование Конвенции преследовало три цели: усиление роли Конвенции, указание на ее упущения и соответствие Конвенции современным реалиям [17. Р. 218].

В некотором смысле эволютивное толкование противоречит предсказуемости права или правовой определенности, что является одной из важнейших ценностей Конвенции. В деле *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* Суд отметил, что хотя он «формально не обязан следовать своим предыдущим решениям, в интересах правовой определенности и предсказуемости, он не должен без уважительной причины отступать от своих собственных прецедентов» [18]. По мнению нидерландских ученых Питера ван Дейка, Годефридуса Дж.Х. Хофа, эволютивная прецедентная практика Суда свидетельствует о том, что Конвенция все чаще применяется с учетом индивидуальных, а не государственных интересов [19. Р. 478]. Джон Мерриллс, в свою очередь, подчеркивает приверженность Суда «концепции своей собственной роли, в которой функция Конвенции по защите прав личности имеет приоритет над юрисдикционными и процедурными возражениями, отражающими традиционное отношение правительств» [17. Р. 44].

Однако среди судей ЕСПЧ были и сторонники эволютивного толкования. Бывший председатель ЕСПЧ Жан-Поль Коста подчеркнул, что Суд придерживался такого подхода на протяжении десятилетий: «история неумолимо двигалась вперед в течение этого периода, и контекстуальная эволюция была весьма значительной. Толкователи Конвенции прямо отвергли статичный или конечный анализ» [20. Р. 5]. Бывший вице-председатель ЕСПЧ Франсуаза Тюлькенс, в свою очередь, пояснила, что сам способ разработки Конвенции диктует необходимость такого эволютивного толкования: «...природа основных прав такова, что они могут применяться только в процессе толкования, поскольку такие права не ограничены. Они также абстрактны по своей природе и приобретают конкретное значение в том конкретном контексте, в котором они применяются» [21. Р. 6].

Критики также неоправданно пренебрежительно относятся к роли судей при эволютивном толковании. В некоторых кругах эволютивное толкование рассматривается как символ «активизма» или, что еще хуже, «судебного империализма», даже если в некоторых случаях оно также может иметь следствием ограничение сферы прав, охраняемых Конвенцией [19. Р. 7]. Активная роль судей в разработке и обновлении правовых норм является обычной практикой даже в правовых системах, которые традиционно скептически относятся к такому явлению, как судебский активизм. Проблема легитимности эволютивных постановлений проявляется в том, что Суд пересматривает решения национальных судов и результаты толкования не могут совпадать с мнением внутригосударственных властей.

Лиза Зоннлайтнер выделяет три проблемы легитимности эволютивной интерпретации: демократическая легитимность (принимаются решения по общественным вопросам, ответы на которые должны быть даны в рамках демократического, а не судебного процесса), суверенитет (эволютивное толкование равносильно принятию законодательства без согласия государств-членов) и верховенство закона (эволютивное толкование противоречит основным гарантиям, таким как правовая определенность и предсказуемость) [23. Р. 63].

Что касается суверенитета, то эволютивное толкование критикуют за то, что оно создает обязательства, которые превышают взятые государствами – участниками Конвенции и ЕСПЧ, посредством эволютивных решений вмешивается в суверенитет государств. Сэр Джеральд Фитцморис в особом мнении по делу *Goldder v UK* отметил, что нельзя обязывать государство защищать право, о котором оно вообще не знало и на которое оно не давало согласия [14]. Взяв на себя обязательства в области прав человека, закрепленные в Конвенции, государства – члены Совета Европы в некотором смысле отказались от части своего суверенитета в пользу ЕСПЧ. Кроме того, обязательный характер решений ЕСПЧ затрагивает суверенитет государств-членов, поскольку исполнение решений не требует дополнительного согласия государства.

Как отмечает Боско Трипкович, трудно осознать понятие и границы прав человека, не принимая во внимание идею суверенитета, на которую права человека налагают наиболее важные ограничения [22. Р. 226].

Однако доктрина живого инструмента как ценностный подход к обоснованию прав человека предполагает, что суверенитет должен играть более ограниченную роль в определении содержания прав. В отношении критики по поводу отсутствия ясности и последовательности в некоторых постановлениях, Суд признает эти критические замечания, отмечая при этом, что они отчасти отражают сложность задачи толкования Конвенции на наднациональном уровне. Многие эксперты признают необходимость развития прецедентной практики ЕСПЧ, считая, что эволютивный метод толкования Конвенции имеет свои пределы. Для определения таких пределов необходим баланс подходов между правовой определенностью и гибкостью.

Проблема легитимности эволютивных постановлений проявляется в том, что Суд пересматривает решения национальных судов, и результаты толкования не могут совпадать с мнением внутригосударственных властей. Лиза Зоннлайтнер выделяет три проблемы легитимности эволютивной интерпретации: демократическая легитимность (принимаются решения по общественным вопросам, ответы на которые должны быть даны в рамках демократического, а не судебного процесса), суверенитет (эволютивное толкование равносильно принятию законодательства без согласия государств-членов) и верховенство закона (эволютивное толкование противоречит основным гарантиям, таким как правовая определенность и предсказуемость) [23. Р. 63].

Что касается демократической легитимности, то основная критика исходит из того, что эволютивное толкование является инструментом скрытого законодательства, а не толкования. Данная мысль была прямо выражена судьей Джеральдом Фицморисом в особом мнении по делу *Tyrer v UK*: «Тот факт, что определенная практика считается неприятной, нежелательной или морально неправильной и такой, которой не следует позволять продолжаться, сам по себе не является достаточным основанием для признания ее противоречащей статье 3... Это означало бы использование статьи в качестве средства косвенной реформы уголовного законодательства, для чего она не предназначалась» [24].

Бывший судья ЕСПЧ Эгберт Майер, критикуя произвольное толкование Конвенции, отметила, что «самая большая опасность для Суда заключается в том, что он превращается в чисто академическую церковь сторонников прав человека, которые говорят, что мы проповедуем новое Евангелие прав человека. То, что мы считаем, исходя из нашего самого чистого внутреннего убеждения, самыми большими неудачами в Европе, не должно произноситься и сопровождаться по всей Европе» [25]. По мнению Яннеке Джерардс, расширение сферы действия одного права, предусмотренного Конвенцией, может нанести ущерб другому праву в случаях, когда имеет место коллизия прав.

Однако в большинстве случаев она стремится к прогрессивной эволюции, чтобы обеспечить эффективную реализацию цели Конвенции о «дальнейшей реализации» прав человека [12. Р. 59]. Если следовать тому, что Суд толкует Конвенцию практическим и эффективным образом и в свете современных условий, исходя также из цели

и объекта Конвенции, то эволютивное толкование по природе прогрессивное. Другой вопрос, что для национальных властей будет считаться прогрессивным на данный момент.

Доктрина живого инструмента

Как установил Суд в многочисленных решениях, «договоры по правам человека являются живыми инструментами, толкование которых должно учитывать изменения во времени и, в частности, современные условия» [26]. Как отмечает Ангелика Нуссбергер, «Конвенция – живой инструмент, а не черный ящик, наугад наполняемый новым содержимым» [27. Р. 84].

До постановления Суда по делу *Тайрера* обсуждение природы доктрины живого инструмента Конвенции было проведено в учебнике Фрэнсиса Джейкобса, опубликованном в 1975 г., и международной коллоквиальной речи, произнесенной в 1975 г. Максом Соренсоном. Фрэнсис Джейкобс, на тот момент член секретариата Комиссии по правам человека, опубликовал в 1975 г. книгу, посвященную Конвенции. В этой связи его идеи представляют особый интерес, учитывая то обстоятельство, что книга была издана до вынесения постановления по делу *Тайрера*. Он отметил, что толкование Конвенции должно быть динамичным, толковаться в свете социальных и политических изменений [28. Р. 282]. Доктрина живого инструмента также упоминалась в рамках международного коллоквиума, состоявшегося в Риме 5–8 ноября 1975 г. На этой конференции Макс Соренсон, судья Суда ЕС, который позже стал судьей ЕСПЧ, представил доклад об эволютивном толковании Конвенции [29]. Прибегнув к примерам Международного суда ООН, он подчеркнул, что стандарты защиты, предоставляемые Конвенцией, способны эволюционировать с течением времени, и что есть признаки того, что это уже произошло.

Фан Ювен предлагает следующую логику суждений: «быть истолкованным в свете современных условий» – это необходимость, а «живой инструмент» – интерпретирующая цель [30]. Профессор Джон Мерриллс предположил, что существуют два различных подхода к толкованию положений Конвенции: принятие предполагаемого значения Конвенции как неизменного по сравнению со значением, которое она имела бы в 1950-х гг., и признание того, что составители намеренно оставили Конвенцию открытой для толкования в свете меняющихся условий, тем самым предоставив Суду право толковать этот вопрос так, как он сочтет уместным в данный момент [17. Р. 48]. Европейский Суд в конечном счете одобрил последний подход с помощью доктрины живого инструмента, которая может предложить нечто похожее на «конституционную роль» Конвенции.

Таким образом, чем больше Конвенция воспринимается как «развивающаяся конституция для Европы» [31], тем более разумно ожидать от Суда творческого толкования или по крайней мере подхода, который жестко применяет именно то, что было задумано в 1950 г. Британский исследователь Джордж Летсас характеризует «доктрину живого инструмента», применяемую

Судом следующим образом: (а) основное внимание ЕСПЧ уделяет «современным стандартам толкования Конвенции»; (b) «современные стандарты», которые играют важную роль при толковании Конвенции и рассматриваются Судом как «общие или разделяемые» среди государств-участников [32. Р. 107].

Доктрина живого инструмента идет дальше простого буквального толкования Конвенции. Современная судебная практика ЕСПЧ не придерживается того текстуального толкования, которое было бы дано в 1950-х гг., когда она была первоначально заключена. [15. Р. 513]. Из этого также следует, что Суд не обязательно следует конкретным намерениям основателей Конвенции и считает себя обязанным следовать общим намерениям учредителей при создании международной системы защиты прав человека. ЕСПЧ считает, что, хотя он должен уважать правовую определенность, он способен и вправе принять более широкое толкование Конвенции.

Доктрина живого инструмента потенциально рассматривается как активная доктрина Суда [33. Р. 309]. Как таковая она рискует нарушить суверенитет государств-членов, если будет использована ненадлежащим образом. В принципе, данная доктрина может нанести ущерб правовой определенности практики Суда и создать ситуацию, когда государства-члены не понимают объема обязательств, на которые они соглашаются при присоединении к Конвенции, или испытывают неопределенность в отношении своих обязательств по Конвенции в будущем. Данная ситуация ярко выражена на примере Великобритании в связи с постановлением ЕСПЧ по делу о голосовании заключенных.

Исходя из природы, эволютивные постановления Суда можно разделить на две категории: (1) постановления эволютивного характера, которые дают дополнительные разъяснения, как конвенционная норма должна быть впредь интерпретирована, и (2) эволютивные постановления, которые расширяют конвенционную норму предметно к новым вопросам. Например, дело *Тайрера* является хорошей иллюстрацией эволютивного постановления, поскольку Суд не только установил новый применимый критерий, но и расширил сферу действия ст. 3 Конвенции, признав телесные наказания формой унижающего достоинство обращения. Постановление по делу *Gürbüz v. Turkey* является примером постановления эволютивного характера, поскольку Суд лишь развил конвенционную норму, придя к выводу, что повторное лишение свободы тяжелобольного заключенного, который объявил длительную голодовку, будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции [34].

Заключение

Со временем эволютивное толкование Конвенции привело к постепенному расширению прав, предусмотренных ЕКПЧ. Результаты эволютивного толкования отражают взгляды и уровень правосознания поколения судей ЕСПЧ, согласие и уровень единства договаривающихся сторон.

При этом моральное прочтение Конвенции посредством эволютивного толкования Страсбургским судом внесло огромный вклад в развитие международного права в области прав человека и стало необходимым условием существования Суда и эффективного функционирования конвенционной системы. Как отмечает Джордж Летсас, в результате эволютивного толкования «недостаточно того, что развилось иное понимание, это понимание также должно быть наилучшим» [35. Р. 302].

При изучении эволютивного толкования Конвенции возникли вопросы о том, учитывает ли Суд значение конкретных терминов, которые имели в виду разработчики Конвенции (в 1949–1950 гг.), и пытается ли интерпретировать ее значение в свете современных обстоятельств. Ответ заключается в том, что Суд считает Конвенцию «живым инструментом», который должен толковаться в настоящем времени. Поэтому он в первую очередь использует динамический, а не исторический подход. Это позволяет ЕСПЧ учитывать соответствующие изменения и общепринятые стандарты в государствах – членах Совета Европы [32. Р. 112] и применять конвенционные права в обстоятельствах, которые не могли быть предусмотрены его составителями, основываясь при этом на сформулированных ими принципах.

Постепенное развитие стандартов в прецедентной практике ЕСПЧ является фундаментальной особенностью страсбургского механизма защиты прав. Как отмечает Ангелика Нуссбергер, если бы понимание прав человека образца 1950-х гг. продолжало быть критерием для оценки предполагаемых нарушений Конвенции десятилетия спустя, Конвенция бы стала мертвой буквой (*dead letter*) [27. Р. 78]. Воспользовавшись формулировками Преамбулы и ст. 1, 32, 46, 53 Конвенции, Суд обосновал свои полномочия по вынесению эволютивных постановлений и принуждению их исполнения государствами-ответчиками. Объектно-целевое толкование и общие правила толкования международных договоров, закрепленные в Венской конвенции о праве международных договоров, также позволили Суду вполне легитимизировать эволютивный подход в страсбургской системе. Благодаря основам, заложенным преимущественно в Преамбуле Конвенции «отцами-основателями», Конвенция как живой документ сегодня постоянно адаптируется к современным реалиям,

учитывая цели и объект. Этой простой формулой во многом объясняется популярность и долговечность Конвенции.

Для выполнения своих функций Суд не может не применять эволютивное толкование, однако должен делать это разумно и последовательно. Более того, эволютивное толкование является законным, а его использование становится необходимым для легитимности Суда. При эволютивном толковании Конвенции необходимо учитывать также субъективный фактор: толкование дается Судом, состоящим из 46 судей, «каждый из которых “загружен” собственным правопониманием и представлениями о справедливости» [36. Р. 46]. В рамках эволютивного толкования одним из способов преодолеть субъективный фактор является «европейский консенсус», который позволяет Суду основывать свои постановления на «общем знаменателе», т.е. не на личных предпочтениях судей, а на имеющемся консенсусе среди государств-членов по какому-либо вопросу.

Доктрина «живого инструмента» широко признается в качестве уникального инструмента толкования Конвенции. Она занимает видное место в дискуссиях о том, подрывает ли практика толкования Судом его легитимность, когда он изменяет или расширяет сферу основных прав, закрепленных в Конвенции. Доктрина «живого инструмента» представляется совместимым инструментом в контексте государственного суверенитета в международном праве. Независимо от того, использует ли Суд доктрину живого инструмента или, наоборот, использует доктрину поля усмотрения, крайне важно, чтобы он делал это в соответствии с характером и целью Конвенции и при надлежащем уважении государственного суверенитета.

Европейский подход к эволютивному толкованию показывает, что региональная система может – со временем и постоянной приверженностью – развивать свою собственную культуру защиты, черпая вдохновение из лучшего, что могут предложить различные национальные правовые системы и различные культуры. Эволютивное толкование невозможно без активного реагирования на решения Суда на национальном уровне и детального изучения Судом инновационной юридической практики в государствах-членах. Таким образом, это взаимный процесс, при котором для эффективности эволютивного толкования Суд и национальные власти должны между собой взаимодействовать.

Список источников

1. Энциклопедия Европейского суда по правам человека / гл. ред. В. Портнов. М. : Ипра 5, 2018. Т. 1. 468 с.
2. Costa J.-P. Speech given on the occasion of the opening of the judicial year, 25 January 2008. Dialogue between judges 2008. Proceedings of the Seminar 25 January 2008. P. 51. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/speech_20080126_costa_jy_eng](https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/speech_20080126_costa_jy_eng) (дата обращения: 01.09.2023).
3. ECtHR. Violations by Article and by State (1959–2022). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2022_ENG.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
4. Stone-Sweet A., Keller H. Introduction: The Reception of the ECHR in National Legal Orders // A European system of rights: the impact of the ECHR on national legal systems. Oxford University Press, 2008. P. 11–36.
5. Pascual-Vives F. Consenso e interpretación evolutiva de los tratados regionales de derechos humanos // Revista Española de Derecho Internacional. 2014. Vol. 66, № 2. P. 113–153.
6. Howard M. Parliament Must Redefine Human Rights', Daily Telegraph, 23 November 2011; Pinto-Duschinsky M. Bringing Rights Back Home: Making Human Rights Compatible with Parliamentary Democracy in the UK. London: Policy Exchange, 2011.
7. Straw J. Aspects of Law Reform: An Insider's Perspective. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2013. 99 p.
8. Dzehtsiarou K. European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge University Press, 2015. 229 p.

9. Постановление ЕСПЧ по делу Soering v. United Kingdom, no. 14038/88, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, para. 88.
10. Постановление ЕСПЧ по делу Christine Goodwin v UK, no. 25680/94, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, para. 74.
11. Постановление ЕСПЧ по делу Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary, no. 18030/11, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 8 November 2016, para 120–121.
12. Gerards J. *General Principles of the European Convention on Human Rights*. Cambridge University Press, 2019. 274 p.
13. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года) // Сборник международных договоров СССР. М., 1988. Вып. XLII.
14. Постановление ЕСПЧ по делу Golder v. the United Kingdom (жалоба № 4451/70), 21 февраля 1975 года, §§ 21, 40.
15. Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // *European Journal of International Law*. 2010. Vol. 21 (3). P. 509–541.
16. Schmahl S. The European Court of Human Rights—Can there be too much Success? A Comment // *Journal of Human Rights Practice*. 2022. Vol. 14, Is. 1. P. 191–203.
17. Merrills J. *The Development of International Law by the European Court of Human Rights*. Manchester University Press, 1993. 235 p.
18. Постановление ЕСПЧ по делу Mamatkulov and Askarov v. Turkey [GC], nos. 46827/99 and 46951/99, Judgment (Merits) of 4 February 2005, para 121.
19. Dijk P., Godefridus J. H. Hoof. *Theory and practice of the European Convention on Human Rights*. Netherlands : Kluwer Law and Taxation Publishers, 1984. 850 p.
20. Costa J-P. Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights: 'What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention?' Council of Europe. 2011. P. 5. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
21. Tulkens F. Introduction. Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights: 'What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention?'. Council of Europe. 2011. p. 6. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
22. Tripkovic B. A New Philosophy for the Margin of Appreciation and European Consensus // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2022. Vol. 42, № 1. P. 207–234.
23. Sonnleitner L. *A Constitutionalist Approach to the European Convention on Human Rights. The Legitimacy of Evolutive and Static Interpretation*. Bloomsbury Publishing, 2022. 272 p.
24. Постановление ЕСПЧ по делу Tyrer v. United Kingdom (жалоба № 5856/76), 25 апреля 1978 года, § 31.
25. Interview with Judge Egbert Myjer (European Court of Human Rights, Strasbourg, 2009) // Dzehtsiarou K. *European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights*. 2015. P. 186.
26. Постановления ЕСПЧ по делам Loizidou v. Turkey, no. 15318/89, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 23 March 1995, para. 71; Christine Goodwin v. the United Kingdom [GC], no. 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, para. 75; Öcalan v. Turkey, no. 46221/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 12 March 2003, para. 193.
27. Nussberger A. *The European Court of Human Rights*. Oxford University Press, 2020. 256 p.
28. Jacobs F.G. *The European Convention on Human Rights*. Oxford University Press, 1975. 286 p.
29. Sorenson M. Do the Rights set Forth in the European Convention on Human Rights in 1950. Have the Same Significance in 1975. Fourth International Colloquy About the European Convention on Human Rights, Rome, November, 1975.
30. Fan Y. Revisiting ECtHR Interpretation of the ECHR: Living Up to a Living Instrument. FISCAL Policy Brief Series. 2016. № 65. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
31. Webber T. *The European Convention on Human Rights and the Living Instrument Doctrine: an Investigation into the Convention's Constitutional Nature and Evolutive Interpretation: Doctoral Thesis*. University of Southampton. 2016. 340 p. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
32. Letsas G. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Its Legitimacy' // Andreas Føllesdal et al. (eds.) *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context*. Cambridge University Press, 2013. P. 106–141.
33. Dzehtsiarou K., O'Mahony C. Evolutive Interpretation of Rights Provisions: A Comparison of the European Court of Human Rights and the U.S. Supreme Court // *Columbus Human Rights Law Review*. 2013. Vol. 44. P. 309–365.
34. Gürbüz v. Turkey, no. 26050/04, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 10 November 2005, para. 71.
35. Letsas G. The Truth in Autonomous Concepts: How To Interpret the ECHR // *European Journal of International Law*. 2004. Vol. 15, Is. 2. P. 279–305.
36. Ковлер. А.И. Феномен судебного активизма: особые мнения судей Европейского суда по правам человека // *Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека*. 2016. № 2. С. 30–57.

References

1. Portnov, V. (ed.) (2018) *Entsiklopediya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Encyclopedia of the European Court of Human Rights]. Vol. 1. Moscow: Irga 5.
2. Costa, J.-P. (2008) Speech given on the occasion of the opening of the judicial year, 25 January 2008. *Dialogue between judges 2008. Proceedings of the Seminar*. 25 January 2008. P. 51. [Online] Available from: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcjgcllefindmkaj/https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/speech_20080126_costa_jy_eng. (Accessed: 01.09.2023).
3. European Court of Human Rights (ECtHR). (n.d.) *Violations by Article and by State (1959–2022)*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2022_ENG.pdf. (Accessed: 01.09.2023).
4. Stone-Sweet, A. & Keller, H. (2008) Introduction: The Reception of the ECHR in National Legal Orders. In: *A European System of Rights: The impact of the ECHR on national legal systems*. Oxford University Press. pp. 11–36.
5. Pascual-Vives, F. (2014) Consenso e interpretación evolutiva de los tratados regionales de derechos humanos. *Revista Española de Derecho Internacional*. 2 (66). pp. 113–153.
6. Howard, M. (2011) Parliament Must Redefine Human Rights. *Daily Telegraph*. 23 November.; Pinto-Duschinsky, M. (2011) *Bringing Rights Back Home: Making Human Rights Compatible with Parliamentary Democracy in the UK*. London: Policy Exchange.
7. Straw, J. (2013) *Aspects of Law Reform: An insider's perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
8. Dzehtsiarou, K. (2015) *European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge University Press.
9. European Court of Human Rights (ECtHR). (1989) *Judgment of the ECtHR in the case of Soering v. United Kingdom, no. 14038/88, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 7 July 1989, para. 88*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
10. European Court of Human Rights (ECtHR). (2002) *ECtHR judgment in the case of Christine Goodwin v UK, no. 25680/94, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, para. 74*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
11. European Court of Human Rights (ECtHR). (2016) *ECtHR judgment in the case of Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary, no. 18030/11, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 8 November 2016, para 120–121*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
12. Gerards, J. (2019) *General Principles of the European Convention on Human Rights*. Cambridge University Press.
13. Anon. (1988) *Venskaya Konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov* (Вена, 23 мая 1969 года) [Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, 23 May 1969)]. In: Verizhnikova, L.V. & Malova, L.M. (eds) *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [Collection of International Treaties of the USSR]. Vol. 42. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

14. European Court of Human Rights (ECtHR). (1975) *Judgment of the ECtHR in the case of Golder v. the United Kingdom (application no. 4451/70), 21 February 1975, §§ 21, 40*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
15. Letsas, G. (2010) Strasbourg's interpretive ethic: lessons for the international lawyer. *European Journal of International Law*. 3 (21). pp. 509–541.
16. Schmahl, S. (2022) The European Court of Human Rights—Can there be too much success? A comment. *Journal of Human Rights Practice*. 1 (14). pp. 191–203.
17. Merrills, J. (1993) *The Development of International Law by the European Court of Human Rights*. Manchester University Press.
18. European Court of Human Rights (ECtHR). (2005) *ECtHR ruling in the case of Mamatkulov and Askarov v. Turkey [GC], nos. 46827/99 and 46951/99, Judgment (Merits) of 4 February 2005, para 121*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
19. Dijk, P. & Hoof, G.J.H. (1984) *Theory and practice of the European Convention on Human Rights*. Kluwer Law and Taxation Publishers.
20. Costa, J-P. (2011) Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights: 'What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention?'. *Council of Europe*. P. 5. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf. (Accessed: 01.09.2023).
21. Tulkens, F. (2011) Introduction. Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights: 'What Are the Limits to the Evolutive Interpretation of the Convention?'. *Council of Europe*. P. 6. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf. (Accessed: 01.09.2023).
22. Tripkovic, B. (2022) A new philosophy for the margin of appreciation and European consensus. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1 (42). pp. 207–234.
23. Sonnleitner, L. (2022) *A Constitutionalist Approach to the European Convention on Human Rights. The Legitimacy of Evolutive and Static Interpretation*. Bloomsbury Publishing.
24. European Court of Human Rights (ECtHR). (1978) *Judgment of the ECtHR in the case of Tyrer v. United Kingdom (application no. 5856/76), 25 April 1978, § 31*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
25. Myjer, E. (2015) Interview with Judge Egbert Myjer (European Court of Human Rights, Strasbourg, 2009). In: Dzehtsiarou, K. (ed.) *European Consensus and the legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 186.
26. European Court of Human Rights (ECtHR). (2003) *Judgments of the ECtHR in the cases of Loizidou v. Turkey, no. 15318/89, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 23 March 1995, para. 71; Christine Goodwin v. the United Kingdom [GC], no. 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, para. 75; Öcalan v. Turkey, no. 46221/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 12 March 2003, para. 193*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
27. Nussberger, A. (2020) *The European Court of Human Rights*. Oxford University Press.
28. Jacobs, F.G. (1975) *The European Convention on Human Rights*. Oxford University Press.
29. Sorenson, M. (1975) [Do the Rights set Forth in the European Convention on Human Rights in 1950 Have the Same Significance in 1975?] *Fourth International Colloquy About the European Convention on Human Rights*. Rome. November 1975. Rome: [s.n.]
30. Fan, Y. (2016) Revisiting ECtHR Interpretation of the ECHR: Living Up to a Living Instrument. *FISCAL Policy Brief Series*. 65. [Online] Available from: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf. (Accessed: 01.09.2023).
31. Webber, T. (2016) *The European Convention on Human Rights and the living instrument doctrine: an investigation into the convention's constitutional nature and evolutive interpretation*. Doctoral Thesis. Southampton. [Online] Available from: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf. (Accessed: 01.09.2023).
32. Letsas, G. (2013) The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Its Legitimacy. In: Føllesdal, A. et al. (eds) *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context*. Cambridge University Press. pp. 106–141.
33. Dzehtsiarou, K. & O'Mahony, C. (2013) Evolutive Interpretation of Rights Provisions: A Comparison of the European Court of Human Rights and the U.S. Supreme Court. *Columbus Human Rights Law Review*. 44. pp. 309–365.
34. European Court of Human Rights (ECtHR). *Gürbüz v. Turkey, no. 26050/04, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 10 November 2005, para. 71*. Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR).
35. Letsas, G. (2004) The Truth in Autonomous Concepts: How To Interpret the ECHR. *European Journal of International Law*. 2 (15). pp. 279–305.
36. Kovler, A.I. (2016) Fenomen sudebnogo aktivizma: osobyie mneniya sudey Evropeyskogo suda po pravam cheloveka [Phenomenon of judicial activism: dissenting opinions of judges of the European Court of Human Rights]. *Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka*. 2. pp. 30–57.

Информация об авторе:

Оганесян Т.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия). E-mail: t.oganesian@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.D. Oganesian, Cand. Sci. (Law), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.oganesian@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 30.08.2023;
approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/505/27

Криминалистическое исследование страницы в социальных сетях

Александр Борисович Смушкин¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, Skif32@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы криминалистического значения информации, представленной на странице пользователя в социальной сети, а также особенности ее криминалистического исследования. Констатируется глобальный охват социальными сетями населения Земли и приобретение ими многих, не свойственных ранее функций. Подробно анализируется возможность использования различных сервисов и содержания страниц пользователей социальной сети в криминалистических целях.

Ключевые слова: социальная сеть, криминалистически значимая информация, социальный граф, осмотр интернет-страницы, изучение аккаунта

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

Для цитирования: Смушкин А.Б. Криминалистическое исследование страницы в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 246–253. doi: 10.17223/15617793/505/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/27

Forensic investigation of a social media page

Aleksandr B. Smushkin¹

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, skif32@ya.ru

Abstract. In the article, the author considers the issue of extracting criminally significant information from the content of Internet pages on social networks. In the course of the research, general scientific and special research methods were used; methods of formal and dialectical logic, the method of interpretation, etc. It is stated that social networks are widespread in the modern world and the majority of the world's population use them. The article hypothesizes on the content of a wide range of criminally significant information on social networks and on specific user pages. The potential of using social networks for law enforcement purposes is considered, and its active and passive components are stated. The use of social networks to encourage recipients to take certain actions is emphasized as an active component. The passive component consists in studying the information of the social network and further using it during the investigation. Both registration information and autobiographical information, as well as its changes, personal photographs and videos, notes, the social component of the page (friends, indication of relatives and degree of kinship, political views), life credo, etc. should be examined. It is indicated that the additional functionality of a page on social networks (primarily its media objects – marked videos, music, clips, individual photos, pictures, news and entire sites) may in itself be an offense (for example, for crimes of an extremist nature, discrediting a special military operation and the armed forces of the Russian Federation, the spread of pornography, drug propaganda, etc.). In addition, this information can contribute to the compilation of a person's psychological portrait and psycho-profile. Information related to external sources may also be found on the page. So, in some cases, according to the information published on the user's page, it is possible to conclude that a person has registered on certain sites, marketplaces, dating services, etc. The analysis identifies three main ways to study the content of a page on social networks: (1) using the account of the investigator or other persons; (2) using the account of the victim; (3) following a request to the resource administration for access to the page under study. The article discusses in detail the features of using each method. As a conclusion, it is stated that, during the study of the content of the page, two additional factors must be taken into account: (1) on their pages, users post information makes them more interesting, will cause approval or other reaction rather than actual one; (2) fake accounts created for both criminal and legitimate purposes may exist for rather long periods.

Keywords: social network, criminally significant information, social graph, Internet page inspection, account study

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

For citation: Smushkin, A.B. (2024) Forensic investigation of a social media page. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 246–253. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/27

Одним из открытий конца XX в. являются социальные сети. Под социальной сетью понимается «такая платформа, веб-сайт, или сервис, которая предназначена для формирования, организации и визуализации социальных взаимоотношений посредством социальных граф» [1. С. 634].

По охвату они могут быть транснациональными (Facebook, Instagram¹ Twitter и т.д.) или преимущественно национальными (Одноклассники, ВКонтакте, Мой мир и т.д.), универсальными и профессиональными (Мой круг, Linkin ID и т.д.). Они могут быть предназначены преимущественно для общения либо для совместной деятельности, для возможности публичного обнародования своего мнения, фотографии, видео и др.

По данным А.С. Воронкина, в 2019 г. уже около 85% всех пользователей сети Интернет состоят хотя бы в одной социальной сети [2. С. 650]. На начало 2023 г. пользователями той или иной социальной сети являлись, согласно отчету Global Digital 2023, 4,76 млрд человек, что составляет чуть менее 60% от общей численности населения мира. В январе 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 106,0 млн пользователей социальных сетей. Количество пользователей соцсетей в России на начало 2023 г. было эквивалентно 73,3% от общей численности населения. В целом в январе 2023 г. 83,0% всех пользователей Интернета в России (независимо от возраста) обращались как минимум к одной платформе социальных сетей [3].

Получает развитие даже так называемая твиттерная дипломатия, когда обмен дипломатическими нотами или дипломатическая реакция происходит не в реальном мире, а путем публикации в Twitter или другой социальной сети. Конечно, это обусловлено и возможностью (пусть и достаточно условной) «откатить» назад свою публикацию, заявив о взломе аккаунта и публикации мнения, не соответствующего мнению пользователя. Как отметил М.А. Болвачев, «Современные социальные сети позволяют строить обмен информацией в двух основных формах, которые условно можно назвать как «личная» и «публичная». Личная форма обмена информацией реализуется как между двумя участниками, где каждый может как передавать, так и принимать сообщения, так и между несколькими участниками (групповые чаты). Вторая форма обмена информацией представляет собой распространение по принципу «один-многим» путем размещения информации на собственной странице, ее «стене» или ее аналогах. Такие возможности привели к высочайшим темпам роста и проникновения социальных сетей в жизнь человека» [4. С. 209–210].

Как верно отметила Е.А. Кот, «Современная социальная сеть как минимум предлагает следующий набор стандартных сервисов: формирование и сохранение аккаунта с контактными данными; список контактов/друзей; ведение переписки, голосовых сообщений; возможность ограничения общения и блокировки пользователей на своей странице (черный список); место облачного хранения мультимедийных данных пользователя с функцией передачи; RSS – ленты новостей, нового контента, размещенного другими пользователями, или иной обобщенной информации» [5. С. 83].

Многие социальные сети открыто или скрытно собирают информацию пользователя. Например, Facebook² имеет возможность получать данные не только зарегистрированных в нем аккаунтов пользователей, но и со всех сайтов, на которых был избран путь авторизации «через учетную запись Facebook». При этом Facebook будет иметь возможность анализа посещений всех доменов, где был таким образом зарегистрирован человек с учетом временных и геометок. Кроме того, большинство сайтов отслеживают трекинг пользователя через движения курсора, переходы по ссылкам и т.д. К этим данным Facebook также будет иметь доступ и возможность коммерциализации данной информации путем продажи рекламным, политическим и иным агентствам. И если при использовании версии программы для персональных компьютеров возможность отслеживания действий пользователя можно отключить, то что касается мобильных приложений то почти 100% из них используют трекинг, установленный самой платформой по умолчанию. Анализируя данные, имеющиеся в распоряжении данных сетей, можно делать в том числе огромное количество логических выводов с высокой степенью вероятности. С 6 июля 2023 г. компания Instagram, Inc³ запустила еще одну социальную сеть Threads, уже при установке которой на мобильное устройство пользователя безапелляционно предупреждают, что сеть будет собирать информацию о пользовательском контенте, здоровье и фитнесе, финансовую информацию, историю браузера, поисковые запросы, покупки, контактные данные, данные о диагностике устройства, геопозицию, контакты, конфиденциальную информацию пользователя, идентификаторы и иные данные.

По вполне обоснованному мнению Евгения Черешнева, покупка мессенджера WhatsApp и сервиса Instagram выполняла только задачу интеграции потока фотографий, данных пользователей, использующих мессенджер, номеров их телефонов и метаданных, т.е. информации кто с кем общался [6. С. 169]. Данная информация используется компанией прежде всего в целях извлечения прибыли, и коммерциализация этой информации приносит доход, превышающий доход от рекламы и платных услуг в данных сетях.

Потенциал использования этой информации в правоохранительных целях был отмечен уже давно. Так, в США в 86,1% случаях при расследовании преступлений используют социальные медиа [7. С. 56].

Правоохранительные органы и иные организации России также начинают активно использовать социальные сети. Так, судебные приставы, военкоматы активно используют социальную сеть «Одноклассники». В сети Интернет множество примеров розыска уклонистов или должников через социальные сети [8, 9]. При этом иногда используются и фейковые аккаунты с целью организовать встречу.

Кроме такой активной формы использования социальной сети в целях правоохранительных органов, возможна, условно говоря, «пассивная» – исследование информации социальных сетей в криминалистических целях.

Даже если не брать во внимание возможность получения массива монетизируемой информации Facebook, из страниц социальных сетей можно извлечь массу криминалистический релевантных сведений. Так, А.А. Хайдаров приводит пример, когда подозреваемый с помощью анализа аккаунтов сумел доказать, что понятия, участвовавшие в ходе оперативно-розыскного действия, были знакомы с оперативными сотрудниками, проводившими его. Он нашел понятия в категории «друзья» и «родственники» [10].

Е.А. Кот, применительно к расследованию преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду, указывает на возможность выявления и документирования на странице в социальной сети следующей информации:

«1) информации об особенностях личности несовершеннолетнего, его интересах, круге общения, увлечениях, в том числе и при помощи проведения мониторинга социальной активности;

2) информационного образа подростка и его психологической характеристики;

3) информации о динамике поведенческих изменений;

4) информации, позволяющей подтвердить или опровергнуть выдвинутые криминалистические версии о криминальном характере самоубийства несовершеннолетнего» [5. С. 165].

Большинство социальных сетей при регистрации просят ввести хотя бы минимум информации о пользователе: фамилию, имя, отчество, пол, дату рождения, город. Конечно, некоторые аккаунты создаются изначально не в целях общения, даже вообще не в законных целях, и, соответственно, предлагаемая ими информация не может рассматриваться как минимально достоверная. Однако при исследовании можно выделить проверенные, давно существующие, прошедшие фактчекинг, и имеющие разностороннее направление аккаунты. За рубежом используется различный подход к реализации информации социальной сети в уголовном судопроизводстве. В США при идентификации владельца страницы стороны процесса ссылаются на индивидуальные особенности («цифровой почерк») предполагаемого владельца: особенности используемой лексики и эмодзи; ссылки на информацию о личной жизни, известную только владельцу; упоминания содержания поста владельцем аккаунта в личном общении; действия владельца, совершенные в связи с содержанием поста или комментария [11]. В Германии связь может быть доказана через показания свидетелей или экспертизу метаданных [12. С. 728].

В некоторых случаях аккаунты в социальных сетях «привязываются» к адресу электронной почты или абонентскому номеру абонента сотовой связи. Однако, как верно отметил А.А. Рудых, «внедрение процедуры СМС-подтверждения при регистрации аккаунтов в социальных сетях повлекло развитие и внедрение интернет-сервисов, предоставляющих виртуальные номера для обеспечения анонимности процедуры регистрации» [13. С. 29].

При регистрации аккаунта пользователь выбирает имя (ник, никнейм). Этот никнейм может нести элементы фамилии («ИвановСупер») или профессии

(«Злобный препода»). Конечно, ник может быть избран произвольно, например, ник «Милашка» может принадлежать бойцу МБА, но возможность соответствия ника реальной информации должна также быть проверена.

Проверке может подлежать и указанная в анкете автобиографическая информация. По изменению автобиографической информации и статусов (как правило предыдущие статусы сохраняются и могут быть доступны для изучения) можно составить представление об изменениях в жизни человека. Это представление может быть более или менее подробным, зависит от склада характера пользователя, от объема выкладываемой пользователем о себе информации. Как отмечает А.Г. Себякин, «Сегодня в психологии существует целое направление, имеющее название “психология социальных сетей”, занимающееся изучением закономерностей взаимодействия людей в сети. Это достаточно широкое поле, однако в рассматриваемом аспекте интерес представляет психологический портрет пользователя, составленный по информации, хранящейся на интернет-странице социальной сети» [14. С. 162].

Проанализировав рекомендации специалистов по оперативному профайлингу и профайлингу в социальных сетях можно отметить выделение элементов, которые условно можно назвать служебными и личными.

К служебным элементам можно отнести время входа в сеть, количество входов за единицу времени, продолжительность входов, наиболее частое время входа в сеть, географию входов, количество мобильных и компьютерных входов с привязкой к определенному времени суток, паттерны передвижения, места максимального постинга [15. С. 60]. Люди, очень часто заходящие в социальную сеть в течении рабочего дня, характеризуются невротическими акцентуациями. Заходящие в сеть примерно в одно и то же время отличаются эпилептоидной акцентуацией.

При профилировании лиц по страницам в социальных сетях рекомендуется обращать внимание на личные элементы.

1. Имя пользователя. Большинство социальных сетей позволяют указывать произвольное имя. Указание вместо своего имени псевдонима, сокращенного варианта имени, произвольного имени и фамилии может говорить о замкнутом характере владельца страницы, либо о определенной профессии или должности, требующих снижения публичности, либо о создании страницы со строго определенной целью, не подразумевающей публичного раскрытия данных о владельце. Кроме того, как отмечает Е.С. Викарев, «Обычно, использование никнейма наряду с фамилией и именем указывает на потребность пользователя проявить оригинальность, а в некоторых случаях, вычурность. Использование никнейма пользователем может также быть как удовлетворение потребности в частичной смене имени» [16. С. 285].

2. Фотография или аватар. Определяется вид изображения, стиль фотографии или рисунка, цветовая гамма и т.д. Собственное фото на фотографии профиля может сказать об открытости и самодостаточности человека. Однако необходимо обращать внимание на

цветовую гамму, одежду, позу и другие показатели. Использование в качестве основной фотографии ребенка может сказать о акцентуации на детях. Выбор в качестве основной фотографии фото или рисунка животного говорит о ассоциации себя с данным животным, с его основными чертами, или желании быть похожим на это животное. Использование фотографии знаменитости может сказать о том, кто вдохновляет владельца страницы. Использование вымышленных персонажей более характерно для подростков или лиц с наличием некоторого инфантилизма в характере. Фотографии могут также отражать важные для человека ценности и стремления.

3. Иные фотографии на странице. И они могут предоставить большой спектр информации. Множество селфи и остальная часть фотографии едва различима – это может говорить о некотором нарциссизме в чертах характера владельца. Как отмечают А.А. Рыбаков и В.Б. Челпанов, «размещение на личной страничке снимков архитектуры, природы и т.д. не в качестве фона для собственного портрета (без видимого присутствия Я) говорит о восприятии себя не через социальные роли или физический облик, а через свое отношение к миру, склонность к созерцательности, ощущение своего единства с миром и ориентированность на интеллект, духовно ищущий человек с богатым внутренним миром, возможно, свойственна несколько размытая граница между “Я” и “не-Я”» [17. С. 17].

4. Преобладающая цветовая гамма на фотографиях может также открыть некоторые характеристики. Так, Т.А. Газизьянов и З.Р. Мансурова с опорой на разработки М. Люшера отмечают, что «серый цвет чаще выбирают люди при сильной усталости и желании отгородиться от своих проблем, быть свободным от всех обязательств. Синий цвет означает удовлетворенность жизнью, спокойствие, уравновешенность и надежность. Зеленый цвет указывает на твердость, амбициозность и постоянство. Такой человек настойчиво отстаивает свои права и ценности. Преобладающий красный оттенок означает стремление добиваться успеха, жизненную силу и возбужденность. Желтый – жизнерадостность и приподнятое настроение, легкость и в какой-то степени несерьезность. Фиолетовый цвет означает мечтательность, впечатлительность и тонкость характера. Коричневый – цвет спокойного и пассивного человека, означает потребность в физическом спокойствии. Черный цвет выражает идею небытия и окончания жизни. Также черный цвет характеризует отказ и протест против всего окружающего» [18. С. 42].

5. Статусы и публикации пользователя фактически являются отражением его мыслей и эмоционального состояния в определенный момент времени. Даже если статус представляет собой известную цитату или псевдоцитату (например, «девочки – такие девочки»), это может сказать о психологическом состоянии лица в момент выбора подобного статуса. Репосты материалов из иных источников могут сказать о согласии владельца с изложенными мыслями, отобразить увлечения, мотивы человека. При этом следует учитывать ряд выявленных корреляций: «в частности, было установлено что психопатия коррелирует с использованием

политических высказываний, нарциссизм – высказываний о себе, а макиавеллизм – отрицательно с положительными межличностными отношениям» [19. С. 195].

6. Количество и тип друзей на странице пользователя могут сказать о достаточно замкнутом характере и ограниченном круге общения (при малом количестве друзей), либо об открытости человека новым знакомствам, определенной профессии, связанной с широким кругом общения (например, преподаватель), использовании социальной сети с целью нетворкинга, либо целенаправленной «раскрутке» страницы для определенных целей. Однако следует учитывать и мнение Н.С. Козловой, что «большое количество “друзей” в социальных сетях, как и желание завести в виртуальной среде новые знакомства, свидетельствует именно о стремлении к самопрезентации и публичности в интернете. Это, в конечном счете, ведет к развитию истероидных черт и формированию зависимости от социальных сетей» [20. С. 140].

7. Исследование сообществ, в которых состоит человек может сказать не только о его географическом местонахождении, но и о его интересах, стремлениях. Большое количество разноплановых групп может указывать на импульсивность или шизоидность пользователя. Стоит также обращать внимание на период появления однотипных групп или на последовательность их появления. Это может сказать о изменении интересов.

8. Музыка и видео характеризуют характер человека, отражают его внутреннее состояние и потребность следовать тенденциям. Существует корреляция между выкладываемыми на странице музыкальными композициями, не очень обычными для пользователя, и психологическим состоянием в определенный момент. Так, рок с жесткими гитарными рифами, тяжелый метал могут сказать о раздражении, некоторой агрессии. Медитативная музыка – о желании успокоиться, самосозерцании. Готические композиции, появление музыки с негативной тональностью – о расстройстве, возможно, депрессивных состояниях.

Обязательному анализу подвергается конгруэнтность элементов на странице, т.е. насколько одни элементы не противоречат другим, а также конгруэнтность профилей одного и того же лица в разных социальных сетях.

В ходе исследования личных фотоснимков и видео можно выявить определенные события, связи с иными лицами, присутствие в определенных местах, совершение определенных, в том числе преследуемых по закону, действий. В ряде случаев на фотографиях есть указание даты времени или геотеги⁴. Данные обстоятельства могут быть использованы для доказывания алиби или, наоборот, присутствия в определенных местах. Многие современные социальные сети имеют функции распознавания лиц на фотографиях, что также условно может быть использовано в ходе исследования.

Большое криминалистическое значение могут иметь разделы «друзья», «подписки» или аналогичные.

Во-первых, данный раздел может непосредственно использоваться для выявления круга знакомств, связей и т.д. Во-вторых, при использовании аппаратно-программного обеспечения типа «Мобильный криминалист» могут быть получены так называемые социальные графы (социальный граф – это представление пользователей системы в виде математического графа, в котором пользователи являются узлами графа, а ребра графа образуют взаимосвязи между пользователями [21. С. 212].

Данные социальные графы и контакты пользователя вообще могут быть использованы для отслеживания всей схемы социальных и преступных связей человека (особенно при изучении нескольких аккаунтов), а также для выявления ключевых точек данной схемы: руководителей, авторитетных лиц и т.д.

Дополнительный функционал социальных сетей (например, отмеченные видеозаписи, музыка, клипы, отдельные фотографии, картинки, новости и целые сайты) может сам по себе являться правонарушением (например, по преступлениям экстремистского характера, дискредитации специальной военной операции и Вооруженных сил РФ, распространению порнографии, пропаганде наркотиков и т.д.). Кроме того, данная информация может способствовать составлению психологического портрета и психопрофиля лица. Американский исследователь Майкл Козинский с соавт. утверждает, что триада крупных социальных медиа, таких как Facebook, Twitter, YouTube, может помочь определить личность пользователя по основным параметрам в психологии (большая пятерка – big five factor model): экстраверсия, открытость, добросовестность, уступчивость, эмоциональная стабильность [22].

В некоторых случаях по информации, опубликованной на странице пользователя, можно сделать вывод о регистрации лица на определенных сайтах, маркетплейсах, службах знакомств и т.д. Информация в статусах, клипах, музыке, фильмах, новостях и тому подобное может сказать об изменениях в жизни пользователя или в его психологическом состоянии.

Фотографии, размещенные на странице, могут быть использованы для поиска аналогичных и определения аккаунтов пользователя в иных социальных сетях, а также для фотопортретной экспертизы. Имеется масса бесплатных или условно бесплатных сайтов, позволяющих по фотографии, электронной почте, номеру телефона или фамилии, имени, отчеству лица выявить все социальные сети, на которых лицо зарегистрировано (например, сервисы namechk.com, findclone.ru и т.д.). Также существует и ряд платных ресурсов и аналогичных специализированных программ.

М.А. Болвачев отмечает, что социальную сеть необходимо рассматривать как источник ориентирующей информации: местоположение лица (по геотегам фотографий); маршруты его перемещений (по соотношению времени и места фотографий); интересы; текущее эмоциональное состояние (по статусу); место работы или учебы; другая информация, нашедшая отражение в профиле сети. Кроме того, источником информации могут выступать и другие профили, где имела

место публикация материалов, связанных с интересующим лицом или событием [23. С. 69].

Существует всего три основных способа изучения содержания страницы в социальных сетях:

- с использованием аккаунта следователя или иных лиц;
- с входом по учетным данным потерпевшего пользователя;
- с запросом у администрации ресурса доступа к изучаемой странице.

В первом случае для производства осмотра судебного решения не требуется, однако объем информации может быть ограничен только тем, что пользователь выставил публичное пользование только в открытых аккаунтах. Между тем возможны аккаунты привилегированного характера, дающие доступ к дополнительной информации других аккаунтов или закрывающие ряд информации своего аккаунта, дающие возможность использования функции «инкогнито», либо полностью закрытые аккаунты, дающие доступ только ограниченному кругу пользователей. Кроме того, в некоторых социальных сетях фиксируется интерес других пользователей к странице, т.е. ведется учет посетителей страницы. Таким образом, в случае неоднократного посещения страницы посторонним лицом без логичного объяснения возможна потеря внезапности.

Использование для входа аккаунта пользователя требует его согласия, т.е. бесконфликтной ситуации. Однако следует учитывать, что даже потерпевшие не всегда готовы дать неограниченный доступ к своей странице и личной информации, переписке и т.д., не говоря уже о подозреваемых.

Изучение закрытых аккаунтов (закрытых страниц) при отказе пользователя предоставить доступ может быть осуществлено с судебного разрешения. Непосредственно это производится оперативно-техническими подразделениями совместно с владельцем данного ресурса или его техническими службами.

Рассмотрение вопроса доступа к закрытым страницам социальных сетей попадало в фокус исследования различных авторов.

Так А.Г. Себякин полагает, что «в случае, если аутентификационные данные пользователя не сохранены в устройстве, существует возможность сброса пароля для доступа к странице путем направления запроса в службу технической поддержки ресурса на изменение пароля по причине его утери» [14. С. 161].

А.А. Рудых указывает, что у представителей социальных сетей в ходе расследования может быть получена различная информация. «Запрашиваемые сведения об абонентах и пользователях, об IP-адресах и другая техническая информация составляет информационную основу процесса раскрытия и расследования преступления. Вместе с тем известны случаи отказа в выдаче правоохранительным органам необходимой информации под различными предлогами» [13. С. 127].

Разрешить подобные ситуации он предлагает с помощью специальных сетевых сервисов, например информационного бота «Герда» или информационного ресурса «220vk.com».

Следует учитывать, что при исследовании закрытых страниц с судебного разрешения подлежит исследованию и переписка лица. Законодатель отнес осмотры исследования электронных сообщений в сетях электро-связи к группе норм, связанных с арестом и выемкой почтовой корреспонденции. Однако практика правоприменения зачастую рассматривает изучение электронных сообщений в рамках выемки корреспонденции, содержащей охраняемую законом тайну. Так, «Заводской районный суд г. Саратова своим постановлением разрешил изъятие электронных сообщений из электронного почтового ящика путем производства выемки на основании ч. 3 ст. 183 УПК РФ (выемка документов, содержащих охраняемую законом тайну). Данное решение было поддержано апелляционной инстанцией в лице Саратовского областного суда, обосновав свое решение тем, что электронные сообщения электронного почтового ящика являются документами, содержащими охраняемую федеральным законом тайну, их выемка регулируется положениями ч. 3 ст. 183 УПК РФ»⁵. Конечно, в данном постановлении речь идет о электронной почте. Однако нам представляется, что сообщения в социальных сетях защищаются аналогичной нормой о тайне переписки.

Как отмечает А.Н. Калюжный, «Осмотр контента социальных сетей имеет свои тактические особенности, заключающиеся в описании следующего:

а) через какое устройство осуществлялся доступ в сеть Интернет и каким браузером;

б) на какой сайт зашли и адрес данного электронного ресурса, введенного в диалоговую строку;

в) содержание загрузившейся на сайте социальной сети анкеты пользователя;

г) список пользователей, с которыми осуществлялась переписка;

д) содержание просматриваемой переписки, общения, их период и история» [24. С. 118].

Таким образом, криминалистическое исследование социальных сетей дает возможность извлечения криминалистически значимой информации из массива размещенной в данных сетях. Однако при этом необходимо учитывать два дополнительных фактора.

Первый – многие пользователи социальных сетей в силу возрастных факторов или психологической незрелости могут руководствоваться принципом «не быть, а казаться», гнаться за «лайками», публичным одобрением и т.д.

Второй фактор – существование фейковых аккаунтов, более или менее долго развиваемых, полностью или в основном не соответствующих действительности. Они могут быть созданы как с преступными, так и с правомерными целями, но не всегда этичными или подлежащими разглашению. Часто встречается дифференциация себя в реальном и виртуальном мире, и это уже позволяет поднять вопрос о криминалистическом изучении виртуальной личности как элементе участника судопроизводства.

Примечания

¹ Данные социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией в России.

² Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

³ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

⁴ Геотег (geo от греч. γῆ «земля», англ. tag – «ярлык», «этикетка», «бирка»; «метить») – отметка геолокации, присоединяемая к посту или фотографии.

⁵ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 25 января 2018 г. по материалу № 22-211 // Архив Саратовского областного суда.

Список источников

1. Вебер К.С., Пименова А.А. Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2014. Т. 19, вып. 2. С. 634–636.
2. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. № 9. С. 650–675.
3. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России // Web-Canape. 30.01.2023. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Болвачев М.А. Социальная сеть как источник криминалистической информации // Тенденции развития современной юриспруденции : материалы VII Всерос. студ. науч.-практ. конф. Юрид. ин-та Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, Калининград, 19–21 апреля 2019 г. / под общ. ред. О.А. Заячковского. Калининград : Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, 2019. С. 207–213.
5. Кот Е.А. Расследование преступлений, совершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. 326 с.
6. Черешнев Е. Форма жизни № 4. Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта. М. : Альпина Паблишер, 2022. 482 с.
7. Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А. Проблемные вопросы поиска и восприятия информации о человеке в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2, № 4. С. 55–59.
8. Об отслеживании призывников через социальные сети // Московское бюро по правам человека. URL: <http://pravorforf.org/index.php/news/1580-ob-otslezhivani-i-prizyvnikov-cherez-soczialnye-seti> (дата обращения: 05.02.2024).
9. Приставы находят должников в социальных сетях // Гудок. URL: <https://gudok.ru/content/sociaty/869697/> (дата обращения: 05.02.2024).
10. Хайдаров А.А. Использование возможностей социальных сетей и мобильных устройств для защиты адвокатами прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и выявления прокурорами нарушений по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 179–187.
11. Joseph G.P. What Every Judge and Lawyer Needs to Know About Electronic Evidence // Authentication. 2015. Vol. 99, № 2. P. 49–58.
12. Krüger J., Möllers F. Metadaten in Justiz und Verwaltung–Neue juristische Problemkategorien im Rahmen der elektronischen Aktenführung // Multimedia und Recht. 2016. S. 728–731.
13. Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2019. 239 с.

14. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 271 с.
15. Галанова Е.В. Профилирование личности на основе анализа ее аккаунта в социальных сетях // Инновационная наука. 2019. № 2. С. 58–61.
16. Вакарев Е.С. Контент персональных страниц социальной сети как психологический индикатор самопрезентации // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51-1. С. 282–291.
17. Рыбаков А.А., Челпанов В.Б. Анализ личности через профиль соцсетей. Интернет-разведка. М. : АСТ, 2023. 224 с.
18. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. «Оперативная психодиагностика человека по странице социальной сети в деятельности сотрудников ОВД // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 40–43.
19. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2017. Т. 7, № 3. С. 193–210.
20. Козлова Н.С. Количество «друзей» в социальных сетях как отражение психологических особенностей личности // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 45. С. 137–142.
21. Шляга В.С. Использование информации социального графа в системах коллаборативной фильтрации // Вестник Московского государственного университета печати. 2012. № 9. С. 211–216.
22. Farnadi G., Sitaraman G., Sushmita Sh., Celli F., Kosinski M., Stillwell D., Davalos S., Moens M., De Cock M. Computational personality recognition in social media // User modeling and user-adapted interaction. N. Y., 2016. Vol. 26, № 2/3. P. 109–142.
23. Болвачев М.А. Социальная сеть как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 64–71.
24. Калужный А.Н. Тактические основы производства осмотров мобильных устройств и данных контента интернет-ресурсов по делам о посягательствах, направленных на свободу личности // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: проблемы и перспективы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XV. С. 114–118.

References

1. Veber, K.S. & Pimenova, A.A. (2014) *Sravnitel'nyy analiz sotsial'nykh setey* [Comparative analysis of social networks]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki*. 2 (19). pp. 634–636.
2. Voronkin, A.S. (2014) *Sotsial'nye seti: evolyutsiya, struktura, analiz* [Social networks: evolution, structure, analysis]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 9. pp. 650–675.
3. Churanov, E. (2023) *Statistika interneta i sotssetey na 2023 god – tsifry i trendy v mire i v Rossii* [Statistics of the Internet and social networks for 2023 – figures and trends in the world and in Russia]. *Web-Canape*. 30 January. [Online] Available from: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetey-na-2023-god-tsifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>. (Accessed: 05.02.2024).
4. Bolvachev, M.A. (2019) [Social network as a source of forensic information]. *Tendentsii razvitiya sovremennoy yurisprudentsii* [Trends in the Development of Modern Jurisprudence]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference. Kaliningrad. 19–21 April 2019. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 207–213. (In Russian).
5. Kot, E.A. (2022) *Rassledovanie prestupleniy, sovershennykh v seti Internet, svyazannykh s pobuzhdeniem nesovershennoletnikh k suitsidu* [Investigation of crimes committed on the Internet related to inciting minors to suicide]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
6. Chereshnev, E. (2022) *Forma zhizni № 4. Kak ostat'sya chelovekom v epokhu rastsveta iskusstvennogo intellekta* [Form of Life No. 4. How to remain human in the era of the flourishing of artificial intelligence]. Moscow: Al'pina Publisher.
7. Olinder, N.V. & Gambarova, E.A. (2016) *Problemye voprosy poiska i vospriyatiya informatsii o cheloveke v seti Internet i ee ispol'zovanie pri rassledovanii prestupleniy* [Problematic issues of searching and perceiving information about a person on the Internet and its use in investigating crimes]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 4 (2). pp. 55–59.
8. Moscow Bureau for Human Rights. (n.d.) *Ob otslezhivani priyvnikov cherez sotsial'nye seti* [On tracking conscripts through social networks]. [Online] Available from: <http://pravorf.org/index.php/news/1580-ob-otslezhivani-priyvnikov-cherez-soczialnye-seti>. (Accessed: 05.02.2024).
9. Gudok. (n.d.) *Pristavy nakhodyat dolzhnikov v sotsial'nykh setyakh* [Bailiffs find debtors on social networks]. *Gudok*. [Online] Available from: <https://gudok.ru/content/society/869697/>. (Accessed: 05.02.2024).
10. Khaydarov, A.A. (2020) *Ispol'zovanie vozmozhnostey sotsial'nykh setey i mobil'nykh ustroystv dlya zashchity advokatami prav i zakonnykh interesov podozrevaemykh (obvinyaemykh) i vyvavleniya prokurorami narusheniy po ugovolnym delam* [Using the capabilities of social networks and mobile devices for lawyers to protect the rights and legitimate interests of suspects (accused) and for prosecutors to identify violations in criminal cases]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5. pp. 179–187.
11. Joseph, G.P. (2015) What Every Judge and Lawyer Needs to Know About Electronic Evidence. *Authentication*. 2 (99). pp. 49–58.
12. Krüger, J. & Möllers, F. (2016) *Metadaten in Justiz und Verwaltung – Neue juristische Problemkategorien im Rahmen der elektronischen Aktenführung*. *Multimedia und Recht*. pp. 728–731.
13. Rudykh, A.A. (2019) *Informatsionno-tekhnologicheskoe obespechenie kriminalisticheskoy deyatel'nosti po rassledovaniyu prestupleniy v sfere informatsionnykh tekhnologii* [Information technology support for forensic activities in investigating crimes in the sphere of information technology]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
14. Sebyakin, A.G. (2021) *Taktika ispol'zovaniya znaniy v oblasti komp'yuternoy tekhniki v tselyakh polucheniya kriminalisticheskoy znachimoy informatsii* [Tactics of using knowledge in the field of computer technology in order to obtain forensically significant information]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Galanova, E.V. (2019) *Profilirovaniye lichnosti na osnove analiza ee akkaunta v sotsial'nykh setyakh* [Personality profiling based on the analysis of her account in social networks]. *Innovatsionnaya nauka*. 2. pp. 58–61.
16. Vakarev, E.S. (2016) *Kontent personal'nykh stranits sotsial'noy seti kak psikhologicheskii indikator samoprezentatsii* [Content of personal pages of a social network as a psychological indicator of self-presentation]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 51–1. pp. 282–291.
17. Rybakov, A.A. & Chelpanov, V.B. (2023) *Analiz lichnosti cherez profil' sotssetey. Internet-razvedka* [Personality Analysis Through a Social Network Profile. Internet intelligence]. Moscow: AST.
18. Gaziz'yanov, T.A. & Mansurova, Z.R. (2022) *Operativnaya psikhodiagnostika cheloveka po stranitse sotsial'noy seti v deyatel'nosti sotrudnikov OVD* [Operational psychodiagnosics of a person based on a social network page in the activities of internal affairs agencies employees]. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva*. 3 (11). pp. 40–43.
19. Ledovaya, Ya.A., Tikhonov, R.V. & Bogolyubova, O.N. (2017) *Sotsial'nye seti kak novaya sreda dlya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy povedeniya cheloveka* [Social networks as a new environment for interdisciplinary studies of human behavior]. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika*. 3 (7). pp. 193–210.
20. Kozlova, N.S. (2014) *Kolichestvo "druzey" v sotsial'nykh setyakh kak otrazhenie psikhologicheskikh osobennostey lichnosti* [The number of "friends" in social networks as a reflection of psychological characteristics of an individual]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 45. pp. 137–142.

21. Shlyaga, V.S. (2012) Ispol'zovanie informatsii sotsial'nogo grafa v sistemakh kollaborativnoy fil'tratsii [Using social graph information in collaborative filtering systems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta печати*. 9. pp. 211–216.
22. Farnadi, G. et al. (2016) Computational personality recognition in social media. *User Modeling and User-Adapted Interaction*. 2/3 (26). pp. 109–142.
23. Bolvachev, M.A. (2020) Sotsial'naya set' kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya [Social network as an object of forensic research]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 4. pp. 64–71.
24. Kalyuzhnyy, A.N. (2018) Takticheskie osnovy proizvodstva osmotrov mobil'nykh ustroystv i dannykh kontenta internet-resursov po delam o posyagatel'stvakh, napravlennykh na svobodu lichnosti [Tactical principles of conducting inspections of mobile devices and content data of Internet resources in cases of encroachments aimed at personal freedom]. In: Davydov, S.I. & Polyakov, V.V. (eds) *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae: problemy i perspektivy protivodeystviya prestupleniyam, sovershaemym s primeneniem informatsionnykh tekhnologiy* [Criminal Procedural and Forensic Readings in Altai: Problems and prospects for combating crimes committed with the use of information technologies]. Vol. 15. Barnaul: Altai State University. pp. 114–118.

Информация об авторе:

Смушкин А.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: Skif32@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 03.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 03.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.*

Научная статья
УДК 334.025, 346.9
doi: 10.17223/15617793/505/28

Административная превенция в условиях моратория на контрольные (надзорные) мероприятия: состояние и перспективы

Константин Валерьевич Черкасов^{1, 2, 3, 4}, Дмитрий Гарриевич Домрачев⁵,
Алексей Михайлович Переседов^{6, 7}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

^{2, 5} Вятский государственный университет, Киров, Россия

^{3, 7} Российский государственный гуманитарный университет (филиал в г. Домодедово), Домодедово, Россия

⁴ МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

⁶ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Москва, Россия

^{1, 2, 3, 4} CherkasovKV1978@yandex.ru

⁵ zentr-pravo@mail.ru

^{6, 7} peresedov.alexey@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано законодательное регулирование контрольной (надзорной) деятельности в период действующего моратория на контрольные (надзорные) мероприятия. Сделан вывод, что мораторий на плановые (надзорные) мероприятия не приводит к увеличению числа совершаемых нарушений обязательных требований. Сформулированы предложения, направленные на обеспечение приоритетности административной превенции в контрольной (надзорной) деятельности.

Ключевые слова: административная превенция, профилактика, независимая оценка соблюдения обязательных требований, контрольная (надзорная) деятельность, мораторий

Для цитирования: Черкасов К.В., Домрачев Д.Г., Переседов А.М. Административная превенция в условиях моратория на контрольные (надзорные) мероприятия: состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 254–261. doi: 10.17223/15617793/505/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/505/28

Administrative prevention in the context of a moratorium on control (supervisory) measures: Status and prospects

Konstantin V. Cherkasov^{1, 2, 3, 4}, Dmitriy G. Domrachev⁵, Aleksey M. Peresedov^{6, 7}

¹ All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

^{2, 5} Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

^{3, 7} Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch, Domodedovo, Russian Federation

⁴ MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

⁶ Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^{1, 2, 3, 4} CherkasovKV1978@yandex.ru

⁵ zentr-pravo@mail.ru

^{6, 7} peresedov.alexey@yandex.ru

Abstract. The article contains the results of an analysis of the normative legal acts of the Russian Federation regulating public relations in the field of crime prevention in the context of the variability of the concepts of "prevention" and "prophylactic" during the moratorium on planned control (supervisory) measures, as well as measures applied within the framework of the designated institutions. The choice of the topic of the article is due to the presence of a complex gap, which is expressed in the absence to date of the possibility of its applying in control (supervision) measures for an independent assessment of compliance with mandatory requirements (preventive measures), in the implementation of which controlled persons participate. Taking into account the periodic introduction of a moratorium on planned control (supervisory) measures, which are the main tool for detecting violations of mandatory requirements, the inability to apply preventive measures largely prevents both control (supervisory) bodies and controlled persons themselves from assessing the degree of compliance by the latter with mandatory requirements. This problem is due to the fact that the establishment of the possibility of using the designated preventive measures depends on the discretion of the control (supervisory) bodies, which are not directly interested in delegating their powers to the controlled persons. The aim of the study was to identify the trend in how the moratorium on planned control (supervisory) measures affects the number of violations of mandatory requirements. The study took into account that control (supervisory) activities have many directions, including assessment of compliance by controlled persons with mandatory requirements, prevention, identification and adoption of measures provided for by law to curb violations of mandatory requirements, eliminate their

consequences and/or restore the legal situation that existed before such violations occurred. This circumstance determines that control (supervision) includes both compulsory control (supervisory) measures and voluntary preventive measures for controlled persons. To achieve the aim of the study, the authors conducted a formal legal analysis of the provisions of Russian normative legal acts regulating the sphere of preventing violations of mandatory requirements in control (supervisory) activities, and focused on the contradictory approach of the legislator to consolidate the possibility of using preventive measures in control (supervision). When writing the article, the following methods of scientific cognition were used: general scientific (analysis, synthesis, induction, generalization, comparison) and special (interpretation of legal norms, comparative law). The study concludes that the moratorium on planned (supervisory) measures does not lead to an increase in the number of violations of mandatory requirements. At the same time, despite the ban on planned control (supervisory) measures that has already taken place, no federal law on the type of control (supervision) provides for the possibility of replacing planned inspections with preventive measures carried out by controlled persons. In this regard, the authors have proposed ways to solve these problems.

Keywords: administrative prevention, prevent, independent assessment of compliance with mandatory requirements, control (supervisory) activities, moratorium

For citation: Cherkasov, K.V., Domrachev, D.G. & Peresedov, A.M. (2024) Administrative prevention in the context of a moratorium on control (supervisory) measures: Status and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 254–261. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/28

Контрольная (надзорная) деятельность имеет множество различных направлений, в том числе по оценке соблюдения контролируемыми лицами обязательных требований, профилактике, выявлению и принятию предусмотренных законодательством мер по пресечению нарушений обязательных требований, по устранению их последствий и(или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений [1. П. 2, ст. 1; 2. Ч. 1, ст. 1]. Содержание контрольной (надзорной) деятельности, наряду с контрольными (надзорными) мероприятиями, имеющими принудительный характер, составляют превентивные меры, имеющие для контролируемых лиц добровольный характер. Превентивные мероприятия, в свою очередь, образуют административную превенцию нарушений обязательных требований, под которой понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, а также независимых юридических лиц (независимых органов инспекций, саморегулируемых организаций), направленная на предотвращение возможных нарушений обязательных требований при помощи инструментов рекомендательного характера, связанных с устранением причин и условий, способствующих возникновению таких нарушений. Особенность административной превенции в контроле (надзоре) состоит в том, что она находится на стыке публичных и частных интересов. Первые выражаются в минимизации случаев причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (интересам) за счет устранения хозяйствующими субъектами условий и причин, способствующих правонарушениям (влекущих их), а вторые заключаются в снижении государственного вмешательства в сферу экономического интереса контролируемых лиц путем замены принудительных мероприятий превентивными [3. С. 238–239].

Административная превенция как деятельность в качестве своей основной цели ставит предотвращение нарушений обязательных требований, а следовательно, прямо влияет на иные направления контрольной (надзорной) деятельности [4. С. 43]. Это обусловлено тем, что чем больше нарушений обязательных требований будут предотвращены до их совершения, тем меньше таких нарушений потребует выявлять, пресекать, устранять их последствия и т.д.

При этом административная превенция, помимо осуществляемых контрольными (надзорными) органами профилактических мероприятий (информирование, обобщение правоприменительной практики, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, консультирование, самообследование, профилактический визит), по нашему мнению, включает также превентивные мероприятия, проведение которых зависит исключительно от усмотрения контролируемых лиц (страхование рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, признание результатов независимой оценки соблюдения обязательных требований, членство в саморегулируемой организации) [3. С. 239; 5. С. 14]. Учитывая сложный многоаспектный характер административной превенции, который позволяет оказывать значительное воздействие на поведение контролируемых лиц, при надлежаще выстроенной системе превентивных мероприятий, имеющих добровольный характер, применимость и значимость государственного принуждения в рассматриваемом контексте может быть значительно снижена. Данное суждение подтверждается результатами внедрения государственных мер, предпринятых с целью сокращения ущерба, причиненного хозяйствующим субъектам, на этапе распространения новой коронавирусной инфекции, а затем и в период активного введения иностранных экономических санкций, связанных с проведением специальной военной операции.

Так, одной из наиболее эффективных мер поддержки бизнеса в период сложных экономических условий, влекущих существенные трудности, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, является снижение административного давления за счет введения определенных послаблений в части разрешительной деятельности, фискальной нагрузки, а также контрольной (надзорной) деятельности. Впервые мораторий на плановые проверки в отношении малого и среднего предпринимательства был установлен в 2016 г. после дополнения законодательства нормами, предоставляющими контрольным (надзорным) органам возможность по проведению мероприятий, направленных на профилактику нарушений обязательных требований, требований, установленных муниципальными правовыми актами (разме-

щение на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» перечней нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования; информирование юридических лиц, индивидуальных предпринимателей по вопросам соблюдения обязательных требований; обобщение практики осуществления контроля (надзора); выдача предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований) и продлился до 2018 г. включительно [1. Ст. 26.1].

В 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 вновь был установлен запрет на проведение плановых проверок в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства с 1 апреля по 31 декабря 2020 г., за исключением проверок, основаниями для проведения которых являются причинение вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или угрозы причинения такого вреда (ущерба) [6. Ч. 3 ст. 6; 7. П. 7]. При этом полномочия контрольных (надзорных) органов в части применения профилактических мероприятий остались неизменными, что представляется вполне обоснованным, поскольку согласно принципу периодичности административной превенции мораторий на проведение контрольных (надзорных) мероприятий в определенном виде контроля (надзора) не должен влечь прекращение проведения превентивных мероприятий [8. С. 47]. Результаты осуществления контрольной (надзорной) деятельности в период моратория на принудительные меры представляют существенный интерес.

Примечательно, что, несмотря на запрет на проведение плановых проверок, роста случаев причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям не произошло. Это подтверждается статистическими данными о контрольной (надзорной) деятельности, полученными из государственной автоматизированной информационной системы «Управление», согласно которым в 2020 г. наблюдалось не увеличение, а снижение числа внеплановых проверок, основаниями для проведения которых являлось причинение вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или угроза причинения такого вреда (ущерба) [9]. Пожалуй, единственный контрольный (надзорный) орган, в контролируемой сфере которого фиксировалось увеличение в 2020 г. числа внеплановых проверок, проведенных по вышеуказанным основаниям, – Федеральная служба по труду и занятости (далее – Роструд). Однако данный факт можно объяснить особыми обстоятельствами, а именно многократным установлением в 2020 г. нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы [10–13]. Так как такие нерабочие дни изначально устанавливались указом Президента России без каких-либо изменений Трудового кодекса Российской Федерации, работодатели не имели возможности правильно оценить правомерность установления таких дней, и, как следствие, Роструд получал множество обращений от работников о возможном нарушении их прав в результате привлечения к работе в период нерабочих дней. При этом следует отметить, что рост числа проверок, проведенных Рострудом в 2020 г. на основании жалоб граждан, тем не менее, не привел по итогам проверочных мероприятий к увеличению числа фиксируемых правонарушений [9].

Обращений работников в Роструд в 2021 г. о нарушении своих прав было значительно меньше, поскольку населению было разъяснено, что отказ работодателей от предоставления работникам нерабочих дней не противоречит действующему трудовому законодательству. По этой причине, а также с учетом существовавшего моратория на плановые проверки и установление нерабочих дней, в 2021 г. Рострудом было проведено почти в 2 раза меньше внеплановых проверок, чем в 2020 г. [9].

Как можно заметить, несмотря на отсутствие возможности проведения плановых проверок, которые формально направлены в том числе на предотвращение случаев причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, роста числа таких случаев в период действия моратория не произошло. Это обосновывается выявленным отсутствием роста числа внеплановых проверок, которые проводятся контрольными (надзорными) органами на основании обращений (жалоб) граждан, и, как следствие, отсутствием роста случаев совершенных предпринимателями нарушений обязательных требований.

Обозначенная ситуация наглядно демонстрирует эффективность добровольных профилактических мероприятий, а также то, что контролируемые лица могут безопасно вести свою деятельность без регулярных плановых проверок со стороны контрольных (надзорных) органов. Воспринимая отмеченный положительный опыт, а также сложную экономическую ситуацию, связанную с введением санкций ряда иностранных государств, в 2022 г. Правительством Российской Федерации пролонгирован мораторий на проведение плановых проверок и иных плановых контрольных (надзорных) мероприятий, т.е. мер, обеспеченных государственным принуждением [14. П. 1; 15. П. 1, 3]. Данный запрет частично был продлен сначала до 2024 г., а затем и до 2030 г. [16. П. 2; 17. Подп. «д» п. 6].

В этой связи важно обратить внимание на то, что ситуация, при которой осуществлялась отмена плановых контрольных (надзорных) мероприятий с одновременным увеличением числа профилактических мер, не повлекла увеличения внеплановых проверок, основаниями для проведения которых являлось причинение вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или угроза причинения такого вреда (ущерба), наблюдалась не только в 2020 г., но также в 2021 и 2022 гг. [18, 19]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о тенденции, при которой сокращение контрольных (надзорных) мероприятий при одновременном сохранении или увеличении числа профилактических мер не влияет на увеличение числа совершаемых правонарушений. Безусловно, сложные экономические условия, в которых российские предприниматели находятся на протяжении значительного периода времени, не могут являться основанием для освобождения от принудительных контрольных (надзорных) мероприятий, которые формально направлены на защиту охраняемых законом ценностей.

Видится понимание законодателя, что контрольные (надзорные) мероприятия, которые в настоящее время являются основным инструментом контролеров по оценке соблюдения обязательных требований, не

имеют существенной эффективности в вопросе предотвращения случаев причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и в нынешнем виде лишь усиливают административное давление на бизнес. Вместе с тем увеличение интенсивности добровольной профилактики, напротив, оказывает положительный эффект в вопросе снижения числа нарушений обязательных требований.

Обозначенный положительный опыт применения моратория на принудительные контрольные (надзорные) мероприятия, однако, не отменяет того, что как контрольные (надзорные) органы, так и сами контролируемые лица нуждаются в альтернативных инструментах оценки соблюдения обязательных требований, которые позволили бы, с одной стороны, не допустить роста административной нагрузки на бизнес, а, с другой – обеспечить защиту охраняемых законом ценностей и выявление уже совершенных правонарушений. Невзирая на то, что принятие моратория вызвано сложной экономической ситуацией, в которой находится российский бизнес в последнее время, регуляторы не предоставили новых инструментов, с помощью которых контролируемые лица смогли бы получить полную проверку своей хозяйственной деятельности без риска быть привлеченными к административной ответственности, и которые могли бы стать эффективной заменой контрольных (надзорных) мероприятий.

Отметим, с 2021 г. в законодательстве предусмотрено, что в контроле (надзоре) в качестве добровольных мер, наравне с профилактикой, проводятся мероприятия с непосредственным участием контролируемых лиц – независимая оценка соблюдения обязательных требований. Так, от плановых контрольных (надзорных) мероприятий могут быть освобождены контролируемые лица, получившие заключение о подтверждении соблюдения обязательных требований, выданное независимой от контрольного (надзорного) органа и контролируемого лица организацией, аккредитованной в национальной системе аккредитации в форме органа инспекции (далее – независимый орган инспекции), либо состоящие в саморегулируемой организации, заключившей с контрольным (надзорным) органом соглашение о признании результатов деятельности такой саморегулируемой организации.

Данный механизм предполагает, что плановый контроль (надзор) в отношении контролируемых лиц может быть заменен на независимую оценку соблюдения обязательных требований в двух случаях. Во-первых, при заключении между контрольным (надзорным) органом и саморегулируемой организацией, в которой состоит контролируемое лицо, соглашения о признании результатов деятельности саморегулируемой организации в качестве замены контроля (надзора) [2. Ст. 54]. Во-вторых, при получении контролируемым лицом заключения о подтверждении соблюдения обязательных требований в независимом органе инспекции [2. Ст. 55]. Таким образом, освобождение от планового контроля (надзора) выступает стимулом для контролируемых лиц к обращению в адрес саморегулируемой организации (для прохождения проверок со стороны

саморегулируемой организации) и(или) в адрес независимого органа инспекции (для получения заключения о подтверждении соблюдения обязательных требований). При этом важно обратить внимание, что саморегулируемые организации и независимые органы инспекции также являются контролируемыми лицами, поскольку в отношении них также осуществляется контроль (надзор) в части саморегулируемой и(или) аккредитованной деятельности [20. Ст. 7, 14; 21. Ст. 24.3; 22. Ст. 17; 23. Ст. 55.13; 24. Ст. 27]. Это наглядно свидетельствует, что административная превенция осуществляется не только контрольными (надзорными) органами, но и независимыми лицами.

Также в обновленном варианте установлена возможность осуществления превентивных мероприятий, в проведении которых участвуют сами контролируемые лица. Так, предусмотрено освобождение контролируемого лица от проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий в случае заключения таким лицом со страховой организацией договора страхования рисков причинения вреда (ущерба), объектом которого являются имущественные интересы контролируемого лица, связанные с его обязанностью возместить вред (ущерб) охраняемым законом ценностям, причиненный вследствие нарушения контролируемым лицом обязательных требований [2. Ч. 9. Ст. 25].

Механизм заключения договора страхования рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям предполагает, что страховая организация будет осуществлять предварительный и регулярный контроль в отношении контролируемого лица, застраховавшего свою деятельность от риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Страховая организация в данном случае напрямую заинтересована в соблюдении контролируемым лицом обязательных требований и минимизации в его деятельности рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, поскольку это влечет снижение возможности наступления страхового случая и выплаты страхового возмещения. Страховые организации при заключении договора страхования рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям будут стараться максимально минимизировать свои возможные потери от выплаты страхового возмещения, и потому будут проводить тщательную регулярную оценку соблюдения контролируемым лицом обязательных требований с целью недопущения наступления страхового случая. В связи с этим значительную часть контроля (надзора) за контролируемыми лицами, чья деятельность застрахована от рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, осуществляет страховая организация в процессе оказания своих услуг (поскольку это понижает шансы наступления страхового случая и выплаты страхового возмещения), а контролируемые лица заинтересованы в соблюдении обязательных требований (поскольку это означает снижение размера уплачиваемой страховой премии). Стоит заметить, что страховые организации также относятся к контролируемым лицам, так как в отношении них осуществляется контроль (надзор) со стороны государственных контролеров [25. Ст. 30]. При этом

страхование рисков причинения вреда (ущерба) не было отнесено к мероприятиям по независимой оценке соблюдения обязательных требований, что, на наш взгляд, является явным законодательным пробелом, так как превентивная направленность данной меры очевидна.

Несмотря на инновационный и крайне важный характер данных мероприятий, обязательным условием замены планового контроля (надзора) проведением превентивного мероприятия в виде страхования, членства в саморегулируемой организации и(или) получения заключения о подтверждении соблюдения обязательных требований является установление возможности такой замены в федеральных законах, устанавливающих соответствующие виды контроля (надзора) [2. Ч. 9 ст. 25, ч. 1 ст. 54, ч. 1 ст. 55]. Вместе с тем, до настоящего времени ни в одном из нормативных актов не установлена возможность проведения превентивных мероприятий, заменяющих плановый контроль (надзор). Данный факт лишает контрольные (надзорные) органы возможности стимулировать контролируемых лиц к добросовестному поведению посредством замены планового контроля (надзора) на независимую оценку соблюдения обязательных требований и(или) страхования рисков причинения вреда (ущерба). Указанное представляется неоднозначным еще и потому, что плановый контроль (надзор) сегодня, напомним, не проводится в силу введенного моратория на плановые контрольные (надзорные) мероприятия. Все это не способствует повышению добросовестности со стороны контролируемых лиц.

Наличие указанных проблем не только не позволяет реализовать весь потенциал административной превенции за счет профилактических мероприятий и независимой оценки соблюдения обязательных требований, но и в силу законодательных противоречий и пробелов в условиях введенного моратория на контрольные (надзорные) мероприятия не предоставляет контролерам возможности оценить степень соблюдения контролируемыми лицами обязательных требований. В таких условиях контрольные (надзорные) органы остро нуждаются в альтернативных инструментах оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований. Таким инструментом, на наш взгляд, могло бы стать активное применение превентивных мероприятий с участием контролируемых лиц, которые бы позволили контролерам оценивать степень соблюдения обязательных требований на объ-

екте и выдать соответствующие рекомендации и предписания об устранении нарушений обязательных требований. Контролируемые лица также заинтересованы в проведении превентивных мероприятий, поскольку в процессе их осуществления объект контроля (надзора) информируется об обязательных требованиях, предъявляемых к его деятельности, их соответствии критериям риска, основаниях и о рекомендуемых способах снижения категории риска без угрозы быть привлеченным к юридической ответственности. Это позволит, с одной стороны, не допустить роста нарушений обязательных требований, и, с другой стороны, будет стимулировать добросовестность контролируемых лиц и их заинтересованность в проведении превентивных мероприятий.

Разрешение выявленных и рассмотренных проблем возможно при помощи обеспечения приоритета административной превенции в контрольной (надзорной) деятельности контролеров посредством реализации следующих предложений: 1. Установить, что заключение контролируемым лицом со страховой организацией договора добровольного страхования рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям приравнивается к иным формам независимой оценки соблюдения обязательных требований и влечет соответствующие правовые последствия. 2. Определить правительственный (государственный) институт, который будет оценивать эффективность и результативность контроля (надзора), а также наделен правом принимать решение о проведении независимой оценки соблюдения обязательных требований в режиме эксперимента в том или ином виде контроля (надзора).

Логичным видится, что таким институтом могла бы стать подкомиссия по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций федеральных органов исполнительной власти при Правительственной комиссии по проведению административной реформы, которая уже занимается проведением реформы контроля (надзора). Дополнительно предлагается урегулировать процесс принятия решения о проведении независимой оценки соблюдения обязательных требований в режиме эксперимента в том или ином виде контроля (надзора).

Важно, чтобы решение данного вопроса не зависело от усмотрения контрольного (надзорного) органа, уполномоченного на проведение контроля (надзора), где запланировано проведение превентивных мероприятий.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ). 2008. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5792.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс.
3. Черкасов К.В., Домрачев Д.Г., Переседов А.М. Правовая превенция в контрольной (надзорной) деятельности федеральных органов исполнительной власти: понятие и классификация мер // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 236–242. doi: 10.17223/15617793/493/26
4. Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов по предупреждению нарушений обязательных требований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 31–66.
5. Переседов А.М. Административно-правовая превенция в контрольной (надзорной) деятельности федеральных органов исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 246 с.

6. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2022. № 1 (Ч. I). Ст. 67.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.11.2020 № 1969 «Об особенностях формирования ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2021 год, проведения проверок в 2021 году и внесении изменений в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 30.11.2020) // СЗ РФ. 2020. № 49. Ст. 7941.
8. Переседов А.М. Принципы административно-правовой превенции в контрольной (надзорной) деятельности // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 44–47.
9. Отчет «1-контроль» об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля за 2020 год // ГАС «Управление». URL: <https://gasu.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» (ред. от 25.03.2020) // СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (ред. от 02.04.2020) // СЗ РФ. 2020. № 14 (Ч. I). Ст. 2082.
12. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2020 № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (ред. от 28.04.2020) // СЗ РФ. 2020. № 18. Ст. 2875.
13. Указ Президента Российской Федерации от 20.10.2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре–ноябре 2021 года» (ред. от 20.10.2021) // СЗ РФ. 2021. № 43. Ст. 7240.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.09.2021 № 1520 «Об особенностях проведения в 2022 году плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 08.09.2021) // СЗ РФ. 2021. № 37. Ст. 6540.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (ред. от 14.12.2023) // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9388.
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 04.02.2023) // СЗ РФ. 2023. № 7. Ст. 1132.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2023 № 372 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» (ред. от 10.03.2023) // СЗ РФ. 2023. № 12. Ст. 2025.
18. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2021 году // СПС «КонсультантПлюс».
19. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2022 году // СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. I). Ст. 5171.
21. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4417.
22. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5781.
23. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 16; Российская газета. 2023. № 297.
24. Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5792.
25. Закон Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 1993. № 6; СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3241.

References

1. SZ RF. (2008; 2023) Federal'nyy zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" (red. ot 24.07.2023) [On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 (as amended on July 24, 2023)]. SZ RF. 52 (Part I). Art. 6249; 31 (Part III). Art. 5792.
2. Rossiyskaya gazeta. (2022) Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ "O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 25.12.2023) [On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 25, 2023)]. (SZ RF. 2020. № 31 (Part I). Art. 5007). Rossiyskaya gazeta. 297.
3. Cherkasov, K.V., Domrachev, D.G. & Peresedov, A.M. (2023) Legal prevention in the control (supervisory) activities of federal executive authorities: The concept and classification of measures. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 493. pp. 236–242. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/493/26
4. Zyryanov, S.M. & Kalmykova, A.V. (2019) Podkhody k otsenke effektivnosti deyatelnosti kontrol'no-nadzornykh organov po preduprezhdeniyu narusheniy obyazatel'nykh trebovaniy [Approaches to assessing the effectiveness of control and supervisory bodies in preventing violations of mandatory requirements]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 3. pp. 31–66.
5. Peresedov, A.M. (2023) Administrativno-pravovaya preventsiya v kontrol'noy (nadzornoй) deyatelnosti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti [Administrative and legal prevention in control (supervisory) activities of federal executive bodies]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. SZ RF. (2020; 2022) Federal'nyy zakon ot 01.04.2020 № 98-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy" (red. ot 30.12.2021) [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Prevention and Elimination of Emergencies. Federal Law No. 98-FZ of April 01, 2020 (as amended on December 30, 2021)]. SZ RF. 14 (Part I). Art. 2028; 1 (Part I). Art. 67.
7. SZ RF. (2020) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.2020 № 1969 "Ob osobennostyakh formirovaniya ezhegodnykh planov provedeniya planovykh proverok yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley na 2021 god, provedeniya proverok v 2021 godu i vnesenii izmeneniy v punkt 7 Pravil podgotovki organami gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i organami munitsipal'nogo kontrolya ezhegodnykh planov provedeniya planovykh proverok yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley" (red. ot 30.11.2020) [On the specifics of forming annual plans for conducting scheduled inspections of legal entities and individual entrepreneurs for 2021, conducting inspections in 2021 and amending paragraph 7 of the Rules for the preparation of annual plans for scheduled inspections of legal entities and individual entrepreneurs by state control

- (supervision) bodies and municipal control bodies. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1969 of November 30, 2020 (as amended on November 30, 2020)]. *SZ RF*. 49. Art. 7941.
8. Peresedov, A.M. (2021) Printsipy administrativno-pravovoy preventsii v kontrol'noy (nadzornoy) deyatelnosti [Principles of administrative and legal prevention in control (supervisory) activities]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 10. pp. 44–47.
 9. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya informatsionnaya sistema "Upravlenie" [Upravlenie. State Automated Information System]. (n.d.) *Otchet "I-kontrol'" ob osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal'nogo kontrolya za 2020 god* [Report "I-control" on the implementation of state control (supervision), municipal control for 2020]. [Online] Available from: <https://gasu.gov.ru/>. (Accessed: 15.01.2023).
 10. SZ RF. (2020) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25.03.2020 № 206 "Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii nerabochikh dney" (red. ot 25.03.2020) [On the announcement of non-working days in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 206 of March 25, 2020]. *SZ RF*. 13. Art. 1898.
 11. SZ RF. (2020) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.04.2020 № 239 "O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)" (red. ot 02.04.2020) [On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of the new coronavirus infection (COVID-19). Decree of the President of the Russian Federation No. 239 of April 02, 2020 (as amended on April 02, 2020)]. *SZ RF*. 14 (Pt. I). Art. 2082.
 12. SZ RF. (2020) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28.04.2020 № 294 "O prodlenii deystviya mer po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)" (red. ot 28.04.2020) [On extending the measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of the new coronavirus infection (COVID-19). Decree of the President of the Russian Federation No. 294 of April 28, 2020 (as amended on April 28, 2020)]. *SZ RF*. 18. Art. 2875.
 13. SZ RF. (2021) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 20.10.2021 № 595 "Ob ustanovlenii na territorii Rossiyskoy Federatsii nerabochikh dney v oktyabre-noyabre 2021 goda" (red. ot 20.10.2021) [On the establishment of non-working days in the Russian Federation in October-November 2021. Decree of the President of the Russian Federation No. 595 of October 20, 2021 (as amended on October 20, 2021)]. *SZ RF*. 43. Art. 7240.
 14. SZ RF. (2021) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 08.09.2021 № 1520 "Ob osobennostyakh provedeniya v 2022 godu planovykh kontrol'nykh (nadzornykh) meropriyatiy, planovykh proverok v otnoshenii sub'ektov malogo predprinimatel'stva i o vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 08.09.2021) [On the specifics of conducting scheduled control (supervisory) activities, scheduled inspections in relation to small business entities in 2022 and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1520 of September 08, 2021 (as amended on September 08, 2021)]. *SZ RF*. 37. Art. 6540.
 15. SZ RF. (2022; 2023) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 10.03.2022 № 336 "Ob osobennostyakh organizatsii i osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal'nogo kontrolya" (red. ot 14.12.2023) [On the specifics of organizing and implementing state control (supervision), municipal control. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 336 of March 10, 2022 (as amended on December 14, 2023)]. *SZ RF*. 11. Art. 1715; 51. Art. 9388.
 16. SZ RF. (2022; 2023) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 24.03.2022 № 448 "Ob osobennostyakh osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal'nogo kontrolya v otnoshenii akkreditovannykh organizatsiy, osushchestvlyayushchikh deyatelnost' v oblasti informatsionnykh tekhnologiy, i o vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 04.02.2023) [On the specifics of implementing state control (supervision), municipal control in relation to accredited organizations operating in the field of information technology, and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 448 of March 24, 2022 (as amended on February 04, 2023)]. *SZ RF*. 13. Art. 2108; 7. Art. 1132.
 17. SZ RF. (2023) Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 10.03.2023 № 372 "O vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshim silu otdel'nogo polozeniya akta Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 10.03.2023) [On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and recognition of a separate provision of an act of the Government of the Russian Federation as invalid. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 372 of March 10, 2023 (as amended on March 10, 2023)]. *SZ RF*. 12. Art. 2025.
 18. Consultant Plus. (2021) *Consolidated report on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation in 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
 19. Consultant Plus. (2022) *Consolidated report on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation in 2022*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
 20. SZ RF. (2015; 2021) Federal'nyy zakon ot 13.07.2015 № 223-FZ "O samoreguliruemyykh organizatsiyakh v sfere finansovogo rynka" (red. ot 02.07.2021) [On Self-Regulatory Organizations in the Financial Market. Federal Law No. 223-FZ of July 13, 2015 (as amended on July 02, 2021)]. *SZ RF*. 29 (Part I). Art. 4349; 27 (Part I). Art. 5171.
 21. SZ RF. (1998; 2023) Federal'nyy zakon ot 29.07.1998 № 135-FZ "Ob otsenochnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 13.06.2023) [On Appraisal Activities in the Russian Federation. Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998 (as amended on June 13, 2023)]. *SZ RF*. 31. Art. 3813; 25. Art. 4417.
 22. SZ RF. (2009; 2023) Federal'nyy zakon ot 30.12.2008 № 307-FZ "Ob auditorskoy deyatelnosti" (red. ot 24.07.2023) [On Auditing Activity. Federal Law No. 307-FZ of December 30, 2008 (as amended on July 24, 2023)]. *SZ RF*. 1. Art. 15; 31 (Part III). Art. 5781.
 23. Rossiyskaya gazeta. (2023) Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2004 № 190-FZ (red. ot 25.12.2023) [Urban Development Code of the Russian Federation No. 190-FZ of December 29, 2004 (as amended on December 25, 2023)]. (SZ RF. (2005) 1 (Part I). Art. 16). *Rossiyskaya gazeta*. 297.
 24. SZ RF. (2013; 2023) Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 № 412-FZ "Ob akkreditatsii v natsional'noy sisteme akkreditatsii" (red. ot 24.07.2023) [On Accreditation in the National Accreditation System. Federal Law No. 412-FZ of December 28, 2013 (as amended on July 24, 2023)]. *SZ RF*. 52 (Part I). Art. 6977; 31 (Part III). Art. 5792.
 25. Rossiyskaya gazeta. (1993) Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27.11.1992 № 4015-1 "Ob organizatsii strakhovogo dela v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 28.04.2023) [On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation. Law of the Russian Federation No. 4015-1 of November 27, 1992 (as amended on April 28, 2023)]. (SZ RF. (2023). 18. Art. 3241). *Rossiyskaya gazeta*. 6.

Информация об авторах:

Черкасов К.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия); профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (Киров, Россия); зав. кафедрой юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета (филиал в г. Домодедово) (Домодедово, Россия); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российского технологического университета (Москва, Россия). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Домрачев Д.Г. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: zentr-pravo@mail.ru

Переседов А.М. – начальник отдела развития и внедрения отраслевых стандартов в сфере информационной безопасности Департамента обеспечения кибербезопасности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Москва, Россия); преподаватель кафедры юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета (филиал в г. Домодедово) (Домодедово, Россия). E-mail: peresedov.alexey@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), professor, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); head of the Department of Legal Disciplines, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation); professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

D.G. Domrachev, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional, Administrative Law and Legal Support of Public Service, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: zentr-pravo@mail.ru

A.M. Peresedov, head of an office, Department of Cybersecurity, Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); lecturer, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation). E-mail: peresedov.alexey@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2024;
одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 30.08.2024.*

*The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 30.08.2024.*